

Сомадева

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
царевича
НАРАВАХАНАДАТТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Сомадева

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
царевича

➤НАРАВАХАНАДАТТЫ,➤

сына блистательного царя

➤УДАЯНЫ,➤

с прибавлением многих забавных

и к тому же

поучительных рассказов

○ ЙОГАХ И КРАСАВИЦАХ,

○ ХИТРОУМНЫХ ПЛОТНИКАХ

И ○ ОТВАЖНЫХ МОРЕПЛАВАТЕЛЯХ,

○ крестьянах и царях,○ мудрых и глупых,
хитрых и простоватых,

алхимиках и волшебниках,

○ ВОЗДУШНЫХ КОРАБЛЯХ

И ВСЕСОКРУШАЮЩЕМ ОРУЖИИ,

а также с изложением

великого и истинного сказания о битве
между асурами, стоявшими за правду,

и богами,

НЕПРАВЕДНО С НИМИ БИВШИМИСЯ

И (Инд)
С61

Перевод с санскрита, послесловие и примечания

И. Д. СЕРЕБРЯКОВА

Ответственный редактор

В. Г. ЭРМАН

Художник

А. Е. СКОРОДУМОВ

ЧИТАТЕЛЮ — ПЕРЕВОДЧИК

В сверкающей лазури дневного неба или в ночной тьме, при ярком сиянии солнца или под бледным мерцанием юного месяца, ладьей плывущего по звездным волнам, во всех направлениях летят воздушные корабли над Индийским океаном. А он из века в век, из тысячелетия в тысячелетие катит свои сине-зеленые волны. То они плавны и ласковы и о чем-то шепчутся с песком или со скалами, то вдруг вскипают бешеной яростью и мчатся, белогривые, за сотни километров, чтобы, доведя эту ярость до буйного кипения, ударить громовыми раскатами, вышвырнуть на берег могучие корабли, разломать мосты, смыть деревни и затопить города.

Прихотлива и своенравна океанская волна — то бежит она безобидной рябью, то переходит в мерную и спокойную зыбь, то бурно вскипает и, надев белый султан, растет, растет и растет и, буйно проносясь по бескрайнему океану, выплескивается на берег, выбрасывая на песок бесчисленные и причудливые дары глубин.

Так и в другом океане — океане человеческой мысли. Бегут перед глазами читателя «Катхасаритсагары» — «Океана сказаний», рожденного гением кашмирского поэта XI в. Сомадевы, одна за другой волны. И выносит одна из них трагическую эпопею о битве людей с богами, а другая — драматическое повествование о судьбе народного поэта и его творения. А вон бежит еще одна и рассыпается веселыми байками о глупом царе и хитром лекаре, о судьбе, улыбнувшейся крестьянину, анекдотами да побасенками о глупцах и неучах. Или ласково опрокинется на берег плавно бежавшая другая волна и блеснет под солнцем мудрой и всепонимающей улыбкой народной повести.

Так расстилается перед нами океан творческой фантазии народов Индии.

Поднимем же паруса и, укрепив мужество подобно древним индийским мореходам, отправимся в путь! Да сопутствуют тебе, друг-читатель, мудрость народа и радость познания!

КНИГА О МАДАНАМАНЧУКЕ

Те, кто без промедления вкусят сладость океана рассказов, возникших из уст Хары¹, взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор², — а сладость их воистину подобна животворной амрите³, извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана⁴, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов!

ВОЛНА ПЕРВАЯ

Да охранит вас слоноликий⁵, то вверх, то вниз качающий головой, словно отгоняя сонмы злых духов! Слава Каме⁶, непрерывный поток стрел которого заставляет волосы на теле Шивы⁷, слившегося в объятиях с Умой⁸, трепетать от наслаждения!

После того как Нараваханадатта покорил видьядхаров и установил над ними свою власть, где-то по какому-то случаю великие мудрецы и их жены спросили, как он этого достиг. И тогда сам он рассказал о жизни своего отца, царя Удаяны, и о всей своей божественной жизни.

Слушай же теперь этот рассказ!

Заботливо взращиваемый своим отцом, повелителем ватсов, перешагнул Нараваханадатта предел восьмого года.

Царевич вместе со своими сверстниками, сыновьями министров царя Удаяны, одолевал разнообразные науки, наделявшие его необычайной мудростью, и резвился в садах, упражняя свое тело.

Божественная Васавадатта и царица Падмавати с равной любовью по-матерински заботились о нем и днем и ночью.

Славен был великий род, в котором родился Нараваханадатта, и уже с самого младенчества славился царевич добрыми качествами благородной души, а телом гибким подобен был упругому луку.

Его отец, блистательный царь Удаяна, повелевающий народом ватсов, проводил время в суливших быстрое достижение заветной цели мечтах о его свадьбе и всем, что с этим связано.

А тем временем послушаем-ка мы рассказ

о купце Витастадатте, почитавшем Будду, и о его сыне Ратнадатте, презиравшем за это отца

Стоял на берегу реки Витасты⁹ город Такшашила¹⁰, и его белокаменные стены отражались в струях Витасты, словно это во всей красе виднелся сквозь воду блистательный город Пата-
тала¹¹. Правил в Такшашиле раджа Калингадатта, превыше всего почитавший Будду¹², и его подданные в большинстве своем были почитателями Победителя¹³. Сверкающие многочисленными островерхие башни чайтий¹⁴, осыпанные драгоценными камнями, словно говорили, опыненные гордостью: «Нет города, который бы сравнился с Такшашилой!» Раджа не только управлял своими подданными словно отец их, но и подобно наставнику одаривал своей мудростью.

Жил в том городе некий богатый купец, поклонявшийся Будде, а звали его Витастадатта. Был он щедр к буддийским монахам, а его юный сын Ратнадатта презирал за это отца, считая его грешником. Спрашивал его отец: «За что, сынок, ты меня осуждаешь?» И отвечал ему сын с отвращением: «Неправедной вере ты, батюшка, служишь! Отверг ты тройственную веру¹⁵. Ты гонишь от себя брахманов, привечаешь буддийских монахов. Зачем привечаешь ты всех этих из низких каст¹⁶, жадных и обривающих головы лишь ради места в обители, только стыд свой прикрывающих, устремляющихся в любое время к еде, презревших обряды омовения, очищения и другие? К чему тебе этот обычай, которому они следуют?» Возражал ему на это купец: «Не одна вера на белом свете, сынок. Одно дело вера высшая, другое — мирская. Говорят, что вера брахманская отвергает страсти и прочее, открывает истину, являет милость ко всем существам, а не порождает ложные споры о касте. А что до моей веры, то дает она всему существу свободу от страха, и ты не должен порицать ее за пороки, присущие некоторым людям. Никто не спорит, когда нужно помочь, никому из живущих нечего бояться. Вот поэтому и стою я за эту веру. Она учит ненасилию, она дает освобождение — так разве вера моя неправая?» Ничего на это не ответил купцу сын, только еще пуще стал осуждать отца.

Пошел с горя купец к радже Калингадатте, наставнику в

делах веры, и рассказал ему все. А раджа велел привести купеческого сына и, притворившись разгневанным, приказал палачу: «Дошло до меня, что этот сын купеческий — злодей и преступник, и без долгих размышлений его, изменившего родной стране, сегодня же надобно казнить!» Взмолился отец, и тогда раджа на два месяца отсрочил казнь, для того чтобы мог недостойный понять веру. «Когда срок кончится, тогда пусть снова его приведут ко мне», — и, сказав так, поручил он купеческого сына отцу.

Отвел отец того домой. Сын купеческий, перепуганный случившимся, думал: «В чем это я перед раджей провинился? Ведь безо всякой вины через два месяца мне придется умереть!» В таких вот мыслях, без сна и без пищи, проводил он дни и ночи.

Вот проходят два месяца, и снова отец привел его, мертвенно-бледного, к радже. Раджа, увидев его такого немощного, и говорит ему: «Что это ты так ослабел? Я ведь не запрещал тебе есть». Отвечал купеческий сын на это радже: «До еды ли мне было, раджа! С той поры, как услышал я твое повеление казнить меня, все жил в страхе и все думал о том, что вот-вот придется с жизнью расстаться!» Тогда раджа ему сказал так: «Вижу я, сынок, что приговор мой тебя научил бояться за жизнь. Вот так-то и живут все существа, страшась смерти! Есть ли какое иное средство спастись от смерти, кроме веры, скажи-ка мне? Вот и сделал я так, чтобы и веру тебе показать и вызвать желание спастись. Всякий разумный человек в страхе перед гибелью будет искать спасения. Не следует тебе осуждать веру отца»¹⁷. Выслушал его купеческий сын и смиренно ответил: «В вере меня повелитель наставлял, и по его слову все я исполнил. Хочется мне, повелитель, чтобы наставил ты меня, как достичь освобождения!»

Запомнил раджа просьбу купеческого сына и, когда пришел день праздника, дал ему в руки сосуд, до краев наполненный маслом, и так ему сказал: «Возьми эту чашу и ступай по всему городу. Но смотри, сынок, чтобы ни капли из нее не пролилось. Если хоть каплю наземь уронишь, тотчас мои слуги тебе голову отсекут!» Вот так отправил он купеческого сына бродить по городу, а с ним нарядил слуг с обнаженными мечами.

Идет купеческий сын по городу, от страха дрожит, боится каплю пролить и, наконец, обойдя весь город, снова приходит

к радже. Тот, видя, что не пролил масла купеческий сын, спросил его: «Ты видел кого-нибудь, пока по городу шел?» Отвечал на это купеческий сын, молитвенно сложив руки: «Коли правду сказать, божественный, никого я не видел и никого не слышал. Шел я по городу и из страха, что меч может опуститься, все только и думал, как бы не пролить мне масла». Тогда сказал ему раджа: «Ничего ты не видел, потому что думал лишь о том, как бы масла не пролить. Так же надлежит тебе сосредоточиться и на размышлении о высшем. Сосредоточенный человек, отбрасывая всякие внешние проявления, постигает сущность вещей. Того же, кто постиг ее, не поймает карма¹⁸ в свои сети. Вот тебе и совет, как достичь спасения!» Кончил говорить раджа, и упал купеческий сын ему в ноги, поблагодарил и радостный пошел домой к отцу.

Так-то вот раджа Калингадатта наставлял своих подданных.

Была у него жена по имени Тарадатта, и была она из высокого рода. Гордился раджа, подобно тому как гордится хороший поэт своим красноречием, тем, что была она благочестива и добродетельна. Она же, обладательница качеств, достойных восхваления, была подобна амрите и неотделима от раджи, как от луны ее волшебное сияние, и жил он с ней счастливо, так же, как счастливо жил в небесах Индра¹⁹, ваджры²⁰ метатель, со своею супругою Шачи²¹.

А уж раз попал сюда Совершитель ста жертв²², то прослушайте рассказ

о Сурабхидатте, небесной деве

По какой-то причине на третьем небе²³ случился большой праздник, и шел он целых три дня. Отовсюду собрались туда апсары²⁴ поплясать, но не было видно среди них красавицы по имени Сурабхидатта. Мощью своего прозрения увидел Шакра²⁵, как уединилась она в саду с каким-то видьядхаром. Разгневался враг Вритры²⁶: «Ах они, грешники этакие, опьяненные страстью любовной! Одна своевольница о нас и не вспоминает, другой вступил в жилище богов, где его ноги и быть не должно! Однако разве виноват этот бедняга видьядхар? Ведь это она его завлекла сюда своей красотой! Кто

может противостоять ласковым волнам реки Прелести, бегущей в берегах высоких и полных персей? Разве не сразила Шарву²⁷ Тилоттама²⁸, для совершенства красоты которой творец по зернышку, по крупинке отбирал все наилучшее? И разве не бросил Вишвамित्रа²⁹ свое подвижничество при виде Менаки³⁰? И разве не одряхлел Яяти³¹ из-за своей страсти к Шармиштхе³²? Не следует винить юного видьядхара — он ни в чем не повинен, ибо покорен красотой апсары, способной привести к своим ногам все три мира³³. Так что повинна во всем только эта небесная дева, покинувшая богов и удалившаяся в этот сад!»

После таких размышлений, оставив в покое юного видьядхара, Индра, сам совративший Ахалью³⁴, проклял апсару Сурабхидатту: «О грешница, ступай к смертным! Будешь жить ты как дочь человеческая, из чрева рожденная. Лишь исполнение божественное предназначение, снова вернешься ты на небо!» А как раз в эту пору у Тарадатты, супруги раджи Калингадатты, случились месячные и апсара Сурабхидатта, обреченная Шакрой на земное существование, вошла в нее, и благодаря этому стала Тарадатта еще красивее телом. Тогда-то и приснилось царице, будто огонь небесный вошел в ее чрево³⁵. С удивлением рассказала она супругу о чудесном сне, а он, довольный, сказал ей: «Верно, богиня, кто-то из небожителей, обреченный проклятием на земное существование вошел в твое чрево! Ведь все живые существа во всех трех мирах движутся под знаком доброй или худой кармы и соответственно вкушают добрые или худые плоды». «Истинно, — ласково вторила царица радже, когда он кончил говорить, — только от кармы зависит, будет наслаждаться человек добрым или худым плодом! Вот послушай-ка, я тебе расскажу

о царе Дхармадатте и его жене Нагашри

Был когда-то в стране Кошала³⁶ царь, а звали его Дхармадатта, и была у него жена, чтившая мужа, как некое божество, и имя ее было Нагашри. Прозвали ее по всей земле Арундхати³⁷ — „безустанная“, ибо безустанно отражала она все угрозы ее добродетели.

Прошло время, и родилась у царя и царицы дочь, и той дочерью была я. И однажды, раджа, когда была я еще мала, вспомнила вдруг моя матушка о своем прежнем рождении и сказала супругу: „Вспомнилось мне, раджа, мое прошлое рождение: не сказать тебе о нем будет оскорблением нашей любви, а сказать — придется мне умереть. Вот и сокрушаюсь я: не скажу — у тебя сомнение родится, скажу — непременно умру!“ „Милая! — отвечал раджа супруге, — я ведь тоже о своем прошлом рождении вспомнил! Ты расскажешь мне, а я тебе. Чему быть, того не миновать, и никто не может отворотить того, что должно случиться“. Так-то вот подбодренная раджей сказала ему царица: „Коли ты настаиваешь, раджа, поведаю. В этой самой стране в прежнем рождении была я в доме брахмана Мадхавы примерной служанкой. Была я замужем, и звали моего мужа Девадаса. Был он хорошим работником у какого-то купца. Построили мы себе жилье и жили, питаясь тем, что приносил каждый из нас от своего хозяина. А всего-то в доме у нас было чашка да плошка, циновка да веник, да с мужем я — всего три пары. Жили мы мирно, счастливо, без ссор: богов, предков почитали, гостей потчевали, а что от них оставалось — сами съедали. Если бывало что-нибудь лишнее из одежды, отдавали нуждающемуся.

Случился как-то в нашей стране жестокий голод, и денег и еды с каждым днем становилось все меньше. Однажды сидим мы, отощавшие телом, изголодавшиеся, что-то едим, и вдруг явился откуда-то гость, уставший брахман. Отдали мы ему без остатка все, что у нас было, хотя уже сами чуть не умирали. Поел брахман и ушел, а жизнь тем временем покинула моего мужа, будто бы говоря: „Его гостю весь почет, мне же — никакого уважения!“ Тогда сложила я мужу погребальный костер, и, когда взошла на него, спало с меня бремя несчастий³⁸. А потом родилась я в царском доме и теперь твоя жена. Так вот дерево добрых деяний рождает плод, о котором даже и не подумаешь“.

Сказал на это раджа Дхармадатта: „Ведь я-то и был твоим супругом в прежнем рождении, тем самым, что у купца служил. Я и есть тот самый Девадаса. Мне тоже сегодня припомнилось прежнее рождение!“ И тотчас же они, вспомнившие, кем были прежде, и друг другу о том рассказавшие, вознеслись на небо. А раз попали мать и отец мои на небо, то

взяла меня к себе сестра матушки и стала меня кормить-растить.

Была я уже девушкой, когда остановился в нашем доме погостить некий пророк, и тетка велела мне прислуживать ему. Прислуживала я ему старательно, как Кунти³⁹ Дурвасасу⁴⁰, и, довольный моим усердием, наградил он меня — потому и достался мне в мужья такой благочестивый человек, как ты. Добрые плоды получаются, когда веру уважаешь! Вот и я, подобно родителям моим, достигнув царского достоинства, вспомнила о прежнем рождении!»

Выслушав все рассказанное Тарадаттой, так сказал ей высокоблагочестивый Калингадатта: «Верно, порой и небольшая вера приносит большой плод. Послушай-ка старую историю

о семи брахманах, со- жравших корову

Давно это было. В городе Кундина⁴¹ у одного учителя брахмана было в учениках семеро брахманских сыновей. Послал он их однажды к своему богатому тестю попросить корову, ибо был в великой нужде. Вот они всемером, с желудками, ссохшимися от голода, пошли в другую деревню и, как наставник велел, попросили у тестя корову. Тот пожертвовал им одну корову на бедность, но, будучи скупцом, не дал им, голодным, поесть. Взяли они корову и пошли обратно. Замучил их голод, и на полпути попадали они на землю: „Далеко-далеко отсюда дом наставника, а на нас беда свалилась. Нигде здесь пропитания не найти, и жизнь покидает нас. Да и корова в этом безлюдном лесу без воды подохнет, и учителю в том даже малой пользы не будет. Подкрепимся-ка мы ее мясом, а тем, что останется, и наставника спасем, ибо терзает его голод“.

Так пораскинув умом, эти семеро однокашников зарезали корову по всем правилам как на жертвоприношении, сами поели, уделили долю богам и предкам, а что осталось, принесли учителю. Поклонились они ему и рассказали, как все было. А он, узнав от них, согрешивших, всю правду, обрадовался их правдивости и простил их.

Через несколько дней умерли от голода все семеро уче-

ников и тем обрели спасение — благодаря любви к правде, в новом рождении могли помнить о своем прошлом. Как крестьянин, посадив малое зерно и полив его чистой водой, получает от него полный колос, так и все люди из самого малого зерна добродетели, орошаемого водой чистых помыслов, получают добрый плод. Но если, божественная, делают что-либо с нечистым помыслом, то и плод этого будет худой. Послушай-ка, расскажу я тебе еще

о нечестивом брахмане и добродетельном чандале

В стародавние времена в одно и то же время на берегу Ганги жили два человека, совершавшие подвижничество — отказались они от еды. Один из них был брахман, другой — чандала ⁴².

Увидел как-то раз измученный голодом брахман пришедших на берег рыбаков и подумал глупец о них: „Эти подлые рыбаки самые богатые на всем свете. Каждый день ловят и едят столько рыбы, сколько хочется“. Но иначе думал чандала, видя тех же рыбаков: „Тьфу на них! Убивают они живых существ и пожирают их мясо. Что мне смотреть на их подлые лица?“ — с такой мыслью закрыл он глаза и погрузился в созерцание своей собственной души. Оба они — и дваждырожденный ⁴³ брахман и самый последний из рожденных — умерли от голода. Брахмана сожрали собаки, а чандалу унесли волны Ганги ⁴⁴. От недобрых своих помыслов родился брахман там же, в семье рыбака, но, раз совершал он подвиг на берегах священной Ганги, помнил о прежнем рождении. Чандала же, твердый в вере и чистый душой, там же, на берегу Ганги, родился вновь в царском роду и помнил о прежнем своем рождении. Ставший рабом брахман, страдая, терзался, а родившийся царем чандала радовался. Вот и говорю я, что коли корень древа веры здоров и помыслы чисты, то и плод будет здоровым — нет в том сомнения!»

После этого раджа Калингадатта поведал божественной Тарадатте еще одну историю, сказав при этом: «Вот что еще, божественная: сколько души в дело вкладывается, такой и плод будет. Ведь богатство идет следом за добродетелью. Слушай, расскажу я тебе интересную повесть

о царе Викрамасинхе и двух споривших брахма- нах

Есть в стране Аванти прославившийся по всей земле город Удджайини⁴⁵ — жилище Махакалы⁴⁶, сверкающее беломраморными дворцами, подобными вершинам Кайласы, собравшимися для поклонения великому богу⁴⁷. Город подобен беспредельному океану, и, когда сотни армий вступали в него, казались они реками, впадающими в тот океан, а водой в нем был Истинный повелитель⁴⁸, окруженный дружественными ему царями.

Царствовал в Удджайини раджа Викрамасинха — истинный лев доблести, по заслугам так названный, ибо перед ним любой враг становился робкой газелью и не мог противостоять ему. А раз никто не мог противиться славному радже, не было и битв и не мог он показать ни ловкости во владении разным оружием, ни ратной доблести и очень оттого мучился.

Узнав об этом, сказал ему однажды во время беседы министр Амаругупта: „Не трудно царям причинить себе вред, если стремятся они укротить врагов с помощью высокомерия, порожденного или чрезмерной мощью, или упоением от мастерского владения оружием. Так вот, в давние времена асура Бана⁴⁹, возгордившийся тем, что была у него тысяча рук, просил Шиву дать ему для битвы достойного врага. Бог согласился и дал ему в противники самого Вишну⁵⁰, а тот и отсекал асуру все его руки. Потому не сокрушайся, что нет войны! Никогда не следует жалеть, что нет противника! А если хочешь тебе показать, как мастерски владеешь ты оружием, показать свое молодечество, то самое лучшее место для этого — лес. Покажи-ка все это на охоте. Царям надлежит проводить время на охоте, в разных телесных упражнениях и в подобных занятиях, иначе не преуспеть им в военных походах! Хищные звери стремятся опустошить землю, и потому царю следует истреблять хищников. Но и этим занятием нельзя увлекаться сверх меры — страсть к охоте погубила Панду и других царей⁵¹“. Кончил многомудрый министр Амаругупта, и сказал Викрамасинха на это: „Так тому и быть“.

На другой же день покинул он город и отправился на охоту. Всю землю покрыли лошади, пешие воины, охотничьи собаки, и все четыре страны света были оплетены взлетающими сетями и силками, а небо загудело от радостных кликов охотников. Ехал Викрамасинха на слоне, и, когда слон вынес его из города, увидел раджа в пустом храме, в безлюдье, двух людей, стоявших друг подле друга и о чем-то ожесточенно споривших. Поглядел на них раджа, но останавливаться не стал, а поехал в лес охотиться. Вот он мечами пронзает дрыхлых тигров, среди гор-долин тешит слух свой львиным рыком.

Всю землю усеял он семенами своего мужества — сверкавшими словно зерна жемчуга костями львов, истребителей слонов. Вверх и вправо, вниз и влево метались газели, но легко и без промаха разил их раджа одну за другой и радовался всякий раз, как стрела настигала цель. Затемно закончилась охота, и Викрамасинха, все слуги которого утомились, а тетива лука умолкла, поздно возвращался в Удджайини. И у того же храма вновь увидел он тех же двоих, которых видел, отправляясь на охоту.

„Кто эти двое и о чем они так долго спорят? Наверно, они оба — соглядатаи и ведут такой долгий разговор, обсуждая какую-то тайну!“ Рассудив так, велел он своему стражу схватить обоих и связать. Привели их на следующий день во дворец и спросил раджа: „Кто вы такие и о чем вы так долго толковали?“ Тогда один из связанных, попросивших смилостивиться, заговорил: „Да соизволит повелитель выслушать то, что я расскажу. Жил в этом городе брахман Карабхака. Совершил он великое жертвоприношение богу Огня ради того, чтобы родился у него сын-герой, а я, махараджа, и есть сын этого брахмана, изошренного в знании священных вед. Еще был я ребенком, когда умерла моя мать, а за нею и отец, и хоть овладел я науками, но сбился с предназначенного мне пути. И стал я играть в кости да заниматься фехтованием. И то сказать: кто не собьется с пути, если в детстве лишен поучений наставника? Детство мое прошло, и однажды я, опьяненный силой своих рук, пошел в лес метать стрелы. В то же время из города выезжала в паланкине некая жена, окруженная многочисленными служанками. Вдруг откуда ни возьмись примчался слон, порвавший узы, и в ярости кинулся на женщину. В страхе разбежались все ее спутники, вместе с ее

мужем убежали и евнухи — кто куда! При виде этого в смятении возмущенно подумал я: „Что же это все ее покинули, несчастную! Так я же защищу ее от слона, беззащитную! Разве не мужское дело защищать лишенных защиты?“ Кинулся я с воплем на слона, а он, оставив женщину, бросился ко мне. Увел я слона далеко от перепуганной женщины. А когда попался мне на пути большой густой баньян, спрятался я за его висячий ствол⁵² и, так легко сбив слона со следа, спасся, а он искрошил тот ствол в прах.

Тогда поспешил я к женщине и спросил ее, перепуганную, о том, как она себя чувствует. Она же, одолеваемая горем, увидав меня, отвечала: „Что уж говорить об этом, коли отдана я в жены трусу — в такой беде бросил он меня, а сам куда-то сбежал! Возвратилось ко мне здоровье, когда увидела я тебя целым и невредимым. Отныне не он мне муж, а ты, не убоявшийся за свою жизнь, чтобы вырвать меня из пасти смерти!

А вот и муженек мой со слугами явился. Ты ступай пока следом за нами — будет удобное время, скроемся мы куда-нибудь“.

Согласился я на это — хороша она, да и сама отдается. Что из того, что она чужая жена? Таков путь зрелого мужа, не влюбчивого юнца! А тут подоспел муж, умолил простить его, и отправилась она с ним и слугами дальше. Я же шел всю дорогу позади, так, чтобы меня не замечали, и питался тем, что она мне тайно передавала. Красавица, притворяясь, будто после нападения слона все тело у нее ноет и всякая косточка болит, не позволяла мужу даже прикоснуться к ней. Какая женщина, охваченная страстью, испепеляемая пламенем любви, не попытается отомстить? Какая змея, исполненная ядом, не укусит?

Приблизились мы наконец к городу Лоханагара⁵³, где был дом ее мужа, промышлявшего торговлей, и остановились у храма, расположенного вне городской стены. Там-то и встретился я с этим брахманом, и с первого же взгляда почувствовали мы друг к другу привязанность — видно, помнит душа любовь к тем существам, которых любила в прежних рождениях. Поведал я ему свою тайну, а он, выслушав всю историю, вот что говорит мне: „Есть средство тебе помочь, и хорошо, что ты сюда пришел. Есть у этого купца сестра. Полюбила она меня и готова убежать отсюда, забрав свои сокровища.

Если мы это сделаем, то благодаря этому осуществится и тобой желаемое“. Так сказал мне брахман, а сам пошел к жене купца и ее золовке и условился, что и как надлежит сделать.

На другой день, как было условлено, привела та золовка жену купца в храм. Пока мы там были, переодела она своего возлюбленного, а моего друга, в платье жены купца, и, устроив все для нас, пошли они в город в дом купца. Я же с моей возлюбленной, переодетой в мужское платье, пошел прочь от города и после долгого странствия пришел сюда, в Удджайини.

Они в ту же ночь, когда все люди и слуги в доме спали, упившись на пиршестве хмельным, тоже бежали и после трудного и опасного пути тоже пришли сюда. Здесь мы и встретились. Так обрели мы наших юных возлюбленных, золовку с невесткой, полюбивших нас по своей воле. Опасаемся мы, божественный, где-либо поселиться — у кого сердце не тревожится от таких дел? Вот и рассуждали мы про то, где жить нам и чем жить, когда ты, царь, заметил нас издалека, а как увидел, то подумал, что мы соглядатаи и велел схватить нас и связать. Сегодня же божественный изволил спросить, и рассказал я всю нашу историю. Что далее с нами будет, на то воля царя!“ Этими словами и закончил он свой рассказ.

Обратился раджа Викрамасинха к брахманам с такой речью: „Доволен я! Без страха живите в моем городе! Дам я вам достаточно денег“ — и пожаловал им столько, сколько требовалось. Стали жить при нем брахманы вместе со своими супругами.

Таким-то образом цари бывают щедры даже к тем хитроумным, чьи дела не согласуются с добродетелью и чье единственное достояние — дерзость.

Как бы ни назывался этот мир, божественным или небожественным, но всегда и всякий в нем наслаждается плодами своей кармы, порожденной этим или прежними рождениями, доброй или недоброй.

Так что, божественная, и тот огонь небесный, который, как тебе приснилось, проник в твое чрево, непременно не простой огонь, а душа кого-то из небесных жителей, обреченная силой кармы на земное рождение!»

Услышала все это из уст своего супруга божественная Тарадатта и возрадовалась.

ВОЛНА ВТОРАЯ

День ото дня становилось тяжелее бремя царицы Тарадатты, жены раджи Калингадатты, и, когда приблизилось время ей разрешиться, побледневшая, с тревожными глазами, подобна она была восточной стороне неба, на которой вот-вот должен взойти тонкий серп юного месяца. Родила она дочь такой бесподобной красоты, словно творец собрал для ее создания все, что есть прекрасного на свете. Все светильники в покоях Тарадатты потрескивали, как бы говоря: «Ах, почему бы не родить ей сына такой же красоты?!»

Калингадатта же, увидав такую дочь-красавицу, погубившую его надежды на сына, хотя и понимал, что это дитя божественного происхождения, все-таки затосковал о сыне. Ведь дочь — корень горестей, а сын — воплощение радостей! Удрученный, в поисках утешения оставил раджа дворец и пошел в вихару⁵⁴, где стояло множество изваяний Будды. Там сидел нищенствующий монах, окруженный людьми, и проповедовал, и Калингадатта присоединился к слушавшим святое слово.

«Говорят, что в жизни мирской величайший подвиг раздать богатство, ибо того, кто отдает богатство, называют отдающим жизнь — она зависит от богатства. Будда же, чье сердце было преисполнено жалости к другим людям, ради них отдал свою душу, словно был это всего лишь стебелек травы! Что в сравнении с этим богатство? Благодаря такой стойкости и решимости избавился Будда от мирских желаний и, достигнув истинного знания, стал он истинным Буддой⁵⁵. Поэтому надлежит всякому, желающему блага, избавиться от любых соблазнов и стремиться к достижению просветленности. Рассказывают ведь

о семи дочерях раджи

Когда-то случилось так, что у какого-то раджи родились одна за другой семь дочерей и все они были красавицами. Еще совсем юными покинули они родительский кров ради

подвижничества⁵⁶ и стали жить на кладбище. Когда же родичи и свита спрашивали их о причине этого, отвечали девушки так: „Бесполезен мир, и бесполезно тело, подверженное страданиям, а встречи с возлюбленными и все прочие радости — сон мимолетный. Единственный смысл этой жизни в том, чтобы приносить благо другим существам. Потому и решили мы оставить здесь, на кладбище, свои тела, пока они живы, чтобы могли ими питаться пожирающие мясо⁵⁷, — иначе что за смысл в их красоте? Послушайте

о царевице, вырвавшем себе глаз

Жил в стародавние времена один царевич, и не знал он никаких страстей. И хотя был он и юн, и красив, отверг он мирские радости и стал странствующим монахом. Пришлось ему однажды войти за милостыней в дом купца. Увидала его молодая жена купца и восхищенная красотой его глаз, подобных листьям лотоса, спросила: „С чего это ты возложил на себя столь тяжкий обет? Счастлива та женщина, которая любит твоими глазами!“

Только она так молвила, как вырвал он один глаз и протянул ей на ладони, говоря при этом: „Смотри, матушка, на это презренное соединение крови и мяса. Возьми, коли нравится! Таков и другой. Скажи, какой из них милее?“ Когда произнес он такие слова, ужаснулась жена купца и воскликнула: „О, какой невозможный грех на мне — из-за меня ты вырвал глаз!“ На это он ей отвечал: „Не терзайся понапрасну, матушка! Ведь ты помогла мне. А почему, я тебе сейчас расскажу. Слушай

о подвижнике, одолевшем гнев

Давным-давно где-то в красивой роще на берегу Джанави⁵⁸ жил подвижник, мечтавший отвергнуть мир и избавиться от мирских желаний. Вот совершает он подвиги умерщвления плоти, а тем временем приехал туда поразвлекаться некий раджа, окруженный многочисленными женами

и слугами. Напившись и наевшись, уснул раджа, а шаловливые царицы ушли от него и стали бродить по роще. Увидели они в стороне сидящего мудреца, погруженного в размышления, и с любопытством обступили кругом, дивясь его виду: „С чего это он?“ А пока они долго стояли там, проснулся повелитель земли и увидел, что нет около него жен, и стал их повсюду искать. Увидел он, что стоят они вокруг мудреца, и в гневе и ярости ударил того мудреца мечом. Чего не на творит власть, ярость, заносчивость, безумие, хмель каждый сам по себе? Что уж говорить, когда они сливаются воедино!

Ушел раджа, и тогда некая богиня спросила мудреца, раненого, но не проявившего никакого гнева: „Как смел этот грешник тебя оскорбить? Если повелишь, почтенный, я сама его убью!“ Ответил он на это так: „Не делай этого, божественная, он нисколько не помешал мне, а помог. По его милости, достойная, обрел я силу прощать. Кого бы мог я простить, если бы так не случилось? Что же гневаться из-за ущерба, нанесенного этому смертному телу? Ведь брахману следует равно прощать и любимых и нелюбимых“. Такими словами мудреца и его подвижничеством восхищенная богиня исцелила нанесенные мечом раны и исчезла.

Вот так-то, матушка, как раджа стал помощником мудреца, так и ты, оказавшись причиной того, что я глаз вырвал, сделала подвижничество мое еще благочестивее“. Так говорил смиренный монах склонившейся перед ним жене купца и, не обращая внимания на ущерб, причиненный его телу, отправился дальше ради успеха своего обета. „Для чего же еще нужно юное и прекрасное тело, как не для того, чтобы отдать его на благо другому существу, как учат мудрые? — говорили царевны придворным и слугам. — Вот поэтому мы и решили оставить свои тела здесь, на этом кладбище, истинном обиталище счастья, на служение живым существам“. И достигли они в этом самого полного успеха! Не щадят мудрые даже своего тела, — что уж говорить о детях, женах и прочих, которые для них все равно, что трава!»

Вот такие и им подобные поучения наставника слушал Калингадатта целый день и под вечер вернулся домой. Но по-прежнему томила его досада, что родилась дочь. И сказал ему тогда один брахман, состарившийся в его доме: «Что ты, раджа, кручинишься из-за того, что дочь, настоящая жемчужина, у тебя родилась? Дочери-то и в этом мире и в том

много лучше, чем сыновья! Да что за дело им, алчущим трона, заботиться о царях? Они, как пауки, готовы пожрать своего родителя⁵⁹. Ведь Кунтибходжа⁶⁰ и другие цари сумели избавиться от злобного Дурвасаса⁶¹ и ему подобных только благодаря добродетелям своих дочерей, таких как Кунти и другие. Разве может сын доставить такое счастье, как дочь? Соблаговоли послушать, а я расскажу тебе

о радже Сушене и дочери его Сулочане

Жил на горе Читракута⁶² молодой раджа, и звали его Сушена. Был он подобен новому Камадеве⁶³, словно созданному Брахмой-творцом на зло трехглазому Шиве⁶⁴. Разбил он у подножия той высокой горы сад такой небывалой красоты, что затмил он сад богов Нандану⁶⁵. В середине сада был устроен пруд, весь покрытый пурпурными лотосами, словно специально собранными здесь для забав Лакшми⁶⁶, богини счастья. Но не было у раджи жен, достойных его, и гулял он по берегу пруда, спуск к которому был украшен лучшими драгоценными камнями, в одиночестве, без подруги. Однажды случилось так, что пролетала в небесной выси над этим садом Рамбха⁶⁷, красивейшая из дев царства Индры, врага асура Джамбхи⁶⁸, и увидела раджу, одиноко бродившего по саду. Показался он ей воплощением Мадху⁶⁹, бога весны, бродящего в лесу, покрытом распустившимися цветами. „Кто это? — подумала она. — Или, быть может, это сам Чандра⁷⁰, сверкающий серп месяца, низринувшийся на землю в поисках богини счастья, скрывшейся среди лотосов, украшающих пруд? Нет, это, верно, сам бог любви, вооруженный луком из цветов, снизошедший сюда, чтобы пополнить запас своих цветочных стрел. Но где же тогда его спутница Рати⁷¹, божественная страсть?“ И мучимая любопытством Рамбха спустилась с небес, приняла земной облик и приблизилась к радже.

С великим изумлением посмотрел на нее раджа и подумал: „Кто она, эта дева небывалой красоты? Не может быть, чтобы это была земная дева. Ступни ее ног не касаются земли, и не мигают ее очи. Видно, это небесная дева. Заговорить бы с ней, да боюсь — исчезнет! Ведь не любят божественные

девы, когда им открывают страсть“. Пока он так размышлял, она сама с ним заговорила, а вслед за этим и обняла его.

Ну, а после этого раджа долго развлекался с Рамбхой, и она не вспоминала о небесах. Уж если любовь замешалась, кто думает о родине? Якшини, подруги Рамбхи, осыпали всю землю раджи золотом, и страна засверкала подобно вершинам священной горы Меру⁷². Со временем понесла Рамбха под сердцем и родила дочь, такую красавицу, какой еще свет не видел. Когда же Рамбха родила, сказала она радже: „Освободилась я теперь от проклятия, тяготевшего надо мной. Я — Рамбха, апсара, небесная дева, полюбившая тебя с первого же взгляда. Теперь я, разрешившись от бремени, возвращаюсь на небо — таков наш закон... Ты же береги нашу дочь. Когда настанет время ее свадьбы, мы с тобой обязательно встретимся на небесах“. С этими словами апсара Рамбха вопреки своей воле исчезла. От горя раджа был готов покончить с собой.

„Разве Вишвамित्रа⁷³ покончил с собой, когда апсара Менака родила ему Шакунталу⁷⁴, а сама улетела на небо?“ — уговаривали его министры. Согласился с ними раджа и стал растить дочь в надежде на будущую встречу с возлюбленной. Очень он заботился о дочери, и росла она совершенной красавицей, и так как особенно прекрасны были у нее глаза, то дал он ей имя Сулочана, что значит „прекрасноглазая“. Когда же достигла она юности, увидел однажды ее гуляющую в саду Ватса⁷⁵, сын пророка Кашьяпы⁷⁶. Увидел этот подвижник царевну — а нужно сказать, что был он знатоком в делах страсти и любви, — и подумал: „О, как прекрасна эта девушка! Если не станет она моей женой, то что за польза в моем подвижничестве?“. И от таких мыслей о Сулочане запылал он страстью, словно огнем, лишенным дыма. А она, охваченная жадой любви, при виде юноши подумала: „Кто бы мог быть этот красивый и невозмутимый юноша с четками и чашей подвижника?“ И, словно избирая его в мужа, подошла она к нему и быстрым взглядом своих очей, подобных голубым лотосам, окинув, точно оплетя венком, все его тело, поклонилась ему. Он же, душа которого была во власти велений Манматхи⁷⁷, всесильного бога любви, — ведь перед ним бессильны и боги и асуры, — встретил ее словами: „Избери себе супруга!“ Тогда она, стыд которой был похищен его несравненной красотой, обратилась к юному подвижнику с

такими словами: „Коли не в шутку ты хочешь жениться на мне, следует тебе спросить моего отца — только он может отдать меня тебе в жены“. Расспросил он ее тогда о родных да о роде, пошел к радже Сушене и попросил отдать ему Сулочану в жены. Посмотрел раджа на него, подвижничеством и скитаниями донельзя истощенного, угостил его, как положено угощать гостя, и заговорил: „Дочь моя, почитаемый, родилась от апсары Рамбхи, и, как только выйдет она замуж, тотчас же после ее свадьбы встречусь я на небесах со своей возлюбленной. Так говорила мне Рамбха, когда возносила на небо. А как это должно случиться, тебе об этом надобно подумать!“ Выслушал раджу юный подвижник и стал размышлять: „Разве не оживил мудрый Руру⁷⁸ апсару Прамадвару⁷⁹, дочь Менаки, укушенную змеей, отдав половину своей жизни? И разве не взял Вишвамित्रа на небо живым охотника Тришанку⁸⁰? Почему бы мне не воспользоваться моим подвижничеством?“ А затем сказал: „Что же, это не трудная задача!“ И взмолился: „О боги, возьмите долю моего подвижничества, и пусть этот раджа живым попадет на небо и соединится там с Рамбхой!“ И только он это сказал, как все находившиеся в палатах ясно услышали голос с небес: „Пусть так и будет!“

После этого отдал раджа дочь свою подвижнику Ватсе, сыну мудреца Кашьяпы, в жены, а сам вознесся на небо, и там стал он богом и счастливо жил с Рамбхой, приближенной Шакры⁸¹, наслаждаясь небесным блаженством.

Вот так раджа Сушена достиг награды благодаря дочери. Случается, что в семьях таких, как твоя, получают рождение небесные девы из-за какого-нибудь проклятия. Вот и родившаяся у тебя дочь тоже какая-нибудь божественная дева, над которой тяготеет проклятие. Так что не горюй, владыка, из-за того, что родилась в твоей семье дочь!» Обрадовал раджу Калингадатту этот рассказ старого брахмана, и дал он своей дочери, подобной юной луне и доставляющей усладу глазам, имя Калингасена. И стала царица Калингасена расти в отцовском доме, резвясь со своими сверстницами по дворцам да по палатам, по садам да по лесам, словно игривая волна океана младенчества.

Пролетала однажды над дворцом Сомабрахма⁸², дочь асура Мая⁸³, и увидела, как играла на крыше Калингасена. Восхищенная ее красотой, способной сокрушить сердца мудрецов, Сомабрахма почувствовала к Калингасене дружеское распо-

ложение и подумала: «Кто бы это был? Уж не Луна ли? Но почему это не померкла в сиянии дня ее красота? Если же это Рати, то где же Кама? Нет, это, верно, какая-нибудь небесная дева, чьим-то проклятием обреченная родиться на земле, в семье раджи. Кажется мне, что дружила я с ней в прежнем рождении, и потому говорит мне сердце, преисполнившееся привязанности к ней, что снова должна я избрать ее себе в подруги».

Так рассуждала Сомабрахма и, чтобы не испугалась девочка, незаметно спустилась с небес и, приняв облик земной девушки, осторожно подошла к ней. А Калингасена, видя ее, удивилась: «Кто такая эта необыкновенная красавица? Верно, царская дочь пришла ко мне. Будет она мне подругой» — и, почтительно приветствовав, обняла Сомабрахму, усадила с собой и спросила, как ее имя и какого она рода. «Подожди, — отвечала ей Сомабрахма, — все тебе расскажу!» И завязалась у них беседа, и, чем больше они говорили, тем больше росла их дружба и крепче были объятия.

Сказала подруге Сомабрахма: «Ты, подружка, царевна, а с детьми царского рода дружить трудно. Из-за малой малости могут они разгневаться сверх всякой меры! Вот послушай, расскажу я тебе

о царевиче и купеческом сыне

Некогда правил в городе Пушкаравати⁸⁴ царь Гудхасена, и был у него единственный сын, и поэтому что бы сын ни делал — доброе ли, плохое ли — не мог отец ему перечить. Вот однажды, гуляя в саду, встретил царевич юношу одних с ним лет и похожего на него, сына купца Брахмадатты, и решил сразу подружиться с ним. Быстро завязывается дружба, идущая из прежних рождений. А их дружба стала еще и такой, что не могли они вынести даже минуты, чтобы не видеть друг друга. Не мог царевич ничему радоваться, не поделившись этой радостью с другом.

Однажды, когда была уже подготовлена свадьба его друга, отправился царевич в город Ахичхатра⁸⁵ на свою свадьбу. Вот взобрался он вместе с другом на слона и, сопровождаемый воинами, отправился в путь, а вечером остановились они

на берегу реки Икшумати⁸⁶. Взошел месяц. Напились они, наелись, улеглись, и царевич по просьбе своей кормилицы стал рассказывать сказку. Но только началась она, как он сам и кормилица от усталости, сытости и хмеля уснули. Друг же его, сын купца, из любви к нему продолжал бодрствовать. И когда все уснули, то почудилось ему, будто доносится с небес тихая женская беседа: „Что же это? Уснул этот грешник, так и не досказав сказку. Вот я уж его прокляну. Увидит он поутру, когда проснется, ожерелье и если возьмет его, то оплетется оно вокруг горла и задушит до смерти“. Кончила одна, и тотчас же заговорила другая: „А если от этой смерти уйдет, увидит он по дороге манговое дерево и, отведав его плодов, тотчас же расстанется с жизнью“. Кончила она, и заговорила тогда третья: „А если и от этой смерти уйдет, то, когда будет входить в дом, где свадьба назначена, крыша обвалится и убьет его“. Кончила третья, и заговорила тогда четвертая: „А если и этого избежит, то, когда будет входить в спальню и чихнет сто раз и если никто ему не скажет „Будь здоров!“, тут ему и смерть придет. Если же кто-нибудь все это слышал и, чтобы защитить царевича, расскажет ему обо всем, то и тому смерти не миновать“. На том и умолкла.

Все слышал купеческий сын, и поразило его слышанное, как яростный удар грома. Крепко задумался он, преисполненный дружбы к царевичу: „Чтоб ему, этому недосказанному рассказу! Собрались его послушать из любопытства какие-то незримые божества и теперь сыпят на царевича проклятия! Если он погибнет, что мне жизнь?! Нужно найти какое-нибудь средство уберечь его, даже если самому придется умереть! Нельзя ему рассказать о том, что я услышал, — не миновать мне тогда беды!“ В таких думах кое-как скоротал ночь купеческий сын.

Когда же настало утро, проснулся царевич, и снова двинулись они в путь. Вот увидел царевич на дороге ожерелье и захотел его поднять, но сын купца остановил его словами: „Не следует, друг, брать это ожерелье. Это обман. Почему же иначе никто из воинов его не заметил?“ Послушался его царевич, и продолжили они путь свой. Затем на дороге заметили они манговое дерево, и захотелось царевичу отведать его плодов. Снова друг отговорил его. Зародилась у того в сердце обида. А когда они прибыли к дому тестя, то и здесь не дал купеческий сын царевичу войти в дом, где тот должен

был отпраздновать свою свадьбу. И пока уговаривал он царевича не входить в дом, обрушилась крыша. Еле-еле избавились они от опасности. Успокоился немного царевич. Наступила ночь, и пошел царевич с женой в опочивальню, а там уже спрятался к тому времени сын купца. Стал царевич чихать и чихнул сто раз подряд, а купеческий сын, притаившийся под его ложем, на всякий чих приговаривал: „Будь здоров!“, „Будь здоров!“ Когда же кончил царевич чихать, обрадовался купеческий сын и вышел из покоя. Да на беду, заметили его царевич с женой, и пришел царевич в гнев, заставивший забыть его о дружбе с купеческим сыном, — повелел он воинам, стоявшим на страже у его дверей: „Этот злодей тайком прокрался в мои покои. Свяжите его и держите, а утром надлежит его казнить“! Схватили стражники купеческого сына. А когда поутру вели они его на казнь, обратился он к ним: „Прежде отведите меня к царевичу, поведаю я ему о причине того, что случилось, а потом уж и казните меня!“ Сказал он им так, а они пошли и рассказали о том царевичу. Тот же, как советники и другие люди ему посоветовали, велел привести к нему купеческого сына. И когда привели его, рассказал он царевичу всю историю. Вспомнив о том, как обрушилась крыша дома, посчитал царевич все за правду и на радостях отменил казнь. Вернулись они в свой город и там устроили свадьбу купеческого сына, и, восхваляемый за свою преданность всеми жителями, жил он счастливо, как и должно тому быть.

Так-то вот царевичи, не понимая своего блага, могут в безрассудстве погубить своего друга, подобно тому как обезумевший слон способен растоптать своего корняка⁸⁷. Разве можно дружить с веталями⁸⁸, беззаботно уничтожающими жизнь! Поэтому, царевна, никогда не оскорбляй моей к тебе дружеской любви». А после этого рассказала Калингасена Сомпрабхе историю про то, как дочь брахмана обманула пишачу и исцелила отца от болезней, но от этого забавного и интересного рассказа обе они зарделись стыдливым румянцем, ибо было в нем и непристойное. Так говорили они, а повелитель дня⁸⁹ уже вступил на вершину горы Заката⁹⁰, и Сомпрабха поспешила к себе домой. Взвилась она в воздух и улыбнулась на прощание подруге, уже ждавшей нового свидания. Калингасена же, вернувшись к себе, стала раздумывать, кем бы могла быть ее подруга: «Не знаю, то ли из сид-

дхов⁹¹ моя подруга, то ли апсара, дева небесная? А может быть, она из племени видьядхаров, живущих в воздушном пространстве? Раз может она двигаться в небесной вышине, значит, она божественного происхождения. Но разве могут дружить небесные девы с земными? Однако разве не дружила дочь царя Притху⁹² с божественной Арундхати⁹³? И разве не благодаря этой дружбе сумел Притху провести Сурабхи⁹⁴, корову, исполняющую желания, с небес на землю? И разве не смог Притху, пивший молоко Сурабхи, снова попасть на небо? И разве не от Сурабхи повелись коровы на земле? Счастливица я! Ведь видно ради какого-то благодатного свершения в будущем стала эта божественная дева моей подругой. Вот как придет она утром, хорошенько порасспрошу я ее о роде и об имени». В таких мыслях провела всю ночь царевна Калингасена, а Сомапребха в своих покоях скоротала ночь в мечтах о завтрашней встрече с Калингасеной.

ВОЛНА ТРЕТЬЯ

На следующее утро Сомапребха снова прилетела к Калингасене, взяв с собой, чтобы развлечь царевну, бамбуковую корзинку, полную всевозможных кукол, которые могли двигаться. Калингасена же, увидев, что ее подруга снова пришла, от радости расплакалась и, обняв и усадив ее, сказала: «Ах, подружка, не видя твоего лица, подобного полной луне, подумала я, что ночь не из трех, а из ста страж состоит. Не знаешь ли ты, встречались ли мы в прежних рожденьях и не потому ли теперь мы подружились, что прежде встречались? Скажи, коли знаешь». Так ответила царевне Сомапребха: «Нет у меня такого знания, и не помню я прежних своих рожденьий. Уж если не знают про такое мудрые пророки, как я знать могу? Ведь если кто знает о своих рожденьях, то открыта ему тайна прежних рожденьий и других людей».

Тогда спросила с любопытством Калингасена отвечавшую ей с любовью, искренностью и нежностью Сомапребху:

«Скажи мне, подружка моя, от какого отца родилась ты и какой божественный род, как жемчужина раковину, украсил он собой? И каким наполняющим мир сладостным звучанием, счастливица, именем наречена ты? И зачем принесла ты с собой эту бамбуковую корзинку и что в ней?» И тогда, выслушав почтительную просьбу Калингасены, стала Сомапрахба рассказывать ей все по порядку

об искусном и славном асуре Мае

«Во всех трех мирах славится имя асура Мая, который, презрев обычай асуров, искал покровительства Вишну⁹⁵. Пожаловал ему Вишну дар бесстрашия, и построил Май для Индры, несущего ваджру, дворец. Разъярились дайтьи⁹⁶ и асуры, увидев, что принял он сторону богов. Опасаясь их, построил он в Виндхийских горах недосягаемый для асуров волшебный замок, полный вещей, и удивительных и непостижимых.

Было у Мая две дочери. Старшая, давшая обет безбрачия, звалась Сваямпрабхой. Она хозяйничала в доме. А младшая, нареченная Сомапрахбой, — я, твоя подруга. Отдали меня в жены Налакубаре, сыну Куберы⁹⁷, подателя богатств. Научилась я от отца разным чудесным вещам и, чтобы доставить тебе радость, принесла эту корзинку, полную забавных двигающихся кукол»⁹⁸ — и с этими словами открыла Сомапрахба корзинку и показала подруге множество деревянных кукол. Подчиняясь малейшему движению ее руки, одни из них возносились в небо и тотчас возвращались, держа в руках цветочные гирлянды, другие несли воду, третьи плясали, четвертые рассказывали занятные истории и что еще только куклы не делали! Так поразвлекала она ими Калингасену, а потом снова бережно уложила их в корзину. Затем, попрощавшись с Калингасеной, умчалась она снова небесной дорогой к себе домой служить мужу своему, а царица так обрадовалась всему виденному, что целый день ничего не могла есть от великой радости. Заметила ее мать, что ничего-то она не ест, и встревожилась — не заболела ли дочка. Призвала она лекаря Ананда. Осмотрел он царевну как следует и сказал:

«Это она от радости голодает, не от болезни. Об этом мне сказали ее веселые глаза, смеющееся лицо». Выслушав это, спросила мать дочку, что, мол, случилось, и та ей обо всем рассказала! Поздравила мать Калингасену с такой достойной подругой и велела приготовить хорошее угощение.

На другой день снова прилетела Сомабрахма и, узнав постепенно обо всем, сказала Калингасене: «Мой муж наделен даром всеведения. Рассказала я ему о тебе, и разрешил он мне бывать у тебя. Ты попросись у отца с матерью со мной погулять, и тогда мы спокойно пойдем». Взялись они тогда за руки и пошли к отцу и матери Калингасены. Рассказав сначала о роде-племени подруги, показала Калингасена Сомабрахму радже Калингадатте и матушке своей Тарадатте. Они же, видя, что Сомабрахма такова, как о ней рассказала им Калингасена, возрадовались. И, выказав подруге дочери свою приязнь, угостили ее как дорогую гостью, и движимые любовью к дочери, сказали так красавице из рода великого асура: «Милая, тебе поручаем Калингасену. Теперь подите, девочки, и играйте, как вам хочется!» И обе подружки, получив разрешение, ушли. Сомабрахма взяла бамбуковую корзинку с куклами и стали они с подружкой бродить по дворцу, пока не дошли до вихары, построенной царем.

Взяла Сомабрахма движущегося якшу и своим волшебным искусством заставила его принести все нужное для поклонения Будде. Тотчас же помчался якша по небу и, проделав далекий и трудный путь, принес лотосы из золота, усыпанные драгоценными камнями и жемчугом. Совершив всем этим приношение, усыпала Сомабрахма фигуру Будды цветами.

Узнали об этом раджа и рани⁹⁸, пришли к девочкам и очень удивлялись, и стал раджа Калингадатта расспрашивать о движущихся куклах. Стала Сомабрахма ему объяснять: «Эти все, раджа, и многие другие волшебные устройства сделаны были моим отцом. Есть среди них такие чудесные устройства, которые представляют весь мир, созданный из пяти элементов¹⁰⁰. Слушайте, расскажу я вам о каждом из них. Первое называлось „Земля“, и если дверь или окно в нем закрывалось, то никто другой, кроме отца, открыть его не мог. Другое называлось „Вода“, и казалось, словно это настоящая вода колыхалась. Было и другое, называвшееся „Свет“, испускало оно яркое сверкание. Четвертому имя было „Воздух“, и если оно действовало, то все начинало двигаться, а пятое —

„Небо“, и, когда оно работало, казалось, будто кто-то говорит в небесном пространстве. Я научилась от отца управлять всеми этими устройствами. Но вот устройством „Защитник амриты“¹⁰¹ только отец может управлять, и никто другой этого секрета не знает.

А пока слушали раджа и рани рассказ Сомабрахми об этих волшебных устройствах, наступил полдень и воздух наполнился звуками раковин. Когда же пригласил раджа Сомабрахму отведать угощения, сказала она, что пища ей нужна другая, и, испросив у него позволения, взяла Калингасену и на воздушном корабле с хитроумным устройством отправилась небесной дорогой в родительский дом, стоявший в Виндхийских горах. Вскоре прилетели они к старшей сестре Сомабрахми — Сваямбрабхе, и привела она к той Калингасену.

Увидела Калингасена Сваямбрабху, давшую обет безбрачия, с распущенными волосами, с хрустальными бусами на шее, одетую в белое одеяние, смеющуюся, словно Парвати, предпринявшая ради торжества любви жестокий подвиг, убивающий любовь¹⁰². Сваямбрабха приветливо приняла склонившуюся перед ней царевну, о которой рассказывала ей Сомабрахма, и угостила ее плодами. «Отведай, подружка, этих плодов, и никогда не коснется тебя старость, убивающая красоту, как холодный дождь лотосы. Для того я из любви к тебе и просила принести их», — посоветовала царевне Сомабрахма. Попробовала их Калингасена и почувствовала, словно бы по всему телу ее разлилась живительная амрита.

Пошла она посмотреть город и увидела в нем сад, где был пруд, полный золотых лотосов, где росли деревья, приносящие плоды, слаще которых и не бывало, и где было множество всяческих птиц. И был так хитроумно устроен асуром Маем этот сад, подобный новому волшебному миру, что благодаря искусству его создателя множество украшенных драгоценностями колонн, казалось, стояло там, где ничего не было, чудились стены там, где они никогда не высились, сверкала, переливаясь, вода там, где была лишь одна твердая земля. Долго блуждали некогда в этом саду обезьяны в поисках Ситы¹⁰³ и только благодаря милости Сваямбрабхи¹⁰⁴ сумели выйти из него.

Потом, когда Калингасена, отведавшая плодов, убегающих от старости, довольно надивилась всем диковинам в этом городе, Сомабрахма попросила у сестры позволения уйти и,

взяв с собой Калингасену, умчала ее на хитроумно устроенном воздушном корабле¹⁰⁵ в город Такшашилу. Калингасена все подробно рассказала отцу и матери, и они были очень довольны этим рассказом.

Так проходил у подруг день за днем, и обратилась однажды Сомапратха к Калингасене: «Дружить мы будем с тобой, пока не выдадут тебя замуж, ибо как смогу я приходить к тебе в дом твоего мужа? Не следует видаться с мужем по-други, и ему на это соглашаться не следует. А еще знать тебе надлежит, что свекрови невесток своих поедом едят, как волки овец. Послушай, расскажу я тебе повесть

о Киртисене и ее злой свекрови

Когда-то в Паталипутре¹⁰⁶ жил богатый купец, и по богатству стоял он над всеми другими купцами, и правильно было дано ему имя Дханапалита, что значит „оберегаемый богатством“. Родилась у него дочь, и нарекли ее Киртисеной, и была она несравненной красоты, и любил он ее больше жизни. Отдал отец ее замуж за самого богатого в Магадхийской стране¹⁰⁷ купца Девасену. Но у доброго и порядочного Девасены, после того как отец его умер, хозяйкой в доме была мать, и была она зла и сварлива. Видя, что Киртисена с мужем живут дружно, она, когда Девасены не было дома, стала донимать невестку. Киртисена же ничего не могла сказать мужу. Горька участь женщины, попавшей под власть злой свекрови!

Собрался однажды Девасена в город Валабхи¹⁰⁸ торговать — посоветовали ему друзья. Тогда так сказала ему Киртисена: „Долго не говорила я тебе, благородный, об этом. Мучает меня твоя мать, когда ты здесь, а что сделает она со мной, когда ты уедешь, я и подумать не могу!“ Смутился Девасена, услышав такие слова, но все-таки пошел к матери и, робкий, почтительно обратился к ней: „Тебе поручаю я, матушка, Киртисену! Отправляюсь я в путь. Она из благородной семьи. Пусть не слышит она от тебя неласкового слова“. При таких его словах мать тотчас же призвала Киртисену и, выпучив глаза, начала: „Ты у нее спроси! Что я ей сделала? Это

она тебя подстрекает, раздор в дом принеся! А вы оба, сынок, мне одинаковы!“ Успокоился, выслушав это, лучший из купцов. Да и кого не обманут слова матери, полные любви, хотя бы за ними и скрывалось коварство? А Киртисена промолчала и от страха перед свекровью улыбалась через силу. Уехал на другой день купец Девасена в город Валабхи.

Мучалась в разлуке Киртисена, а свекровь выгнала тем временем ее служанок. Сговорившись с помогавшей ей по дому девкой, свекровь зазвала невестку в темный чулан, раздела ее и с криком: „А, злодейка, ты сына от меня увести хочешь!“ — вцепилась ей в волосы, пинала ногами, кусала зубами, царапала ногтями, и во всем этом помогала ей та девка. Бросили они потом Киртисену в глубокий подвал и заперли дверь крепким засовом, а прежде из этого подвала вынесли все, что от предков — рухлядь всякую — собирали. И ставила ей туда злодейка в конце каждого дня полплошки варева и рассчитывала, что, пока муж на чужбине, сама Киртисена помрет, а она скажет тогда сыну: „Сбежала эта негодница куда-то!“

Тем временем брошенная свекровью-злодейкой в подземелье Киртисена, достойная счастья, рыдала день и ночь и думала: „Хороший муж, рождение в доброй семье, красота, добродетельная жизнь — все у меня есть, и вот такая беда приключилась по милости свекрови! Поэтому-то и недовольны родители и родственники, когда девочки рождаются — неизбежны раздоры со свекровью и сестрами мужа, грозит им вдовство и всякие прочие беды“. Так горевала Киртисена, как вдруг однажды попался ей заступ — он-то и вытащил ее из подземелья, как создатель из сердца занозу. Вырыла она этим железным заступом ход под землей и по воле судьбы попала прямо в свою комнату. Осмотрела она ту комнату при свете старого светильника, еще тлевшего подобно ее неистощившейся добродетели. Собрала Киртисена пожитки свои и золотые украшения и на исходе ночи тайком ушла из города. „Не следует мне идти к родителям! Что люди скажут? И как мне поверят? Нужно мне разыскать мужа. В этом и в том мире для добродетельных женщин муж — единственное прибежище“. Решив так, омылась она в пруду и оделась как царский сын.

Пошла она после этого на базар, продала немного золота, провела день в доме какого-то купца. А на следующий день

познакомилась она с купцом Самудрасеной, который собирался в Валабхи, и, сговорившись с ним, отправилась переодетая царевичем в город Валабхи на поиски мужа. Купцу-то она сказала, что обижена родственниками: „Иду теперь с тобой в Валабхи к друзьям!“ Услыхав такое, купец этот по дороге оказывал ей всяческие услуги и был этим горд: „Подлинно это должен быть царевич!“

Свернул караван купца на лесную дорогу, чтобы избежать многолюдного большого тракта, где могли с них взять чрезмерно высокую пошлину. Спустя несколько дней дошли они до границы леса, и караван остановился переночевать. Словно глас вестника бога смерти¹⁰⁹ раздалось наводящее страх плаксивое завывание шакала. Купцы встревожились, опасаясь нападения разбойников, все воины, охранявшие караван, схватились за мечи, готовясь обороняться от врагов, и тьма набегала со всех сторон, подобно шайке дасьев, и тогда подумала переодетая в мужскую одежду Киртисена: „А, все больше и больше карма помогает злодеям! Смотри-ка, и здесь преследует меня несчастье — видно, не истощились дурные дела, совершенные мной в прежних рождениях. Сначала подобно черной смерти терзала меня злора свекрови, потом попала я в подземелье словно в новую утробу и будто вновь родилась, выбравшись оттуда по воле богов. Нынче же здесь снова тревожусь я за свою жизнь. Если убьют меня нынче воры, то свекровь, ненавистница, скажет мужу: „С кем-то другим она спуталась и где она теперь?“ Если же кто-нибудь разденет меня и узнает, что я женщина, то лучше смерть, чем гибель моей женской чести. Видно, нужно мне самой подумать о своем спасении, а не предоставлять заботиться об этом приятелю-купцу“.

Так решив, нашла она дерево с дуплом — словно из милости сама земля дала ей укрытие. Забралась она туда, укрылась травой и листьями и думала только о том, как бы ей встретиться с мужем. Среди ночи напало на караван множество разбойников, и каждый из них был вооружен. И разразилась тут гроза: тучами были черные тела разбойников, молниями — искры от скрестившихся клинков, дождем же — потоки крови. Убили разбойники Самудрасену и всех бывших с ней, разграбили они и деньги и товары. Слышала Киртисена и шум битвы, и крики, и только судьба ее тому причиной, что она сохранила жизнь.

Когда же миновала ночь и поднялось палящее солнце, выбралась Киртисена из дупла. В несчастьях оберегает бог добродетельных женщин — тех, кто верен супругу и блеск чести которых не осквернен! И то ведь — встретился ей в этом безлюдном лесу лев и ушел, не тронув ее. Пошла она дальше, и откуда-то явился подвижник. Расспросил он ее о том, что случилось, утешил и напоил, а затем показал ей дорогу и исчез куда-то. А она словно бы амриты отведала — и жажда и голод у нее прошли, пошла верная мужу жена по дороге, указанной подвижником. Заметила она, что солнце, простирающее руки-лучи, опустилось на вершину горы Заката и словно говорило ей: „Проведи эту ночь в покое!“ Разыскала Киртисена большое дерево, у подножия которого была большая расселина, походившая на хижину, забралась туда и словно дверь привалила к расселине другой ствол.

Спустилась ночь, и увидела Киртисена сквозь щели в стволе, как явилась у дерева безобразная раکشаси¹¹⁰ со своими малыми сыновьями. „Из одной беды да в другую! Сожрет меня она!“ — подумала в страхе Киртисена, пока раکشаси, а за нею и ее дети забирались на дерево. „Не принесла ли чего поест, матушка? — спросили они. — Покорми нас!“ Ответила им раکشаси: „Хоть и побывала я, сынки, на большом кладбище, но ничего не добыла, чтобы вас покормить. Попросила я у собравшихся там ветап, но и они мне ничего не дали. От такой беды попросила самого Бхайраву¹¹¹, а он, спросив, как зовут меня и какого я роду-племени, так ответил: „Ты — благородная женщина, о страх наводящая, и родилась в роду Кхары¹¹² и Душаны¹¹³. Ступай в город Васудаттапур¹¹⁴, находящийся не очень далеко. Правит там благочестивый и великий раджа Васудатта — в его-то владениях и стоит этот лес. Сам Васудатта подати накладывает, сам их и собирает, да и разбойников разгоняет. Однажды в этом лесу он, утомленный охотой, уснул, и незаметно в его ухо вползла стоножка. Со временем родила она в голове раджи множество стоножек. От произведенной ими болезни тот раджа теперь доживает последние дни. Ни лекари, никто другой не знают средства от этой хвори и если не узнают, то ему немного дней осталось жить. Когда помрет он, ты с помощью своего волшебства овладей им, питайся его мясом, и хватит тебе его на шесть месяцев“. Так-то Бхайрава решил нашу судьбу, и, удрученная, ушла я от него. Придется подождать нам. Что поде-

лать, детки!“ Когда же кончила ракшаси, спросили ее сыновья: „А если болезнь узнают и изгонят, будет ли, матушка, жить раджа? И как его недуг может быть вылечен, скажи нам“. Отвечала им на это ракшаси: „Будет жить раджа, если распознают недуг и изгонят его. Вот послушай-те, как избавиться раджу от этого недуга. Первое, что нужно сделать,— обмазать голову раджи горячим маслом и, сделав это, посадить раджу на жестокое полуденное солнце. Затем вставить в ухо ему бамбуковую палочку, которая другим концом должна уходить в крышку горшка с холодной водой. Тогда измученные жарой стоножки станут выползать из головы через ухо и, стремясь к прохладе, поползут по бамбуковой трубке в горшок. Так раджа может избавиться от недуга“.

Кончила ракшаси рассказывать, а Киртисена, притаившаяся внутри дерева, все это слышала и подумала: „Выбраться бы мне из этой беды, пошла бы к царю и этим способом вылечила его. Живет он около этого леса, берет небольшую пошлину, охраняет дорогу, и потому все купцы именно здесь и ездят. Об этом рассказывал мне убитый разбойниками купец Самудрасена, и как раз по этой дороге возвратится мой муж. Пойду-ка я в город Васудаттапур к царю, вылечу его и стану жить в том городе, ожидая мужа“. В таких мыслях с трудом провела она ночь. Когда же свет утра разогнал ракшасов, выбралась из дупла и пошла она, переодевшаяся мужчиной, все лесом и лесом. На исходе дня встретила она доброго пастуха и, спросив его, исполненного сочувствия к юноше, совершившему, как видно, долгое путешествие: „Что это за страна?“,— получила ответ: „Вот там, впереди, стоит город раджи Васудатты — Васудаттапур, но сам раджа, хотя и добродетелен, страдает от тяжелого недуга и вот-вот умрет!“. Сказала ему на это Киртисена: „Если бы ты смог провести меня к радже, я сумел бы его вылечить. Знаю я средство“. „Да я и сам туда иду,— ответил пастух.— Ступай со мной. Я попробую провести тебя к радже“. Согласилась она идти с ним, и вот уже ведет пастух ее, переодетую мужчиной, в Васудаттапур.

Рассказал пастух все стражнику, удрученному болезнью раджи, сообщил благую весть и передал ему Киртисену, а стражник тотчас же доложил радже и по его приказанию немедленно ввел к нему в покои добродетельную Киртисену. Когда она вошла, измученный болезнью Васудатта уже при

виде этого чудесного целителя почувствовал облегчение. Знает сердце, где добро и где зло! И обратился он к ней, переодетой мужчиной: „Коли вылечишь ты меня, отдам я тебе, обладающий счастливыми приметами, полцарства. Приснилось мне, что сняла некая женщина черное покрывало у меня со спины. Уверен я, что ты, почтенный, избавишь меня от болезни!“ Киртисена на это ответила ему: „Уж кончился нынешний день, раджа, но завтра я изгоню твой недуг. Не огорчайся, раджа, и потерпи“, — и с этими словами помазала она голову раджи коровьим маслом. И пришел к нему сон, и боль утихла! Все, кто там был, стали восхвалять Киртисену: „Это за наши добродетели бог к нам явился в облике лекаря!“ Царица же окружила ее всяческими заботами, и отвела ей на ночь отдельный покой, и назначила хорошего стражника, чтобы никто ее не тревожил.

Вот наступил новый день, и в присутствии министров и придворных Киртисена с помощью чудесного способа, слышанного ею от ракшасы, вывела из царской головы через ухо сто пятьдесят стоножек, а когда все они оказались в горшке с водой, угостила она раджу смесью кислого молока, масла и прочего. И когда царь исцелился и успокоился, кто только не дивился, видя в горшке с водой этих тварей, всемо случившемуся? А сам раджа, взглянув на эту нечисть, содрогнулся и так обрадовался своему исцелению, будто заново родился! Устроил он большой праздник и, совершив омовение, отблагодарил Киртисену. Отказалась она принять половину царства, и тогда раджа подарил ей деревню, слонов, лошадей и золота, царица же и министры задарили ее золотом и одеждой: „Должны мы отблагодарить этого целителя, спасшего жизнь нашему владыке!“ Она же сказала: „Я дал обет и должен еще некоторое время его исполнять!“ — и все подаренные ей сокровища оставила пока у царя.

Осталась Киртисена жить там, одетая мужчиной, и все ее уважали и чтили, и прошло много дней, когда дошло до нее, что пришел из Валабхи караван, а с ним и муж ее Девасена. Узнав, что караван достиг города, пошла она ему навстречу и, увидав мужа, возрадовалась, как самка павлина при виде тучи, обещающей дождь. Пала она к его ногам и от всей души, истомленной долгим ожиданием, дала волю слезам. И хотя была Киртисена в мужской одежде и облик ее был скрыт этой одеждой, как лунный серп в сиянии дневного света, муж

сразу же узнал ее. И удивительно, как это не расплавилось сердце Девасены при виде ее луноликого лица, подобно лунному камню, на который упали лучи луны! „В чем дело?“ — с удивлением спрашивал себя Девасена, когда Киртисена объявила себя, и все купцы из каравана удивлялись случившемуся, и сам раджа Васудатта, охваченный любопытством, поспешил туда.

И когда спросил раджа ее, то Киртисена в присутствии мужа рассказала обо всем, что с ней случилось из-за свекрови. Девасена же, ее муж, когда услышал о том, что творила его мать, преисполнился отвращения к ней и, пока говорила Киртисена, испытывал то гнев, то умиление, то изумление, то радость.

И, узнав эту необычайную историю о похождениях Киртисены, все люди радовались и говорили: „Так побеждают верные мужу жены, ибо колесница для них — верность супругу, доспехи — добродетель, возникший — вера, оружие — ум!“

А раджа сказал: „Эта женщина ради супруга вынесла такие мучения, что превзошла Ситу¹¹⁵. Пусть она, вернувшая меня к жизни, будет мне названной сестрой!“ Киртисена же обратилась к нему, сказавшему такие слова, с просьбой: „Все, раджа, что было дано мне, — деревню, слонов, коней, драгоценности, — и что сейчас под твоей рукой находится, соблаговоли передать моему супругу“. В ответ раджа на радостях отдал Девасене, ее мужу, деревню и все прочее и повязал ему почетный тюрбан¹¹⁶. Девасена же со всеми несметными сокровищами — и торговлей добытыми, и царем подаренными — покинул свою мать и остался жить в том самом городе, построив себе дом. Не мог он нахвалиться Киртисеной, и дружно и счастливо жила она с супругом, наслаждаясь доставшимся ей в награду за добродетели богатством, прославившаяся своими неслыханными подвигами и счастливо избавившаяся от злой свекрови.

Так, претерпевая жестокие удары судьбы и сохраняя в вихре несчастий свою честь, оберегаемые великой силой добродетели верные жены приносят счастье и мужу и себе.

Так-то, царевна, горько приходится многим женам из-за свекровей да золовок, и потому хочется мне, чтобы досталась ты такому мужу, в доме которого не знала бы ты ни сварливой свекрови, ни злой золовки“».

Очень понравилась царице Калингасене замечательная история, рассказанная ей Сомпрабхой, дочерью асура Мая. Солнце же, словно заметив, что пришел к концу интересный рассказ, собралось уже уходить с небосвода. Тут и Сомпрабха, обняв на прощание Калингасену, которой жаль было расставаться с подругой, поспешила домой.

ВОЛНА ЧЕТВЕРТАЯ

Случилось однажды, что пролетавший в небесной выси юный вождь видьядхаров Маданавега заметил издали Калингасену, вышедшую на крышу дома, находившегося как раз на его пути, чтобы посмотреть вслед Сомпрабхе, летевшей к себе домой. И когда увидел он ее несравненную красоту, потрясающую все три мира, затрепетал словно попавший в сети любви павлин: «Если так прекрасна простая смертная, что мне краса жен видьядхаров, что мне прелести апсар! Если не станет она моей женой, к чему мне жизнь! Но могу ли я с ней сочетаться? Ведь я видьядхар, а она простая смертная!» Так размышлял он, и сказал ему сочувственно видья Праджняпти¹¹⁷: «Да нет, не смертная это, а та самая апсара, которая силой проклятия, о счастливце, обречена родиться на земле в облике дочери царя Калингадатты».

Порадовался Маданавега этим словам и отвратился ото всего — только любовь была у него на уме. «Не годится мне взять ее силой, — рассуждал видьядхар. — Это для меня хуже смерти и навлечет на меня проклятие. Поклонюсь-ка я Шамбху¹¹⁸ могучему, доставлю ему радость подвижничеством. Нет другого пути, кроме этого, ибо только через подвижничество можно прийти к счастью».

Рассудив таким образом, пошел Маданавега на гору Ришабха¹¹⁹ и стал совершать подвижничество: стоял на одной ноге и не принимал никакой пищи. Возрадовался тогда Шива, супруг Амбики¹²⁰, видя столь трудное подвижничество, и явился Маданавега и дал ему наставление: «Калингасена про-

славилась своей красотой по всей земле, и муж ее должен быть равен ей красотой своей. Только повелитель ватсов ее достоин и стремится к ней, но, опасаясь гнева царицы Васавадатты, не смеет открыто высказать свое чувство. Царевна же Калингасена услышит от Сомапратхи о его красоте и, стремясь к прекрасному, захочет сама избрать его себе в мужа. А пока не может состояться их свадьба, поспеши принять облик повелителя ватсов и сделай ее своей женой по обычаю гандхарвов. Так красавица эта тебе достанется». Получив такой совет от Шарвы и поклонившись ему, ушел Маданавега в свой дом на склоне горы Калакуты¹²¹. А пока шло все это, Сомапратха прилетала на своем самодвижущемся воздушном корабле по утрам в Такшашилу играть с Калингасеной и каждый вечер улетаала той же небесной дорогой к себе. Сказала ей однажды Калингасена: «Никому не рассказывай, подружка, то, о чем я тебе поведаю. Довелось мне узнать, что пришло время моей свадьбы. Многие цари засылали послов сюда сватать меня, но всех их отец отсылал. Только одного посла он приветил, того, который приехал от раджи Прасенаджита, царствующего в Шравастии¹²². И матушка уговаривает, чтобы сама я выбрала этого царя. Понравился он моим родителям своей родовитостью. Родился он в том роду, в котором Амба¹²³, Амбалика¹²⁴ и прочие прародительницы кауравов¹²⁵ и пандавов¹²⁶ родились. Просватал меня, подружка, отец за раджу Прасенаджита в город Шравастии».

Такую новость узнав от Калингасены, зарыдала Сомапратха, и слезы ее сыпались, как жемчужины из разорванного ожерелья. Когда же спросила ее подруга о причине таких горьких слез, отвечала ей дочь асура Мая, видящая все, что на белом свете делается: «Юность, красота, добродетель, богатство — вот что ищут в избраннике, а род и прочее идут уже после этих качеств. Видела я раджу Прасенаджита. Дряхл он и немощен и подобен увядшему цветку мальвы. Что из того, что он родовит?! Его седовласая, холодная, как зимняя непогода, старость и тебя, подобную лотосу, одряхлит, и плачевна будет жизнь твоя, как лотоса, сломленного холодом. Поэтому-то и горько мне! А порадовалась бы я, коли мужем твоим, счастливица, стал бы царь ватсов Удайна¹²⁷. Никто на всей земле не сравнится с ним ни красотой, ни родом, ни обхождением, ни геройством, ни величием. Был бы он тебе достойным мужем, стройнотелая! Ведь будто сам творец создал

его, воплощение обходительности, для тебя!» Так Сомапребха убеждала ее словами, умно построенными, и обратила Калингасена сердце свое к повелителю ватсов. Спросила тогда царица у дочери асура: «Рассказала бы ты мне, какого рода тот, кого ты называешь повелителем ватсов, и почему зовут его Удаейной?» Отвечала ей на это Сомапребха: «Слушай же, подружка, я расскажу тебе

о том, почему отцу Нараванадатты было дано имя Удаейны

Далеко идет слава о стране ватсов, земли украшении, и стоит в ней город Каушамби¹²⁸, подобный Амаравати¹²⁹, городу Индры. Правит в нем повелитель ватсов. Теперь, счастливица, слушай, расскажу я тебе о его славном роде. Был у одного из пандавов, Арджуны¹³⁰, сын Абхиманью¹³¹, сокрушивший строй войска кауравов. От Абхиманью родился Парикшит¹³², великий вождь рода бхаратов, у которого был сын Джанамеджая¹³³, истребитель змей. Сын Джанамеджайи, Шатаника¹³⁴, сделал своей столицей Каушамби и в битве богов с асурами истребил множество асуров и сам погиб. Ему наследовал раджа Сахасраника¹³⁵, восхваляемый всеми мирами, переносившийся с земли на небо и с неба на землю в колеснице, посланной ему Шакрой. У Мригавати, супруги Сахасраники, и родился Удаейна, украшение Лунного рода¹³⁶, радовавший взоры всех людей.

Теперь послушай, почему его зовут Удаейной. Когда царица Мригавати забеременела, то захотелось ей искупаться в крови. Ужаснулся ее супруг такому греховному желанию и велел закрасить воду в пруду красным соком разных растений. Орел из рода Таркшьи принял царицу, когда она купалась в этом пруду, за кусок мяса, схватил ее и занес по воле судьбы на гору Восхода, которая называется Удаей¹³⁷. Живший на той горе мудрец Джамадагни утешил ее, горюющую в разлуке с мужем, и сказал, что она с ним встретится, и поселил ее в своей обители. Разлука же Мригавати с супругом была порождена проклятием Тилоттамы, оскорбленной невниманием супруга Мригавати. Прошло много дней, и родила

Мригавати в обители на горе Удая сына, и словно взошел на небо новый месяц. Тогда боги с небес возгласили: „Родился на горе Удая великий царь, властитель всей земли, и будет его сын повелителем видьядхаров“. И потому, что родился он на горе Удая, стали звать его Удаяна.

Раджа Сахасраника жил все это время в разлуке с Мригавати, надеясь, что кончится срок проклятия — об этом говорил ему Матали, возница Индры. Когда же кончился срок проклятия, то спустился с горы Удая по воле судьбы некий горец и принес радже браслет, подаренный им Мригавати. Услышав же весть, возглашенную с небес, взял он горца в проводники и отправился на гору Удая. Исполнилась его мечта, и обнял он жену Мригавати и обрадовался без меры сыну Удаяне. Когда же он с ними вернулся в Каушамби, объявил он Удаяну своим наследником, ибо был царь доволен его достоинствами и добродетелями, и дал ему в министры Яугандхараяну¹³⁸ и других сыновей министров. Передав же сыну бремя власти, вместе с супругой долго наслаждался жизнью. Со временем же, когда совсем стал стар, помазал он сына на царство, а сам с супругой и с министрами отправился в великое странствие, из которого нет возврата. Удаяна же, приняв от отца царство, завоевал потом всю землю и правил ею с помощью своего друга Яугандхараяны».

Так коротко и по секрету рассказав подруге об Удаяне, Сомапратха обратилась к ней с такими словами: «Правит он в стране ватсов и потому считается их царем, но потомок он славных пандавов и потому происходит из Лунной династии. Богом дано ему имя Удаяна, ибо родился он на горе Удая. Никто в мире, ни смертные, ни боги, не может сравняться с ним красотой, и даже сам бог Кандарпа¹³⁹ не дерзнет спорить с ним. Только Удаяна может быть тебе мужем, красивейшая во всех трех мирах, и скоро он будет к тебе свататься. Но у него есть старшая жена — Васавадатта¹⁴⁰, дева необычайной прелести, посрамившая своей красотой Ушу¹⁴¹, Шакунталу¹⁴² и других небесных дев, дочь царя Махасены, которая по своей воле, презрев настояния родни, избрала супругом Удаяну. Родился у Васавадатты сын, которого нарекли Нараваханадаттой и которому — так решили боги — предстоит стать повелителем видьядхаров, Удаяна опасается ее и потому еще не посватался к тебе. Но я ее видела — никогда не сравняться ей с тобой! Остерегись ее!»

Калингасена, которой все больше и больше хотелось увидеть Удаюну, спросила Сомапратху, рассказавшую все это: «Но как могу я нарушить родительскую волю? Только ты, всезнающая и всемогущая, единственное мое спасение».

«Все это зависит от судьбы,— сказала ей Сомапратха. — Послушай-ка, расскажу я тебе одну повесть».

И рассказала Сомапратха

о несостоявшемся свидании и о том, что благодаря этому случилось

«Давным-давно правил в Удджайини раджа Викрамасена, а у него была дочь несравненная красавица, которую звали Теджасвати. И сколько царей к ней ни сваталось, никто не приходился ей по нраву. Но однажды, прогуливаясь по крыше дворца, увидала она какого-то красавца, по воле судьбы почувствовала влечение к нему и послала подругу, чтобы та передала ему ее желание. Пошла ее подруга и, хоть тот и сомневался и отнекивался, кое-как упростила его прийти на свидание. „Видишь, любезный,— спросила она тогда у него,— тот храм, который отдельно стоит? Вот здесь ночью будет ждать тебя царица“. Так она его уговорила и все рассказала Теджасвати. Стала та с нетерпением ждать, когда же солнце закатится и опустится ночь. Но тот молодец, с которым сговорено было, куда-то, видно со страху, сбежал. Воистину, какой из лягушки ценитель лотоса!

А как раз в это время проходил в тех местах один царевич, рожденный в благородной семье. Шел он повидать царя Удджайини, друга своего покойного отца. Этот красивый юноша по имени Сомадатта был лишен наследства и царства и странствовал один. Судьба привела его в тот храм, который подруга царицы назвала тому красавцу как место свидания. Там собрался Сомадатта провести ночь. Царица же, охваченная страстью и ослепленная ею, по доброй воле сделала его своим мужем, а он молча обнял девушку, посчитав, что сама судьба послала ее как предзнаменование благополучного царствования. Царица же тотчас заметила свою ошибку. Но при виде такого красавца, как Сомадатта, не сочла, что вершитель су-

деб обманул ее. Пошла тут у них беседа про то да про се, а потом ушла она к себе во дворец, а он скоротал ночь в храме. Утром пришел он ко дворцу и объявил стражнику имя свое и звание, и тот, провозгласив и то и другое, ввел царевича к радже. Рассказал царевич, как лишили его царства и о прочих бедах, с ним приключившихся, и был хорошо принят — согласился раджа помочь ему управиться с врагами. А кроме того, задумал раджа отдать ему в жены дочь и, посоветовавшись с министрами, объявил о своем решении. Царица же, узнав обо всем от служанок царевны, рассказала радже о том, что ночью случилось с их дочерью.

Тогда один из министров сказал радже, изумленному тем, что нежеланное не случилось, а желанное исполнилось, как в притче о вороне и пальме¹⁴³: „Следит судьба, чтобы добрые дела приносили добрый плод, как добрые слуги следят за благополучием беззаботного хозяина! Послушай, раджа, расскажу я тебе историю

о неудачливом Харишармане

Жил некогда в какой-то деревне брахман Харишарман, и был он и глуп и беден — и оттого всяко мыкался несчастный. Да вдобавок, видно за прегрешения в прежних рождениях, было у него множество детей. Скитался он со своей семьей, выпрашивая милостыню, и пришел однажды в какой-то город и попросил подавания у богатого домохозяина Стхуладатты, а тот его детей послал пасти коров и другой скот, жену оставил в доме прибираться, а его самого — за усадьбой смотреть.

Устроил однажды Стхуладатта большое торжество — выдавал он дочь замуж. Собралось по этому случаю множество гостей, свойственников и родственников. Харишарман же со всей семьей сидел дома и надеялся, что уж теперь-то они все до отвала наедятся. Так вот ждут они, ждут, но никто о них и не вспомнил. Тогда голодный и раздосадованный Харишарман и говорит жене: „Это все из-за моей глупости и бедности, такое ко мне непочтение. Ну, я каким-нибудь хитрым способом докажу, что и я не глуп. Тогда и Стхуладатта скажет, что меня уважать надо. Ты при удобном случае скажи ему, что, мол, умен твой муж“. Так он ее наставлял, а потом,

когда все в доме уснули, взял и увел из дома Стхуладатты коня, на котором должен был ехать жених, и далеко его спрятал. Когда же наступило утро, заматались слуги — кто туда, кто сюда, но коня найти не могли. Пошла тогда жена Харишармана к Стхуладатте, расстроенному дурным предзнаменованием и пытающемуся разыскать похищенного коня, и так ему сказала: „Наделен мой муж обширными знаниями, умудрен он и в астрологии, и в прочих науках. Может он, наверно, и лошадь отыскать. Почему бы тебе, почтенный, его не спросить?“ Позвал Стхуладатта Харишармана, а тот ему и говорит: „Позабыл ты обо мне вчера, а нынче, как коня надо разыскать, так вспомнил“. Тогда попросил его Стхуладатта: „Прости, что забыл я вчера тебя позвать. Не скажешь ли, кто коня украл?“ Тогда Харишарман стал чертить всякие бессмысленные линии, а потом сказал: „Воры спрятали коня на южной окраине, и стоит он там надежно укрытый, а вечером воры собираются угнать его далеко. Пока же они этого не сделали, поспеши туда, чтобы вернуть скакуна, подобного ветру“. И, услышав это, тотчас же кинулось туда множество людей, и вернули коня, и славили мудрость Харишармана, и все говорили: „Каков мудрец!“ И стал Харишарман пользоваться уважением Стхуладатты и зажил счастливо.

Много дней прошло с тех пор, как вдруг случилось, что какой-то вор похитил из царского дворца золото, жемчуга и прочие сокровища. Не знал никто, куда вор скрылся, и тогда велел царь привести Харишармана, прославившегося своим провидением. А когда привели, то сказал Харишарман, чтобы оттянуть время, что, мол, завтра утром скажет. Царь, однако, взял да и оставил его в покоях своих да еще и стражу к нему приставил.

Служила в царском дворце служанка, которую звали Джихва, что значит „язык“, с помощью которой ее брат похитил все сокровища. Проходит она вечером мимо покоя, куда Харишармана заперли, и приложила ухо к двери, не услышит ли чего, не прознал ли он?! Харишарман же сидел там в одиночестве и вслух осуждал свой язык, наболтавший всякого о его, Харишармана, мудрости. „О, блудливый язык, что ты наделал? погоди, негодник, вот уж тебе достанется!“ Услыхала Джихва его причитания и решила: „Узнал про меня этот мудрец!“ И, перепугавшись, тотчас же пробралась к нему, мнимому астрологу, и, повалившись в ноги, созналась: „Я и

есть та самая Джихва, брахман, про которую ты проведал. Это я сокровища похитила. Унесла я их и спрятала в саду позади дворца в яме под гранатовым деревом. Спаси меня! Вот возьми золота сколько в руке поместится!" Сказал ей на это Харишарман с важностью: „Ступай! И без тебя мне известно, что было и что будет. Не выдам я тебя, раз ты просишь о защите. А то золото, что в руке держишь, потом мне отдашь". Ответила она на это: „Пусть так и будет!" — и тотчас же ушла. Харишарман же с удивлением подумал: „Вот ведь как судьба легко может поправить непоправимое. Всю надежду я потерял, здесь сидючи, но вернулась надежда и несомненно все кончится благополучно. Ругал я свой болтливый язык, а тут сама болтливая Джихва, воровка, явилась. Смотри-ка, перепугавшись, сама себя разоблачила грешница!" Так-то он в радости и в размышлениях о случившемся провел остаток ночи.

Утром же снова он всякие черточки безо всякого смысла чертил, а потом повел царя в сад и выкопал спрятанное сокровище и сказал, что вор сбежал, унеся с собою часть украденного. Царь же на радостях собрался отдать ему в награду несколько деревень. Тогда один из министров сказал ему на ухо: „Тут что-то неладно, божественный! Невозможно человеку достичь такой проницательности без помощи шастр¹⁴⁴. Уж не в сговоре ли он с вором? Это обычные плутовские уловки. Следовало бы нам Харишармана испытать каким-нибудь другим способом". Велел тогда раджа принести другой горшок и положить в него лягушку и посмотреть, чтобы хорошенько был закрыт. Когда же принесли горшок, то спросил раджа Харишармана: „Если ты, брахман, скажешь, что в этом горшке находится, то сегодня же я устрою для тебя такое великое жертвоприношение, какого еще не бывало!" Когда услышал Харишарман от царя такой вопрос, подумал он, что вот и гибель его пришла, и вспомнил, словно творец ему подсказал, как, когда он был еще младенцем, отец играл с ним и ласково называл его лягушонком, и в отчаянии Харишарман проговорил: „Вот, лягушонок, не ждал ты, не гадал, что в горшок попадешь!" При этих словах все стали говорить: „Вот великий мудрец! Узнал он, что в горшке лягушка сидит". И радовались все родственники и все, кто был при этом, а царь, обрадовавшись и посчитав, что его слова рождены действительным знанием, пожаловал Харишарману много дере-

вень, золотой зонт, слонов, и коней, и прочее. В один миг Харишарман стал равным вассальному князю. Так-то вот судьба сама помогает тем, кто вершит добрые дела.

Так-то судьба, царь, и твою дочь Теджасвати привела к достойному Сомадатте и отвратила от недостойного". Выслушав от министра эту историю, отдал раджа свою дочь, подобную самой Лакшми, богине счастья, царевичу Сомадатте. Сомадатта же, взяв войско, данное ему тестем, одолел врагов, вернулся в свое царство и счастливо жил с женой.

Все это, Калингасена, произошло по прихоти судьбы, и никто не может ей помешать. Так и здесь, во встрече твоей с повелителем ватсов, предначертанной самой судьбой, разве смогу я что-нибудь сделать, милая подруга?»

Выслушала царица этот рассказ из уст Сомапратхи, и еще больше захотелось ей встретиться с властителем ватсов, и забыла она про стыд и про страх перед родными и близкими. А тем временем солнце, единственный светильник, озаряющий все три мира, успело зайти, и Сомапратха, упросив подругу, жаждущую свершения желанного, отпустить ее домой, небесной дорогой улетела к себе, словно чтобы дать солнцу возможность снова возвестить утро.

ВОЛНА ПЯТАЯ

Когда же пришло утро следующего дня и Сомапратха снова прилетела, Калингасена стала ее упрашивать: «Непременно отец выдаст меня за Прасенаджита — мне про это матушка сказала. Ты видела, какой он старый. Рассказала ты мне про владыку ватсов и его необычайную красоту, и случилось так, что вошел он в мои уши и похитил сердце мое. Покажи мне сначала, каков Прасенаджит, а потом отвези к повелителю ватсов. Что мне тогда мать, что мне отец!»

Так ответила ей, нетерпеливой, на эти речи Сомапратха: «Если уж отправляться в путь, то на корабле, плывущем в небесном просторе. Но ты возьми с собой все свои одежды и

украшения — раз увидишь ты повелителя ватсов, не сможешь ты оттуда уйти и родителей ты больше не увидишь. Даже не вспомнишь о них! И про меня забудешь, как только станешь его женой. Да и я, подружка, не смогу прийти к тебе, в дом твоего мужа».

Расплакалась царица и так ей сказала: «Тогда приведи властителя ватсов сюда, ко мне. Не останусь я там. Ни минуточки я без тебя быть не могу. Разве Читралекха¹⁴⁵ не привела Анируддху¹⁴⁶ к Уше? Знаю я про то, как это случилось. Слушай же, я поведаю тебе

об Уше и Анируддхе

Рассказывают, что когда-то жила Уша, дочь асура Баны. Гаури¹⁴⁷, которой она истово поклонялась, сказала ей однажды: „С кем встретишься ты во сне, тот и станет твоим мужем“. И тогда приснилось ей, что будто бы встретилась она с кем-то, подобным царскому сыну, и стала его женой по обычаю гандхарвов и, испытав великое наслаждение от его объятий, на исходе ночи проснулась. Смотрит, нет с ней супруга, а о его ласках ей еще помнится, и тогда, вспомнив обещание Гаури, встревожилась она. Извелась она в тоске по пригрезившемуся ей супругу, и, заметив это, Читралекха, ее подруга, спросила Ушу о причине тревоги, и Уша все подробно рассказала. Ни имени, ни какой-либо приметы, ну ничегошеньки о супруге Уша не знала.

Читралекха, обладательница волшебных знаний, сказала ей: „Это, милая, действует обещание богини. Но как же, коли он явится, ты узнаешь его, не зная никакой приметы? Давай-ка нарисую я тебе весь мир богов, небожителей и людей, и коли ты сможешь узнать его и покажешь мне, то я его приведу сюда“. Так она сказала, и подруга согласилась на это.

Тогда взяла Читралекха кисти и краски и изобразила всю вселенную. И вдруг вздрогнула Уша от радости и, воскликнув: „Вот он!“ — показала пальцем на Анируддху из Дваравати, потомка славного рода ядавов¹⁴⁸. „Счастливица ты, подружка! — сказала ей на это Читралекха. — Ведь супругом твоим будет Анируддха, внук Хари, а живет он отсюда за шестьдесят тысяч йоджан“. Услыхала про это Уша — еще

больше разгорелось ее нетерпение, и сказала она Читралекхе так: „Если я, милая моя, не посижу сегодня же на его коленях, прохладных, как сандал ¹⁴⁹, то считай, что я умерла, испепеленная пламенем любви“. Успокоила Читралекха свою дорогую подругу, взвилась в небо и стрелой полетела к городу Дваравати. И вот увидела она его возвышающимся над океаном стройными башнями и устремившимися в небо храмами, подобным вершине горы Мандара, будто снова брошенной в океанские воды, чтобы извлечь амриту.

Среди ночи разбудила она крепко спавшего Анируддху и рассказала ему, какая страсть разгорелась в сердце Уши после того, как он ей приснился. А ему тоже снился подобный сон. Взяла она его и в мгновение ока оказалась там, откуда прилетела. А прилетев, немедленно тайно провела она возлюбленного подруги в женские покои, к Уше, нетерпеливо ждавшей, когда же Читралекха вернется. Увидев перед собой Анируддху, бросилась Уша ему навстречу, подобно океану, выходящему из берегов при виде луны. Стала Уша счастливо жить со своим возлюбленным, обретенным благодаря подруге, и вся ее жизнь словно сосредоточилась в нем.

Разъярился асура Бана, отец Уши, когда узнал о случившемся, но Анируддха укротил его своим мужеством и силой, доставшейся ему от его деда Кришны ¹⁵⁰. А после отправились Уша и Анируддха в Дваравати, и прославились они своей неразлучностью и верностью, как Шанкара ¹⁵¹ и дочь гор Парвати.

Вот так помогла Уше Читралекха встретиться с возлюбленным, а я тебя считаю обладающей большим могуществом. Принеси сюда повелителя ватсов, не медли!»

Возразила ей на это Сомапрабха: «Как мне это сделать? Ведь Читралекха из божественного рода и потому могла перенести человека. А мне нельзя прикасаться к чужому мужчине. Поэтому придется мне отвести тебя, дорогая, туда, где живет повелитель ватсов. Но сначала покажу я тебе, как ты просила, Прасенаджита». Согласилась Калингасена со всем, что сказала ей Сомапрабха, и тотчас же отправилась вместе с подругой на воздушном корабле, движимом волшебной силой, со всем, что взяла с собой, да со слугами — и ни мать, ни отец ее ничего об этом не знали.

Летит она в поднебесье и не видит ни высоких гор, ни мрачных ущелий. Воистину, когда любовь одолевает женщину,

то мчится она очертя голову, как конь, подстрекаемый всадником! Примчались они сначала в город Шравасты, и Калингасена увидела там царя Прасенаджита, выезжавшего на охоту, — уж настолько он был стар, что от дряхлости даже поседел. Весь он трясся, подобно султану из перьев, и его дрожь словно бы говорила: «Уходи от меня, немощного!»

«Вот, — засмеялась Сомапратха, — любуйся раджей Прасенаджитом, которому обещал отдать тебя отец!»

«Выбрала его себе в мужа старость — разве изберет такого женщина? Ох, милая, уведи ты меня поскорей к повелителю ватсов», — ответила ей Калингасена, и они отправились в город Каушамби. А там Сомапратха показала подруге повелителя ватсов, вышедшего в сад, и Калингасена впиалась в него глазами, подобно чакоре, которая не может отвести очей от луны, источающей амриту. Смотрит она на него во все глаза и словно сердце свое протянула ему на ладони, как бы говоря: «Ворвался он в душу мою через глаза мои!» Обратилась она к Сомапратхе с такими словами: «Должна я сегодня же встретиться с ним, с повелителем ватсов. Увидав его, ни минуточки не могу я ждать!» На это Сомапратха ответила ей: «Сегодня нельзя этого сделать, заметны мне недобрые приметы. Ты уж проводи день здесь, в саду, но не выдавай себя. Прилечу я завтра утром и устрою так, что вы встретитесь, а сейчас хочу я вернуться, ты же, обитающая в моей душе, оставайся здесь в доме того, кого ты желаешь в супруги». После этого покинула ее Сомапратха, а раджа ватсов покинул сад и удалился во дворец.

Калингасена же, оставшаяся там, послала старшего из ее слуг словно живое письмо к повелителю ватсов, хотя ничего не велела ей делать Сомапратха, знающая приметы. Все знают, как своевольно и непостоянно девичье сердце!

Пошел старший из ее слуг и велел стражу у ворот возвестить о своем приходе и, когда ввели его к повелителю ватсов, так ему сказал: «О раджа, Калингасена, дочь раджи Калингадаты, царствующего в Такшашиле, наслышалась о твоей красоте и, покинув родных и близких, прибыла для того, чтобы самой избрать тебя в мужа. А принесла ее сюда по небесной дороге на волшебном хитроумно устроенном воздушном корабле ее подруга, многие тайны знающая Сомапратха, дочь асура Мая и супруга Налакубары. Послала меня Калингасена уведомить тебя о ее прибытии, прими ее, и да будет ваш союз

так же нерушим и прекрасен, как союз луны и лунного света!»

Получив такую весть от старшего из слуг Калингасены, обрадованный раджа согласился ее принять, а вестника одарил золотом, одеждами и многим прочим.

Призвал повелитель ватсов Яугандхараяну, старшего над министрами, и сказал ему: «По всей земле разнеслась слава о красоте дочери царя Калингадатты, а зовут ее Калингасена, и нынче она сама прилетела избрать меня в мужья. Скажи мне немедленно, когда можно устроить свадебный обряд с неотразимой?»

И когда выслушал Яугандхараяна эти слова раджи, тотчас же подумал он о его будущем благополучии: «Воистину во всех мирах успела Калингасена прославиться своей красотой и нет другой подобной ей и даже боги мечтают о ней. Если достанется она повелителю ватсов, то позабудет он обо всем на свете. Царица же Васавадатта расстанется с жизнью, и погибнет тогда царевич Нараваханадатта, утратив мать. Из-за любви к ним обоим станет жизнь не мила и для Падмавати, младшей царицы. Отец Васавадатты, Чандамахасена, и отец Падмавати, Прадьюта, либо умрут, либо возненавидят Удаюну, и произойдет всеобщее потрясение. Но и препятствовать этому браку не следует. Ведь препятствия заставят Удаюну еще больше стремиться к Калингасене. Поэтому следует мне оттянуть время свершения этого брака».

Вот так рассудив, обратился Яугандхараяна к повелителю ватсов с такой речью: «Счастливы ты, божественный, что Калингасена сама пришла к тебе. Ведь теперь ее отец становится твоим вассалом. Она — дочь великого царя, и надлежит тебе, раджа, спросив совета у звездочетов, назначить для свадьбы благоприятный день. А пока надобно отвести ей достойное жилище и назначить слуг и служанок и одарить ее нарядами и украшениями».

«Пусть так и будет!» — согласился раджа ватсов со старшим над министрами и, радостный, все сделал так, как посоветовал ему Яугандхараяна. Калингасена же вошла в отведенные ей покои и радовалась, считая уже свершившимся свое заветное желание. Мудрый Яугандхараяна тотчас же покинул дворец и поспешил к себе домой, продолжая размышлять: «Отсрочка часто хорошее средство предотвратить дурное дело. Ведь когда Индра бежал в страхе, убив своего врага

Вритру ¹⁵², ибо убил он брахмана, Нахуша ¹⁵³, занявший его трон, захотел овладеть и Шачи, его женой. Но та нашла убежище у наставника богов Брихаспати ¹⁵⁴, который посоветовал ей оттягивать время, говоря Нахуше всякий день: „Ты приходи завтра!“ Так она и говорила, а тем временем Нахуша за его презрение к брахманам был проклят ими и погиб. Снова Индра обрел и власть над богами и жену. Так и мне следует оттягивать свадьбу моего повелителя с Калингасеной».

Решив так, собрал он всех звездочетов и тайно уговорился с ними, что назовут они такой день, до которого немало времени пройдет, прежде чем он наступит.

А весть о появлении Калингасены во дворце дошла и до царицы Васавадатты. Велела она послать за Яугандхараяной, чтобы явился он в ее покои. Когда же министр пришел и поклонился ей, с рыданиями стала она укорять его: «Что же, почтенный, обещал ты, что пока я здесь царица, не будет у Удаяны, кроме Падмавати, никакой другой жены? А теперь Калингасена появилась и, смотри-ка, готовится к свадьбе! Красавица она, и Удаяна уже души в ней не чает. Солгал ты, Яугандхараяна! Видно, придется мне теперь руки на себя наложить!»

Возразил ей на это Яугандхараяна: «Сдержи чувства свои, царица. Как это может случиться, пока я жив?! И тебе в этом случае ничего не следует делать, чтобы помешать радже. Напротив, нужно набраться мужества и выразить одобрение. Ведь если врач говорит что-нибудь, не соответствующее воле больного, больной непокорен, но если выскажет согласие с ним, то успокоится тот и поддастся лечению. Не преуспеет тот, кто пытается открыто противодействовать, но тот, кто следует ходу событий и не жалеет усилий, непременно одержит победу! Кто плывет против течения, не выберется из реки, но если отдастся ему — спасется! Поэтому когда придет к тебе раджа, не показывай своего неудовольствия, а прими его заботливо и ласково, почтительно вырази согласие на то, чтобы Калингасена стала его женой, и скажи, что с помощью ее отца держава укрепитя и расширится. Коли ты так сделаешь, раджа, увидев твое не имеющее пределов великодушие, еще больше привяжется к тебе и, будучи уверен, что Калингасена уже ему досталась, не будет спешить. Ведь известно, чем больше препятствий, тем сильнее страсть! И тебе, царица,

нужно научить Падмавати, чтобы она также действовала, и тогда раджа не будет раздражен отсрочкой. А что будет далее, покажет сила моего ума.

Мудрость проверяется испытанием, геройство — полем битвы. Не огорчайся, божественная!» Так уговаривал Васавадатту Яугандхараяна. А получив наконец ее согласие, удалился.

Но ни днем ни ночью не пришел раджа ни к одной из цариц, ибо сердце его было полно мыслей о первых объятиях Калингасены, избравшей его в мужья. Каждый провел эту ночь у себя: Васавадатта — в глубокой тревоге, Удаяна — в жажде трудно достигаемого наслаждения, Калингасена — в радости, а Яугандхараяна — в раздумьях.

ВОЛНА ШЕСТАЯ

На следующее утро пошел лукавый Яугандхараяна к ожидавшему его повелителю ватсов и спросил: «Почему бы нам сегодня не определить благоприятный день для сочетания божественного с приносящей счастье Калингасеной?» Отвечал ему на это раджа: «Я тоже об этом думаю. Ведь без нее мне и полчаса не вытерпеть!» — и с этими словами послал он тотчас же главного слугу привести звездочетов к нему в покои, и тот немедленно исполнил повеление раджи. Спросил он их о дне свадьбы, а они, заранее подговоренные главным министром, дружно сказали, что-де такой день настанет только через шесть месяцев. Только услышал такие речи Яугандхараяна, как притворно разгневался: «Тьфу на неучей! Не пришел, раджа, тот звездочет, которого ты больше всего считаешь и считаешь мудрым. Сблаговоли послать за ним». По совету министра велел послать за звездочетом раджа, сердце которого наполнилось сомнением. Но и того звездочета подговорил прежде Яугандхараяна, и потому сказал и он радже, что такой день наступит только через шесть месяцев.

Тогда молвил радже будто бы опечаленный Яугандхараяна: «Соблаговоли, божественный, повелеть, что теперь делать?» Досадно было радже, но хотелось ему все-таки, чтобы свадьба состоялась в день, отмеченный добрыми звездами. Подумал он и решил: «Нужно спросить Калингасену! Посмотрим, что она скажет!» Согласился с ним Яугандхараяна и, взяв с собой двух звездочетов, поспешил к Калингасене. Она почтительно встретила его, и при виде красоты ее снова подумал министр: «Как женится на ней раджа, одолеет его страсть и забросит он все государственные дела», а вслух сказал: «Пришел я со звездочетами, чтобы определить день, наиболее благоприятный для твоего сочетания с нашим раджей. Соизволь сообщить им, в какой день и под какой звездой ты родилась». Сказали ее слуги, под какой звездой она родилась, и звездочеты, притворившись, будто углубились в размышления и подсчеты, как было раньше условлено с ними Яугандхараяной, тоже сказали, что день этот наступит через шесть месяцев и что до этого никакой другой день не подойдет.

Узнав, что придется долго ждать, сказал Калингасене, удрученной этим известием, старший над ее слугами: «Прежде всего нужно знать благоприятный день для свадьбы. Ведь от этого зависит супружеское счастье. Что уж горевать — долго ли, коротко ли, а ждать придется». И тотчас все заговорили: «А ведь верно это сказано!» А Яугандхараяна заметил: «Если совершится свадьба в неблагоприятный день, то Калингадатта, дружественный нам правитель, будет огорчен». И Калингасена, уже почти утратившая силы, проговорила: «Как почтенные считают нужным, пусть так и будет!». Тогда, заручившись таким образом ее согласием и испросив разрешения удалиться, поспешил Яугандхараяна со звездочетами к радже.

Обо всем министр сообщил повелителю ватсов и, получив от него согласие на отсрочку, утешил его и отправился домой.

Вот так, оттянув свадьбу, выиграл Яугандхараяна время для прочих действий и, вернувшись к себе, подумал он о друге своем, брахмане среди ракшасов¹⁵⁵, по имени Йогешвара. И только лишь подумал министр о нем, как тот, послушный велению, тотчас же предстал перед ним. Склонился ракшас перед Яугандхараяной и спросил: «Зачем ты позвал меня?» Тогда поведал ему министр про увлечение раджи Калингасеной и сказал другу: «Время я выиграл, а теперь, друг, ты незримо последи за ней. Видьядхары и прочие несомненно же-

лают ее, ибо нет во всех трех мирах красавицы, которая могла бы с нею сравниться! Поэтому если заметишь ты, что видится она с каким-нибудь сиддхом или видьядхаром, тотчас же мне доложи — это-то мне и надо. Конечно, божественные поклонники могут принять любое обличье, но когда они спят, то всегда обретают свой собственный облик. Так мы сможем обнаружить с твоей помощью ее греховность, и раджа обратится от нее, и успешно осуществится задуманное мною!»

«Почему бы не убить ее или не уничтожить каким-либо способом?» — спросил брахмаракшас. Но немедля возразил ему великий министр Яугандхараяна: «Ни в коем случае нельзя этого делать, ибо было бы это незаконно! Если человек свершает свой путь, не нарушая закона, ему сопутствует удача в достижении желаемого. Поэтому ты, друг, только следи за тем, какую оплошность она сама совершит. Твоей дружеской помощью, благородный, будет обеспечен успех нашего государя». С таким наказом ушел брахмаракшас от министра и тайно проник в покои Калингасены.

А тем временем снова навестила Калингасену ее подруга Сомапрабха, дочь асура Мая. Расспросила она обо всем, что случилось за ночь, и, не подозревая, что слушает их разговор ракшас, сказала царевне так: «Сегодня утром пришла я было к тебе, да увидела у тебя Яугандхараяну, и, оставаясь незримой, слышала я весь ваш разговор и поняла, что случилось. Зачем ты начала дело, которое я тебе не советовала? Если не подумав начинают что-нибудь делать, то это приводит к ненужным последствиям. Послушай-ка

о злоключениях Вишнудатты и семерых глупых брахманов

Давным-давно в стране, лежащей между Гангой и Ямуной, жил брахман Васудатта, и родился у него сын, которого нарекли Вишнудаттой. Когда исполнилось Вишнудатте полных шестнадцать лет, собрался он идти учиться в город Валабхи, а с ним увязалось еще семеро брахманских сыновей, но все они были глупы, и только Вишнудатта был понятлив — происходил он из доброго рода.

Дали они все друг другу клятву не расставаться и, ничего не сказав родителям, ночью отправились в путь. И только-только они пошли, как Вишнудатта, заметив недобрую примету, сказал своим спутникам: „Вот дурная примета, и нужно домой вернуться. Ради успеха нашего дела лучше нам идти, когда будут добрые предзнаменования“. Глупые его попутчики всемером закричали на него: „Коли ты боишься, так оставайся, а мы пойдем! Не боимся мы лживых примет! А то ведь утром, прознав про все, не пустят нас родные!“ Пошел он с ними, неучами, дальше, так как был связан клятвой, и все по дороге призывал Хари, избавителя от грехов.

Ночь была уже на исходе, когда заметил он еще одну дурную примету, и стал уговаривать товарищей не ходить дальше. Снова они, глупые, его обругали: „Вот воистину дурная примета в попутчики медведя брать! Что ты на каждом шагу каркаешь, как зловещий ворон?“ Так-то вот они бранили его и продолжали путь. Отчаялся Вишнудатта убедить неразумных и умолк.

„Тот, кто дает советы заносчивому глупцу, уподобляется тому, кто пробует умыться грязью! Умный человек, оказавшийся среди множества дураков, подобен лотосу, трепещущему под ударами волн. Не следовало мне ничего им говорить — ни дурного, ни хорошего. Лучше я буду молчать, а их, видно, только судьба научит!“ — так рассуждал Вишнудатта, продолжая идти со своими глупыми попутчиками. Уже день склонился к закату, когда дошли они до селения шабаров, диких людей. Поплутав по деревне, нашли они дом, в котором жила какая-то молодая женщина, и попросились переночевать. Вошел он вместе со своими семью приятелями в комнату, которую она им отвела для ночлега, и все семеро тотчас же уснули. Только лишь один Вишнудатта остался бодрствовать! Никого больше в том доме не было. Крепко спят глупцы беззаботные, но разве придет сон к озабоченному?

А тем временем кто-то тайно прокрался в спальню к женщине и долго с ней шушукался и веселился, и наконец оба, утомленные страстными объятиями, уснули. Вишнудатта же видел все это — ведь у нее горел светильник и дверь оставалась приоткрытой. Крепко он задумался: „Попали мы в дом к дурной женщине. Этот парень не муж ей, иначе бы зачем ему тайно прокрадываться?! То-то мне сразу же показалась

она слишком развязной. Попали мы сюда, потому что деться было некуда, а теперь впутались в темное дело!“

Пока он так размышлял, снаружи послышались людские голоса, и он увидел, как вошел с мечом в руках юный вождь шабаров¹⁵⁶, сопровождаемый слугами, каждый из которых знал место, где ему положено было быть.

„Вы что за люди?“ — спросил он. В страхе ответил ему Вишнудатта, посчитав его хозяином дома: „Странники мы!“ Тогда вошел вождь шабаров туда, где женщина спала со своим любовником, и отсек тому мечом голову, а ее ни трогать, ни будить не стал. Сам же бросил меч на землю, улегся на чарпай¹⁵⁷ и заснул. Вишнудатта, видевший все это при свете светильника, решил, что, верно, женщина эта — жена вождю шабаров, потому он и убил нарушителя супружеской чести. Иначе почему бы он, свершив такое дело, остался на том же месте спать? Воистину, замечательно мужество людей, твердых сердцем!

Пока предавался Вишнудатта таким размышлениям, злодейка проснулась и увидела и убитого любовника и спящего мужа. Соскочив тотчас же с постели, взвалила она на плечо труп любовника, взяла в руку его голову, вышла и бросила и тело и голову на кучу пепла и молча вернулась к себе. Вишнудатта же, следивший за ней, все это видел, а после того, как она вернулась, улегся среди своих спавших попутчиков. А эта злодейка взяла и отсекла тем же самым мечом голову своему мужу, а потом выбежала на улицу и стала кричать: „Ох, горе мне! Ах, убили мужа моего эти странники!“ Со всех сторон на этот вопль сбежались слуги и, видя своего предводителя мертвым, уже готовы были зарубить Вишнудатту и его спутников. Все они проснулись и перепугались, а Вишнудатта закричал: „Остановитесь! Не мы совершили это преступное убийство! Это она, злодейка, все сделала, а теперь хочет свалить на других! Я сам все видел через приоткрытую дверь. Если выйдете и успокоитесь, расскажу я, как это случилось!“ Такими словами удержал он шабаров, и все подробно им рассказал с начала и до самого конца, и повел их, и показал, куда были выброшены и тело и голова любовника. Тогда повинилась она во всем, и все набросились на нее с поношениями и бранью. „Кого не убьет охваченная страстью дурная женщина — подобна она мечу в руке врага!“ — сказали шабары и отпустили Вишнудатту и всех бывших с ним. Обрадовались его

семеро попутчиков: „Коли бы не ты, Вишнудатта, всем бы нам не миновать смерти. Только благодаря тебе, нашему защитнику, светочу путеводному, спаслись мы от гибели, предвещанной дурными приметами!“ Так-то нахваливали они Вишнудатту и просили простить их глупые речи. А потом, поклонившись ему, отправились все вместе дальше в путь».

Рассказав эту любопытную историю, Сомапратха обратилась к Калингасене с такой речью: «Вот так, милая, у тех, кто пренебрегает приметами, дела не идут на лад и затягиваются. Коли недалекие умом пренебрегают мудрым советом и сами берутся за дело, случаются всякие неудачи да нелады. Не следовало тебе самой посылать к повелителю ватсов посла с предложением себя в жены — ведь приметы были недобрые. И когда ты оставила родительский кров, не было тебе доброй звезды. Потому свадьба твоя и откладывается. Теперь только судьба сможет дело поправить. Ведь на тебя даже боги заглядываются, и следует тебе всего и всякого остерегаться, а пуще всего министра Яугандхараяну, изощренного во всяких интригах. Если подумает он, что свадьба может причинить ущерб государству, обязательно найдет какое-нибудь препятствие, а если и состоится свадьба, то найдет он какой-нибудь грех за тобой. Он строг в делах веры, и смотри, дорогая, не соверши греха. Всегда нужно остерегаться и жены-соперницы! Послушай, расскажу я тебе историю

об алчной подвижнице и хитроумном цирюльнике

Есть в этой стране город Икшумати и около него река, одинаково с городом называвшаяся, — так их нарек мудрец Вишвара. Неподалеку от них начинался дремучий лес, а в нем пророк Манканака¹⁵⁸ совершал великий подвиг — стоял, подняв высоко кверху ногу. Так совершал он свой подвиг, и случилось однажды ему увидеть летевшую в небесной выси апсару Менаку¹⁵⁹. Одежды апсары развевал ветер, и Манканака, увидав ее прелести, пораженный страстью, изверг семя, и попало оно на дерево кадали¹⁶⁰. Родилась от этого дерева дева, совершенная во всем, ибо семя пророков рождает только совершенство. Раз родилась она от дерева кадали, мудрец Ман-

канака нарек ее Кадалигарбхой, то есть „рожденная от кадали“. Росла она в обители своего отца, как Крипи¹⁶¹, дочь мудрого Гаутамы¹⁶², ставшая женой Дроны¹⁶³, а родившаяся от того, что отец ее, увидав апсару Рамбху, изверг свое семя.

Вступил однажды на землю обители Дрирхаварман, повелитель Мадхьядеша¹⁶⁴, примчавшийся на коне в пылу погони за оленем, и взор его упал на Кадалигарбху, одетую во власяницу. А эта одежда, обычная для дочерей пророков, делала ее еще красивее. „Где уж гаремным затворницам с ней сравняться? Как бы мне сделать ее своей женой, подобно тому как Душьянта сделал своей женой Шакунталу, дочь пророка Канвы?“ Заметил раджа приближавшегося Манканаку, собиравшего хворост и траву для жертвоприношения, слез с коня, поклонился ему в ноги, осведомился о здоровье и себя назвал. Тогда Манканака позвал Кадалигарбху и велел ей: „Ты, дочка, сделай все что нужно для гостя!“ И когда она смиренно промолвила: „Повинуюсь!“ — спросил раджа у пророка: „Как и откуда здесь у тебя такая дочка?“ Поведал тогда ему Манканака и историю ее рождения и почему ее так нарекли, а раджа сказал ему: „Правильно дано ей имя!“ Посчитав ее дочерью апсары Менаки, попросил Дрирхаварман пророка отдать ему в жены Кадалигарбху, и отдал тот ему дочь. Благодаря божественному знанию предки не раздумывали долго. Узнав об этом силой своего провидения, из любви к Менаке спустились апсары с небес и нарядили Кадалигарбху к свадьбе, а затем, насыпав ей в руку горчичных зерен, наставляли: „Когда пойдешь отсюда в дом мужа, ты эти семена сыпь потихоньку по дороге. Если случится, что муж тебя обидит, ты возвращайся сюда — горчица, выросшая из этих семян, покажет тебе дорогу“.

Раджа Дрирхаварман посадил Кадалигарбху, наряженную к свадьбе, на коня и отправился к себе. Вот едет он, сопровождаемый войском, а Кадалигарбха сеет горчичные семена. Долго ли, коротко ли, а добрался Дрирхаварман до столицы. Поведал он обо всем случившемся министрам, отвратил свое лицо от других цариц и все время проводил с Кадалигарбхой.

Тогда старшая царица, преисполненная неизбывного горя, позвала министра и, оставшись с ним с глазу на глаз, напомнила ему его же обещания и сказала: „Увлечен раджа юной супругой, а меня вовсе забыл. Сделай так, чтобы отвернулся он от нее и возвратился ко мне“. Возразил ей министр на это:

„Не следует так поступать, божественная, людям подобным мне — ни губить ее, ни разлучать ее с раджей. Это дело подвижниц, да монахинь, да бродячих мошенников и плутов. Это они, притворяясь истинными подвижниками, проникают в дома, сеют сплетни и плетут интриги, и чего-чего только они не делают!“ От таких слов еще пуще опечалилась царица и сказала ему: „Остановись! Как могу я совершить то, что добрыми людьми осуждается!“ Так она ему сказала и отпустила его, а слова его запомнила и через служанку все-таки вызвала какую-то монахиню и все, что хотела, рассказала ей. А чтобы та согласилась, да и ради успеха задуманного, посулила щедро наградить. Ответила ей на это алчная притворная подвижница: „Да разве это задача, божественная? Все для тебя сделаю! Много средств я знаю, много способов разных!“ Так монахиня успокоила царицу, ушла в свою хижину, а там с некоторой опаской подумала: „Не худо бы пожить на этой затее! Только поспешила я согласиться-то на просьбу царицы — нету ведь у меня таких-то знаний! Не следует здесь в царском дворце применять хитрости, которые сходят с рук в других местах. Ежели проведает раджа, так и казнить может. Да вот есть один способ! Ведь цирюльник-то мне приятель. Уж он-то в таких делах мастер и, верно, поможет в этом“.

С такими мыслями поспешила она к цирюльнику и рассказала ему обо всем, о чем царица просила. А цирюльник был старый плут и тотчас смекнул: „Убивать новую-то царицу не следует. Напротив, нужно сохранить ее жизнь. Отец ее обладает даром провидения и сразу же догадается. А вот если мы отдадим царя от его новой жены, то денежки старшей царицы наши. Когда господин и слуга заодно в темном деле, то господином становится слуга! Потом и раджу нужно будет опутать, и тогда на нем с дочерью пророка тоже пожить сумею. И греха на мне большого не будет, и надолго поживы хватит!“

„Вот что, матушка, — обратился цирюльник к ложной подвижнице, — все я сделаю с помощью волшебства. Не следует только доводить до смерти новую жену раджи, потому что случись радже об этом узнать, то он всех нас погубит. Да и грешное это дело женщину убивать. Непременно ее отец, пророк, нас бы за это проклял. Поэтому надо хитростью отвлечь от нее раджу. Старшей царице от этого счастье, а нам денежки! Да что! Еще и не то сделаю с помощью ума! Послушай-ка, расскажу я тебе, на что мой ум способен.“

Отцом нынешнему радже Дрирхаварману приходится раджа Духшила, Скала распутства, а я, раб, у того раджи был в брадобреях. Как-то раз гулял он, гулял, да и заприметил мою жену, и приглянулась ему и юность ее, и нежность, и красота. Узнал от слуг своих, что это-де жена брадобрея и, подумав: „Что сможет брадобрей мне сделать!“ — вошел ко мне в дом. А в тот день по какой-то надобности ушел я куда-то из дому. Вот этот цариска овладел безнаказанно моей женой и ушел. Вернулся я на следующий день, гляжу, что-то не в себе моя жена. Стал я ее расспрашивать, и поведала она мне о том, какова честь ей досталась. Никак не мог я радже помешать, и стал он постоянно к моей жене навещаться. Все равно ему было — дома я или нет меня — вовсе от страсти он с ума спятил. Ведь огню, ветром раздуваемому в лесу, все одно — что былинка, что бревно! Увидел я, что нет у меня никакого средства остановить это, и придумал тогда такое: стал мало есть и похудел и отощал. Пришел я однажды к радже и стал, тощий и бледный, заниматься своим ремеслом, тяжело при этом вздыхая. Заметил раджа мою слабость и говорит с сочувствием: „Что это с тобой приключилось? Расскажи-ка мне“. Настойчиво расспрашивал раджа, и я, попросив, чтоб он не гневался, вот что ему сказал: „Божественный, моя жена, оказывается, ведьма. Она по ночам из меня все кишки вытаскивает, высасывает из них все, а потом снова их обратно закладывает. От этого я и отощал. Никакой пищи не хватит, чтобы поддержать мои силы“. Рассказал я ему об этом, и раджу одолели сомнения и стал он думать: „А что если и вправду она ведьма? Если я ею околдован? Если она и из меня тоже начнет кишки тянуть да высасывать? Вот уж я сам у нее каким-нибудь способом об этом выведаю“. Велел раджа накормить меня как следует, а я, придя домой к жене, разревелся. Стала она меня тут расспрашивать, что да как, и я прошептал ей: „Смотри, милая, никому о том не рассказывай, что я тебе расскажу. У нашего-то раджи в заду зубы, да такие твердые, что алмаз. Брил я его сегодня да сломал бритву. Теперь бреешь его, бреешь, и всякий раз бритва ломается. Откуда мне всякий раз новую бритву брать? Вот и плачу я! Чем на хлеб зарабатывать буду?“ Решила женушка, когда уснет раджа, посмотреть, что за зубы у него в неположенном месте выросли? А не догадалась, что враки это и с сотворения мира такого не бывало. Смышлены женщины, да и их плут надуть может.

Наступила ночь, и раджа пришел и улегся с моей женой и, словно бы притомившись, заснул. Она же, вспомнив о том, что я ей рассказал, решила рукой пощупать, что это за зубы. Почувствовал раджа, куда ее рука тянется, как вскочит да как закричит: „Ведьма, ведьма!“ — и, перепугавшись до смерти, убежал. С тех пор оставил натерпевшийся страху раджа мою жену в покое, и стал я жить счастливо с ней, и никого она, кроме меня, не знала. Так-то вот я с помощью хитроумия избавил свою жену от царской милости“.

Поведав все это подвижнице, сказал цирюльник: „Поэтому, почтенная, и то дело, которое тебе хочется устроить, только с помощью ума можно сделать, а что и как сделать, я тебе скажу. Слушай же! Нужно найти на женской половине дворца старого слугу, который согласился бы сказать царю тайком: „Жена твоя Кадалигарбха — ведьма! Из леса она, среди людей нет у нее ни свата, ни брата!“ Слуги-то все продажны, из жадности чего только не сделают! Когда же зародится у раджи сомнение от таких слухов, нужно ночью подбросить в спальный покой Кадалигарбхи руки и ноги, от трупов отсеченные. Тогда раджа, увидев утром все это, посчитает сказанное ему старым слугой за истину и в страхе сам отвернется от нее. Будет старшая царица тогда довольна, щедро тебя вознаградит, да и мы в прибыли будем!“

Согласилась подвижница с цирюльником, пошла к старшей царице и все ей подробно растолковала. Когда же все было сделано, как сказано, и раджа своими глазами убедился, что Кадалигарбха — ведьма и отвернулся от нее, обрадовалась старшая царица и на радостях щедро наградила подвижницу, а та, как было условлено, поделилась с цирюльником. А что до Кадалигарбхи, то она, покинутая Дрихаварманом и мучающаяся из-за его недовольства, оставила дворец и каким путем в него пришла, тем и из него ушла. И, направляясь к отцовскому дому, дорогу она находила по кустикам горчицы, которую посеяла по пути в дом жениха. Увидал Манканака, как она подходила к его обители, и подумал на миг, что дурно она себя, должно быть, вела. Но тут же благодаря силе прозрения, присущей отшельникам, понял он, что случилось, и, успокоив ее, вместе с ней отправился во дворец. Пришли они, и отец рассказал, что не совершила Кадалигарбха никакого греха и что все это было сделано старшей царицей из-за опасения соперницы. Тогда пришел к радже цирюльник и пове-

дал об всем, что и как было задумано. „Отослал я отсюда Кадалигарбху, чтобы спасти ее от всяких заклинаний против нее, а с помощью этого я и старшую царицу оберечь!“ Узнав такое, убедился раджа в добродетельности Кадалигарбхи и в правильности сказанного лучшим из пророков и снова принял жену. Ушел Манканака. Раджа наградил цирюльника, подумав: „Вот истинно преданный мне!“ — и стал счастливо жить с Кадалигарбхой, отдалив от себя старшую царицу. Так-то мошенники надувают царей!

Вот какие горести и интриги приходится претерпевать женам от соперниц, Калингасена, красавица моя! Ты еще девушка, и, раз свадьба твоя отложена, многие боги, трудно даже подумать сколько их, желают тебя. Раз ты сама поручила себя единственному украшению мира — повелителю ватсов, то теперь ты сама себя должна охранять! Я же не смогу теперь приходить к тебе — ты теперь в доме супруга. Никогда добродетельные женщины не ходят в дома к замужним подругам, и мой муж сегодня уже запретил мне к тебе ходить. Хоть и сильно полюбила я тебя, но не могу я даже тайно тебя навещать, ибо обладает мой муж даром божественного всевидения. Сегодня же пришла я к тебе только с его особого позволения. Не могу я теперь оставаться с тобой, подружка моя милая, и уйду домой, а если удастся мне упротить мужа, то приду снова и стыд мне не помеха».

День уже угасал, когда Сомапрабха, дочь повелителя асуров, в слезах попрощавшись с Калингасеной, дочерью земного царя, лицо которой тоже было залито слезами, улетила небесной дорогой к себе домой.

ВОЛНА СЕДЬМАЯ

И вот царевна Калингасена, покинувшая родную страну, родных и близких, не надеющаяся на скорую свадьбу с повелителем ватсов, тоскуя по оставившей ее Сомапрабхе, металась в Каушамби, словно газель, выскочившая из родного леса на

голое поле. Властитель ватсов хмурился на звездочетов, нагадавших ему отсрочку сочетания с Калингасеной. С сердцем, отягченным томительным ожиданием, пошел в тот день раджа облегчить душу в покои царицы Васавадатты. Она же, подученная министром, не выказала супругу никакого недовольства и встретила его заботой и ласками. Захотелось ему узнать, не разгневалась ли на него Васавадатта, узнав о Калингасене. «Ты знаешь, — спросил он царицу, — сюда прибыла царевна Калингасена, чтобы избрать меня в мужья?» Она же, и глазом не моргнув, ответила ему на это: «Ведомо мне это, и очень я рада. словно сама богиня Лакшми осчастливила нас своим приходом. Ведь ее приход означает, что Калингадатта, отец царевны, становится твоим вассалом и власть твоя распространится благодаря этому на всю землю. А что до меня, то счастлива я твоему величию и счастье твое — мое счастье. И почему мне не радоваться тому, что царевны предпочитают тебя всем другим раджам и князьям?»

Все точно, как ее научил Яугандхараяна, сказала царица Васавадатта повелителю ватсов, и он обрадовался сказанному. И он отведал с ней разных яств, и принял из ее рук бетель, и остался на ночь в ее покоях. Но, проснувшись среди ночи, задумался Удайна: «Почему так благородно согласилась царица на то, чтобы Калингасена стала мне женой наравне с ней? Как может она сносить ее присутствие, когда из-за свадьбы моей с Падмавати чуть не лишила себя жизни? Ведь если все это противоречит ее желаниям, то все погибнет — от этого ведь зависит судьба сына моего, тестя и тещи, зятьев и золовок, и Падмавати, и самого царства? Что тут скажешь? И как мне при всем этом жениться на Калингасене?»

В таких раздумьях повелитель ватсов на исходе ночи покинул покои Васавадатты, а на другой день вошел он к царице Падмавати. Она же, подученная Васавадаттой, встретила его заботами и ласками и приятной беседой, и услышал он от нее такое же согласие, как и от Васавадатты. Убедившись в том, что обе царицы и думают и говорят одинаково, растроганный царь рассказал об их единодушии Яугандхараяне, а тот, видя, что раджа впал в нерешительность, и посчитав это удобным случаем для подкрепления задуманного, так сказал: «Думаю я, что это не так. Скрыта за их словами цель ужасная — они обе хотят лишить себя жизни. Ведь бла-

городные женщины, если умирает их супруг или увлечен другой, готовы умереть и никаких иных желаний у них нет. Невыносимо для них крушение их любви. Слушай, раджа, поведаю я тебе

о царе Шрутасене

В давнее время в южных землях правил в городе Гокарна¹⁶⁵ царь Шрутасена, и был он украшением рода и светочем знаний. Всего было у него в достатке, и лишь одна забота тревожила его — не было у него жены, равной ему достоинствами. Однажды во время беседы, видя, что царь чем-то озабочен, сказал ему брахман Агнишарман: „Расскажу я тебе, раджа, про два чуда, виденные мной. Слушай! Странствовал я по местам святых купаний, и случилось мне посетить пять из них, прославившиеся тем, что пять апсар жили там, обращенные проклятием пророка в крокодилов. Они были избавлены от этого проклятия только благодаря славному герою Арджуне, совершавшему там же святые омовения. Есть у этих мест такое свойство — каждый омывшийся там и проводивший пять ночей становится спутником Нараяны¹⁶⁶. А когда отправился я туда, увидел по пути пахаря, пашущего плугом поле и поющего. Спросил его какой-то монашек о дороге, но крестьянин, увлекшийся пением, не расслышал его. Разозлился монашек и стал всячески поносить крестьянина. Тот кончил петь и так ему сказал: „Хоть ты и монах, а вижу я, что нисколечко веры своей не знаешь, а я хоть и не учен, а в вере крепок“. „Да ты-то что знаешь?“ — возразил монашек в изумлении. Ответил ему пахарь: „Пойди-ка в тень и слушай, что я тебе расскажу.

Есть тут у нас три брахмана, три брата: Брахмадатта, Сомадатта и добродетельный Вишнудатта. Двое старших уже женаты, а третий, самый младший из них, — холостой. Он безропотно по слову старших братьев выполнял всякую работу вместе со мной, а я — их крестьянин. Старшие братья считали его лишенным разума, потому что всегда он был добродетельным, отзывчивым, безустанным, готовым разделить и труд, и дорогу. Но вот вспыхнули к нему любовной страстью обе невестки, а он, относившийся к каждой из них, как к матери, отказался потворствовать им. Тогда пошли они к мужьям и

соврали им: „Ваш-то младшенький к нам обеим страстью воспылал и по одиночке заманивает!“

Разозлились на него старшие братья — не разобрали они, что верно и что неверно в речах их жен. Вот и говорят они ему: „Ступай-ка на поле. Есть там муравейник, так ты его сровняй с землей!“

„Ладно“, — ответил он, пошел на поле и стал лопатой разбивать муравейник, а я ему и говорю: „Осторожно, осторожно, ведь там нора черной кобры!“ Отвечает он мне: „Чему быть, того не миновать!“ — и продолжает рыть, выполняя то, что велели ему злые братья. Копал он, копал и докопался до чаши, полной золотых монет, а не до змеи — добродетель помогает добрым людям! Притащил он эту чашу к братьям и отдал им, хотя и отговаривал я его от этого. А они послали к нему убийц, подкупив их частью найденного им золота, и те отрубили ему руки и ноги. Но он и тогда не разгневался на братьев. И за такую его праведность вознагражден он был тем, что снова выросли у него и руки и ноги.

Повидав все это, с тех пор и я перестал злиться, а ты хоть и занимаешься подвижничеством, а все от злобы не избавился! Благодаря моему беззлобию я в рай попаду. Гляди!“ — и с этими словами крестьянин, покинув свое тело, взвился в небо.

А теперь слушай, царь, о другом чуде, виденном мною“, — и Агнишарман продолжал рассказ.

„Продолжал я странствовать по местам священных омовений и достиг страны на берегу океана, где правил раджа Васантасена. Только вошел в царскую трапезную, как остановили меня брахманы: „Не ходи здесь, брахман, это место для царевны. Имя ее Видьютдхота, и так она прекрасна, что, если кто-нибудь, будь даже пророк, увидит ее, будет сражен стрелой бога любви и не жить ему на белом свете“. Возразил я им на это: „Что же тут удивительного? Я каждый день вижу великого царя Шрутасену, по красоте равного Кандарпе, богу любви. Когда он покидает дворец, отправляясь на охоту или для чего-нибудь другого, слуги уводят женщин из благородных семей, опасаясь, что при взгляде на него преступят они добродетель“. После таких слов столтник и пурохита¹⁶⁷, поняв, кто я, повели меня прямо к царю разделить с ним трапезу, и увидел я тогда царевну Видьютдхоту, прекрасный стан которой был подобен магическому заклятию бога любви, способному зачаровать весь мир. Долго не мог я отвести от нее

глаз и подумал, что если достанется нашему радже такая жена, то забросит он все государственные дела. Но и не рассказать о ней моему повелителю я не могу — иначе случится то же, что с Девасеной и Унмадини.

В стародавние времена в державе раджи Девасены жила купеческая дочка, и была она такая красивая, что с ума сводила весь мир, и звали ее поэтому Унмадини, то есть „сводящая с ума“. Хотя отец и предлагал ее в жены Девасене, но раджа отказался — сказали ему брахманы, остерегаясь, как бы не отвлекся он из-за нее от государственных дел, что дурные у нее приметы. Выдали ее тогда замуж за главного министра. Случилось однажды, что увидал ее раджа, когда выглядывала она в окно, и поразила его ее красота так, будто опоили его ядом, — тотчас же обмер он и не мог уже ни спать ни есть. И ее муж, главный министр, и все прочие министры уговаривали раджу взять Унмадини в жены, но Девасена был тверд и не взял ее, а умер от любви к ней. Если такая же история и здесь случится, то это принесет ущерб! Подумав так, рассказал я радже об этом удивительном случае“. Раджа Шрутасена выслушал все, что ему рассказал Агнишарман. И тот, словно приняв его слова за веление бога любви, всеми помыслами устремился к Видьютдьоте. Тотчас же послал он за ней Агнишармана и сделал ее своей женой. Стали раджа с царевной неразлучны, как солнце и его сияние.

Но вот приходит однажды к Шрутасене дочь богатого купца Матридатта, гордая своей красотой, и избирает раджу себе в мужа. Опасаясь нарушить обычай, взял Шрутасена в жены купеческую дочку. Узнав об этом, Видьютдьота так горевала, что сердце ее разорвалось. Поспешил к ней раджа и увидел, что лежит она бездыханная. Положил он ее к себе на колени и от горя сам расстался с жизнью, а Матридатта, купеческая дочь, сама взошла на его погребальный костер. Так-то вот и раджа погиб и царство пришло в разорение.

Поэтому, раджа, страшно препятствовать сильной страсти, особенно когда дело касается таких людей, как высокоблагородная царица Васавадатта. Если ты женишься на Калинга-сене, Васавадатта, несомненно, лишит себя жизни. Царица Падмавати глубоко к ней привязана и поступит так же. А что будет с сыном твоим Нараваханадаттой? Не знаю, сможет ли вынести все это сердце божественного, но, без сомнения, если так пойдет, все сразу рухнет. Скрытый смысл сказан-

ного обеими царицами достаточно ясен — твердо решили они расстаться с жизнью.

О том, что нужно заботиться о своей выгоде, знают даже звери. Так что не приходится, божественный, и говорить, что подобные тебе, наделенные мудростью, сумеют уберечь себя от беды!»

Внимательно выслушал властитель ватсов Яугандхараяну и, подумав, согласился с ним: «Без сомнения, если так случится, погибнет все, что мне дорого. Думаю я поэтому — что за смысл мне жениться на Калингасене? К тому же звездочеты назначили ждать такой долгий срок! И разве будет против обычая, если я не возьму в жены девушку, пришедшую избрать меня в мужа?» Обрадовался Яугандхараяна, услыша такие речи от своего повелителя, и подумал: «Дело наше движется к успеху, как мы того желаем! А почему бы и не принести плодов лиане тонкой политики, если в нужное время и в нужном месте полить ее благотворной водой умения?» С такими мыслями поклонился он почтительно радже и ушел к себе домой.

Удаяна же пошел к царице Васавадатте, встретившей его угощением, подобающим гостю, и сказал, утешая: «Знаешь ли ты, газелеокая, что я тебе скажу? Что для лотоса вода, то для меня твоя любовь! Ведь я даже и слышать не могу имени другой женщины! Калингасена-то ведь силой ворвалась в мой дом! Известно же, что, когда Арджуна, совершая святое подвижничество, отверг апсару Рамбху, пробовавшую навязать ему свою любовь, обречен он был ее проклятием на жизнь евнуха. Из-за этого-то целый год провел он, наряженный в женское платье, во дворце Вираты¹⁶⁸. Вот и не стал я ничего говорить Калингасене. Ведь без твоего желания не смею я и слова сказать!»

Так утешив царицу и словно бы вложив свое полное любви сердце в уста ее и смягчив жестокую истину, провел раджа с ней ночь. И гордился он проникновенным умом своего главного министра.

В это же время друг министра, брахмаракшас Йогешвара, назначенный Яугандхараяной следить днем и ночью за Калингасеной, пришел и рассказал лучшему из министров: «И день и ночь смотрел я за домом Калингасены и внутри и снаружи, но не видел, чтобы приходил к ней кто-нибудь из божественных мужей. Но сегодня, когда ночь показала свое

лицо, спрятался я под крышей и услышал голос, раздававшийся с неба. Желал я узнать, откуда он доносился, но так и не понял. Показалось мне, будто голос этот принадлежит кому-нибудь из тех, кто наделен божественной силой и скитается в небесах, жаждая насладиться красотой и прелестями Калингасены. Знания моего недостаточно было, чтобы узнать это, но мудрому и проницательному не так уж трудно найти лазейку. Как соизволил сказать лучший из министров, божественные мужи желают Калингасену. Об этом же, слышал я, говорила Калингасене и ее подруга Сомпрабха. Вот и пришел я к тебе, чтобы сообщить все это. Поэтому прошу я тебя — повели, что надлежит делать. Слышал я, спрятавшись, как ты говорил радже, что и звери себя защищают. Расскажи мне об этом!» — закончил брахмаракшас. И тогда сказал Яугандхараяна: «Есть, друг, об этом один рассказ. Слушай, я поведаю тебе

о сове, мангусте, кошке и мышь

Стоял недалеко от города Видиши¹⁶⁹ раскидистый баньян, и жили там четверо — сова, мангуста, кошка и мышь, и у каждого было свое жилье. В корнях с разных сторон дерева устроили свои норы мангуста и мышь, в дупле ствола было жилище кошки, а выше всех, там, где ветви густо оплетены лианами и куда никто не мог добраться, поселилась сова. Трое из них могли съесть мышь, а для кошки все они могли послужить пищей. Поэтому, опасаясь кошки, мышь, мангуста и сова покидали свои жилища для поисков пищи только ночью, а кошка бесстрашно разыскивала себе пропитание и ночью и днем. Часто в надежде изловить мышь наведывалась она на соседнее поле, засеянное ячменем.

Однажды, когда трое других отправились на охоту, пришел на то поле чандала — охотник и, заметив следы кошки, расставил силки, чтобы ее поймать, и ушел. А кошка, когда пришла на поле охотиться за мышами, попала в одну из ловушек. Но вот на то поле поискать себе пищи тайком пробралась мышь и, увидав кошку, запутавшуюся в сети, обрадовалась и заплясала. В это же время с дальнего конца поля появились мангуста и сова и, увидев, что кошка в силках, решили

изловить мышь. А та, издали заметив их, поняла, что пришел ей конец: „Если я попрошу убежища у кошки, страшной для совы и мангусты, то, хотя кошка и связана, она одним ударом может убить меня. Если же удалюсь я от нее, то либо сова, либо мангуста меня убьют. Куда же деться мне от этих врагов? Видно, в этой беде нужно мне искать помощи все-таки у кошки — она спасет меня, а я помогу ей выбраться из петли“. Так решив, тотчас же подбежала мышь к кошке и сказала ей: „Горько мне видеть тебя в путах, и поэтому перегрызу я их. Ведь соседи мы, а в этом случае даже у врагов, если они честны, возникает взаимная привязанность. Но не знаю я, есть ли она у тебя ко мне, и поэтому нет в моей душе к тебе веры“. В ответ на это сказала кошка: „Милая, ты должна мне доверять. Будь мне отныне другом, подательница жизни!“ Услышав от кошки такие слова, прижалась к ней мышь, а сова и мангуста увидели это и удалились, огорченные. Тогда кошка, почти задохшаяся в силке, попросила мышь: „Ночь уже почти на исходе. Перегрызи-ка поскорее сеть“. Та, однако, не спешила, надеясь на приход охотника, но притворялась, будто она на самом деле перегрызает сети. Когда же ночь минула и забрезжил свет, и появился на поле охотник, и кошка при виде его пуще взмолилась о спасении, мышь быстро разгрызла петлю. Освобожденная от сети кошка, опасаясь охотника, тотчас же убежала, а мышь, спасаясь таким образом от смерти, спряталась к себе в нору. Хотя кошка и зазывала мышь к себе, но та не верила ей и сказала так: „Бывает, что и враг, в беду попав, станет дружбы искать, да ненадолго это!“

Уж если мышь сумела спастись от беды — что уж говорить о людях! Рассказал я эту историю, которую ты только что прослушал, радже, а тот, оберегая царицу, оберегает и свое царство. Всюду и всегда самый лучший друг человеку — ум! Расскажу я тебе, Йогешвара, еще одну историю, а ты слушай

о жадном брахмане, утратившем найденный клад, и о радже Прасенаджите

Есть такой город Шравасты¹⁷⁰, а правил там в давние времена раджа Прасенаджит. Случилось так, что пришел туда один брахман-странник — никогда он не принимал пищи от

шудры. Подумал один купец, что это, должно быть, очень добродетельный человек, и помог ему поселиться в доме другого брахмана. Жил он там, и со временем, узнав об этом, другие достойные купцы наполнили его дом сушенными и вареными и разными жертвенными дарами и деньгами. Жадный брахман собрал из всего этого богатства тысячу золотых динаров, пошел в лес и закопал в землю. Стал он каждый день ходить на то место и присматривать, но однажды, раскопав землю, увидел он, что сокровище исчезло. Отчаяние завладело его сердцем при виде опустевшей ямы, и все вокруг показалось ему пустотой.

Вот приходит он, рыдая, домой и рассказывает брахману, хозяину дома, всю свою историю, и что, мол, теперь отправится он на тиртху¹⁷¹ и ничего есть не будет, пока не умрет. Тут его покровитель вместе с другими купцами так ему сказал: „Из-за этого-то ты хочешь умереть! Но ведь богатство приходит и уходит, как облако!“ Но не убедили они брахмана, и по-прежнему хотел он умереть — ведь для скряги деньги дороже жизни! Тогда сам раджа Прасенаджит, которому стало известно о желании брахмана, пришел к нему. Спросил его раджа: „Есть ли какие-нибудь приметы, брахман, в том месте, где ты зарыл деньги?“ Ответил ему на это брахман: „Есть, божественный, в лесу маленький кустик; под его корнями и зарыл я свои сокровища“. Тогда раджа решил: „Велю я разыскать твое богатство, не следует, брахман, из-за кубышки расставаться с жизнью“. Такими словами удержал раджа брахмана от смерти и, поручив его попечениям купца, вернулся к себе и повелел смотрителю дворца под предлогом, что у него заболела голова, послать глашатаев с барабанами, чтобы передали они царское повеление всем лекарям собраться во дворец. Когда же они пришли, то стал Прасенаджит их спрашивать каждого по одиночке, сколько у него больных и какое дает он лекарство. И все они ему отвечали, как он спрашивал, и, когда дошла очередь до одного лекаря, тот так сказал: „Лечится у меня купец Матридатта, и вот уже два дня, как велел я ему принимать змеиный корень“. Тогда велел раджа позвать того купца: „Скажи-ка, как ты добыл змеиный корень?“ „Послал, божественный, я за ним слугу!“ Послали за слугой, и сказал ему раджа: „Выкопал ты змеиный корень из-под дерева и нашел там клад. Деньги эти принадлежат брахману. Отдай их хозяину“. Испугался слуга и, выразив

согласие, пошел за золотыми, а когда он принес их, позвал раджа брахмана, уже отказавшегося от пищи, и вернул ему его сокровище — и словно сама жизнь вернулась к этому скряге. Так с помощью ума раджа вернул похищенное из-под корней дерева сокровище, словно добыл снадобье, возвращающее к жизни.

С умом нужно браться за дела, особенно такие, как у нас с тобой, и потому, Йогешвара, следует тебе так ухитриться, чтобы стала известна греховность Калингасены. Известно ведь, что жаждут ее и боги и асуры. Вот ночью и слышал ты чей-то голос с небес. Если станет нам ведомо, что согрешила она, то ей будет плохо, а не нам, и если не захочет тогда раджа жениться на ней, то никто и ничего недостойного в этом не усмотрит». Обрадовался брахмаракшас Йогешвара, слыша такие слова многомудрого Яугандхараяны, и сказал на это: «Кто превзойдет тебя в политике, кроме божественного Брихаспати? Твоя рассудительность подобна дождю амриты, оросившему древо державы! И умом и хитростью буду я стараться постоянно узнавать все о поступках Калингасены!» — и с этими словами расстался Йогешвара с Яугандхараяной.

А тем временем Калингасена томила — то металась она в саду, то выбегала на крышу дворца, всматриваясь, не идет ли к ней повелитель ватсов. С сердцем, ему отданным, страстью палимая, она, руки которой оплетены браслетами, похожими на стебли лотосов, нигде не могла найти успокоения, и даже растирание сандаловым маслом не приносило ей покоя. А по Калингасене, с тех пор как впервые ее увидел, томился Маданавега, повелитель видьядхаров, глубоко пораженный стрелой Камы, бестелесного бога любви. И хотя подвигами своими заслужил он благоволение Шанкары, но нелегко ему было достичь счастья — любви Калингасены, страстно полюбившей не его, а другого и покинувшей ради того свою страну. Повелитель видьядхаров, стремясь овладеть ею, по ночам летал в небе над ее дворцом. Но вот однажды ночью, вспомнив совет, данный ему Шивой, довольным его подвижничеством, силой волшебства принял Маданавега облик повелителя ватсов, словно бы втайне пренебрегшего отсрочкой, которую ему посоветовали министры, и, почтительно встреченный привратником, вошел в ее покой.

Увидав его, вздрогнула Калингасена и поднялась навстречу, и от ее порыва зазвенели украшения, как бы предупреж-

дая: «Не тот это, которого ты ждешь!» А Маданавега, принявший облик повелителя ватсов, сделал ее своей супругой по обычаю гандхарвов.

Йогешвара же, незримо проникший в покой Калингасены, был обманут обликом, принятым Маданавегой, и, решив, что это Удаяна, поспешил сообщить ту весть, как велено было, Яугандхараяне. Тот же, обнаружив с помощью своей проницательности, что Удаяна в это время был у Васавадатты, велел Йогешваре снова вернуться в покои Калингасены. И довольный брахмаракшас поспешил туда, чтобы, как сказал ему лучший из министров, рассмотреть повнимательнее облик тайного возлюбленного Калингасены. И тут увидел он подле спящей царевны охваченного глубоким сном Маданавегу — на этот раз уже в его подлинном облике; ведь пока он, на не оскверненных пылью лотосоподобных стопах которого были изображены царский зонтик и родовой стяг, спал, сила, с помощью которой он принимал другой облик, переставала действовать.

Обрадовался Йогешвара и поспешил об этом сообщить Яугандхараяне: «Ничего-то такой неуч, как я, не знает, но тот, кто наделен очами политика, рассуждая правильно, способен совершить несовершенное. Разве может жить небо без солнца? Или озеро без воды? Держава без управления? Речь без правды?» Обрадовался Яугандхараяна и отпустил Йогешвару, а сам чуть свет отправился к повелителю ватсов и рассказал ему все, как было, и спросил под конец, что же делать с Калингасеной: «Своевольна она, и не следует тебе, раджа, касаться ее. Захотелось ей — и отправилась она к Пра-сенаджиту. Убедившись, что стар он и безобразен, желая красивого супруга, решила отправиться к тебе, а нынче по своему желанию сошлась с другим мужчиной!» «Как это может быть? — возразил ему Удаяна. — Ведь она девушка из благородной семьи! И как мог проникнуть на женскую половину дворца кто-то чужой?»

Сказал ему на это многомудрый Яугандхараяна: «Этой ночью, божественный, увидишь ты все своими глазами и сам убедишься. Желают ее и боги и сиддхи — что уж говорить о простых смертных! А кто может, раджа, воспрепятствовать богам приходить туда, куда им хочется? Приходи и все увидишь воочию». Согласился властитель пойти с ним вместе ночью в покои Калингасены. Яугандхараяна же отправился к

Васавадатта и сказал ей: «Ведь твердо обещал я тебе, царица, что ни на ком Удаяна не женится, кроме Падмавати!» После этого поведал он царице обо всем, что случилось с Калингасеной. Царица же поклонилась ему и промолвила: «Это плод твоих наставлений мне!»

Когда же пришла ночь и сон овладел всеми людьми, повелитель ватсов и Яугандхараяна тайно проникли в покои Калингасены и увидели находившегося рядом с ней, охваченной глубоким сном, Маданавегу в его настоящем облике. Взъярился Удаяна и хотел тотчас же убить похитителя девичьей чести, но, словно, охраняемый своей мудростью, видьядхар проснулся и тотчас же взлетел в воздух. Тогда и Калингасена очнулась от сна, и вскочила, и при виде опустевшего ложа воскликнула: «Что это? Повелитель ватсов проснулся раньше меня и, оставив меня спящей, удалился?»

Услыхав эти слова, Яугандхараяна воскликнул: «Слушай, слушай! Обманута она кем-то, принявшим твой облик. Я-то узнал об этом с помощью моей волшебной силы и вот теперь показал все тебе. Но не можешь ты убить осквернителя, ибо он божественного происхождения». Подошел министр с раджей к Калингасене, почтительно приветствовавшей их. «Ты уходил куда-то, раджа? А теперь пришел с министром?» — проговорила она. И сказал тогда ей Яугандхараяна: «Кто-то другой, принявший облик повелителя ватсов, стал, Калингасена, твоим супругом. Обманул он тебя, и не станет мой господин твоим мужем!» Такие слова словно стрела вонзились в сердце Калингасены и, заливаясь слезами, обратилась она к властителю ватсов: «Разве не помнишь ты, раджа, как сделал меня супругой по обычаю гандхарвов? Забыл ты меня, как Душьянта Шакунталу!» И, опустив голову, сказал ей на это Удаяна: «Истинно, не брал я тебя в жены! Сегодня первый раз вошел сюда!» Тогда Яугандхараяна, говоря: «Идем, идем отсюда!» — поспешил увести его во дворец.

Когда же они ушли, Калингасена, одна на чужбине, бросившая родных, подобная газели, отбившейся от стада, лотосу, растоптанному слоном, залилась слезами, и пряди волос закрыли ее лицо, словно пчелы, покрывшие цветок лотоса. Она, девичья честь которой была погублена, подняла глаза свои к небу и взмолилась: «Где тот, кто, приняв облик ватсов, сделал меня своей женой? Пусть он явится, мой настоящий супруг!» И как только она произнесла это, с небес сошел

в своем божественном облике, сверкающий ожерельями и браслетами повелитель видьядхаров. «Кто ты, господин?» — спросила она, и ответил он ей на это: «Зовут меня Маданавега, и я повелитель видьядхаров. Давно увидел я тебя, когда еще жила ты в родительском доме. Совершил я жестокие подвиги, чтобы добыть тебя, и Шива, довольный мною, пожаловал мне тогда желанное, но ты, увлеченная красотой повелителя ватсов, влюбилась в него, и я, не будучи в силах предотвратить вашу свадьбу, принял его облик и сделал тебя своей женой». Когда дошли до слуха Калингасены эти слова, словно полные сладостной амритой, и проникли в ее сердце, раскрылась и расцвела ее душа подобно лотосу. Так утешил Маданавега супругу, и одарил ее множеством золотых украшений, и, когда услышал он, что она его простила и укрепились в ее душе любовь к нему, удалился на небо, чтобы вернуться затем снова. «Не могу я, смертная, идти в дом моего божественного мужа, а отцовский дом я покинула движимая любовью!» — так подумала Калингасена и твердо решила ждать там, где была, обещанного прихода Маданавеги.

ВОЛНА ВОСЬМАЯ

Однажды ночью, вспомнив несравненную красоту Калингасены, повелитель ватсов воспылал страстью к ней и, поднявшись с ложа и взяв в руки меч, вошел в ее покои, а она поклонилась ему с почтением, подобающим при встрече гостя. Стал он просить ее быть его женой, но она отказалась: «Теперь я другому жена!» — «Досталась ты уже третьему мужчине¹⁷² и потому стала гетерой. И нет на мне греха соращения чужой жены!» Но на это Калингасена возразила ему: «Я пришла, раджа, к тебе, чтобы стать твоей супругой, но видьядхар Маданавега, принявший твой облик, взял меня в жены. Теперь он мой единственный муж. В чем же я нарушила долг? Если такие несчастья случаются с женами, по своей воле покидающими родных, то что же говорить о девушках? Под-

руга моя, знающая приметы, предупреждала о беде, но презрела я ее советы и послала к тебе вестника. И вот — какова мне теперь за это награда?! Если же попытаешься ты, повелитель, взять меня силой, я наложу на себя руки — разве нарушит добродетельная женщина супружеский долг?!

Послушай, раджа, поведаю я тебе историю

о добродетельной купеческой жене

Давным-давно в стране чедиев¹⁷³ правил раджа Индрадатта. Считая тело не вечным и желая в то же время сохранить и воплотить в чем-нибудь свою славу, построил он на тиртхе, называющейся „Устранительница грехов“, большой храм. Движимый истинной верой, ходил он в тот храм. И постоянно приходило туда для омовения множество людей.

Увидел он однажды пришедшую туда омыться в священных водах купеческую жену, муж которой ушел в далекие края по торговым делам. При виде этой женщины, как бы воплощенной столицы бога любви, над которой пролился дождь несравненной женской прелести, подобной амрите, женщины, изящные бедра которой подобны были двум колчанам, полным стрел, и позволили пятистрелому Кандарпе воскликнуть: „О, женщина, тобой я покорю весь мир!“, потерял раджа свое сердце.

Одолеваемый страстью, вошел он ночью в ее дом, но в ответ на его уговоры она сказала ему так: „Ведь я под твоей защитой! Не следует тебе желать чужой жены. Если же ты попробуешь взять меня силой, совершишь великое беззаконие, а я умру, ибо не смогу перенести такого позора!“ Но, несмотря на такие слова, попытался раджа овладеть ею против ее воли, и тогда от страха, что честь ее будет нарушена, разорвалось сердце той женщины. Видя, что случилось с ней, сразу же устыдился раджа и бежал оттуда, и долгие дни мучало его раскаяние. От этого он и умер».

Закончила свой рассказ Калингасена и, встревоженная и почтительная, обратилась к повелителю ватсов с такими словами: «Не совершай греха, вынудив меня лишиться жизни. Прибегла я к твоему покровительству, и позволь мне жить

здесь, а если нельзя, то уйду я отсюда». Выслушал ее раджа и, исполненный отвращения к беззаконию, ответил ей так: «Живи, царица, здесь со своим супругом. Ни о чем я тебя просить не буду. Тебе не надо меня бояться!» — и удалился к себе во дворец, а Маданавега, слышавший все это, опустил с небес. «Ты хорошо поступила, милая, — сказал он ей. — Если б иначе сделала, не вынес бы я этого!» И он утешил ее, и приласкал, и провел с ней ночь.

Каждую ночь стал приходить к ней видьядхар, и она, оставаясь с ним, хоть и была смертной, вкушала небесное блаженство. Повелитель ватсов больше не помышлял о ней и, помня слова своего министра, словно вновь обрел радость в объятиях своей супруги, государственных делах и заботах о сыне, а царица Васавадатта и министр Яугандхараяна пожинали плоды политики, подобной взращенному ими дереву.

Шли дни, и вот Калингасена побледнела и осунулась и стала капризной, ибо понесла она под сердцем. Набухли темные соски ее, а высокие груди стали словно чаши, хранящие сокровища бога любви, запечатанные восковыми печатями. Когда все это стало явным, пришел к ней Маданавега и сказал: «Пришел ныне срок, Калингасена, когда мне и всем божествам, после того, как зачала от нас смертная женщина, надлежит уйти. Разве не оставила Менака свою дочь Шакунталу в обители отшельника Канвы¹⁷⁴? Хотя и была ты в прежнем рождении апсарой, но из-за непослушания проклял тебя Шакра, и родилась ты смертной женщиной. Но как только ты вспомнишь обо мне, тотчас же я явлюсь к тебе». При этих словах мужа глаза Калингасены наполнились слезами. Одарил ее князь видьядхаров множеством драгоценностей и хотя был к ней привязан всей душой, но настало время, и он ушел. Калингасена же без мужа, в ожидании рождения младенца, словно в ожидании подруги, осталась жить под покровительством повелителя ватсов.

Как раз в это время супруг Амбики сказал Рати, жене Бестелесного¹⁷⁵, совершавшей жестокие подвиги ради того, чтобы ее возлюбленный, испепеленный Шивой, снова обрел телесный облик: «Родился твой супруг во дворце повелителя ватсов, а имя ему Нараваханадатта. Нарушил он мою волю и родился поэтому у смертной женщины. И ты по моему повелению родишься, хоть ты и божество, среди смертных и так соединишься со своим мужем». И, пообещав это Рати, Шива

повелел Праджапати¹⁷⁶, чтобы у Калингасены от семени видьядхара родился сын. «Затем тебе надлежит похитить его тайно и вместо него положить Рати в виде смертного младенца!» Возложил творец¹⁷⁷ приказ Шивы-повелителя на голову и ушел исполнять его, а Калингасена как раз тут и родила сына. А Брахма своим могуществом похитил его и, обратив Рати в человеческое дитя, подложил ее, и все это случилось незаметно. Все, кто там был, видели, что родилась девочка, подобная красотой только что народившейся луне, и никто ни в чем не усомнился. Сиянием своей красоты заполнила она все вокруг, и вереницы светильников, до этого ярко горящих, словно устыдившись, померкли. Калингасена же при виде рожденной ею необычайно красивой дочки обрадовалась больше, чем обрадовалась бы рождению сына.

Узнав о рождении такой красивой девочки, повелитель ватсов с супругами и министрами поспешил навестить Калингасену и, увидав ее дочку, обратился, словно подучил его сам Ишвара¹⁷⁸, при Яугандхараяне к Васавадатте с такой речью: «Наверное, Калингасена — женщина из божественного рода, обреченная проклятием жить на земле среди смертных. Посмотри, как божественно прекрасна рожденная ею девочка! Равна она красотой моему сыну и достойна стать его невестой!»

Молвил раджа такие слова, а Васавадатта возразила ему: «Что это ты, махараджа, говоришь сегодня непонятное! Разве можно сравнить высокий род твоего сына с родом этой, рожденной непотребной? Где твой сын и где она?» Тут раджа, думая: «Словно это не я говорю, а кто-то в меня проникший», сказал: «Давно уже предназначена она в жены Нараваханадатте!». «А я, — подумал опять раджа, — точно прислушиваюсь к этому божественному голосу. Истинно, Калингасена из благородного рода, и сказать о ней недоброе можно только потому, что совершила она какой-то проступок в прежнем рождении!»

Вступил тогда в разговор Яугандхараяна: «Говорят, божественный, после того как Шива обратил Манматху в пепел, стала Рати, его возлюбленная, совершать жестокие подвиги и, страстно жаждая встречи с мужем, молила Шиву вернуть его к жизни: „Пусть встречусь я с любимым моим, рожденным среди людей, и пусть сама я обрету ради этого облик смертной!“ Доволен был Шива ее подвигами и самоот-

верженностью и пообещал, что желание ее исполнится! Помнишь, раджа, раньше, когда родился твой сын, голос с небес назвал его воплощением Камы. Ныне же по воле Шивы в облике этой девочки родилась его супруга Рати. Мне сегодня под секретом вот что рассказала повитуха: „Не успела я принять младенца, как изменился его вид, словно подменили его. При виде такого чуда поспешила я к тебе сообщить об этом!“ Вот о чем поведала она мне, и подумал я, что это так и есть. Знать, боги своей силой подложили Рати, обращенную ими в младенца, не из чрева рожденного, а младенца, рожденного Калингасеной, похитили. Родилась, раджа, супруга для твоего сына, подлинного воплощения Камадевы, бога любви. Вот послушай, расскажу я тебе

о якше Вирупакше и его жене

Рассказывают, что был у повелителя богатств Вайшраваны слуга-якша по имени Вирупакша. Был он смотрителем над сотнями тысяч кладов, полных сокровищ. Поставил он над одним кладом на окраине города Матхуры стражем некоего якшу, и был тот недвижим, словно камень. Жил тогда в Матхуре один брахман, поклонявшийся Шиве, умевший отыскивать клады, и пришел он однажды как раз на то место. Бродя в поисках кладов со светильником в руке, заправленным человеческим жиром, выронил он его и понял, что здесь-то и зарыто сокровище. Стал он вместе с другими брахманами, своими приятелями, выкапывать клад. Якша же, назначенный охранять клад, заметил это и поспешил к Вирупакше доложить об этом. Разъярился Вирупакша и приказал якше: „Ступай и без промедления убей этих негодяев, посмевавшихся выкапывать сокровища“. Поторопился якша выполнить повеление и своей могучей силой истребил всех этих брахманов, искателей кладов — так и не достигли они желаемого. Но рассердился, узнав об этом податель богатств Кубера, и закричал на Вирупакшу: „Как ты смел, наглец, совершить грех великий — убить брахмана! Того, кто пришел из жадности разведать о кладе, не убивать следует, а отпугнуть, учинить ему всяческие препятствия“. И проклял повелитель сокровищ

Вирупакшу: „Совершил ты грех и потому родись ныне из лона смертной женщины!“ Так был проклят Вирупакша, и родился он поэтому на земле сыном какого-то брахмана, который жил за счет деревни, пожалованной ему.

После того как это случилось, якшини, жена Вирупакши, пришла к повелителю богатств и взмолилась: „Божественный, низвергни и меня туда же, куда ты низверг моего мужа. Смилуйся, ибо не могу я жить с ним в разлуке“. И так тогда Вайшравана¹⁷⁹ ответил на просьбу верной супруги: „Ты, невинная, станешь жить не рожденной из чрева в хижине рабыни того самого брахмана, в чьем доме родился твой супруг. В том доме ты встретишься со своим супругом. Благодаря тебе избавится он от проклятия и снова вернется ко мне“. Тотчас же по воле Вайшраваны эта добродетельная супруга обратилась в обычную девочку и оказалась во дворе той служанки. А служанка тотчас же заметила, что девочка наделена необычайной красотой, и поспешила рассказать об этом своему господину. „Это, несомненно, девочка из божественного рода и не рождена из женского чрева — так мне сердце подсказывает. Не сомневайся, прими ее в свою семью“. „Достойна она быть женой моему сыну“, — сказал служанке обрадованный брахман.

Шло время, и девочка эта и сын брахмана росли, и оттого, что каждый день видели они друг друга, росла их взаимная привязанность и любовь. Когда же настал срок, брахман устроил их свадьбу. Они хоть и не помнили о прежних рождениях, но чувствовали себя так, будто встретились после долгой разлуки. Долго прожили они, а когда умер ее супруг и она, взойдя на костер, последовала за ним, спало с него проклятие и снова он стал якшей Вирупакшей и снова стал приближенным владыки богатств.

Так вот рождаются по воле судьбы на земле божественные существа, и рождаются они необычно, не из чрева матери, — сказал Яугандхараяна. — И что тебе, раджа, в ее роде? Самими ведь богами назначено, чтобы дочь Калингасены стала супругой твоему сыну». Эти слова главного над министрами запали в сердце и повелителю ватсов и царице Васавадатте. И когда покинул их Яугандхараяна, прошел тот день для раджи и царицы счастливо, в играх, яствах и хмельном питье.

Шли дни, и росла дочь Калингасены, ничего не зная о прежнем своем рождении, росла и становилась все краше и

краше. Мать назвала ее Маданаманчукой, так как родилась она от видьядхара Маданавеги. Превзошла она своей красотой всех лучших красавиц земли. Иначе с чего бы все они казались в сравнении с ней безобразными? Слух об этом дошел до царицы Васавадатты, и велела она привести девочку к себе.

Привела девочку кормилица, и тогда повелитель ватсов и Яугандхараяна и все прочие увидели лицо ее подобное трепетному пламени и стройный стан ее, сладостный для очей, и все восклицали: «Не иначе сама Рати опустилась на землю». Затем Васавадатта повелела привести туда же сына ее и Удаяны, царевича Нараваханадатту, видеть облик которого подлинная радость для очей всех живущих в мире. Встретил ее Нараваханадатта, истинное торжество для очей всего мира, словно на заре озеро встречает лучи солнца, а Маданаманчука, как чакора, которая не может утолить свою жажду, впивая лучи месяца, подателя амриты, не могла оторвать от царевича, сладостного для очей, своего взора. И с той поры не могли дети больше жить друг без друга, будто взоры, которыми они обменялись, оплели их путами. Заметив, что день ото дня крепла их взаимная любовь, задумал повелитель ватсов устроить их свадьбу, predeterminedную богами. Калингасена узнала об этом и стала с любовью относиться к Нараваханадатте, как к будущему зятю.

Тогда властитель ватсов посоветовался со своими министрами и отдал Нараваханадатте половину своего дворца, а потом раджа, знающий, что и когда надлежит делать, сделал царевича, это созвездие похвальных, всем видимых качеств, наследником престола. Прежде всего на голову царевича упали слезы отцовской радости и только вслед за ними святая вода, принесенная с мест священных омовений, над которой были прочтены великие заклания из вед. И что удивительно: стоило этой священной воде омыть его подобное цветку лотоса лицо, засверкали чистым небом все страны света. И только матери надели на него цветочные гирлянды, предвещающие счастье, как тотчас же с небес полился дождь из небесных цветов и, словно соревнуясь с радостными звуками музыкальных инструментов и откликаясь на них эхом с небесной тверди, загремели божественные литавры. И кто только не отдал юному наследнику поклона? Еще больше стала благодаря этому его слава, хотя еще не было у него власти.

Затем повелел властитель ватсов призвать юношей, сыновей министров, друживших с царевичем, и возвел их в достоинство министров при своем сыне: Марубхутику, сына Яугандхараяны, сделал главным над ними; Харишикху, сына полководца Руманвата, поставил над войсками; Тапантаку, сына Васантаки, — главным над развлечениями и увеселениями; Гомукху, сына Итьяки, — главным дворецким; обоим же сыновей Гингалики, Вайшванару и Шантисому, племянников царского жреца, поставил пурохитами. Когда же раджа кончил эту церемонию, с небес вновь посыпался дождь из цветов и в это же время раздался с небес голос: «Все эти министры будут истинными радетелями юного царя, а из них Гомукха станет самым близким другом Нараваханадатты». Услышав эту небесную весть, повелитель ватсов весьма возрадовался и наделил каждого из молодых министров богатыми одеждами и драгоценными украшениями. Когда же раджа оделил этих верных слуг, слово «бедность» утратило для них смысл, ибо всяк из них был оделен несметным богатством.

Ветер колыхал ткань бесчисленных знамен, и казалось, будто это мелькают в пляске ноги плясунов и танцовщиц, приглашенных в город.

Пришла на праздник, устроенный ее зятем, и Калингасена, как воплощенная богиня счастья племени видьядхаров. Она вместе с Васавадаттой и Падмавати в великой радости закружилась в танце, как три царские доблести — величие, мудрость и сила. Повсюду плясали от ветра лианы, и даже казалось, будто деревья в саду и те мчатся в вихре пляски.

Когда же кончился праздник, царевич Нараваханадатта воссел на боевого слона и выехал в город, а там горожанки закидали его взорами своих карих, серых, синих глаз, забросали голубыми лотосами, жареным зерном, приветствовали бесчисленными анджами¹⁸⁰. Поклонившись божеству, покровительствующему городу, восхваляемый певцами и актерами, он вместе со своими министрами вступил во дворец. А там уже Калингасена угостила его всякими божественными яствами и сладостными напитками и, чтобы показать любовь свою к зятю, одарила и юного наследника престола и его министров, друзей и слуг отменными одеждами и божественно прекрасными украшениями.

Так прошел этот день, сладостный и радостный для повелителя ватсов и всех других, а когда наступила ночь, Калин-

гасена, размышлявшая о свадьбе дочери, вспомнила о дорогой подруге своей Сомапребхе. И только она вспомнила о ней, как всеведущий Налакубара, супруг дочери асура Мая, сказал жене: «Дорогая, сегодня с тоской вспомнила о тебе Калингасена, ступай к ней, устрой для нее, просватавшей дочь, хороший сад». Рассказав о том, что было и будет с Калингасеной и что с ней случилось, послал Налакубара Сомапребху к Калингасене. Прилетела Сомапребха к подруге, и обняла ее, истосковавшуюся, и спросила у нее о здоровье, и сказала ей: «С тех пор как мы расстались, стала ты женой могущественного видьядхара и по милости Шивы в образе твоей дочери снизошла на землю сама Рати, богиня страсти. Сын же повелителя ватсов Нараваханадатта не кто иной, как воплощение самого Камы, и дочь твоя, бывшая его супругой в прежнем рождении, снова предназначена ему в жены. Нараваханадатта будет править видьядхарами целую божественную кальпу¹⁸¹ — четыреста тридцать два миллиона лет, а твоя дочь среди его жен станет самой почитаемой. Ты же — апсара, проклятием Шакры обреченная жить на земле, по исполнении некоторых оставшихся дел освободишься от проклятия. Все это мне, подружка, рассказал мой всезнающий муж. Не тревожься — все уладится счастливо! Он же велел мне вырастить для твоей дочери такой сад, равного которому нет ни на земле, ни на небе, ни в Патале, подземном царстве». И после этих слов силой своего волшебства устроила она дивный сад, и, испросив позволения у Калингасены, Сомапребха ушла. Миновала ночь, и на заре увидел мир сад, прекрасней которого и вообразить невозможно, словно бы на землю с небес опустился божественный сад Нандана. Когда же дошла весть об этом до повелителя ватсов, он с женами и с министрами, сопровождаемый Нараваханадаттой, пришел туда, и увидели они все тот сад, деревья в котором стояли отягощенные цветами и плодами, а колонны, беседки, пруды и канавки были украшены разными драгоценными камнями, и был тот сад полон златоперых птиц, и веял в нем ветерок, полный божественных ароматов, и казалось, словно само царство богов спустилось на землю с небес.

Дивясь всем этим чудесам, повелитель ватсов спросил у Калингасены, встретившей его заботливо и гостеприимно: «Что это?» Она ответила царю так, что все остальные слышали: «Есть великий асур Май, живое воплощение Вишвакар-

мана¹⁸², построивший по велению Индры прекрасный город для Юдхиштхиры. У Мая есть дочь Сомапрабха, моя любимая подруга. Это она пришла ночью ко мне и из любви ко мне устроила этот дивный сад для моей дочери». Повела она радже и о том, что рассказала ей Сомапрабха и о прошлом и о будущем. Тогда все безмерно возрадовались и ликовали. Правитель же ватсов с супругой, сыном и царедворцами провел этот день, наслаждаясь щедрым гостеприимством Калингасены и прелестью сада.

На другой день, отправившись в храм поклониться богу, увидел раджа множество женщин, наряженных в тонкие одежды и драгоценные украшения, и спросил их: «Кто вы?» И они ему ответили на это: «Мы — искусства, науки и царские доблести и пришли сюда, чтобы послужить твоему сыну». С этими словами вошли они в храм и исчезли, и изумленный раджа после этого тоже вошел в храм и обо всем сообщил царице Васавадатте и министрам, а те, посчитав это за особую милость божества, возрадовались и вознесли тому благодарность.

После этого по желанию раджи взяла Васавадатта многострунную вину и стала играть, но вошел в тот миг Нараваханадатта и почтительно обратился к матери со словами: «Не настроена вина твоя!» Тогда сказал ему отец: «Возьми вину ты и сыграй на ней!» И стал царевич играть на вине так, что даже гандхарвы, искушенные в музыке, заулыбались от наслаждения. Во всех доблестях, искусствах и науках испытал отец сына и убедился, что царевич одолел их все сам. Тут властитель ватсов стал обучать танцам Маданаманчуку, дочь Калингасены, и она, стройная станом, подобным серпу луны, была возбуждена. словно луна океан взволновала она Нараваханадатту, и он глядел на нее, танцующую и поющую, словно исполняющую движениями и жестами повеления Камы, бога любви. Когда же случалось ей хоть на миг потерять из виду будущего супруга своего, сладостного, как амрита, слезы появлялись у нее на глазах, словно капли росы на лепестках лотоса ранним утром; а не видя милого лица возлюбленной, Нараваханадатта блуждал по саду, разыскивая Маданаманчуку. Он, переполненный любовью, развлекался с Маданаманчукой. Гомукха же, хорошо понимавший сердце повелителя, желая дольше задержать их в саду, рассказывал Калингасене историю за историей. Радовался царевич тому, что нет

большей услуги, которую мог бы оказать министру господину, нет большей службы господину, чем следовать движениям его сердца.

Нараваханадатта раскрывал Маданаманчуке тайны танца и всех прочих искусств в зале для представлений, стоявшем в саду, и сам отбивал такт для танца своей любимой, повергая в стыд самых лучших музыкантов. Он одержал верх над собравшимися со всех сторон и из всех стран мудрецами, искусственными в знании слонов, коней, колесниц, оружия и боевых машин, картин, книг и всего прочего, ибо еще в детстве по своей воле Нараваханадатта проводил дни в занятиях науками.

Однажды отправился Нараваханадатта с милой подругой своей и с министрами в Нагван¹⁸³, а там случилось, что Гомукха должен был прогнать влюбившуюся в него купеческую жену, после чего захотела она, отвергнутая, убить Гомукху, предложив ему отравленное питье. А узнал это Гомукха от ее подруги и не взял то питье, и гневно осудил он женщин: «Удивительно, что вслед за насилием творец создал женщин, и известно, что нет такого дела, которого не могли бы они свершить. Воистину создана женщина из сладостной амриты и смертельного яда! За прелестным лицом скрывается преступление, и дурная женщина подобна пруду, покрытому расцветшими лотосами, под которыми прячется крокодил. Добродетельная женщина, выполняющая желания мужа, подобна льющемуся с неба сиянию солнца, а грешницы, полные отращения к мужьям, привязавшиеся к другим мужчинам, убивают мужей, как змеи. Слушай

о распутной жене

Вот жил когда-то в нездешней деревне некто, кого звали Шатругхна, и была у этого человека распутная жена. Случилось ему однажды в сумерках увидеть, как сошлась она с любовником, и в своем доме убил его, поразив мечом, и сел в дверях сторожить жену. А как раз в это время проходил в поисках ночлега какой-то путник. Дал ему Шатругхна приют и, когда все окутала тьма, вместе с ним взял труп убитого любовника и пошел в лес. Там, когда он бросал труп в колодезь,

жена, кравшаяся за ним по пятам, столкнула туда же и его самого.

И воистину как только назвать черные дела, свершаемые женщинами!» Так юный Гомукха осуждал поведение женщин.

Совершив в Нагване поклонение змеям, Нараваханадатта со всей своей свитой вернулся к себе во дворец.

На другой день захотелось Нараваханадатте получше узнать советников, и спросил он у них, в чем суть государственной политики. «Все ты, царевич, знаешь сам, но раз ты нас спрашиваешь, мы расскажем» — и после этих слов, посоветовавшись друг с другом, сказали так: «Нужно, царевич, радже, после того как взойдет он на трон, обуздать свои чувства, подобные ретивым коням, — одолев страсть любовную, гнев и прочих внутренних врагов, одолев прежде всего самого себя, справится он и с другими врагами. Если не справишься с собой, как справишься с другим?

После этого надлежит назначить министров, обладающих умением обращаться с народом, общинами и так далее, а также наделенных другими качествами, а в качестве пурохиты надобно поставить жреца, самоотверженного, знающего магические заклятия и проницательного. После же того как все они будут испытаны в отношении жадности, страха, закона и любви, поставить их нужно на должности, соответствующие их способностям. В притворных беседах следует выяснить, чем их слова определяются — ненавистью, любовью или своекорыстием. Правде следует радоваться, лжи — назначить наказание. Чтобы знать о каждом из них, нужно назначить соглядатаев. Так вот неусыпно следя за делами, истребляя врагов, обогащая сокровищницу и упрочивая власть, надо укреплять основу царства.

Затем, достигнув трех царских доблестей — величия, силы и мудрости, следует, оценив свои силы и силы противников, проникнуться желанием завоевать другие страны. Советы же надлежит спрашивать у надежных и мудрых, знающих веды и прочие святыя книги, министров и, всесторонне обсудив с ними вопрос, решать его своим умом. Надобно использовать переговоры, подкуп и прочие средства, ведущие к успеху, а также шесть сопутствующих им способов давления на противника: союз, разъединение, поход, остановку, поиски защиты и двуличие. Вот так неусыпно следя за своей и чужой страной, раджа всегда побеждает, сам оставаясь непобежденным.

Слуги и советники, указывающие ложные пути, приводят к западне невежественного раджу, ослепленного похотью и алчностью, и разворачивают его достоинство. И никто не хочет идти к такому радже, попавшему в плен к плутам. Такого правителя плуты подчиняют себе во всех его тайных делах, а Шри, богиня счастья, в горе бежит от невежды. Поэтому раджа должен владеть своими чувствами, умело пользоваться наказаниями, знать особенности человеческого характера, иметь любовь к своему народу, и тогда богиня счастья избереет его своим обиталищем.

Вот жил некогда славный правитель Шурасена, во всем полагавшийся на слуг. Все его министры были в сговоре и подчинили его себе. Если хотел раджа наградить какого-нибудь слугу, не позволяли ему министры дать этому слуге хотя бы самую малую малость, но если кто-нибудь из слуг был им угоден, то они и сами ему давали, и царя заставляли награждать его.

Видя это, понял царь, что окружает его шайка мошенников, и разными способами восстановил их друг против друга. Когда же эти клеветники и сплетники были погублены, стал раджа счастливо править царством, ибо никто другой его уже не обманывал.

А другой правитель, Харисинха, был неважным политиком, но были у него и преданные министры, и надежная крепость, и немалое богатство, и народ, любивший его и послушный его воле, и поэтому не мог сломить его даже император.

В чем же еще может быть суть управления, если не в рассуждении и заботе?»

Так Гомукха и другие министры высказывали свое мнение. С уважением выслушал Нараваханадатта их, хотя и знал — предвидеть, что человек должен сделать, возможно, но нельзя предугадать волю богов! А затем, сопровождаемый ими, пошел Нараваханадатта повидаться со своей возлюбленной Маданаманчукой, которая уже давно ждала его. Когда же дошли они до ее дворца и Нараваханадатта устремился к ней, Калингасена, возлежавшая на ложе, с удивлением рассказала Гомукхе: «Пока царевич Нараваханадатта гулял в саду, а Маданаманчука взбежала на крышу передней части дворца, чтобы посмотреть, куда он пошел, а я последовала за ней, тогда, о Гомукха, спустился с небес некий муж, и был он увенчан тиарой, и держал в руке меч, и обратился ко мне божествен-

ный, и сказал так: „Я — раджа Манасавега и повелитель видьядхаров, а ты небесная дева Сурабхидатта, обреченная из-за проклятия жить на земле. Мне известно, что дочь твоя — тоже небесная дева. Отдай мне в жены твою дочь, и не будет в этом ничего недостойного”. Рассмеялась я ему в ответ и сказала так: „Богами предназначен ей в мужа царевич Нараваханадатта, который станет над всеми вами, видьядхарами, императором!” Тогда пришедший со сватовством к моей дочери видьядхар взвился в небо и блеснул молнией, подобной огненной лиане».

Выслушал ее Гомукха и рассказал ей вот что: «Еще когда повелитель наш только родился и по предвестию с небес стало известно, что он станет повелителем видьядхаров, задумали они злое. Какому своевольному захочется быть под властью могучего владыки? И тогда Шива повелел ганам¹⁸⁴ не спускать с него глаз и оберегать его. Об этом сообщил моему отцу мудрец Нарада¹⁸⁵, а уж от отца стало это известно и мне. Поэтому нынче все видьядхары стали нашими врагами».

Выслушала Калингасена с тревогой Гомукху, рассказала ему о том, что с ней самой случилось, и спросила: «Чтобы не случилось с Маданаманчукой так же, как со мной, чтобы не обманули ее, почему бы не устроить поскорее ее свадьбу с царевичем?» Гомукха и все прочие сказали ей на это: «Для этого надобно тебе уговорить повелителя ватсов!»

Царевич же Навараханадатта провел тот день в саду, где встретил Маданаманчуку, лицо которой подобно расцветшему лотосу, глаза — прелестные лилии, раскрывающие бутоны навстречу лунным лучам, алые губы ее походили на пунцовый цветок бандхуки, на гроздь кораллов, и вся она, стройная и нежная, как цветок шириши, была подобна сплетенной из лиан и цветов стреле всемогущего бога любви, поражающей мир.

На следующий день Калингасена сама пошла к повелителю ватсов и объяснила ему, почему хочется ей ускорить свадьбу дочери, а тот, отпустив ее, созвал министров и в присутствии царицы Васавадатты сказал: «Торопит нас Калингасена со свадьбой дочери. Но как сделать это? Ведь народ считает Калингасену распутницей! А мнения людского нужно остерегаться. Разве не покинул из-за людской молвы добродетельный Рама¹⁸⁶ свою супругу Джанаки¹⁸⁷, хотя она была

непорочной? А Бхишма¹⁸⁸?! Разве не бросил он из-за людской молвы Амбу¹⁸⁹, похищенную им для брата и избравшую себе другого мужа?!

Калингасена же, избравшая по своей воле меня в мужа, была взята в жены видьядхаром Маданавегой. Осуждают ее люди именно по этой причине. Следует Нараваханадатте сойтись с ее дочерью по обычаю гандхарвов, так же как это было и с самой Калингасеной».

Когда кончил говорить повелитель ватсов, обратился к нему Яугандхараiana: «Как может Калингасена желать чего-либо недостойного! И она сама, и ее дочь не смертные женщины, а небесные девы. Об этом мне рассказал мой друг, всеведущий брахмаракшас». И пока они так спорили между собой, с небес раздался голос самого Шивы, наполнивший все небесное пространство: «Испепеленный пламенем из моего глаза Кама, бог чувства, живущего в душе, воплотился в облике Нараваханадатты, а в образе Маданаманчуки я воплотил супругу Камы, богиню Рати, довольный ее подвижничеством. По моей милости он будет править видьядхарами целую божественную кальпу, длящуюся четыреста тридцать два миллиона лет, и одолеет всех своих врагов, а она будет самой главной и любимой из его жен». И на этом умолк божественный голос.

Услышав пророчество с небес, повелитель ватсов со всей своей свитой поклонился в землю и, радостный, велел готовиться к свадьбе.

Повелел властитель ватсов главному над министрами, обладающему великими знаниями, позвать звездочетов и спросить у них о благоприятном для свадьбы времени, и была для них устроена жертва, и сказали они, что сменится несколько ночей и настанет счастливый день. Сказали звездочеты: «О властитель ватсов, придется некоторое время сыну твоему провести в разлуке с супругой — прочли мы об этом в наших мудрых шастрах». Тогда велел царь начать готовиться в соответствии с его величием к свадебному обряду, и приготовления начались не только в городе, но и по всей стране.

Наступил день свадьбы, и Калингасена нарядила дочь в дивные одежды и украшения, посланные Маданавегой, отцом Маданаманчуки, а Сомапрабха, пришедшая на праздник по велению Налакубары, смотрела, чтобы все было по обычаю.

Маданаманчука, празднично наряженная и украшенная, была прекрасна, как осенняя луна, вступившая в созвездие Карттика¹⁹⁰. Небесные девы, посрамленные ее женскими достоинствами, по велению Шивы пели хвалебный гимн красоте: «Слава тебе, дочь горы¹⁹¹, покровительница верующих. Победа тебе, сделавшей успешным подвижничество Рамы». Так восхваляли они Гаури, и их гимны сливались с музыкой гандхарвов.

Вот Нараваханадатта, пышно наряженный, как и подобает жениху, под разноголосые звуки труб вошел в свадебный чертог, в котором находилась Маданаманчука. Жених и невеста стали у алтаря, и высокоумные брахманы, готовые совершить свадебный обряд, окружили алтарь, на котором ярко пылал жертвенный огонь. Казалось все это царским венцом, украшенным жемчужинами и рубинами.

И была совершена жертва огню, и во время нее жених и невеста были похожи на солнце и луну, обходящие гору Канака.

Как только свадебные трубы и барабаны на небесах огласили своими звуками пространство, невеста принесла жертву божественному Агни маслом и зернами пшеницы, и дым жертвы вознесся к небу, и оттуда боги обильным дождем рассыпали цветы.

Благородная и великодушная Калингасена щедро осыпала зятя золотом и драгоценными камнями, и люди принимали его за Куберу, повелителя богатств! Что были в сравнении с ним все прочие жалкие цари!

Жених и невеста, так давно мечтавшие о свершении свадебного обряда, вошли во внутренние покои дворца, в которых толпились любопытные.

Город был полон шума войск, царей, повсюду прославившихся геройством, побежденных и покорившихся, и множества драгоценных камней и жемчугов, раздававшихся щедрой рукой повелителя ватсов по случаю счастливого бракосочетания. И так щедро наделял раджа золотом своих приближенных, что остались во всем царстве обделенными только не родившиеся еще дети.

Собрались в городе наилучшие танцовщицы и актеры из разных стран, и все гудело от песен и плясок, музыки, и представлений, и хвалебных песнопений. И ветер развеивал нарядные одежды горожанок, и казалось, что сам славный город

Каушамби пустился в пляс. И день ото дня все ширился праздник, и все и всюду были переполнены радостью — и друзья, и родичи, и весь люд, словно исполнились у каждого его заветные желания.

Стали Нараваханадатта и Маданаманчука жить вместе, наслаждаясь земным счастьем, к которому они давно стремились, и ожидая, когда станет царевич повелителем видьядхаров.

КНИГА О РАТНАПРАБХЕ

Те, кто без промедления вкусят сладость океана рассказов, возникших из уст Хары, взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор — а сладость их воистину подобна животворной амрите, извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов!

ВОЛНА ПЕРВАЯ

Да ниспошлет вам счастье чело
Шивы, украшенное множест-
вом лунных серпов подобных следам ногтей Гаури, оставляе-
мых ею во время любовных забав, когда играет она его воло-
сами.

Да охранит вас слоноликий Ганapati¹, податель мудро-
сти, простирающий вперед хобот, полный сладостной влаги.

Вот так совершив желанный свадебный обряд с Мадана-
манчукой, которая была ему дороже жизни, Нараваханадатта,
сын повелителя ватсов, счастливо стал жить в Каушамби с
Гомукхой и прочими советниками.

Когда пришел праздник весны и послышалось мелодичное
любовное кукование кукушки, а среди лиан зашелестел аро-
матный ветерок с гор Малая² и загудели неутомимые пчелы,
пошел однажды царевич со своими советниками погулять в
саду. Побродили они там, а спустя некоторое время подошел
вдруг к царевичу его ровесник Тапантака, с глазами, пол-
ными восторга, и сказал ему: «Царевич, видел я, неподалеку
с небес снизошла дева и села под деревом ашока. Поманила
она меня и, когда подошел я к ней, озаряющей красотой все
страны света, — а ее сопровождала подруга, — велела она
позвать тебя». Услышав это, Нараваханадатта тотчас же захо-
тел ее увидеть. Пошел он к тому дереву и увидел красави-
цу — губы ее были алы, глаза подобны черным пчелам, а гру-
ди — полным бутонам. Белое тело словно было покрыто сан-
даловой пудрой, и даже тенью своей красоты отгоняла она
мучения. Казалось, будто явилась сама богиня — покровитель-
ница этого сада. Восхищенный красотой небесной девы, царе-
вич подошел к ней и, поклонившись, обратился со словами
привета, а его советник Гомукха при всех спросил ее: «Кто

ты, красавица, и ради чего пришла сюда?» В ответ же она, будто по велению Манматхи отбросив стыд и бросая кокетливые, словно проливающие нектар любви, взгляды на лотосоподобное лицо Нараваханадатты, начала рассказывать

повесть о себе — Ратна- прабхе

«По всем трем мирам славится повелитель гор Химават, а среди многих его вершин есть одна, Гора Супруга Гаури, сверкающая и слепящая холодным блеском льда так, будто устлана она драгоценными камнями. Чуть ли не все небо закрывает она собой, а самый верх ее — сокровищница лекарств и снадобий, избавляющих от дряхлости и смерти и достижимых лишь по милости Хары. Своими пиками, золотящимися так, словно собрались там видьядхары в шафраном окрашенных одеждах, унизила она красоту горы Индрашринги³. А между пиками точно отлитая из золота стоит златоверхая крепость Канчанашринга, сверкающая так, что кажется, будто это обитель самого солнца. В этом, раскинувшемся на многие йоджаны городе правит повелитель видьядхаров Хемапрабха, верный Шиве, супругу Умы. Любимейшей из многих жен его была Аланкарапрабха, а любил он ее так же, как изо всех своих жен больше всего любит Месяц, ниспослатель прохлады, прелестную Рохини⁴. Каждый день на заре Хемапрабха вместе с ней совершал омовение и разные жертвоприношения великому повелителю Шиве и его супруге Гаури, а затем шел к людям и жаловал брахманам и беднякам по сто тысяч золотых, а потом, исполнив, подобно подвижнику, свой обет, занимался он делами государственными и совершал трапезы. Так шел день за днем, но тревожило повелителя, что не было у него сына. Заметила любимая, что мрачен он, и спросила, по какой причине он так озабочен. И отвечал ей повелитель: „Всякого богатства у меня довольно, но гнетет меня, милая, что нет у меня наследника. Слышал я однажды рассказ про добродетельного человека, у которого не было сына. Вспомнился мне тот рассказ сегодня, и одолела меня грусть“.

„Что же это за история?“ — спросила его царица, и тогда он коротко рассказал ей

о Саттвашиле, не имевшем сына, но находившем клады

„В городе, который называется Читракута, жил великий царь, считавший своим долгом почитать брахманов и по заслугам прозванный Брахманвара, то есть „тот, для которого никого нет лучше брахманов“. Служил у него доблестный воин, которого звали Саттвашила, твердый в добродетели, и жаловал ему царь каждый месяц по сотне золотых. Но денег этих воину не хватало — не было у него сына, и все золото он раздавал брахманам: „Нет у меня сына, — говорил он, — и единственная радость для меня — милостыня... Не наградил меня творец сыном, источником радости, а наградил даром щедрости, да не дал богатства! Лучше родиться старым и сухим деревом, чем бедняку быть щедрым“. И было так или не было, а однажды, размышляя таким образом, бродил он в саду и по воле судьбы нашел клад. С помощью слуг вырыл он сокровище, слепящее блеском золота и переливами драгоценных камней, и принес домой. После этого он, добродетельный, одарил брахманов и стал пока что жить счастливо, окруженный друзьями и слугами. А его родичи, проведав про то, что досталось ему богатство, поспешили во дворец и рассказали обо всем царю.

Тотчас же послал царь за ним гонца, и Саттвашила поспешил в царские покои и скромно стал в углу двора, а пока стоял он там, ковырнул копьем землю и нашел еще один клад — медный кувшин, полный разных драгоценностей. И словно бы судьба ему подсказала, мелькнула у него мысль: „Отдам я это сверкающее сокровище тебе, раджа!“ — и снова присыпал он найденное землей. А вскоре ввел слуга его к царю. Поклонился он повелителю, и тот обратился к нему со словами: „Стало мне ведомо, что ты клад нашел. Отдай его мне!“

„Соблаговоли, повелитель, сказать — который отдать? Тот, что сегодня нашел, или тот, что раньше?“ — спросил его Саттвашила. „Тот, что нынче нашел!“ Пошел тогда Саттвашила туда, где стоял, выкопал клад и отдал царю. „А тем, что ты раньше нашел, сам пользуйся!“ — напутствовал Саттвашилу царь, довольный тем, что ему клад достался. Пошел воин до-

мой и, чтобы как-то избавиться от горя бездетности, по-прежнему стал раздавать подарки брахманам.

Вот эту-то историю о Саттвашиле я когда-то слышал, а нынче вспомнил, и еще мне горше стало оттого, что нет у меня сына“. Так закончил свой рассказ повелитель видьядхаров Хемапрабха, и тогда сказала ему Аланкарапрабха: „Правду говорят, что судьба помогает добродетельным. Ведь никому другому, кроме высокодобродетельного Саттвашилы, потому что был он в горе, достался клад, чтобы мог он быть щедрым. Так вот и ты благодаря своей добродетели достигнешь многого. Послушай-ка

о царе Викраматунге, решительном в добродетели

Есть город, подлинная жемчужина земного круга, зовущийся Паталипутрой⁵ и украшенный всевозможными собранными из разных стран многоцветными камнями. А правил в нем в давние времена добродетельный царь Викраматунга, с которым никто не мог сравниться ни в битве с врагами, ни в милостыне просящим.

Однажды отправился Викраматунга на охоту и, заехав далеко в лес, увидел там брахмана, совершающего жертвоприношение плодами бильва⁶, — он бросал их в огонь. Хотел было раджа подойти к нему и спросить, зачем он это делает, да передумал и умчался со своей свитой охотиться — и разил он своей рукой и летящую и бегущую дичь и долго веселился на охоте, швыряя газелей и львов, словно мячи. Когда же отправился он обратно, то, проезжая снова мимо того места, где брахман продолжал жертвоприношение, подошел к нему, поклонился и спросил, для чего брахман совершает такую жертву. Благословил его брахман и обратился к нему с такими словами: „Я — брахман, и зовут меня Нагашарман, и вот ради чего я приношу эту жертву. Если бог Агни будет доволен жертвой плодами бильва, то из очага сначала появятся золотые бильвы, а после этого и сам Агни явится перед очами. Давно я уже жгу здесь эти плоды, но, видно, недостойн я и он, Очищающий, еще не возрадовался этим жертвам“. Тогда царь, исполненный добродетели, предложил ему: „Дай-ка мне, брахман, одну бильву, принесу я ее в жертву и, может

быть, умилю Агни". Возразил брахман на это радже: „Как же это ты, недостойный, нечистый, сможешь умилю Агни, если я, обеты исполняющий, в святости живущий, не могу этого сделать?" „Не тревожься, лучше дай мне бильву и смотри!" — ответил ему раджа, и тот, любопытствуя, что будет дальше, дал ему плод. А царь, сердце которого было исполнено добродетели, бросил бильву в огонь со словами: „Если ты, Агни, этому плоду не возрадуешься, то голову свою в жертву тебе принесу!" И только бросил он бильву в огонь, как тотчас взвился из жертвенного очага Семязыкий и сам принес радже золотую бильву, словно плод от дерева добродетели. И, представ перед царем, сказал Агни: „Обрадовал ты меня своей добродетелью. Скажи мне, какой ты желаешь награды!"

Склонился перед ним добродетельный царь и молвил: „Ничего мне не надо, а исполни то, чего этому брахману хочется!" Очень обрадовался Агни словам раджи и решил: „Станет, раджа, этот брахман богатым купцом, а ты по моей воле будешь наслаждаться счастьем и неистощимой казной!" Заговорил тогда брахман, обращаясь к Агни, щедро вознаграждавшему их: „Как же это, господи!? Наградил ты раджу своевольного, а не меня, усердно исполняющего обеты?" Тогда сказал ему на это Агни, Исполнитель желаний, так: „Если б не явился я, этот раджа, решительный в добродетели, принес бы в жертву свою голову. Тем, кто решителен в добродетели, быстро достается удача, а тем, кто, как ты, брахман, медлителен, долго приходится ее ждать!" С этими словами исчез Агни, и Нагашарман испросил позволения у раджи удалиться и со временем стал богатым купцом, а раджа Викраматунга, восхваляемый всеми его приближенными за решительность и добродетели, отправился к себе в Паталипутраку.

Вот живет он там, и однажды приходит к нему неожиданно пратихара Шатрунджая и по секрету говорит: „Пришел какой-то человек, стал у дверей, назвался Датташармой и говорит, что о чем-то надо ему сказать тебе с глазу на глаз". И когда раджа повелел впустить его, ввел слуга пришельца, и тот повел такую речь: „Могу я, божественный, с помощью порошка превратить медь в чистейшее золото. Сообщил мне о составе порошка мой учитель, и не раз я видел, как с помощью этого порошка он делал золото". Выслушал царь его и велел при-

нести меди, и, когда ее расплавили, бросил парень в нее щепотку порошка. Но словно какое-то незримое божество похитило порошок, и медь не обратилась в золото. Так проделал он три раза, но все усилия его оказались тщетными. А царь благодаря благоволению Агни увидел, что кроме них оказался здесь еще и якша⁷. После того как трижды ничего не получилось, взял царь у того человека, огорченного неудачей, немного порошка и сам бросил в сверкающую и бурлящую медь. Не смог якша похитить порошок и, ухмыльнувшись, исчез, а медь, соединившись с порошком, обратилась в золото. Тогда раджа рассказал смущенному неудачей человеку, что мешал ему якша. Выучившись у него составлять порошок, раджа в благодарность дал ему жену, а золотом, добытым с помощью порошка, наполнил сокровищницу и был щедр к обедневшим брахманам. Так-то вот боги помогают достичь успеха решительным, а не вялым да робким.

Разве есть кто-нибудь добродетельней и щедрее тебя, божественный? Ты верен Шиве и не сомневайся — дарует он тебе сына!“ Выслушал Хемапрабха эту историю, рассказанную царицей Аланкарапрабхой, обрадовался он ее словам, уверовал в их правоту и укрепился в мысли, что если совершит он поклонение супругу Гаури, то непременно родится у него сын.

Вот он на следующий день совершил вместе с супругой омовение, поклонился Шиве, роздал брахманам девяносто миллионов золотых и решил так: „Начну я подвиги великие ради Шивы, ничего есть не буду и либо жизни лишусь, либо Шарву умилостивлю!“ И взмолился он тогда супругу Гаури, Исполнителю желаний, так: „Тебе, прибежищу страждущих, тебе, подарившему Упаманью молочный океан⁸, тебе, сотворителю, вседержителю, сокрушителю вселенной, тебе, супруг Гаури, слава!

Тебе, восьмиобразной опоре мироздания⁹, слава, супруг Гаури!

Тебе, Шамбху, возлежащему на ложе из куши в постоянно раскрытых тебе сердцах, слава!

Тебе, божественному свету, кристально чистой воде, тебе, чудесному, на кого взирают безгрешные, слава!

Тебе, несущему в половине своего тела супругу, единственно целомудренному, объемлющему все формы, сотворившему своим желанием мир, слава!”

Вот так молился Шиве раджа, и постился он три дня, а когда они миновали, явился ему во сне бог и повелел: „Прогниись, раджа! Будет у тебя сын-герой и продолжатель рода, а по милости Гаури родится и дочь-красавица, и станет она в будущем женой Нараваханадатты, вашего будущего повелителя!” И когда, сказав это, исчез Шива, пробудился на исходе ночи обрадованный повелитель видьядхаров Хемапрабха и обрадовал Аланкарапрабху, поведав ей о виденном во сне, а она ему рассказала, что ей во сне явилась Гаури и пообещала то же самое. После этого совершили они омовение, и раджа щедро раздавал милостыню, и одаривал брахманов, и устроил на радостях праздник.

Сколько-то дней прошло после того, и понесла Аланкарапрабха под сердцем своим. Радовался раджа, видя ее подобное лотосу, побледневшее, но сладостное лицо, ее глаза, полные ожидания, и, когда миновало положенное время, она, как и было обещано, родила сына, подобно тому как заря рождает солнце. Как оно озаряет своими розовыми лучами небосвод, так и младенец осветил сиянием покои, где родила его мать. И как повелел небесный голос, отец нарек младенца, ужас для всего вражеского рода, Ваджрапрабхой. Стал младенец, питаясь соками своего могучего рода, расти не по дням, а по часам, как с каждым днем прибывает новорожденный месяц, встающий из океанских вод. А после этого не прошло много времени, как снова понесла царица Аланкарапрабха. Озаряло ее какое-то особое сияние, когда лежала она в своих покоях, — истинно драгоценный камень в золотой оправе. И чтобы удовлетворить желание, порожденное тем, что ждала она дочь, с помощью знания своего создал раджа воздушный корабль в форме лотоса, и лежала она на нем в поднебесье. Когда же исполнился положенный срок, родила царица дочь, именно такую, какую обещала в своей милости Гаури. И когда родилась она, с небес раздался божественный голос: „Вот будущая жена Нараваханадатты!”, как и говорил о том сам Шива.

Роскошный праздник устроил раджа Хемапрабха по случаю рождения дочери и нарек ее Ратнапрабхой. Стала она расти, и отец стал учить ее всему, что сам знал, и сиянием своим озаряла она все страны света.

Спустя какое-то время раджа, заметив, что сын его, Ваджрапрабха, преуспел в воинском искусстве, женил его и сде-

лал своим наследником. Передав сыну государственные дела, избавился раджа Хемапрабха от забот. Но одна забота все-таки осталась у него — выдать дочь замуж. Видя, что она уже вошла в пору, сказал раджа сидевшей подле него Аланкарапрабхе: „Посмотри-ка, царица, дочь-то наша воистину украшение рода и красавица такая, что во всех трех мирах не сыщешь! Но недаром говорят мудрые: „Дочери — большая беда!“ И красива, и послушна, и умна наша Ратнапрабха, но горько мне, что нет ей достойного ее жениха“. Ответила ему на это супруга: „Нарекли ее боги женой Нараваханадатты. Почему ж не выдать ее за него, будущего повелителя мира?“

Возразил ей на это раджа: „Воистину счастлива она, и жених ей достанется достойный, истинное воплощение бога любви, но не достиг он еще божественного положения. Видно, придется подождать, пока он овладеет всей мудростью, необходимой для повелителя видьядхаров, хранителей знания“.

А от отцовских слов, подобных любовным заветам самого Кандарпы¹⁰, бога любви, несущего на знамени своем рыбу, дошедших до ушей Ратнапрабхи, заскучала она, затревожилась и, мечтая о нареченном, сразу похудела так, что стала будто нарисованной. Кое-как поклонилась она отцу с матерью и пошла в свой покой, и там к ней, встревоженной сердцем, долго не шел сон, и когда она все-таки заснула, привиделась ей Гаури, с состраданием обратившаяся к ней: „Увидишь ты, доченька, завтра рано утром, отправившись в город Каушамби, сына повелителя ватсов, твоего нареченного, а потом вас приведет отец в свой город и устроит счастливую свадьбу!“

Проснувшись царица рано-рано, и рассказала о том сне матери, и с ее позволения, узнав с помощью волшебных знаний, в каком саду гуляет ее суженый, отправилась из своего города туда.

Знай, благородный юноша, что зовут меня Ратнапрабха. Наконец-то нашла я тебя, желанный!»

Услышав эти ее слова, наполненные сладостным смирением, и окинув ее стан, ласкающий взор, подумал про себя Нараваханадатта: «Зачем не обратит меня бог всего в глаза и уши!» Вслух же он промолвил: «Счастливцев я! Сегодня благодаря тебе, стройная, жизнь моя стала осмысленной, ибо ты сама пришла ко мне, движимая любовью!» Так беседовали

они, обуреваемые вспыхнувшей любовью, как вдруг заметили в поднебесье множество видьядхаров. «Вот,— сказала Ратнапрабха,— отец мой летит!» И тогда спустился с небес раджа Хемапрабха вместе с сыном Ваджрапрабхой и приблизился к Нараваханадатте. Приветствовали они его и обменивались с ним учтивостями, покуда туда не пожаловал, узнав об их прибытии, сам властитель ватсов со всеми министрами.

Когда же Удаяна устроил гостям угощение, Хемапрабха рассказал ему всю историю Ратнапрабхи, а потом сказал: «С помощью волшебства узнал я, что дочь моя ушла именно к тебе, и поспешил сюда сам, а обо всем, что здесь произошло, я уже знаю. Будет принадлежать Нараваханадатте колесница повелителя мира...¹¹ Возьму я у тебя сына. Согласись на это. Но ты не тревожься, скоро увидишь его — он вернется с Ратнапрабхой, которая станет его женой». Обратившись с этими словами к царю ватсов и получив его согласие, Хемапрабха вместе с сыном с помощью своих волшебных знаний построил воздушный корабль. Взойдя на него со смущенной Ратнапрабхой и Нараваханадаттой, сопровождаемым Гомукхой и прочими, а также Яугандхараяной, которому отец Нараваханадатты поручил сына, Хемапрабха направил корабль прямой дорогой в свой город Канчанашрингу. И увидел Нараваханадатта город, в котором правил его будущий тесть. Весь город словно был выстроен из золота, и потому от города исходили лучи. И казалось, это тянулось множество рук, стремившихся обнять царевича и тем самым выразить свою любовь к будущему зятю правителя города. В том чудном городе раджа Хемапрабха, устроив свадьбу по всем правилам, отдал царевичу в жены Ратнапрабху — так некогда Океан отдал Шри в супруги блистательному Вишну. И дал Хемапрабха дочери в приданое столько драгоценных и самоцветных камней, что хватило бы их сверкания на множество свадеб, и так осыпал он праздничный город богатствами, что от раздаренных им одежд казалось, будто каждый дом украсился флагами. А после свадьбы зажили Нараваханадатта и Ратнапрабха, наслаждаясь божественной радостью. Взиваясь же благодаря чудесному умению Ратнапрабхи в поднебесье, радовались они, глядя сверху на прекрасные сады, пруды и храмы.

Прожив так какое-то время в столице Хемапрабхи, решил Нараваханадатта, сын повелителя ватсов, по совету Яуганд-

хараяны отправиться с женой на родину. Теща совершила для него напутственный обряд, благословил его и тесть. И тогда Нараваханадатта с супругой и своими друзьями, а с ними и Хемапрабха с Ваджрапрабхой, взошел на воздушный корабль и как стрела полетел в город своего отца, повелителя ватсов, празднично украшенный, полный радости и сладостного блеска женских очей. Повелитель ватсов Удаяна с супругой своей Васавадаттой благословили и сына и его жену, склонившихся перед ними, а своего нового родича Хемапрабху и сына его почтили и одарили, как они того заслуживали. Потом Хемапрабха и его сын простились с повелителем ватсов и, взвившись в небо, улетели восвояси. Нараваханадатта же с Ратнапрабхой и Маданаманчукой провели день, окруженные друзьями и близкими.

ВОЛНА ВТОРАЯ

На следующий день рано утром пришли повидать Нараваханадатту, которому досталась в жены Ратнапрабха из рода видьяхаров, его советники во главе с Гомукхой и остановились около входа в его опочивальню — задержал их страж, а сам пошел сказать Нараваханадатте о том, что они пришли. Позвал их к себе Нараваханадатта и обласкал, а Ратнапрабха так сказала стражу: «Не следует их у дверей задерживать — пусть они сразу входят! Ведь друзья благородного — часть нас самих. А охранять наши покои так, как это ты делаешь, по-моему, не следует». Так сказав стражу, у дверей поставленному, обратилась она к мужу: «Расскажу я тебе, благородный, одну историю, а ты послушай. Только с помощью разума можно женщину охранить. Ни гнев, ни ревность в этом не помогут! Только добродетель может спасти добрую жену, а уж если страсть разгорится, то и сам творец ничего сделать не сумеет. Ведь никто и никогда не может остановить ни бурную реку, ни охваченную бурей страсти женщину! Вот послушай

о радже Ратнадхипати и его женах

Посреди океана есть большой остров, и называют его Ратнакута¹², а на том острове жил некогда могучий раджа, истово поклонявшийся Вишну, и звали того раджу Ратнадхипати. Начал раджа совершать во славу Вишну разные великие подвиги умерщвления плоти того ради, чтобы на земле одолеть всех царей, а их жен взять себе в жены. Возликовал от его подвигов Вишну, явился перед его очами и так ему повелел: „Встань, раджа! Обрадовал ты меня и послушай-ка теперь, что я тебе скажу!

Говорят, что в стране Калинга некий гандхарва, проклятый каким-то пророком, родился в образе белого слона, а зовут его Шветарашми. Слон этот благодаря успешным подвигам гандхарвы в прежнем рождении и великой преданности мне владеет великой мудростью, может летать по небу и помнить, кем он был прежде. Явился я ему во сне и повелел, чтобы он стал для тебя ваханом¹³ на небесных дорогах. Садись на него, как Индра-громоносец садится на слона Айравату¹⁴, и ступай дорогой небесной, и, какого только царя ты ни вызовешь на бой, тот, трепеща перед божественной волей, сдастся тебе, а повинуюсь тому повелению, которое он от меня услышит во сне, отдаст тебе и дочь свою. Так покоришь ты весь мир и все гаремы, и женишься ты на восьмидесяти тысячах цариц“. Вот так сказал Вишну царю, твердому в своих обетах, и на следующий же день увидел царь слона, сошедшего с небес.

Когда слон склонился перед ним, то, как ему Вишну наказывал, взобрался на него раджа, всю землю покорил и, взяв в жены восемьдесят тысяч цариц, стал на том острове Ратнакута жить в свое удовольствие. А для того чтобы божественный слон Шветарашми жил в довольстве, царь каждый день устраивал угощение для пятисот брахманов.

Однажды взобрался царь Ратнадхипати на слона и отправился посмотреть другие острова, а потом вернулся домой. Вот слезает он со слона, как вдруг откуда ни возьмись с небес слетела птица какая-то из рода Гаруды да как клюнет слона в темя. Замахнулся царь на птицу острым анком и прогнал ее, а слон без памяти как упал на землю, так и лежит. Никак не удавалось царю ни в сознание слона привести, ни поставить

его на ноги, ни покормить его. Вот уже целых пять дней слон лежит бездыханный и раджа тоже от горя ничего не ест, не пьет. В отчаянии взмолился царь: „О защитник мира, скажи, что мне в этой беде делать, а не то принесу я тебе в жертву свою голову!“ — и с этими словами вытаскивает меч из ножен и уже готов голову себе отрубить, как вдруг раздается с небес незримый голос: „Не торопись, царь! Слон встанет только в том случае, если какая-нибудь добродетельная женщина, верная жена мужу, коснется его своей рукой“. Возрадовался царь и велел привести свою главную жену Амриталату, которую он оберегал пуще зеницы ока. Коснулась она слона, а слон не встает! Тогда велел раджа всех жен привести, и каждая из них по очереди подходила к слону и касалась его ладонью, а слон как лежал, так и остался лежать и значило это, что ни одна не была верна мужу. И тому радже и всем восьмидесяти тысячам жен от всего этого был превеликий стыд! Тогда велел царь, пришедший от всего этого в отчаяние, привести всех женщин из его столицы и заставил всех их по очереди прикоснуться к слону, но и тогда слон не поднялся, и еще горше стало радже — ведь стыд и позор каков: „Горе, горе — во всей моей столице нет ни одной порядочной женщины!“

А в это время прибыл в столицу из Тамралипти¹⁵ купец Харшагупта и с любопытством расспросил обо всем. А тут подошла к нему его служанка Шилавати, женщина, мужу верная, увидела все это да и говорит: „Трону-ка я этого слона рукой, ибо нет у меня никого, кроме мужа, да и в помыслах никогда ничего такого не было — должен слон встать“. Так-то вот промолвила она — прикоснулась рукой к слону, и тотчас же поднялся он, здоров-здоровешенок и начал есть.

„Воистину, добродетельные жены подобны богам, способным создавать, поддерживать и уничтожать мир!“ — так говорили люди, изумленные тем, что сделала Шилавати, и радовались при виде поднявшегося с земли Шветарашми. А раджа Ратнадхипати от радости воздал великие почести добродетельной Шилавати и осыпал ее бесчисленно драгоценными камнями, а ее хозяину купцу Харшагупте, хоть и не был он ей мужем, тоже воздал почести и подарил ему дом поблизости от своего дворца. И ни к одной из своих жен с тех пор раджа не прикасался и велел только кормить да одевать их.

Позвал однажды раджа к себе купца Харшагупту, устроил угощение и спросил, когда слуги вышли, добродетельную Ши-

лавати так: „Нет ли еще девушки на выданье в твоём роду, Шилавати? Если б за меня ее выдали, верно, была бы она такая же добродетельная, как и ты“. Отвечала ему на это Шилавати: „Живет в Тамралипти моя сестрица Раджадатта, собою она красавица! Посватайся к ней, божественный, если хочешь!“ Так она сказала радже, и раджа молвил: „Так тому и быть!“

Решив так, на другой же день вместе с Шилавати и Харшагуптой уселся он на слона Шветарашми, а тот их быстро по небу доставил в Тамралипти. Вошел раджа в дом Харшагупты, велел позвать звездочетов и спросить у них о дне, подходящем для его свадьбы с Раджадаттой, сестрицей Шилавати. Звездочеты же, расспросив жениха и невесту, в какой день да под какой звездой они родились, и звезды выпросив, так сказали радже: „Подходящий день твоей свадьбы с Раджадаттой, о сиятельный, наступит только через три месяца, а ежели сегодня женишься, то не миновать того, повелитель, что Раджадатта не будет тебе верной женой“. Хотя и не советовали звездочеты спешить, да уж больно не хотелось царю без новой жены оставаться, да и девушка желанна ему была — вот и подумал он: „Да чего тут размышлять! Сегодня же и женюсь на Раджадатте! Раз она Шилавати сестра, так тоже, значит, безгрешна и будет мне верной женой. Есть у меня посреди моря на безлюдном острове пустой дворец — вот я ее туда и поселю. И на этом неприступном острове окружу ее свитой из женщин — раз мужчину она даже и увидеть не сможет, как же она мужу изменит?“ Вот так все рассчитав, в тот же день земли повелитель совершил свадебный обряд. А после свадебного пира, почтенный Харшагуптой, взяв супругу, взобрался он вместе с Шилавати на Шветарашми, и в мгновение ока небесной дорогой примчались они на остров Ратнакута, все жители которого с нетерпением и любопытством ждали их. Снова раджа щедро одарил добродетельную Шилавати — ее супружеская верность, подобно плодovому дереву, принесла ей богатые плоды! А потом вместе с молодой женой снова взобрался на слона, и примчал их слон на остров, для мужчин недоступный, со всех сторон окруженный океаном, и поселил царь Раджадату в пустом дворце, окружив ее только женской прислугой. Если что-нибудь нужно было, то он сам, никому не верящий, все это нужное привозил на слоне по воздуху. А сам, одолеваемый страстью, проводил

ночь у Раджадатты, а утром возвращался на Ратнакуту вершить государственные дела.

Однажды на заре раджа дал ей доброго питья, отвращающего дурные сны, а сам, оставив ее, захмелевшую, улетел на Ратнакуту заниматься государственными делами — нет ведь супруги милей, чем царская власть! Но и среди дел не переставало его терзать сомнение: „Как же это я ее, захмелевшую, одну оставил?“

А в это время Раджадатта, оставшись одна на своем труднодоступном острове, среди служанок, занятых всякими кухонными и прочими делами, с удивлением увидела на дворе какого-то мужчину, словно иную судьбу свою, назначенную нарушить ее добродетель! „Ты кто такой, почтенный, и как ты сюда, в место недосягаемое, пробрался?“ — спросила она, еще хмельная. А он, претерпевший, как видно, немалые беды, так ответил ей: „Купеческий сын я из Матхуры¹⁶, а зовут меня, милая, Паванасена. Умер у меня отец, все имущество родня растащила, и пошел я, беззащитный горемыка, скитаться на чужбину — может, сжалится кто и возьмет меня в услужение. С великим трудом сколотил я торговлей немного денег и пошел в другую страну, да по дороге ограбили меня воры. Стал я вместе с другими побираться и добрался до страны, богатой драгоценными камнями, называющейся Канакакшетра. Вот стал я там копать алмазы, отдавая положенную долю царю той страны. Копал-копал я там землю, и ни единого камешка мне не досталось, а приятели мои добывали много камней и радовались им. Пошел я тогда на берег моря и стал собирать дрова, решив: „Успокоюсь, верно, коли на костер взойду!“ Но тут объявился купец по имени Дживадатта и отговорил меня от смерти. Положил он мне, сердобольный, жалованье и взял с собой на корабль, который направлялся на Золотой остров. Плыли мы по океану пять дней, а когда наступил шестой, откуда ни возьмись появилась черная туча и осыпала нас градом и облила дождем, а свирепый ветер ударил в корабль, словно бешеный слон, и тотчас же судно разломилось и пошло ко дну, а мне, тонущему, по воле судьбы в руки попала какая-то доска. Взобрался я на нее, и, когда по воле судьбы рассеялась буря, выбросило меня на этот остров. Прошел я через лес и увидел дворец, вошел в него и тут увидел тебя, и сверкнула передо мной твоя красота, уничтожающая страдания, подобная дождю из амриты!“ Когда ска-

зал он ей это все, положила она его на ложе и сама слилась с ним в объятиях, ибо была охвачена страстью и хмелем от питья. Там, где пылают пять огней — женская природа, хмель, одиночество, встреча с женщиной и отсутствие присмотра, — как не сгореть травинке добродетели? И ничем не угасить страсти женщины, попавшей под власть Мары¹⁷, и коли случилось с ней такое несчастье, то полюбит она и недостойного любви.

Тем временем раджа Ратнадхипати, одолеваемый тоской, с Ратнакуты мчится в поднебесье на Шветарашми, входит во дворец и видит жену, слившуюся в страстных объятиях с незнакомцем. Захотел было царь заколоть на месте оскорбителя своего, но не сделал этого — увидел он того упавшим перед ним на колени, а супругу перепуганной и хмельной, и так подумал: „Как же могла она остаться добродетельной, коли единственными друзьями ее я оставил хмель да страсть? Никакая стража тут не убережет! Разве удержишь руками буйный ветер? Не послушался я звездочетов — и вот пагубный плод того, что не внял голосу надежных людей! Думал я, что она такая же, как и ее сестра Шилавати, да совсем позабыл, что сладчайшая амрита и смертельный яд халахала¹⁸ — брат да сестра. Верно говорят, что какие бы невероятные усилия человек ни прилагал, не может он предотвратить необычайные повороты судьбы“. Одолеваемый такими мыслями, не стал он гневаться, а, расспросив купеческого сына, этого тайного любовника, обо всем, что с ним было, отпустил его. А тот кинулся опрометью из дворца, побежал на берег и увидел, что вдали плывет какой-то корабль. Тогда снова садится он на ту доску, на которой добрался до острова, и плывет, рыдая и крича: „Эй, спасите меня, спасите!“ Услышав вопли, плывший на том корабле купец Кродхаварман подобрал его. Но воистину творцом предначертанная судьба бежит за человеком по пятам — куда он, туда и она! Заметил Кродхаварман, что этот дурачок уединился с его женой, и тотчас же снова бросил его в океан.

И пока все это происходило, царь Ратнадхипати, не гневаясь, уселся вместе со своей женой Раджадаттой и со всеми слугами на Шветарашми, и, прибыв на Ратнакуту, поручил жену заботам ее сестры Шилавати, и поведал Шилавати и всем советникам своим, что случилось, и промолвил: „Вот какое великое горе-то со мной приключилось! Было сердце

мое привязано к пустым и бессмысленным наслаждениям, а ныне я в лес ухожу, буду молить Хари о спасении, чтобы никогда больше мне такой беды не испытывать!“

И хотя министры и Шилавати отговаривали его, горем удрученного, не отказался он от решения покинуть этот мир. Половину казны он отказал добродетельной Шилавати, другую половину брахманам, а царство отдал по закону брахману по имени Папабханджана, в добродетелях превосходному.

И увидели тогда рыдающие горожане, как, отдав царство, готовый уйти в скитания и на подвиги в лес, раджа позвал слона Шветарашми и как только привели его, тот слон обратился в мужа небывалой красоты, сверкающего браслетами и ожерельями.

„Кто ты такой? И как это случилось?“ — спросил его царь, а тот стал рассказывать: „Мы с тобой в прежней жизни были братьями-гандхарвами¹⁹ и жили на горах Малайя. Я был младшим, и звали меня Сомпрабха, а старший был наречен Девапрабхой, и была у него супруга милая и красивая, и звали ее Раджавати. Однажды взял он Раджавати на руки и пошел вместе со мной в место, называвшееся Сиддхаваса, то есть Жилище сиддхов²⁰. Нашли мы там храм Вишну, помолились в нем и стали все вместе петь перед его изваянием. Пришел в тот храм один из сиддхов и стал смотреть, не отводя глаз, на Раджавати и слушать, как она поет. Тогда мой брат возгорелся ревностью, разгневался, да и говорит ему: „Ты хоть и сиддха, да нечего тебе на нее с такой страстью смотреть!“ Разгневался сиддха и проклял моего брата: „Дурачина, пенем ее я наслаждаюсь, а не со страстью гляжу. За свою глупость родишься ты теперь, ревнивец, среди смертных вместе с нею и увидишь своими глазами, как твоя жена с другим сойдется“. Я из ребячества, рассерженный этим проклятием, ударил его игрушечным белым слоном, который был у меня в руках. Тогда он и меня проклял: „А ты на земле родишься таким же белым слоном“. Стал тут мой брат каяться да виниться, и смилостивился сиддха и положил предел своему проклятию: „Ты, Девапрабха, по милости Вишну родившись среди смертных, станешь царем на острове, а твой брат, обращенный в слона, будет тебя возить. Будет у тебя восемьдесят тысяч жен, и познаешь ты от них великий позор, и будет тебе перед народом великий стыд. А потом женишься ты на девушке из смерт-

ных и увидишь ее в объятиях другого. Когда же ты в отчаянии отдашь царство брахманам, а сам, Девапрабха, соберешься уйти в лес на покаяние, тогда освободитесь вы — твой младший брат и ты вместе с женой — от проклятия“. Так определил он конец нашему проклятию, которое обрушилось на нас из-за того, что нарушили мы когда-то карму. И вот нынче пришло нам прощение“. И только лишь Сомапрабха успел произнести эти слова, как царь Ратнадхипати тотчас вспомнил о прежней жизни и воскликнул: „Так ведь это же я Девапрабха, а Раджадатта не кто иная, как моя жена Раджавати!“ Тотчас же на глазах у всего народа отбросили они свои смертные тела и, обратившись в гандхарвов, взвились в небо и полетели к себе домой в горы Малайя. Шилавати же, которой достались несметные богатства благодаря ее великой добродетели, уехала в Тамралипти и стала вести там благочестивую жизнь.

Так-то вот, — молвила Ратнапрабха, — нигде в мире никто не может удержать под присмотром женщину и ничто ее не защитит больше, чем ее собственная чистота и совесть. Ревность — грех, приносящий одни беды! Из-за нее мужчины ненавидят друг друга, но жен этим не охраняют, а лишь подстрекают на еще большую страсть!»

Так говорила Ратнапрабха мужу своему Нараваханадатте, и он, прослушав этот рассказ вместе со своими советниками, был им очень доволен.

ВОЛНА ТРЕТЬЯ

И когда так закончила Ратнапрабха свой рассказ, обратился Гомукха к Нараваханадатте: «Воистину добродетельные женщины редко встречаются; чаще всего женщины не заслуживают доверия.

Послушай теперь, божественный, мой рассказ

о приключениях купече- ского сына Нишчаядатты

По всему миру славится город Удджайини. Давно уже то было, когда жил в нем купеческий сын Нишчаядатта и был он азартный игрок и что ни день, то выигрывал. Каждый день совершал он, хитроумный, омовение в реке Сипра, поклонение Махакале²¹, и одаривал брахманов, нищих и бездомных, и устраивал им угощение, и бетель им давал и сандаловые притирания. Сам он всякий раз после омовения, поклонения Махакале и всего прочего шел на кладбище, расположенное рядом с храмом Махакалы, и там натирался сандалом и прочими снадобьями. Стоял там каменный столб, и всякий раз, когда юноша приходил туда, он на столб намазывал притирания, а потом терся о него спиной. Стал столб от этого гладким и красивым, и как-то раз увидели его забредшие на кладбище художник и ваятель. Художник изобразил на нем Гаури, а ваятель, словно играючи, взял да и высек из камня ее фигуру. Когда же они ушли, пришла туда девушка из племени видьядхаров совершить жертву Махакале, и увидела высеченную на столбе фигуру Гаури и, после того как закончила жертвоприношение, проникла в столб, чтобы отдохнуть там. Тем временем пришел туда, как обычно, Нишчаядатта, купеческий сын, и с удивлением заметил фигуру, высеченную на столбе. Тогда, умастив тело сандалом, стал он тереться о другую сторону столба. Заметила его быстроглазая девушка из племени видьядхаров — понравился он ей, и подумала она: „Никого-то у него нет, кто бы ему спину натер. Дай-ка я ему спину натру!“ И так вот подумав, высунула из столба руку и стала нежно натирать ему спину. В тот же миг почувствовав прикосновение и услышав легкое позвякивание браслетов, юноша поймал ее за руку. Вскрикнула видьядхари, укрывшаяся в столбе. „Чем я против тебя согрешила, почитаемый? Отпусти мою руку!“ А Нишчаядатта ей в ответ: „Покажись и Расскажи, кто ты, — тогда отпущу!“ Обещала она, что покажется и Расскажет о себе, и он отпустил ее. Тогда вышла из столба красавица видьядхари, села, и глядя ему прямо в глаза, заговорила: „Стоит у Гималайских гор город Пушкаравати²², и правит там царь видьядхаров Виндхьяпара, а я — Анурагапара, его дочь. Здесь я отдыхала после жертвоприношения Махакале,

а тут ты явился, подобный оружию бога любви Мары, и стал натирать себе спину. Сначала я слегка тебя коснулась, а потом уже и спину стала тебе натирать умощениями. Сказала я тебе все, а теперь пусти меня домой к отцу — пора мне идти!“ На это отвечал ей купеческий сын: „Как же это ты хочешь уйти, моя Чанди, похитив мое сердце и не вернув его?“ Она же ему так ответила на это, почувствовав трепет любви: „Встретимся мы с тобой, если ты придешь в наш город. Но только трудно, почитаемый, добраться до нашего города, и не дойдешь ты до него. Впрочем, для настойчивого нет ничего недостижимого“. И при этих словах взвилась в небо Анурагапара и улетела, а Нишчаядатта отправился к себе домой.

Все вспоминал он, как из столба протянулась ладонь, словно цветок из дерева, и ругал себя: „Как же это я, глупец, не сообразил задержать ее да жениться на ней?! Отправляюсь-ка я к ней, в город Пушкаравати. Либо жизни лишусь, либо судьба мне поможет!“ В таких мыслях провел он целый день, а поутру отправился в дорогу на север. Повстречались ему трое попутчиков — тоже шли на север. С ними вместе прошел купеческий сын через города, переправлялся через реки, миновал деревни, пробирался через леса. Добрались они со временем до северной страны, населенной главным образом меччхами²³. Поймали их на дороге таджики²⁴ и продали по сходной цене другому таджику же, а тот, сделав их слугами, решил отдать в качестве взятки турку, которого звали Муравара. Привел таджик Нишчаядатту вместе с другими тремя к Мураваре, а тот, оказывается, умер. Тогда обратился таджик к его сыну: „Вот от друга отцу твоему подарок прислан. Раз он помер, следует их завтра утром на заре бросить к нему в могилу“. И сын турка оставил их на ночь, крепко сковав всех четверых цепями. Видит Нишчаядатта, что три его попутчика дрожат от страха перед грозящей им смертью. „Что вы приуныли? Смелее! Несчастья бегут от стойких людей! Давайте помолимся богине Дурге, избавительнице от несчастий!“ И, подкрепив дух своих товарищей, начал он славить великую богиню: „Хвала тебе, богиня великая! Славлю лотосы стоп твоих, красных от крови асуров злобных! Только благодаря силе твоей Шива достиг власти над миром! Благодаря тебе живут и движутся все три мира! Ты миру защита, о сразившая асура Махишу! Защити меня, нежная к преданным, к твоей помощи прибегающего!“

Так вот он славил вместе со своими спутниками Дургу и, утомившись, заснул глубоким сном. А во сне явилась ему и другим трем богиня и каждому сказала: „Проснись, сынок, разорваны твои оковы!“ Пробудились они тогда среди ночи и увидели, что освободились от оков. И, рассказав друг другу о том, что видели во сне, поспешили уйти оттуда. Когда же за ночь ушли они далеко от того места, купеческие сыновья, видно напуганные приключившимся с ними, сказали Нишчаядатте: „Уж больно много в этом краю варваров. Лучше мы, друг, пойдем на юг, в Дакшинапатху, а ты поступай как знаешь“. „Раз так, идите куда вам хочется!“ — ответил он им, а сам отправился на север, куда звала его надежда, и шел он один, и ум его был занят одной лишь страстью к Анурагапаре. Шел он, шел и повстречал по пути четырех подвижников — капаликов²⁵, украшенных ожерельями из черепов. Дошел с ними до реки Витасты и переправился через нее. После этого они поели, а когда солнце поцеловало гору Заката²⁶, вошли они в лес, и повстречался им какой-то дровонос и сказал Нишчаядатте: „Куда идете вы на ночь глядя? Впереди ведь нет никакой деревни, а есть среди леса только заброшенный храм Шивы, и всякого, кто там остановится, в храме ли, снаружи ли, того якшини²⁷ по имени Шринготпадини, рога вырастающая, сначала заморочит, в скота обратит и рогами разделит, а потом слопаёт“. Стали уговаривать Нишчаядattu четыре подвижника, его попутчики: „Ну, что нам сделает жалкая якшини? Идем туда! Не раз мы с ними на кладбищах ночевали!“ Пошли они дальше, добрались до заброшенного храма Шивы и зашли туда переночевать. Сделали они большой круг из пепла, набрали поленьев и разожгли костер, а потом стали Нишчаядатта и четверо великих подвижников бормотать мантру²⁸ для защиты от всякого зла. А когда сгустилась ночь, явилась туда сама якшини Шринготпадини, наигрывая на вине²⁹, сделанной из скелета, и стала вне круга плясать, выпучивая глаза поочередно на каждого из четырех подвижников и бормоча мантру. А от той мантры у подвижника, который ее слышал, выросли рога, и начал он плясать, а затем упал в огонь. И как только он упал и наполовину зажарился, вытащила якшини его из огня и, радостная, сожрала. Потом на другого глазищи свои выпучила и мантру, от которой рога вырастают, пробормотала, и заплясал он и упал в огонь, и она на глазах у других сожрала его. Так по очереди

она заколдовала всех четырех подвижников и наградила рогами и сожрала в ту ночь. Когда четвертого-то дожрала она, захмелевшая от крови да человечины, случайно вину свою костлявую уронила наземь. Вскочил смелый Нишчаядатта, схватил вину и стал плясать, прыгать и смеяться и повторять мантру, от которой рога вырастают, выученную им, и смотрел прямо ей в глаза. Испугавшись действия мантры, глядя в лицо смерти неминуемой и чувствуя, что растут уже у нее рога, взмолилась якшини: „Не убивай, высокодобродетельный, меня, женщину бедную! Защити ты меня от действия мантры, защити меня. Знаю я все, что тебе хочется, и помогу достичь желанного и проведу тебя туда, где живет Анурагапара!“ „Ладно! Будь по-твоему!“ — ответил ей смельчак, остановился, и перестал твердить мантру, и, забравшись на плечи к якшини, полетел к любимой. На исходе ночи, когда уже светало, добрались они до какого-то горного леса, и обратилась к Нишчаядатте эта гухьяка³⁰: „Скоро солнце взойдет и не будет у меня силы лететь дальше. Проведи, повелитель, день в этом красивом лесу, отведай плодов сочных, испей воды ключевой, а я пока пойду к себе домой. Когда же снова настанет ночь, приду я и отведу тебя к твоей любезной Анурагапаре в славный город Пушкаравати, красой равный снежным вершинам Гималаев“. Согласился Нишчаядатта, слез с ее плеч и, после того как взял с нее клятву, что она вернется за ним, отпустил ее. Поспешила она к себе, а Нишчаядатта пошел по лесу и увидел озеро, бездонное, полное свежей и чистой воды, но взошедшее солнце простерло руки лучей, словно бы предостерегая смельчака: „Озеро это подобно женскому сердцу и таит в себе яд!“ И, уйдя от этого озера, кем-то отравленного, Нишчаядатта, хотя и мучила его жажда, пошел дальше по чудесной горе.

Бродил он, бродил по склонам горы и вдруг увидел, как словно два рубина сверкнули ему из земли. Стал он в том месте копать землю, а когда разгреб ее, то увидел голову живой обезьяны и понял, что это ее глаза сверкали, точно рубины. И пока он дивился, что это, дескать, такое, обезьяна заговорила человеческим голосом: „Человек я, был брахманом, а стал обезьяной! Вызволи меня, добрый человек, все тебе расскажу, что со мной приключилось“. Удивился Нишчаядатта, услышав эти слова, раскопал землю и освободил обезьяну. А когда выбралась она из земли, упала ему в ноги: „Вытащил

ты меня с великим трудом и жизнь мою спас. Отдохни здесь, отведай плодов и попей воды. Благодаря твоему великодушию избавился я от гибели“. С этими словами привела обезьяна Нишчаядатту к реке, катившейся по горному склону, и усадила под тенистым деревом, на котором росли сладкие плоды. Искупавшись и утолив голод плодами, а жажду водой из реки, спросил Нишчаядатта обезьяну: „Как же это ты из человека обратился в обезьяну?“ Тогда начался рассказ

о том, как Сомасвамин был обращен в обезьяну

„Слушай, теперь расскажу тебе все с самого начала. Живет в городе Варанаси³¹ лучший из брахманов по имени Чандрасвамин, а я, друг, его сын от верной его жены. Нарек меня отец Сомасвамином. Рос я, подобно слону дикому, анка не слушающемуся, страстью одолеваемому. Однажды увидела меня из окна Бандхудатта, юная дочь купца Шригарбхи, жена Варахадатты, старшины купеческого из города Матхуры, приехавшая к отцу погостить. И почувствовала она, увидев меня, зов бога любви и послала свою верную подругу, чтобы та условилась со мной о свидании, а подруга, видя, что ту страсть одолела, рассказала мне о ее желании и привела меня к себе домой. Устроив меня там, привела она затем туда же Бандхудатту, распаленную страстью сверх всякой меры, и только вошла красавица, как кинулась ко мне с объятиями. Воистину, когда женщину любовь одолеет, ей только был бы мужчина! Бандхудатта прибегала из отцовского дома в дом к подруге и там что ни день миловался я с ней.

Случилось так, что из Матхуры приехал за ней муж, главный среди купцов того города. Отец велел Бандхудатте собираться, и муж ее торопил, и сказала она тогда подруге своей, знавшей ее тайну: „Должна я уезжать, подруженька милая, с мужем в Матхуру-город. Да не будет мне жизни в разлуке с Сомасвамином! Не знаешь ли средства какого беде моей помочь?“ А подругу ее звали Сукхашаей и была она колдуньей. И так она сказала Бандхудатте: „Есть у меня два заклятия. Если одно произнесешь, человек обратится в обезьяну, другое скажешь — снова человеком станет, от этого

знаний его не убудет. Если хочешь, могу я твоего любезного Сомасвами́на тотчас же превратить в обезьянку. Возьми ее с собой словно для забавы и поезжай в Матхуру, а я научу тебя, милая, обоим этим заклѣтиям, и благодаря им всегда милый твой в облике обезьяны будет при тебе. Когда же вы уединитесь, то, обратив его в человека, ты снова сможешь соединиться с ним“. Согласилась Бандхудатта и, позвав меня, тоже стала ласково уговаривать. Ну, и согласился я, и тогда повязала мне Сукхашая на шею ладанку с сутрой³² и заклѣтие прочла. И обратился я в обезьяну. В таком-то образе принесла меня Бандхудатта к мужу своему: „Вот, подружка подарила мне для забавы“. Посмеялся он, видя, как я на груди ее забавляюсь, а я, хоть и стал обезьяной, все понимал, как человек. „На что только не пускаются женщины! — смеялся я про себя. — На какие только штуки не толкает их любовь!“

На следующий день Бандхудатта, выучившись от колдуньи заклѣтию, покинула вместе с мужем отцовский дом и двинулась в Матхуру. Взял и меня ее супруг — на радость своей жене — и посадил на плечо одному из слуг. Шли мы, шли и, когда прошло то ли два, то ли три дня, достигли леса, полного обезьян. Увидев меня, обезьяны, бегавшие стаями, стали подходить все ближе и ближе, словно войска, предпринявшие осаду, переключаясь друг с другом и визжа, и начинали, летучие, заигрывать со мной. А тот несносный слуга, у которого я сидел на плече, взял да с перепугу и сбросил меня наземь. Подхватили меня тогда обезьяны, хоть и пытался я убежать. Из любви ко мне Бандхудатта вместе с мужем и со всеми слугами пытались камнями и дубинами отогнать обезьян, да не смогли. И стали тогда обезьяны у меня, несчастного, все волоски на всем моем теле, на руках, на ногах, ногтями выдирать. Благодаря ладанке, что висела у меня на шее, да благодаря милости Шивы вырвался я от них, да только тем и спасся. Скрылся я с их глаз, и попал в дремучий лес, и стал из леса в лес скитаться, пока сюда не попал. Из-за распутной Бандхудатты, за то, что с чужой женой сошелся, обречен я теперь оставаться обезьяной! Но видно, и этого мало мне, горемыке, от горя ослепшему. Судьба, мной разозленная, новую беду послала, когда началось время дождей. Появилась вдруг откуда ни возьмись слониха, схватила меня злым хоботом и швырнула в муравейник, размытый ливнями, словно некая богиня, исполнительница уготованного мне

судьбой. И так я там завяз, что, несмотря на все усилия, не смог выбраться из грязи. Только благодаря тому, что все время, помышляя о Шиве, твердил „Не помер я, не помер я!“, остался я жив до тех пор, пока ты, друг, не вытащил меня и не очистил от засохшей грязи. Не чувствовал я ни голода, ни жажды, но не знаю я пока еще, как мне избавиться от моего обезьяньего обличья. Если бы какая-нибудь йогини³³ могла раскрыть ладанку да прочесть заклятие, снова бы стал я человеком. Вот и весь мой рассказ. Теперь ты расскажи мне, приятель, как ты попал в этот дремучий лес и зачем?“ И когда обращенный в обезьяну брахман Сомасвамин спросил так Нишчаядатту, тот поведал ему, как он из-за Анурагапары покинул Удджайини и как якшини, которую он перехитрил, перенесла его сюда по воздуху. Выслушав его удивительный рассказ, Сомасвамин в облике обезьяны задумался и так сказал Нишчаядате: „И ты, подобно мне, немало горя испытал из-за женщин — ни женщина, ни удача не бывают постоянными. Подобно тому как в сумерках прозвучит иной раз песня, так к женщинам приходит страсть — меняют они настроение, как реки русла, нельзя, как змеям, им верить, и своевольны они, словно молнии. Да и эта видьядхари Анурагапара, хоть и привязалась она на какое-то время к тебе, да есть у нее, наверное, возлюбленный из ее племени, так что отвергнет она тебя, смертного. Не стоит тебе тратить силы ради женщины — как и в плоде дурного дерева, нет в этом ни смысла, ни вкуса. Не ходи ты в Пушкаравати к видьядхарам, а лучше ступай, забравшись снова на спину якшини, к себе в Удджайини. Послушайся меня, друг, и сделай так, как я советую. Не послушал я дружеского слова и мучаюсь теперь из-за той распутницы. Когда увлекся я Бандхудаттой, то говорил мне друг мой дорогой брахман Бхавашарман так: „Не поддавайся, друг, женщине. Трудно понять женскую душу. Послушай-ка, расскажу я тебе

о двух брахманках, бывших колдуньями

Жила здесь в Бенаресе молодая, красивая и веселая брахманка Самада, но никто не знал, что она была йогини, колдуньей. По воле случая сошлись мы с нею и чем чаще встре-

чались, тем больше росла у меня любовь к ней. Однажды приревновал я ее и поколотил, а она, злодейка, разозлилась на это, но виду не показала. На другой день, притворившись, будто она ко мне ласкается, повязала мне на шею ладанку с закланием, и тотчас обратился я в быка. Потом продала меня за сходную цену какому-то человеку, торговавшему верблюдами. Увидела, как я мучаюсь под грузом, на меня навьюченным, йогини Бандхамочаника, разрешительница заклятий, и движимая жалостью — а она знала, что Самада меня обратила в скота, — сняла с моей шеи ладанку с закланием, когда хозяин мой не видел, и стал я снова человеком. Он же, посчитав, что бык сбежал, начал повсюду его разыскивать.

Прогуливался я с Бандхамочаникой, и привела судьба так, что издали заметила меня с нею Самада. Вот она, гневом распаленная, и кричит Бандхамочанике: „Как ты смела этого негодника от скотства избавить? Ну, завтра же утром достанется тебе, да и этому греховоднику тоже за злые дела!“ Когда же скрылась она из виду, мудрая йогини сказала мне, чтобы предотвратить задуманное той зло: „Чтобы меня убить, займись она завтра утром в образе черной кобылицы, а я обращусь в рыжую, и начнется между нами драка, а ты в это время с мечом в руке стой позади нас, следи внимательно и, когда будет удобный момент, ударь Самаду мечом. Вот так мы и покончим с ней. Приходи утром ко мне домой“, — и показала мне свой дом. Проведя там некоторое время, я ушел к себе домой, словно бы за одну жизнь пережив много жизней. Когда же на следующее утро пришел я с мечом в руке в ее дом, примчалась туда Самада в образе черной кобылы, а Бандхамочаника тотчас же приняла облик рыжей, и началась между ними драка, в которой пускали они в ход и зубы и копыта. Улучил я удобный момент и поразил мечом колдунью — так вместе с Бандхамочаникой избавился от Самады. Освободился я от скотского состояния и от страха и решил никогда более не связываться с дурными женщинами. Разврат, жестокость, колдовские чары — вот эти три качества женщины грозят миру гибелью“.

„Зачем же ты бегаешь за этой демоницей Бандхудаттой? С чего она будет тебя любить, коли своего мужа не любит?“ — так говорил мне друг мой Бхавашарман, но не послушал я его и вот попал в такое положение. Поэтому советую тебе не мучаться из-за Анурагапары — найдет она кого-ни-

будь из своего видьядхарского племени, а тебя бросит. Как пчела летает с цветка на цветок, так и женщина ищет все новых и новых мужчин. Не желаю я тебе такой муки, какую мне довелось перенести“, — так говорил обращенный в обезьяну Сомасвамин, но его слова не вошли в душу Нишчаядатты, охваченного страстью. Сказал он обезьяне: „Не совершит она против меня никакого проступка, ибо родилась в благородном роде повелителя видьядхаров!“

Пока они так беседовали, солнце, словно желая сделать приятное Нишчаядатте, окрасилось пурпуром сумерек, и коснулось горы Заката, и словно послало вперед ночь, как свою вестницу, а за нею вслед явилась якшини Шринготпадини. Забрался тогда ей на плечи Нишчаядатта, собравшись лететь к своей любезной, и крикнула ему вслед обезьяна: „Помни обо мне!“ И не достигла ночь еще своей середины, как оказался он в городе Пушкаравати, стоящем в окружении гималайских вершин, столице отца Анурагапары, повелителя видьядхаров.

И, узнав благодаря своему чудесному знанию о его прибитии, вышла ему навстречу милая, и тогда со словами: „Вот идет в ночи твоя возлюбленная, истинное наслаждение для глаз, подобная молодой луне, а я теперь пойду“, — поклонилась якшини и улетела.

А видьядхари Анурагапара, истомившаяся от долгой разлуки, стала обниматься да миловаться с возлюбленным, и он отвечал ей объятиями, обрадованный встречей с ней, с таким трудом достигнутой, и так горячи были их объятия, что, казалось, каждый потерял свое тело в теле другого. А потом стала она ему женой по закону гандхарвов и, воспользовавшись чудесным своим знанием, мгновенно построила город и стала жить с возлюбленным в этом городе, и было таково ее знание, что с его помощью сумела она избежать взглядов родителей.

Когда же спросила Анурагапара его, рассказал ей возлюбленный, с какими трудностями ему пришлось добираться до Пушкаравати, и от этого она еще больше ласкала и доставляла ему всяческие радости. Поведал он ей и необыкновенную историю о Сомасвамине, обращенном в обезьяну. И сказал он ей после этого: „Вот если бы ты этого моего друга, любимая, силой своего знания избавила от обезьяньего облика, то было бы хорошо!“ Она же возразила ему: „Это дело прокля-

той йогини, не наше это дело. Но попробую я уговорить мою приятельницу мудрую йогини Бхадрарупу, чтобы она твоего друга вызволила!“ Порадовался таким ее словам купеческий сын и попросил милую: „Ты бы на него посмотрела. Давай к нему слетаем!“

„Ладно!“ — согласилась она, и на другой день, обняв крепко Нишчаядатту, полетела с ним в тот лес. Увидев друга в образе обезьяны, подошел к нему Нишчаядатта, поклонился и почтительно спросил о здоровье. „Вижу я, что ты пришел с Анурагапарой, и сегодня чувствую себя хорошо“, — ответил Нишчаядатте на это Сомасвамин в облике обезьяны и благословил его возлюбленную. Сели они все вместе на гладком камне, и начались у них разговоры, а потом с позволения обезьяны Нишчаядатта снова улетел в объятиях своей возлюбленной в ее дворец. На следующий день он снова говорит Анурагапаре: „Давай слетаем ненадолго к Сомасвамину!“ А она ему в ответ: «Ступай сегодня ты к нему сам. Научу я тебя, как взлетать и как опускаться!» Послушал он ее и, овладев этим несравненным искусством, полетел к своему другу-обезьяне. И началась у них долгая беседа, а пока она шла, Анурагапара вышла прогуляться в сад. Случилось так, что, когда она там была, увидел ее пролетающий в небе юный видьядхар, и завладел Кама, бог любви, его сердцем. Спустился к ней видьядхар и понял благодаря своему всеведению, что супруг ее — простой смертный. Увидела его красавица, от смущения голову опустила и спросила его из любопытства: „Кто ты и как сюда попал?“ „Знай, прелестная, — ответил он ей, — что я видьядхар и зовусь Раджабханджаной. Как только увидел я тебя, газелеокая, так вспыхнула в моей душе любовь и привела она меня к тебе, как жертву на алтарь бога любви. Оставь, божественная, смертного, ползающего по земле, и, пока еще не узнал об этом отец, полюби меня, тебе равно!“

Пока он так говорил, она бросала на него кокетливые взгляды и думала, непостоянная сердцем: „Вот истинно мой суженый!“ А затем сделал ее видьядхар своей женой, и разве что только бог любви Кама заметил в их уединении, как слились их души.

Что еще нужно для тайной любви, кроме взаимного согласия двух? Когда видьядхар улетел, вернулся после встречи с Сомасвамином Нишчаядатта, но эта изменница не вышла к

нему, как обычно, с ласками да поцелуями, отговорившись, что у нее голова болит. Нишчаядатта же, искренне поверив этому, очарованный любовью, решил, что она больна, провел день в горестном одиночестве. Когда же наступило утро, он, пользуясь полученными им знаниями, снова полетел к другу своему обезьяне, и только стоило ему улететь, как снова явился к Анурагапаре тот видьядхар, лишившийся из-за нее сна. Обнял он ее, истомленную ночной разлукой, и, когда утомились они оба от любовных забав, она силой своих знаний сделала спящего в ее объятиях возлюбленного незримым, да и сама уснула — ведь ночь она тоже провела без сна. А Нишчаядатту, когда прилетел он к своему другу, тот приветствовал и спросил: „Вижу я, что-то томит сегодня твое сердце. Расскажи мне“. И тогда сказал Нишчаядатта обезьяне: „Захворала тяжело Анурагапара. Вот это-то и тревожит меня, друг мой, ибо она мне — дороже жизни!“ Тогда посоветовала ему мудрая обезьяна: „Ступай сейчас же и, пользуясь силой полученного тобой знания, возьми ее на руки и принеси ко мне — покажу я тебе сегодня великое чудо“. Послушав его Нишчаядатта, взвился в поднебесье, прилетел к своей возлюбленной, легко поднял ее, сонную, но из-за ее мудрого волшебства не заметил, что прильнул к ней нагой видьядхар, снова понесся небесной дорогой и скоро прилетел к Сомасвамину. А тот рассказал Нишчаядатте о божественном способе видеть, с помощью которого он заметил видьядхара, обнявшего его возлюбленную. Когда же Нишчаядатта увидел все это, вскрикнул он: „Что за мерзость?“ Обезьяна же, понимающая суть вещей, рассказала, как все это случилось.

Разгневался Нишчаядатта, а видьядхар тем временем пробудился и, взлетев в небо, исчез. Пробудилась и Анурагапара и, поняв, что тайное стало явным, стояла, опустив от стыда голову. И обратился к ней со слезами на глазах Нишчаядатта: „Верил я тебе. Как же ты, негодная, меня, обманула? Даже ртуть, вечно живую, можно связать, но никто не знает средства, как связать женское сердце!“ Так говорил он, заливаясь слезами, а она, бессловесная, молчала, потом взлетела в небо и улетела к себе домой.

Тогда сказал Нишчаядатте его приятель-обезьяна: „Так вот и я гнался за моей возлюбленной — до сих пор палит нещадный огонь. Кто может верить постоянству богатства

или распутной женщины? Но хватит тебе сокрушаться, успокойся! Что судьба предназначит, того даже сам Брахма не может исправить!”

Выслушал Нишчаядатта друга своего обезьяну, перестал кручиниться да гневаться и решил, отворотившись ото всего мирского, искать милости великого Шивы.

Скитаются они по лесу, Нишчаядатта со своим другом в обезьяньем облике, но вот по воле судьбы оказалась там подвижница Мокшада, подательница избавления. Увидев их и поклонившись, спросила она: „Интересно, как это — ты человек, а друг твой — обезьяна?“ Поведал тогда ей Нишчаядатта свою историю и рассказал о том, что случилось с его другом: „Если бы знала ты, почитаемая, мантру подходящую, избавила бы ты моего друга от заклятья!“ А она в ответ на это взяла и отвязала с шеи обезьяны ладанку с мантрой, и тотчас же сбросил Сомасвамин обезьянье обличье и стал, как прежде, человеком. Мокшада же исчезла молнии подобно, а Нишчаядатта и Сомасвамин со временем достигли наилучшего пути, ведущего к освобождению. Жизнь распутниц вызывает крайнее презрение и приводит людей к подвижничеству и отращению от всего мирского, тогда как добродетельная женщина украшает свой род подобно тому, как юная луна — темно-синий свод неба».

Нараваханадатта, Ратнапрабха и все прочие очень были довольны увлекательным рассказом советника Гомукхи.

ВОЛНА ЧЕТВЕРТАЯ

Тогда, видя, как Нараваханадатта доволен рассказом Гомукхи, заговорил Марубхути, возражая ему: «Совсем не обязательно, чтобы женщины в большинстве были распутны. Ведь даже среди гетер встречаются высокодобродетельные.

Позволь мне, божественный, рассказать

о царе Викрамадитье и его возлюбленной Мадана- мале

Жил когда-то царь Викрамадитья, стольным городом которого была Паталипутрака, и было у него два самых любимых друга: царь Хаяпати, в войске которого было множество всадников, и царь Гаджапати, у которого было бесчисленное множество боевых слонов. Единственным же врагом царя Викрамадитьи был повелитель Пратиштханы³⁴, могучий царь Нарасимха, войско которого состояло из пеших воинов.

Уверенный в мощи своих друзей, вспыхнув гневом к врагу, решил Викрамадитья в своей ярости так: „Я нанесу Нарасимхе такое поражение, что будет он в дверях вместе с шутами и пленниками, как слуга, просить позволения войти“. Поклявшись в этом, сговорился Викрамадитья с Хаяпати и Гаджапати, друзьями своими, и вместе с ними могучий царь во главе всего войска, в котором было так много коней и слонов, что не было видно земли, двинулся, чтобы одолеть Нарасимху. Когда же дошли они до Пратиштханы и стало известно об этом царю Нарасимхе, надел он боевой наряд и сам вышел на поле боя. И вот началась жестокая битва, в которой на равных бились пешие воины, всадники и слоны, и так случилось, что десять миллионов пеших воинов Нарасимхи сломили войско царя Викрамадитьи — сам Викрамадитья бежал, спасаясь к себе в Паталипутраку, а друзья его разбежались по своим столицам. Царь же Нарасимха, одолев врага, вернулся в свою столицу Пратиштхану, и множество поэтов восхваляли его доблесть. А царь Викрамадитья, потерпев неудачу, решил: „Что же, не одолел врага я оружием, так одолею его хитростью. Пусть осуждают меня за это поражение, но клятву свою я выполняю!“

А так решив, оставил он дела государственные на надежных министров и тайно ушел из города, одетый йогом, сопровождаемый министром Буддхиварой и пятью сотнями лучших и родовитых воинов из раджпутов, и добрался до столицы врага своего — города Пратиштханы. Там направился он в дом самой славной из гетер, особенно искусной в ласках, которую звали Маданамала, а дом ее был наилучшим в городе и мог сравниться с царским дворцом и словно зазывал к себе

множеством флажков, поднятых на башенках и подобно нежным побегам лиан то вздымающихся, то ниспадающих под дуновением приятного ветерка. У главных ворот Пратиштаханы, обращенных на восток, скрыто стояли день и ночь двадцать тысяч пеших воинов, вооруженных разнообразным оружием, а у каждого ворот, обращенных к трем другим странам света, стояло на страже по десять тысяч славных яростных бойцов. Назвавшись караульным ложным именем, неузнанный вошел Викрамадитья в крепость, где размещались и отборные табуны лошадей, а кое-где теснились группы слонов; на стенах дворца висели украшения из различного оружия, слепил блеск драгоценных камней и монет в сокровищницах, повсюду толпилось бесконечное множество слуг, слышалось мелодичное пение под ритмы мриданга³⁵ и голоса сказителей, славящих наперебой владыку. Так прошел Викрамадитья со спутниками через все семь посадов и добрался до высокого дома Маданамалы. Она же по нарядам коней, и прочему, и по тому, что узнала от людей, поняла, что это, видно, какой-то высокородный человек, вышла навстречу ему с приветом, и лаской, и сердечностью, и ввела в покои, и устроила на ложе, достойном царей. Она пришла по душе Викрамадитье своей красотой и прелестью, а также скромным нравом, и остановился он у нее, не раскрывая ей, однако, своего имени, а Маданамала устроила омовение, натерла душистыми притираниями и преподнесла ему одежды и украшения драгоценные и каждый день стала тешить его, и министра, и всех прочих, кто ему сопутствовал, всякими яствами и всем, что только может порадовать гостей. Каждый день проводила она с ним, и угощала его хмельным питьем и ласками, и отдавалась ему, покорная его взгляду. Вот так и жил там, наслаждаясь ее ласками, повелитель мира Викрамадитья, и день шел за днем. Все, что давал он нищим на милостыню, все Маданамала сама раздавала. И так была она щедра к Викрамадитье и телом своим и всем, что имела, что ни на кого больше и не смотрела и всякими уловками отваживала тамошнего раджу Нарасимху, влюбленного в нее и пытавшегося проникнуть к ней. Вот так она ублажала гостя. Однажды, оставшись наедине с министром Буддхиварой, сказал Викрамадитья так: „Не нравятся Каме гетеры, лишённые жадности, — ведь судьба, создав попрошаек, жадность отдала гетерам. Маданамала же все тратит на меня и от великой любви не отвращается из-за

этого от меня, а, напротив, радуется. Как бы мне ее отблагодарить и такой подарок сделать, благодаря которому преуспел бы я в своей клятве?”

Ответил на это царю светлый умом министр Буддхивара: „А что, если подарить ей несколько из тех бесценных самоцветных камней, которые тебе нищенствующий буддийский монах Прапанчабуддхи приносил?” Но возразил ему на это Викрамадитья: „Нельзя этого с ними делать — кто знает, что случится? Как бы не случилось чего другого, как тогда, когда я их получил!” И, услыша это, попросил его министр: „Не изволишь ли, божественный, рассказать, как достались тебе эти камни от нищенствующего монаха?” Ответил на это Викрамадитья министру Буддхиваре: „Слушай же, расскажу я тебе

о коварном монахе Прапанчабуддхи

Уже много времени прошло, как повадился нищий буддийский монах-бхикшу³⁶ по прозванию Прапанчабуддхи что ни день приходить ко мне во дворец и приносить каждый день по ларчику. Так целый год прошел, и всякий раз я отдавал ларчик, не открывая его, прямо в руки казначею. Но случилось однажды так, что подаренный-то монахом ларчик случайно выскользнул из моей руки, упал и раскрылся, и выпал тогда из него камень драгоценный, пылающий огнем, и при виде его сердце мое затрепетало. Повелел я тогда принести все прочие ларчики и велел их раскрыть, и в каждом из них оказалось по такому же камню. Спросил я тогда с удивлением Прапанчабуддхи: „Скажи, чего ради ты мне приносишь такие дары?” А бхикшу попросил всех отослать и, когда остались мы с ним наедине, сказал: „Когда опустится на землю ночь, следующая за четырнадцатым днем темной половины месяца³⁷, и я пойду туда, где сжигают трупы, и устрою некое колдовство, тогда нужно будет, чтобы ты пришел мне на помощь, ибо, если герой поможет устранить все препятствия, успешно закончится мое колдовство!” Так попросил меня бхикшу о помощи, и я согласился. Обрадовался он и ушел, и вот дни сменились днями и наступила ночь, следовавшая за четырнадцатым днем темной половины месяца, и я вспом-

нил о том обещании, которое дал шрамане³⁸. Выполнил я все дневные дела, а там и вечер подошел. И вот, сделав все, что нужно делать в сумерках, я нечаянно уснул. Но только сомкнул я очи, как явился мне летящий на Гаруде³⁹, милостивый к искренне верующим, сопровождаемый Лакшми, великий бог Вишну, да и говорит: „Недаром у этого лгуна-бхикшу имя Прапанчабуддхи — лживый ум! Смотри, сын, хочет он тебя на кладбище в жертвенном кругу принести в жертву. Поэтому когда скажет он тебе, что делать, ты не делай этого, а скажи ему так: „Сделай сначала ты, а потом я сделаю!“ И как только начнет он делать то, что тебе велел, тут-то и следует его убить. Тогда тебе достанется плод его колдовства“. Так сказал мне Вишну и исчез, а я проснулся и стал думать, что мне, по слову Вишну, надлежит того бхикшу убить. Пока думал я об этом, спустилась ночь, и я один-одинешенек пошел с мечом в руке на место, где сжигаются трупы. Там увидел я бхикшу, занятого приготовлениями к жертве, и приблизился к нему. А он, негодяй, заметив, что я пришел, говорит мне: „Ложись ничком, закрыв глаза, распластавшись на земле, и будет, царь, нам от этой жертвы великое благо“. Возразил я на это: „Ты сначала сделай это сам, покажи мне — научусь я от тебя и точно так же сделаю!“ Выслушал это шрамана и распростерся, глупец, а я быстро, одним ударом, отсек ему голову. Тогда зазвучал в поднебесье голос: „Хорошо поступил ты, царь, что принес в жертву этого грешного бхикшу, и пусть тебе достанется плод его волшебства — умение передвигаться в воздушном пространстве! Я, повелитель богатства, доволен твоей твердостью, и поэтому выбирай себе еще награду!“ Когда смолк голос, предстал передо мной сам Кубера, и я попросил его: „Коли придет нужда, попрошу я у тебя, повелитель, награды, а ты уж не забудь об уговоре“. „Быть посему!“ — согласился он и исчез, а я, завладев плодом волшебства бхикшу, поспешил к себе во дворец. Все рассказал я тебе, а теперь хочу я поднести Маданамале в дар ту награду, что обещана Куберой⁴⁰. Ты же, Буддхивара, поспеши со всеми переодетыми раджпутами и слугами в Паталипутраку, а я, вознаградив возлюбленную, поспешу за тобой, но только чтобы снова сюда вернуться“. Так говорил повелитель земли Викрамадитья своему министру.

Когда же настало утро, Викрамадитья поклонился солнцу и отправил министра и всех прочих домой. А затем, томясь

чувством предстоящей разлуки, провел он ночь с Маданамалой. Маданамала же, словно каким-то внутренним чувством поняв, что отдаляется от нее царь, провела эту ночь, обнимая и лаская его, но от тоски не могла даже на мгновение сомкнуть глаз.

Когда же настало утро и совершил царь все, что положено, вошел он словно для того, чтобы вознести обычную молитву, в какой-то храм, а там, помня о том, что было ему обещано Куберой, воззвал к нему: „О владыка, обещал ты мне награду, так пожалуй мне пять больших из золота сделанных пурушей⁴¹, отрубая от которых куски золота можно было бы менять их на деньги, но чтобы тела их снова и снова оказывались бы целыми“. „Да сбудется все, что ты просишь, и пусть будут у тебя такие пуруши, как ты хочешь!“ — тотчас ответил повелитель богатств, представ перед царем в зримом облике. И вслед за этим увидел царь в храме внезапно появившихся больших золотых пурушей. Вышел он, так же как и вошел, помня об обете одолеть Нарасимху, вознеся высоко под самое небо и улетел в Паталипутраку. Возрадовались ему, долго отсутствующему, и мудрые советники, и горожане, и придворные, и остался он там, но какие же дела он умом ни вершил, сердцем оставался он в Пратиштхане.

А там его возлюбленная Маданамала, истосковавшись по нем и возжелав увидеть его, пошла в тот храм, но нигде не нашла своего любимого, а нашла пять больших пурушей, сделанных из золота. И видя только этих золотых истуканов и не видя раджу, так подумала она: „Наверное, любимый мой или гандхарва, или видьядхар. Видно, сам он улетел на небо, а мне оставил этих истуканов. Что я, покинутая, буду делать с ними?“ Так раздумывала и спрашивала себя в этом безлюдье и нигде не находила утешения. Стала она бродить повсюду, и нигде не находила радости — ни во дворце своем, ни в саду, — и измученная разлукой, готовая даже с телом своим расстаться, заливалась она слезами, а слуги ее утешали: „Не горюй, божественная, как неожиданно пришел к тебе тогда возлюбленный, так неожиданно он к тебе и теперь придет!“

Успокоилась она кое-как, но сказала: „Клянусь, если через шесть месяцев не увижусь я с ним, раздам все свое достояние и взойду на погребальный костер!“ И после такой клятвы стала она жить в мечтах о своем возлюбленном и каждый

день раздавала богатую милостыню. Однажды случилось так, что она отсекла у одного из золотых пурушей руку и, раздробив ее на куски, раздала милостыню брахманам, а на другой день увидела — стоит он как ни в чем не бывало. Удивилась она, как это за ночь рука снова отросла! Тогда она и у других золотых мужей стала отсекал руки и дробить их, чтобы раздавать подаяние, но и у тех точно так же отрастали руки. Видя, что истребить их невозможно, стала она что ни день отсекал им руки и раздавать милостыню брахманам в соответствии с тем, кто сколько вед знал. Прошло немного дней, и молва об этом разнеслась по всем странам света. Пришел тогда к ней за милостыней Самграмадатта, брахман из Паталипутраки. Знал он, бедняк, четыре веды и обладал многими добродетелями. Пошел он к Маданамале просить о милостыне, и, после того как слуга о нем доложил, вошел он в ее покои. Дала она ему, все четыре веды знавшему, четыре руки от тех золотых мужей, и видел он, что все тело ее от жгучей тоски побледнело, ибо истомлена она была горькой разлукой. Узнал он от близких ее и слуг всю историю вплоть до ужасной клятвы и огорчился.

Огорченный тем, что услышал, и обрадованный наградой, погрузил он те руки на двух верблюдов и пошел к себе в Паталипутраку. А придя туда, подумал: „Если раджа под свою защиту не возьмет это золото, не будет мне покоя!“ А так подумав, пошел он к царю Викрамадитье, сидевшему в окружении всех придворных, и сказал: „Вот, махараджа, я, бедный брахман, этого города житель, пошел однажды, богатства взалкав, в Южные края и дошел до города Пратиштханы, где правит царь Нарасимха. Желая получить милостыню, пошел я в дом гетеры Маданамалы, прославившейся щедростью. Некий божественный муж прожил с ней долгое время и оставил ей пять золотых пурушей, которые, сколько бы от них золота ни брали, опять становятся целыми. Маданамала же, убитая горем разлуки с тем мужем, считает чувство — отравой, еду — воровством, а тело — никчемным, и, хотя продолжает она жить, потому что уговорили ее близкие и слуги не убивать себя, крепко-накрепко поклялась: „Коли через шесть месяцев не встречу я возлюбленного, взойду я на костер и расстанусь с жизнью, злосчастная!“

Дав такую клятву, готовится она к смерти и что ни день раздает богатые дары, чтобы обрести награду в другом рож-

дении. Видел я ее, божественный, в полном отчаянии, исхудавшую и от мирских радостей отказавшуюся, но все равно прелестную. Руки ее постоянно влажны от воды подаяний, вокруг черных волос ее вьются иссиня-черные пчелы, и вся она истомлена любовью, подобно слонихе, охваченной страстью. Думаю я, что любовника, ее покинувшего, и осудить и похвалить надо — похвалить за то, что покорила такую красавицу, осудить за то, что хочет она, прелестная, расстаться со своим телом. Она дала мне четыре руки от золотых мужей — четыре веды я знаю, а брахманов она оделяет по числу вед, ими выученных. Хочу я на них выстроить храм, чтобы можно было там приносить жертву, и тем послужить своей дхарме⁴², и хочу я, божественный, чтобы ты мне помог и взял это богатство под свою высокую руку“.

Получив от брахмана такое известие о своей возлюбленной, опечалился Викрамадитья. Повелел он слуге сделать все нужное для успеха задуманного брахманом святого дела, а сам стал думать о твердой в решениях и страсти своей возлюбленной и о том, что жизнь свою она ценит не дороже стебелька травы. И посчитал он, что мало уже дней осталось жить Маданамале и она действительно может расстаться со своим телом.

Преисполнился тут блистательный Викрамадитья решимости и, поспешив переложить на министров бремя дел государственных, понесся он дорогой небесной в город Пратиштхану и вскоре вошел в дом возлюбленной. Увидел он ее, щедро раздающую брахманам свое богатство и так исхудавшую от томительной тоски, что, казалось, и сама она и ее одежды были сотканы из лунных лучей. Сама же она стала столь же прекрасной, как бледный серп только что народившейся луны. А она, увидав Викрамадитью, облик которого для ее глаз был столь же сладостен, как амрита, явившегося нежданно-негаданно, встрепенулась и словно замерла на мгновение, а потом кинулась к нему и, как бы опасаясь, что он снова исчезнет, обвила его шею руками, словно петлей из лиан. „Безжалостный, чем провинилась я перед тобой, что ты меня покинул!“ — выговаривала она ему, захлебываясь от слез. „Идем, — отвечал он ей, — и я расскажу тебе все, когда мы с тобой останемся одни!“ И удалились они в ее опочивальню, а все слуги и близкие радовались и приветствовали царя.

И там открылся ей раджа Викрамадитья — все рассказал о себе: и как он пришел сюда, замыслив одолеть царя Нарасимху хитростью, и как он, убив Прапанчабуддхи, овладел даром двигаться в поднебесье, и как достались ему от повелителя богатств Куберы золотые мужи, а он оставил их ей, и как, узнав о ее страданиях от брахмана, он решил снова прийти сюда, чтобы не дать ей исполнить свою страшную клятву, и обо всем прочем. „Этот Нарасимха-царь могуч, любимая, и никакой силой его не одолеть. Можно было бы спор решить поединком, но я могу двигаться в поднебесье, а он только по земле, и не хочу я воспользоваться этим преимуществом и убить его. Какой же кшатрий хочет победы, добытой бесчестно! Для исполнения же моей цели помоги мне, дорогая, и устрой так, чтобы могучий Нарасимха пришел сюда и меня уведомили бы о его приходе те, кто стоит у твоих дверей“.

Ответила она Викрамадитье на это, что счастлива помочь ему, и, рассудив вместе с ним, что и как делать, позвала слуг своих, несущих стражу у дверей, и так им наказала: „Если раджа Нарасимха придет ко мне в дом, то стоящий у дверей, как только заметит его, пусть произнесет: „О божественная, это пришел раджа Нарасимха, верный и преданный тебе!“ Когда же так будет сказано и он войдет и спросит: „Кто здесь находится?“, надобно ответить ему спокойно: „Раджа Викрамадитья!“

Так она всем им наказала и отпустила, а служанке, которая должна была стоять у ее опочивальни, сказала так: „Когда дойдет раджа Нарасимха до моих дверей, не останавливай его, а пропусти“. Устроив все так, Маданамала от счастья, что вновь обрела супруга, стала раздавать бесчисленно свои сокровища.

Дошла весть о ее необычайной щедрости и о тех неистребимых золотых мужах до Нарасимхи, и пошел он к ней в дом посмотреть на них. А слуги не чинили ему препятствий, и вошел он в дом Маданамалы, и стоявшие у наружных дверей стражи провозгласили: „Божественная, это пришел раджа Нарасимха — верный и преданный тебе!“ Когда услышал это Нарасимха, удивился он, и закралось в душу ему подозрение, и спросил он у стражей: „Кто здесь находится?“ А узнав от них, что Викрамадитья, подумал: „Вот как! Поклялся этот доблестный царь когда-то, что войдет ко мне без моего ве-

дома и что обо мне ему возвестят, как о царе, явившемся на поклон к императору, да так и сделал! Но не могу же я убить его, вошедшего в мой дом! Войду же!" И Нарасимха пошел дальше, сопровождаемый криками стражей, возвещавших о его приходе. Когда же входил он в опочивальню, то улыбнулся, а навстречу ему с улыбкой же поднялся Викрамадитья и крепко обнял его. Сели оба царя и осведомились друг у друга о здоровье. Была при этом и Маданамала, и шел у них разговор. Тогда спросил Нарасимха Викрамадитью: „Откуда взялись здесь эти золотые мужи?"

Поведал ему Викрамадитья и о том, как был убит злобный монах-бхикшу и как, он, Викрамадитья, получил умение передвигаться в воздухе, поведал царь и о том, как повелитель богатств пожаловал ему в награду пять золотых неистребимых пурушей, и поведал ему о всех своих прочих чудесных приключениях.

Все это выслушав, Нарасимха понял, что обладает Викрамадитья великими силой и мудростью и может даже летать по небу. Предложил он Викрамадитье свою дружбу, и ответил тот согласием. Когда же скрепили они дружбу свою, как полагалось, Нарасимха взял Викрамадитью в свою столицу и принял его, как дорогого гостя. А после этого вернулся Викрамадитья в дом Маданамалы.

Так, благодаря уму и хитрости выполнив свою трудноисполнимую клятву, решил Викрамадитья отправиться к себе домой, а с ним вместе захотела отправиться и Маданамала, ибо не могла она снести разлуки. Раздарив все достояние брахманам, покинула она свою страну. И двинулся тогда Викрамадитья, истинный месяц среди правителей, с возлюбленной Маданамалой в сопровождении слонов, коней и воинов в свой стольный город Пяталипутраку и стал там жить сильный дружбой царя Нарасимхи и счастливый любовью Маданамалы, покинувшей ради него родную страну. Вот, Нараваханадатта, и гетеры бывают великодушны и верны в любви,— что же говорить о царицах и других благородных и почтенных женщинах!»

На этом Марубхуги закончил свой благородный рассказ, благосклонно и с удовольствием выслушанный Нараваханадаттой и супругой его Ратнапрабхой, рожденной в высоком роду видьядхаров.

ВОЛНА ПЯТАЯ

Когда Марубхути закончил свой рассказ, Харишикха, военачальник Нараваханадатты, сказал: «Истинно, для добрых женщин нет другого прибежища, кроме супруга. Вот весьма занимательная и достойная внимания история

о Шрингабхудже⁴³ и его девяносто девяти злых братьях

В городе, который по всей земле известен как Вардхаманапура, правил царь Вирабхуджа, лучший из служителей правой веры, и было у него множество жен, но больше всех была ему дорога царица Гунавара. Но хоть и было у царя сто жен, а случилось так, что ни одна из них не одарила его сыном. Позвал царь к себе лекаря Шрутавардхану и спросил: „Нет ли такого снадобья, от которого бы сыновья рождались?“ А тот ему на это: „Приготовлю я такое снадобье, только вели, царь, привести мне из лесу дикого козла!“ Тотчас же царь, услышав, что нужное ему снадобье можно изготовить, кликнул стража, стоявшего у дверей, и велел добыть в лесу дикого козла. А после отдал лекарь добытого козла царским поварам, и те разделали его и из мяса приготовили для цариц вкусный суп. Затем велел он всех цариц собрать в одно место как будто для того, чтобы богу поклониться. Все царицы пришли, и не было там только одной Гунавары, которая в это время вместе с царем приносила жертву богам. И всем собравшимся царицам дал лекарь супа из козлятины, в который подмешал какой-то порошок. Тем временем, закончив жертву, пришел туда и царь с любимой женой. Увидел он, что суп до доньшка разлит, и с укором сказал лекарю: „Как же это ты ничего не оставил для Гунавары? Ведь для нее это прежде всего было сделано, а ты позабыл!“ Устыдился лекарь от этих слов, а царь у главного повара спрашивает, не осталось ли

от того козла хоть немного мяса. „Два рога осталось“, — ответили повара, и лекарь сказал тогда, что, верно, внутри рогов самое вкусное мясо — из него хороший суп получится! Велел тогда лекарь сварить суп из этого мяса и, подмешав в него какое-то снадобье, дал съесть Гунаваре.

Когда же настало время, забеременели девяносто девять цариц и в положенный срок родили сыновей, а царица Гунавара родила позднее всех, но был сын ее отмечен всеми признаками превосходства, и раз родился он от мяса из рогов, то нарекли его Шрингабхуджей — „Рогоедом“. Отец его Вирабхуджа устроил великое торжество. Рос Шрингабхуджа вместе со своими братьями, и хоть был он из них самым младшим, но по добродетелям своим превзошел всех. Был царевич красив, словно Кама, бог любви, в стрельбе из лука равен Арджуне, а по силе подобен славному Бхимасене⁴⁴. Видя, как счастлив Вирабхуджа, и младшему сыну и царице Гунаваре другие его жены стали завидовать. А была среди них царица Аяшалекха, истинное обиталище злости, — она-то, со всеми прочими посововетовавшись, замыслила дурное и когда однажды пришел царь в покои цариц и увидал их притворно огорченные лица, спросил, что случилось, то поспешно она ответила ему: „Как ты можешь, благородный, сносить позор дома? Защищая других от зла, почему сам себя не охранишь от него? Ведь юный страж Суракшита влюбился в твою царицу Гунавару! Эти стражи, охраняя женскую половину от других, пользуются своим положением — вот и он сошелся с ней. Это всем на женской половине известно“. Опечалился царь и задумался. Стал он всех своих жен, одну за другой, спрашивать, и все эти сочинительницы сказали ему одно и то же.

Однако мудрый царь подавил свой гнев. „Не может быть правдиво это известие, и не следует это дело считать решенным, пока не будет какого-нибудь доказательства; раз идет такой разговор, следует удержать их от встреч“. Вот так решив, на другой день призвал царь Суракшиту, начальника стражи женской половины, и с притворным гневом проговорил: „Стало мне известно, грешник, что ты убил брахмана, и не могу я больше держать тебя здесь, пока не совершишь ты паломничества в места священных купаний“. А тот с удивлением и тревогой спросил: „Когда же это, божественный, я брахмана убил?“ Царь же ему на это возразил: „Не смей

оправдываться! Отправляйся в Кашмир⁴⁵ — там отпускаются все грехи. Есть там святые места Виджаякшетра и Нандикшетра, а также Варахакшетра, освященные самим Вишну, держащим в руке чакру, диск для метания, и течет там священная река Витаста, и есть еще там святое место, которое зовется Уттараманаса, и, пока не посетишь ты все эти места, не хочу я тебя видеть!“ С тем и отпустил он Суракшиту — отправил его в далекое и долгое странствие.

Пошел потом царь Вирахуджа к царице Гунаваре, и на лице его любовь сменилась гневом, а гнев — грустью. А она, увидев, что он расстроен, встревожилась и спросила: „Почему, благородный, вдруг дурное настроение тобой овладело сегодня?“ В ответ на это рассказал ей земли повелитель такую небылицу: „Явилась мне сегодня мудрая богиня и сказала так: „Царь, заключи царицу Гунавару на некоторое время в подземную темницу, а сам води жизнь целомудренную и не приближайся к женщинам. Если так не сделаешь, то и царство твое погибнет и царица умрет“. Сказав это, исчезла она, и от этих слов ее я и печален“.

Выслушала сказанное царем царица Гунавара, несравненная в своей добродетели и верная супругу, и, охваченная и страхом и нежной любовью, молвила так: „Не знаю я, благородный, за что ввергаешь ты меня в подземелье, но буду я счастлива, если ценой моей жизни будет тебе благо. И даже если придется мне умереть, пусть тебя не коснется невзгода. И здесь, на земле, и на том свете для жен один закон — воля мужа“. Заплакал царь, слушая такие слова, и подумал: „Не было между ней и Суракшитой никакого греха — ведь видел я, что он глядел мне в лицо прямо и открыто. Вот беда-то! Что-то придется делать с этой клеветой!“ Обратился царь, горем удрученный, к царице и сказал: „Вот мое решение, божественная: придется тебе быть в подземелье“. И она согласилась: „Пусть так и будет!“ И повелел тогда царь там же на женской половине сделать подземную темницу и поместил туда царицу.

Спросил огорченный царевич мать свою, по какой причине ей достался такой удел, а она успокоила его, передав все, что царь говорил ей. Сказала, что темницу эту подземную считает раем небесным, ибо от этого зависит счастье мужа, а для женщин добродетельных их счастье не счастье, а вот мужа счастье — их настоящее счастье.

Когда же все это случилось, то Аяшалека, это вместилище бесславия, так наставляла сына своего Нирвасабхуджа, уединившись с ним: „Царь нынче в расстройстве, а злодейка Гунавара в подземелье. Вот бы еще сыночка ее из страны выдворить, то было бы нам благо. Вот и подумай-ка со всеми другими братьями, сыночек, как бы нам Шрингабхуджу отсюда спровадить!“ Передал материнский совет Нирвасабхуджа всем другим братьям, таким же завистникам, как он сам, и стали они вместе думать, каким способом злодейство осуществить. Однажды все вместе царевици упражнялись в овладении разным оружием и заметили на крыше дворца очень крупного ворона.

Видя, как они уставились на эту противную птицу, сказал им мудрый монах, которому случилось там проходить: „Это, царевици, не ворон! Это ракшас Агнишикха, погубитель городов! Порадите его острой стрелой, пока он не улетел!“ Услыхали такие слова девяносто и девять старших царевицей и начали стрелять в ворона, но сколько ни стреляли, а ничья стрела в того ворона не попала. Посоветовал тогда им мудрый монах: „Может, ворона сразит ваш младший брат? Он — хороший стрелок из лука“. При этих словах сразу вспомнил Нирвасабхуджа наставления своей матушки и подумал: „Вот-то случай подходящий спровадить Шрингабхуджу. Дам-ка я ему для этого дела стрелу из отцовского колчана. Та стрела золотая коли в ворона попадет, он улетит, а Шрингабхудже придется вслед за ним бежать, чтобы стрела не пропала. Коли не сыщет он ракшаса, станет он кидаться и туда и сюда, а без стрелы вернуться не посмеет“. Так рассудив, дает злодей Шрингабхудже стрелу из отцовского колчана и лук отцовский, чтобы убил он ракшаса.

Взял младший царевиц отцовский лук, наложил стрелу золотую с хвостом, украшенным самоцветами, натянул тетиву, и поразил той стрелой ракшаса могучий Шрингабхуджа. Но только ранен был ракшас и со стрелой, в теле его застрявшей, истекая кровью, улетел, взмахнув крыльями. Стал подлый Нирвасабхуджа вместе со всеми другими братьями корить героя: „Ты верни эту стрелу золотую, она ведь из отцовского колчана взята, а не то мы тут все перед тобой разом умрем. Если не вернешь стрелу, то отец нас всех из царства выгонит! Другой такой стрелы не достанешь и не сделаешь“. Мужественный Шрингабхуджа так отвечал этим хитрецам: „Не

трусьте вы, потерпите! Бросьте ваши хитрости. Пойду я, убью ракшаса подлого и принесу стрелу обратно!" Забрал он лук и стрелы и отправился в ту сторону, куда улетел ворон. А тот ронял на лету кровь, и по кровавым пятнам шел Шрингабхуджа дальше и дальше, а все его братья тем временем, радостные, что его спровадили, побежали к своим матерям. Шел он, шел и забрался в дремучий лес, а когда дошел до его конца, увидел город обширный, подобный плоду дерева добродетели, вызревшему со временем ради того, чтобы кто-нибудь отведал его. Присел он, усталый, под деревом в каком-то саду, чтобы отдохнуть, и увидел, что приближается к нему некая дева небывалой красоты, при разлуке жизнь похищающая, а при встрече возвращающая ее,— ведь творец создает красавиц из смеси яда и амриты! Когда же приблизилась она, бросив на него взор, исполненный любви, спросил ее царевич, сердце которого устремилось к ней: „Как называется этот город, газелеокая, и кто в нем правит? Скажи мне, кто ты и как здесь очутилась?" Кокетливо скосив глаза, опустила она взор свой долу и ответила ему, белозубая, сладостным голосом: „Город этот — сокровищница всяческих богатств — называется Дхумапур, а живет в нем величайший из ракшасов Агнишикха, а стоит перед тобой дочь его Рупашикха, с сердцем, похищенным твоей несравненной красотой, пришелец! Ответь мне, кто ты и что тебя сюда привело?" Когда кончила она говорить, тотчас ответил ей Шрингабхуджа и как зовут его, и какого царя он сын, и как из-за стрелы он попал в Дхумапур, а она, узнав про все с ним случившееся, промолвила: „Нет во всех трех мирах лучника лучшего, чем ты! Ведь это твоею стрелой был ранен мой отец в образе ворона, а ту золотую стрелу забавы ради я взяла себе, отца же моего от раны вылечил министр Махаданштра, великий знаток всяческих снадобий, исцеляющих недуги. Пospешу к отцу, расскажу ему обо всем и быстро приведу сюда. Ты, благородный, покорил меня!" Выговорила все это Рупашикха, оставила Шрингабхуджу и поспешила к отцу своему, Агнишикхе. „Батюшка,— промолвила она,— пожаловал сюда царевич по имени Шрингабхуджа, с которым никто-никто не сравнится ни в красоте, ни в роде, ни в юности, ни в добродетели. Верно, это божество какое-нибудь, снизошедшее на землю, а не смертный человек. Если он мне мужем не станет, тотчас же я с жизнью расстанусь!" Отвечал ей на это отец ее ракшас: „Люди, до-

ченька, для нас пищей служат. Но уж коли тебе он понравился, быть по-твоему. Приведи его сюда и покажи мне“. Немедля кинулась Рупашикха к Шрингабхудже, рассказала, как все устроилось, и привела царевича к отцу. Агнишикха тогда и говорит ему, послушному, склонившемуся перед ним: „Отдаю я за тебя, царевич, дочь мою Рупашикху, если только ты никогда против слова моего не пойдешь“. Согласился на это царевич и сказал, что никогда ни слова его, ни воли не нарушит. Обрадовала Агнишикху такая разумная речь царевича: „Встань, ступай, соверши омовение и возвращайся сюда“. И так повелев царевичу, дочери своей Рупашикхе он сказал иначе: „А ты ступай, собери всех сестер, да поспеши“. Получили они оба каждый свой приказ и тотчас же ушли, сказав: „Да будет так!“

Когда же удалились они от Агнишикхи, обратилась к Шрингабхудже с такими словами хитроумная Рупашикха: „У меня, благородный, сто сестер-царевен. Все мы одна на другую похожи и обликом, и одеждой, и украшениями, и у всех на шее одинаковые жемчужные ожерелья. Хочет он запутать тебя, любимый, собрав нас всех вместе, а когда соберет, скажет тебе: „Найди среди них твою желанную!“ Я про это знаю и скажу тебе, как эту задачу решить. С чего бы ему всех нас собирать, коли не для этого? Когда же все соберутся, закину я ожерелье на голову себе, а ты, узнав меня по этой примете, надень на меня гирлянду из лесных цветов. Не очень-то догадлив и благороден мой батюшка, иначе зачем ему так со мной поступать?! Поэтому ты все, чтобы он ни сказал тебе, чтобы тебя обмануть, мне передавай, а уж что там надо будет сделать, я сама соображу“. Так она наказала возлюбленному и побежала за сестрами, а он молвил: „Пусть так и будет“ — и отправился совершать омовение.

Вот приходит Рупашикха со всеми сестрами к отцу, и приходит туда тотчас же после омовения и Шрингабхуджа. Дает тут Агнишикха венок из лесных цветов Шрингабхудже и говорит: „Выбери из них суженую свою“. И царевич взял венок и, заметив, которая из девушек закинула ожерелье на голову, надел венок на Рупашикху. Тогда и говорит Агнишикха им обоим: „Завтра поутру справим свадьбу по закону!“ — и отпустил и их и всех прочих. А потом подозвал к себе Шрингабхуджу, да и велит ему: „Вот тебе упряжка волов, возьми их, ступай за город, насыпано там в кучу шесть

тысяч четыреста двадцать серов⁴⁶ кунжутных зерен, и ты все их посади!“

„Ладно!“ — ответил ему на это Шрингабхуджа и, оставив его, пошел к Рупашикке и рассказал про новую задачу. „Не горюй, благородный, разве это задача? Ступай, а я все сама с помощью колдовства устрою!“ Послушался он и пошел туда, и только начал царевич из той кучи сеять, как увидел, что благодаря волшебству его возлюбленной и поле вспахано и весь-весь кунжут посеян. Обрадованный царевич пошел к Агнишикке и сообщил, что выполнил работу, а хитрый ракшас ему и говорит: „Да не велел я тебе сеять! Иди и собери их в кучу!“ Опять пошел царевич к Рупашикке и обо всем поведал. Снова она велела ему идти на поле, куда послала бесчисленное множество муравьев, которые все зернышки собрали, и снова куча кунжута словно сама собой выросла. Опять Шрингабхуджа идет к Агнишикке и опять говорит ему, что все зернышки кунжутные до одного в кучу собраны. А Агнишикха, глупый хитрец, опять ему велит: „Ты иди отсюда на юг на две йоджаны. Там, любезный, в лесу стоит пустой храм, посвященный Шиве. Там живет мой дорогой брат Дхумашикха. Тотчас же туда отправляйся, а как придешь, стань перед жертвенником и возгласи так: „О Дхумашикха, стоит здесь посланец Агнишикхи, брата твоего, с приглашением тебе со свитой, и следует тебе поспешить, ибо завтра утром будет свадьба дочери его Рупашикхи!“ Когда же ты все это скажешь, тотчас же поспеши обратно, и на заре возьмешь ты в жены дочь мою Рупашикху!“ Так-то наказывал царевичу этот грешник, а царевич в ответ: „Так тому и быть!“ — и снова пошел к Рупашикке и передал ей все, что было сказано. Она, добродетельная, дала ему глины, воды, колючек, огня и отличного коня и так наказала: „Ты садись на коня и скачи к тому храму, а когда Дхумашикке передашь батюшкино приглашение, тотчас же на этом же коне мчись обратно и когда будешь возвращаться, то посматривай назад. Коли заметишь, что гонится за тобой Дхумашикха, то брось себе за спину на дорогу глины. Если же увидишь, что не перестал Дхумашикха за тобой гнаться, то точно так же плесни назад воду. Если и тогда не перестанет, кинь за спину колючек, а коли и это не поможет, то метни огонь. Сделаешь все так, как я тебе велела, никто тебе не помешает и ты благополучно вернешься. Увидишь ты сегодня силу моего знания“.

Все она ему сказала, что и как делать, и снарядился Шрингабхуджа в путь, взяв с собой глины и всего прочего, и со словами: „Так тому и быть“ — вскочил на коня. Вот добрался он через лес до храма и увидел там Шиву, повелителя всего сущего, слева от которого стояла Гаури, а справа Винаяка⁴⁷, повелитель ганов, поклонился им и сделал все, как Агнишикха велел. Выкрикнул он приглашение Дхумашикхе и немедленно погнал коня в обратный путь. Обернулся он через некоторое время и видит, что Дхумашикха за ним гонится. Быстро кинул он пригоршню глины себе за спину, а где бросил, тотчас выросла там огромная гора. Еще какое-то время прошло, и снова оглянулся царевич — видит, что перевалил ракшас через гору, и снова его догоняет. Плеснул Шрингабхуджа тогда на дорогу воды, и разлилась там река широкая, и волны заходили по ней. Но и ее одолел ракшас, в ночи бродящий, и опять царевич, обернувшись назад, увидел, что тот за ним гонится. Тогда швырнул он за спину колючек, а из тех колючек вырос дремучий лес. Но и через лес продрался ракшас и снова погнался за царевичем. Метнул тогда царевич ракшасу навстречу огонь, и от того огня и трава на дороге и лес запылали. Перепугался Дхумашикха при виде бушующего огня, да и утомился, и пошел восвояси, по земле пошел, так как околдованный Рупашикхой позабыл он небесную дорогу. Царевич же, изумленный великим волшебством возлюбленной, примчался в Дхумapur и, вернув коня Рупашикхе, повел ей обо всем случившемся и как он все выполнил. Затем уже отправился он к Агнишикхе. „Был я там и пригласил брата твоего Дхумашикху“ — так молвил ему Шрингабхуджа. Забеспокоился ракшас и спрашивает: „Коли там был, так расскажи, что видел!“ И ответил ему царевич: „Вот что я видел: стоит там храм Шивы и изваяние Шивы в середине, а по левую руку от Шивы Парвати стоит, а по правую Винаяка“. Улыбнулся ракшас в ответ и призадумался: „Как же это не смог брат сожрать этого молодца?! Видно, не человеческий он сын, а божественного рода и что судьбой решено, так тому и быть! Пусть будет он достойным мужем моей дочери“. Так рассудив, послал ракшас царевича, достигшего цели, к дочери, но не знал он, что он-то и был тем, кто его ранил! А Шрингабхуджа, спеша сделать возлюбленную женой, пошел к ней, и попил, и поел, и в нетерпении провел ночь. На заре Агнишикха, как подобало ему, все устроил и отдал, как

полагалось по закону, перед жертвенным огнем царевичу в жены свою дочь. И веселье на свадьбе было такое, как в старые дни, и уж где там был царевич и где дочь ракшаса и что они оба делали, про то никому не ведомо. Как лебедь добирается до приглянувшегося ему нежного лотоса, расцветшего посреди трясины, так и царевич добился своей возлюбленной, дочери ракшаса, и был рад тому. И стали молодые там жить, не ссориться, вкушая всяческие удовольствия, создававшиеся волшебством ракшаса.

Один за другим пролетали дни, и говорит однажды царевич Рупашикке: „Отправимся, милая, в Вардхаманапур, в родной мой город. Не по душе мне житье здесь — ведь душа-то у меня человеческая! Ни с родиной не могу я быть в разлуке, ни с тобой расстаться. Скажи батюшке о моем решении и заведи золотую стрелу!“ На это ответила Шрингабхудже Рупашикха: „Как повелишь, благородный, так я и поступлю. Что мне родина? Что мне родня? И родина и родня мне — супруг мой. Нет добродетельным женам иной дороги, кроме послушания мужу! Только батюшке говорить не надо — не пустит он нас. Когда уйдем мы, он, гневный, узнает об этом от слуг и помчится за нами, но я его, неразумного, обману“. Обрадовался царевич ее словам, и на другой день, взяв золотую стрелу, вскочил на коня Шаравегу, стремительного, как стрела, и посадил возлюбленную, принесшую ему половину царства ракшаса и захватившую с собой корзину с драгоценными камнями, и, обманув слуг — мол, поехали по садам покататься, — помчался с ней в Вардхаманапур.

Когда дошло это до Агнишикхи, разгневался ракшас, взвился в небо и помчался за ними вслед. Издалека услышала свист его полета Рупашикха, да и говорит Шрингабхудже: „Милый, батюшка за нами летит, воротить нас хочет. Ты не бойся, обману я его — не заметит он нас. Укрою я и тебя, и коня от его глаз своим колдовством“. После этого прыгнула она с коня, приняла облик мужчины: „Ну вот и приближается великий ракшас. Ты теперь помалкивай, — сказала она, улыбаясь, царевичу, — и прикинься дровосеком, пришедшим в лес дров нарубить!“ Стали они тут деревья валить. Домчался до них ракшас, спустился с небес на землю, да и спрашивает, дурень: „Эй, ты! Не видел ли ты на этой дороге мужчину и женщину?“, а Рупашикха в ответ, притворяясь усталой: „Никого мы не видели, пот глаза нам застилает.

Готовим мы дрова для погребального костра повелителя ракшасов Агнишикхи. Много дров-то надо нарубить“. Услышав это, подумал неразумный ракшас: „Коли помер я, так ничего с дочерью-то мне не сделать! Пойду-ка я домой, со слугами посоветуюсь“, — и тотчас же умчался Агнишикха, а дочь и ее муж весело посмеялись и снова в дорогу отправились. Вернулся ракшас к себе домой, стал родню да слуг спрашивать, не помер ли он, а они со смехом уверяли его, что он жив, и очень уж он этому обрадовался.

А когда сообразил, что его обманули, разъярился и снова кинулся в погоню. Издалека Рупашикха услышала ужасный вой его полета, тотчас же с помощью колдовства укрыла супруга, а сама опять приняла облик вестника, спешившего куда-то с письмом. Задает ей ракшас вопрос: „Не попадался ли тебе, вестник, мужчина, сопровождаемый женщиной?“ А дочь ему и отвечает: „Быстро мчусь я и ничего такого не видел! Сражен сегодня врагом в бою Агнишикха, и, раз нет у него сына, послал он меня, вестника, к брату его Дхумашикке с письмом, в котором зовет его к себе в город, чтобы царство передать“. Услышав такие слова, испугался ракшас: „Неужто я убит?“ — и поспешил домой. И в голову ему не пришло подумать: „Да какой же я убитый? Вот он я, здоровешенек!“ Уж так устроил повелитель — раз глупец кто, так ему и яркий день кажется темной ночью.

Вернулся он домой и по тому, что все над ним смеялись, понял, что и это неправда. Да устал он и не стал больше гнаться за дочерью. А Рупашикха, обманув так отца, снова вместе с мужем поспешила в путь — не знают добродетельные женщины иного пути, кроме блага супруга. Снова сел Шрингабхуджа на волшебного коня, и Рупашикха вместе с ним, и мигом домчались они до Вардхаманапура. А там его отец, Вирабхуджа, узнав о том, что прибыл Шрингабхуджа с женой, поспешил ему навстречу и увидел сына, украшенного супругой, точно Кришну, сопровождаемого Бхамой⁴⁸, и подумал, что держава его укрепилась и расцвела. Когда же сын прыгнул с коня и почтительно коснулся ног отца, поднял его царь, с глазами, полными слез, обнял его и насмотреться не мог. А затем отправился он с сыном, словно бы со вновь обретенным счастьем, в столицу.

Спросил он сына: „Где ты был и что с тобою случилось?“ И Шрингабхуджа рассказал ему о своих приключениях с са-

мого начала и, позвав Нирвасабхуджу и всех прочих братьев, отдал им золотую стрелу. Когда же царь Вирабхуджа узнал про все проделки братьев, разгневался он и сказал, что отныне только Шрингабхуджу считает своим сыном. И подумал мудрый раджа: „Ведь так же как из ненависти эти братья-враги, грешники, брата своего спровадили, точно так же их матери мою возлюбленную Гунавару безгрешную оболгали злобно. Нужно разобраться, да и решить сегодня же“. Рассудив таким-то образом, когда угас день и настала ночь, желая все разузнать достовернейше, пошел к царице Аяшалеке и напоил ее, обрадованную его приходом, допьяна, а когда она под утро уже стала бормотать во сне, проснулся Вирабхуджа и услышал: „Коли не оговорила бы я Гунавару, разве пришел бы сегодня ко мне раджа?“ Такие злодейские слова услышав, в гневе поднялся царь, и решение у него уже созрело. Ушел он от Аяшалеки, и, вернувшись в свои покои, созвал старейших советников и приказал: „Тотчас же Гунавару из подземелья выпустить и сюда привести! Коли сказано, так не медлить!“ И они услышали и сказали: „Быть посему!“ Поспешили они тогда за ней, велели вымыть и нарядить и тотчас же привели Гунавару к царю. Тут супруги, словно бы переправившись через море разлуки, обнялись крепко и провели вместе то время, что осталось от ночи. Рассказал тут царь царице на радостях, что с их сыном Шрингабхуджей приключилось. А тем временем Аяшалека проснулась и, поняв, что проговорилась во сне и царь, видно, все слышал и потому ушел, пришла в крайнее отчаяние.

Рано утром привел царь к Гунаваре Шрингабхуджу и Рупашикху, а они, приблизившись и увидав мать, обрадовались, что выпущена она из темницы, и поклонились отцу с матерью в ноги. Обняла мать сына, одолевшего дальний и трудный путь, и сноху обретенную, и от одной радости рождалась другая. По велению отца поведал Шрингабхуджа матери все, что с ним приключилось и что Рупашикха сделала, и Гунавару обрадовалась и молвила ему: „И чего только не сделала Рупашикха ради тебя, сынок? Отдала она тебе жизнь свою, ради тебя родных и родину оставила — все это она отдала тебе ради жизни радостной! Видно, волей судьбы какая-то богиня отметила ее тем же знаком, что и всех добродетельных жен“. Сказала так царица, и супруг согласился с ней, а Рупашикха от смущения потупила очи.

А тут как раз вернулся после скитаний по святым местам Суракшита, начальник стражи, оговоренный Аяшалекхой, и, когда глашатай возвестил о его приходе и он, радостный, пал к стопам раджи, Вирабхуджа щедро его наградил. Велел раджа Суракшите привести Аяшалекху, это вместилище греха, и всех других цариц и, когда это было сделано, повелел: „Бросить этих злодеек всех в подземную темницу“. При таких его словах и видя, как все они обречены на заключение в подземной темнице, Гунавара коснулась его ног и попросила: „Божественный, лучше ты меня навсегда осуди на жизнь в темнице подземной! Смилуйся над ними, не могу я видеть их перепуганными!“ Вот так попросив царя, освободила она их от оков. Благородные сострадательны даже к врагам! После этого они, прогнанные царем, предпочитают жизни смерть, разбежались, устыженные, по своим покоем. Еще больше стал уважать раджа благородную царицу Гунавару, а царица стала его считать совершенством в добродетели.

После этого велел Вирабхуджа привести всех сыновей и сказал им притворно: „Дошло до меня, что вы, грешники, убили странствующего купца. Отправляйтесь по всем святым местам, а здесь оставаться не смейте!“ Не посмели перечить царю сыновья — коли царь порешил, кто его переубедит? Увидел Шрингабхуджа, что братья его собрались уходить, и стало ему их жалко и с глазами, полными слез, попросил он отца: „Прости им, батюшка, этот единственный грех, сделай милость!“ — и припал к его стопам. Задумался царь и подумал, что сын его уже способен нести бремя дел государственных и что в нем и слава и сострадание живут, а сам он — истинное воплощение юного Кришны, сына Яшоды⁴⁹, поднявшего гору Говардхана, и уважил его речь оберегающий от врагов, а братья стали почитать Шрингабхуджу, как спасителя их жизней. При виде такого высокого благородства царевича все жители отдали ему свою любовь, и на следующий же день Вирабхуджа, считая его старшим над всеми братьями, хотя и был он младшим, — ведь нет старшинства больше добродетели! — сделал его своим наследником. После этого Шрингабхуджа, испросив у отца позволения, взял войска всех возможных родов и отправился весь мир покорять, и показал он беспримерную доблесть, и всю землю от края до края привел под свое правление, и вернулся, разнеся по

всем отдаленным уголкам земли свою славу, а затем стал нести бремя дел государственных вместе с послушными ему братьями, и родители его наслаждались беззаботным счастьем, и дары он щедрые давал брахманам, и счастливо жил с прекрасной Рупашикхой, в которой словно воплотился его успех. Так-то вот своим мужьям в каждом деле помогая, добродетельные жены счастливо живут, подобно Гунаваре-свекрови и Рупашикхе-невестке.

Кончили слушать рассказ Харимукхи царевич Нараваханадатта и Ратнапрабха, и были им очень довольны, и говорили: «Славно, славно!»

Поднявшись, Нараваханадатта завершил то, что было назначено на день, и вместе с женой пошел к отцу своему, повелителю ватсов. Поели они и попили вместе и остаток дня наслаждались песнями с музыкой, а ночь царевич провел на женской половине дворца со своей возлюбленной.

ВОЛНА ШЕСТАЯ

Когда же настало утро, к нему, находившемуся в покоях Ратнапрабхи, пришли все прочие во главе с Гомукхой. Марубхути же, напившийся хмельного и от этого бывший не совсем в себе, увенчанный цветами, чем-то измазанный, пришел позднее всех.

Видя, как он спотыкается, и слыша, как всех задирает, сказал ему терпеливый Гомукха: «Что же это? Ты сын Яугандхараяны, а порядка не знаешь — с утра напиваешься и в таком виде приходишь к повелителю?» Разозлился на это Марубхути и ответил: «Кто это мне говорит — повелитель или наставник? Ты кто таков, что меня учишь? Ну-ка, отвечай, ты, сын дварапалы⁵⁰!» Рассмеялся Гомукха на это: «Что же ты людей почтенных без вины бранишь?» И все, кто около него стояли, согласились с его словами: «Истинно, я сын дварапалы, а ты хоть и лучший из министров, а ведешь себя, как бычок! Это глупость, тебя одолевшая, говорит, а не ты!»

Огрызнулся на это Марубхути: «Ты сам из бычьей породы! Недаром и имя у тебя Гомукха! И хоть не украшен ты рогами, а порода твоя видна!» Среди общего хохота возразил ему Гомукха: «Этот Марубхути — подлинный алмаз! Кто же может, прилагая усилия, просверлить его и продеть нить добродетели? Вот был однажды такой же человек-алмаз, которого никакими усилиями нельзя было убедить! Послушайте-ка историю

о невежественном брахмане Таподатте

Жил когда-то в Пратиштхане брахман Таподатта, которого в детстве отец никакими усилиями не мог заставить учиться. Но когда умер отец и вся родня от Таподатты отвернулась, то решил он все-таки одолеть науки и ради этого пошел на берег Ганги и стал подвижником. Удивленный его жестокими самоистязаниями Шакра обернулся брахманом, и пошел к нему на берег Ганги, и стал у него на глазах кидать и кидать песок в волнующиеся воды Ганги. Заметив это, нарушил обет молчания Таподатта и с любопытством спросил: „Что это ты так усердно делаешь, брахман?“ Ответил на его вопрос Шакра в облике брахмана так: „Строю я мост через Гангу, чтоб можно было живым существам через нее переправляться“. Посмеялся над ним Таподатта: „Как же ты, дурень, мост строишь? Ведь волны Ганги уносят песок!“ Возразил ему на это Шакра: „Коли это тебе ведомо, то чего же ты стараешься, не читая, не слушая, с помощью подвижничества да обетов знания достичь?! Это такая же бессмыслица, как рога у кролика искать или картину на небе рисовать. Букв не зная, писать не научишься, без учения ничего никогда знать не будешь!“ Сказал ему такие слова Шакра, и призадумался Таподатта, бросил подвижничество и ушел домой.

Легко научить разумного, да Марубхути у нас неразумен, не научишь его, а начнешь учить, так он же, глупец, и сердится!»

Кончил Гомукха, и тотчас же Харишикха заговорил: «Истинно, божественный, легко разумного научить. Вот послушайте

об уродливом брахмане Вирупашармане

Жил в стародавние времена в Варанаси лучший из брахманов, и звали его Вирупашарман, и был он уродлив и нищ. Придя в отчаяние от нищеты и уродства, стал он отшельником и начал жестокие подвиги совершать в надежде обрести достаток и красоту. Тогда повелитель богов Индра принял облик еще более уродливого калеки и предстал перед ним.

Увидев калеку, тела которого не было видно из-за покрывавших его мух, подумал Вирупашарман про себя: „Рождаются же такие в мире из-за дурных дел, свершенных в прежних рождениях. Но творец сотворил меня нисколько на него не похожим. Кто может преступить участь, предписанную судьбой?“

Поняв это, поплелся утешившийся Вирупашарман из пустыни домой.

Вот так, божественный, разумный даже с малого намека понимает, а неразумному даже великой силой ничего не втолкуешь!»

Сказал все это Харишикха, и согласился с ним Гомукха, а пьяный Марубхути вне себя сказал в ярости: «Эх, Гомукха, только в словах-то у тебя вся сила, в руках ее нисколько нет! Негоже таким сильным, как я, связываться с такими болтливыми евнухами, как ты!» Посмеялся Нараваханадатта над речами драчливого Марубхути, и его успокоил, и, отправив домой, сам, ласковый к друзьям, стал заниматься делами дня, и счастливо провел тот день.

Когда же на следующее утро все собрались снова, и в том числе пришел, понутив голову, Марубхути, обратилась к ним Ратнапрабха: «Счастливы ты, благородный, что ты и твои министры чисты сердцем и с детства связаны неразрывной нитью дружбы, и они счастливы, имея такого доброго к ним повелителя. Нет сомнения, что и в прошлых рождениях вы все друг с другом были связаны». Промолвила она это, и сказал тогда Тапантака, сын Васантаки, Нараваханадатты добрый друг: «Истинно, привязаны мы к повелителю еще с прошлых рождений. Вот соизвольте послушать весьма поучительный рассказ

о хитром лекаре Таруначандре и мнимом царе

Правил когда-то в Гималаях, голубых, словно шея Шивы, в городе Виласапуре царь Винаяшила, по заслугам названный оплотом смирения, и была у него жена, которую любил он пуще жизни, и звали ее Камалапрабха, и долго жил он с ней, наслаждаясь всякою радостью. Шло время, и, заметив, что тело его поразила старость, похитительница красоты, опечалился царь: „Как покажу я царице свое морщинистое, побледневшее лицо, подобное лотосу, обожженному снегом? Тьфу! Лучше умереть!“ Так-то печаль его одолела, что велел царь позвать к нему придворного лекаря, а когда тот явился, сказал ему почтительно: „Любезный, знаю я твою мне преданность и мудрость твою и хочу спросить я тебя, не знаешь ли зелья какого для предотвращения старости?“

Выслушал это хитрец Таруначандра, душа которого была искривлена не менее, чем молодой месяц, и поскольку знал он только всякое черное колдовство, то подумал так: „Царь-то глуп, и могу я от него поживиться“. А царю лекарь сказал: „Есть, царь, снадобье одно. Если ты будешь его применять, просидев восемь месяцев в подземной темнице, то избавлю я тебя, божественный, от старости“. Выслушал его царь и тотчас же велел приготовить подземную темницу — коли уж задастся дурень какой целью, то он уж и думать ни о чем другом не может. Говорили ему советники: „В прежние времена, царь, предки наши подвигом, смирением и добродетелью и благодаря самому доброму времени добывали добрые снадобья, а те, о которых мы теперь слышим, производят действие обратное ожидаемому. Негоже все это! Этим всем плуты глупцов надувают. Разве минувшее вернешь вспять?“

Но не дошли увещевания министров до царских ушей, ибо одолела сердце царя жажда наслаждений, и, как велел ему лекарь, спустился он в подземелье, забросив все, что царю делать положено. Только лишь лекарь со своим слугой спустился к нему, и зелье давал, и за ним ходил. Вот и сидит царь в подземелье, и словно бы незнание выходит из его сердца.

Проходит шесть месяцев, и видит хитрый лекарь, что дряхлость одолела царя еще пуще. Нашел он какого-то молодца, похожего на царя, и говорит ему: „Хочешь, я тебя царем сде-

лаю?“ Тот согласился. Тогда лекарь прокопал издалека подземный ход в цареву темницу, и ночью убил спящего царя, и под покровом темноты провел в подземелье этого молодца. Когда же он это сделал, то ход подземный завалили. Чего только не сделают хитрые злодеи с наивными простаками?

Вот так-то все устроив, на другой день говорит лекарь слугам царским: „За шесть месяцев избавил я царя от старости, а за два месяца, что остались, изменю я его облик, а пока я его вам издали покажу“. Всех подводил он к входу в подземную темницу поодиночке и называл и имя каждого и занятие, а затем что ни день знакомил его с обитательницами женской половины. Так и прошло два месяца, а когда завершился весь срок, то вывел он его, укормленного и ухоженного, из темницы подземной и сказал: „Глядите, вот царь, силой лекарства от дряхлости избавившийся и блещущий юностью!“ И все подданные обрадовались и признали царем того юношу. И когда совершил он омовение, то был совершен юношей и министрами обряд, сопутствующий вступлению на царство.

С той поры он прилежно и с удовольствием занимался вместе с министрами государственными делами. Звался он Аджара, что означало „лишенный старости“, и веселился с обитательницами женской половины, и все его признали подлинным раджей, облик которого изменился благодаря действию снадобья, и никто не сомневался в волшебном искусстве лекаря. Раджа проявил свою любовь к народу и к царице Канчанапрабхе и наслаждался вместе с друзьями счастьем. К приятелю своему Бхешаджачандре и еще другому, Падмадаршане, он чувствовал особую любовь и одарил их слонами, конями и деревнями, а к лекарю Таруначандре относился только почтительно — ведь сошел тот с пути правды, и потому не было у царя к нему доверия. Вот и говорит однажды лекарь царю с глазу на глаз: „Что же ты со мной не считаешься и своевольничаешь? Забыл ты, что ли, что я тебя царем сделал?“ Так ответил на это лекарю царь Аджара: „Ну и дурень же ты! Кто кого сделал, кто кому что дал? Только поступкам в прежних рождениях, приятель, обязан человек тем, кем он становится или что получает. Так что не заносись! То, что я нынче царь, — плод моего подвижничества, и я тебе это скоро покажу!“ Встревожили лекаря такие слова, и призадумался он: „Гляди-ка, он не испугался, говорит уверенно, словно подлинно знает тайну, известную только мне. Нужно потер-

петь, и посмотреть за ним, и, уж коли сказал он: „Покажу я тебе!“ — поглядеть, что же он покажет“. И замолчал лекарь.

На другой день пошел раджа Аджара погулять. Играл он с друзьями и приятелями, а Таруначандра и другие прислуживали им. Так, гуляя, вышли они на берег реки, на середине которой увидел он уносимые потоком пять золотых лотосов, а когда слуги по его велению поймали их и принесли, посмотрел он на цветы и обратился к лекарю Таруначандре, оказавшемуся рядом: „Ступай по течению реки вверх и разыщи место, где рождаются такие золотые лотосы, а найдешь, сразу же возвращайся — очень мне интересно узнать об этих необычайных лотосах, а ты мне — дорогой друг“. Вышел из себя лекарь, но сказал: „Как прикажешь“ — и тотчас отправился. Царь же тем временем вернулся в город, а лекарь шел-шел, да и добрался до храма Шивы, стоявшего на берегу реки. Перед ним на берегу реки рос раскидистый баньян, на котором лекарь увидел висящий человеческий скелет. Утомленный дорогой, совершил он омовение, поклонился богу, и, пока он все это делал, набежала туча и пошел дождь, и дождевые капли стекали по висевшему на дереве вата⁵¹ человеческому скелету и падали в речную заводь, и лекарь увидел, что стоило им только коснуться воды, как превращались они в золотые лотосы. „Вот чудо! И спросить-то некого в этом безлюдье! Да знает ли кто, сколько в мире чудес? Вот увидал я место, где рождаются лотосы. Брошу-ка я в воду этот скелет, от которого рождаются лотосы, и да будет мне благо!“ Так поразмыслив, забрался лекарь на дерево и скинул оттуда скелет. И провел он на том месте остаток дня, а на следующий день, выполнив веление государя, поспешил восвояси, и через несколько дней добрался он до Виласапура и, покрытый с ног до головы дорожной пылью, явился к царю Аджаре. Когда возвестил о нем страж, стоявший в дверях, вошел и склонился лекарь перед царем, а тот осведомился о его здоровье. После этого рассказал лекарь о всем случившемся с ним. Тогда, выслав всех из покоя и с глазу на глаз оставшись, сказал ему Аджара: „Видел ты, друг, место, где рождаются золотые лотосы, а это место святое, и видел ты еще и скелет, висевший на баньяне. В давние дни сам я, совершая подвиги, оставил тело свое — повесился на высокой ветке, и от великого благородства подвига так случилось, что, когда дождевые капли падают на мой скелет, обращаются они в золотые лотосы. А то,

что ты скинул мой скелет в святую воду тех мест, вполне справедливо, ибо и в прежнем рождении ты был мне другом. Бхешаджачандра и Падмадаршана и в прежнем рождении были мне друзьями, и благодаря тому подвигу, друг, помню я о прежнем рождении, и благодаря знанию моему досталась и царская власть. Вот и показал я тебе то, что хотел показать. Не говори: „Мною дано тебе царство!“ — не возносись и не горюй. Никто ничего дать не может, кроме как дела, совершенные в прежних рождениях. Дитя еще и не родилось, а уже вкушает плоды кармы“. Сказал ему так Аджара, и лекарь согласился и стал, как прежде, служить без всякого о том сожаления. Мудрый царь Аджара одарил лекаря богатством и наделил почетом, как и обещал, и вместе со своими друзьями и обитательницами гарема наслаждался жизнью на земле, и было у его царства много друзей и не было врагов.

Вот так, божественный, и идет все и у всех в этом мире — и счастье и несчастье. Все определяется тем, что совершила душа в прежнем своем рождении, — молвил Тапантака, закончив рассказ. — Думаю я, государь, что и в прежнем рождении был ты нашим повелителем. А иначе с чего бы мы теперь были счастливы!?»

После этого необычайно увлекательного и интересного повествования Тапантаки поднялся Нараваханадатта и пошел совершать омовение, а потом отправился навестить отца своего, повелителя ватсов, и был он для очей родительских словно мгновенный дождь амриты. И там его, сопровождаемого министрами, ждала трапеза, и отведали они всяких яств и питья. Так провел Нараваханадатта день этот и ночь.

ВОЛНА СЕДЬМАЯ

Случилось в какой-то день так, что когда в своих покоях беседовал Нараваханадатта с Ратнапрабхой и со своими министрами, вдруг снаружи, из двора храма, послышался чей-то плач. «Что бы это было?» — спросил царевич, и тотчас же служанки

кинулись разузнавать, а потом говорят: «Это плачет Дхармагири, привратник. Какой-то неразумный приятель его пришел сюда нынче и сообщил: „Твой брат пошел по святым местам и где-то умер!“, а привратник при этих словах воскликнул: „А я-то в царском дворце стою!“ — и от горя память потерял. Люди повели его, рыдающего, домой». Услышал это царевич и посочувствовал горю Дхармагири, а супруга его Ратнапрабха опечалилась и промолвила: «Нестерпимо горе разлуки с дорогим другом. И почему это не создал творец человека нестареющим и бессмертным?!» Возразил Ратнапрабхе на эти слова Марубхути: «Как же это можно смертным, божественная? Послушай рассказ

о том, как мудрый Нагарджуна⁵² пытался избавить людей от смерти

В городе Чираюсе⁵³, где люди живут подолгу, правил царь, звавшийся Чираю, то есть „долгоживущий“. Всего-то всего было полно в доме у Чираю, и был у него мудрый-премудрый, щедрый и сострадательный министр Нагарджуна, рожденный от семени Бодхисаттвы. И поскольку знал он всяческие сочетания лекарств и был умудрен в химии, то и себя и раджу сделал он долгоживущими и нестареющими. Однажды случилось так, что умер самый любимый из всех сыновей министра Нагарджуны. Загоревал Нагарджуна без меры и, убитый горем, стал составлять амриту, напиток из разных снадобий, добывавшихся им с помощью подвижничества, способный избавить смертных от смерти. Оставалось ему добавить лишь одну, последнюю часть, называющуюся калайога, то есть „связующее время“, и, пока он искал это снадобье, узнал о том сам повелитель богов Индра, и, обсудив это с богами, призвал обоих Ашвинов, и так им наказал: „Ступайте на землю и передайте Нагарджуне такое мое слово: „Ты за что это принял, министр, ты что затеял? Уж не собрался ли превзойти Праджапати, творца всего сущего? Ведь он всех людей сотворил обреченными на смерть, а ты амриту готовишь, которая сделает их бессмертными? И чем же тогда будут отличаться боги от людей? И если не будет различия между тем, кто приносит жертву, и тем, кто

ее принимает, нарушится миропорядок! Поэтому велю я тебе — вылей приготовленное тобой, иначе разгневаются боги и проклянут тебя немедленно! А сын твой, по которому горюешь, уже на небе“.

Так Шакра повелел Ашвинам и послал их обоих к Нагарджуне, и они поспешили повиноваться. Пришли они к министру, обрадовавшемуся их приходу, и передали все, что велел Шакра, и что сын его на небесах наравне с богами тоже. Подумал тогда удрученный Нагарджуна: „Коли не выполняю я веления Индры, проклянут меня боги, да и эти близнецы разве не могут проклясть меня здесь же? Не могу я выполнить желание свое и изготовить амриту, а путь сына моего оплакивать не надо, ибо благодаря его делам в прежних рождениях он достиг счастья“. Подумав так, сказал Нагарджуна Ашвинам: „Понял я веление Индры и амриту готовить не буду. Коли бы вы не пришли, то и пяти дней не прошло бы, как вся земля стала юной и никто бы не ведал ни смерти, ни дряхлости!“

С этими словами выплеснул Нагарджуна готовившуюся им амриту на землю перед ними. Распрощались с ним Ашвины, поспешили на небо и обрадовали доброй вестью повелителя богов Индру.

Тем временем раджа Чираю, повелитель Нагарджуны, сделал своим наследником сына, которого звали Дживахара, и юноша поспешил радостный к царице Дханпаре за благословением. Но она сказала сыну так: „Напрасно радуешься ты этому, сынок! Никто к царству не знает пути, на котором не было бы страданий. Уже не одного сына назначал твой отец наследником, и никому из них не досталось царство, а достались одни унижения. Изготовил Нагарджуна для царя такое зелье, от которого тот проживет восемьсот лет. Кто знает, скольких еще сыновей, которым отпущен долгий срок жизни, будет царь Чираю делать своими наследниками“. При этих словах огорчился ее сын, и она, заметив это, посоветовала: „Если хочешь тебе получить царство, воспользуйся таким способом. Этот министр Нагарджуна каждый день, сделав все положенное, во время трапезы провозглашает: „Кто что пожелает, тому то и дам!“ Ты ступай к нему и скажи: „Отдай мне твою голову!“ Он слову своему верен и отдаст голову, а раз она будет отсечена, то царь от горя либо умрет, либо уйдет в лес и станет отшельником. Только таким

способом добудешь ты себе царство — иного пути нет“. Обрадовался сын этому материнскому наставлению и решил, что он именно так и сделает. Жажда власти, увы, превозмогает родственные чувства!

Вот пошел на другой день царский сын Дживахара, похититель жизни, в дом к Нагарджуна ко времени трапезы и, когда было провозглашено: „Кто чего просит“ и прочее, — вышел вперед и потребовал его голову. „Дивлюсь я, сынок, что ты делать будешь с моей головой? На что тебе это собрание костей, мяса и волос? Но если будет тебе в ней толк, отруби и возьми ее“. С этими словами склонил Нагарджуна перед царевичем голову. Долго сек мечом царевич шею министра, но из-за длительного употребления разных снадобий шея стала такой твердой, что меч искрошился. А тем временем узнал обо всем царь Чираю и поспешил сюда, чтобы предотвратить такую жертву, но Нагарджуна его остановил: „Знаю я, государь, о том, что было со мной в прошлых рождениях, и ведомо мне, что девяносто и еще девять раз отдавал я голову свою в жертву, а теперь в сотый раз ее отдаю. Не отговаривай меня, повелитель, не следует отказывать просящему. Нынче отдаю я голову твоему сыну и только ждал тебя, чтобы еще раз увидеть твое лицо“. При этих словах обнял он царя, а потом достал из сумки порошок и натер им меч царевича, а тот размахнулся и ударил — слетела голова Нагарджуны с плеч, словно лотос со стебля.

Поднялся тогда кругом стон и плач, и царь готов был на себя руки наложить, как вдруг раздался в небесах голос: „Не совершай того, чего совершать не следует. Ныне, царь, друг твой избавлен от горя; избавлен он от новых рождений, стал он равным Будде⁵⁴!“

Услышал это царь Чираю и не стал кончать с собой, но в горе роздал многие дары, оставил царство и удалился в лес, где через какое-то время от тягот подвигов и скончался. Сын же его, Дживахара, сел на царство. Но не долго довелось ему поцарствовать — не забыли сыновья Нагарджуны убийства отца и подняли мятеж.

Убили они Дживахару, а когда весть об этом дошла до его матери, не выдержало ее сердце и разорвалось. Да и то сказать, с чего бы пошедший недобрым путем обрел благо? А на царство министры посадили сына Чираю от другой царицы, которого звали Шатаю.

Так-то вот хотел Нагарджуна избавить смертных от смерти, да боги этого не потерпели, и сам Нагарджуна был убит.

Уж так творцом устроен мир — полон он несчастий и мучений, и никакими усилиями, будь их бесконечное множество, нельзя совершить того, чего он не хочет».

Умолк Марубхути, закончив рассказ. Поднялся тогда Нараваханадатта, а министры последовали его примеру, и занялись все очередными делами.

ВОЛНА ВОСЬМАЯ

А потом так случилось, что в какой-то из дней, уверив свою дорогую Ратнапрабху словами: «Я скоро вернусь!» — отправился Нараваханадатта с отцом своим, повелителем ватсов, и со сверстниками на охоту в лес. Нараваханадатта ехал, окруженный конями и слонами, и рассекал диким слонам лбы, и усыпали путь царевича, словно зерна жемчуга, когти львов, сраженных во сне; отрубленные хвосты медведей валялись вперемешку с клыками тигров; капли крови сраженных стрелами газелей атели словно пунцовые бутоны на лианах; друг на друге лежали туши кабанов, сваленных ударами анков, украшенных перьями цапли, а пестрые восьминогие шарабхи падали на землю и словно бы покрывали ее грудями диковинных цветов, и летели с ужасающим свистом стрелы и дротики Нараваханадатты, и великолепен был лес, где шла эта охота. Но вот утомился царевич, а когда отдохнул, то они вдвоем с Гомукхой верхами въехали в какой-то другой лес.

Попав туда, начали они играть в мяч, и тут-то попалась им навстречу какая-то подвижница, а мяч возьми да и упали из руки Нараваханадатты ей на голову. Она улыбнулась и сказала: «Ишь, как ты развеселился! Досталась бы тебе в жены Карпурика, каков бы ты был?»

Соскочил Нараваханадатта с коня и, поклонившись подвижнице, спросил: «Не заметил я тебя — случайно мячом

попал. Не гневайся, почитаемая, извини меня, неразумного». «Да не сержусь я на тебя, сынок!» — ответила она ему, укротившая страсти, и благословила Нараваханадатту, а он, видя истинную подвижницу, мудрую и могущественную, почтительно спросил у нее: «А кто такая эта Карпурика, матушка, которую ты назвала? Коли не сердись ты на меня, сделай милость, расскажи». В ответ на эти его почтительные слова рассказала подвижница

о царевне Карпурике, не желавшей выходить за- муж

«Есть в океане остров Карпурасамбхава, по достоинству так названный, ибо рождается на нем драгоценная карпура — ароматная камфара. Рассказывают, что правит там раджа Карпурака, а у того Карпураки есть дочь — лучшая из дочерей, имя ее Карпурика. И уж так она прекрасна, что боги приняли ее за рожденную океаном сестру похищенной у них Лакшми. Ненавидит она мужчин и замуж идти не хочет. Но если ты найдешь ее, непременно она в тебя влюбится. Отправляйся туда, сынок, и возьми в жены красавицу. А пока доберешься туда, много в лесу тебе придется претерпеть. Но ты не страшись — все кончится счастливо», — и, произнеся эти слова, подвижница исчезла.

Нараваханадатта же ночью, повинувшись голосу бога любви, увлекся этой неведомой красавицей и сказал Гомукхе, бывшему с ним: «Что ж, поехали к Карпурике на остров Карпурасамбхава, ибо, не видя ее, я и минуты прожить не могу!» Возразил ему на это Гомукха: «Остановись, государь, не усердствуй! Где ты и где океан? Где тот город? Где дорога и куда она приведет? И где эта красавица? Одно только имя услыша, готов ты покинуть своих божественных жен ради какой-то безвестной смертной?!» Сын повелителя ватсов возразил Гомукхе: «Это была истинная подвижница, и не могут слова ее быть лживыми! Непременно туда отправлюсь и добуду себе ту царицу». С этими словами вскочил он на коня и помчался, а Гомукхе хоть и не хотелось, но пришлось за ним поспешать. Хоть и не по доброй воле, а слугам должно следовать за их господином.

Тем временем повелитель ватсов после охоты вернулся в свою столицу, думая, что и сын пришел вместе с ним среди сопровождавших. Но, всех пересчитав вместе с Марубхути и другими советниками и по всему городу и среди войска, он понял, что царевич не пришел. Тогда пошел он со всеми прочими к царице Ратнапрабхе. Она, хоть и опечалилась, ибо знала все наперед благодаря своему всеведению, так сказала удрученному свекру: «Узнала я силой своего знания, что встретишься царевичу в лесу подвижница и рассказала ему о царице Карпурике и отправился Нараваханадатта ее добывать в город Карпурасамбхава и сопутствует ему верный долгу Гомукха».

Так она утешила и владыку ватсов и всю его свиту. С помощью другого волшебства она предотвратила трудности на пути Нараваханадатты. Добродетельные жены не гnevаются, а ищут блага своим мужьям.

А тем временем царевич верхом на коне едет все дальше и дальше в том лесу, и сопровождает царевича Гомукха. Вдруг откуда ни возьмись встречается им по дороге девушка, да и говорит царевичу: «Послала меня Ратнапрабха, а зовут меня Маявати. Ты ступай себе вперед, а я незримо буду тебя охранять!» Сказала это девушка, да и исчезла, только ее и видели. Благодаря ее заботам избавленный от голода и жажды едет царевич, да нахваливает свою милую Ратнапрабху. Уже стемнело, когда доехал царевич с Гомукхой до озера со сладкой водой. Отведали они плодов лесных, напились воды, совершили омовение. Устроились они там переночевать, задали коням на ночь корм, а сами забрались на дерево и устроили там себе жилище, а когда на широких ветвях охватил их сон, проснулись они вдруг от ржания перепуганных лошадей, посмотрели вниз и увидели, что появился там лев. Захотел царевич спуститься, чтобы защитить коней, а Гомукха, заметив это, остановил его словами: «Телом своим ты пренебрегаешь, у меня совета не спрашиваешь! А что такое царь без тела или царские дела без совета? Как ты собираешься драться со зверями, вооруженными и когтями и зубами? Ведь чтобы тело уберечь, мы сюда забрались!» А пока Гомукха сердито ему выговаривал, царевич, увидев, как лев коня завалил, метнул кинжал прямо с дерева. Вонзился булат в тело царя зверей, но могучий лев и другого коня свалил. Тогда выхватил сын повелителя ватсов у Го-

мукхи меч, метнул его вниз, и сталь рассекла льва надвое. Слез потом царевич с дерева, забрал и кинжал и меч и снова забрался на сук, и провели они вдвоем остаток ночи на дереве.

Когда же пришло утро, слез Нараваханадатта с дерева и в сопровождении Гомукхи отправился дальше на поиски Карпурики. А кони-то львом зарезаны, и идет царевич на своих на двоих. Заметив, что утомился Нараваханадатта и нужно его развлечь, рассказал ему Гомукха

о царе Паритьягасене, его злой жене и доблестных сыновьях

«Послушай, божественный, расскажу я тебе забавную историю. Есть на земле город Иравати, превзошедший красотой и богатством Алаку, жилище Куберы. Правил там великий государь Паритьягасена, и были у него две жены, которые были ему дороже самой жизни. Одну из них звали Адхикасангама, и была она дочерью царского министра, а другую звали Кавьяланкара, и родилась она в царском роде. Хотелось царю, чтобы от них обеих родилось по сыну, и ради этого усердно молился он богине Амбике, постился и совершал великий подвиг, проводя ночи на ложе из жесткой, как железо, травы дарбхи. Обрадовалась богиня его самоотверженности, явилась ему во сне, дала, милостивая к преданному, два плода и так сказала Бхавани: „Проснувшись, раджа, дай эти плоды женам своим, пусть они их съедят, и тогда, мужественный, родят они тебе каждая по сыну“. И только промолвила это Гаури, как тут же исчезла, а царь проснулся утром и обрадовался, увидев в своей руке два плода, как раз те, о которых во сне ему было сказано. Совершил он омовение и восхвалил благосклонную, вознаградившую его подвижничество.

Когда же наступила ночь, пошел он к царице Адхикасангаме, отдал ей один из плодов, и она его тотчас же съела. Провел царь эту ночь в ее покоях, поскольку была она дочерью главного министра и следовало ей отдать предпочтение, а плод, предназначенный для другой царицы, положил под

свое изголовье. Крепко уснул царь, а царица Адхикасангама поднялась с ложа, и, желая сама родить двух одинаковых сыновей, вытащила из под царской головы второй плод, и съела его — известное дело, женщины не могут избежать взаимной зависти!

Когда же утром раджа проснулся и стал искать тот плод, она ему призналась: „А я и второй плод съела!“ Ушел от нее царь, расстроенный, прогоревал весь день, а когда спустилась ночь, пошел в покои другой жены. А та спросила его о плоде, и ответил он, что вот-де, пока он спал, ее соперница и второй плод съела. Очень огорчилась Кавьяланкара, не получив плода, который помог бы ей родить сына. Дни шли и шли, и бывшая бесплодной царица Адхикасангама забеременела и, когда настало время, родила двух сыновей. Обрадовался царь Паритьягасена тому, что исполнилось его желание. Устроил он великий праздник и сына, родившегося первым, очи которого были подобны цветам лотоса индивары, а сам он был красоты необычайной, нарек Индиварой, а родившегося вторым назвал Аниччхасеной, то есть „нежеланное воинство“, так как не хотел царь, чтобы Адхикасангама съела и второй плод.

Вторая жена царя, Кавьяланкара, при виде этого события разгневалась и подумала так: „Увы мне! Лишила меня завистница радости родить сына, так я ей за это отплачу! Оба они погибнут во взаимных распрях“ — и, так подумав, стала она искать к этому средство.

Стали расти оба царевича, и чем старше они становились, тем сильнее росла и укоренялась ее лютая ненависть к ним. Когда же вступили они в пору юности и стали могучими молодцами, пришли оба царевича к отцу и, жажда ратных подвигов, так ему сказали: „Умеем мы владеть оружием, и оба мы молоды, и нехорошо, что руки наши ничем не заняты. Коли кшатрий не сражается, тьфу на все его молодечество! Потому, батюшка, позволь нам пойти и весь мир завоевать“. Обрадовался царь таким речам своих сыновей, и повелел все приготовить для их похода, и так их наставлял: „Коли где трудно придется вам, молодцы, то следует вам вспомнить об Амбике, устранительнице несчастий, ибо оба вы родились по ее милости“. С таким напутствием отправил он их в поход и дал им войско, состоявшее из слонов, колесниц, всадников и пеших воинов и возглавляемое его вассалами,

а мать благословила их и отправила с ними самого главного своего министра старого Пратхамасангаму, своего отца, чтобы было с кем посоветоваться.

Пошли два брата с войском, исполненные мужества, сначала восточные страны покорять. Никто перед ними, могучими, устоять не мог, и они, покорив многих раджей и доказав свое мужество, отправились завоевывать южные царства. Вести об их подвигах дошли до отца с матерью, и родители возрадовались, а завистницу еще пуще стал мучить огонь зависти. Велела эта злодейка изготовить от имени царя военачальникам, с царевичами отправившимися, такой указ: „Сыновья мои, вознесшиеся от гордости своими победами, задумали после того, как всю землю покорят, убить меня и завладеть всем моим царством. А посему, коли вы мне верны, вам следует без рассуждений убить обоих моих сыновей“. А написал Кавьяланкаре этот указ за деньги немалые писец из приказа по делам мира и войны, и послала она его тайно с нарочным. А тот нарочный добрался до лагеря царевичей и тайком отдал повеление царское военачальникам. А те дела государственные знали тонко — судили, рядили, указ царев одолели и уяснили и ночью, собравшись, порешили обоих царевичей убить: хоть приказ и несправедлив, а исполнять его надо, даже если он и не нравится. Но многомудрый министр, который был царевичам дедушкой, узнал об этом — был среди военачальников один ему приятелем — и рассказал про все внукам. Вскочили они тогда на коней и тайком тотчас же исчезли из лагеря. Ехали всю ночь — ехали царевичи вместе с дедом, и заехали в дремучий Виндхийский лес, и, не знаячи дороги, заблудились. Провели они ночь в лесу и снова отправились в путь, и, когда солнце стало прямо над головой, кони у них, измученные жаждой, подошли. Дряхлый Пратхамасангама, измученный нестерпимым зноем, беспощадной жаждой и жестоким голодом, скончался на глазах у царевичей.

„Как же это отец нас, ни в чем не повинных, сам в такую беду завел? Неужто, чтобы угодить этой злодейке, своей второй жене?“ Тут оба брата в горести и в печали вспомнили, как отец наставлял их в беде молиться Амбике. И только лишь вспомнили братья о ней, защитнице, как перестали, могучие, ощущать голод, жажду и усталость. Ободренные этим они, заблудившиеся, пошли ей, живущей в горах Винд-

хья, молиться и, чтобы ее умиловать, начали совершать подвиги и изнурять себя постом.

А в это время военачальники, оставшиеся в лагере, желая совершить над братьями черное дело, стали их искать, а не найдя, решили, что куда-то бежали царевици со своим дедом. Напуганные тем, что веления царского не исполнили, вернулись они к радже Паритьягасене, грамоту ему показали и поведали, что случилось. Царь же все понял и рассердился и, разгневанный, так им сказал: „Что это за наваждение? Никакого приказа я не посылал! Что же вы, дурни, разобраться не могли? Как же это я убью сыновей своих, доставшихся ценой немалых подвигов? Вы сами их убить хотели, да, видно, благодаря добродетелям своим они спаслись, да благодаря мудрому совету их деда!“ Повелел тогда раджа всех военачальников и писца, сочинившего ложный указ и пытавшегося бежать, схватить, выпросить, что как было, да заодно и супругу свою Кавьяланкару, всего дела устроительницу, злодейку, на сыновей руку поднявшую, бросить в подземную темницу. Да, по правде сказать, могло ли быть иначе? Кто из-за крайней ненависти вершит черное дело, как же ему самому не изведать невзгод? Всех же тех военачальников, которые с царевицами пошли, да назад вернулись, царь сместил, а на их место других назначил. И стал он разыскивать, где же его сыновья, и ради этого, горюющий и благочестивый, молился Амбике.

А жительница гор Виндхья в то время возрадовалась жестоким подвигам царевици Индивары и его брата, явилась ему во сне, дала меч и так сказала: „Этим мечом сверкающим сразишь ты врагов несразимых и, как только о чем подумаешь, сразу то и будет дано тебе. Вы оба с его помощью осуществите задуманное“. Сказала это богиня и исчезла, а Индивара проснулся и увидел в своей руке меч. Обрадовал он брата, рассказав о том, что ему приснилось, и об этом мече, и кончили они свой пост, отведав лесных плодов.

Радостные и окрепшие благодаря милости богини, поклонились они ей и отправились — Индивара, держащий в руке меч, и его брат — дальше. Шли они, шли и добрались до какого-то города, дома которого, сделанные из золота, сверкали будто вершины горы Меру. Увидел Индивара там у городских ворот ужасного ракшаса и спросил у него, что это за город и кто в нем правит. Отвечал ему ракшас: „Город

этот называется Шайлапур, и находится он под властью повелителя ракшасов Ямаданштры, сразителя врагов“.

Кончил он говорить, и захотелось Индиваре сразить Ямаданштру. Собрался он войти в город, а стоявший у ворот на страже попытался помешать ему, и тогда могучий Индивара одним ударом меча рассек ему голову и тем свалил его. Покончив с ним, вошел герой в царский дворец и увидел, что сидит на львином троне злодей ночной Ямаданштра и стоит слева от него, ужасно клыкастого, прекрасная женщина, а с правой стороны — божественно красивая дева. Вошел он с мечом в руке, пожалованным Амбикой, и вызвал ракшаса на битву, и тот тотчас же вскочил и схватился за меч. Вот началась между ними сеча, но, сколько ни рассекал Индивара голову ракшаса, она тотчас же срасталась. Заметив хитрость ракшаса, стоявшая около него дева, которой Индивара понравился, показала царевичу, что надо сделать, и тогда ловким движением снес он ракшасу голову и тут же рассек ее надвое, и раз одна хитрость была сражена другой, то и голова уже больше не срослась, и тут пришел конец ракшасу.

А когда это случилось, обрадовались и женщина и дева. Подошел царевич с братом к ним и спросил: „Что же это за город с единым стражем у ворот и кто этот удалой ракшас и почему вы радуетесь его смерти?“ На это ответила ему дева так: „Правил в этом городе Шайлапуре царь по имени Вирахуджа, а это жена его Маданаданштра. Хитростью пробрался сюда ракшас Ямаданштра и сожрал и царя, и всю семью его, и челядь, а ее из-за красоты не сожрал, а взял себе в жены. Обезлюдив все золотые дома этого прекрасного города, стал с ней, лишенной слуг, развлекаться. Я же ракшасу младшая сестра, а имя мое Кхадгаданштра, и, когда увидела я тебя, ты мне сразу же понравился. Потому-то мы обе и радуемся, видя, что ты ракшаса сразил, а меня ты, благородный, возьми к себе — любовь меня тебе отдала“. Тогда Индивара взял Кхадгаданштру в жены по обычаю гандхарвов — по ее доброй воле и их взаимной любви — и остался жить в том городе, силой меча ему доставшегося, и веселился с женой. А брат жил при нем.

Однажды с помощью мысли и меча построил он для младшего брата воздушный корабль, посадил на него Аниччхасену и послал его к родителям передать его горячую любовь да привет.

Быстро домчался тот по небу на воздушном корабле до родительского города Иравати. При виде его обрадовались измученные горькой разлукой отец и мать, словно чакоры при виде месяца, вновь народившегося. Подошел он к ним и пал в ноги, и обнимали они его, и успокоил он их тревоги вестью о том, что брат здоров, и поведал обо всем, что с ними приключилось, — от бед великих до счастливого завершения, а сам услышал о той завистливой злодейке и о ее черном умысле, из-за которого и он и его брат должны были погибнуть. Устроил отец по случаю его возвращения праздник, и народ ему радовался, и остался Аничхасена жить с отцом да матерью.

Только вот прошло сколько-то дней, и приснился ему дурной сон, и затревожился он о брате и так сказал отцу: „Позволь, батюшка, пойду я и привезу сюда брата — хочется и ему с вами встретиться“. Отцу же тоже хотелось увидеть и другого сына. И с отцовского и материнского согласия взошел Аничхасена на свой воздушный корабль и помчался поднебесной дорогой в город Шайлапур. На заре долетел он до него, вошел в покои брата и увидел, что лежит ничком без памяти его старший брат, а около него стоят и слезами заливаются Кхадгаданштра и Маданаданштра. „Что это?“ — воскликнул он. И тогда, опустив голову, рассказала ему Кхадгаданштра, осуждаемая Маданаданштрой: „Когда не было тебя, пошла я однажды совершить омовение, а твой брат остался наедине с Маданаданштрой и стал с ней забавляться. Быстро кончила я омовение, вернулась и своими глазами увидела, что между ними было, и стала кричать и браниться. И хоть и уважала я его, да из-за гнева перешла все пределы и, без меры ослепленная, подумала: „Что же это, со мной не посчитавшись, он с этой связался? Знать, из-за своего меча он так вознесся. Так я упрячу эту железку!“ — и я, глупая, ночью, когда он спал, сунула его меч в огонь. Пошли по мечу пятна, брат твой без памяти лежит, а я с Маданаданштрой убиваюсь и терзаюсь. И так нас обеих измучили и скорбь и гнев, что мы уже и умереть собрались, да ты тут появился. Возьми же ты этот меч, безжалостно свершающий свое дело, и рассеки им меня, не оставившую дурных дел моих сородичей-ракшасов“. Вот так умоляла пожелавшего рассечь себе голову Аничхасену жена его брата, изнемогшая от страданий. И тут раздался глас с небес: „Не слушай ее и не посту-

пай так! Твой старший брат, царевич, не умер. Он оттого без памяти, что богиня разгневалась из-за бесчестья, нанесенного мечу. И не следует осуждать Маданаданштру — не виновата она. Это все из-за проклятия, брошенного на них. Обе они в прошлой жизни были женами брату твоему. Ты же ради избавления помолись той богине“. Услыхал это Аниччхасена, с собой кончать не стал, а взошел на воздушный корабль, взяв тот огнем оскверненный меч, и полетел помолиться у стоп богини, живущей в горах Виндхья. Там, когда он собрался, чтобы ее порадовать, голову себе отсечь⁵⁵, услышал он с небес голос божественный: „Не делай этого, сынок! Оживет твой старший брат и меч снова станет сверкать! Обрадовал ты меня своей преданностью!“ Услыхал он эту речь божественную и, тотчас же взглянув на меч, увидел, что вновь он сверкает, и вознес хвалу богине. Словно на свое сердечное желание вскочил Аниччхасена на корабль быстроходный и помчался, нетерпеливый, прямо в Шайлапур-город, а там увидел старшего брата, к которому сознание вернулось, и припал к его стопам, а тот со слезами на глазах поднял его и обнял, и обе женщины со словами: „Ты нас обеих и мужа нашего спас“ — бросились ему в ноги. Тогда расспросил Индивара брата о том, что случилось, и тот все подробно рассказал ему.

Не рассердился на Кхадгаданштру Индивара и был доволен всем, что сделал младший брат. Узнал он от Аниччхасены и как родителям хочется с ним повидаться, и о подлом обмане завистницы, из-за которой случилась разлука. Взял он тогда из рук брата меч, вскочил на огромный воздушный корабль, созданный при помощи меча и мысли, на котором и золотые дворцы, и обе жены, и младший брат поместились, и полетел Индивара в тот город Иравати.

А там, на глазах изумленных людей спустившись с небес, вошел со всеми спутниками в отцовский дворец. Увидал он там отца и мать, измученных разлукой, и пал к их ногам. Омылись лица их потоком слез, и обняли они сына — и младшего тоже, — и от этого все их мучения исчезли, будто тела их оросила амрита. Обрадовались они и красоте божественной обеих снох, и тому, что поклонились они свекру и свекрови в ноги, а когда из рассказа узнали, что и в прежнем рождении обе были старшему сыну женами, как о том возвестил голос с неба, то еще пуще возрадовались. Восхища-

лись мать с отцом могуществом сына, благодаря которому на воздушном корабле к ним и дворцы золотые и все прочее было доставлено. Стал Индивара, истинная радость для народа, с обеими женами да с родителями, да со свитой жить там.

Но однажды, снова сказавшись Паритьягасене, отцу своему, пошел он, Индивара, с младшим братом своим завоевывать весь мир. Мечом подчинил славный воин всю землю и вернулся с золотом и слонами, конями и жемчугами, да всякими прочими сокровищами, захваченными у побежденных царей. Дошел он до своего города со всем войском, и словно из страха покоренные земли расстилались за ним будто пыль, поднятая войском и оседающая наземь. Когда вступил Индивара в столицу, навстречу ему вышел отец, и доблестный воин вместе с братом поклонился и ему и матушке своей Адхикасангаме. Воздав почести вассальным князьям, со своими женами и со всей свитой и родней провел Индивара в радости тот день.

А на другой день, отдав отцу всю покоренную землю, царевич вдруг вспомнил, что с ним было в прошлой жизни. Словно пробудившись ото сна, сказал он родителю: „Вспомнил я прошлое свое рождение, батюшка, послушай-ка, расскажу я тебе.

На одной из вершин Гималайских гор стоит город по названию Муктапур, жемчужина среди городов, а правит там раджа, имя которого Муктасена. Повелитель он видьяхаров. От царицы его по имени Камбувати у него двое добродетельных сыновей — Падмасена и Рупасена. Из них двоих видьяхарская царевна Адитьяпрабха по любви избрала себе в мужа Падмасену, а ее ровесница, любовью одолеваемая, которую звали Чандравати, узнав об этом, тоже избрала его себе в мужа. Живет Падмасена с двумя женами, и все его огорчает Адитьяпрабха, завидующая сопернице. Вот однажды и говорит Падмасена отцу своему, Муктасене: „Не могу я больше терпеть ссоры между женами, пойду я в лес на подвижничество, чтобы избавиться от унижения. Разрешите мне, отец!“ Разъярился Муктасена и проклял его вместе с женами: „Чего вам в лесу подвижничеством заниматься?! Отправляйтесь в мир смертных. Там эта твоя сварливая жена Адитьяпрабха, родившись от ракшасы, снова будет твоей женой. Вторая твоя любезная Чандравати станет жаждущей крови

царицей ракшасов и тоже тебе в жены достанется. И как назначено мной, за тобой, старшим, и Рупасена последует и тоже там станет твоим братом. И там тебе достанется от обеих жен⁵⁶! Так сказав, дождался немного, а потом назначил предел проклятию: „Когда царевичем станешь и, всю землю покорив, отцу отдашь, тогда со всеми ими прежнее рождение вспомнишь и от проклятия избавишься“. Только кончил Муктасена говорить это, как Падмасена со всеми прочими очутился в мире смертных. Я, батюшка, и есть тот самый Падмасена, а нынче твой сын, и зовусь я Индивара. Все, что мне надлежало совершить, я совершил. Другой же царевич, видьядхар Рупасена — мой младший брат Аниччасена, а что до Адитьяпрабхи и Чандравати, так судьба положила им быть Кхадгаданштрой и Маданаданштрой. А теперь случай пришел избавиться нам от проклятия, и пойдем мы, батюшка, дорогой видьядхаров“. И только он это молвил, как и он сам, и жены, и брат, вспомнив прежнее свое рождение, оставили человеческий облик и вновь стали видьядхарами. Поклонился Индивара земным родителям в ноги, подхватил обеих жен и, сопровождаемый братом, понесся в поднебесье в свой родной город. А там обрадовал Падмасена отца, утер слезы с глаз матери и вместе с братом Рупасеной и с женами обоими стал жить там, а ни Адитьяпрабха, ни Чандравати больше друг друга не ревновали».

Вот так пока они шли, рассказал Гомукха эту интересную историю Нараваханадатта и в дополнение еще сказал: «Так и могущественным приходится пострадать, а уж потом достичь успеха! Что уж тут, божественный, говорить обо всех прочих! Коли потрудишься, так и успех придет. Ты же, охраняемый силой мудрости супруги твоей Ратнапрабхи, без труда заполучишь царевну Карпурику».

Выслушал это Нараваханадатта из уст приятноликого Гомукхи и, пока шли, не чувствовал никакой усталости. Шли они, шли, и заметил Нараваханадатта озерцо, полное чистой воды, прохладной, утоляющей жажду и подобной амрите. А вокруг него росли и манго, и гранаты, и бетель, и приятно перекликались на нем красные гуси. Омывшись и истово помолившись супругу дочери Гималаев, утолив голод ароматными и сладкими плодами, Нараваханадатта и его спутник уснули на ложах из нежных листьев и провели там ночь.

ВОЛНА ДЕВЯТАЯ

Когда же миновала ночь и наступило утро, проснулись Нараваханадатта и Гомукха на берегу озера и собирались уже отправиться дальше, обратился Нараваханадатта к Гомукхе: «Сегодня ночью, приятель, явилась мне во сне дева божественной красоты, одетая во все белое. Она сказала: „Не тревожься, любезный! Отсюда отправившись, быстро дойдешь ты до удивительного и обширного города, стоящего в лесу на берегу океана. Отдохнув там, безо всяких трудностей попадешь ты в город на острове Карпурасамбхава и добудешь там царевну Карпурику!“ Вот так она мне сказала, исчезла, а я тотчас же проснулся».

Так ответил царевичу обрадованный Гомукха: «Ты, божественный, любезен богам. Разве есть что-нибудь для тебя недостижимое. Непременно без усилий и быстро достигнешь ты желанной цели!»

И отправился он вместе с Гомукхой, так говорившим, в путь и, когда прошло некоторое время, дошел до того города, расположенного на самом берегу океана и полного башен, вздымающихся, словно гималайские вершины, над городскими воротами, открывающими дорогу на широкие улицы, сверкающие царскими дворцами, блистающими золотыми кровлями, словно сама гора Меру, и настолько этот город был обширен, что, казалось, это была новая планета. Вошел царевич в город, и пошел по базару, и увидел, что все люди там — купцы, гетеры, горожане — двигаются словно куклы. И удивительно было, что все они делали как живые люди, но только живыми назвать их нельзя было, так как они были лишены речи. Добрался он мало-помалу вместе с Гомукхой до царского дворца и увидел таких же слонов и коней и вошел, изумленный, вместе с советником во дворец, возвышавшийся над золотым городом подобно голове. Там они увидели дивного мужа, восседавшего на троне, украшенном жемчугами, и этот муж, окруженный бесчувственными механическими придворными и красавицами, заставлял их двигаться словно душа, повелевающая чувствами. Заметив прекрасного Нарава-

ханадатту, приветствовал его и усадил рядом с собой, а потом спросил вежливо, кто, мол, он, что за человек, и как сюда попал, и кто его сопровождает. Все без утайки рассказал ему о себе Нараваханадатта, а когда кончил, деликатно спросил того человека: «Не соблаговолит ли любезный сказать, кто он сам и что это за дивный город?» В ответ на это тот человек стал рассказывать историю

об искусных плотниках Пранадхаре и Раджьядхаре

«Стоит город Канчи⁵⁷, средоточие всяческих добродетелей, подобный искусно украшенному опояску на женских бедрах. А правит в том городе Канчи великий государь Бахубала, сумевший заточить в своей сокровищнице непостоянную Лакшми и потому наполненной драгоценностями. Жили в его стране два брата, и были они искусными плотниками, весьма изощренными в изготовлении из дерева и прочих материалов дивных механизмов, придуманных данавом Маем. Старший из них — Пранадхара, и одолевала его страсть к гетерам, а я — его младший брат, очень к нему привязанный, и имя мое, почитаемый, Раджьядхара. Что отец ему оставил, что он сам получал, и что я ему из любви давал, все он растрачивал. Вот Пранадхара, одолеваемый своей страстью, желая добыть денег, чтобы улажить гетер, смастерил из дерева пару гусей, хитроумно двигавшихся на веревочке.

Стал он по ночам, веровочкой этих гусей двигая, запускать их с крыши в слуховое окно сокровищницы царя Бахубалы, а они, ухватывая клювами украшения, возвращались в дом моего брата. Он эти украшения продавал и веселился с гетерами. Вот так-то он днем ли ночью ли грабил цареву сокровищницу, и хоть отговаривал я его, он меня не слушал и продолжал наслаждаться. Если кто увлекся гетерами, тот дороги не разбирает — хорошая ли, дурная, ему все одно.

Смотритель сокровищницы, по ночам крепко замкнутой, никогда мышей не ведавшей, а все же что ни день обкрадываемой, перетревожился и как-то раз, страхом без меры измученный, пошел к царю и все тому рассказал.

А царь, чтобы все подлинно разведать, поставил у сокровищницы кроме него еще и других сторожей бодрствовать

в ночи. Когда наступила ночь, увидели они, как сделанные моим братом гуси на веревочке, через слуховое окно забрались в сокровищницу и оттуда выбирались, неся в клювах украшения. Схватили их, веревочку оборвали и понесли царю показать. А когда это случилось, сказал мне брат с опасением: „Поймали, брат, моих гусей сторожа у сокровищницы, потому что ослабла веревочка и механизм испортился, и нужно нам обоим бежать отсюда! Поутру царь, узнав обо всем, велит нас схватить, как воров. Ведь только мы оба известны здесь как делающие механизмы. Есть у меня воздушный корабль, который от одного поворота рукояти летит целых восемьсот йоджан. Давай полетим с тобой на чужбину горькую. И что это я, злоумный, тебя не послушался! Разве будет кому счастье, кто дурные дела вершит и добрым советом пренебрегает?! Вот и созрел плод зла, от которого и тебе безвинно вкусить приходится“. Сказал так мой брат Пранадхара и взошел на воздушный корабль со всем семейством своим. А я на тот корабль не взошел — уж очень много людей на нем и разве улетел бы он далеко? Когда же унесся ввысь Пранадхара, по заслугам так прозванный, ибо воистину во все он мог жизнь вдохнуть, я на заре, опасаясь царского гнева, взошел на другой корабль, мной самим изготовленный и движимый ветром, и тотчас же унесся на двести йоджан, а еще повернул я рукоять, и еще двести йоджан промчался мой корабль, пожирающий небесное пространство. Затем, опасаясь близости моря, оставил я воздушный корабль и пошел пешком. И вот дошел я до этого заброшенного города. Из любопытства, божественный, вступил я в царский дворец, полный богатых одежд, украшений и всего прочего, царям приличествующего, а когда настал вечер, пошел в сад и омылся в пруду, поел плодов, улегся на царское ложе и стал ночью в одиночестве размышлять: „Что буду я делать здесь в безлюдье? Куда мне утром идти? Царя Бахубалы здесь бояться не приходится!“ С такими мыслями я заснул, а когда ночь была уже на исходе, явился мне божественного облика муж, восседающий на павлине⁵⁸, и так сказал: „Тебе, любезный, следует здесь остаться и никуда больше не ходить. Когда же наступит час трапезы, надлежит тебе оставаться в среднем покое“. Так этот муж сказал и исчез, а я тут проснулся и подумал: „Видно, сам Кумара построил этот прекрасный и хорошо устроенный город! Видно, благодаря добрым моим

делам в прошлом рождении оказал он мне милость и явился во сне, и потому останусь я здесь — будет мне тут удача!“ Укрепившись в этих своих мыслях, встал я и занялся дневными делами, а когда пришло время трапезы, поднялся в трапезную, а там на подносах да на блюдах заранее приготовленных, откуда ни возьмись появились и кислое молоко, и рис, и прочие кушанья. Подумал я, подумал и решил, что для меня, видно, все это приготовлено, и, съев приготовленное, почувствовал я себя, божественный, очень счастливым. Вот так, повелитель, стал я каждый день проводить в этом дворце, подобно царю, всем наслаждаясь. Только вот не было у меня ни жены, ни свиты, и потому создал я всех этих искусственных людей. Так вот, сюда попав, хоть и плотник, а действую, как единственный раджа, — недаром мне судьба определила имя Раджьядхара, опора царства — и истинно наслаждаюсь я царскими радостями. В этом, богом созданном городе нынче отдохни, почитаемый, сколько надобно, а я всем, чем могу, тебе услужу».

Так сказал им Раджьядхара и проводил Нараваханадатту с Гомукхой в сад во дворце, и они омылись водой из пруда и принесли лотосами жертву Шиве, а потом он проводил их в трапезную, и отведали они там таких необычайных яств, какие только придумать можно. А после еды пожевали они бетеля и хмельного отведали изрядно, а затем Раджьядхара уложил царевича подобного драгоценности, изумленного великолепием города, спать на лучшее ложе. Но не шел сон к Нараваханадатте, вновь возмечтавшему о Карпурике, и сказал ему Раджьядхара, продолжавший оставаться у ложа: «Почему не спишь ты, счастливец? Достанется тебе твоя возлюбленная. Ведь подобно Лакшми женщина избирает благородного. Сам я тому свидетель, и послушай-ка я тебе расскажу

об алчном придворном, продавшем свою честную жену

У того самого правителя Канчи раджи Бахубалы был богатый придворный — купец, по заслугам звавшийся Артхалобха, ибо был он необычайно жаден до денег, и была у него

красавица жена Манапара. Из-за жадности этот купец никому из слуг не верил и все торговые дела поручил жене. И хотя и не хотелось ей мешаться в дела, но по воле мужа приходилось ей иметь дело с купцами, и благодаря красоте ее, обходительности и сладкой речи дела она улаживала, и Артхалобха, видя, как она с прибылью продавала слонов и коней, ткани и камни самоцветные, не мог нарадоваться.

Однажды приехал в Канчи из дальних стран пребогатый купец Сукхадхана и привез с собой множество всяких товаров и коней. Узнал Артхалобха о его приезде и тотчас же говорит жене: „Прибыл сюда, любезная, из дальних стран купец Сукхадхана, и привел он с собой на продажу двадцать тысяч коней, и привез он с собой бесчисленное множество отменных одежд из Китая. Пойди-ка ты к тому купцу и выторгуй пять тысяч коней и десять тысяч одежд. Покажу я несколько тысяч своих коней да пять тысяч чужеземных царю и хорошую сделку совершу“. Вот так сказал ей негодяй Артхалобха, и пошла Манапара к Сукхадхане. Шла она и прикидывала цену коням и одеждам и пришла к тому купцу, а у Сукхадханы при виде ее красоты глаза ни на что больше смотреть не могут. Отвел он ее в укромное местечко, да и говорит: „Не дам я тебе за деньги ни коня, ни единой тряпки, а вот коли ты, красавица, со мной эту ночь проведешь, то дам я тебе пятьсот коней и пять тысяч одежд“. Предложил он ей столько и еще больше обещал красавице — у кого желания не появится, коли женщины свободны торговаться?

Отвечала она ему на это: „Мужа я спрошу — это он меня сюда из-за великой жадности послал!“ Вернулась она домой и все до словечка рассказала мужу, что ей купец Сукхадхана предложил. А этот нечестивец Артхалобха, муж никудышный, ей и говорит: „Милая ты моя! Да если пять тысяч одежд да пятьсот коней дают, так что за грех одну ночку с ним переспать! Поспешай, поспешай к нему, а на заре быстренько домой вернешься!“ Выслушала Манапара такие-то слова мужа, ублюдка негодного, почувствовала в душе великое отвращение и подумала: „Тьфу на него совсем, на подлеца, совесть растерявшего, жену свою продающего. В нем ничего, кроме жадности, не осталось. Уж лучше пусть мужем будет тот умом достойный, который за одну ночь платит сотней коней да тысячами штук одежд китайских!“ Вот так-то рассудив и решив: „Не на мне грех!“ — покинула она дом мужа

и пришла к Сукхадхане. Тот же, увидев ее, расспросил, и все понял, и, проникательный, посчитал себя счастливым, что она ему досталась. Тотчас же послал он ее мужу, как было обещано, в уплату коней и одежды и провел ночь в радостях любви с красавицей, словно бы с богиней счастья, воплотившейся в прибыль на данные займы деньги. Когда же настало утро, Манапара сказала слугам, которых этот скупец Артхалобха бесстыдно послал позвать ее обратно: „Раз продал он меня и я с другим сошлась, какая же я ему жена? Разве я такая бесстыдная, как он? Вы ему так и скажите, что говорю: кому он меня продал, тому я теперь и жена“. Выслушали слуги ее, вернулись и, понутив головы, так все и передали Артхалобхе. А тот, худший из мужей, стал кричать: „Силой ее приведите!“ Тогда его приятель Харабала так ему сказал: „Не можешь ты теперь увести ее от Сукхадханы. Нет у тебя смелости такой, как у того молодца. Он вдохновлен Манапарой, полюбившей его за щедрость, и потому силен и мужествен, да к тому же пришел сюда с другими сильными друзьями. А ты из-за жадности продал жену — расстался с ней и из-за унижения и бессилия стал трусливым скопцом. И если ты не силен и нет у тебя сильных друзей, как же ты можешь одолеть соперника? Да и раджа разгневается, коли узнает, как ты жену продал! Уж лучше ты помалкивай, не делай из себя посмешища“. Не послушал Артхалобха друга и в гнев со своими воинами напал на дом Сукхадханы, но только стоило тому вместе со своими друзьями и воинами выйти, как все воинство Артхалобхи тотчас же пустилось наутек. Обращенный в бегство Артхалобха кинулся к радже: „Божественный, похитил у меня жену купец, Сукхадхана ему имя!“ Так он царю сказал, но о своем злодействе промолчал. Разгневанный царь велел к нему доставить Сукхадхану. Тогда обратился к царю министр Сандхана: „Никак невозможно, государь, доставить того купца. Пришел он сюда с одиннадцатью друзьями и привел с собой более ста тысяч отличных коней. Тебе пока неизвестно, какая была тому причина. Следует гонца к нему послать и попросить прийти — что он сам расскажет?“ Послушал царь Бахубала, что сказал министр, и послал гонца к Сукхадхане — расспросить. По цареву велению поспешил туда гонец и стал спрашивать, а Манапара сама ему свою историю поведала. Услышав от гонца обо всем, что приключилось, поспешил сам царь в дом Сукхадханы по-

смотреть на ее красоту, а за ним и Артхалобха увязался. Придя туда и приветствовав Сукхадхану, увидел царь Манапару, способную прелестью своей повергнуть в изумление даже самого создателя, и от нее, в ноги царю упавшей, в ответ на расспросы услышал все о злодействе Артхалобхи, тут же стоявшего и не могшего и слова вымолвить, и по молчанию его понял царь, что все сказанное — правда, и спросил: „Что же теперь будет, красавица?“

Отвечала она решительно царю: „Безо всякой надобности, божественный, он меня продал. За что же снова я тому бесовственному достанусь?“ „Верно, верно“, — сказал царь, выслушав ее слова, но тут заговорил Артхалобха, одолеваемый сразу и страстью, и злобой, и страхом: „Вот, царь, Сукхадхана, а вот я, и пусть мы безо всякой помощи, один на один, сразимся и посмотрим, кто прав и кто не прав“. Услыхав такую речь Артхалобхи, молвил Сукхадхана: „А что ж, давай сразимся вдвоем — зачем нам войны? Кому победа достанется, тому и Манапара“. Согласился на это раджа: „Так тому и быть!“ Тогда в присутствии царя и Манапары вскочили соперники на коней и выехали на поле боя, и начался у них поединок, и Сукхадхана переломил копье Артхалобхи и свалил и его и коня на землю. Таким-то образом еще три раза убил доблестный боец Сукхадхана коня под Артхалобхой, но не его самого, а когда пятый раз коня свалил, то забитый ударами его копыт Артхалобха бездыханный унесен был его слугами с поля битвы. Стали тут все Сукхадхану прославлять, и сам раджа Бахубала чествовал его, а сам забрал все имущество Артхалобхи, нечестно нажитое, а на его место при дворе другого назначил и вернулся, довольный, к себе во дворец. Добродетельные довольны, когда отделаются от погрязших в грехах.

Сукхадхана же стал счастливо жить с любящей женой Манапарой, и дела его шли хорошо. И деньги и жены бегут от тех, кто с добродетелью расстался, а к добродетельным они сами идут.

Хватит тебе тревожиться, царевич, поспи, от ночи уже мало осталось. Добудешь ты, повелитель, царевну Карпурику непременно».

Такую умную речь от Раджьядхары выслушав, Нараваханадатта и Гомукха уснули, а проснувшись утром, не мешкая, встали, поели, и мудрый Гомукха сказал Раджьядхаре: «По-

строй, любезный, корабль воздушный, с помощью которого мой господин мог бы попасть в столицу острова Карпурасамбхава и встретиться с любимой». Выслушал это плотник и подарил Нараваханадатте корабль воздушный с машиной. Вот взошел Нараваханадатта с Гомукхой на небесный корабль, как мысль быстролетный, и, пронесаясь над океаном, вздымавшем волны, подобные решимости и радости, царевич достиг стоящего на морском берегу города Карпурасамбхава. Спустился корабль с небес, и они оба сошли на землю. Вошел Нараваханадатта, сопровождаемый Гомукхой, в дивный город, и стал ходить, и, расспросив людей, убедился, что действительно это и есть тот самый город, о котором он столько мечтал, и, избавившийся от сомнений и радостный, пошел искать царский дворец.

Был там один дом, в котором жила старая женщина, и вошел он в этот дом и спросил почтительно разрешения поселиться у нее, и она согласилась. Всем сердцем желая узнать, как бы встретиться с царевной, спросил он у той женщины: «Кто, почтенная, здесь царь и как зовут его и есть ли у него дети? Каков из себя? Расскажи нам о нем, ибо мы чужестранцы». На это ответила ему женщина, любуясь красотой Нараваханадатты: «Слушай, счастливец, все тебе расскажу. Здесь на Карпурасамбхаве правит раджа Карпурака. Не было у него детей, и он вместе с женой Буддхикарой взмолился Шанкаре и стал поститься. Вот три ночи прошло, и явился ему во сне Хара и возвестил: „Встань, будет у тебя кроме сына еще и дочь, супруг которой станет правителем всех видьядхаров“. Так ему Хара сказал, и он, поутру, проснувшись, обо всем поведал царице Буддхикаре, которой тоже такое же видение было. Обрадовался царь, ибо их подвижничество достигло успеха. А потом через некоторое время понесла царица под сердцем и со временем родила дочь с приметами счастливыми и совершенную во всех членах. И только она родилась, так ярко было сияние ее красоты, что все светильники в этом покое померкли и закоптили, будто вздыхая о своем поражении. Назвал отец, раджа Карпурака, девочку Карпурикой и устроил праздник. И стала она, словно месяц для глаз людских, взрослеть, и нынче царевна уже в пору вошла. Очень хочет отец выдать ее замуж, да царевна благородная мужчин ненавидит и замуж идти не желает. Моя дочь — подруга Карпурики — спросила однажды ее: „Венец рожде-

ния дочери — свадьба. Почему ты, подружка, замуж идти не хочешь?“ А та ей так ответила: „Знаю я, подружка, о своем прошлом рождении. Слушай, расскажу я тебе о причине. Только дело это давнее. Послушай

о лебеде и лебедушке

Стоит на берегу океана высокое сандаловое дерево, и есть неподалеку от него пруд, весь покрытый цветами лотоса. Там жила я лебедушкой, как предназначено мне было по моим делам, и стала я неподалеку от того дерева вместе с мужем моим, лебедем, вить гнездо. Вывела я в том гнезде ребят-лебедят, да случилось так, что однажды унесло их всех океанской волной. И рыдала, и билась я, безутешная, и горевала, сидючи у лингама Шивы, возвышавшегося на океанском берегу.

Подошел ко мне лебедь мой и сказал: „Встань, что убиваешься ты так по детям погибшим?! Пока мы живы, еще будут у нас ребята-лебедята“. От таких-то слов будто стрела мне сердце пронзила, и подумала я: „Будь прокляты мужчины! К своим собственным детям нет у них ни любви, ни жалости. Только у женщин может быть подлинная любовь. Что за толк мне в таком муже! Зачем мне это несчастное тело!“ Так подумав, с великой верой в сердце поклонилась я Шиве и на глазах у мужа там же кинулась в воду с мыслью: „Царевной, помнящей прошлое, стану я в новом рождении“. Но все еще помню я мужскую жестокость, а раз помню — никто моей душеньке не нравится, и потому не хочу я замуж идти, а что потом будет, то от судьбы зависит“. Так вот царевна говорила моей дочери по секрету, а уж дочь моя пришла ко мне и все это пересказала, и все, что я знала, как ты стал спрашивать, все тебе рассказала. Видно, будет эта царевна твоей женой будущей, ибо, как вижу я, есть у тебя в лице приметы, и тилак⁵⁹, и прочее будущего повелителя всех видьядхаров — так мне ранее было открыто божественным Шамбху. Может, ради этого и привел тебя сюда творец? Поживи покуда у меня, а там посмотрим, что будет!» С этими словами угостила их старушка, и провел ту ночь Наравахана-датта вместе с Гомукхой под ее крышей.

На следующее утро, обсудив с глазу на глаз с Гомукхой, что да как делать, нарядился сын повелителя ватсов великим подвижником. Пошел он с Гомукхой к царскому дворцу и, поминутно восклицая: «Ах, лебедушка! Ах, лебедушка!» — стал бродить у дворцовых ворот, а народ на него во все глаза глядит. Выбежали на шум из дворца служанки, подивились на него, а потом царевне Карпурике и рассказывают: «Видели мы, несравненная, у ворот у дворцовых молодого подвижника с приятелем, а тот подвижник красоты невиданной и все день и ночь повторяет удивительную мантру, всех женщин заворожившую: „Ах, лебедушка! Ах, лебедушка“!»

А царевна-то ведь сама в прежнем рождении лебедью была, и, услышав об этом, заинтересовалась, и велела служанкам привести того красавца к ней. Привели его к ней, и увидала она его словно бы нового Смару⁶⁰, бога любви, принявшего на себя обет поклонения Шанкаре, облаченного в наряд безупречной красоты, и сказала ему со взором, преисполненным восхищения: «Что это ты ходишь да кричишь все: „Ах, лебедушка! Ах, лебедушка!?“» А он ей опять на эти-то слова: «Ах, лебедушка! Ах, лебедушка!» Тогда Гомукха, с ним бывший, объяснил ей: «Все расскажу я тебе, божественная, все поведаю, слушай только внимательно. По воле кармы был он в прежнем-то рождении лебедем. И случилось еще, что океанской волной унесло ребятушек-лебедятушек, а лебедушка, от горя вне себя, и сама в море кинулась. Тогда, удрученный разлукой, преисполненный отвращения к своему птичьему рождению, возжелавший расстаться с бренным телом, задумал так: „Пусть стану я в будущем рождении царевичем, помнящим свои прежние рождения, и пусть там у меня будет жена добродетельная и помнящая прежние рождения!“ Вот так задумав, тело посветив Шанкаре, измученный разлукой, бросился в пучину морскую. Теперь же, прекрасная, родился он в Каушамби сыном повелителя ватсов, царевичем Нараваханадаттой, помнящим прежние рождения. „Будет он повелителем царей видьядхаров“, — раздалось с небес, как только царевич родился. Когда же достиг он юности, то, видно, по божьей воле женил его отец на божественной Маданаманчуке, а потом дочь Хемапрабхи, повелителя видьядхаров, Ратнапрабха сама избрала себе в мужа Нараваханадатту. Но только как вспомнит он о лебедушке, бежит от него счастье. Так он мне сам об этом сказывал.

Случилось недавно поехать на охоту, как вдруг в лесу повстречалась ему да мне мудрая старушка подвижница и ласково сказала: „Был ты по воле кармы, сынок, в лебедях, а любимая твоя супруга, лебедушка, на самом деле небесная дева, проклятием обращенная в лебедь белую, и, когда волной унесло ваших ребятушек, от горя она кинулась в глубь морскую, а затем и ты, лебедь, туда же бросился. Нынче по милости Шамбху ты родился сыном повелителя ватсов, и, верно, ты, сынок, помнишь прежнее рождение. А та лебедушка нынче за морем на острове Карпурасамбхаве родилась, и зовут ее теперь Карпурикой. Ступай туда, сынок, и соединишься ты со своей возлюбленной супругой“. Сказав все это, взвилась в небо мудрая подвижница и исчезла, а мой повелитель, узнав всю эту историю, весь устремился вперед и пошел вместе со мной сюда, влекомый любовью к тебе, ни в грош не ставя свою жизнь. Преодолев дремучие леса и бескрайние джунгли, наконец пришли мы в страну на берегу океана. Там живущий в городе Хемапуре плотник по имени Раджьядхара встретил нас и подарил воздушный корабль, движимый машиной. Взойдя на него, мы и ахнуть не успели, как со страшной скоростью перенес он нас над океанской глубиной и доставил в этот город. Вот почему, божественная, мой повелитель бродит здесь кругом и восклицает: „Ах, лебедушка!“, чтобы попасть к тебе. А теперь при виде твоего прекрасного и благородного лица словно бы от множества несчастий избавляется, и ты этого гостя ублажи синими лотосами твоих взоров».

Когда же завершил Гомукха свою искусно составленную речь, Карпурика удивилась совпадению с ее собственной историей, сочла за правду и тогда подумала: «Ох, что это? Кажется, влюбилась я в благородного, хотя словно бы и ни к чему это мне. И кончилось, видно, отвращение мое, и любовь мною овладела». И сказала тогда: «Истинно я и есть та самая лебедушка, и все как раз так и было, и счастлива я, что и во второе рождение царевич за мной последовал». А затем, говоря: «Теперь я рабыня, за любовь купленная!» — предложила она Нараваханадатте омовение, попотчевала всем, чем гостя потчевать полагается. А потом пошла она к отцу и при всех рассказала ему обо всем. Узнав о вдруг появившемся у дочери желании выйти замуж, да еще узнав, что выбрала она себе в мужа Нараваханадатту, да увидав, что наделен он всеми признаками будущего императора видьядхаров, согласился

царь, и почел для себя это великой честью, и отдал тогда он царевичу в жены дочь свою Карпурику как по закону полагалось и с уважением, а когда жених с невестой обходили вокруг священного огня, пожаловал царь Нараваханадатте триста раз по сто тысяч золотых и столько же камфары. И горы золотых и камфары, что царь подарил, казались горами Меру и Кайласа во время свадьбы Парвати. И еще царь Карпурака подарил десять кроров одежд и триста рабынь, нарядно одетых. Стал жить Нараваханадатта с Карпурикой, подобной воплощенной любви. И кого только не радовало соединение нежной лианы мадхави с подлинным праздником весны?

Но вот как-то сказал Нараваханадатта любимой своей Карпурике: «Давай съездим в Каушамби!» И она ответила ему: «А почему бы и не слетать туда быстро на твоём корабле, в небе несущемся? А если он для этого мал, то велю я сделать больший, чем твой,— живет здесь плотник, которого зовут Пранадхара, и умеет он строить воздушные корабли, снабженные механизмом, а пришел он к нам из другой страны. Велю я, и быстро он сделает». Так она сказала, позвала стража и велела ему: «Ступай и скажи Пранадхаре, чтобы занялся изготовлением корабля, в небе несущегося, и чтобы был корабль достаточно велик для нашего путешествия». Так дав поручение, послала она к плотнику постельничего, а к отцу послала служанку, чтобы та передала царю об их желании отправиться в Каушамби. И вот пока, получив это известие, царь сюда идет, Нараваханадатта думает про себя: «Видно, Пранадхара брат плотнику Раджьядхаре. Тот ведь рассказывал, как они в страхе перед царем бежали из родной страны». А пока он об этом размышлял, пришел царь, и тотчас же в сопровождении стража явился плотник и сказал: «Есть у меня готовый уже большой корабль, который с легкостью может нести хоть тысячи человек!» «Хорошо»,— ответил ему на это Нараваханадатта и с уважением спросил его: «Не приходишься ли ты старшим братом Раджьядхаре — он ведь тоже большой мастер, способный создавать различные механизмы!» Поклонился ему Пранадхара и ответил: «Истинно, я ему брат, но откуда божественному ведомо про нас?» Тогда рассказал ему Нараваханадатта и о том, как встретил его брата, и о том, как Раджьядхара все ему поведал.

Вот привел Пранадхара воздушный корабль, и Нараваханадатта, испросив у тестя позволения и поклонившись ему,

взошел на корабль, куда были погружены рабыни, камфара, и золото, и вместе с ним царем отпущенный Пранадхара, и главный из придворных. Благословенный тестем Нараваханадатта посадил супругу свою царевну Карпурику на корабль и, одарив брахманов множеством одежд, сам взошел, сопровождаемый Гомукхой, на корабль и так сказал Пранадхаре: «Сначала полетим на океанский берег к Раджьядхаре, потом — домой!» Тогда направляемый Пранадхарой воздушный корабль быстро взлетел, и царевич со всеми спутниками полетел на нем в небе, словно на коне сердечного желания. Вскоре опустился корабль на берегу у города Хемапура, где был дом Раджьядхары. Приветствовал царевич Раджьядхару, обрадованного встречей с братом, попиrowал с ним и одарил его рабынями, ибо рабынь у Раджьядхары не было. Трудно Раджьядхаре было, встретив брата, вновь расставаться с ним, но царевич снова продолжал свой путь в Каушамби и достиг своей цели. А там, дивясь при виде того, как с неба спускается корабль и как сходит с него Нараваханадатта с женой и со всеми спутниками, и увидев возбуждение в народе, его отец, повелитель ватсов, радостный, поспешил с супругами, министрами и невестками ему навстречу. И решил он, что раз прилетел сын на воздушном корабле, то это предвещает ему быть повелителем всех существ, движущихся в поднебесье. Он, радостный, благословил сына с супругой молодой, склонившихся к его ногам. Обняла сына мать Васавадатта и царица Падмавати, и слезы словно бы смыли с их сердец тяжкие камни разлуки. Пришли его радостные жены Ратнапрабха и Маданаманчука, и любовь к нему пробудила в них ревность. Когда же они обе коснулись его стоп и обнялись с ним, исчезла она без следа. Затем поклонились ему и честь воздали Яугандхараяна, и все отцовские министры, и предводительствуемые Марубхути все советники царевича. И все они во главе с повелителем ватсов восхвалили пересекающую океан вместе с их господином подлинным украшением рода, новобрачную, царевну Карпурику, окруженную, подобно Лакшми, сотней вечно юных дев, облик которой был словно амрита для очей. Воздал честь Удаяна старшему из придворных ее отца, вручившему нагруженное на корабль приданое, состоявшее из многих миллионов золотых, множества одежд, камфары и прочего. И почтил он Пранадхару, строителя корабля, представленного ему Нараваханадаттой.

«Как все это царевичу досталось? Как вы оба сюда добрались?» — спросил радостный Удайна у Гомукхи. И тогда рассказал ему Гомукха обо всем, начиная с того, как отправились на охоту и как встретились с подвижницей. И как переправились через океан с помощью воздушного корабля, построенного Раджьядхарой, и как Карпурика о свадьбе и думать не хотела, и как все-таки согласилась; как затем на корабле, полученном от Пранадхары, прибыли они в Каушамби, — все, с начала до конца, ничего не упуская, все, как было, поведал Гомукха. А пока он рассказывал и Удайне, и женам его, и министрам — что там охота, что подвижница, что там плотник Раджьядхара, умеющий строить машины, вроде корабля воздушного, который сюда прилетел, что океан безбрежный, что там другой мастер, который тоже корабли умеет строить, — обо всем этом, видно, судьба позаботилась и устроила так, чтоб все успешно завершилось, — нет, не это всех их без меры удивило и порадовало, а то, какова преданность Гомукхи господину. И они от этого покачивали в изумлении головами — и все славил за это Гомукху. Хвалили и Ратнапрабху за безмерную преданность супругу и соблюдение ею долга верной жены и за мудрость, которые оберегали его на пути.

Потом Нараваханадатта, утомленный воздушным путешествием, чтобы отдохнуть, вошел вместе с родителями, женами и всеми прочими в столицу. Прибыв туда, он всех своих родных, друзей и слуг, а также Пранадхару и старшего из придворных тестя наделил всякими сокровищами. После трапезы обратился к нему Пранадхара с такими словами: «Божественный, царь Карпурака повелел мне и придворному своему так: „После того как достигнет дочь моя дома мужа, тотчас же вам обоим надлежит вернуться, чтобы знал я, как она долетела“. Поэтому, божественный, надобно нам поспешать. Пусть Карпурика даст нам письмо царю, написанное ее собственной рукой, не то царево чадолюбивое сердце не успокоится — тревожился он, как бы, на корабле воздушном летая, не свалилась она с него. Позволь мне и старшему из придворных отправиться с письмом. А что до меня, царевич, то потом я, забрав свою семью, сюда вернусь — не могу я, божественный, покинуть твои благословенные стопы».

Так решительно сказал Пранадхара царевичу, и Нараваханадатта сказал Карпурике, чтобы написала она такое

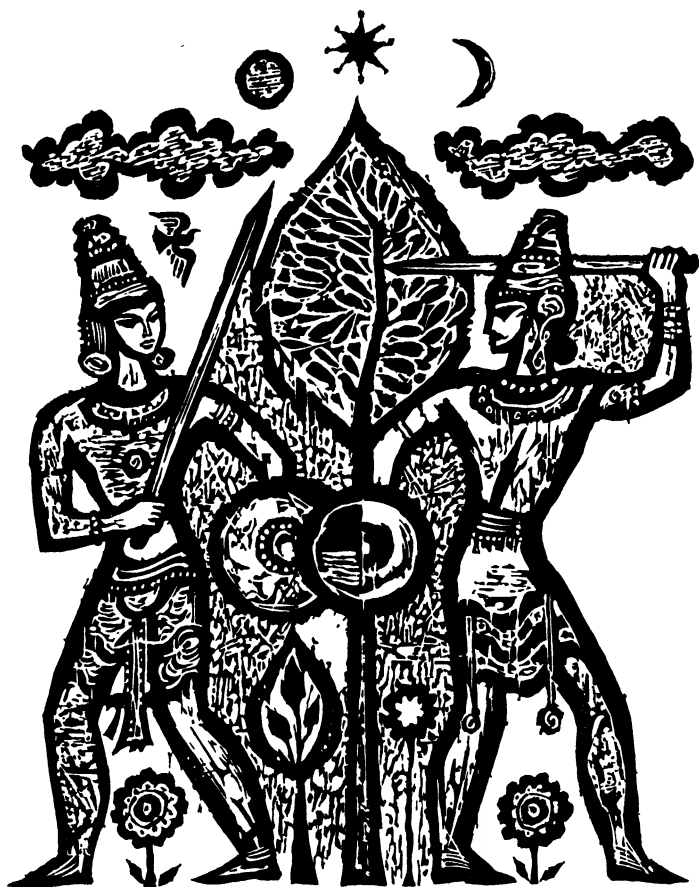
письмо: «Не тревожся, батюшка, дела мои благополучны, и счастлива я с добродетельным супругом. Разве тревожился океан, отдав лучший свой лотос лучшему из людей? Разве следует тревожиться за судьбу Лакшми, доставшейся в жены Вишну?»

Вот это письмо, написанное самой Карпурикой, вручил Нараваханадатта Пранадхаре и придворному царя Карпураки и отпустил их. Они же оба поднялись на воздушный корабль, в поднебесье мчавшийся, и при всеобщем удивлении на глазах у всех полетели через океан в город Карпурасамбхава. А там порадовали они царя Карпураку вестью о том, что дочь его благополучно достигла дома своего мужа.

На другой день с позволения раджи Карпураки Пранадхара со всем семейством, навестив Раджьядхару, отправился к Нараваханадатте, а когда он прибыл, исполнив поручение, назначил царевич ему жить неподалеку от своего дворца, и положил на прожитие жалованье, и стал со своими царицами носиться в поднебесье на воздушных кораблях, которые тот строил, и развлекался с ними, как подобает будущему повелителю видьядхаров. Позабыв о своих приятелях и родичах, стал сын повелителя ватсов дни проводить в счастье с Ратнапрабхой и Маданаманчукой и с вновь обретенной третьей женой — Карпурикой.

КНИГА О СУРЬЯПРАБХЕ

Те, кто без промедления вкусят сладость океана рассказов, возникших из уст Хары, взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор — а сладость их воистину подобна животворной амрите, извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов!

ВОЛНА ПЕРВАЯ

Слава Слоноликому, взметающему похлопыванием ушей пылицу камфары, от которой словно прежде времени опустившиеся на землю сумерки розовеют небеса.

Нараваханадатта, сын повелителя ватсов, счастливо жил со своими женами в городе Каушамби, во дворце отца. И вот однажды, когда сидел он в зале совета, довелось ему увидеть, как спустился туда некий муж божественного облика. Тотчас же отец и он сам спросили приветствовавшего их гостя: «Кто ты и как сюда попал?» И тогда тот ответил: «Здесь, на этой земле, на самом гребне Гималаев, стоит город, зовущийся Ваджракута¹, сверкающий красотой дворцов и потому заслуживающий такого названия. В том городе правлю я, князь видьядхаров Ваджрапрабха, что значит „блеск алмаза“. Звался я так потому, что тело мое было словно из алмазов. Однажды, когда, совершая поклонение Шиве, обрадовал я его своими подвигами, так велел мне Шамбху: „Если будешь ты вечно верен повелителю видьядхаров, мной поставленному, то по моей милости никакой недруг тебя не одолеет“. Немедля поспешил я сюда, чтобы поклониться повелителю. Сын владыки ватсов, Нараваханадатта, рожденный из частицы Камы, сотворенный богом, на челе которого сверкает месяц, будет нашим повелителем целую божественную кальпу². Хотя и смертен он, но будет властвовать и над севером и над югом — вот о чем узнал я ныне силой мудрости своей. Прежде по милости Шарвы смертный повелитель Сурьяпрабха властвовал над югом, а севером повелевал Шруташарман. Теперь же, божественный, над югом и севером, над всеми, в небесном просторе живущими, целую кальпу будет властвовать один-единственный повелитель, исполненный добродетелей».

И тогда Нараваханадатта, побуждаемый любопытством, в присутствии отца спросил говорившего так видьядхара: «Не соблаговолишь ли рассказать нам, как это Сурьяпрабха, хотя и был человеком, сумел достичь господства над видьядхарами?» И тогда окруженный царицами и министрами начал раджа Ваджрапрабха рассказывать

сказание о Сурьяпрабхе

«Был в стародавние времена в стране мадров³ город Шакала⁴, и сидел там на престоле царь по имени Чандрапрабха, что означает „свет луны“, сын раджи Ангарапрабхи. Воистину заслужил он такое имя, ибо для всех своих подданных был подобен прохладным лучам месяца. Для врагов же был он подлинным испепеляющим пламенем. Родила ему супруга, божественная Киртимати, сына, наделенного всяческими счастливыми признаками, которому предстояло великое будущее. „Вот родился царь Сурьяпрабха, которому Шанкарой предназначено стать верховным повелителем видьядхаров!“ — так было возведено с неба, как только он родился, и была эта весть для ушей Чандрапрабхи словно сладостная амрита. Стал тогда расти в отцовском доме, переполненном по милости Шанкары радостью, царевич Сурьяпрабха.

Прилежно учился у мудрых учителей острый умом мальчик всяким наукам, искусству и мастерству, а когда исполнилось ему шестнадцать лет, объявил Чандрапрабха его, привлечшего любовь народа своими добродетелями, наследником и отдал ему на службу многих сыновей своих министров: Бхасу, Прабхасу, Сиддхарту, Прахасту и других. Стал Сурьяпрабха вместе с ними делать все, что положено наследнику.

Но вот пришел туда однажды великий асур, которого звали Май. Когда же пришел он, то угостил его Чандрапрабха, как следует угощать гостя, и сказал Май царю при царевиче Сурьяпрабхе так: „Твоему сыну Сурьяпрабхе, о царь, велением Носящего трезубец⁵ предназначено стать повелителем князей видьядхаров. Почему бы не овладеть ему сокровенными знаниями, открывающими к этому путь? Ради этого я и послан сюда богом Шамбху.

Повели мне отдать его — должен он научиться тому, что открывает дорогу к достижению власти над видьядхарами.

Есть у Сурьяпрабхи соперник, теперешний повелитель видьядхаров, по имени Шруташарман. Его сделал повелителем всех видьядхаров царь богов Индра. Овладев же знаниями, с нашей помощью одолеет его Сурьяпрабха и достигнет высокого положения властителя видьядхаров“.

Когда же Май кончил свою речь, так промолвил царь Чандрапрабха: „Счастлив я! Бери его, добродетельного, и веدي, куда считаешь нужным!“ И тогда Май, поклонившись царю и спросив у него позволения, увел Сурьяпрабху и всех его министров в Паталу, подземный мир, а там царевич и его министры благодаря усердию и терпению быстро усвоили науки, которым обучал их асур Май.

Май научил царевича и искусству создавать воздушные корабли — так обрел тот воздушный корабль, называвшийся „Бхутасана“, то есть „Волшебный трон“. А потом, когда овладеи науками Сурьяпрабха и его министры, взошел Май вместе с ними на этот корабль и привел его в столицу Чандрапрабхи. Доставив сына к отцу и матери, сказал Май Сурьяпрабхе: „Теперь ухожу я, а ты наслаждайся земными радостями, пока я снова не приду“. После этого распрощался Чандрапрабха с Маем, как положено, и ушел тот, а царь стал радоваться успеху сына в науках.

Сурьяпрабха же вместе с министрами забавы ради стал летать на воздушном корабле по разным странам. Куда бы ни прилетал он, повсюду царевны, только увидя его, влюблялись и хотели, чтобы он стал каждой супругом. И вот царевна Маданасена, дочь правившего в Тамралипти царя Вираххаты, красавица, равной которой не найти во всем мире, и царевна Чандрикавати, дочь конканского царя⁶ Субхаты, добродетелями одаренная, и Варунасена, царевна, дочь царя Кумбхиры, правившего в Канчипураме⁷, безупречная во всех своих членах, и наделенная волшебным взором царевна Сулочана, дочь царя Паурава, властителя Лаванаки⁸, и Видьютмала, тело которой сверкало, словно золотое, дочь царя Сурохи, правителя страны Чин⁹, и своей прелестью превзошедшая небесных дев Кантимати, дочь царя Кантисены, повелевавшего страной Шрикантха¹⁰, и сладкоречивая Парапушта, дочь царя Джанамеджаи из Каушамби, были увезены им без ведома их родителей, и хотя потом те и узнали, как это случилось, но, поскольку Сурьяпрабха обладал необычайной мудростью, они склонялись перед ним, как тростник под ударами ветра. А ца-

ревич, научивший и царевен волшебству, принимая благодаря своим магическим способностям разный телесный облик, развлекался одновременно с каждой из них и наслаждался странствиями в небесном пространстве, беседами, и пением, и пирушками вместе с Прахастой и другими своими министрами. Обладая чудесным искусством живописца, он рисовал жен видьядхаров, и сердил своих возлюбленных озорными намеками, и веселился, глядя, как гневно хмурились их брови и от ярости краснели глаза, а в словах, слетавших с дрожащих от обиды губ, звуки путали свои места.

Отправился царевич, витающий в небесах, со всеми своими женами в Тамралипти¹¹ и стал развлекаться в тамошних садах с Маданасеной. Оставив в этом городе всех супруг, отправился он на воздушном корабле, называвшемся „Бхутасана“, в сопровождении лишь одного Прахасты в город Ваджрасара и увидел там дочь царя Рамбхи по имени Таравали, палимую огнем любовной страсти, и похитил ее. Вернувшись же в Тамралипти, увлек он там царевну по имени Виласини, другую дочь Вираххаты. Когда же ее брат Сахасраюдха разгневался из-за этого, Сурьяпрабха своей магической силой обратил его в столб, а дяде его со стороны матери и всем тем, кто с ним пришел, желая отобрать Виласини, он обрил головы. Не убил Сурьяпрабха, хоть и был он разгневан, ни Сахасраюдху, ни его дядю, а, осмеяв и унизив, отпустил их, ибо они были родственниками супруги.

А затем по зову отца вернулся Сурьяпрабха, сопровождаемый девятью женами, на воздушном корабле в свой город Шакалу.

А потом случилось вот что. Послал из Тамралипти царь Вираххата посла к отцу Сурьяпрабхи, земли повелителю Чандрапрабхе, и передал через него: „Сыном твоим похищены у меня дочери, и стал после этого он, достойный и волшебством обладающий, им обоим мужем. Пусть это так и будет! Но если ты питаешь к нам уважение, сообрази сюда пожаловать, чтобы устроили мы как положено свадьбу и чтобы от этого укрепились наша дружба“.

Выслушал послание Чандрапрабха, угостил вестника и тотчас решил: „Хорошо, мы туда поедем!“ Но, посчитав, что туда ехать далеко, да и оттуда возвращаться не близко, решил сначала послать в Тамралипти, чтобы удостовериться в истинности намерений Вираххаты, министра Прахасту.

Немедля отправился туда Прахаста и встретился с Вирахатой — и принял его царь хорошо и с почетом. Сообщив ему, что Чандрапрабха с семьей и свитой собираются пожаловать, тотчас же Прахаста на воздушном корабле вернулся к Чандрапрабхе и, воздав хвалу царю, рассказал, что истинно Вирахата хочет того, о чем сообщил через посла. Был царь доволен министром сына и похвалил его. Чандрапрабха-повелитель с царицей Киртимати и Сурьяпрабха с царевнами Виласини и Маданасеной взяли с собой свиту и министров-советников, взошли на воздушный корабль „Бхутасана“ и на следующий день рано поутру отправились в путь. И в тот же день по истечении одной стражи долетели они до Тамралипти. Изумленно глядя на спускающийся с неба корабль, приветствовали их горожане. Их, сошедших с небес, встретил сам раджа Вирахата, и вместе с ним вошли они в город. Прекрасные улицы города были опрысканы благовонным сандалом, и на каждом шагу было столько кокетливых глаз горожанок, что улицы казались усыпанными голубыми лотосами. Там Вирахата с обоими — зятем и сватом — устроил по случаю выдачи дочерей замуж надлежащее жертвоприношение. Дал он в приданое тысячу вьюков чистого золота и сто верблюдов, навьюченных драгоценными камнями, жемчугами да украшениями, да пятьсот верблюдов еще, нагруженных разными нарядами да одеждами, да семь тысяч коней и пять тысяч слонов, да тысячу отборных служанок, сверкавших и красотою, и украшениями. Вот какое приданое дал царь дочерям!

Зятю Сурьяпрабхе и отцу его преподнес Вирахата в дар много камней драгоценных и разных вещей, а Прахасте и прочим министрам воздал почести, а всем жителям города устроил радостный праздник. Сурьяпрабха был на том празднике с отцом, с матерью, с возлюбленными своими, и отведал яств разных, и испробовал вин, и наслушался песен, и чем-чем только он еще не наслаждался!

Тем временем прибыл туда из Ваджраратры посол от царя Рамбхи и передал такое слово своего повелителя: „Недостойно поступил опьяненный силой своего волшебства царевич Сурьяпрабха, похитивший нашу дочь! Но нынче стало нам ведомо, что с царем Вирахатой, которому такое же оскорбление, что и нам, нанесено, он замирился. Если хочет он также замирился и с нами, то пусть поспешит сюда, а если нет — только смертью можно смыть это бесчестие!“

Выслушал его царь Чандрапрабха, наградил и так сказал министру Прахасте: „Ты собирайся в путь и передай царю Рамбхе от меня вот что: „Что ты мучаешься, Рамбха, из-за этого дела? Ведь Сурьяпрабхе Шива, повелитель горных воинств, предназначил стать верховным повелителем видьядхаров, а то, что твоя дочь, как и другие царевны, стала его супругой, определено мудрыми сиддхами. Похищена дочь твоя, но попала она на достойное место, а если не спросили тебя, так известно, что ты человек упрямый. Порадуйся! Ты нам друг, и мы к тебе прибудем!“

Выслушал от царя такие слова Прахаста и помчался по небу и всего лишь за одну стражу добрался до Ваджраратры. Там передал он слово царское Рамбхе, и тот хорошо его принял и сказал: „Так тому и быть!“ Быстро проделав обратный путь, Прахаста доложил об этом царю Чандрапрабхе. Тогда царь посылает из Шакалы другого министра — Прабхасу, чтобы проводил он дочь Рамбхи — Таравали к ее отцу, а потом и сам вместе с Сурьяпрабхой, провожаемый и напутствуемый царем Вирахатой и всеми прочими, летит туда на воздушном корабле. Когда же достигли они Ваджраратры, улицы которой были запружены народом, ожидавшим их прибытия, сам царь Рамбха вышел им навстречу и ввел их в столицу.

Устроил тут Рамбха славную свадьбу, и жертвоприношение, и праздник. А в приданое дал он дочери бесценно золота и жемчуга, слонов и коней, да и зятя своего Сурьяпрабху так одарил, что тот о своих богатствах и думать забыл. А пока они там в гостях у царя Рамбхи предавались веселью, прибыл туда посол из царства Канчи.

Выслушав его, царь Рамбха обратился к царю Чандрапрабхе: „Царь Кумбхира, правитель Канчи, мой старший брат, и его посол, прибывший ко мне, сказал, чтобы передать тебе вот что: „У меня Сурьяпрабха похитил дочь, так же как и у тебя, и узнал я, что ты с ним дружбу свел. Пусть и со мной он подружится. Пусть отец его и сам он ко мне домой придут, чтобы я дочь мою, Варунасенику, своей рукой отдал бы в жены Сурьяпрабхе“. Как просит он, так и следует сделать“ — так Рамбха сказал царю Чандрапрабхе, а тот на это согласился и тотчас же отправил министра Прахасту отвезти из Шакалы Варунасенику к ее отцу Кумбхире.

На другой же день на воздушном корабле Сурьяпрабха с отцом своим, Рамбхой и царем Вирахатой и со всеми им

сопутствующими прибыл в город Канчи. Встретил их сам Кумбхира, и вступили они в сверкающий золотом город Канчи, украшенный разнообразными драгоценными камнями и преисполненный бесчисленными добродетелями. По закону отдал царь Кумбхира свою дочь Сурьяпрабхе и щедро одарил молодых. Шел свадебный пир, и сказал Прахаста Чандрапрабхе, наевшемуся и в высшей степени довольному: „Когда пересекал я пределы Шриканты, встретился там с царем Кантисеной, и вот что он мне сказал: „Силой похитил Сурьяпрабха дочь мою Кантимати. Нужно вернуть ее домой, чтобы мог я устроить свадьбу, как положено. Если же нет, то так я дочь свою люблю, что покончу с собой!“ Вот что сказал он мне, и точно я все передал“. Кончил Прахаста свою речь, и повелел ему царь Чандрапрабха: „Ступай и тотчас отведи к нему Кантимати! Потом и мы туда отправимся!“ Не успел царь договорить, как помчался Прахаста небесной дорогой и сделал так, как было велено. Поутру же все с Чандрапрабхой и прочими, а также царем Кумбхирой на воздушном корабле по небесной дороге отправились в царство Шрикантха.

И там тоже царь Кантисена вышел им навстречу, и пригласил в свой дворец, и, устроив счастливый свадебный обряд, отдал он Кантимати в жены Сурьяпрабхе, и такие сокровища им подарил, что даже цари и то удивились. А пока они веселились и всякими яствами услаждались, пришел туда посол из Каушамби и такое провозгласил: „Повелитель Джанамеджая говорит: „Да станет ведомо, что не так давно дочь моя Парапуста похищена кем-то. Ныне проведаль я, что это дело рук Сурьяпрабхи. Так пусть же с нею вместе без страха явится он в наш дом — совершим свадебный обряд, как положено, и отправлю его вместе с супругой домой. Если же не сделаешь так, будешь ты моим врагом, а я твоим!“ Умолк посол, передав слово своего повелителя. Тогда властитель земли Чандрапрабха сказал при всех: „Как это мы пойдем во дворец к тому, кто такие заносчивые речи произносит?“ На это возразил его министр Сиддхартха: „Без сомнения, божественный, следует сделать так, как он желает. Царь этот щедрый, верен слову, мудрый, из хорошего рода, герой, совершил ашвамедху¹², и никто никогда его не побеждал. Разве не верно то, что он сказал? А что грозит он враждой, так то по воле Индры. Следует пойти к нему! СблагОВОЛИ послать кого-ни-

будь, чтобы узнать, что у него на сердце“. И все согласились со словами Сиддхартхи. Захотелось Чандрапрабхе узнать о Джанамеджае, и послал он к нему послом Прахасту, а посла Джанамеджаи вознаградил. Тотчас же поспешил Прахаста в Каушамби, и договорился он с тамошним повелителем и получил от него письмо, которое обрадовало Чандрапрабху. Затем царь отправил Прахасту в Шакалу, чтобы оттуда к царю Джанамеджае доставить его дочь Парапушту, а потом уже и со своими приближенными, и с Сурьяпрабхой, и с Кантисеной на воздушном корабле прибыл в Каушамби. А там вышел к ним навстречу царь Джанамеджая, и поклонился им, и отдал свою дочь, как положено по обычаю, и дал за ней в приданое пять тысяч слонов и сто тысяч отборных коней и еще пять тысяч верблюдов, навьюченных драгоценными камнями да золотыми украшениями, отменными одеждами, камфарой и алоэ, и устроил для народа великий праздник с музыкой и плясками, и почтил лучших из брахманов и всех пожаловавших к нему царей.

А тем временем небо пожелтело, словно предвещая, что скоро оно станет красным от крови, и вдруг все страны света — юг и север, запад и восток — наполнились шумом смятения, как бы от испуга при виде враждебной армии, движущейся в небесах, и тотчас же разбушевался, будто поднимая жителей земли на битву с небожителями, синий от ярости ветер. В тот же миг показались в небесном пространстве несметные полчища видьядхаров, озаряющие своим блеском весь круг земной, шумные и рвущиеся в битву.

С удивлением Сурьяпрабха и все прочие увидели среди этих полчищ юношу видьядхара небывалой красоты.

„Вот царевич Дамодара, сын царя Ашадхи¹³! Слава ему! Ты, пресмыкающееся смертное ничтожество, гнусный Сурьяпрабха! Пади к его стопам! Поклонись и ты, Джанамеджая! Кому ты отдал дочь свою? И ты его почти, иначе не будет тебе прощения!“ — так возвестил громким голосом с небес, стоя перед Дамодарой, вестник войска видьядхаров.

Выслушал эту речь Сурьяпрабха, окинул взором это воинство, схватил меч и щит и благодаря своей волшебной силе знания взвился в небо, а за ним и все министры, вооружившиеся к битве, — Прахаста, Прабхаса, Бхаса, Сиддхартха, Праджнадхья, Сарвадамана, Витабхити и Шубхашанкара, и началась у них с видьядхарами великая битва.

То Сурьяпрабха наступал, то Дамодара, и разили они мечами врагов и удары оружия вражеского отражали щитами. Людей было немного, а небожителей сотни тысяч, но обе стороны были достойны друг друга: и взвивались и падали клинки мечей, багровые от крови, на тела врагов, словно кроваво-красные взоры бога смерти. Видьядхары падали на землю к ногам Чандрапрабхи, как бы умоляя своими головами и телами о защите, а Сурьяпрабха блистательно сражался и для очей людских был роковой судьбой небожителей. И небо окрасилось кровью, словно там просыпали киноварь.

Вот схватился Сурьяпрабха в бою, действуя щитом и мечом, с самим Дамодарой, и, сделав ловкий выпад, разбил меч противника и рассек его щит. Поверг он врага на землю и уже готов был отсечь ему голову, как раздался с небес гневный вопль Вишну. Услыхал Сурьяпрабха этот крик, и узрел самого Хари, и из почтения к нему избавил Дамодару от неминуемой гибели. Того, кто поклонялся ему, избавленного от гибели, взял Вишну с собой и куда-то исчез — ведь бог верному покровительствует и на этом и на том свете. Исчезли вслед за побежденным Дамодарой и все его соратники, а Сурьяпрабха вернулся к отцу, и отец его Чандрапрабха, окруженный советниками, видя сына невредимым и будучи свидетелем показанного им мужества, возрадовался, и все прочие разделили его радость.

Пока все предавались радости и обсуждали случившееся, явился еще один посланец — от царя Субхаты — и вручил Чандрапрабхе грамоту, и министр Сиддхартха ее распечатал и прочел: „Повелителю земли Чандрапрабхе, драгоценной жемчужине высокого рода, с почтением сообщает раджа Субхата, владетель Конкана: кем-то насильно уведена в плен моя дочь. Но стало нам известно, что досталась она твоему сыну, и мы этому рады. И когда бы соизволил ты вместе с названным здесь сыном твоим, Сурьяпрабхой (не ищи каких-либо возражений!), пожаловать к нам во дворец, чтобы мы снова могли лицезреть нашу дочь, словно бы вернувшуюся с того света, и тогда бы мы рассудили, как устроить свадьбу ее!“ Когда же на этом закончил Сиддхартха читать послание, ответил согласием раджа Чандрапрабха: „Так тому и быть!“ — обрадовался и наградил посланца. Тотчас же повелел он Прахасте отправиться к западным пределам и проводить Чандрикавати, дочь правителя Конкана, к ее отцу. Когда же подыма-

лось солнце, то все они с Сурьяпрабхой на воздушном корабле отправились на запад, сопровождаемые Джанамеджаей. Там раджа Субхата, исполненный радости оттого, что вновь обрел дочь, устроил большой праздник по случаю выдачи ее замуж. И дал он за ней жемчугов и прочих драгоценностей столько, что Вирахата и все другие цари устыдились своих даров. Пока пребывал Сурьяпрабха в доме тестя, прибыл туда из Лаванаки вестник царя Пауравы и передал Чандрапрабхе такое послание от своего господина: „Похитил достойный Сурьяпрабха мою Сулочану, но это меня не огорчает. Но почему бы не привести ее в мой дом, так, чтобы мы как полагается сыграли бы свадьбу?“ Выслушал Чандрапрабха посла, наградил его, велел Прахасте доставить Сулочану к ее отцу. После этого Сурьяпрабха, сопровождаемый всеми, и Субхатой в том числе, на воздушном быстром как мысль корабле примчался в Лаванаку, а там щедрый царь Паурава устроил свадьбу Сурьяпрабхи с Сулочаной и осыпал их драгоценными камнями. А пока все там радовались и веселились, пожаловал к Чандрапрабхе вестник от Сурохи, повелителя страны Чин. И этот царь в своем послании просил, чтобы ему вернули дочь, и все пожаловали к нему в дом — нужно совершить свадебный обряд как положено. Обрадовался тому Чандрапрабха и велел Прахасте отправить ее домой. А на другой день Чандрапрабха с Сурьяпрабхой и всеми прочими отправился в страну Чин.

Прибыли они туда, и навстречу им вышел раджа. Ввел он их в свой дворец, и устроил свадебный обряд — выдал дочь свою Видьютмалу за Сурьяпрабху, и дал ей в приданое бесчисленно золота да камней драгоценных, могучих слонов да разных коней, одежд, шелка чинского и всего прочего.

После того как отпраздновали свадьбу, Чандрапрабха и все прочие по просьбе Сурохи в радостях и удовольствиях провели в стране много дней, а сколько тех дней было, того никто не знает. А Сурьяпрабха вместе с Видьютмалой, сверкавшей красотой, подобной грозовому небу, обрамленному венцом из молний, наслаждался юностью и богатством и всеми возможными радостями в доме тестя вместе со своими родичами и любимыми супругами. Потом, посоветовавшись с Сиддхартхой и другими министрами, отпустил одного за другим Вирахату и прочих царей с их конными дружинами по домам. Распрощался и Сурьяпрабха с царем Сурохой, а за-

тем вместе с Сулочаной, со своими родителями и со всей свитой и челядью взошел на воздушный корабль „Бхутасана“ и отправился небесной дорогой прямо в Шакалу. А здесь по случаю его возвращения радость была великая — где плясали, а где пели, где пили, а где кутили, где наряжались, а где в кружок собирались, чтобы послушать певцов о том, как добыты были желанные. Народ дивился красоте Сулочаны и других жен Сурьяпрабхи и тому, что за ними дано было родителями в приданое: бесконечному множеству слонов, коней и верблюдов, пригибающихся к земле под тяжестью выюков, полных самых разных драгоценностей. И все это было достигнуто Сурьяпрабхой, озаренным блеском грядущей победы над миром. И засверкала Шакала, украшенная многоудачливым Сурьяпрабхой, подобно небесному городу Индры, и городу повелителя богатств Куберы, и столице правителя мира подземного. Стал жить там Сурьяпрабха с Маданасеной, радуясь всем радостям, которых только мог пожелать, наслаждаясь богатствами Шакалы, вместе с отцом да матерью, да советниками и всеми супругами своими в ожидании обещанного прихода асура Мая.

ВОЛНА ВТОРАЯ

Однажды, когда Чандрапрабха и сын его Сурьяпрабха и все их министры сидели в зале совета и Сиддхартха случайно вспомнил о Мае, внезапно разверзлась земля посреди зала, и из недр земных раздался рев, и повеял благоуханный ветер, а вслед за этим явился великий асур Май. И был он подобен горной вершине во мраке ночи, а волосы на черной голове его казались целебными растениями, покрывающими склоны той вершины; алые одежды асура были подобны потокам киновари. Как должно поклонился ему Чандрапрабха и, усевшись на трон, украшенный драгоценностями, заговорил повелитель данавов ¹⁴: „Изведали вы поистине все земные радости, и теперь время пришло, когда следует подумать об иных подвигах. Надобно послать послов ко всем царям, с которыми вы

в родстве или в союзе. Потом мы встретимся с повелителем видьядхаров Сумеру. Затем мы одолеем Шруташармана и достигнем власти над всеми царствами видьядхаров, населяющих небесное пространство. Сумеру склонен породниться с нами, ибо так повелел ему бог, вооруженный луком¹⁵. „Должен ты защищать Сурьяпрабху и отдать ему в жены дочь свою!“ — так сказал он“.

Как повелел Май, послал Чандрапрабха ко всем правителям земли Прахасту и прочих министров, и помчались они небесными дорогами выполнять повеление своего господина. Сурьяпрабха же своим женам и тем министрам, которые оставались при нем, передал по совету Мая те волшебные знания, которых у них еще не было.

А пока они всем этим занимались, с небес сошел пророк Нарада¹⁶, сияние которого освещало все страны мира. Принял он угощение, вошел во дворец и обратился к Чандрапрабхе: „Послан я сюда Индрой, и вот что велел он тебе передать: „Ведомо стало мне, что ты, погрязший в невежестве, по наущению Шивы, с помощью асура Мая собираешься смертному Сурьяпрабхе добыть великий титул верховного повелителя всех видьядхаров. Это дело недостойное, ибо мною он пожалован Шруташарману, истинному светлому месяцу, восходящему из молочного океана благородного рода видьядхаров. И если ты, нарушив закон, против меня пойдешь, то, несомненно, поможешь своей гибели. Еще когда совершал ты жертву Шиве, велел я тебе прежде совершить ашвамедху, но ты этим пренебрег. Не будет тебе блага, если ты, пренебрегая другими богами, свои надежды возлагаешь только на буйного Шиву“.

Передал Нарада послание могучего Индры, а Май ему с насмешкой сказал: „Нехорошо, мудрец великий, сказал повелитель богов. Ведь то, что сказал он о смертной природе Сурьяпрабхи, бессмысленно. Что, неведомо ему разве о битве Сурьяпрабхи с Дамодарой? Смертные, вооруженные добродетелями, способны всего достигнуть. Разве Нахуша¹⁷ и другие не достигали некогда положения Индры? Да и не Индрой этот титул дается. А он что утверждает: „Мною власть над видьядхарами отдана Шруташарману“. А что, мол, она по наследству ему принадлежит, так это и вовсе глупо! Там, где Шива жалуется, как Индру-то это касается? Его-то самого трон должен был Хираньякше¹⁸ достаться, не так ли?

А уж то, что он говорит, будто мы ему противодействуем, так и вовсе ложь — он сам из-за упрямства, да из-за своей корысти противодействует нам. Что в том незаконного, если мы одолеем недруга?! Ведь не жену у пророка сводим, не брахманов истребляем! А что мы будто бы богов оскорбили, ашвамедху не совершив, то какая жертва может быть важнее, чем жертва Рудре, и кто из богов оказывается неуважен, когда жертва приносится Шиве: ведь только в нем все они сливаются воедино! И как это он говорит, что нехорошо поклоняться одному Шиве? Когда сам Шива собирается в поход, где там все прочие боги? Когда солнце восходит, какие еще светила светят? Вот теперь все, что сказано здесь, ты, пророк, передай повелителю богов. Что нам назначено, мы-то выполним, а уж он пусть поступает как знает!“

Вот так ответил асур Май, и сказал на это пророк Нарада „Ладно!“ и отправился с таким ответом к царю богов.

Ушел Нарада, и асур Май обратился к царю Чандрапрабхе, смущенному посланием Шакры: „Ни Индру, ни Шруташармана нисколько не следует бояться. Если, несправедливой ненавистью к нам ослепленные, подымут они толпы богов, то сам царь Прахлада на твою сторону станет во главе сонма дайтев и данавов. И если милостивый к нам Шива, трех городов разрушитель, будет с нами, то какая сила в трех мирах устоит против его мощи? Поэтому, мужи, выполним то, что задумано нами!“.

Кончил Май говорить, и все с радостью сказали: „Так тому и быть!“ И тут по слову, переданному через послов, один за другим Виравхата и другие цари, союзные и родственные, стали собираться в Шакалу с дружинами и войском, и там их радостно встречали.

Снова Май обратился к Чандрапрабхе: „Соверши сегодня ночью, повелитель, великую жертву Рудре, а потом ты сделай все так, как я тебе скажу“. Выслушал раджа Чандрапрабха асура Мая и тотчас же повелел все приготовить для жертвоприношения Рудре. И лишь опустилась ночь, Чандрапрабха, чтобы доказать верность свою Шиве, сам устроил жертву, как посоветовал ему Май. А когда царь стал подливать масло в огонь, внезапно предстал перед ним Нандин¹⁹, повелитель бхутов и ганов, и, умиловленный как положено царем, молвил, радостный, такое слово: „То, что я передам тебе, слово самого Шивы: „Милость моя с тобой, и тебе не надо

бояться даже ста Индр. Сурьяпрабха же твой, мчащийся в поднебесье, будет повелителем видьядхаров“. Передав это слово Шанкары и насладившись жертвой, повелитель Нандин со всеми ганами и бхутами тотчас же исчез, а раджа Чандрапрабха, уверившись в будущем сына и закончив жертву, вернулся с асуром Маем в свой город.

Поутру, когда у Чандрапрабхи в зале совета собрались все цари, царицы и Сурьяпрабха, обратился к царю Май: „Слушай, Чандрапрабха, раскрою я тебе тайну, давно хранимую. Ты — мой сын, могучий данава Сунитха, а Сурьяпрабха — твой младший брат Сумундика. Вы оба были убиты в битве с богами и снова родились, как отец и сын. Твое, данава, тело бережно я сохранил, умастив его бальзамом из целебных божественных трав. Через уединенную пещеру спустившись в Паталу, с помощью заклęcia, которое я тебе скажу, вернись в свое тело²⁰, а как войдешь ты в него, то снова обретешь сияние, мужество и силу безмерную и в битве будешь сражать видьядхаров. А Сурьяпрабха, воплощение Сумундики, станет их верховным повелителем“.

И на эти слова асура Мая радостно ответил Чандрапрабха: „Так тому и быть!“ Сиддхартха же спросил: „Просвети нас, лучший из данавов, как это можно в другое тело войти, коли это-то распалось на пять изначальных элементов? И узнает ли он нас — ведь он словно бы ушел в другой мир — что он и что мы?“

Ответил на это асур Май: „Войдет он в то тело благодаря заклчанию по своей воле. Вы сами туда ступайте, и все увидите своими глазами. И не забудем мы вас. Слушайте же, почему этого не случится. Тот, кто умирает против своей воли или из чрева рождается, не помнит ничего, ибо чувства его приглушены страданиями, мучениями, смертью и прочим. Тот же, кто волей своею покидает тело и входит с помощью заклęcia в другое, проникает и во внутренние органы и во все чувства, и дух его и ум остаются прежними, как будто он просто перешел из одного дома в другой и помнит все, как мудрый повелитель йогов. Поэтому не следует вам тревожиться — царь великий обретет божественное тело, не подверженное старости и болезням. И вы все — тоже данавы и, вступив в мир подземный и отведав сладостной амриты, также обретете божественные тела, не подверженные болезням“. На такую речь асура Мая все ответили: „Так тому и

быть!“ — и избавились от сомнений и согласились с ним. Как сказал Май, на следующий день Чандрапрабха со всеми собравшимися царями пошел туда, где сливаются Чандрабхага и Иравати²¹. Оставив там царей и с ними всех жен Сурьяпрабхи, вошел Чандрапрабха вместе с сыном в пещеру под водой, указанную Маем, вместе с царицей и всеми министрами с Сиддхартхой во главе, и, вступив туда, увидел после долгого пути прекрасный храм, и вошел в него вместе со всеми спутниками.

А в это время на царей, оставшихся у входа в пещеру, кинулись с небес видьядхары со всем своим воинством и, силой волшебной зачаровав всех, похитили жен Сурьяпрабхи. Но в тот же миг зазвучал в поднебесье голос: „О Шруташарман-злодей! Коли посмеешь ты тронуть жен повелителя, немедля гибель настигнет тебя и все твоё воинство. Береги их, как мать берегут, защищай. Поэтому я не убью тебя сейчас, как это мною решено, и не освобождаю их немедля. Есть тому причина. Пусть они в каком-нибудь другом месте побудут“. Прозвучало божественное слово, и внезапно все небожители исчезли. Когда же Вирахата и прочие цари увидели, что жены Сурьяпрабхи похищены, то в отчаянии от случившегося готовы были кинуться друг на друга и погибнуть, сражаясь друг с другом. Но их остановил голос с небес: „Ничего дурного не случится с вашими дочерьми, не спешите истребить друг друга, и будет вам благо!“ И остались они на том же месте, где и были, ожидая, что же будет.

Пока все это происходило на земле, в мире подземном асур Май обратился к Чандрапрабхе, окруженному его близкими, с такими словами: „Слушай, царь, внимательно. Сообщу я тебе теперь великое заветное, с помощью которого ты войдешь в другое тело“. После этих слов раскрыл он Чандрапрабхе тайны Санкхьи и Йоги²² и благодаря этому смог рассказать о способе, с помощью которого можно войти в другое тело, и кончил повелитель йогов такими словами: „Это и есть сиддхи²³, высшее благо, свободное знание и власть над материей и всеми ее восемью свойствами. Поэтому-то достигшие божественного чина боги и не желают мокши, освобождения от жизни, ради чего люди читают молитвы, совершают аскетические подвиги, подвергаются страданиям. Великие духом и мыслью не стремятся к небесному блаженству. Послушай, расскажу я тебе

о брахмане Кале, одолевшем время

Жил некогда в иной кальпе во времена давным-давно забытые великий подвижник, которого звали Кала. День и ночь читал он молитвы на берегу озера Пушкара²⁴, а пока он их читал, минуло ни много ни мало две сотни божественных лет, и каждый год равен был четыремстам тридцати двум тысячам человеческих лет. Стало тут от его головы исходить яростное сияние, словно от тьмы солнц, и это сияние остановило полет и движение сиддхов и видьядхаров и угрожало спалить все три мира.

„Возьми, брахман, все что пожелаешь. Остановись! Ведь уже пылают от твоего сияния все три мира“, — умоляли его Брахма, Индра и другие боги.

„Ничего мне не надо, — отвечал тот. — Единственная моя страсть — молитвы“. Стали боги уговаривать его остановиться, но ушел он на северные склоны Гималайских гор и продолжал читать молитвы. Когда нестерпимый жар его молений дал себя почувствовать и там, решил Индра послать к нему апсар, дев небесных, чтобы своими чарами они нарушили его подвижничество. Но упорный брахман обратил на них внимание не больше, чем на былинку, и тогда послали боги к нему самого бога Смертного Часа²⁵.

Пришел Смертный Час к брахману и говорит: „Послушай, брахман. Ведь смертные так долго не живут. Отдавай душу свою, не нарушай порядка природы“. Возразил ему Кала: „Коли срок моей жизни истек, то чего ж ты меня не забираешь? Чего ждешь? Знай, ты, у кого вместо руки смертная удавка, сам я со своей душой не расстанусь — ведь если по своей воле расстанусь с душой, значит, я — самоубийца“.

Не сумел убедить его Смертный Час, не смог увести брахмана из-за силы его упрямства, и ушел Смертный Час с тем, с чем пришел.

Тогда Индра, огорченный упорством брахмана Калы, одолевшего время, схватил его и утащил в жилище богов. Но и там никакими наслаждениями его соблазнить не могли, и он все продолжал безостановочно бормотать молитвы, и боги решили отпустить его, и он снова ушел на Гималаи. И там Индра и другие боги продолжали его уговаривать.

Так ли не так ли, а однажды шел той дорогой царь Икшваку²⁶. Узнал он, что да как, да и говорит подвижнику: „Коли ты от богов никакого дара не принимаешь, то возьми от меня!“ Усмехнулся в ответ на это подвижник и сказал царю: „От тридцати трех богов не принял я даров, какой дар ты можешь мне дать?!“

Сказал Икшваку брахману: „Раз уж я не могу тебе дать ничего, то хоть ты дай мне что-нибудь в дар!“ Ответил ему на это подвижник: „Выбирай что хочешь, пожалую тебе дар!“ Задумался царь: „Обычай-то ведь такой — я даю, а брахман принимает, а если я возьму то, что он мне пожалует, так это будет против обычая!“ А пока он так размышлял, случилось там проходить двум спорящим брахманам, и попросили они царя решить их спор по справедливости. Один из них сказал ему: „Дал мне этот брахман с уплатой за жертву еще и корову, а от меня ее в уплату почему-то не берет“. А другой на это возразил: „Нет у меня привычки брать обратно то, что раньше отдано мною в дар. Он дар принял, я же ее не просил отдавать. Зачем он навязывает ее силой?“

Выслушав обоих, сказал царь: „Не прав жалобщик! Если он принял корову в дар, зачем он дарителю ее навязывает?“ А пока Икшваку произносил это, Шакра, улучив момент, подсказал ему: „Коли ты, царь, сумел справедливо разобраться в этом деле, почему бы тебе не испросить у подвижника дар и не воспользоваться им?“

Тогда раджа, ничего на это не ответивший, обратился к подвижнику: „Пожалуй мне в дар, почтенный, половину плода твоих молитв!“ „Изволь,— отвечал ему Кала,— возьми половину плода моих молитв“. Такой дар пожаловал подвижник царю, и благодаря этому Икшваку смог двигаться по всем трем мирам, а праведник тот попал в мир богов Сашива²⁷.

Провел Кала в том мире много калып, а потом вернулся на землю, достигнув благодаря йоге совершенного знания и бессмертия. Так-то вот мудрые, стремящиеся к совершенному знанию, пренебрегают и раем и всеми прочими дарами. Ты нынче достиг совершенного знания и потому, о царь, вернись в свое тело“.

Очень обрадовался Чандрапрабха с супругой и сыном и министрами тому, что Май передал ему заветное. Повел их всех тогда Май еще глубже, и вошел царь в другой прекрасный дворец. И все они увидели там словно бы спящего бога-

тыря, лежащего на богато украшенном ложе, умщенного травами волшебными, и лик его был ужасно искажен, как будто от боли, и был он окружен дочерьми дайтев, лотосоподобные лица которых были исполнены печали. „Вот лежит твое прежнее тело, и окружают его твои прежние жены. Войди же в него“, — сказал Май Чандрапрабхе.

Тогда произнес Чандрапрабха сообщенное Майем заклание и, оставив человеческое тело, вошел в свое собственное. И вот потянулся богатырь, приоткрыл глаза, словно проснувшись, и поднялся с ложа. Радостно вскрикнули жены асура: „О счастье, очнулся супруг наш, божественный Сунитха!“ Сурьяпрабха же и все, кто был с ними, опечалились при виде бездыханного тела Чандрапрабхи. А Сунитха-Чандрапрабха, словно очнувшийся от сладкого сна, при виде Мая поклонился отцу в ноги. Обнял его нежно отец и спросил: „Помнишь ли ты, сын, оба свои рождения?“ А тот в ответ ему: „Помню я!“ И рассказал обо всем, что случилось с ним и в бытность Сунитхой и в бытность Чандрапрабхой.

Затем стал он утешать каждого, по имени называть жен своих из прежнего рождения, и Сурьяпрабху с министрами, и прежних жен своих из рода данавов. Прежнее же тело свое, связанное с двумя царствами — земным и подземным, велел сохранить: „Может, пригодится!“ А Сурьяпрабха и прочие, уверившись в том, что Сунитха — это и есть Чандрапрабха, поклонились ему.

Всем этим был асур Май доволен и повел всех из этого города в другой, украшенный золотом, и, когда они туда вошли, увидели чудесный пруд, полный сладостной амриты, и присели на его берегу. Отведали того сладостного питья из украшенных драгоценными камнями чаш, которые принесли жены Сунитхи. От того питья все они уснули, а проснувшись, почувствовали себя и смелыми и необычайно могучими, как будто обрели божественное тело.

Молвил асур Май Чандрапрабхе-Сунитхе: „Идем сынок, теперь встретишься после долгой разлуки с матерью“. И тогда, сказав: „Так тому и быть!“ — пошел Сунитха за отцом, а за ним Сурьяпрабха и все, бывшие с ним. Спустились они в четвертый подземный мир, и увидели они там множество красивых мест и города, выстроенные из различных металлов. Тут предстал наконец перед ними древний город, в котором все было выстроено из золота. Там на возвышении, украшен-

ном драгоценными камнями и бывшем совершенным воплощением великого богатства, увидели они супругу асура Мая и мать Сунитхи, которую звали Лилавати²⁸. Она была так прекрасна, что красотой своей унизила всех божественных дев. Вокруг нее стояли девушки из рода асуров, и сверкали на них украшения.

Взволновалась она при виде сына, поднялась, а Сунитха, приветствуя ее, пал ей в ноги. Обнимала мать сына, давно не виданного и не раз оплаканного, и благодарила супруга за то, что вернул он ей его. И сказал ей тогда Май: „Жена, а здесь ведь и Сумундика, другой твой сын, в ином рождении родившийся сыном твоего сына, и зовут его Сурьяпрабха. Предназначил ему Шива, сокрушитель городов, быть верховным властелином всех видьядхаров, и будет он им в том теле, какое у него сейчас есть“. При этих словах Сурьяпрабха, видя, с какой нежностью она на него смотрит, пал к ее стопам, и все его министры низко склонились перед ней. „Не нужно, тебе, сынок, тела Сумундики, ты и в этом облике прекрасен!“ — произнесла Лилавати, благословляя его. Радостно было обрести вновь обоих сыновей, но вспомнил Май о дочери своей Мандодари и о муже ее Вибхишане²⁹, и стоило ему только подумать о них, как предстали они перед его очами.

Вибхишана принял праздничное угощение и обратился к свекру своему, асуру Маю: „Коли уважаешь слово мое, повелитель данавов, то вот оно. Единственный ты среди данавов, кто живет по правде и честности, и не следует тебе поддаваться беспричинной ненависти к богам. От вражды с ними ничего ты не достигнешь, кроме гибели. Ведь множество асуров убито богами, а асурам с богами не совладать“. Отвечал на это Май: „Не мы ведь войной грозим, а Индра из упрямства к войне толкает. Скажи, разве можно это стерпеть? А что до асуров, сраженных богами, так те асуры были безумны, а те, кто были разумны, как Бали и прочие, — разве боги могли их убить?“

После такого ответа Мая повелитель ракшасов Вибхишана вместе с Мандодари вернулся к себе во дворец на Ланку.

И тогда повел Май Сурьяпрабху, и Сунитху, и всех прочих в третий подземный мир повидаться с Бали³⁰. В этом мире, еще более прекрасном, чем небесный, увидели они Бали, увенчанного короной, усыпанной жемчугами, окруженного дайтьями и данавами. И один за другим склонились перед

ним Сунитха и все другие, и он приветствовал их как положено. Обрадованный всем, что поведал ему Май, царь Бали велел тотчас призвать Прахладу и других данавов. Когда же пришли они, Сунитха и все прочие поклонились ему в ноги, а данавы порадовались их скромности.

Заговорил тогда Бали: „Вот Сунитха, бывший на земле Чандрапрабхой, обретший свое тело и оживший для нас, и вот воплощение Сумундики, Сурьяпрабха, которому Шарвой назначено стать повелителем видьядхаров. Благодаря жертвоприношению Чандрапрабхи узы, на которые обрекли меня боги³¹, ослабли и теперь, когда вернулись Сунитха и Сумундика, мы снова возвысимся!“ Выслушав такую речь Бали, промолвил Шукра, его наставник: „Только добродетельная жизнь, а не что-нибудь иное может помочь возвыситься. Поэтому мой совет тебе — живи по правде“. Прослушали это данавы, там собравшиеся, согласились с этим и за правило положили жить так.

Тут Бали по случаю возвращения Сунитхи устроил для собравшихся у него из всех семи подземных миров богатый пир. И когда они там пировали, снова явился мудрец Нарада, принял предложенное ему угощение и обратился к данавам с такими словами: „Послан я сюда Индрой самим, и вот что велел он вам передать: „Бесконечно рад я, что Сунитха снова обрел жизнь. Так пусть теперь не будет между нами беспричинной вражды, и не следует вам действовать против Шруташармана, которому я покровительствую“. Ответил на это Нараде, передавшему слово Индры, Прахлада: „Что нам в этой радости Индры по случаю возвращения Сунитхи к жизни? Ведь не мы питаем беспричинную вражду. Как раз сегодня мы все по совету нашего наставника обязались жить по правде. А что до того, что говорит он о своем покровительстве Шруташарману и силой действует против нас, что мы можем сказать? На стороне Сурьяпрабхи сам Шива, грозный бог над всеми богами, давно уже предназначивший ему быть повелителем видьядхаров. Раз так решено им, что мы сделать можем? А то, что Шакра говорит о беспричинной вражде, просто бессмысленно“. Закончил так свою речь один из царей данавов — Прахлада, а мудрец Нарада осудил Индру за такое поручение и незаметно исчез.

А после этого обратился Ушанас к царям данавов: „Видно, крепко зол на нас Индра за это. Но на нашей стороне сам

могучий Шива, великий бог! Разве можно сравнивать, что может сделать Шива и что — Вишну?“ Согласились данавы с этими словами и, расставшись с Прахладой и Бали, ушли восвояси. Потом, когда Прахлада удалился к себе в четвертый подземный мир, ушел к себе и царь Бали, а Май, Сунитха и все прочие с Сурьяпрабхой, поклонившись ему, тоже ушли к себе домой. Вместе они попили и поели, и сказала Сунитхе его родительница: „Знаешь ли ты, сынок, что среди всех твоих жен, дочерей могучих царей, самые прекрасные Теджасвати, дочь повелителя богатств, Мангалавати, дочь царя гандхарвов Тумбуру, и Киртимати, дочь Прабхавы Васу. Ты был на них женат, когда был Чандрапрабхой. Ты к ним троим должен, сынок, относиться по-равному“ — и с этими словами отдала она ему этих трех главных жен.

В ту же ночь Сунитха вошел в опочивальню со старшей женой Теджасвати, и там они предавались любовным утехам после долгой разлуки, и изведенные прежде радости казались им новыми. Сурьяпрабха же со своими министрами был в других покоях. И не было с ним ни одной из супругов. Раскинулся он на ложе, но сон не шел к нему, думая: „Ну зачем идти к тому, кто оставил возлюбленную за дверями опочивальни и не ведает любви?“ Гневный сон не шел и к Прахасте, которому ничего не было дороже раздумий о делах. Все прочие, кроме этих двоих, были охвачены сладким сном.

Но вдруг увидели Сурьяпрабха и Прахаста — или это только померещилось им, — как вошла в покои небывалой красоты девушка с подругой. Пока Сурьяпрабха раздумывал: „Кто бы это мог быть? Не иначе, сама судьба низвергла ее в Пatalу, царство подземное, чтобы не могла она затмевать небесных красавиц“, — она подходила ко всем его друзьям, объатым глубоким сном, всматривалась в каждого и, не найдя ни у кого из них нужных ей знаков, отходила. Тут заметила она лежащего посредине Сурьяпрабху и, видимо обнаружив у него те знаки, приблизилась к нему: „Вот он, подруженька! Коснись его стоп пальцами своими словно вода прохладными и разбуди его“, — велела она подруге.

Подруга ее так и сделала, и Сурьяпрабха, прикидывавшийся спящим, сделал вид, что проснулся и при виде девушек спросил: „Зачем сюда пришли, юные, и кто вы?“ На это подруга красавицы ответила так: „Слушай, божественный, есть во втором подземном мире³² могучий и всепобеждающий

царь, повелитель дайтьев, сын Хираньякши, по имени Амила. А эта девушка — его дочь, любимая им больше жизни. Случилось так, что вернулся сегодня ее отец от царя Бали и рассказал: „Видел я Сунитху, вернувшегося к жизни, и Сумундику, воплотившегося в Сурьяпрабху, которому Хара предназначил стать верховным повелителем видьядхаров. Хочется мне доставить Сунитхе радость и воздать ему почести, и поэтому решил я выдать Калавати за Сурьяпрабху. Не могу я выдать ее за Сунитху — ведь он принадлежит к той же готре³³, что и мы, а Сурьяпрабха, его сын, родился на земле, когда Сунитха был раджей Чандрапрабхой, не асуром. Поэтому если сыну его я честь воздам, и отцу в этом будет честь“. Выслушав такой рассказ отца, восхищенная твоими добродетелями, со мной, ее подругой, желая взглянуть на тебя, пришла сюда Калавати“.

Рассказывает все это подруга Калавати, а Сурьяпрабха, чтобы убедиться, что и правда таково ее желание, опять приворился уснувшим. Калавати подошла затем к дремлющему Прахасте, и подруга ее и ему точно так же все рассказала. После этого они обе ушли. Поднялся Прахаста и, приблизившись к Сурьяпрабхе, спросил его: „Ты спишь, божественный, или нет?“ А тот, приоткрыв глаза, ответил: „Не сплю я, друг. Сон почему-то бежит от меня сегодня! Но слушай, какую тайну я тебе расскажу — не должно ее от тебя скрывать. Вот только что видел я здесь девушку, равной которой во всех трех мирах не видывали. Явилась она сюда на одно мгновение, сердце мое похитила и исчезла. Поищем ее — где-то здесь поблизости она должна быть!“ Выслушав просьбу Сурьяпрабхи, вышел Прахаста из покоев искать ее, и нашел стоящей неподалеку вместе с подругой, и так ей сказал: „Я, чтобы тебе послужить, разбудил своего господина, а теперь ты сослужи мне: пойди еще раз взглянуть на него. Взгляни еще раз на красоту его, радующую твои глаза, и дай ему, очарованному тобой с первого взгляда, полюбоваться тобой. Когда он проснулся, то, — подлинно это я говорю, — сказал, что если не видать ему тебя, то и не жить! После этого и нашел я тебя. Покажись теперь ему!“ Так сказал ей Прахаста, и, когда она с сердцем, трепещущим от надежды, засмущавшись, не могла войти в опочивальню, Прахаста взял ее за руку и ввел к Сурьяпрабхе. Увидев Калавати, подошедшую к нему, Сурьяпрабха сказал: „Жестокая, что же ты пришла

сюда ко мне тайно, как вор, и похитила, пока я спал, мое сердце? Теперь не отпущу я тебя, похитительница, безнаказанной!“ При этих словах ее догадливая подруга сказала: „Знал, зная, ее отец об этом прежде, что послал эту похитительницу к тебе для наказания. Кто тебе в этом помешает?“ Когда же хотел ее Сурьяпрабха обнять, Калавати, застыдившись, вскрикнула: „Нет, нет, благородный, не надо. Ведь я девушка!“

Тогда стал Прахаста ее увещевать: „Не тревожься, красавица. Ведь из всех видов свадьбы у гандхарвов — самый лучший обычай!“ — и с теми словами вышел он прочь, и тогда Сурьяпрабха сделал Калавати своей женой, и с нею, красавицей из подземного мира, недостижимой для смертных, он вкусил необычайное, немыслимое счастье, и они сходились снова и снова, пока не настал конец ночи, и Калавати ушла к себе домой. А Сурьяпрабха пошел к Сунитхе и к Маю.

Встретились они и отправились все вместе к Прахладе, а тот их как должно приветствовал, попотчевал, и, когда сели они в зале совета, обратились к Маю с такими словами: „Снова Сунитха с нами, и это для нас праздник и следует нам сделать что-либо приятное — давайте сегодня все вместе попируем“. „И то, нет в этом ничего худого“, — ответствовал ему Май, и тогда Прахлада разослал гонцов, чтобы пригласить повелителей асуров.

Один за другим собрались повелители всех царств подземных, и первым был царь Бали, сопровождаемый сонмом могучих асуров, а вслед за ними пришли Амила и доблестный Дурароха, Сумая и Тантукачча, и Викатакша, и Пракампана, и Дхумакету, и Махамайя, и еще многие и многие повелители асуров, и каждого из них сопровождали тысячи вассалов. Они заполнили весь пандал³⁴, и обменивались приветствиями друг с другом, и расселись по чину, и Прахлада всех их чествовал. Когда ж наступил час трапезы, все они вместе с Маем и прочими, совершив омовение в Ганге, сошлись в просторный пандал, чтобы отведать угощения, а тот пандал был длиной в сто йоджан, а пол его выложен был золотом и жемчугом, и стояли в нем колонны, украшенные драгоценными камнями, и уставлен он был необычайно красивой посудой, украшенной жемчугами и самоцветами.

Тогда асуры с Прахладой, Сунитхой и Маем, с Сурьяпрабхой, со всеми его министрами стали наслаждаться самой раз-

нообразной пищей — всем, что можно было грызть, откусывать, лизать, — приготовленной на шесть вкусов, и запивать все это отличным вином. А когда они поели и попили, перешли они в другой пандал, убранный драгоценностями, и наслаждались превосходными танцами дочерей дайтьев и данавов.

Во время представления среди танцующих заметил Сурьяпрабха дочь Прахлады, Махаллику. Красотой своей девушка озаряла все страны света и услаждала все взоры — она подобна была луне, из любопытства проникшей в подземный мир. Танцуя, красотой своей озарила она все страны, была амритой для его глаз. На лбу у нее блистал тилак, на ногах звенели браслеты, а на лице сверкала улыбка, и, казалось, творец так и создал ее для танца. Развевались ее кудри, теснили друг друга округлые перси — словно творила она свой танец. Как предстала она перед Сурьяпрабхой, так и овладела безраздельно его сердцем, не желая допускать туда других женщин. Да и сама она, как только заметила его среди других повелителей асуров, подобного новому богу любви, созданному творцом вместо испепеленного Шивой, устремилась к нему сердцем и остановилась, словно искусство ее, разгневанное нескромностью, решило ее покинуть. Все, кто смотрел представление, заметили, какие чувства владели этими двумя, и решили остановить зрелище, говоря: „Царевна устала!“

Не в силах отвести очей от Сурьяпрабхи, попросила Махаллика отца отпустить ее и, поклонившись повелителям данавов, ушла к себе. Разошлись по домам и все зрители, а Сурьяпрабха на исходе дня удалился в свои покои. Когда же спустился вечер, снова Калавати пришла к нему, и остались они вместе, а все его спутники спали снаружи.

В это время Махаллика, сгорающая от желания увидеть его, пришла туда с двумя верными подругами. Но когда хотела она войти к Сурьяпрабхе, заметил ее Праджнядхья, один из министров Сурьяпрабхи, ибо сон к нему не шел. „Подожди, красавица, минутку, пока я войду, и, пока не выйду, ты не входи“, — сказал он ей. Встревожилась она: „Почему ты нас останавливаешь и почему вы спите снаружи?“ И на это возразил Праджнядхья: „Что это вдруг ты к нему, спящему, хочешь войти? Спит сегодня наш повелитель один — он дал такой обет“. „Так войди же“, — сказала встревоженная дочь

дайти Прахлады. Вошел Праджнядхья в опочивальню, и, увидев охваченную сном Калавати, разбудил Сурьяпрабху, и сказал ему, что по своей воле явилась сюда Махаллика. Очнулся Сурьяпрабха, и вышел из покоя, и увидел царевну с двумя спутницами. И сказал: „Честь нам оказана вашим приходом. Соболаговолите присесть на этом ложе“. Села Махаллика со своими спутницами, сел и Сурьяпрабха, и подле него сел Праджнядхья, а когда сели они все, заговорил царевич: „Стройная, хоть ты и не замечала меня, глядя на всех прочих, но, быстроглазая, глаза мои были счастливы видеть и твою красоту и твою пляску“. Ответила на это дочь Прахлады: „Не моя, благородный, в том вина, а того, кто меня здесь стыдит и кто заставил меня, осрамившуюся, сбежать с представления!“

Засмеялся Сурьяпрабха: „Одолела ты меня, одолела!“ — и взял в свою руку ее руку, которая задрожала и покрылась испариной как бы от испуга. „Пусти меня, достойный, — упрасивала его Махаллика, — ведь я в отцовской воле“. Обратился к ней тогда Праджнядхья: „Разве не участвуют девушки в свадьбах по обычаю гандхарвов? И если случится такое, так никому иному отец тебя не отдаст, а только вот этому царевичу окажет честь. Полно упрямиться! Не будет напрасной твоя встреча с царевичем!“

Пока шел у Махаллики и Праджнядхьи такой разговор, проснулась в опочивальне Калавати и, увидев, что Сурьяпрабхи нет на ложе, подождала немного, а затем, встревоженная и обеспокоенная, вышла наружу, а там увидела она своего милого с Махалликой, и разгневалась она, и застыдилась, и испугалась. Махаллика, ее увидев, тоже заробела и устыдилась, да и Сурьяпрабха тоже застыл неподвижно, как на стене нарисованный. „Все я теперь видела! Бежать бы! Стыдиться или сердиться?“ — думала Калавати и подошла к Махаллике.

„Здравствуй подруженька. С чего это ты сюда ночью явилась?“ — так она выговаривала Махаллике, а та ей на это: „Это-то мой дом, а вот ты сюда из другого царства подземного явилась, так что ты у меня нынче в гостях“. Расхохоталась при этих словах Калавати: „И то правда! Видно, ты всякому гостю, что ни пожелает сюда, доброе угощение устраиваешь!“

„Уж если тебе что с любовью говорю, так чего ж ты так яришься? Что ты, бесстыжая, болтаешь? Разве я похожа на

тебя? — набросилась на нее Махаллика. — Что, я, что ли, не выданная родителями, издалека явившаяся, на ложе у незнакомца сплю? Я-то только что с двумя подругами пришла посмотреть, хорошо ли отцову гостю. Когда министр, нас задержав, вошел в покой, сразу я догадалась, в чем там дело, а тут ты сама вошла, и все подтвердилось“.

После всего, что Махаллика наговорила, кинулась прочь Калавати, метнула гневный взгляд на своего любезного, а за ней и Махаллика пошла, сердито бросив Сурьяпрабхе: „Что ж, и я пойду теперь, многих красавиц обожатель!“ С тем и ушла!

Сурьяпрабха же остался без сердца, так как оно, всегда привязанное к тем, кого он полюбил, ушло с ними. Тотчас же он разбудил министра своего Прабхасу, велел разыскать, куда исчезла после ссоры Калавати, а о Махаллике разузнать велел Прахасте, а сам вместе с Праджнядхьей остался ожидать их возвращения. Вернулся Прабхаса, разузнав все о Калавати, и с нетерпением стал Сурьяпрабха расспрашивать его и вот что услышал: „Пошел я отсюда во второй мир подземный, и, став благодаря нашим волшебным знаниям незримым, проник в покой Калавати и подслушал, о чем болтали две служанки у ее дверей. Одна и говорит: „Что это, подружка, пригорюнилась Калавати?“ а другая-то ей в ответ: „Послушай, в чем причина. Живет нынче в четвертом царстве подземном воплощение Сумундики царевич Сурьяпрабха, красотой своей превзошедший Манматху, бога любви. Пошла она к нему-то и отдалась. Вот и сегодня ночью она вновь к нему отправилась на свидание. А туда к нему возьми да и приди дочь Прахлады Махаллика. Вот она, Калавати-то, крепко с той поругалась, да так, что и руки хотела на себя наложить. Хорошо, что сестра ее Сукхавати увидела да оберегла ее. Потом, домой-то когда пришла, упала на ложе и все там остается с сестрой, которая, выпросив у Калавати, что случилось, очень огорчилась“. Все это от служанок услышав, вышел я туда, в опочивальню, и увидел Калавати и Сукхавати, так похожих друг на друга, что и различить невозможно“.

А пока Прабхаса все это рассказывал Сурьяпрабхе с глазу на глаз, вернулся Прахаста и вот о чем сообщил: „Поспешил я отсюда во дворец Махаллики и видел, как она туда вошла с обеими подругами и была она в дурном настроении. И я туда незримо благодаря волшебству проник и нашел там двенадцать точь-в-точь на нее похожих девушек. Села она на ложе,

наилучшими самоцветами украшенное, и все девушки окружили ее. Обратилась к Махаллике одна из них: „Подружка милая, по какой-то причине или вовсе беспричинно ты сегодня кажешься мне опечаленной. Скоро свадьба твоя будет, а ты пригорюнилась“. На это с горечью возразила царевна, дочь Прахлады: „Уж какая там свадьба! За кого меня выдадут? Кто тебе это сказал?“ И тогда все разом заговорили: „Рано поутру отдадут тебя, подружка, в жены Сурьяпрабхе. А об этом нам рассказала родительница твоя, царица, когда тебя здесь не было, и велела нам все приготовить для свадебного обряда. Счастливица! Мужем твоим будет сам Сурьяпрабха, от красы которого все женщины сон потеряли. А для нас-то горе какое! Где теперь будешь ты и где мы? В замужестве-то ты о нас забудешь! Ты хоть и замужем будешь, но нас-то не забывай“. Слушала их, слушала Махаллика, да и сказала: „Да видели ли вы его? Пришелся он вам по сердцу, что ли?“ Сказали они ей на это: „Видели мы его с крыши дворца. Да у какой женщины он при этом не похитил сердце?!“ „Коли так,— ответила Махаллика,— скажу я батюшке, чтобы он вас всех за него выдал. И разлучаться нам не надо, и будем жить вместе“.

Обеспокоились девушки из-за таких слов Махаллики и заговорили: „Не делай этого, подружка, ведь стыдно нам будет!“ А она, дочь асура, так им сказала на это: „А что, разве недостойно выйти вам за него замуж? Разве только мне одной с ним жить? Все дайте и данавы отдадут ему своих дочерей, и еще немало других царевен он на земле нашел, на многих девушках из рода видьядхаров женился. Так что мне за беда, если он и на вас женится? Будем вместе жить счастливо и дружно, как подруги. Что за толк жить с соперницами, с которыми и слова-то не вымолвишь? И что вас всех стыд обуял, не пойму?“

А пока они все, привязанные сердцами к тебе, продолжали такой разговор, удалился я и поспешил к тебе“.

Выслушал Прахасту Сурьяпрабха, и до конца ночи не шел к нему сон.

Когда же наступило утро, он вместе с Сунитхой, Маем и министрами отправился повидаться с повелителем асуров Прахладой в его зал совета, а там Прахлада их ласково принял и сказал Сунитхе: „Отдаю я дочь свою Махаллику в жены Сурьяпрабхе. Любезен ты мне, а это знак моего гостеприим-

ства“. Обрадовали Сунитху такие слова Прахлады. А после этого возвел Прахлада Сурьяпрабху на алтарь, украшенный колоннами, усыпанными самоцветами, посередине которого пылал огонь, бесчисленно множившийся в каждом из камней, и отдал ему в жены дочь свою Махаллику торжественно и пышно, как и подобает достоинству и чести царства асуров. И дал он за ней в приданое подобные вершине горы Меру кучи ценнейших лалов, жемчугов и прочих драгоценностей, которые захватил он, одержав победу над богами. И тогда сказала ему Махаллика: „Отдай мне моих двенадцать милых подруг“. Ответил он ей на это: „Они, доченька, не мои, а брата моего, он их в плен брал, так что не годится мне их отдавать“.

Когда окончился день и окончены были свадебные торжества, вошел ночью Сурьяпрабха с Махалликой в опочивальню, и начался для них праздник страстной любви, полный всяческих любовных ласк и восторгов, и в этом прошла у них вся ночь.

Когда же блеснуло утро, в зале совета у Прахлады в присутствии всей его свиты и гостей Амила, верховный повелитель данавов, молвил: „Извольте пожаловать нынче все со всеми, кто с вами, в гости ко мне. Там буду чествовать я Сурьяпрабху, как гостя дорогого, и отдам ему в жены дочь мою Калавати, коли будет на это ваше доброе согласие“. И все ответили согласием и в тот же час отправились во второй подземный мир, а впереди шли Сурьяпрабха и Май.

Отдал Амила свою дочь в жены царевичу, успевшую саму себя отдать, и, совершив свадебный обряд, отвели в доме у Прахлады всяческих угощений, и провел этот день Сурьяпрабха в радостях да усадках.

Когда же наступил новый день, то царь асуров Дурароха также пригласил всех к себе в гости в пятое подземное царство и выдал там за Сурьяпрабху свою дочь, звавшуюся Кумудавати, и подобно другим в знак гостеприимства богато одарил Сурьяпрабху, а затем царевич вместе со всеми провел день в пиру да в радостях, а когда ночь сошла на землю, то удалился он с Кумудавати в спальный покой и провел ночь с ней, с красавицей, которой нет подобной в трех мирах, ласковой и нежной.

Снова засверкало утро, и тогда Тантукачча пригласил всех, кто был у Прахлады, пожаловать в его дворец, а стоял

тот дворец в седьмом подземном мире. Там повелитель асуров выдал за Сурьяпрабху Мановати, дочь свою, отменно наряженную и украшенную всяческими драгоценностями, сверкавшими словно червонное золото. И провёл там царевич день, преисполненный наслаждениями, а ночь отдал Мановати, и была эта ночь полна счастья от ее юных ласк.

Наступил новый день, и тогда позвал всех к себе в гости в шестой подземный мир Сумая, властитель асуров, и, когда пришли они к нему, отдал он за Сурьяпрабху свою дочь Субхадру, тело которой было черным, как лиана дурба, и казалась она женским воплощением бога любви. С ней, смуглянкой, полной любовной страсти, луннолицой, провел Сурьяпрабха тот день.

А когда миновал этот день и пришел ему на смену новый, царь Бали позвал всех к себе в третий подземный мир и там отдал замуж за царевича Сурьяпрабху свою дочь Сундари, подобную молодому побегу или цветущей мадхави³⁵, и с ней, жемчужиной среди женщин, провел Сурьяпрабха тоже день радостный, украшенный божественными наслаждениями.

И загорелся новый день, и тогда сам Май привел царевича в четвертое подземное царство, где стоял его дворец, украшенный разноцветными камнями, выстроенный с помощью его волшебного мастерства, и, так как все в нем переливалось и блестело, казалось, что дворец изменив, как богиня счастья Лакшми, — каждый миг он казался новым. Там отдал Май в жены Сурьяпрабхе свою дочь, имя которой было Сумая — красота ее была чудом мира и как бы воплощением волшебной силы ее отца. Хотя Сурьяпрабха родился среди людей, Май не посчитал, что он не может выдать ее за царевича, и Сурьяпрабха был с нею радостен и счастлив. После этого с помощью волшебного знания умножил он свое тело и стал жить со всеми этими дочерьми асуров, отданными ему в жены, а в подлинном облике оставался он только с самой любимой, с Махалликой, дочерью асура Прахлады.

Однажды ночью, беседуя с ней, благородной, спросил у нее Сурьяпрабха: „Помнишь, милая, тогда ночью с тобой пришли две подруги. Где они теперь? Почему никогда не вижу я их?“ „Хорошо ты сделал, что напомнил о них. Таких подруг у меня не две, а двенадцать. Их похитил с небес мой дядя. Одну из них зовут Амритапрабхой, а другую Кешини, и обе

они, украшенные счастливыми приметами, дочери мудреца Парваты. Третью зовут Калинди, четвертую — Бхадрака, а пятой имя Дарпакамала, и все они, прекрасноокие, дочери великого мудреца Девалы. Шестую назвали Саудамини, а седьмой было дано имя Уджвала, они обе дочери гандхарвы Хахи. Восьмая из них Пивара, дочь гандхарва Хуху³⁶, а девятой имя Анджаника, и она дочь могучего Калы, десятая же — Кешаравали, дочь ганы Пингалы, имя же одиннадцатой, приходящейся дочерью Камбале, Малини, а двенадцатой — Мандарамала, она дочь Васу. Родились все они от апсар, небесных дев, и все они были приведены в первое подземное царство. Когда же меня выдавали замуж, то просила я, чтобы тебе их отдали, чтобы никогда мы не расставались. Обещала я им это, так как я их люблю, но отец сказал мне, что не может отдать их, так как они принадлежат брату его, моему дяде“.

Выслушав это, несколько смущенный Сурьяпрабха сказал ей: „Ты очень великодушна, милая. Разве могу я на это пойти? Да и как это сделать?“ И только произнес эти слова Сурьяпрабха, как, гневная, ответила ему на это Махаллика:

„Конечно, ты можешь при мне миловаться с другими, а мои подруги тебе не угодны? Не могу я без них быть счастлива даже и одно мгновение“. Так она его упрекнула, но Сурьяпрабха обрадовался и согласился сделать так, как она хотела. Не медля ни минуты повела она супруга в первый подземный мир и отдала царевичу в жены всех двенадцать подруг. Сурьяпрабха по очереди женился на всех них, начиная с Амритапрабхи, и счастливо провел с ними ночь.

Когда же засверкало утро, то с позволения Махаллики велел он Прабхасе увести их в четвертый подземный мир и спрятать, и сам ходил туда, незримый, вместе с Махалликой.

Однажды пришел он к Прахладе в зал совета, и тогда повелитель асуров сказал ему, Сунитхе и Маю: „Следовало бы нам всем повидаться с царицами Дити и Дану“³⁷. Все согласились и немедленно отправились вон из подземного царства — впереди шли Май, Сунитха и Сурьяпрабха, а за ними по чину все прочие асуры. Взошли они все на воздушный корабль „Бхутасана“, представший перед ними, как только о нем помыслили, и полетели в обитель Кашьяпы, раскинувшуюся по отрогам горы Меру.

Об их приходе сообщили достойные мудрецы, жившие при Дити и Дану, и тогда по очереди стали асуры подходить

к ним и низко кланялись им в ноги, и на них благосклонно смотрели матери асуров, со слезами целовали их в головы и благославляли их.

А Маю они так сказали: „Радостно нашим очам видеть сына твоего, сыночка Сунитху, вернувшегося к жизни. И тебя мы рады видеть, добродетели которого принесли такой плод. И сердцу нашему радостно, что Сумундика воплотился в образе Сурьяпрабхи, обладающего божественной красотой и необычайными добродетелями, которому суждено великое будущее, о чем говорят и добродетели его и прочие добрые качества. Радость наша столь велика, что не может удержаться в пределах нашего тела. Подымитесь, сынки, и поспешите показаться благородному Праджапати — будет от этого вам успех во всех ваших делах, и слово его принесет вам благо“.

Так повелели асурам царицы, и отправились те к Кашьяпе, и увидели Май и все прочие великого мудреца, сидящего в божественном ашраме. Кашьяпа сверкал словно чистое золото в блистательной обители богов, рыжие волосы его, уложенные высокими жгутами, нестерпимо блестели. По очереди подходили асуры и все их спутники к Кашьяпе, и он, благословив их всех, довольный их посещением, посадил их и сказал: „Очень радостно мне видеть всех вас, сынки. Ты, не уклоняющийся от верного пути, достоин всяческой хвалы, Май, средоточие всех волшебных знаний. А ты, Сунитха, счастливiec, вновь обретший утраченную жизнь. Тебе же, добродетельный Сурьяпрабха, предназначено стать повелителем над всеми жителями поднебесья. Всем вам следует идти праведным путем и поступать как я вам скажу. Тогда достигнете вы наивысшего блаженства и полного счастья и никакой враг не сможет вас одолеть, как это случалось прежде. Ведь только из-за того, что уклонились вы с пути веры, оказались вы жертвой метательного диска Вишну, одержавшего победу над Мурой.

Те асуры, Сунитха, которые пали в сражении с богами, стали героями среди смертных. Вот брат твой Сумундика, который родился на земле Сурьяпрабхой. И прочие асуры, соратники твои, родились на земле в облике друзей Сурьяпрабхи. Великий асура Шамбара родился в облике Прахасты, министра Сурьяпрабхи, а асура Триширас стал министром Мая — Сиддхартхой; данава Витапи воплотился в министра Прад-

жнядхья, данава Улука теперь родился его другом Шубханкарой, а нынешний друг его Витабхити был врагом богов данавом Кала. Министр Сурьяпрабхи Бхаса был прежде дайтьем Вришапарвой, и Прабхаса — дайтьем Прабалой. Он был настолько великодушен, что тело свое, состоявшее из всяческих драгоценностей, по просьбе богов, бывших его врагами, раздробил на множество частей, и от этого появились в мире повсюду самоцветы да жемчуга, алмазы да лалы. Так была рада этому богиня Чандика, что благодаря ее милости обрел он новое тело и ныне воплотился в образе Прабхасы, могучего и неотразимого для его врагов. А те, прежде могучие данавы Сунд и Упасунд³⁸ родились в образе министров царевича Сарвадашаны и Бхаянкары, а асуры, которых прежде звали Хаягривой и Викатакшей, воплотились ныне в его министрах Стхирабуддхи и Махабуддхи, а другие стали тестями, свойственниками и министрами Сурьяпрабхи, и все они не раз одолевали Индру и прочих богов. Нынче сила ваша снова выросла, и, коли не уклонитесь вы с пути справедливости, достигните великого благополучия“.

А к середине дня, пока наставлял асуров Кашьяпа, пришли туда, ожидая жертвоприношения, дочери Дакши³⁹ во главе с Адити⁴⁰, и все они были женами Кашьяпы. И пока благословляли они Мая и прочих асуров и выполняли то, что поручил им на этот день супруг, прибыл туда повидать мудреца и сам Индра с локапалами⁴¹, стерегущими восемь стран света. Поклонился Индра мудрецу, поклонился его женам, и приветствовали его Май и прочие асуры. Обратился тогда Индра к Маю, гневно глядя на Сурьяпрабху: „Это-то и есть тот юнец, который собирается стать верховным повелителем видьядхаров? Что ж довольствуется он такой малостью? Почему бы не замахнуться ему на мой трон?“ Возразил ему на это Май: „Тебе, повелитель богов, верховный бог Шива назначил быть Индрой, а ему — повелевать теми, кто живет в поднебесье“.

Сердито рассмеялся Магхаван⁴² на эти слова Мая: „Наделенному столь счастливыми признаками трон повелителя видьядхаров — ничтожная награда“. Сказал на это Май: „Конечно, если этого трона достоин Шруташарман, тогда Сурьяпрабхе надлежит стать Индрой!“ Когда разозленный этими речами Мая поднялся Индра и замахнулся было ваджрой, мудрый Кашьяпа предостерегающе и сердито хмыкнул. И тогда покраснели лица от гнева у Дити и всех прочих, и

овладел ими гнев, и Индра, опасаясь подвергнуться проклятию великого мудреца, снова сел и опустил свое грозное оружие. И сидел понутив голову, а потом пал царь над богами к стопам мудрого Кашьяпы, отца богов и асуров, окруженного женами, и, молитвенно сложив руки, стал упрасивать его: „Господин мой, пожаловал я Шруташарману верховную власть над видьядхарами, а нынче вот этот Сурьяпрабха хочет у него ее похитить, а Май ему в этом всячески помогает“.

Сказал ему тогда Праджапати, с которым сидели Дити и Дану: „Тебе, Магхаван, любезен Шруташарман, а Шарве — Сурьяпрабха. Хотя и не хотел я этого, но Шива еще раньше повелел Маю, что ему надлежит делать. Что ж ты жалуешься на Мая? В чем его вина? Идет он дорогой справедливости, мудр, и знающ, и почтителен к наставникам, а тебя пламя моего гнева могло бы обратить в пепел. Разве не знаешь ты, что не можешь ему противодействовать?“

Так говорил мудрец в присутствии своих жен, а Индра стоял все это время, понутив голову от стыда и страха. И сказала тогда Адити: „Каков же Шруташарман? Следовало бы привести его да показать нам“. Тотчас же повелел Индра возничему своему Матали: „Немедля привести сюда Шруташармана, властителя видьядхаров“. Когда же перед глазами жен Кашьяпы предстали с поклонами Шруташарман и Сурьяпрабха, спросили те мудрого супруга, кто кого превосходит красотой да счастливыми признаками. И ответил им Кашьяпа: „Не сравниться Шруташарману даже с Прабхасой, министром Сурьяпрабхи, куда уж ему до самого Сурьяпрабхи? Наделен Сурьяпрабха божественными знаками красоты и счастья, благодаря которым, если бы он захотел, даже трон Индры не трудно было ему получить“. И все согласились с такой речью Кашьяпы. Тогда назначил мудрец награду Маю, и Индра слышал, как сказал он: „Потому, сынок, что даже, когда Индра взмахнул ваджрой, остался ты невозмутим, тело твое не будет подвергнуто ни старости, ни смерти. И будет оно крепко, как ваджра!“

Подобно тебе высокодобродетельные Сунитха и Сурьяпрабха, так похожие на тебя, вечно будут несразимыми для врагов. Мой сын Сувасакумара, как только вспомнишь ты о нем в несчастье или во мраке, он, подобный красотой серпу осеннего месяца, поспешит тебе на помощь“. Когда же кончил мудрый Кашьяпа говорить, его жены, пророки и хранители

мира щедро одарили Мая и всех, кто был с ним. Тогда сказала Адити, обратившись к Индре: „Оставь козни свои, Шакра, примиришь с Маем. Видел ты сегодня, как вознаграждается достойное поведение“. При этих словах Индра взял Мая за руки и восхвалил его, а Шруташарман в присутствии Сурьяпрабхи был подобен месяцу в сиянии дня. Поклонился затем Индра, повелитель над богами, мудрому Кашьяпе и ушел с чем и пришел, сопровождаемый хранителями мира, а вслед за ним, испросив позволения у лучшего из мудрецов, Май и все прочие асуры ушли из обители Кашьяпы, стремясь к успеху назначенного им дела.

ВОЛНА ТРЕТЬЯ

Удалились Май и Сунитха с Сурьяпрабхой из обители Кашьяпы, и добрались они вместе со своими спутниками снова до слияния Чандрабхаги и Айравати⁴³, где ожидали царевича его тести-цари, друзья и свойственники. Когда увидели они Сурьяпрабху, то так горько зарыдали, как будто готовились встретить смерть. Думая, что горе их объясняется тем, что не увидели они Чандрапрабху, Сурьяпрабха всем им поведал, что и как было, но когда и это не помогло и они продолжали заливаться слезами, спросил он о причине такого горя. И тогда-то они рассказали ему вот что: „Всех твоих жен похитил Шруташарман, и вот от этого неизмеримо наше горе — до того, что готовы мы распрощаться с нашими телами“. И поведали ему о том, что, когда это случилось, с небес раздался глас, воспрещающий им так поступить.

Твердое решение принял тогда Сурьяпрабха и поклялся так: „Даже если сам Брахма и все прочие боги станут его защищать, все равно примерно накажу я этого безродного, отменного мастера похищать обманом чужих жен“. Собрался он было, дав такую клятву, в поход, чтобы одолеть супостата, и назначил по совету звездочетов выступить на седьмой день. Узнав о его непреклонном решении сокрушить Шруташар-

мана и о том, что все уже для похода готово, сказал ему Май: „Раз уж ты воистину собрался в поход на Шруташармана, то вот что надобно тебе знать: это я волшебным образом похитил твоих жен и скрыл их в Патале, чтобы испытать тебя, готовы ли ты будешь к битве. Ведь огонь разъяряется, когда дует ветер. Пойдем опустимся в Паталу, и я покажу тебе твоих жен“.

При этих словах Мая все возрадовались и снова пошли через ту же пещеру, которой и прежде ходили, и спустились в четвертый подземный мир вслед за Маем. Когда же они добрались туда, вывел Май из какого-то дворца Маданасену и всех других жен Сурьяпрабхи и передал их мужу, а после этого посоветовал Май царевичу со всеми ними, включая и дочерей асуров, навестить Прахладу, и царевич пошел к нему.

Узнав от Мая, что пожаловал Кашьяпа Сурьяпрабхе, тот асура, желая узнать, насколько царевич готов к борьбе, притворно разгневался: „Слышал я, что ты, злодей, похитил двенадцать дев, которых мой брат пленил. Убью я тебя за это!“ Молвил на это Сурьяпрабха, несколько не изменившись в лице: „Тело мое в твоей власти! Накажи меня за мою неправедность“. Выслушав царевича, улыбнулся Прахлада: „Испытывал я тебя, нет в тебе и капли высокомерия. Порадовал ты меня и выбери себе награду“. Тогда попросил Сурьяпрабха себе в награду преданность и верность наставникам и Шиве. Всем этим обрадованный, отдал Прахлада в жены царевичу свою вторую дочь, звавшуюся Ямини, и отдал в помощь ему двух своих сыновей, и тогда отправился Сурьяпрабха вместе со всеми к Амиле. А тот, узнав о полученной царевичем награде, тоже выдал за него свою вторую дочь, звавшуюся Сукхавати, и двух своих сыновей отдал ему в помощники. Все повелители асуров воздавали ему почести и оказывали помощь, и провел Сурьяпрабха со всеми женами в Патале, мире подземном, многие дни. Узнал царевич, а вместе с ним Май и все прочие, что все его жены и три жены Сунитхи понесли под сердцем. И когда спросил он у жен, чего им хочется, все сказали одно и то же — хотят они видеть великую битву. Обрадовался этому асура Май: „Снова возродятся асуры, сраженные в битве богов и данавов,— об этом говорит их желание!“

Шесть дней миновало, а на седьмой все во главе с Сурьяпрабхой, сопровождаемые женами, покинули подземный мир, и по пути преодолевали они западни, расставляемые врагами, и в этом помогал асурам Сувасакумара, являвшийся вся-

кий раз, как только о нем вспоминали. А затем после помазания на царство над землей Ратнапрабхи, сына Чандрапрабхи, все взошли на воздушный корабль „Бхутасана“ и отправились по совету Мая в пределы повелителя видьядхаров Сумеру, в обитель, расположенную на восточном берегу Ганги. Там их всех, пришедших как друзей, приветствовал Сумеру, и Май рассказал ему обо всем, что до этого было, и вспомнил о прежнем повелении Шивы. Пока все они там оставались, каждый из них созвал свое войско, и друзей своих, и свойственников. И первыми явились сыновья тестей Сурьяпрабхи. Научились царевици от Мая всем волшебным знаниям. Всех их с Харибхатой и прочими было шестнадцать, и с каждым из них было по десять тысяч колесниц и по двадцать тысяч пеших воинов. А затем пришли зятья и шурины, свойственники и друзья, данавы Хриштароман, Махамая, Синхаданштра, Пракампана, Тантукачча, Дурароха, Сумая, Ваджрапанджара, Дхумакету, Праматхана, Викатакша, и многие даже пришли из самого нижнего седьмого царства подземного. У кого было по семьдесят тысяч колесниц, у кого по восемьдесят тысяч, а у кого по шестьдесят или тридцать тысяч, а у самого слабого было всего десять тысяч. А пеших воинов у одних было по триста тысяч, у других — двести тысяч, а у кого и по сто тысяч, а у самого слабого — не менее пятидесяти тысяч. И с каждым пришло неисчислимое множество слонов и коней; Май же и Сунитха привели самую большую силу. Собрали свои войска и Сумеру и другие вожди видьядхаров.

Когда же все собрались, то подумал Май о мудром Сува-сакумаре, и он тотчас же явился. И тогда Май, Сурьяпрабха и все прочие спросили у него: „Почитаемый, не обозреть нам эти разбросанные повсюду войска. Скажи нам, откуда мы могли бы увидеть их все сразу?“ А тот мудрый ответил на это так: „В одной йоджане отсюда есть место, которое называется Калапаграма, — оттуда сможете видеть все“. После этих слов все они с Сумеру пошли туда и увидели каждую армию и каждой армии асуров и царей назначили свое место.

Сказал тогда Сумеру: „Велика сила Шруташармана. Под ним сто и один царь, а у каждого царя по тридцать два князя, но кое-кого из них постараюсь я привлечь на нашу сторону. Завтра утром пойдем мы в место, которое зовется Вальмика, а утро завтрашнего дня будет восьмым утром темной поло-

вины месяца пхальгуна⁴⁴, и это особо благоприятное утро, ибо именно в этот день проявятся признаки повелителя над видьядхарами и обязательно в этот день соберутся в этом месте все видьядхары“. И, следуя словам Сумеру, весь тот день приводили они в порядок войска, а на заре двинулись все с пехотой и колесницами в Вальмику и там на южном склоне горы Снега увидели собравшихся повелителей видьядхаров с превеликими и громкошумными силами.

Видьядхары разводили жертвенные костры, и приносили жертвы, и бормотали заклинания. Затем и Сурьяпрабха разложил громадный костер, чтобы принести жертву богу огня, и благодаря волшебной силе, которой обладал царевич, огонь вспыхнул сам собой. При виде этого разгорелась радость Сумеру, а у видьядхаров распалилась ярость, и один из них сказал ему: „Тьфу на тебя, Сумеру! Унизил ты и бросил видьядхарское достоинство. Как это якшаешься ты с этим смертным, что зовется Сурьяпрабхой!“

Гневно дал ответ на эти слова Сумеру, а Сурьяпрабхе на его вопрос об имени этого грубияна ответил: „Есть такой видьядхар Бхима, и у его жены, с которой сошелся сам Брахма, родился вот этот. А раз он тайно от Брахмы был рожден, то и зовется он Брахмагуптой⁴⁵, то есть „Скрытый от Брахмы“. Потому-то и ведет он такие недостойные речи!“

А после того развел Сумеру свой костер, и вместе с ним Сурьяпрабха совершил жертву огню возлиянием масла, и, лишь вспыхнуло масло в огне, разверзлась земля и из ее расщелины внезапно показался громадный и преужасный змей. Кинулся заносчивый Брахмагупта, оскорбитель Сумеру, схватить того змея, да змей-то как изрыгнул из пасти своей зловонное дыхание, так Брахмагупту, будто сухой лист, отбросило на сто локтей. Бросился тогда на змея повелитель видьядхаров Теджапрабха, но и его постигла такая же участь. Душтадамана, видьядхарский царь, укротивший своих врагов, попытался справиться со змеем, но и он порывом вырывавшегося из пасти змея дыхания был сметен, словно опавший лист. Вызвался змея укротить повелитель несущихся в поднебесье Вирупашакти, но и его унесло, как былинку. Попытались было змея одолеть два видьядхарских вождя — Ангарака и Джримбхака, да и их унесло невесть куда. Все по очереди повелители видьядхаров пробовали справиться со змеем, но всех их его дыхание отбрасывало далеко, и, когда поды-

мались они, тела их были исцарапаны и поранены. Наконец, сам чванливый Шруташарман решил попытать счастья, но и его вырвавшееся из змеиной пасти дыхание отбросило далеко, а когда, поднявшись, снова кинулся он на змея, так его отнесло еще дальше. Когда же израненный Шруташарман поднялся с земли, Сумеру послал на змея Сурьяпрабху.

„Смотрите-ка, — хохотали видьядхары, — и этот смертный собирается управиться со змеем! Ох, и глупы же люди! Как обезьяны! Пытаются подражать тому, кто что-нибудь делает“.

Так буйно измывались вожди видьядхаров над Сурьяпрабхой, но он не обращал внимания на их насмешки — крепко сжав губы, пошел и вытащил змея из норы. В тот же миг обратился змей в колчан, полный стрел, на голову Сурьяпрабхи просыпался цветочный дождь, а с небес раздался голос, наставлявший царевича: „Возьми, царевич, этот неистощимый колчан — он залог твоего успеха. Так возьми его“. Пристыжены были видьядхары, а Сурьяпрабха взяла колчан, и от этого возрадовались Май, Сунитха и Сумеру.

Удалился Шруташарман и все его видьядхары с боевыми дружинами, но явился к Сурьяпрабхе посол от него и повел такую речь: „Повелевает тебе великий властитель Шруташарман, чтобы ты, если дорожишь своей жизнью, отдал этот колчан ему!“

Отвечал ему Сурьяпрабха: „Ступай, посол, скажи ему, что его собственное тело станет колчаном для моих стрел“. Выслушал эти слова, и понурил голову посол, и отправился к своему повелителю, и все смеялись над заносчивым посланием Шруташармана.

На радостях Сумеру обнял Сурьяпрабху: „Верно исполняется веление Шамбху, могучего Шивы. В этом сокровище среди колчанов залог твоей победы, и быть тебе верховным повелителем над видьядхарами. Теперь ступай и добудь себе лучший из луков и ни о чем не тревожься!“

Вняв совету, который дал ему Сумеру, Сурьяпрабха поспешил вслед за ним на гору Снежный Пик, на северном склоне которой лежит озеро Манаса — первая проба творца в создании океана. Колышутся на нем от порывов ветра золотистые лотосы, подобные лицам божественных дев, резвящихся в воде. Пока любовались красотой озера Сурьяпрабха и все пришедшие с ним, явился туда и Шруташарман со всей своей челядью. Тогда свершил Сурьяпрабха жертву маслом и лото-

сами, и в тот же миг поднялась из озера страшная туча, и охватила она все небо и пролила яростный ливень, и из середины тучи ударил в землю черный змей. И тогда Сумеру сказал Сурьяпрабхе слово, и царевич вскочил, схватил решительно змея, и обратился тот змей в его руках в лук. И только это случилось, как еще один змей ударил в землю, и видьядхары все до одного отпрянули, опасаясь яда и огня, изрыгаемого им, а Сурьяпрабха схватил его так же решительно, как и первого, и обратился второй змей в тетиву для лука, и тотчас же облако рассеялось. „Сурьяпрабха,— пророкотал голос с небес,— этот лук несравненной силы, Амитабала, залог твоего успеха, и тетива на нем такая, что никто перебить ее не может. Владей ими!“ После этих слов на Сурьяпрабху просыпался дождь из цветов, и царевич крепко сжимал в руке это сокровище среди луков с тетивой неперебиваемой. Удрученный всем этим Шруташарман со всеми спутниками удалился в места для подвижничества, а Сурьяпрабха, Май и все прочие крепко обрадовались.

Спросили они у Сумеру, откуда взялся такой лук, и вот что он поведал: „Есть здесь дремучий волшебный бамбуковый лес, и, когда срубают в нем стволы бамбука и бросают их в воды озера Манаса, обращаются они в могучие божественной силы луки. С давних времен владели этими луками до тебя, Сурьяпрабха, боги, асуры, гандхарвы и видьядхары и достигали успеха. Разные имена даются лукам, но те из них, которые достаются повелителям, зовутся Амитабала. В давние времена боги спрятали их в озеро. Только те, кто совершают добрые дела, пройдя через трудные испытания, могут добыть их, да еще кому самими богами предначертано стать повелителями видьядхаров. Вот сегодня и достался Сурьяпрабхе могучий лук, залог его успеха, и все его соратники добудут себе такие же,— раз эти герои сумели постигнуть волшебные знания, то и они достойны таких же луков“.

Выслушав рассказ Сумеру, все соратники Сурьяпрабхи во главе с Прабхасой пошли в тот бамбуковый лес и, одолев охранявшего его раджу Чандаданду, унесли много бамбуковых стволов и бросили их в озеро. Добродетельные, остались они на берегу озера, читали молитвы, и приносили жертвы, и на седьмой день получили могучие луки.

Когда же, раздобыв луки, рассказали они обо всем Сурьяпрабхе, пошел царевич в обитель, где жил тогда Сумеру, и

тот сказал ему: „Одолели твои друзья повелителя бамбукового леса Чандаданду! Но удивительно это — ведь он же непобедим! А непобедим он потому, что владеет волшебным знанием „мохини“, при помощи которого он может всякого околдовать. Видно, приберегает он это знание для главного своего врага — потому и не применил он его против твоих соратников. Только однажды можно его употребить, а не многократно. Случилось так, что попытался он испытать это знание на своем наставнике и тогда наложил наставник проклятие на это знание — только раз можно его использовать. Следует подумать об этом, ибо силу знания не преодолеешь. Но об этом следует спросить достойного Мая. Что могу сказать я, когда он здесь присутствует? Что свеча перед солнцем?“ Так сказал Сумеру Сурьяпрабхе. И тогда заговорил Май: „Верно молвил Сумеру. Слушай, расскажу я коротко, в чем дело. Из неразвитой материи возникают в этом мире различные энергии и силы. Силой дыхания производится звук и, обращаясь в придыхании сущностью знаний, становится высшей сущностью. Владение же высшей сущностью, достигнутое либо через постижение заклятий, либо подвижничеством по велению сиддха, либо по благоволению сиддхов, ничем не может быть отторгнуто. Ты, сынок, одолел все науки и стал мудрым сиддхом⁴⁶, но в двух науках ты еще не преуспел — „мохини“ и в „паривартини“. Знает их Яджнявалькья⁴⁷. Ступай и попроси его, чтобы он тебя им обучил“.

Отправился Сурьяпрабха к тому мудрецу, а тот заставил царевича семь дней провести в яме со змеями, а после этого еще три дня в огне, и те семь дней, проведенные со змеями, дали ему науку „мохини“, а три дня огненного испытания — науку „паривартини“. После того как был царевич наделен знанием этих двух наук, велел мудрец снова ему войти в огонь, и Сурьяпрабха сказал: „Так тому и быть!“ И сделал так. И в тот же миг он оказался обладателем воздушного корабля „Махападма“ — „Большой лотос“, который двигался в пространстве небесном, куда хочет хозяин. Было у „Махападмы“ сто и восемь крыльев и столько же покоев, и был он искусно украшен драгоценными камнями разного цвета и формы. Голос с неба раздался: „Достался тебе воздушный корабль верховного повелителя. В каждый покой ты помести по жене так, чтобы были они в безопасности от врагов“. Так возвестила ему Сарасвати.

Тогда обратился царевич к наставнику мудрому Яджнявалькье: „Скажи, мудрый, чем могу я тебя вознаградить?“ „Когда настанет время твоего помазания,— отвечал ему Яджнявалькья,— вспомни обо мне. А сейчас поспеши к своему войску“.

Поклонился тогда мудрецу царевич, и взошел на корабль, и полетел к своему войску, стоявшему в обители Сумеру, а там поведал обо всем, что случилось, Сунитхе и Сумеру, и Май и все прочие поздравили его с тем, что овладел он знаниями и воздушным кораблем. Вспомнил после этого Сумеру о Суvasакумаре, и тот явился и сказал Маю и всем прочим: „Получил Сурьяпрабха мудрость, волшебные знания и воздушный корабль. Что ж теперь стоите вы в нерешительности, не идете на врага, чтобы одолеть его?“

На этот совет почтенного ответил Май: „Но ведь прежде следовало бы послать посла и дать действовать слову и разуму“⁴⁸. Молвил в ответ на речь асура Мая сын мудреца: „Пусть будет так! Какой от этого вред? Почему бы не отправиться послом Прахасте? Он представитель, красноречив, знает всякие пути, время и уместность действия, обладает твердостью и терпением. Словом, ему присущи все качества, необходимые послу“. Уважили его слова, и снарядили Прахасту в посольство к Шруташарману, и дали послание для него.

Когда же ушел он, говорит Сурьяпрабха всем свойственникам: „Послушайте, какой дивный и любопытный сон я видел. Уже ночь была на исходе, как вижу я, что несет нас всех бурный поток и, хотя он нас уносит, мы все пляшем на нем, но не тонем. Потом противный ветер изменил направление потока, и в этот миг некий муж в ореоле сияющем схватил нас и бросил в огонь, но огонь нас не опалил. Потом появилась туча, заполнившая все страны света и источавшая кровь, и ночь тогда кончилась, а с нею — и мой сон“.

Суvasа тогда растолковал ему сон таким образом: „Вещает твой сон, что успеха достигнешь тяжким трудом; бурный поток — сражение, а то, что в нем не потонул, а танцевал,— знак доблести; ветер — есть у тебя мощный покровитель, а тот муж в сверкающем ореоле — то сам Шанкара. То, что в огне ты не сгорел, значит, что выйдешь из битвы невредимым. Туча же на все небо простирающаяся означает страх, а то, что из тучи выпал кровавый дождь,— того страха исчезно-

вание, а то, что все страны окрасились кровью, предвещает тебе великий успех.

Есть разные виды снов, и различаются они по смыслу на полные фантазии, правдивые и ложные. Те, что сразу сбываются, те зовутся иносказательными, а те, в которых содержится повеление благосклонного божества, зовутся правдивыми, те же, которые происходят от глубоких переживаний и семейных чувств, зовутся ложными. Живое существо с душой омраченной и отвращенной от внешних дел, охваченное сном, видит сновидение по тем или иным причинам. Сбудется сон или не сбудется, зависит от времени. Сны, которые приходят в конце ночи, приносят быстрые плоды⁴⁹. Выслушали от сына мудреца это объяснение и потому утешенные поднялись Сурьяпрабха и прочие и занялись делами дня.

А тем временем Прахаста вернулся от Шруташармана, и, когда спросили его Май и другие, рассказал он обо всем, как было. „Отправившись отсюда, быстро достиг я города Трикутапатака, словно из золота выстроенного, стоящего на вершине Трикуты⁵⁰. Вступив туда, был я представлен глашатаем и увидел Шруташармана, окруженного вождями видьядхаров, — стоял среди них отец его Трикутасена, богатыри Викрамашаки, Дхурандхара, Дамодара и прочие. Приблизившись, сказал я Шруташарману: „Послан я к тебе достойным Сурьяпрабхой, и вот что велел он тебе передать: „По милости Долгокосого⁵¹ обрел я знания волшебные, сокровища несметные, жен красы небывалой и верных союзников. Присоединяйся ко мне со своей дружиной и со всеми вождями надмчающимися в поднебесье. Я — сокрушитель всех противящихся, я — покровитель всех покорных. Стало нам ведомо, что похитил ты дочь Сунитхи, сокровище страсти, Камачудамани. Отпусти ее, ибо недостойное это дело“.

И только сказал я это, как закричали, вспыхнувшие гневом все, кто там был: „Кто он, тот, кто так заносчиво шлет нам повеления?! Пусть повелевает он смертными! Что он среди видьядхаров? Ничтожный человечиска, погубит его заносчивость!“ Наслушался я этого и сказал: „Оставьте крики свои — кто он да что он? Сам Хара предназначил ему быть над вами, видьядхарами, верховным повелителем. Хоть он и смертный, но и смертные достигают божественного состояния. Видьядхары ведь уже убедились в его доблести. Когда же сам он сюда явится, увидим мы, кому погибель станет делом“.

Тогда словно взбесились все, а Шруташарман и Дхурандхара бросились на меня, чтобы убить. Я же сказал им обоим: „Это-то и есть ваше геройство?“ Затем поднялся Дамодара и остановил обоих словами: „Остановитесь! Ведь он не только посол, но и брахман, и нельзя его убивать!“ Обратился ко мне тогда Викрамашакти с такой речью: „Ступай, о посол, к своему повелителю. Он, как и мы все, создан Ишварой. Пусть приходит он сюда, а уж мы посмотрим, сумеем ли мы гостя принять“. На эти его чванливые слова рассмеялся я, да и ответил ему: „Беззаботно гуси гогочут среди лотосов, пока не заметят, что небо затянуто тучами!“ С этими словами поднялся я и, с презрением уйдя оттуда, поспешил сюда. Май и все прочие выразили удовлетворение по поводу всего, что сообщил Прахаста.

Решив начать приготовления к войне, Сурьяпрабха и прочие согласились поставить начальником над войсками Прабхасу, яростного в битве, а тот день все провели в военных упражнениях, наставляемые Сувасакумарой, твердые в принятых решениях.

Когда же ночь настала и Сурьяпрабха лежал в опочивальне, не зная сна, увидел он, как вошла к нему в покой девушка красы необыкновенной. Она подошла к притворно спящему Сурьяпрабхе, лежавшему среди спавших министров, и сказала пришедшей с ней подруге: „Если, подружка, так велика красота его, когда он спит, то какова же она должна быть у него бодрствующего! Но не надо будить его. Удовлетворила я любопытство своих очей. Зачем мне еще больше привязываться к нему сердцем? Предстоит ему битва с Шруташарманом, и кто скажет, кому и что в ней грозит?! На празднике войны в жертву идут жизни героев. Так пусть сопутствует ему удача, а мы об этом узнаем потом. Он, странствующий в поднебесье, видел Камачудамани — разве могу я обрадовать его сердце?!“ На такие слова ответила ей подруга: „Зачем ты, подружка, так говоришь? Разве сердце твое не привязано к нему? Разве он, радостный, похитивший сердце Камачудамани, не может похитить сердце другой, будь она даже сама воплощенная Арундхати? И разве не известно тебе, что благодаря своему знанию он победу одержит? А как станет повелителем над видьядхарами, его женами, как мудрые говорят, станете вы Камачудамани и Супрабха, потому что все вы одной готры, одного роду-племени. Так как же может он быть

неудачлив в бою? Или речи мудрых лживы? И разве не способна ты завоевать сердце того, чье сердце пленено Супрабхой? Ты превосходишь ее своей безупречной красотой. А коли ты тревожишься по поводу своей родни, то знай, что для добродетельных женщин муж, а не родичи составляет достоинство“.

На такую речь подруги ответила лучшая из девушек: „Верно, ты, подруга, сказала. И что за дело мне до родни и свойственников? Ведомо мне, что ему, благородному, достанется победа благодаря его знаниям. Обрел он камни драгоценные, но тревожно сердцу моему, ибо нет у него трав целебных. А все те травы сокрыты в пещере глубокой, что на горе Чандрапада, и достанутся они только верховному повелителю, наделенному добродетелями. Вот если бы пошел он туда и взял бы эти целебные травы, было бы хорошо. Ведь завтра битва грянет великая“. И тогда при этих словах отбросил Сурьяпрабха сон притворный, вскочил и с почтением обратился к девушке: „Ты, милоглазая, показала, что на моей стороне стоишь, и готов я туда, на ту гору, пойти. Но откройся мне, кто ты?“

Выслушала девушка эти слова и устыдилась при мысли, что все-то он слышал, и тогда заговорила ее подружка: „Это дочь Сумеру, вождя видьядхаров, и зовут ее Виласини, и очень хотелось ей посмотреть на тебя“. А пока подружка так говорила, Виласини твердила ей: „Иди, уйдем отсюда!“ И они обе ушли.

Сурьяпрабха поспешил разбудить Прабхасу и всех других и все рассказал своим министрам о целебных травах, о которых услышал от Виласини. Послал он Прахасту сообщить об этом Сунитхе, Сумеру и Маю. И когда пришли они и согласились, то ночью же Сурьяпрабха с ними и с министрами отправился на гору Чандрапада. А пока шли они, то старались с дороги их увести якши, гухьяки и кумбханды⁵², вооруженные всяким оружием, но, кого оружием, кого обманом, а кого колдовством усмирив, добрались Сурьяпрабха и прочие с ним до горы Чандрапада. Но когда приблизились они к входу в пещеру, ганы, слуги Шивы, стали на их пути, принимая разные обличья и строя гримасы. И тогда молвил Сува-сакумара, обратившись к Сурьяпрабхе и всем, кто был с ним, с такими словами: „Не следует с ними драться и раздражать их. Лучше восхвалим Шиву, подателя благ, тысячью и восе-

мью его именами⁵³, и благодаря этому смилостивятся его ганы“. Все с этим согласились и сказали: „Так тому и быть“ — и стали славить Хару. И тогда, обрадованные хвалой их повелителю, закричали ганы: „Открыта вам дорога в пещеру, забирайте травы целебные. Но только пусть сам Сурьяпрабха не идет в пещеру, пусть войдет в нее Прабхаса — ему-то будет легче“.

Все согласились с советом ганов и сказали: „Пусть так и будет!“

И тогда приблизился Прабхаса к пещере и вступил в нее, и она, бывшая до того кладезем мрака, внезапно озарилась ливнем света, и точас поднялись четыре отвратительного обличья ракшаса, бывшие гам слугами, и склонились в поклоне перед ним, и сказали: „Войди!“ Вошел Прабхаса в пещеру и собрал семь божественных целебных трав, а выйдя оттуда, все их отдал Сурьяпрабхе. Тогда разнесся в поднебесье голос: „Великой силой целебной, царевич, обладают травы, доставшиеся тебе сегодня!“ Обрадовались этим словам и Сурьяпрабха и другие с ним пришедшие и поспешили к своему войску, остававшемуся в столице Сумеру. И тогда спросил Сунитха у Сувасакумары: „Скажи, мудрый, почему так случилось, что Сурьяпрабха был остановлен ганами, а войти было дано только Прабхасе? И почему только Прабхасу почтили слуги?“

И когда выслушал вопрос Сувасакумара и все приготовились услышать его ответ, он так сказал: „Внимайте, поведаю я вам об этом. Хотя Прабхаса для Сурьяпрабхи и наивысший благодетель, но нет между ними разницы, ибо Прабхаса для царевича второе „я“. Никто не сравнится с Прабхасой в геройстве и мужестве; эта пещера досталась ему в награду за добрые дела в прежнем рождении. А каким был он в прежнем рождении, про то я вам все расскажу.

Жил в давние времена превосходнейший из данавов, и имя ему было Намучи⁵⁴, и прославился он тем, что был щедр и храбр, и, даже когда злой недруг просил, он никогда не отказывал просящему. Когда в течение десяти тысяч лет дышал он только дымом, Брахма за такой подвиг пожаловал ему как награду неуязвимость и железным, и каменным, и деревянным оружием. Не раз он одолевал в бою самого Индру и обращал его в бегство и только по просьбе самого мудреца Кашьяпы замирился с богами.

Вот боги и асуры, утомившиеся от взаимной вражды и согласившиеся между собой, пошли к океану, хранящему в глубине своих вод сокровища, и стали взбаламучивать его горой Мандара. Из его недр Вишну и прочим богам достались такие сокровища, как лотосоподобная Лакшми, а Намучи достался конь Уччайшравас. Все другие боги и асуры получили каждый по сокровищу из добытых ими из океана, которые Брахма указал. Когда же в конце пахтания была извлечена сладостная амрита, то боги похитили ее, и из-за этого снова вспыхнула вражда между ними и асурами.

Вспыхнула тогда битва между ними, и, как только случилось, что асура падал, сраженный богами, тотчас же мчался к нему Уччайшравас, обнюхивал его, и тогда тот вставал живой и невредимый. Поняли тогда боги, что не одолеть им дайтев и данавов.

И сказал Брихаспати по секрету предводителю богов Индре, поверженному в отчаяние: „Есть у тебя только один способ помочь этому делу, и ты примени его немедленно. Пойди сам к Намучи и попроси его подарить тебе этого лучшего из коней. Хоть и враг он тебе, а не отдать коня не сможет — не может он разрушить славу своей щедрости, присущей ему от самого рождения“.

С таким наставлением учителя богов пошел великий Индра со всеми богами вместе к Намучи и попросил того отдать коня славного Уччайшраваса. Задумался щедрый Намучи: „Никогда не уходил от меня просящий, не получив желаемого, а ныне сам Индра явился. Не могу я не отдать ему коня — ведь я Намучи! Прославлен я издавна во всех мирах щедростью, и если угаснет эта слава, то что за радость мне в жизни?“

После таких размышлений отдал он Индре коня Уччайшраваса, хотя Шукра и пытался удержать его от этого шага.

И тогда Индра, сразивший Вритру, получив от Намучи коня, зная, что нельзя убить Намучи никаким оружием, сразил его пеной Ганги, которой одел свою ваджру — молнию. Увы! Пагубна жажда наслаждений, которая даже богов уводит на путь бесславия и позора!

Когда же узнала о гибели сына Дану, мать Намучи, то силой подвига смирила она скорбь свою и, чтобы утишить горе, твердо решила: „Пусть зачнется в моем чреве могучий Намучи и пусть будет он неодолим в бою с богами“.

И снова родила она славного асура, и тело его состояло из камней драгоценных, и звали его Прабала, то есть отменно сильный, ибо был наделен он несравненной силой. И совершал он многие подвиги и радовал просящих, даже если бы просили его жизнь, и сто раз Прабала, вождь данавов, одолевал в бою Индру.

Сговорились боги, пошли к нему и попросили: „Дай нам тело свое — нужно нам принести человека в жертву!“ Выслушал Прабала их просьбу и отдал богам тело свое, хотя были они его врагами, — благородные отдают просящим свою жизнь, но не обижают их.

И тогда боги раздробили тело данава Прабалы, но он снова родился среди людей в облике Прабхасы. Так же как прежде Намучи и Прабала, Прабхаса благодаря своей добродетели был неуязвим для врагов. Вот эта пещера, полная целебных трав, принадлежала Прабале, и именно поэтому так легко Прабхаса вошел в нее и слуги явили ему покорность. А под этой пещерой в Патале стоит дворец Прабалы, где живут его двенадцать главных жен, и все они в дивных украшениях да в нарядах, и хранятся там жемчуга да алмазы, и множество разнообразных орудий, и камень, исполняющий желания, и сто тысяч бойцов, да столько же боевых коней. И все это нынче Прабхасе принадлежит, все было собрано им в бытность Прабалой. Таков Прабхаса. И никто с ним не сравнится!“

Выслушали рассказ Сувасакумары Сурьяпрабха и все прочее и пошли вместе с Маем и Прабхасой к этой пещере, которая вела в Паталу ко дворцу Прабалы, чтобы драгоценные камни и все прочее забрать, и, войдя туда, Прабхаса забрал прежних своих жен, камень, исполняющий желания, и легконогих коней, и воинов-асуров. А все-все, что взял, он подарил Сурьяпрабхе, желая хоть чем-нибудь доставить ему удовольствие.

Затем Сурьяпрабха с Маем и Сунитхой, с Прабхасой и Сумеру и всеми другими, с царями и министрами поспешил вернуться к своему войску. Когда же пришли они в лагерь, разошлись вожди асуров и цари людей каждый в свой шатер и Сурьяпрабха растянулся на ложе из травы куша в думах о предстоящем сражении.

ВОЛНА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда наступило утро, Сурьяпрабха со своими дружинами выступил из пустыни Сумеру, чтобы разбить Шруташармана, и, достигнув горы Трикута, стоявшей неподалеку от лагеря врага, силой своей потеснил его воинство. Пока разбивался на том месте лагерь, к Сурьяпрабхе, совещавшемуся с Сумеру, Маем и другими вождями, прибыл посол от правителя Трикуты. Явившись перед ними, он сказал, обратившись к Сумеру, повелителю мчащихся в поднебесье: „Отец Шруташармана повелел передать тебе: „Далеко вы живете, и не было нам случая попотчевать вас как следует. Нынче вы пожаловали в наши края со многими гостями, так мы теперь устроим достойное вас угощение, окажем гостеприимство“. Послушал Сумеру послание врага да и ответил послу: „Отменно сказано! Не получить тебе лучших гостей, чем мы. Не на том свете плод гостеприимства созреет для тебя, а на этой земле! Что ж, вот мы здесь. Так принимайте гостей!“ С теми словами и ушел посол к своему господину.

Вот Сурьяпрабха со всеми прочими взошел на возвышенное место, желая осмотреть все дружины свои, поставленные каждая отдельно. И спросил тогда Сунитха отца своего, асура Мая: „Скажи нам, как стоят наши дружины, какое есть у них оружие и чем они могут биться?“ „Хорошо, — сказал всезнающий повелитель данавов, — сделаю я это!“ И стал рассказывать, показывая пальцем: „Вот стоят Субаху, Ниргхата, Муштика и Гохара, а также Праламба, Праматха, Канката, Пингала, Васудатта и прочие, каждому из которых на колеснице нужен помощник⁵⁵. Дальше видны Анкурин, Сувишала, Дандин, Бхушана, Сомила, Унматтака, Девишарман, Питришарман, Кумарака, Харидатта и прочие, которым на колеснице не нужен помощник. Пракампана, Дарпита, Кумбхира, Матрипалита, Махабхата, Сограбхата, Вирасвамин, Сурадхара, Бхандира, Синхадатта, Гунаварман, Китака, Бхима, Бхаянкара — всяк из них на колеснице стоит двоих. Дальше стоят Вирочана, Вирасена, Яджасена и Кхудджара, Индраварман, Шабарака, Крураварман, Нирасака — каждый из них стоит трех

бойцов. Вот Сушарман, Бахушали, Вишакха, Кродхана, Пра-
чанда, стоящие каждый четырех бойцов. А вот царевици
Джунджарин, Вираварман, Правиравара, Супратиджня, Мара-
рама, Чандадатта, Дханика и трое братьев Синхабхата, Вяг-
храбхата, Шатрубхата, и все они цари и царевици, способные
каждый сражаться за пятерых, а царевиц Уграварман так и за
шестерых. Вишакха, Сутанту, Сугама и Нарендрашарман мо-
гут биться за семерых. Вот царевиц Сахасраю с мощной бое-
вой колесницей, а вон и царь Шатаника стоят во главе своих
бесчисленных могучих и прочных колесниц. Здесь стоят
сверстники Сурьяпрабхи: Субхаса, Харша, Махабуддхи и
Ачалабуддхи, Приянкара и Шубханкара и предводители силь-
ных отрядов колесниц Яджняручи и Дхармаручи, а также
Вишваручи, Бхаса и Сиддхартха — министры Сурьяпрабхи,
командующие над многими множествами колесниц боевых,
Прахаства и Махартха, Праджнядхья и Стхирабуддхи. Вон
данава Сарвадамана и рядом с ним Праматхана, Дхумакету,
Правахана, Ваджрапанджара, Калачакра и Марудвега, не-
сравненные мастера боя на колесницах; Пракампана и Синха-
нада — умелые предводители сонмов колесниц; Махамая,
Камбалика, Калакампана и Хриштарома — четыре повели-
теля воинства асуров, и повелевают они над многими военачальниками, у каждого из которых под началом многие мно-
жества боевых колесниц. Вот стоят равный Сурьяпрабхе
Прабхаса во главе своего войска и сын Сумеру, достойный
Кунджаракумарака, и у них обоих под началом множество
тех, кто повелевает несметными множествами стремительных
боевых колесниц. Вот кто главная наша сила. А с ними стоят
и другие герои со своими воинами.

У врагов наших больше воинов, чем у нас, но не смогут
они нас одолеть — на нашей стороне сам Шива, великий бог“.

Пока говорил так Май Сунитхе, прибыл от отца Шрута-
шармана другой посол и возгласил: „Вот что повелитель Три-
куты сообщает вам. Битва — так зовется великий праздник
героев. Слишком тесно здесь, в этой долине, для такого празд-
ника. Идите отсюда в Калапаграму — там, на равнине, есть
где разгуляться“. Выслушали это Сунитха и все воины и, ска-
зав: „Пусть так и будет!“ — во главе с Сурьяпрабхой отпра-
вились к Калапаграме. Устремился туда и Шруташарман со
своими военачальниками, алчущими войны, и прибыли они
на поле боя, окруженные сонмами видьядхаров. Сурьяпрабха

и его соратники увидели в войске Шруташармана слонов и тотчас велели доставить воздушными кораблями целое слоновое войско. Тем временем Дамодара, лучший из видьядхаров, которого Шруташарман поставил командовать своими дружинами, все свое войско построил в боевой порядок „большая игла“. Стал на фланге Шруташарман с министрами, а впереди — Дамодара, а в других местах — другие воины. Прабхаса же, предводитель дружин Сурьяпрабхи, все свое воинство поставил в боевой порядок „полумесяц“. Сам он был в центре, а Кунджаракумарака и Прахаста — на остриях „полумесяца“, Сурьяпрабха же с Сунитхой и прочими стали за спинкой „полумесяца“, и рядом с ним стали Сумеру и Сувасакумарака. И тогда в обоих войсках зарокотали, заревели боевые барабаны и литавры.

А пока на земле происходило все это, на небе собирались боги посмотреть на эту битву. Пришли с Индрой локапалы, стражи стран света, и апсары. И пришел туда наивысший из богов и повелитель вселенной Шанкара и с ним вместе Парвати, и божества, и ганы, и бхуты⁵⁶, и восемь праматерей⁵⁷. Туда же пришел и повелитель Брахма в сопровождении Савитри и прочих с великими пророками и с воплощенными в телесную форму ведами и шастрами. Пожаловал туда и сам Вишну, которого сопровождали богини Лакшми, Кирти, Джая и прочие. Был он вооружен метательными дисками, и нес его на себе царь птиц Гаруда. Пришел и Кашьяпа с сорока своими женами, двенадцать Адитьев и восемь Васу, повелители якшей, ракшасов и нагов и асуры во главе с Прахладой и прочими. Когда же небо потемнело от множества зрителей, зазвенели мечи и засвистели стрелы и началась яростная сеча.

Густела пелена быстролетных стрел, словно тучами одела она все небо, и, когда сталкивались друг с другом стрелы, молниями сыпались от них искры, а по земле побежали бурные реки — потоки крови слонов и коней, сраженных оружием, — и уносимые ими тела павших героев плыли подобно крокодилам. И была та битва истинным праздником для демонов и оборотней, визжавших, и вопивших, и плескавшихся в кровавых реках.

Когда же были сражены бесчисленные воины и поутихла шумная битва и можно было уже отличить своих от чужих, стал Сумеру называть Сурьяпрабхе и прочим с ним имена бойцов противной стороны и рассказывать их родословные.

Но вот начался поединок царя Субаху с вождем видьядхаров по имени Аттахаса. Долго бились они — до тех пор, пока не пустил Аттахаса стрелу с серповидным наконечником и она не снесла Субаху голову. Заметив, что Субаху сражен, кинулся в бой яростный Муштика, но и его сразил Аттахаса, попав стрелой прямо в сердце. В гневе кинулся царь Праламба отплатить за гибель Муштики и осыпал Аттахасу дождем стрел, но тот, истребив дружину Праламбы, поразил царя в голову, и упал герой на свою колесницу. Бросился на смену Праламбе царь Мохана и обрушил на Аттахасу ливень оперенных стрел, но тот сначала рассек стрелой тетиву лука Моханы, затем свалил его колесничего и смертельным ударом покончил с самим царем.

При виде того, как Аттахаса сразил четырех бойцов, войско Шруташармана в предвкушении победы закричало от радости, но тут разъярился Харша, ровесник и друг Сурьяпрабхи, и с дружиной своей кинулся он на Аттахасу, и ливень стрел его воинов обратил вспять поток стрел воинов Аттахасы и сразил их. Свалил Харша колесничего Аттахасы, рассек лук с двойной тетивой и бунчук Аттахасы, а затем стрелами ссек он голову богатыря, и брызнула с колесницы на землю кровь. Когда пал Аттахаса, сияние воцарилось на поле боя и показалось, будто стало вдвое меньше враждующих сил. Поле битвы усеяно было телами слонов и коней, и только тела воинов, у которых отсекали головы, еще стояли, не успев упасть. Тогда предводитель видьядхаров Викритаданштра, охваченный гневом при виде гибели Аттахасы, осыпал Харшу стрелами, но Харша, отразив этот поток, свалил знаменосца и колесничего, искрошил коней и саму колесницу и снес Викритаданштре голову, украшенную серьгами.

Сложил свою голову Викритаданштра, и тогда кинулся на Харшу исполненный злобы Чакравала, вождь видьядхаров, и раздробил его лук, и сразил утомленного боем Харшу, когда у того не осталось оружия. Ярость обуяла царя Праматху, и бросился он на Чакравалу, но и его свалил Чакравала, а затем еще одного за другим положил на месте четырех старших царей — Канкату и Вишану, Прачанду и Анкури. При виде этого вскипела ярость у царя Ниргхаты, и помчался он в битву, и долго длился поединок Ниргхаты с Чакравалой, и уже были искрошены их колесницы, и обратились они оба в пешеходов, и в невиданной ярости, вооруженные каждый

мечами и метательными дисками, кидались друг на друга, пока не снесли друг другу мечами головы и не пали наземь. Горе охватило и то и другое войско при гибели этих двух богатырей, и вышел на поле битвы царь видьядхаров Калакампана. Налетело на Калакампану тогда пятеро богатырей — Джалика, Чандадатта, Гопака, Сомила и Питришарман. Одновременно пустили они свои стрелы в него, но всех пятерых Калакампана сначала лишил колесниц, а потом поразил каждого из них стрелой прямо в сердце, и от этого возликовали видьядхары, а людей и асуров охватила печаль.

Помчались на Калакампану тогда сразу четыре колесницы, а на них славные Унматха да Прашаста, Виламбака да Дхурандхара, но он их играючи сразил, так же как и шесть других — Теджику, Шику, Вегилу, Шакхилу, Бхадранкару и Дандина, доблестных воителей и все их дружины. И еще пятерых убил Калакампана — Бхилу, Бхишану, Кумбхиру, Викату и Вилочану.

Видя побоище, устроенное Калакампаной, ринулся на единоборство с ним царевич Сучана, и схватились они в бою, убили коней друг у друга и колесничих и оба сошли с колесниц. Бились они, пешие, на мечах, пока не удалось Калакампане сразить ловким ударом меча Сучану, и упал тот наземь. И тогда, словно подумав, что не одолеть людям видьядхаров, в горе зашло солнце. И не только поле битвы было красно от пролитой крови, но и небо на закате обагрилось кровью. Когда же демоны пустились в радостный пляс со скелетами и трупами, разошлись оба войска, каждое в свой стан. В войске-то Шруташармана за этот день недосчитались всего лишь троих героев, а в войске Сурьяпрабхи — тридцати трех. Глубоко удручен был Сурьяпрабха гибелью друзей, свойственников, героев и воинов, и не пошел он в эту ночь к своим женам. Провел он ту ночь без сна, обсуждая со своими министрами дела военные и готовясь к новому бою.

Его жены, горящие по погибшим родственникам, все в ту ночь сошлись в одном месте и стали утешать друг друга, и, хотя случай был печальный, они рассказывали истории и вели разные разговоры — ведь не может быть такого, чтобы женщины отказались от болтовни. И молвила одна из царевен: „Удивительно, как это благородный наш супруг спит сегодня без женщины“. Другая возразила ей: „Удручен он утратой многих своих героев. Как же в горе таком станет он раз-

влекаться с женами?“ Третья вступила: „Вот если бы новую красавицу он мог сейчас заполучить, забыл бы он про эту беду“. Тогда вмешалась в разговор и возразила ей четвертая: „Хотя он и великий охотник до женщин, но не стал бы себя так вести при таком-то несчастье“.

Вот так они спорили, и сказала с удивлением одна из них: „Расскажите, в чем причина, что наш благородный супруг такой охотник до женщин и почему, хотя у него уже много жен, он что ни ночь берет новую царевну и наслаждается с нею?“ Ответила на это одна проникательная женщина, имя которой было Мановати: „Слушайте, расскажу я вам, отчего у царей много возлюбленных. Различаются красавицы по добродетелям — по стране, откуда родом, и по красоте, по манерам, и по знаниям, и по иному другому, но ни одной красавицы нет, в которой сливались бы все добродетели. Женщины родом из Карнатака, из Латы, из Саураштры, из Мадхьядеша и из всякого другого края каждая чарует добродетелями и манерами, свойственными ее стране. У одних лица подобны полной осенней луне, у других — груди, словно золотые чаши, высоки и упруги, те прельщают бедрами, которые недаром зовутся ложем бога любви, иные — другими членами тела, создающими их красоту. Одни чаруют кожей золотисто-желтой, другие же темной, подобной коже плода приянгу⁵⁸, у тех — красноватого оттенка кожа, и все это по-своему радует взор. Одни радуют красотой расцветшей, другие — нежной юностью; одни — веселостью, другие — когда они в гневе; кто — плавной походкой, как у слонов, кто — поступью легкой, как у лебедя. Одна амритой щебета услаждает слух, другая прелестна, когда сдвинет брови. Одна очаровывает танцем, другая — сладостным пением, а третья — умением играть на вине и других музыкальных инструментах. Одна страсть показывает внешне, другая таит ее внутри, одна блещет изощренностью в любви, а другая сверкает простотой, понимает сердце мужа и достигает счастья. Сколько еще можно было бы говорить! Сколько женщин, столько и добродетелей, и у каждой свои, и нет во всех трех мирах женщины, которая обладает всеми совершенствами. Вот поэтому-то цари, стремясь изведать радость от различных совершенств, постоянно стремятся жениться на все новых красавицах, но на чужих жен благородный никогда не позарится. Так что нет в этом никакой вины нашего супруга, и нам нисколько не

надо ревновать его“. Высказала все это Мановати, и все жены Сурьяпрабхи во главе с Маданасеной одна за другой говорили так же. А потом, увлекшись разговором и забыв про всякие приличия, стали они друг другу рассказывать всяческие секреты о делах страсти. Уж когда соберутся женщины в кружок да увлекутся беседой, ничего не останется, чего бы они не выболтали. Но хоть долга была их беседа, но и она подошла к концу, как и ночь, исчезновения которой страстно ожидал Сурьяпрабха, мечтающий одержать победу над вражеским воинством.

ВОЛНА ПЯТАЯ

Настало утро, и сошлись на поле битвы Сурьяпрабха со своими приближенными и Шруташарман со своими и с ними их воинство. Снова собрались, чтобы посмотреть на битву, Индра, Брахма, Вишну и Рудра, боги и асуры, якши, наги⁵⁹ и гандхарвы.

Поставил Дамодара все воинство Шруташармана в боевой порядок „метательный диск“, а Прабхаса выстроил все дружины Сурьяпрабхи „боевой палицей“⁶⁰. И тогда вновь разгорелась битва между обеими силами, и до самого края света разносился рев барабанов и яростные боевые крики. „Наверно, расколят мой диск своим оружием герои“, — подумало в страхе Солнце и спряталось за плотной пеленой мечущихся в воздухе стрел. Невозможно было пробиться внутрь „метательного диска“, выстроенного Дамодарой, и никому из героев это не удалось. Но по велению Сурьяпрабхи ворвался в него Прабхаса. Сам Дамодара бросился закрыть прорыв, и Прабхаса один, без колесничего, бился с ним. Увидев, что в одиночестве бьется Прабхаса, послал Сурьяпрабха ему на подмогу еще пятнадцать бойцов на колесницах: Пракампану, Дхумакету, Калакампану, Махамаю, Марудвегу, Прахасту, Ваджрапанджару, Калачакру, Праматхану, Синханаду с Камбаликой, Викатакшу, Правахану и Кунджаракумараку и лучшего из царей асуров Прахриштаромана. Все они устре-

мились в прорыв. Показал Дамодара все свое мужество, когда бился один-одинешенек с теми пятнадцатью героями.

При виде этого сказал Индра мудрецу Нараде, стоявшему рядом: „Все, кто с Сурьяпрабхой, — воплощения асуров, а Шруташарман — плоть от плоти моей, и все видьядхары — кровная родня богам, так что идет сейчас схватка между богами и асурами. И смотри, мудрый Вишну всегда помогает богам — ведь бьется здесь Дамодара, плоть от плоти его“. Только сказал это Шакра, как кинулись на помощь Дамодаре, предводителю сил видьядхаров, на своих боевых колесницах четырнадцать славных бойцов: Брахмагупта, Ваюбала, Ямаданштра, Сурошана, Рошавароха, Атибала, Теджапрабха с Дхурандхарой, Куберадатта, Варунашарман, да Камбалика с героем Душтадаманой, да Дохана с Ароханой. Вот эти, с Дамодарой пятнадцать, бойцы налетели на витязей, посланных Сурьяпрабхой, ворвавшихся в чакравьюху, и остановили их. И начались тогда между ними поединки, скрестили мечи Дамодара с Пракампаной, Брахмагупта бился с Дхумакету, а Махамайя — с могучим Атибалой. Схватился с Теджапрабхой данава Калакампана, с Ваюбалой — великий асур Марудвега, с Ямаданштрой единоборствовал Ваджрапанджара, а с Сурошаной — лучший из асуров Калачакра. Бился Праматхана с Куберадаттой, а предводитель дайтьев Синханада — с Варунашарманом, схватился в бою Правахана с Душтадаманой, данава Прахриштароман с Рошаварохой, а Викатакша с Дхурандхарой, асур Камбалика с видьядхаром Камбаликой, Кунджаракумарака противостоял Арохане, а Прахаста — Дохане, которого звали также Махотпата.

Вот бьются они друг с другом уже не внутри, а вне „металлического диска“, и при виде этого сказал Сунитха Маю: „Увы, увы! Хоть и опытни наши бойцы и в использовании колесниц, и в обращении со всяким оружием, но смотри, не дали им соперники ворваться в свой стан. Только отчаянный Прабхаса сумел пробиться туда, но не знаем мы, что с ним и как он“. Возразил ему на эти слова Суvasакумарака: „Ни среди богов, ни среди асуров, ни среди людей нет равного Прабхасе. Разве сравнятся с ним видьядхары? Ты знаешь об этом. Откуда же такое неуместное сомнение?“ Пока выговаривал все это сын мудреца, видьядхар Калакампана вышел на бой с Прабхасой. Крикнул ему Прабхаса: „Эй, иди, Калакампана! Много ты навредил нам. Посмотрим теперь, какова твоя доб-

лесть!“ И с такими словами послал в него Прабхаса вереницу стрел, а Калакампана — в него. Бьются человек и видьядхар, ударом на удар отвечают и изумляют весь мир своим мужеством. Вот Прабхаса меткой стрелой срезает бунчук Калакампаны, а другой стрелой поражает его колесничего. Еще выпускает он четыре стрелы — и нет в колеснице Калакампаны всех четырех коней. Летают вестники смерти, и вот уже лук видьядхара разбит, отсечены у него сначала кисти, а потом и руки и срезаны оба уха, и, наконец, последняя отсекла ему голову. Вот так ловкость необычайную показал врагу Прабхаса, усиленную яростью из-за того, что Калакампана сразил столько героев. Так наказал его Прабхаса, и когда увидели люди и асуры поверженным предводителя видьядхаров, то закричали в ликовании, а видьядхаров охватила скорбь.

Разгневанный, кинулся на Прабхасу предводитель видьядхаров, правитель Кананджарагири, царь Видьютпрабха. В схватке с ним Прабхаса прежде всего срезал его бунчук, а затем разбил ему лук, и всякий раз, как Видьютпрабха брался за новый лук, Прабхаса разбивал и его. Тогда, прибегнув к своей волшебной силе, исчез Видьютпрабха в небе и стал оттуда в Прабхасу метать копья и стрелы, мечи и палицы. Все было напрасно, ибо Прабхаса отбивал любое оружие и, метнув светоносную палицу в небо⁶¹, высветил ею незримого недруга, а вслед за нею послал стрелу, полыхающую огнем, и, спаленный ее жаром, пал на землю бездыханный Видьютпрабха.

Обратился тогда Шруташарман к своим воинам: „Видите, сразил он двух славных бойцов, предводителей воинств. Разве можно это стерпеть?! Истребите его!“ И при этих словах восемь бойцов устремились на Прабхасу и окружили его, и одним из них был предводитель множества колесниц, живший на царственной горе Ванкатака, и звали его Урдхвароман. Другого звали Викрошана, и был он мастером в бою на колесницах, вождем над видьядхарами и правил скалой Дхаранидхара. Третьим был Индрамалин, и стоял его замок на горе Лила, и был он начальником над множеством колесниц и предводителем видьядхаров. Четвертого звали царь Какандака из гор Малайских, и немало колесниц было под его началом, и был он лучшим из видьядхаров. Пятого звали Дарпаваха, и властвовал он над горой Никата, шестого — Дхуртавьяяна, и владел он горой Анджана. Седьмой и восьмой

были видьядхарами, начальниками над множеством колесниц. Седьмой, колесницу которого влекли ослы, был царем с горы Кумуда, и звали его Варахасвамин; подобен ему был и восьмой, Медхавара, правивший горой Дундубхи.

Вот они восьмером пустили в Прабхасу стрелы, но тот все их отразил и сам по врагам ударил, и стрелы, посланные им, у кого коней убили, а у кого свалили колесничего, этому срезали бунчук, а у того разбили лук. Поразил Прабхаса сразу четырьмя стрелами в сердце Медхавару, и рухнул богатырь на грудь земли, ибо похищена у него была жизнь. Затем, сражаясь с другими, снес он стрелой „анджали“, острие которой подобно сложенным рукам, голову Урдхваромана, украшенную затейливой прической. И свалил Прабхаса шесть других богатырей, сначала лишив их коней и возничих, а затем сбросив с их плеч головы с помощью стрел, острие которых подобно полумесяцу. И тогда с неба пал на голову Прабхасы дождь из цветов, и воспрянули духом тогда вожди асуров и еще больше приуныли предводители видьядхаров.

Тогда послал Шруташарман еще четырех героев — все они искусные лучники: Качараку, владельца горы Куранда, Диндими, жителя горы Панчака, Вибхавасу, царя горы Джаяпура, Дхавалу, правителя горы Бхумитундика. Выпустили они четверо, лучшие из видьядхаров, повелители многих колесниц и воинов, каждый в Прабхасу сразу по пятьдесят стрел, но он, пренебрегая этим смертельным дождем, с ними справился по очереди: одной стрелой бунчук сбивает, другой — ломает герою лук, третьей — валит возничего, четверья — по одной на каждого — коней и еще одной — самому герою этому сносит голову. На каждого истратив восемь стрел, со всеми четырьмя расправляется Прабхаса и издает торжествующий вопль.

Еще четверых бойцов⁶² посылает Шруташарман против Прабхасы. Первый в этой четверке Бхадранкара, рожденный от Будхи в доме Вишнавасу, темно-лиловый, словно лотос; второй — Ниянтрака, зачатый богом войны, Бхаумой, и рожденный в доме Джамбхаки, блеском своим подобен огню; третий, зачатый Шанайшчаром, родился в роду Дамодары, и был он иссиня-черный с рыжими волосами, и звали его Калакопа; четвертого, сверкающего, как золото, звали Викрамашакти, и был он зачат Брихаспати, а рожден в роду Месяца. У троих из них под началом была тьма военачальников над

сонмами воинов и колесниц, а четвертый слыл доблестным бойцом, превосходящим их всех в мужестве. Стали они вчетвером с помощью всякого божественного оружия воевать Прабхасу. С помощью „Нараяновой палицы“ отбил Прабхаса их стрелы и дротики, раскрошил их луки один за другим на восемь частей, сразил их коней и колесничих и лишил их колесниц.

При виде этого напустил Шруташарман на Прабхасу еще десять богатырей, и каждый из них был вождем видьядхаров и начальствовал над тьмой начальников над множеством колесниц. Были среди них друг на друга похожие близнецы, родившиеся в роду царя Кетумалы, Дама и Нияма, и было там восемь друг на друга похожих сыновей Васу из рода Макаранды: Викрама, Санкрама, Паракрама, Акрама, Саммардана, Мардана, Прамардана и Вимардана. Как вышли они на поле, присоединились к ним четверо оставшихся без колесниц. Но бестрепетно встретил их натиск осыпaeмый вражескими стрелами Прабхаса.

Тогда Сурьяпрабха повелел, и выступили из боевого порядка с оружием в руках Кунджаракумара и Прахаста, и взвились в поднебесье, и помчались в бой белый и черный, словно возродившиеся вновь Баларама и Кришна. Эти два пеших воина сразили колесничих у Дамы и Ниямы и, разбив их луки, повергли их самих в смятение. С перепугу взлетели в небо Дама и Нияма, но Кунджаракумара и Прахаста последовали за ними с оружием в руках. Сурьяпрабха, заметив это, послал им на помощь своих министров Махабуддхи и Ачалабуддхи, чтобы они послужили Кунджаракумаре и Прахасте колесничими. Хоть Дама и Нияма стали благодаря их волшебному искусству незримыми, но Прахаста и Кунджаракумара с помощью мази, приготовленной сиддхами, сумели увидеть их и стали осыпать стрелами, и оба видьядхарских сына удрали без оглядки.

А в это время ведет Прабхаса бой с остальными двенадцатью, и всем им он перебил луки. Подоспел тут Прахаста и сразил всех их колесничих, а Кунджаракумара перебил им всех коней. И тогда, оставшись без колесниц, те двенадцать молодцов, в страхе, как бы не быть им убитыми тремя героями, бежали с поля боя.

Еще двоих видьядхаров шлет удрученный горем, обуянный гневом, охваченный стыдом Шруташарман — и оба они на-

чальники над несметным множеством начальников над колесницами — Чандрагупту, родившегося в роду повелителя горы Чандракула и красотой подобного Чандре, полному месяцу, и другого, своего министра — блистательного Нарангаму, рожденного в роду повелителя горы Дхурандхара. Оба они стали стрелять по Прабхасе и прочим, но в миг противники разбили их колесницы, и оба бежали с поля боя.

Возликовали люди и асуры, и тогда вышел на бой сам Шруташарман в сопровождении четырех доблестных богатырей, которых звали Махаутха, Арохана, Утпата и Ветрават, отцами которых были Тваштар, Бхага, Арьяман и Пушан, родившиеся в домах четырех видьядхарских царей, Читрапады и прочих, правивших на горах Малая. Славились эти герои мужеством.

С ними шел сам Шруташарман, слепой от бешеной злобы, и вшестером схватились они с Прабхасой и другими, и неба не стало видно от множества стрел, словно богиня боевой удачи натянула полог, чтобы избавиться от палящего солнца. Те видьядхары, кто был уже лишен колесниц и бежал из боя, снова бросились в схватку.

Видит Сурьяпрабха, что умножилась сила Шруташармана, и на помощь Прабхасе и его бойцам шлет многих воинов, опытных в бою на колесницах, друзей своих во главе с Праджнядхей и царевичей, среди которых старшими были Вирасена и Шатаника. Помчались они в поднебесье, а Сурьяпрабха им вслед посылает на воздушном корабле „Бхутасана“ еще многие колесницы. Мчатся лучники в бой на колесницах, и кинулись тогда все без исключения видьядхарские цари на помощь Шруташарману, схватились с Прабхасой и его бойцами, и началась битва, унесшая многих воинов. Немало искусных бойцов на колесницах и среди людей, и асуров, и среди видьядхаров полегло в противоборстве обеих армий. Сразил Вирасена Дхумралочану и его дружину; самого же Вирасену оставил без колесницы Харишарман. Поразил Абхиманью насмерть героя видьядхаров Хираньякшу, Сунетра убил Абхиманью и Харибхату, но покатилась голова Сунетры под ударами меча Прабхасы. Сразили в поединке друг друга Джваламали и Махаю. У Кумбхираки и Нирасаки были отсечены руки, но они продолжали драться зубами, и так же поступали Сушарман и Угравикрама. Навсегда уложил спать Шатрубхату, Вьягхрабхату и Синхабхату великий вождь видь-

ядхаров Правахана, но и сам погиб под ударами Сурохи и Вирохи, а их обоих прикончил в бою Синхабала, кладбищенский житель.

Десятерых божественных бойцов сразил царевич Шатаника: Синхабалу, которого возили духи, Капилаку, Читрапиду, вождя видьядхаров Джагатджвару и еще двух предводителей видьядхарских — Камагхану и Кродхапати, Баладеву и царя Вичитрапиду, героя Кантапати и могучего Суварну.

Видит Шруташарман, какой урон ему нанесен, скольких героев сразил Шатаника, и, кипя злобой, кинулся на него. Сошлись они, и до конца дня шла между их дружинами сеча, и много ратников сложило там головы.

Поединок между Шруташарманом и Шатаникой вызвал удивление даже у богов. Когда же спустился вечер, то сотни трупов вместе с духами вступили в хоровод, празднуя свое воссоединение.

День угас, и видьядхары, удрученные гибелью стольких воинов и горюющие по убитым родичам, и их противники, смертные и асуры, силой достигшие победы, остановили бой и разошлись по своим лагерям.

После этого Сумеру объявил Сурьяпрабхе, что пришли два вождя видьядхаров — главные над теми, кто управлял множествами колесниц.

Войдя и склонившись перед Сурьяпрабхой, объявили они, что ушли от Шруташармана и желают служить ему, Сурьяпрабхе.

„Имена наши Махаяна и Сумая, а третьим с нами был Синхабала. Правя великим кладбищем, достигли мы великой силы, и никто из других вождей видьядхаров не может одолеть нас.

Однажды, когда мы сидели, наслаждаясь счастьем в одном из углов кладбища, приблизилась к нам добродетельная йогини Шарабханана, наделенная великой божественной силой и благосклонная к нам. С поклоном спросили мы ее: „Где ты была, почтенная, и что ты там видела?“ И вот что рассказала она, божественный.

„Пошла я с другими йогини повидать моего повелителя бога Махакалу, и как раз когда я у него была, явился туда один из повелителей ветал-оборотней, встал перед ним и сказал: „О божественный, дочь Агника, предводителя наших

полчищ, убитого вождями видьядхаров, несравненную красавицу похищает некий Теджапрабха. Сиддхи предсказали, о повелитель, что она станет женой будущего верховного повелителя видьядхаров. Сделай милость, вели вызволить ее, пока не утащили ее далеко". Выслушал Махакала речь горестного ветапы и приказал нам: „Ступайте и освободите ее!“ И тотчас же помчались мы по воздуху, и, хотя Теджапрабха утверждал: „Уношу я ее, ибо предназначена она в жены истинному повелителю видьядхаров Шруташарману!“ — обратила я его своим волшебством в столб и, забрав девушку с собой, отдала ее нашему повелителю. А он вернул ее родным. Вот что видела я небывалое. Провела я там несколько дней и, распрощавшись с богом, пришла сюда“.

Когда же кончила она рассказ, вот о чем спросили мы Шарабханану: „Ты, конечно, все знаешь! Скажи нам, кто же будет верховным повелителем видьядхаров?“ Отвечает она, что, конечно, Сурьяпрабха станет им, но возразил ей Синхабала: „Неверно это! Разве не стоят все боги во главе с Индрой на стороне Шруташармана?“ Выслушала это благородная и так нам сказала: „Коли не верите, то слушайте! Разгорится вскоре война между Сурьяпрабхой и Шруташарманом, и будет на ваших глазах убит Синхабала человеком. Когда вы это увидите, то поймете, что я сказала правду“. С этими словами покинула нас йогини, и прошло с тех пор несколько дней, и действительно мы видели, как смертный сразил Синхабалу. Поняли мы из этого, что станешь ты действительно верховным повелителем над всеми видьядхарами. Поэтому и склоняемся мы оба к твоим лотосоподобным и царственным стопам“.

Выговорили они это, и Сурьяпрабха с Маем и прочими приняли их к себе и чествовали их, и безмерно были рады Махаяна и Сумая.

Крепко встревожился Шруташарман, когда дошла до него весть об этом, но совершитель ста жертв Индра через гандхарва Вишваवासу из любви к нему передал такое послание: „Будь стоек! Утром в начале боя я вместе со всеми богами помогу тебе“.

Сурьяпрабха же, у которого появилось удовлетворение при виде раздора в стане противника, предвидя поражение врага на поле боя, снова пренебрег своими супругами и вошел в опочивальню со своими министрами.

ВОЛНА ШЕСТАЯ

Ночью в опочивальне, без жены, всеми мыслями в завтрашней битве, сказал Сурьяпрабха министру своему Витабхити: „Не спи́тся мне, друг. Расскажи мне какую-нибудь необычную историю про добродетельного героя, чтобы ночь прошла поскорее“. Выслушал эту просьбу Сурьяпрабхи министр Витабхити и сказал: „Как повелишь!“ — и начал рассказ

о честном и добродетельном брахмане Гунашармане и коварной царице Ашокавати

Есть на этой земле город Удджайини, полный камней драгоценных чистейшей воды. Правил в нем когда-то прекрасный, как солнце и луна, царь Махасена, который был дорог всем добродетельным и служил единственной опорой наук. Была у него жена, царица Ашокавати, и так прекрасна она была, что во всех трех мирах нельзя было сыскать другой такой. И правил царь своим царством вместе с нею. Был у него и любимый министр — брахман Гунашарман, и был этот юный муж красив и сведущ во всех науках, и связанных с делами веры, и светских, и всегда служил царю знанием вед, оружия и искусств.

Однажды зашла в покое речь о танцевальных представлениях, и сказали царь с царицей Гунашарману, бывшему с ними: „Нет сомнений в том, что ты всеведущ. Но любопытно, нам, известно ли тебе искусство танца. Сделай милость, покажи, как ты умеешь танцевать“. Выслушал Гунашарман царя, улыбнулся и сказал царю и царице: „Знать-то я знаю, но негоже мне плясать в царских покоях. Глупый танец заслуживает осмеяния, да и шастры осуждают такое. Да и стыдно мне, царь, перед тобой и царицей плясать!“ „Чего стыдиться-то? — ответил царь на эти слова Гунашарману, подстрекаемый из

озорства царицей. — Не на площади, не на сцене, а в уединении, перед друзьями покажешь свое мастерство. Да и не царь я сейчас, а просто друг тебе. И так хочется мне посмотреть твою пляску, что если не увижу я ее, то сегодня и куска съесть не смогу“. Уступил брахман настойчивости царя и согласился плясать. Разве смеют слуги поступать вопреки воле упрямого царя?

И заплясал тогда юный Гунашарман, и словно в такт движениям его тела заплясали сердца царя и царицы. Кончил брахман плясать, и дает тут ему раджа вину и просит сыграть на ней. Но только пробежался по ее струнам Гунашарман, как говорит царю: „Не годится, божественный, эта вина. Вели дать мне другую. Видно, забрался в эту вину щенок, а знаю я это потому, что нет в струнах звона верного“. Сказал так брахман и снял с колен пятиструнную вину. Царь обрызгал вину водой, открыл и увидел в ней щенка. Очень Махасена-царь удивился всеведению Гунашармана и велел принести другую вину. Заиграл на ней, на три лада настроенной, Гунашарман и запел, и музыка для ушей царя была такой же сладостной, как журчание Ганги, текущей по трем мирам, ласкающая, как ветерок над ее волнами. Преодолен был раджа его музыкой и затем велел показать искусство во владении оружием. Молвил ему царь: „Коли ты знаешь искусство рукопашной борьбы, покажи мне, как безоружному справиться с вооруженным“. Ответил ему Гунашарман: „Возьми, божественный, в руки оружие и коли меня смело. Покажу я тебе, как это делается!“

Вот берет раджа в руки меч и всякое другое оружие, но всякий удар Гунашарман, словно играючи, отбивает. И любое оружие из рук выбивает у раджи и руки ему связывает, а сам даже царапины не получил. После всего этого лучшего из брахманов посчитал царь добрым помощником в делах государственных, восхвалял его и стал глубоко уважать.

А царица Ашокавати все любовалась — налюбоваться не могла красотой Гунашармана, пока не вспыхнула в сердце ее любовь. „Если я не завоюю его, что мне жизнь?!“ — подумала она и обратилась к радже с такими словами: „Сделай милость, благородный, вели Гунашарману, чтобы он научил меня играть на вине. Увидела я сегодня, как прекрасно его мастерство, и захотелось мне — сильнее, чем жить! — научиться играть на ней!“

Выслушав желание царицы, тотчас велел раджа Гунашарману: „Обучи ты эту царицу всем премудростям игры на вине!“ И ответил ему на это Гунашарман: „Как велишь, так и сделаю, начнем хоть завтра поутру“. И с этими словами ушел брахман домой. Видел он, какими глазами смотрела на него царица, и оттягивал начало обучения игре на вине.

Однажды присутствовал он при царской трапезе и при виде соуса, который был принесен неким поваром, закричал: „Не ешь, не ешь!“

„Что это?“ — спросил царь, а Гунашарман ему в ответ: „Увидел я по разным признакам, что в соусе этом — яд. И заметил я, что глаза у повара, когда подавал он этот соус, были полны страха и сомнения. И мы убедимся в этом, если дадим кому-нибудь этот соус. Потом я избавлю того от действия яда“. Сказал это Гунашарман, и царь велел скормить этот соус повару, и тот, лишь отведав соуса, упал замертво. А после этого, когда Гунашарман с помощью заклинания обезвредил яд, спросил царь повара: „Как же это ты?“ И тот рассказал: „Подослал меня к тебе, божественный, царь Викрамашакти, повелитель страны Гауда, из вражды к тебе, чтобы отравить. Я же, прикинувшийся чужестранцем, опытным в приготовлении пищи, был принят в твою поварню. Дал я сегодня тебе отравленный соус, а как меня уличил разумный, тебе, божественный, ведомо“.

Узнав обо всем этом, раджа наказал повара, а Гунашарману на радостях отдал тысячу деревень.

На другой день после настойчивых просьб царицы раджа заставил Гунашармана обучать ее игре на вине. Стал Гунашарман ее обучать, а Ашокавати все время занималась шутками и ласками. Вот однажды она, пораженная стрелой бога любви, осталась наедине с брахманом, и пощипывая его, упрямо противящегося, своими ноготками, молвила: „Под предлогом обучения на вине я заполучила тебя, прекрасный мой. Глубоко охвачена я страстью к тебе — возьми меня“. Отвечал ей на это Гунашарман: „Не следует тебе так говорить. Ведь ты супруга моего повелителя, не кто-нибудь. Людям, мне подобным, не следует вызывать гнева господина!“ Но возразила на это Гунашарману царица с досадой: „Как искусен ты в искусстве и науках и как бесплодна твоя красота! Как можешь ты быть так безразличен ко мне, готовой отдать за тебя жизнь!“ Рассмеялся на это Гунашарман: „Прекрасно ска-

зано! И вправду, какая польза от красоты и искусства того, кто не хочет овладеть супругой другого, не хочет запачкать свою честь, не хочет ни на этом ни на том свете попасть в адский океан“.

В гневе крикнула царица: „Пусть скорее возьмет меня смерть, коли ты не согласен! Пренебрегаемая тобой, велю я тебя казнить, и сама умру!“ Говорит ей в ответ Гунашарман: „Пусть будет так, как ты сказала! Лучше прожить миг по справедливости, чем жить несправедливо сотни миллиардов тысячелетий! По мне пусть смерть унесет меня, не совершившего греха, чем согрешившему мне править царством“.

Говорит ему на это царица: „Не предавай ни меня, ни себя, а послушай, что я тебе скажу. Не откажет мне раджа даже в невозможном. Так попрошу же я его, чтобы он пожаловал тебе удел. А потом сделаю я так, что все вассалы за тобой пойдут. И станешь ты тогда блистательным и добродетельным раджей. Чего же тебе бояться? Кто и как тебе повредит? Так обними же меня! Не избежать тебе этого!“

Так уговаривала его царица настойчиво, и сказал ей Гунашарман, желая отсрочить момент их слияния: „Коли ты так ко мне привязана, то будь по-твоему. Но из-за страха разоблачения, божественная, не следует сразу соединяться, подождем еще несколько дней. Знай, искренне я тебе говорю. Да и что за смысл мне тебе противодействовать? Разве только ради того, чтобы все загубить?!“

Обнадежив ее такими словами и получив от нее согласие, ушел оттуда, вздыхая, Гунашарман.

Миновало сколько-то дней, и Махасена окружил в крепости царя Сомаку, своего врага. Когда узнал об этом повелитель страны Гауда царь Викрамашакти, со своей армией окружил он Махасену. И как случилось это, спросил Гунашармана его повелитель: „Осадили мы одного недруга, а другой недруг нас окружил. Как же нам биться с двумя врагами, когда сил у нас недостаточно? И если не сражаться, то сколько времени мы продержимся против осаждающего? Что нам следует делать в таком трудном положении?“ На такой вопрос царя отвечал Гунашарман: „Мужайся, царь. Найду я способ, с помощью которого, божественный, выберемся мы из трудного положения“.

Успокоив так царя, обмазался он мазью, скрывающей от

взглядов, и ночью пробрался незамеченный в стан спящего Викрамашакти, разбудил его и произнес: „Знай, царь, что послан я к тебе богами. Ты заключи с Махасеной союз и быстро уводи отсюда войско. Иначе непременно погибнешь и ты, и войско твое. Пошли ты к Махасене своего посла, и согласится он с тобой на мировую. Так велено мне было сказать тебе самим великим Вишну. Ты ему предан, а он заботится о благополучии преданных ему“. Выслушав все это, Викрамашакти-царь стал размышлять: „Спору нет, это — вестник богов. Иначе как бы он сюда пробрался? Все под охраной, и смертному сюда не проникнуть. Да и не похож он на смертного“. Подумав так, ответил Викрамашакти: „Счастливы вы, тот, кому сам бог повелевает, и как велено, так я и сделаю“.

Получив от царя такое заверение, ушел Гунашарман от него незримым, поспешил к Махасене и все тому доложил, а тот обрадовался и обнял подателя жизни и хранителя царства. Когда же наступило утро, то послал Викрамашакти своего посла и заключил с Махасеной мир и ушел оттуда со своим войском. Махасена же благодаря велению Гунашармана одолел Сомаку, захватил множество слонов и коней и вернулся в Удджайини. Пока он оставался в столице, случилось как-то, что оберег Гунашарман царя во время купания в реке от крокодила, а другой раз, когда гулял царь в саду, от укуса змеи.

Вот проходит сколько-то дней, и Махасена усилил свое войско и пошел войной на Викрамашакти, а тот, об этом узнав, пошел ему навстречу, и была между ними жестокая битва. А в сражении остались оба они без колесниц, и начался у них, пеших, поединок. И когда ринулись они друг на друга, поскользнулся случайно Махасена-царь и упал на землю, и уже готов был нанести ему удар царь Викрамашакти, как Гунашарман метко бросил метательный диск и отсек кисть руки, державшую меч, и затем, бросив дротик, попал ему прямо в сердце и уложил его навечно. Встал Махасена, посмотрел на Гунашармана и молвил, радостный: „Что скажу я? Пятый раз ты даришь мне жизнь, мужественный брахман!“ После этого Махасена взял в плен войско убитого Викрамашакти, завладел его царством и с помощью Гунашармана, покорив других царей, вернулся в свою столицу и стал жить счастливо.

Царица Ашокавати по-прежнему жаждала ласк Гунашармана и ни днем ни ночью не прекращала своих домогательств.

Он же никак не соглашался на ее мольбы. Ведь добродетельные скорее расстанутся с жизнью, чем преступят закон! Поняла царица, что непоколебимо решение Гунашармана, и разгорелась у нее на него злоба. Однажды притворилась она плачущей от боли. Вошел в ее покой царь Махасена, увидел ее в слезах и спросил: „Что это случилось, милая? Кто это тебя обидел? Скажи мне, лишу я виновника и жизни и достатка!“ И сказавшему все это царю тотчас говорит Ашокавати: „Не можешь ты наказать того, кто меня обидел. Что ж тогда понапрасну об этом рассказывать?“ И затем сказала притворно: „Коли действительно ты меня сильно любишь, благородный, то слушай — все я тебе расскажу. А дело в том, что ради того, чтобы получить от повелителя страны Гауда деньги, этот обманщик Гунашарман вошел с ним в сговор и затеял тебя предать. Этот самый низкий из брахманов послал тайно своего посла, чтобы получить от царя страны Гауда деньги и прочее. Но, увидев этого посла, сказал повелителю верный повар: „Устрою я для тебя это дело. Не надо денег тратить“. И когда это было сказано, связали они посла Гунашармана и бросили его в темницу, а повар отправился сюда, заучив мантру, с тем чтобы дать тебе яд. Тем временем сумел посол Гунашармана выбраться из темницы, и бежал сюда, к нему, и поведал обо всем случившемся Гунашарману, и показал повара, пробравшегося в нашу кухню. Узнав про него, готового дать тебе яду, тебе Гунашарман доложил и убил его.

Сегодня пришли узнать о нем мать, жена и младший брат. Хитрый Гунашарман, узнав об этом, убил мать и жену, а брат спасся и волей случая попал в мой храм. Пока он все мне рассказывал и молил о защите, стал Гунашарман ломиться ко мне в дверь. Увидев его и услышав его имя, брат того повара со страху кинулся бежать, и куда он от меня убежал, того не ведаю. А Гунашарман при виде его, про которого ему рассказали слуги, вдруг изменился в лице. „Что это, Гунашарман, ты выглядишь сегодня не таким, как обычно?“ — спросила я его, когда слуги ушли. Он, опасаясь разоблачения и желая привлечь меня на свою сторону, сказал мне вот что: „Сжигает меня, царица, огонь любви к тебе. Владей мною, иначе я не буду жить. Спаси мне жизнь!“ С этими словами упал он к моим ногам. Когда же я подымалась, бессильная, силой он меня обнял, но как раз в этот миг вошла в мои покои служанка Паллавика, и при виде ее испугался Гу-

нашарман и убежал. Не вбежала бы Паллавика, надругался бы надо мной грешник. Вот что случилось сегодня со мной“.

Кончила царица врать и разревелась. Сначала-то ведь ложь родилась, а потом уж такие злодейки! Выслушал царь царицу и тотчас же страшно разгневался. Женские речи могут убить мудрость даже у самых мудрых! И молвил он супруге своей такие слова: „Успокойся, красавица! Обязательно казнь я его, предателя! Но следует найти способ, которым его убить. Иначе позор падет на нашу голову. Ведь известно, что он пять раз спасал мне жизнь. И не следует разглашать среди людей не совершенный тобою грех“. Царица возразила на эти слова супруга: „Коли об этой вине сказать нельзя, то почему бы не объявить о том, что он в сговоре с правителем готовился предать тебя?“ И, сказав ей на это в ответ: „Ладно!“ — царь ушел в залу совета. А туда на прием к царю все собрались — цари и царевичи, вассалы и министры.

Вот и Гунашарман из дома вышел и направился в царский дворец, и, пока шел, заметил он много недобрых примет: с левой сторона ворона взлетела, слева направо собака перебежала, справа налево змея переползла, а левую руку в плече начало ломить. „Недоброе предвещают мне, видно, эти приметы. Будь со мной что будет, лишь бы царю было добро! — подумал он про себя и вошел в царские палаты.— Ничего царскому дому не приключится!“ Когда же вошел он и поклонился, то не ответил ему царь, как прежде, и посмотрел на него искоса и взор его был полон гнева. „Что же это?“ — подумал Гунашарман, но тут встал раджа со своего трона, и сел рядом и, усмехнувшись, сказал, обращаясь к собравшимся: „Слушайте приговор мой над Гунашарманом!“ Произнес Гунашарман: „Слуга я, ты наш государь. Разве равно наше положение? СблагОВОЛИ сесть, раджа, и тогда что хочешь, то и приказывай!“

Так верный Гунашарман сказал, и министры его поддержали, и царь сел и снова заговорил, обращаясь к собравшимся: „Известно вам, министры мои и советники, что я, не взирая на то что много родовитых было, поставил Гунашармана наравне с собой. Стало ведомо мне, что через каких-то послов, сюда приезжавших, вошел он в сговор с царем страны Гауда и замыслил предательство учинить“. Сказав это, поведал царь всем собравшимся на совет хитросплетен-

ную ложь, слышанную им от Ашокавати, а когда отпустил людей, то рассказал своим верным министрам, что Гунашарман-де на царицыну честь покушался.

Заговорил затем Гунашарман: „Кто мог, божественный, такую ложь тебе за правду выдать? Кто на полотне неба картины рисует?“ „Нет,— отвечает ему царь,— это все правда истинная. Как это узнать ты смог, что в том горшке был яд?“ „С помощью разума обо всем узнать можно“,— отвечал на это Гунашарман.

„Невозможно, невозможно!“ — закричали министры, недруги Гунашармана. „Не разобравшись в существе дела, не следует тебе, божественный, говорить о нем. И коли царь не разбирается в деле, то знатоки политики не признают его царем“ — так повторил несколько раз Гунашарман, и тогда царь с криком „Негодяй!“ кинулся на него с кинжалом. Но брахман ловко избежал удара. Набросились на него с кинжалами и прочие герои, приспешники царя. Но умело ушел он от их ударов, ловко выбил у них кинжалы и мечи, связал их всех за волосы, и вышел из царского покоя, и еще сразил сто воинов, погнавшихся за ним. После этого достал спрятанное в край дхоти притирание, натерся им, стал невидим и тотчас же ушел из страны.

Вот идет он путем-дорогой в южные края и думает: „Верно, это Ашокавати подстрекнула глупого царя! Ох уж, женщины, уязвленные пренебрежением, хуже яда. Ох уж, не следует добродетельным служить царям, неспособным разобратся в сущности дел“.

Вот таким и подобным им мыслям предаваясь, через сколько-то времени дошел Гунашарман до деревни, где под раскидистым баньяном увидел почтенного брахмана, обучавшего детей. Приблизился он к нему, приветствовал его поклоном, а тот, оказав Гунашарману прием, достойный гостя, спросил: „Скажи мне, брахман, какие шакхи⁶³ ты можешь объяснять?“ И отвечает тогда Гунашарман тому брахману: „Читаю я двенадцать шакх — две из Самаведы, две из Ригведы, семь из Яджурведы, одну из Атхарваведы“.

Такой ответ услышав, воскликнул брахман: „Так ты, верно, бог!“ — и, видя его явное превосходство, скромно спросил его: „Из какой ты страны? Какой род ты украсил своим рождением? Как имя твое? Как и где ты так научился? Расскажи мне об этом“. И рассказал Гунашарман

о своем отце, брахмане Адितьяшармане

„Жил в городе Удджайини сын брахмана, которого звали Адитьяшарман. Был он еще мальчиком, когда отец его обратился в прах, а мать взошла на погребальный костер. Стал он расти в семье дяди, брата его матери, жившего в том же городе. Учился Адитьяшарман ведам, наукам и искусствам, а когда кончил учиться, свел дружбу с отшельником, принявшим обет чтения молитв. Пошел однажды этот отшельник с Адитьяшарманом на кладбище устроить жертвоприношение, чтобы вызвать якшини. Развели они жертвенный огонь, и спустилась к ним на воздушном корабле божественная дева, отменно наряженная, в окружении красавиц, и заговорила сладким голосом: „Имя мое, подвижник, Видьютмала, я — якшини, а это — мои подруги-якшини. Избери из них одну, которая тебе приглянулась. Только для этого годится твое заклание. Неизвестна тебе полностью мантра, с помощью которой ты мог бы меня получить. Но раз тебе я не досталась, ты больше и не пробуй“.

Согласился с якшини подвижник и выбрал одну из ее подруг. Потом исчезла Видьютмала, и спросил Адитьяшарман у якшини, что подвижнику досталась: „А что, есть ли какая якшини красивее Видьютмалы?“ Отвечала на это якшини: „Есть, красавец! Есть три сестры: Видьютмала, Чандралекха и Сулочана. А из них троих Сулочана самая красивая“. После этого условилась она с отшельником о времени, когда будет к нему приходить, и тоже исчезла, а отшельник с Адитьяшарманом отправились к себе домой. Стала каждый день являться якшини к подвижнику, и удовлетворяла все его желания, и доставляла ему разные наслаждения.

Однажды попросил Адитьяшарман подвижника спросить у нее, известна ли кому-нибудь мантра, с помощью которой можно добыть Сулочану.

И сообщила ему якшини: „Есть в южных землях место, которое называется Тумбавана. Живет там буддийский подвижник по имени Вишнугупта — построил он обитель на берегу реки Вена. Ему та мантра известна полностью“.

Узнав про это от якшини, устремился Адитьяшарман в южные края, а подвижник из дружбы к нему последовал за ним.

Отыскав буддийского подвижника и приблизившись к нему, Адитьяшарман стал всячески служить ему и изъявлять преданность. Так прошло три года, и ублажал Адитьяшарман того подвижника всякими человеческому вкусу неизвестными, воистину божественными угощениями, которые им добывала якшини, возлюбленная подвижника. Был этим всем буддийский подвижник весьма доволен, и дал он Адитьяшарману мантру, чтобы добыть Сулочану, и научил, как эту мантру применять. Тогда Адитьяшарман, заполучив мантру и выучив ее, нашел пустынный уголок и устроил там полное жертвоприношение по всем правилам. И после этого явилась к нему на воздушном корабле якшини Сулочана, поражающая всю вселенную своей красотой, и позвала его к себе: „Иди сюда, иди ко мне! Вот досталась я тебе, но коли ты хочешь, чтобы был у тебя сын непобедимый, мужественный герой, средоточие знаний, наделенный добрыми признаками, сосуд богатства, то потерпи, не разрушай ты моего девичества еще шесть месяцев“. Когда же он согласился и сказал: „Так тому и быть!“ — взяла его с собой якшини, и улетели они в Алаку. Там Адитьяшарман прожил целых шесть месяцев, положив меч между собой и женой и только любуясь ее красотой. Обрадованный такой стойкостью, сам податель богатств Кубера отдал Адитьяшарману в жены Сулочану, устроив божественный обряд. После этого-то и родился я от того брахмана и от той якшини, и отец нарек меня в знак хороших качеств Гунашарманом, что означает „средоточие добродетелей“. Потом стал я учиться у повелителя якшей Манидхара и постепенно одолел все веды, науки и искусства.

Пришел однажды к Кубере, подателю богатства, сам Индра, царь богов, и все, кто там ни был, увидев его, встали с приветствием, а мой отец Адитьяшарман случайно, о чем-то задумавшись, остался сидеть. Разгневался тогда Индра и так проклял моего отца: „Ступай отсюда, невежа! Отправляйся в мир смертных — там тебе подобает жить, а не здесь!“ Стала Сулочана умолять Индру простить его, но тот прикрикнул на нее: „Пусть не только сам отправится в мир смертных, но и сына пусть заберет! В сыне-то, известно, его же душа! Не напрасно я говорю!“ Лишь после этого успокоился Индра.

Забрал меня отец, и отправился в Удджайини, и поместил меня в дом дяди, брата его матери. А там, в Удджайини, по воле судьбы возникла дружба моя с царем, а что потом слу-

чилося, слушай, расскажу я тебе!“ И он поведал все то, о чем уже рассказано было раньше, и о том, что сделала царица Ашокавати, и о том, как поступил царь, и обо всем, вплоть до их ссоры. А потом сказал: „Вот что, брахман, заставило меня бежать. Скитаясь по стране, увидел я тебя, почтенный, на дороге“. Выслушал брахман и отвечает ему на это: „Воистину счастлив я, что ты сюда, сверкающий, пришел. Вот дом мой — войди в него. Зовусь я Агнидаттой, и тем же именем названа деревня, отданная мне в кормление“. И с этими словами ввел Агнидатта Гунашармана в свою богатую усадьбу, где было множество коней, коров и быков, буйволов и буйволиц. Когда же вошли они в дом, то чествовал Агнидатта гостя купаниями да притираниями, нарядами, да одеждами, да разными яствами и показал ему, чтобы узнать о добрых признаках дочь свою Сундари, девушку нежной красоты. Гунашарман посмотрел на нее, на ее несравненную красоту и сказал Агнидатте: „Много будет с ней соперничающих жен. А говорю я так потому, что на носу у нее родинка, а на груди — другая и обе они предвещают сказанное мною“. Кончил он говорить, и с позволения отца ее брат обнажил ей грудь, и действительно увидели они на ней родинку. Удивился Агнидатта: „Воистину все тебе ведомо, Гунашарман, но обе эти родинки не предвещают дурного плода. Много жен бывает ведь у мужей с недостатком, бедняку и одну содержать трудно. Куда уж там многих!“ Отвечал Гунашарман на это: „Что верно то верно! Да и с чего бы случиться недоброму с обладательницей таких счастливых признаков?“, а после этого спросил его хозяин о значении родинок и прочих примет на теле мужчины и женщины, и он подробно объяснил каждую из них.

А красавица при виде Гунашармана, словно чакора при виде месяца, возгорелась страстью и смотрела — насмотреться не могла. Оставшись с глазу на глаз с Гунашарманом, сказал ему Агнидатта: „Отдал бы я тебе в жены дочь свою Сундари, счастливец! Не уходи в другую страну, живи счастливо в моем доме!“ И отвечал ему так Гунашарман: „И то верно! Почему бы и не попытать мне счастья? Не сладко пришлось мне, опаленному огнем презрения лживого царя. Супруга, восход луны и вина своей мелодией — вот что радует счастливых, утешает несчастных. Была бы жена страстная, преданная, да не развратная, да отцом данная, не такая, как Ашокавати. Но недалеко отсюда стоит город Удджайини.

Прознав, что я здесь живу, как бы не напал царь. Если б пошел я по святым местам, да грехи, со мной родившиеся, устранив, покинул бы я это тело свое, так то было бы счастье!“

Рассмеялся на эти слова Агнидатта: „Коли на тебя такое наваждение нашло, то что уж от других ожидать! И что за беда для честного человека, как ты, коли его презирает глупец? Тому, кто грязь швыряет в небо, она на голову и падает! А царь вскоре отведаст от плода своего невежества — Судьба не служит долго таким глупцам. Или, может быть, изведав вражду злодейки Ашокавати, не веришь ты в честных женщин? Но ты ведь знаешь признаки таких. И Удджайини, конечно, близко отсюда, но обещаю тебе, что никто и никогда не узнает о тебе, пока ты здесь находишься. А что до твоего паломничества по святым местам, то ведь мудрые говорят, что это необходимо, коли кому судьба не дала достатка совершать всяческие обряды, то есть жертвы огненные богам и предкам, принятие обетов и молитв или свершение добрых дел. Зачем скитаться? Ведь не свободен от забот паломник, который спит на земле, вместо подушки подкладывает руку, питается, лишенный денег, одинокий, чем подадут, хоть и сравняется он с мудрецом. Заблуждаешься ты, коли надеешься достичь счастья, отвергнув тело, — еще горшая, чем здесь, мука ожидает на том свете тех, кто кончает с собой. Ты и молод и учен, да нашло на тебя наваждение. Поразмысли сам и непременно поймешь, что следует поступить, как я сказал. Велю я сделать тайный и красивый покой под землей. Женишься на Сундари и будешь там жить как тебе хочется“.

Так-то вот Агнидатта настойчиво убеждал Гунашармана, и согласился тот, сказав: „Пусть так и будет!“ — и ответил ему: „Сделаю я, как ты советуешь. Кто откажется от такой жены, как Сундари?! Но пока не кончил я своего дела, не женюсь я на твоей дочери. Вот порадуя я какого-нибудь бога, чтобы он отблагодарил бы за меня того царя!“ Согласился Агнидатта с этим, и провел Гунашарман в его доме счастливую ночь, а на следующий день велел Агнидатта устроить для блага и счастья Гунашармана подземный покой, который был назван „Дворец подземного царства“.

Живет там Гунашарман, и вот однажды говорит он Агнидатте: „Скажи мне, какой молитвой и какому богу молиться и какой подвиг совершать ради исполнения желаний?“ Отвечает ему на это Агнидатта: „Есть одна мантра — повелителю

Кумаре, богу войны. Научил меня этой мантре мой наставник. Вот с ее помощью ты умолишь этого предводителя войск, погубителя демона Тараки, бога, рожденного Шивой, спалившим Каму, бога любви, посланного богами, измученными врагом и просившими о рождении их освободителя. Выучи от меня молитву Картикее, рождение которого Махешварой от огня, от очага, от тростниковой рощи, от Криттик забавно, озарившего весь мир нестерпимым сиянием и погубившего несразимого асура Тараку“. Передал таким образом Агни-датта эту мантру Гунашарману.

Молился Сканде, строго соблюдая обет, Гунашарман в своем подземном жилище, и помогала ему Сундари, и явился им воочию шестиликий бог и сказал: „Обрадован я тобою, сын мой. Избери себе награду!“ Попросил у него брахман достатка постоянного и защиты от врагов, и вот что пожаловал ему Сканда: „Никогда не переведутся у тебя деньги, одолеешь ты Махасену и никто тебе противостоять не сможет и станешь ты правителем над всей землей!“ Вымолвив такие слова, исчез Сканда.

Досталась Гунашарману казна неистощимая, и благодаря достатку женился он на олицетворившей достижение цели прекрасной дочери брахмана Агнидатты, привязанность и любовь которой к Гунашарману росли день ото дня. Благодаря своей неистощимой казне набрав сильную армию из пеших и конных воинов, колесниц и боевых слонов и привлекая к себе щедрыми дарами других царей, Гунашарман пошел войной на Удджайини и осадил этот город. Взяв его, рассказал он народу о кознях царицы Ашокавати, и, одолев в поединке Махасену, начав с его царства, установил над всей землей власть. Взял в жены дочерей других царей Гунашарман. Вплоть до берегов океана никто не смел отвращаться от его слова. Долго жил он с Сундари, наслаждаясь всеми радостями, каких только можно пожелать.

Вот так в давние времена слабый разумом царь, неспособный разобраться в людях, навлек на себя несчастье. Вот так Гунашарман, упорный, устремленный умом к одной цели, достиг и достатка и неограниченной власти“.

Выслушал Сурьяпрабха этот замечательный рассказ своего министра Витахити, и вдохновило это его, возжелавшего переправиться через бурное море великой битвы, и он спокойно уснул.

ВОЛНА СЕДЬМАЯ

Наступило утро, и Сурьяпрабха вместе с министрами восстал ото сна и со всеми дружинами данавов и всем прочим войском вышел на поле боя. Пришел туда и Шруташарман, окруженный полчищами видьядхаров. Снова собрались посмотреть на битву, как и в прежние дни, боги, асуры и прочие. Когда же каждое войско выстроилось в боевом порядке „полумесяц“, разгорелась между ними битва.

С шумом сталкивались друг с другом оперенные стремительные стрелы. Метались выскочившие из ртов-ножен языки-мечи, длинные лезвия которых подобны были упившимся кровью языкам бога смерти. В громадном озере поля битвы рдели подобные лотосам лица воинов, головы которых были снесены метательными дисками, стремительными, словно дикие птицы. И казалась битва, во время которой взлетали и падали обескровленные головы героев, игрой в мяч бога смерти. Когда же sprysnutaia кровью пыль осела, стало видно, как яростно бьются бойцы на колесницах. Схватился Сурьяпрабха с Шруташарманом, а Дамодара с Прабхасой. Махотпата бился с Сиддхартхой, Прахаста с Брахмагуптой, Витабхити с Санкрамой, Чандрагупта с Праджнядхьей, Акрама с Приянкарой и Атибала с Сарвадаманом. Кунджаракумарака теснил Дхурандхару, и все войско распалось на отдельные пары искусных знатоков боя на колесницах.

Вот Махотпата, отбивая стремительный набег Сиддхартхи, расщепляет на лету его стрелы своими, дробит ему лук, валит и коней и колесничих, и вот враг уже лишен колесницы. Но оказавшийся пешим Сиддхартха кидается на Махотпату и одним ударом железной палицы поражает коней и разбивает колесницу. Схватились в рукопашную богатыри, и уже повалил Сиддхартха наземь Махотпату и хотел уже покончить с ним, как Бхата, божественный отец Махотпаты, кидается на выручку сыну, и они оба улетают с поля битвы.

А Прахаста и Брахмагупта лишили друг друга колесниц

и бьются на мечах. Ловким выпадом Прахаста рассекает щит Брахмагупты и бросает его наземь. Занес Прахаста меч, чтобы отсечь врагу голову, да тут сам Брахма мчится на защиту сына. Осмеяли данавы богов: „Не по-честному пришли вы бой смотреть, а своих сыночков защищать!“

Тем временем Витабхити в бою с Санкрамой разбил его лук, сразил его колесничего, и, метнув оружие прадыюмна⁶⁴, угодил ему в сердце, и положил на месте. Праджнядхья скрестил меч с Чандрагуптой, и они дрались пешими, так как разбили друг у друга колесницы, и Праджнядхья рассек голову врага надвое. Разъяренный гибелью сына, бросается на Праджнядхью сам божественный Месяц, и в поединке оба оказались достойными бойцами. Потерявший колесницу Приянкара бросается на Акраму, чья колесница тоже оказалась разбитой, и одним ударом меча рассекает недруга надвое. Был разбит у Сарвадаманы лук, но хватает он анк и, с силой бросив его, попадает в самое сердце Атибале.

Кунджаракумарака отвечал ударом на удар Дхурандхары. Вмиг уничтожил он его колесницу, но тут же Викрамашакти послал тому новую колесницу и стал защищать Дхурандхару в бою, отбивая своим оружием удары Кунджаракумараки. И тогда разъяренный Кунджаракумарака бросает на колесницу Викрамашакти тяжелый камень, разбивает ее, и когда Викрамашакти бежал, то тем же камнем поражает он на смерть Дхурандхару.

Бьется Сурьяпрабха с Шруташарманом, и, когда доходит до него весть, что пал славный Вирочана, посылает он в отместку одну-единственную стрелу, и та сражает Даму. Взбешенные, кидаются в бой братья Ашвины, божественные близнецы, и мечут стрелы, но Сунитха преграждает им путь, и начинается между ними схватка.

Уже положил Стхирабуддхи ударом копья Паракраму, и пришлось ему биться с восемью Васу, разозленными гибелью Паракрамы. Заметил Прабхаса, что Бхаса потерял в бою колесницу, и, хотя сам продолжал бой с Дамодарой, нашел время, чтобы пустить смертельную стрелу в Мардану. Убил в поединке Теджапрабху Пракампана, и пришлось данаве встретить натиск самого Агни, обуянного злобой яростью из-за смерти сына. Свалил Дхумакету сына Ямы Ямаданштру, и на него, пылая гневом, налетел сам бог смерти. Каменной глыбой раздавил Синхаданштра Сурошану, и пришлось ему

отбивать Ниррити, обозленного гибелью сына. Чакрой, метальным диском, Калачакра рассек Ваюбалу надвое, и на него налетел гневом охваченный сам Ваю, бог ветров. Данава Махамая покончил с Куберадаттой, прикидывавшимся змеем, горой или деревом, но для этого и ему самому пришлось обращаться поочередно в гаруду, молнию и огонь. Взъярился Кубера и напал на Махамая, и другие боги вслед за Куберой ввязались в схватку, взбешенные гибелью своего семени, ибо люди и асуры на каждом шагу одерживали победы над князьями видьядхаров.

Бой не прекращается у Прабхасы с Дамодарой, и яростная схватка раскаляется, и все виды оружия пущены в ход. Вот у Дамодары и лук разбит в щепы, и убит его колесничий, и схватил боец другой лук, и сам правит конями. Когда Брахма, видя этот подвиг, вскрикнул одобрительно, спросил его, на лотосе сидящего, Индра: „Ведь терпит он поражение! Чему же ты радуешься, повелитель?“

Ответил ему Брахма: „Как же не радоваться мне, если так долго бьется он с Прабхасой? Что мог бы Дамодара сделать, если б не покровительство и помощь Хари? Да все боги вместе не смогли бы противостоять Прабхасе в бою! Звали Намучи асура, истребителя богов, который родился в облике Прабалы, — тело его было создано из камней драгоценных, а теперь родился он Прабхасой, непобедимым сыном Бхасы. А Бхаса и сам в прежнем рождении был великим асуром Каланеми, который рождался как Хираньякаshipу и Капинджала. Тот же асура, который звался прежде Хираньякша, нынче зовется Сунитхой, а Сумундика родился теперь в облике Сурьяпрабхи. Прахаста же и другие — все они дайтьи и данавы, которых вы когда-то сразили в бою. Теперь они родились асурами, и на их стороне Май и другие их сородичи. Смотри, силой жертвы Рудре, принесенной Сурьяпрабхой и его друзьями, пришел сюда сам Бали, разорвавший узы свои, но свято верный своему слову и остающийся в пределах подземных. Ведь когда кончится срок твоего царства, он станет Индрой. Ко всем им милостив Шива, сокрушитель трех городов, и не будет вам нынче победы. Замиритесь! Что толку в упрямстве?!“

Пока Брахма, сидящий на лотосе, увещевал такими словами повелителя богов Индру, Прабхаса раскрутил самое могучее оружие, и в страхе за сына своего запустил царь бо-

гов ему навстречу свое не менее роковое оружие „Сударшану“⁶⁵, и содрогнулись тогда все три мира вплоть до самых крайних пределов при мысли о столкновении этих двух оружий и неизбежности гибели всего живого.

Обратился тогда Вишну с такими словами к Прабхасе: „Забери свое оружие, а я заберу свое!“ И сказал ему на это Прабхаса: „Коль Пашупата⁶⁶ запущена, не может она вернуться напрасно. Пусть Дамодара покинет поле, и отзову я мое оружие!“ Вишну ему возразил: „Но ты тоже уважь мое оружие, чтобы не напрасен был запуск их обоих“. Выслушал Прабхаса бога, и Прабхаса, понимающий уместность, ответил ему: „Пусть будет так, твое оружие разобьет колесницу мою“. Согласился на это Вишну, и Дамодара вышел из боя, а Прабхаса отозвал свою Пашупату, и в его колесницу ударила Сударшана. Вскочив на другую колесницу, умчался Прабхаса к Сурьяпрабхе, а Дамодара к Шруташарману.

Тогда еще яростнее стала битва между Шруташарманом, чванящимся своим происхождением от Индры, и Сурьяпрабхой. Какое бы оружие ни применял Шруташарман, каждое из них тотчас же отбивал Сурьяпрабха, и что бы ни предпринял Шруташарман, Сурьяпрабха на все находил ответ.

Вот запускает взбешенный Шруташарман брахмастру⁶⁷, а Сурьяпрабха свою пашупату, и разбивает его ужасное оружие брахмастру, и устрашающий полет пашупаты уже привел в ужас Шруташармана, и тогда гневные Индра и прочие боги, и локапалы каждый свое оружие пускают в ход, но что могут они сделать с пашупатой? А она пылает все ярче, и грозит от нее Шруташарману неминуемая гибель. Тогда восхвалил Сурьяпрабха свое могучее оружие и повелел ему: „Не убивай Шруташармана, а свяжи его и передай мне!“ И вот уже все разъяренные божества, смотревшие на бой, и асуры, желавшие Сурьяпрабхе победы, готовы были схватиться, как является Вирахадра, один из ганов Шивы, и, передавая повеление господина Индре и другим богам, говорит такое: „Вы пришли сюда смотреть на сражение, что же вы рветесь сами в драку? Коли вы переступите предел, то от этого будет худо“. Закричали в ответ ему боги: „Убиты уже и погибают здесь наши сыновья! Как же нам не сражаться? Невозможно не любить свое семя, и наше желание сражаться — неизбежный результат этого, и разве преступно противостоять убийцам?“ Выслушал это Вирахадра и ушел, а между богами и

асурами началась яростная битва. Дрался Сунитха с обоими Ашвинами, а Праджнядхья с Инду, Стхирабуддхи схватился с семьей Васу, а Калачакра с Ваю, Пракампана с Агни, Синхаданштра с Ниррити, Праматхана с Варуной, Дхумакету с Ямой, Махамая с повелителем богатств Куберой. И какое бы оружие ни пускали в ход боги, всякое из них отражал Хара своим дыханием. Кубера, бог богатства, замахнувшийся палицей, был остановлен Шивой, а остальные боги бежали с поля боя, побросав оружие.

Тогда в бешенстве Индра сам кинулся на Сурьяпрабху и обрушил на него град стрел и всяких других видов оружия, но легко отразил Сурьяпрабха этот поток смерти и, оттягивая тетиву до уха, одну за другой посылал стрелы в Индру. Еще пуще озлился повелитель богов и замахнулся ваджрой⁶⁸ на Сурьяпрабху, но Шивадохнул, и разлетелась ваджра на мелкие куски. Не выдержал Индра и бежал из боя, показывая спину, и тогда сам Нараяна набросился в ярости на Прабхасу, мечая в него стрелы, у каждой из которых было по десять миллионов жал, и бесстрашно бился с ним Прабхаса, ударом отвечая на удар. Убил Вишну у него коней, разбил ему колесницу, но вскочил Прабхаса в другую и продолжал вести бой на равных с этим врагом дайтев. Метнул в него озлобленный Вишну огненный диск. Метнул навстречу пылающему диску Прабхаса свой божественный заговоренный меч. Видит Шива, что диск одолевает меч, и выдохнул он, и исчезли от его дыхания и диск и меч. Обрадовались асуры, а боги были посрамлены, так как Сурьяпрабха одержал победу и Шруташарман стал его пленником.

Восхвалили тогда боги Шиву, несущего на знамени быка, и стали просить его, и он, супруг Амбики, довольный их мольбами, сказал им: „Кроме того, что обещано Сурьяпрабхе, просите, боги, награду, ибо кто смеет, боги, обещанного не давать?!“ Возразили они на это: „А что же наше обещание Шруташарману? Пусть и оно исполнится... И пусть не будет урона нашему роду“. Ответил им на это Шива: „Как только мир будет заключен, пусть так будет сделано — пусть Шруташарман со всеми своими поклонится Сурьяпрабхе, и, когда это будет сделано, мы скажем то, что будет на благо обоим“. Согласились боги со словами Шивы, сказали: „Так тому и быть!“ — и сделали так, что Шруташарман склонился перед Сурьяпрабхой. После этого они оба, бросив вражду, обня-

лись, и боги с асурами покончили с взаимной враждой и замирились, и тогда в присутствии всех асуров и богов говорит повелитель Шамбху такие слова Сурьяпрабхе: „Ты сам будешь верховным правителем над южной половиной царства видьядхаров, а северную половину отдай Шруташарману. Недолгое время пройдет, и станешь ты правителем над всеми четырьмя странами царства, населенного киннарами и прочими населяющими небеса. И когда оно достанется тебе, то южную половину отдашь ты Кунджаракумараке. А те герои, что полегли с обеих сторон, пусть все подымутся невредимыми“.

И, промолвив эти слова, Шамбху исчез, а все павшие в битве герои встали невредимыми, словно пробудившись ото сна. Вот Сурьяпрабха, укротитель врагов, помня о наставлении Шивы, ушел в отдаленную часть земли и пригласил пришедшего в его лагерь Шруташармана сесть вместе с ним на трон, а его соратники во главе с Прабхасой сели с соратниками Шруташармана, возглавляемыми Дамодарой. Пришли туда Май и прочие данавы, и сели по чину вожди видьядхарские. Пожаловали туда повелители семи царств подземных во главе с Прахладой, и, радостные, собрались там дайты и данавы. Явился туда Шакра, сопровождаемый локапалами и прочими, а перед ним шел наставник Брихаспати, а потом все жены Кашьяпы, возглавляемые Дану, и на корабле „Бхутасана“ прилетели жены Сурьяпрабхи.

Когда все расселись и обменялись взаимными приветствиями и выразили приязнь друг другу, повела Сиддха, подруга Дану, такую речь: „О боги и асуры, божественная Дану сказала так: „Разве чувствовали вы когда-нибудь такое счастье от добросердечия, которое мы чувствуем в этом собрании? Пусть меж вами никогда не будет вражды, приносящей только горе. Хираньякша и другие старшие асуры, которые вели борьбу за небесное царство, погибли, и сегодня над всеми старший Индра. Так из-за чего враждовать? Живите без вражды, счастливо, в дружбе друг с другом, и нам будет радость, и благо будет вселенной!“

Выслушав речь достойной Дану из уст Сиддхи, взглянул Индра в лицо Брихаспати, а тот сказал ей: „Нет у богов злого умысла против асуров, и ничего не замышляют боги во вред асурам“. Когда Брихаспати кончил говорить, заговорил Май, повелитель данавов: „Коли нет злого умысла, то

что случилось с Намучи? Ведь это он подарил коня Уччайшраваса, оживляющего мертвых, Индре? И разве не Прабхаса отдал свое тело богам? И разве не был брошен в подземелье Бали, отдавший Вишну все три мира? А не отдал ли Айодеха свое тело Вишвакарману? Говорить ли дальше? Асуры всегда благородны, и если им не наносят вреда, то и они ничего не предпримут в ответ!“ Кончил речь свою асура Май, и по слову Сиддхи обняли друг друга боги и асуры.

После того как все это случилось, пришла в это место Джая, служанка Бхавани, посланная своей госпожой, поклонилась всем и молвила, обратившись к Сумеру: „Послана я моей повелительницей, и велено вот что передать тебе: „Есть у тебя дочь, и зовут ее Камачудамани. Отдай ее в жены Сурьяпрабхе, ибо предан он мне!“ Сумеру выслушал Джаю и так сказал в ответ на ее слова: „Коль повелевает мне так божественная, то в том для меня великая милость! Об этом же мне говорил сам Шива-повелитель“. Кончил говорить Сумеру, и Джая обратилась к Сурьяпрабхе. „А ты поставь ее над всеми прочими женами, и будет она тебе милее всех прочих. Так повелела божественная Гаури, обрадованная тобой“. Поклонился Сурьяпрабха Джае, и она исчезла, а Сумеру тотчас же назначил благоприятное время для свадебного обряда и велел возвести алтарь с колоннами и подножием, выложенным самыми лучшими драгоценными камнями, и пылавший на нем огонь, отражавшийся в них, словно охватывал собою весь алтарь. Обвел Сумеру дочь свою Камачудамани, подлинное украшение на челе бога любви, вокруг алтаря, и все — и боги и асуры — не могли глаз оторвать от ее прелести, возбуждающей страсть. Красота дочери Сумеру была подобна красоте дочери Гималая. Затем возвел Сумеру на алтарь дочь, наряженную и украшенную так, что вызывала она всеобщее восхищение, и отдал ее Сурьяпрабхе, а Сурьяпрабха взял тогда Камачудамани, на лотосоподобную руку которой Дану и прочие жены данавов надели браслеты. Когда же брошена была первая пригоршня жареного зерна, посланная от Бхавани, Джая надела на невесту божественную гирлянду Анашвари⁶⁹, а Сумеру подарил множество разнообразных и бесценных лалов, жемчугов и самоцветов и могучего божественного слона, ведущего род свой от Айраваты. Брошена была вторая пригоршня зерна, и Джая передала невесте ожерелье жемужное, благодаря которому носящему его ни смерть, ни голод,

ни жажда не страшны, а Сумеру подарил еще жемчужины да самоцветов вдвое больше, чем первый раз, да еще несравненного коня от семени Уччайшраваса. Третий раз бросили пригоршню зерна, и подарила на этот раз Джая нитку жемчуга, такую, что если кто носит ее, то будет вечно юным, а Сумеру — в три раза больше лалов, жемчугов и самоцветов, да еще кольцо, в котором собраны все магические силы⁷⁰.

Закончилась свадьба, и обратился Сумеру к богам и асурам, видьядхарам и прародительницам и ко всем, кто там был, с такими словами: „Пожалуйте теперь все отведать угощения в доме моем. Сделайте мне такую милость — ради этого вознес я руки, молитвенно сложенные, над головой“. Пока все они упирались да от приглашения Сумеру отнекивались, пришел туда сам Нанди, бык Шивы, и сказал склонившимся перед ним в поклоне: „Повелел вам Шива идти пировать во дворце Сумеру, ибо он нам любезен! Отведаете вы у него угощение и никогда больше не будете знать голода“.

И тогда явились туда бесчисленные слуги Шивы, во главе которых были Винаяка, Махакала и Вирахадра, и они как полагалось устроили очаг, и рассадили по чину богов и видьядхаров, асуров и людей, и разнесли им угощения, приготовленные с помощью волшебных знаний Сумеру, и те, что дала ему по велению Шанкары исполняющая желания королева Камадхену, и каждому гостю доставляли то, что он хотел, Вирахадра, Махакала, Бхрингин и другие божества. И повсюду, куда ни ступи, устраивались для удовольствия гостей песни, и хоры, и танцы божественных дев. Когда же окончилась трапеза, то Нанди и прочие с ним надели каждому божественные гирлянды и одарили одеждами и украшениями. Почтив так всех гостей, богов и прочих, ушли старшие над ганами Нанди и другие и все ганы с ними. Затем удалились оттуда боги, и асуры, и их матери. Ушли и Шруташарман и все, кто был с ним, к своему стану. Сурьяпрабха же вместе со всеми супругами и соратниками улетел на воздушном корабле в обитель к Сумеру и послал своего друга Харшу возвестить царям земли и брату Ратнапрабхе о своем успехе. Когда же кончился день, то вошел он вместе с женою Камачудамани в опочивальню, где стояло хорошо устроенное, наилучшими драгоценностями украшенное ложе, и там в нежных объятиях, в прикусывании зубами, подталкиваниями, отбросив стыдливость, изведal он с вновь обретенной женой такую

сладостно-томительную страсть, какой никогда не испытывал с другими женами. И сказал он ей так: „Нынче всем женам другим место вне сердца, только ты одна в нем!“

Затем от любовных забав и радостей, счастья от объятий любимой охватил его сон, но кончилась ночь и кончился сон, а поутру он, проснувшись, пошел к другим женам и развлекался с ними. А они посмеялись над ним и прохаживались на его счет, и, пока шла эта веселая перепалка, привратник ввел к Сурьяпрабхе видьядхара Сушену, который сказал так: „Божественный, послали меня к тебе вожди видьядхаров — повелитель горы Трикута и другие. Через три дня на горе Ришабха⁷¹ состоится радостное твое помазание. Посоветовались мы, и решили все устроить это дело“. Выслушал Сурьяпрабха посла и сказал ему так: „Ступай и передай мое слово повелителю Трикуты и прочим. Пусть будет так, и пусть дело будет начато и все сделано, как вы говорите, и мы сами также начнем готовиться, а когда будет уместно, известим об этом всех“. И Сушена, выслушав ответное послание, удалился. Сурьяпрабха же послал Прабхасу и каждого из своих друзей для того, чтобы на великое торжество его помазания пригласить богов, мудреца Яджнявалькью и других мудрецов, царей земных, видьядхаров и асуров, а сам без свиты отправился на гору Кайласа, из гор самую высокую, чтобы пригласить на этот праздник самого Хару и жену его Амбику. И, взбираясь, увидел он сверкающую белоснежную вершину, словно самого Шанкару, которому служат боги, пророки и сиддхи. Когда же прошел больше половины того, что осталось, увидел, что очень труден дальнейший подъем, и заметил вход, украшенный кораллами. Когда же он обнаружил, что хоть и наделен совершенными знаниями, но войти туда не может, взмолился всем сердцем своему богу, несущему на челе полумесяц. И тотчас же раскрылись двери и муж со слоновьей головой сказал: „Иди и проходи, обрадовал ты меня, Херамбу!“ Вошел туда удивленный Сурьяпрабха и увидел сидящим на большом куске джyотпрасы⁷², сверкающей ярче двенадцати солнц, в слоновьем обличье, с одним клыком, с тремя глазами, толстопузого Винаяку, держащего пылающий топор и палицу, окруженного ганами во всяких звериных обличьях, а когда увидел, то поклонился ему в ноги. Тот, устранитель препятствий, обрадованный, спросил, зачем Сурьяпрабха пожаловал, и милостивым голосом сказал: „Взбирайся по этой

дороге“. Тогда поднялся Сурьяпрабха еще на пять йоджан и увидел после этого дверь из пламенных рубинов, а когда не смог в нее войти, взмолился и вознес хвалу Шиве, трезубец держащему, и произнес он всю тысячу имен Шивы, радостно устремившись к нему мыслью. И тогда сам Вишакха, сын Кумары, раскрыл двери, и пригласил Сурьяпрабху войти, и возгласил его имя, а когда он прошел, то увидел самого Сканду в сиянии плающего пламени, окруженного пятью сыновьями — Вишакхой, Шакхой и другими, и витали вокруг него планеты, большие и малые, и к стопам его склонялись десятки миллионов повелителей ганов. Спросил Сканда Сурьяпрабху о том, что за причина привела его сюда, и показал ему путь, по которому идти дальше. Так по очереди встретилось ему пять входов, и каждый был из другого драгоценного камня, и по очереди показывали ему дорогу Бхайрава, Махакала, Вирахадра, Нанди, Бхрингин, окруженные спутниками своими, и у всех он спрашивал, как идти дальше, и наконец остановился у восьмой, самой красивой, хрустальной двери. Снова восхвалял он бога богов, и был введен одним из рудр, и увидел величественный, более просторный, чем небо, дворец Шамбху, где весело веет божественный душистый ветерок, а деревья вечно в цвету и усыпаны плодами, где поют гандхарвы, а апсары ведут свой хоровод. И там, в стороне, на хрустальном троне увидел он сидящим Трехглазого с трезубцем в руке, прозрачного, словно хрусталь, с рыжими волосами, уложенными пирамидой, сверкающего серпом полумесяца на лбу. Около него стояла дочь гор Парвати. С восторгом смотрел Сурьяпрабха на великого бога, а затем приблизился и пал в ноги ему и его супруге. Коснулся бог рукой его спины и велел ему встать, и спросил повелитель Хара: „Ради чего ты пришел?“ Отвечал ему Сурьяпрабха: „Наступает мое помазание, и прошу я тебя, великий бог, пожаловать туда!“ Сказал ему на это милостивый и верный ему Шамбху: „Зачем же ты утруждался, сын мой? Разве недостаточно было только подумать обо мне? Но пусть будет так. Приду я на твое помазание!“ И, подозвав одного из ганов повелел: „Ступай с ним на гору Ришабха, ибо это и есть место помазания таких императоров, как он“. Услышав это гана подхватил Сурьяпрабху, обошедшего повелителя слева направо, унес его, и поместил на горе Ришабха, и благодаря своему волшебному знанию тотчас же исчез.

Пришли туда к Сурьяпрабхе его друзья, все его жены во главе с Камачудамани, повелители видьядхаров, боги во главе с Индрой, асуры с Маем во главе, великие пророки, Шруташарман, Сумеру и Сувасакумарака, и Сурьяпрабха приветствовал всех как положено и рассказал им обо всем, что Рудра сказал. Затем Прабхаса и другие министры принесли в кувшинах, золотом и жемчугами украшенных, воду, собранную из ручьев и рек, морей и океанов, мест священных купаний. Тем временем пожаловал туда сам Шива в сопровождении своей супруги Гаури, и все боги и асуры, видьядхары и цари склонились пред ним. Все боги, данавы и видьядхары кричали: „Счастливы этот день!“ И под эти крики тою водой пророки помазали Сурьяпрабху на царствование над всеми, кто движается в поднебесье, и посадили его на трон. Сотканный из мудрости асура Май повязал ему тюрбан, украшенный диадемами, и загремели на земле литавры, и откликнулись им на небе тулумбасы, и апсары поплыли в танце. Вместе с Сурьяпрабхой была помазана великими мудрецами и Камачудамани, и сделали они ее великой царицей, достойной Сурьяпрабхи. Когда же после завершения церемонии помазания тридцать три бога и асуры удалились, верховный повелитель видьядхаров вместе с родственниками, друзьями и ровесниками продолжал празднество. А когда прошло несколько дней, то отдал он северную часть царства Шруташарману, и, других жен себе добыв, Сурьяпрабха вместе со своими друзьями долго наслаждался с богиней счастья видьядхарского царства и управлял им. Вот так по милости Шивы в давние времена Сурьяпрабха, хотя и был смертным, сумел достичь верховной власти над всеми видьядхарами».

Рассказав повелителю ватсов Нараваханадатте эту историю и, поклонившись ему, вознесся лучший из видьядхаров на небо, а когда он удалился, то стал божественный Нараваханадатта с Маданаманчукой жить во дворце повелителя ватсов, ожидая владычества над видьядхарами.

КНИГА ОБ АЛАНКАРАВАТИ

Те, кто без промедления вкусят сладость океана рассказов, возникших из уст Хары, взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор — а сладость их воистину подобна животворной амрите, извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов!

ВОЛНА ПЕРВАЯ

Мы склоняемся перед Ганешей, перед которым, когда он пляшет, даже горы склоняются так, словно сама земля покачнулась от тяжести дайти Нишумбхи!

Сын владыки ватсов Нараваханадатта, выслушав необычайно увлекательный рассказ о царях и князьях видьядхаров, остался во дворце своего отца. Однажды вскоре после этого отправился царевич на охоту, но через какое-то время отпустил всех, кто был с ним, а сам вдвоем с Гомукхой устремился в большой лес. И как только вступили они в лес, задержалось у царевича правое веко, предвещающая счастливую встречу, а вскоре услышал он сладостные звуки песни, сопровождаемые игрой на божественной вине. Пошел он на эти звуки и вскоре увидел храм Шивы самосущего. Привязав коня, вошел царевич под своды храма и увидел там божественную красавицу видьядхари¹, окруженную множеством девушек, которые пели хвалу Шиве, властителю богов. Только бросил он на нее взгляд, как устремилось его сердце навстречу ее красоте, точно океанские волны к луне. Да и она бросила на него взор, полный любви, и душа ее устремилась к нему — забыла она, какая нота за какой следует.

Тогда Гомукха, хорошо понимавший сердце своего повелителя, спросил у ее подруг: «Кто она и чья она дочь?» А пока он так спрашивал, разлилось золотистое сияние и спустилась с небес некая видьядхари зрелых лет, похожая на ту, что покорила царевича, и села рядом с ней, а та пала к ее стопам, «Да достанется тебе в мужья повелитель всех видьядхаров» — так сказала старшая видьядхари младшей и благословила ее. Приблизился к ней и Нараваханадатта — она и его благословила. Тогда спросил ее царевич: «Кто эта

красавица тебе, матушка? Соболаговолити рассказать!» И тогда молвила старшая видьядхари: «Слушай, расскажу я тебе все с самого начала. Стоит среди гималайских вершин славный город Шрисундарапура, а правит в нем царь видьядхаров по имени Аланкарашила. Была у него, высокоблагородного, главной женой Канчанапрабха, которая со временем родила сына. Явилась Аланкарашиле во сне Ума и повелела: „Пусть он будет благочестив!“ И тогда, повинувшись ее слову, нарек его отец Дхармашилой, то есть „преданный вере“. Когда же вступил он в пору юности и одолел науки, объявил отец Дхармашилу наследником престола. Царевич, будучи преданным только вере, радовал подданных больше, чем его отец.

Снова понесла Канчанапрабха под сердцем и родила на этот раз дочь, и тотчас же с небес раздался голос: „Станет она супругой повелителя видьядхаров Нараваханадатты!“ После этого дал ей отец имя Аланкаравати, и стала она постепенно, подобно луне, расти, а когда вошла в пору девичества, переняла у отца все знания и, поскольку испытывала великую преданность Шиве, стала скитаться по всем храмам, посвященным ему. Когда же так случилось, ее старший брат Дхармашила обратился однажды с глазу на глаз к отцу с такими словами: „Нет мне, батюшка, радости от мимолетных мирских наслаждений! Что есть в мире такого, что в конце концов не оказалось бы пустым? Да разве неведомы тебе слова мудрого Вьясы², что, сколько бы богатств ни было, все в конце концов обратится в прах, как высоко ни подниматься, в конце неизбежно падение и разлука — конец всех встреч, а жизнь кончается смертью? Разве могут мудрые и устремленные к духовному люди любить все это обреченное на гибель? Ни мирские наслаждения, ни груды денег не помогут в том мире, ибо все они погибнут. Удаюсь-ка я в лес и предамся труднейшим подвигам — поможет мне это достичь высшего блаженства.

Выслушал царь Аланкарашила все, что сказал ему царевич Дхармашила, огорчился и, заливаясь слезами, сказал: „Как заблуждаешься ты, сынок, по своей юности. Умные-то люди лишь после того, как всеми радостями юности наслаждаются, предаются вайрагье³. Для тебя же теперь самое время, сыграв свадьбу, править царством. В эту пору нужно мирскими радостями наслаждаться — не вайрагьей заниматься!“

Выслушал Дхармашила отца и молвил: „Не прожитые годы определяют предел тому, научишься ли ты владеть чувствами

или подчинишься их разгулу“. По божьей милости иной раз и младенец сможет чувства одолеть, а злодею и в старости до этого не дойти. Нет у меня охоты царствовать, да и жениться я не хочу. Единственное для меня счастье в жизни — подвиги совершать труднейшие во славу Шивы!“

Настаивавшему на том сыну, никаких уговоров не слушающему, сказал Аланкарашила с глазами, полными слез: „Если тебе, сын, еще юному уже нужна вайрагья, то что же остается мне, старому? Пойду и я с тобой в лес!“

После этих слов пошел раджа в мир смертных, раздал брахманам да нищим бесчисленное множество нош золота да драгоценных камней, а потом вернулся в свой город и сказал жене: „Вот что я тебе велю — оставайся в нашем городе и береги дочку. Когда же минет год, считая с сего дня, то будет это благоприятный для ее свадьбы день. Отдам я ее тогда в жены Нараваханадатте — он, повелитель видьядхаров, возьмет под свою защиту наш город“. Так наказал царь жене и, отправив рыдающую вместе с дочерью в ее покои, сам вместе с сыном отправился в лес.

Вот и живет в своем дворце Канчанапрабха вместе с дочерью. Какая верная жена посмеет нарушить повеление мужа? Аланкаравати ходила по многим храмам⁴, а мать ее из любви сопровождала ей. Однажды обратилась к Аланкаравати мудрая дева Праджняпти: „Если пойдешь ты в Кашмир да побываешь в местах, освященных Сваямбху⁵, непременно достанется тебе в мужа единственный повелитель всех царей и князей видьядхаров Нараваханадатта“.

И по тому совету мудрой девы пошла Аланкаравати в кашмирские обители Сваямбху и стала там ему поклоняться — в Нандикшетре, на горе Махадевы, на горе Бессмертной, на пике Сурешвары, на вершинах Победы и Капатешваре, и во многих-многих других местах поклонялась она супругу богини, рожденной в горах, славной Парвати. А после этого она, дочь царя видьядхаров, со своей матушкой вернулась домой.

О счастливый, вот перед тобой Аланкаравати, а я — ее мать, Канчанапрабха. Сегодня она, мне не сказавшись, пришла в этот храм Шивы, а затем по наставлению мудрой девы Праджняпти и я сюда пришла; от нее же я узнала, что и ты явился. Поэтому возьми предназначенную тебе велением божества мою дочь, ибо утром наступает указанное ее отцом удобное время для свадьбы. Ты, сынок, ступай в Каушамби,

а мы обе сейчас уйдем, а поутру из обители вернется ее отец царь Аланкарашила и отдаст ее тебе в жены». И как сказала она это, не описать что было с Нараваханадаттой и Аланкаравати! Ни тот ни другой не могли перенести разлуки даже на одну ночь, и, словно у чакор⁶, под вечер у них глаза были полны слез. И, видя их такими, сказала Канчанапрабха: «Что это, уж и одной ночи подождать вы не можете? Стойкие-то люди выдерживают и долгую разлуку, даже когда и срок ее неизвестен! Вот послушайте-ка рассказ.

о благословенном Рама и божественной Сите⁷

Был у царя Дашаратхи, властителя Айодхьи, сын Рама, родившийся раньше Бхараты, Шатругхны и Лакшманы. Это в них, четверых, воплотился Вишну, чтобы укротить Равану. И была Сита, дочь Джанаки, Рама женой более драгоценной, чем сама жизнь. По воле судьбы был Рама послан отцом, отдавшим царство Бхарате, в лес вместе с Ситой и Лакшманой. Во время их скитаний Равана хитростью похитил у Рамы его возлюбленную жену и унес ее, убив по пути Джатаю⁸, в свой город на Ланку. Тогда Рама, тоскующий в разлуке, сразил Балина и так смог подружиться с Сугривой; после же на Ланку Ханумана, получил он от возлюбленной весточку. Достигнув берега океана, перекинул Рама на Ланку мост, сразил Равану, посадил на престол на Ланке Вибхишану и вернул себе Ситу. А после всего, что было, вернулся Рама в Айодхью, переданную ему братом Бхаратой, и стал ею править, а Сита в ту пору понесла под сердцем. Вот однажды пошел Рама, одевшись в простое платье, разузнать, что люди говорят. Блуждает он по улицам и вдруг видит, как какой-то мужчина тащит за руку жену и со словами: „У чужого в доме побывала!“ — объявляет он ее вину и гонит из дома. А жена кричит мужу: „Рама-то царь не гонит жену из дому, хоть она и побывала у ракшаса! Муженек мой, видно, старше царя, что выгоняет меня, побывавшую в доме его родственника!“

Услыхал царь Рама такие слова, и, расстроившись, ушел оттуда, и в страхе, что народ его осудит, велел отвести Ситу в лес — может прославленный выдержать терзания разлуки,

не может он вынести бремени позора⁹. Она же, несущая под сердцем, по воле судьбы добралась до обители Вальмики¹⁰. Утешил ее мудрый Вальмики, и приняла она его приглашение остаться у него. „Видно, согрешила-таки Сита, коли муж ее бросил! С чего бы иначе? Если на нее все время придется смотреть, так здесь наша греховность увеличится. А Вальмики-то, видно, только из жалости не выгоняет ее из обители! Те же грехи, которые лицезрением ее порождаются, он уничтожает подвижничеством. Пойдем-ка мы отсюда в какую-нибудь другую обитель!“ Так рассуждали другие мудрецы, жившие в обители Вальмики.

Узнав об этом, сказал им Вальмики: „Нет здесь места сомнению. Духовным взором своим увидел я, дваждырожденные, что чиста она!“ Но, заметив, что не поверили они Вальмики, сама Сита обратилась к ним: „Достойные, как считаете нужным, так и испытайте меня. Коли не чиста я, то голову мне отсеки!“ Услышав ее слова и проникнувшись жалостью, сказали они ей: „Есть здесь в дремучем лесу обитель, которую называют Титибхасара, то есть озеро Титибха. Когда-то давно усомнился муж Титибхи¹¹: а не побывала ли она у кого другого? И вот та, убитая позором, рыдающая, беззащитная, воззвала об очищении к земле и к локапалам — покровителям мира. Тогда-то они и создали для ее очищения эту обитель. Пусть на этом озере жена потомка Рагху докажет нам свою чистоту“. И с ними, так говорившими, пошла дочь царя Джанаки на то озеро. „Коли помыслила я, хоть во сне, о ком-либо другом, кроме Рамы, то, о Земля, о хранительница богатств, не дай мне перейти это озеро до другого берега¹²!“

Промолвила это Сита и вступила, добродетельная, в то озеро, и мать-земля привела ее к другому берегу. И тогда поклонились ей все мудрецы, и хотели они в гневе за то, что потомок Рагху прогнал ее, проклясть его самого, но Сита стала уговаривать их: „Молю вас, не думайте о благородном недобро. Уж лучше прокляните меня, грешную!“ Так уговаривала их она, добродетельная Сита, и мудрецы, обрадованные этим, благословили ее на рождение сына. Тогда стала она там жить и со временем родила сына, и мудрый Вальмики нарек его Лавой.

Когда однажды Сита, взяв мальчика, пошла омыться, увидел мудрец ее пустую хижину и подумал, что ведь Сита всегда в этом случае здесь малыша оставляла. „Наверно, ута-

шил малыша тигр. Другого мальчика я создам, чтобы Сита, вернувшись после омовения, не покончила с собой“. Вот так он подумал, собрал стебли травы куша¹³, сделал из них мальчика, похожего на Лаву, и поместил его в хижину.

Вернулась Сита и спрашивает мудрого: „Вот сын мой здесь стоит. Откуда здесь еще мальчик?“ Услышал он такое и рассказал, как это случилось. А потом сказал ей мудрец: „Восприми и его, беспорочная. Дал я ему имя Куша, ибо сделан он был из стеблей куши“.

Так велел ей мудрый, и Сита, поблагодарив, стала воспитывать сыновей Лаву и Кушу. А Вальмики обучил обоих мальчиков владеть оружием и всем прочим наукам. Но однажды случилось так, что убили они газель — самца, принадлежащего обителю, съели его мясо, а лингам¹⁴, которому поклонялся Вальмики, сделали игрушкой. Огорчен был этим мудрец, а Сита просила его простить мальчишек, и тогда назначил мудрый обоим юнцам покаяние: „Пусть Лава отправится на озеро Куберы и принесет оттуда золотые лотосы, а также цветы мандары¹⁵. И пусть оба брата принесут ими жертву этому лингаму. Тогда и общий их грех будет снят с них!“ Выслушав это, пошел юный Лава на Кайласу и добрался к озеру Куберы. А в саду бога, сразив якшей, взял он лотосы и цветы, но когда уходил, то по пути присел усталый отдохнуть на берегу озера.

А в ту пору случилось так, что здесь же, этой же дорогой шел Лакшмана, отыскивая человека, подходящего для человеческого жертвоприношения, задуманного Рамой. Издав боевой клич, околдовал он Лаву одурманивающим оружием, одолел его и привел в город Айодхью.

А Сита тем временем горевала из-за того, что не возвращался Лава, и Вальмики ее утешал. И повелел Куше мудрый в своем ашраме: „Сынок, Лакшмана схватил Лаву и отвел его в Айодхью. Ступай туда и освободи его вот этим оружием!“ Наставив так Кушу, вручил ему Вальмики божественное оружие. С тем и отправился Куша. Преодолевая препятствия, добрался он до Айодхьи, дошел до самого места жертвоприношений, бросился на Лакшману, пытавшегося препятствовать ему, и обратил его в бегство. Когда сражался он божественным оружием, пришел туда и Рама. Но благодаря волшебству Вальмики не мог Рама одолеть своим оружием Кушу. Тогда спросил он Кушу: „Кто ты и зачем ты здесь?“ Ответил ему на

это Куша: „Лакшмана связал моего старшего брата и привел сюда, а я сюда пришел, чтобы брата освободить. А мы оба — Куша и Лава — сыновья Рамы — так наша мать, дочь Джанаки, нам говорит“. И вслед затем рассказал он всю историю.

Тогда залился Рама слезами, привлек к себе Лаву и стал обоих обнимать, говоря: „Ведь я и есть грешный Рама“. И под крики радующихся горожан, которые при виде двух молодых восхваляли Ситу, признал Рама своими обоих сыновей и, вызвав Ситу из обители Вальмики, стал жить с ней счастливо, переложив бремя правления на сыновей.

Вот так переносят стойкие и благородные долгую разлуку. Как же это вы, дети, не можете провести в разлуке одну ночь?» — так сказала Канчанапрабха дочери своей Аланкаравати, жаждущей свадьбы, и Нараваханадатте. Сказав это, улетела она небесной дорогой, забрав свою дочь, а Нараваханадатта на воздушном корабле улетел в Каушамби. Но там ночью не шел к нему сон, и сказал ему Гомукха, затейливый выдумщик: «Послушай, божественный, расскажу я тебе

о Притхвирупе

Стоит в южных краях город, зовущийся Пратиштхана¹⁶, и жил там очень красивый царь Притхвирупа. Однажды пришли к нему два мудрых странника и, видя его чудесную красоту, обратились к нему со словами: „Ходим мы, божественный, по всей земле, а равного тебе по красоте нигде не встретили — ни мужчину, ни женщину, повелитель! Разве только на острове Муктипура у царя Рупадхары дочь Рупалата, рожденная от царицы Хемалаты. Одна лишь девушка такая, как она, один лишь ты, господин. Хорошо, кабы вы сошлись!“ От таких речей шраманов словно стрела Маданы, сладостного бога любви, через уши влетела царю прямо в сердце, дотоле не тронутое. Воспылавший страстью Притхвирупа позвал лучшего из своих художников, Кумаридатту, и повелел ему: „Изобрази, художник, на ткани мой облик как он есть! Возьми портрет и отправляйся с этими двумя нищими на остров Муктипура¹⁷, а там ухитрись как-нибудь показать его Рупалате, дочери царя Рупадхары. Узнай, отдаст ли тот царь свою дочь мне в жены или нет. Ну, и ее изобразив, порт-

рет принеси сюда!“ Так повелев, послал царь художника со странниками на тот остров.

Отправился художник со странниками — шел, шел и дошел наконец до города Патрапуры¹⁸, стоящего на берегу океана, а там взошли они на корабль и еще плыли пять дней, пока не приплыли на остров Муктипура.

Пошел художник к воротам дворца и вывесил полотнище, на котором было написано: „Нет на свете художника, который бы со мной сравнялся!“ Узнав про это, позвал его царь Рупадхара к себе. Вот входит наш живописец в царские чертоги и, отвесив царю поклон, заявляет: „Странствовал, божественный, я по всей земле, но нигде не видел художника себе равного. Что повелишь, то и изображу — богов ли, асуров ли, смертных ли!“ Выслушал царь это и послал позвать к нему Рупалату, а художнику велел: „Вот изобрази мою дочку да покажи мне!“ Тотчас же Кумаридатта принялся рисовать царевну, а закончив, показал царю. Какова она была в жизни, такова и на картине!

Обрадовался царь Рупадхара и, пораздумав, спросил искусного художника — уж очень хотелось найти ему зятя: „А что, любезный, скажи-ка, по земле странствуя, не видел ли ты где женщину или мужчину, равных по красоте моей дочери?“ Ответил ему на это художник: „Нет, нигде не видел я женщины, по красоте равной твоей дочери! Что уж о мужчинах говорить! Разве только царь, что в Пратиштхане правит — имя ему Притхвирупа, — сравниться с ней сможет! Вот дочь твоя с ним сочеталась бы — было бы хорошо! Ведь раз нет равной ему по красоте царевны, Притхвирупа остается неженатым. Видел я, божественный, того царя, красота которого радует взор, и, восхищенный им, точно изобразил его“. Тотчас же спросил художника царь: „Что, портрет тот у тебя с собой?“, а художник в ответ: „С собой, с собой!“ — и развернул он портрет перед царем. Увидев же запечатленной красоту царя Притхвирупы, царь Рупадхара от восхищения даже головой закачал и молвил: „Счастливы мы, видящие тобой нарисованное, слава тебе, воочию его видевшему!“

Услышав отцовские слова и увидев изображение царя, царевна Рупалата ни о ком другом уже не хотела слышать, ни на кого другого не хотела смотреть. А царь Рупадхара, видя, что дочь охвачена страстью, обратился к художнику с такими

словами: „Коли все в твоей картине верно, то, видно, царь Притхвирупа по красоте равен моей дочери. Бери с собой портрет моей дочери, поспеши к царю Притхвирупе и покажи ему! Да Расскажи ему все, как было, и, коли понравится она ему, пусть поспешит сюда и возьмет ее в жены!“ С этими словами одарил он деньгами художника и с ним пришедших нищенствующих шраманов и отправил с художником своего посла.

Отправились в путь художник, посол и нищенствующие шраматы — переправились через океан и добрались до Пратиштханы к царю Притхвирупе. Вручили они Притхвирупе дары и послание от царя Рупадхары и рассказали, как было дело. Показал художник Притхвирупе, повелителю земли, изображение прекрасной Рупалаты, и царь не мог глаз отве-сти от нее — покорен был ее нежной прелестью. И так он любовался и упивался красотой, что похож стал на чакору¹⁹, которая пьет лунные лучи и никак не может напиться ими. Тогда сказал он художнику так: „Благословенна, друг, рука творца, создавшего такую красоту, и благословенна рука художника, передавшего ее! Согласен я на предложение Рупадхары — вот слово мое! Поеду я на остров Муктипура и возьму царевну в жены“. Так решив, вознаградил он честь по чести и художника, и посла Рупадхары, и нищенствующих шраманов деньгами и сидел, глядя на портрет, а когда в сад шел или по дворцу бродил, всюду мучился он от разлуки!

На другой день определил он время, подходящее для совершения свадебного обряда, и, окруженный множеством слонов и коней, вассалов и царевичей, взяв посла Рупадхары и художника вместе с нищенствующими шраматами, отправился в путь. Взобравшись на слона Мангалагхата, царь отправился в путь, и по прошествии некоторого времени к вечеру достиг он Виндхийского леса и стал там лагерем.

На другой день сменил царь Притхвирупа слона — сел на другого, по имени Шатрумардана, — и вступил в Виндхийский лес. Вот идет он вперед, и войско перед ним. Вдруг видит он, что войско кинулось вспять. „Что это?“ — подумал он в смятении, и тут вдруг забрался к нему на слона бесстрашный раджпут²⁰ по имени Нирбхая и говорит: „Божественный, напала на нас сила немалая диких бхил²¹. Бхилы наших пятьдесят слонов убили, да пеших воинов тысячу, да коней сотни три, а наши свалили бхил²¹ тысячи две. Если на поле битвы

там нашего воина увидишь павшим, то знай, что из их войска двое пали, а потом наши воины от их палиц и стрел побежали вспять!“

Разгневался, услыша эти слова, царь Притхвирупа и кинулся в бой, и разметал войско бхилов, подобно тому как Арджуна рассеял полчища кауравов²². Многих бхилов положили бесстрашный Нирбхая и другие воины, а царь своим мечом отсек голову самому предводителю бхилов. Слон Шатрумардана от крови, сочившейся из ран, нанесенных ему стрелами бхилов, был похож на гору, с которой бегут водопады, окрашенные киноварью.

И тогда одержавший победу царь собрал все свое войско, а те бхилы, которых не настигла смерть, разбежались на все десять стран света²³. Восхвалил посол Рупадхары великое мужество царя Притхвирупы, одержавшего победу. Чтобы дать отдых своему израненному войску, раскинул победоносный царь свой лагерь в том же лесу на берегу озера и провел там день.

Когда же забрезжило новое утро, снова выступил царь в поход и добрался наконец до города Патрапуры, стоявшего на берегу океана. Отдохнул он там день, и тамошний царь Удараचारита, ведущий достойную жизнь, принял его, как подобает принимать гостя. Попросил у него Притхвирупа корабли и, проплыв по океану восемь дней, достиг острова Муктипура.

Узнал об этом раджа Рупадхара, обрадовался, вышел ему навстречу, и встретились оба царя и сладостно обнялись друг с другом. А потом вступил Притхвирупа вместе с раджей Рупадхарой в город, и тамошние жительницы смотрели на него и не могли насмотреться. А царица Хемалата и царь Рупадхара, глядя на будущего мужа дочери, радовались и нарадоваться не могли, и всячески — угощениями и разговорами — ублажал Рупадхара гостя дорогого Притхвирупу.

На другой же день в благословенный час взошел Притхвирупа на алтарь и при общем ликовании взял руку Рупалаты. „Все истинно, что слышала я о тебе!“ — „И то правда, что о тебе говорят!“ — так говорили друг другу жених и невеста, не сводя друг с друга очей и любуясь друг другом. Когда же стали осыпать их рисом, то дал Рупадхара молодым столько драгоценных камней, что люди сочли его богатство неистощимым. Когда же завершился свадебный обряд, то Рупадхара и

художника, и шраманов, да и всех прочих одарил нарядами да украшениями.

Затем, оставшись в том городе, царь Притхвирупа со всей своей свитой вкусил пития и угощения, приготовленные по обычаям того острова, и день прошел в песнях и плясках. Когда же наступила ночь, он, земли повелитель, исполненный страсти, вошел в опочивальню Рупалаты, где ложе, украшенное рубинами, стояло на полу, выложенном рубинами же, а посередине на столбе, сложенном из рубинов, сверкали усыпанные рубинами светильники. Изведал он с нею, с красавицей Рупалатой, и дважды, и трижды и многожды долгожданные радости любви, как им того хотелось, и было это подлинным праздником страсти, а затем сраженный трудами любви уснул он и только рано утром был разбужен поэтами и певцами, воспевавшими его, и, поднявшись с ложа, почувствовал себя точно так же, как Индра на небе.

Вот так наслаждаясь по милости тестя все новыми и новыми радостями, провел Притхвирупа на острове десять дней, а на одиннадцатый он с Рупалатой, избрав по совету астрологов благоприятный час, пожелал всем счастья и отправился восвояси. Проводил его до океанского берега раджа Рупадхара, а там вступил Притхвирупа с женой и со всей своей свитой на корабли и после восьмидневного плавания достиг другого берега, на котором встретило царя его войско, а раджа Удараচারита, славный своей достойной жизнью, вышел ему навстречу и проводил его к себе, в Патрапур. Сколько-то дней он там провел, наслаждаясь гостеприимством Удараচারиты, и снова отправился в путь, посадив любимую Рупалату на слона Джаямангалу, а сам сел на другого, имя которому было Кальянагири. Вот так шел он и шел, пока не достиг украшенной приветственными арками и шестами с высоко развевающимися флагами своей столицы — города Пратиштханы. Тамошние красавицы при виде Рупалаты, лишь взглянув на нее, от удивления забыли закрыть глаза и перестали гордиться своей красотой. Вступив в столицу, Притхвирупа устроил праздник, художника награждал и деревнями и деньгами, а обоих шраманов восхвалял всячески и, как следовало, щедро их одарил. Одарил он и вассальных ему князей, министров и царевичей. Ну, а потом жил да радовался царь со своей любезной Рупалатой и изведал все счастье, какое только может изведать смертный».

Закончил свой рассказ Гомукха и обратился к Нараваханадатте, страстно жаждущему соединиться с любимой: «Вот как доблестные переносят долгую разлуку. Как же ты не можешь утерпеть всего лишь одну ночь? Ведь утром сделаешь ты, божественный, Аланкаравати своей женой!» И только кончил свою речь Гомукха, как тотчас же заговорил Марубхути, сын Яугандхараяны: «Не говори так, Гомукха, ибо здоров ты — неведомы тебе муки любви! Ведь только до той поры муж стоек, мужествен, рассудителен, пока не пал он жертвой стрел Камы! Есть всего лишь трое счастливых во всей вселенной, которые отмечают Смару, подобно былинке, прилипшей к платью, — Сарасвати, Сканда и Будда²⁴!»

Заметив, что Гомукха огорчился словами Марубхути, Нараваханадатта, желая подбодрить его, так сказал: «Гомукха хотел меня развеселить, и все, что он сказал, было вполне уместно. Что в том дурного, если любящий скажет доброе слово другу, страдающему от разлуки? Сколько возможно, должны его утешить близкие. Ну, а то, что дальше будет, — в воле семистрелого бога²⁵». Вот так, слушая разные истории и беседуя с приближенными, провел царевич ту ночь.

Но вот блеснуло утро, и, покончив с положенными обрядами, увидел Нараваханадатта, как с небес спускалась Канчанапрабха с мужем Аланкарашилой, сыном Дхармашилой и с дочерью Аланкаравати. Когда же спустились они, то приблизились и приветствовали его, а он им отвечал, как положено. Тем временем спустились с небес тысячи видьядхаров, и каждый нес ношу золота, драгоценных камней и прочего. Про все это узнав, поспешил туда повелитель ватсов со своими министрами и с женами и весьма обрадовался возвращению сына. Когда же правитель ватсов устроил достойное гостя угощение, обратился к нему раджа Аланкарашила, почтительно поклонившись: «Вот, царь, дочь моя Аланкаравати. Только успела она родиться, как глас небес возвестил: „Станет дочь твоя супругой Нараваханадатты, будущего верховного властителя всех вождей видьядхаров“. Отдаю я ее ему именно сегодня, ибо сегодня — счастливый для них обоих день. Ради этого я и пришел сюда со всей семьей!» Повелитель ватсов в ответ ему молвил: «Велика твоя милость!» — и возрадовался.

Вот Аланкарашила водой, силой волшебства вызванной им из своих ладоней, оросил двор дворца, и тотчас же вы-

росли посреди двора золотой алтарь, покрытый великолепной тканью, и павильон, украшенный разными драгоценными камнями да жемчугами. И тогда обратился раджа Аланкарашила к Нараваханадатте: «Встань, настал благословенный час — омойся!» А приведя его омытого, со свадебным шнуром через плечо²⁶, радостный отдал ему наряженную в свадебные одежды Аланкаравати, дочь свою, беззаветно любимую. Когда же зерно было брошено в огонь²⁷, он вместе с сыном отдал дочери тысячи нош украшений, одежд, золота и драгоценностей и множество небесных дев. Когда же завершился свадебный обряд, почтив всех свойственников, Аланкарашила с супругой и сыном улетел тем же путем, что и прилетел, а владыка ватсов, видя, что перед его сыном склонились владыки видьядхаров, мчащихся в поднебесье, и что сыну его предстоит высокое будущее, радостный, велел продолжать праздник.

Нараваханадатта же, которому досталась Аланкаравати, обладательница благородных достоинств и прелестная в своей скромности, радовался ей, как радуется хороший поэт, который нашел стиль, полный высоких чувств, звучных стихов и ярких метафор.

ВОЛНА ВТОРАЯ

Женился сын повелителя ватсов, царевич Нараваханадатта, на Аланкаравати и с молодой женой веселился в отцовском доме — то слушал пение и наслаждался плясками ее слуганок, то тешился веселыми пиршествами со своими министрами. Однажды пришла к нему Канчанапрабха, мать Аланкаравати, и, приняв его приветы и угощения, сказала: «Приходи теперь в наш дом, посмотри на город славный Сундарапуру, развлекись с Аланкаравати в садах тамошних!» Выслушал он ее, молвил: «Так тому и быть!» И, уведомив отца, с женой, с министрами, с Васантакой-шутком взошел на совершенный воздушный корабль, созданный волшебным могуществом тестя, и отправился дорогой небесной. Вот стоит он на

воздушном корабле и с небес смотрит вниз — земля-то вся будто холмик, а моря — канавки.

Долетел он с женой, тещей и прочими до Гималаев, звенящих песнями киннари и украшенных хороводами небесных дев. А с Гималаев увидел много чудес юный Нараваханадатта, а среди них и сам город Сундарапуру. Город этот с многочисленными дворцами, золотые стены которых были выложены самоцветами, хоть и стоял на вершине Гималаев, а своим блеском заставлял вспомнить сверкающую вершину горы Меру.

Спустился царевич с небес, сошел с воздушного корабля и вместе с Аланкаравати и другом Васантакой вступил в столицу тестя, горячо им встреченный, и казалось, будто сам город с развевающимися флагами и колышущимися стягами плясал от радости при виде своего повелителя. Провел царевич целый день в палатах тестя, словно на небе, наслаждаясь разными божественными развлечениями, устроенными искусством тестя.

На следующий день сказала теща его, Канчанапрабха: «Есть в этом городе изваяние владыки Самосущего, супруга Умы, и оно дает избавление и радость, если на него посмотреть. Отец Аланкаравати разбил там большой сад, устроил пруд для священных омовений, который по праву зовется Гангасарой, ибо свят он так же, как священная Ганга. Ступай-ка туда, поклонись Шиве!» Как сказала ему теща, так Нараваханадатта и сделал — отправился с милой подругой Аланкаравати и со всеми прочими, кто с ним был, в тот сад, посвященный Шарве. Там омылся он в Гангасаре, поклонился супругу Умы и бродил с Аланкаравати среди златоствольных деревьев с ветвями, усыпанными самоцветными камнями, с гроздьями цветов из жемчугов, а у цветов тычинки их были из кораллов. Гулял он и у прудов со спусками из яхонтов да лалов, а на прудах росли золотые лотосы, и на берегах были разбросаны беседки, увитые лианой, исполняющей желания. Развлекались они там божественным пением и музыкой, беседами и забавными выходками Марубхути. Целый месяц веселился в этих садах Нараваханадатта и развлекался всем, что было создано волшебством тещи. А потом одарила Канчанапрабха и зятя своего и его министров одеждами и украшениями, которые впору богам носить, и полетела с ним снова на воздушном корабле в Каушамби, и возвращение Нараваханадатты было истинным праздником для его родителей.

Там перед повелителем ватсов и Васавадаттой наказывала Канчанапрабха дочери: «Смотри, никогда не причиняй горя мужу ни гневом своим, ни ревностью. От этого, дочка, греха случается мучительная разлука. Когда-то возревновала я мужа своего, а теперь жжет меня горе — ушел он в лес!» Вымолвив эти слова, обнялась с дочерью Канчанапрабха, и глаза ее были полны слез, и после этого взвилась она в небо и улетела в свой город.

На следующее утро, когда были уже завершены все утренние дела и Нараваханадатта совещался с министрами, некая красавица прибежала к Аланкаравати с криком: «Спаси меня, божественная, боюсь я, защити меня! Там снаружи стоит брахман, который собрался меня убить. В страхе перед ним, ища защиты, прибежала я к тебе!» «Не страшись, — отвечала ей Аланкаравати, — и расскажи, что случилось и кто тебя хочет убить?» И та начала торопливо рассказывать:

«Имя мое Ашокамала, из этого города я и дочь кшатрия Баласены. Была я девушка добродетельная и, соблазнившись моей красотой, посватал меня у отца брахман Хатхашарман. „Не хочу я такого урода в мужья, а отдашь — убегу я из его дома“ — так объявила я батюшке. Тогда, слыша мои такие слова, сел Хатхашарман перед батюшкиным домом голодать до смерти, и мой отец, опасаясь быть повинным в смерти брахмана, отдал меня ему. А тот брахман со мной, его не желавшей, совершил свадебный обряд и увел к себе, а я его бросила, ушла к одному сыну кшатрия, но заносчивый Хатхашарман, опьяненный богатством, разорил его дочиста. Ушла я тогда к другому сыну кшатрия, а Хатхашарман однажды ночью подобрался и спалил его дом. Тогда бросил меня второй сын кшатрия, и ушла я к третьему. Хатхашарман и его дом спалил. И третий сын кшатрия меня покинул, и стала я бесприютной изгнанницей — словно овца, в страхе бегущая от шакала, спасаюсь я от Хатхашармана, ни на шаг не отстающего от меня. Здесь нашла я прибежище у твоего слуги, могучего раджпуты Виращармана, согласившись стать его рабыней. Узнав про это, измученный разлукой и утративший на меня надежды Хатхашарман безумный отощал так, что остались лишь кожа да кости. Когда раджпут Виращарман хотел ради того, чтобы оберечь меня, запереть Хатхашармана в тюрьму, то остановила я Виращармана, а сегодня выходила я из дому, да, слава богу, заметила, что Хатхашарман, кинжалом воору-

женный, хочет меня убить. Тогда-то я сюда и кинулась! Сжалась надо мной привратница, открыла двери, и вот я перед тобою, а тот брахман стоит снаружи!»

Пока она это все рассказывала, велел Нараваханадатта привести перед его очи Хатхашармана. В гневе смотрел брахман на Ашокамалу испепеляющим взглядом, и было лицо его искажено, и держал он в руке кинжал, и все тело его содрогалось от ярости. Обратился к нему Нараваханадатта: «Что же ты, недостойнейший из брахманов?! Из-за чего ты хочешь убить эту женщину и поджигаешь чужие дома? Почему ты погряз в грехе?»

Отвечал на это царевичу брахман: «Ведь она мне законная жена. Она меня покинула, ушла к другому. Как мне это стерпеть?» В отчаянии воскликнула, это услышав, Ашокамала: «О повелители стран света, скажите слово свое — разве не были вы свидетелями того, как он меня против моей воли потащил на алтарь и на мне женился? И разве не кричала я тогда, что не буду жить в его доме?» Тогда прозвучал голос с небес: «Все, что сказала Ашокамала, чистая правда! Не принадлежит она к роду человеческого. Послушайте же

рассказ об Ашокамале

Есть доблестный царь видьядхаров, которого зовут Ашокакара. Не было у него сына, но волей судьбы родилась у него дочь, которую нарекли Ашокамала, и стала она в отцовском доме расти. Когда же достигла она девичества, то, чрезмерно гордая своей красотой, ни за кого, кого бы ни предлагал ей отец, не хотела она пойти замуж. Разъяренный упрямством Ашокамалы отец проклял ее: „Ступай живи среди людей. Только и будет у тебя своего, что твое имя. Насильно возьмет тебя в жены безобразный брахман. Покинув его от ужаса, ты одного за другим трех мужей сменишь. Тебе, преследуемой уродом-брахманом, даже рабство станет сладостью, и ты окажешься рабыней у могучего раджпуты, но и у него не избежишь преследований брахмана, и вот когда он тебя заметит и погонится, чтобы убить, а ты, спасаясь от него, бросишься в царский дворец, только тогда ты избавишься от проклятия“. Вот эта-то Ашокамала и есть та самая видьядхари, отцом про-

клятая и родившаяся среди людей под тем же самым именем. А нынче пришел конец проклятию, тяготевшему над ней, и примет она снова свой настоящий облик. Потом станет она супругой царю видьядхаров Абхиручиты и, помня о проклятии, будет счастливо жить». Вот так прозвучало в небе божественное слово, и тотчас же Ашокамала пала наземь бездыханной. При виде этого и у Аланкаравати, и у Нараваханадатты, да и у всех, кто там был, слезы полились из глаз, и Хатхашарман, ослепленный страстью, почувствовав, что печаль в нем одолела гнев, тоже зарыдал. Но вдруг глаза его наполнились радостью и широко открылись.

«Что это значит?» — воскликнули все. И тогда брахман промолвил: «Вспомнил я прежнее свое рождение! Каково оно было — слушайте, я вам поведаю

о Хатхашармане

Стоит на Гималайских горах прекрасный город, называемый Маданapura²⁸, а правит там царь видьядхаров Праламбабхуджа. Родился у него сын, нареченный именем Стхулабхуджа, и со временем царевич вошел в пору юности. Случилось так, что в дом к его отцу пожаловал другой царь видьядхаров, по имени Сурабхиватса, вместе со своей дочерью. Вот Сурабхиватса и говорит: „Вот дочь моя Сурабхидатта. Готов я выдать ее за сына твоего Стхулабхуджу. Пусть он, добродетельный, сегодня же и сделает ее своей женой“. Выслушал его Праламбабхуджа и согласился на это. Велел он позвать сына и ему все это сообщил.

Тогда Стхулабхуджа, чванившийся своей красотой, говорит ему так: „Нет, батюшка, не стану я на ней жениться. Не так уж она красива!“ „Да что тебе, сынок, делать с чрезмерной красотой? А девушка-то из хорошего рода. Отец ее тебе отдает, и я на это согласен. Не следует тебе перечить!“ — так увещевал отец Стхулабхуджу, да тот никак не поддавался, и тогда отец разгневался и проклял его: „Чтоб не чванился ты своей красотой, родишься ты теперь среди людей и лик твой будет безобразен и весь ты будешь уродом! Достанется тебе в жены Ашокамала, тоже живущая под проклятием, и ты возьмешь ее силой. Будешь ты мучиться от разлуки с ней, а она,

не желающая тебя, тебя отвергнет. Она будет любить других, а ты от горя отощашь и, ослепленный страстью, будешь поджигать дома и совершать разные иные злодеяства“. Когда Праламбабхуджа кончил произносить проклятие, к нему в ноги пала рыдающая Сурабхидатта и взмолилась: „Прокляни и меня тоже. Пусть судьба наша будет единой. Да не будет супруг мой терзаться один из-за моего греха“. Умиленный этими словами Сурабхидатты, утешил ее Праламбабхуджа и определил, когда будет конец его проклятию: „Как только Ашокамала избавится от своего проклятия, так и с сына моего спадет проклятие и вспомнит он свое прежнее рождение, обретет свой настоящий облик, и, помня о проклятии, избавится от гордости, женится на тебе, и будет жить с тобой счастливо“. Вот так сказал он Сурабхидатте, и она кое-как успокоилась.

Так вот, знай, что я и есть тот самый Стхулабхуджа, освободившийся от проклятия. Видел я беду великую от греха гордыни. Разве видел кто явно или неявно, чтобы гордецов почитали? Но кончилось сегодня проклятие, тяготевшее надо мной». И с этими словами избавился от человеческого облика Хатхашарман и снова обратился в юного видьядхара. Силой своего волшебства взял он тело Ашокамалы, и бросил его в воды Ганги, и с помощью того же волшебства принес из Ганги воды, и оросил палаты Аланкаравати. Затем поклонился он Нараваханадатте, будущему своему повелителю, и, взвившись в небо, отправился к тому, что ему было предназначено.

Все были еще радостно изумлены этим происшествием, когда Гомукха рассказал историю

об Анангарати

«Есть на земле город, по заслугам названный Шурапура²⁹, и правил когда-то в нем весьма неразумный царь Махавараха. Не было у царя никакого потомства, кроме родившейся по милости Гаури, которой царь усердно поклонялся, у его супруги Падмарати дочери, имя которой было дано Анангарати. Со временем достигла она юности, и стала от красоты своей заносчивой, и не хотела никого себе в мужа, хотя и

сватались к ней многие цари. „Только тому я отдамся, кто герой, красавец и кому ведомо какое-либо прекрасное знание“, — решила она.

Вот пришли однажды туда, услышав об Анангарати и желая к ней посвататься, четверо молодцов из южных краев, обладающие всеми желанными для нее качествами. Объяснили пратихары³⁰ об их приходе, ввели к царю, и спросил их Махавараха в присутствии дочери: „Что вы за люди, как кого зовут, какого роду-племени и какое кому ремесло ведомо?“ Выслушали они такой царев вопрос, и каждый из них ответил. Первый сказал: „Имя мое Панчапхаттика. Шудра я, и есть у меня ремесло — что ни день, тку я пять пар одежд, а из них одну даю брахману, вторую — богу, третью — самношу, четвертую — жене, коли будет, а пятую продаю и покупаю, что нужно для жизни“. Другой сказал: „Знаю я разные языки, и имя мое Бхашаджня. Вайшья я. Ведаю, как говорит всякий зверь и всякая птица“. Третий заговорил: „Имя мое Кхадгадхара, и я кшатрий и живу своим мечом, а не чем иным“. И тогда молвил четвертый: „Имя мое Дживадатта, и я брахман. Даровала мне Гаури искусство оживлять мертвых женщин“.

Так вот шудра, вайшья и кшатрий каждый отдельно хвалил свою красоту, мужество и умение, а брахман говорил только об умении да мужестве, о красоте умолчал. Тогда Махавараха-царь сам сказал пратихаре: „Помести их каждого для отдыха в отдельный покой“. И тот выслушал эти слова и, сказав: „Так повелел царь!“ — отвел их.

Спросил Махавараха дочь свою любимую Анангарати: „Кто, доченька, из этих четырех тебе по душе?“ „Шудра-ткач? Что толку в его добродетелях? Вайшья птичьи языки знает — ну и что из этого? — отвечала отцу Анангарати. — Из этих четверых, батюшка, никто мне не нравится — по касте я кшатрия. Как же стану я женой шудры или вайшьи? Третий — добродетельный кшатрий, той же варны, что и я. Да он бедняк, жизнь свою продает и услужением живет. Как же я, царская дочь, стану ему женой? Да и четвертый, брахман Дживадатта, тоже мне не по сердцу. Безобразный он, отступился от своей кармы, невежествен и вед не знает. Его бы тебе наказать надо, а ты меня ему в жены с чего-то прочишь! Ведь ты, батюшка, раджа, а раджа и варну и ашраму защищает. Царь, правящий законом, выше царя, правящего мечом!“

Вот так и по-иному выговаривавшую ему дочь отпустил царь в ее покой, а сам занялся омовением и прочими делами.

На другой день те четверо вышли из дома и пошли, любопытные, бродить по городу, как вдруг слон Падмакавала, обезумев, порвал цепи, вырвался из стойла и стал топтать народ. Увидел слон четверых молодцов и кинулся на них, желая их убить, а они кинулись на него каждый со своим оружием. Но находившийся среди них кшатрий Кхадгадхара отстранил троих других и один на один вышел на единоборство со слоном. Одним ударом Кхадгадхара отсек яростно ревущему слону хобот, словно стебель лотоса. Ловко проскочив у слона между ногами, нанес доблестный кшатрий второй удар слону в спину. А третьим ударом отсек он слону две ноги, и тогда, издав яростный рев, упал слон и издох. Все люди, видевшие такую доблесть, возрадовались, а когда дошла весть о таком подвиге до царя Махаварахи, тот немало подивился.

На следующий день отправился царь верхом на слоне на охоту, и с ним отправились четверо молодцов — Кхадгадхара и другие. Вот царь с войском своим немало уложил тигров, газелей и прочих, как вдруг набросились на него яростные львы, разбуженные трубными звуками слонов. Налетает один лев, а Кхадгадхара точным и ловким ударом рассекает его надвое. Другой накидывается, а храбрец, левой рукой схватив его за лапы, раскручивает и так оземь швыряет, что у того дух вон. Да и вайшья Бхашаджня, и брахман Дживадатта, и шудра Панчапхаттика каждый по льву таким-то образом наземь уложили. Так же эти четверо молодцов пешие у царя на глазах во время охоты много сразили львов, да тигров, да прочей дичи, и, когда кончилась охота, вернулся царь в свой город радостным и довольным, а те четверо молодцов пошли в дом к пратихаре.

Царь же вошел в антахпур³¹ и, хотя и был усталым, тотчас же велел позвать дочь свою любимую Анангарати и рассказал ей о том, какую каждый из тех четверых молодцов во время охоты проявил невиданную доблесть, и она тому очень удивилась. „Что же, дочка, Панчапхаттика и Бхашаджня тебе по касте неровня, Дживадатта хоть и брахман, но изменил своей карме и безобразен, но что ты скажешь о кшатрии Кхадгадхаре — что в нем за грех? И хорош собой, и ростом вышел, и сила у него, и мужество! Он слона сразил беше-

ного, скольких львов мечом рассек! Коли не нравится тебе, что беден он и в услужении живет, то я его быстрехонько таким господином сделаю, которому прислуживать будут. Коли он тебе, доченька, по сердцу, выбери его себе в мужа". Вот что сказал отец дочери своей Анангарати, и вот что она ему на это ответила: „Вели их всех сюда привести, батюшка. Спросим звездочета, а там уж посмотрим, что он скажет“.

Молвила она такие слова, и тотчас же царь велел привести тех молодых и, когда они пришли, спросил с почтением у звездочета: „Посмотри, кто же из них Анангарати предназначен, да коли есть день подходящий, то скажи нам, мы в тот день и свадьбу устроим“. Выслушал звездочет, что спрашивали, у звезд стал спрашивать, долго считал да прикидывал, да и говорит царю:

„Не гневайся, божественный, на меня, коли все по правде скажу. Никто из этих четырех твоей дочери в женихи не годится, и на этом свете не будет у нее свадьбы, ибо она видьядхари, из-за проклятия родившаяся среди людей, а проклятие ее окончится через три месяца. Но вот если она, три месяца прождав, не уйдет в свой мир, тогда быть ее свадьбе в этом мире“.

Все, кто слышал слова звездочета, поверили им, и стали те четыре героя ждать, когда три месяца пройдут. Когда же миновало три месяца, велел царь привести пред свои очи тех молодых, и звездочета, и Анангарати и, заметив, что дочь его еще краше стала, возрадовался царь. Ну, а звездочет-то посмотрел на нее, да и понял, что настало время, о котором он предсказывал. Царь ему говорит: „Ну, три месяца-то прошли, сказывай, кто ей в женихи годится!“ И только лишь молвил царь эти слова, как вспомнила Анангарати свое прежнее рождение, закрыла полой сари лицо и покинула смертное тело. „Что такое!“ — вскрикнул царь, сам открыл ей лицо и увидел, что она мертва. И лежит, словно лотос, морозом убитый, и улетели пчелы ее глаз, и навсегда выпорхнул лебедь ее речи, и увяла лилия ее лица. И тогда от горя, словно от удара палицы, поразившей его, рухнул царь без памяти на землю. И мать ее, царицу Падмарати, сраженную горем, покинуло сознание, и упала она во всех своих украшениях, словно лиана в цветах, растоптанная слоном.

Вся челядь стала рыдать, и те четверо молодых тоже, и тогда пришел в себя царь и сказал Дживадатте: „Никто другой

здесь помочь не может, только тебе случай выдался. Говоришь ты, что мертвых оживлять можешь. Так коли есть у тебя такая сила, оживи мою дочь, а коли оживишь, то отдам я тебе ее в жены!“

Выслушал Дживадатта царицы слова, попрыскал на царевну водой наговоренной да пропел стих:

„Ты, с хохотом и грохотом,
Вся в ожерельях из костей,
Увешанная черепами,
Спеша скорей на помощь мне,
Чамунда³² безобразная!“

Но не помогло искусство Дживадатты и не ожила Анангарати, и удрученный брахман проговорил: „Даровала мне живущая в горах Виндхья богиня искусство, да бесплодно, видно, оно. Теперь стану я для всех посмешищем. Что мне жизнь?“ Берет Дживадатта большой меч, чтобы отсечь себе голову, как вдруг с небес раздался голос: „Не спеши, Дживадатта, а лучше послушай. Та, которую звали Анангарати,— девушка из видьядхаров, и из-за отцовского проклятия пришлось ей жить среди людей. А сегодня пришел тому проклятию конец, и ушла она в свой мир, покинув земное тело и приняв свой настоящий облик. Ты же ступай и снова поклонись богине, живущей в горах Виндхья, и благодаря ее милости достанется тебе эта красавица видьядхари. Ни тебе, ни царю не надо о ней горевать — вернулась она теперь к небесному блаженству“. На этом и замолчал голос с неба.

Устроив обряд сожжения тела дочери, перестал горевать царь и с супругой ушел во дворец. Да и те трое молодцов как пришли, так и ушли, а Дживадатта отправился умиловить подвигами своими богиню, живущую в горах Виндхья. Явилась она ему однажды во сне и сказала: „Обрадовал ты меня! Послушай, что я тебе расскажу. На Холодных горах стоит город, а зовется тот город Вирапура. Правит в нем царь видьядхаров по имени Самара, а жена его Анангавати родила ему дочку Анангапрабху. Из-за красоты небывалой да юности безмерно горда была Анангапрабха и никого не хотела в мужья. Рассердились на нее родители, разгневались, да и проклинали: „Ступай-ка поживи среди людей, и не будет тебе супружеского счастья, а когда исполнится шестнадцать лет, вернешься сюда. А супругом станет тебе смертный, безобраз-

ный обличем Кхадгасиддха³³, обреченный проклятием из-за любви к дочери пророка на жизнь среди людей. Вот и ты из-за нежелания своего среди смертных будешь жить. Придется тебе с ним разлучиться, ибо тебя похитит другой — это Кхадгасиддхе наказание за то, что в прежнем рождении он восемь раз чужих жен похищал, а теперь ему самому восемь раз горе почувствовать придется. Вот и ты в этом рождении испытаешь горе от восьми рождений, а раз ты среди людей родишься, то и все свои знания утратишь. От общения с грешным и сама станешь соучастницей его грехов — ведь женщины, сходясь с грешным супругом, делят его грехи. Не помня о прежних своих рождениях, и ты будешь сходитьсь со многими мужчинами за то, что ты отвергала достойных женихов. Тот самый Маданапрабха, летящий в небесах, равный тебе и просивший тебя в жены, будет твоим мужем, когда станет на земле царем, а затем кончится проклятие твое, и вернешься ты в свой мир, и Маданапрабха снова обратится в видьядхара и станет тебе достойным мужем“.

Вот так-то проклятая родителями родилась Анангапрабха на земле в облике Анангарати, а сегодня вернулась она к ним. Поэтому подымись, отправляйся в Вирапур и, одолев в бою ее отца, возьми ее, равную тебе и родом и званием. Возьми меч, что я тебе даю, и, пока держишь ты его в руке, никто не одолеет тебя ни на земле, ни на небе“. С этими словами исчезла богиня, а он проснулся и увидел, что держит в руке меч. Встал тогда Дживадатта, поклонился Амбике, жительнице Виндхийских гор, обрадовался случившемуся и благодаря ее милости избавился от тяготы подвижничества.

С мечом в руках помчался Дживадатта путем небесным и, пройдя Гималаи, достиг наконец города Вирапура и жившего в том городе царя видьядхаров Самару. Одолев его в честном бою, женился он на отданной ему отцом Анангапрабхе и стал вкушать небесное блаженство.

Так жил он у тестя своего Самары, и вот через какое-то время сказал он тестю и своей возлюбленной Анангапрабхе: „Вернемся на землю — соскучился я по ней. Ведь всему живому родина дорога, будь она даже и неприметным местом“. Услышал это тесть и согласился, но с трудом согласилась Анангапрабха — знала она, что с ней случится.

Вот Дживадатта усадил на колени себе Анангапрабху и спустился на землю. Заметил он красивый холм и сказал жене:

„Устал я, Анангапрабха, давай отдохнем здесь!“ Согласилась она, и силой своего волшебства добыли они и еды, и питья, и всего прочего, а когда утолили голод и жажду, то Дживадатта, судьбой побуждаемый, спросил ее: „Не споешь ли ты мне, милая, сладкую песенку?“ А она в ответ на это запела славу Шиве, и звуки ее песни навлекли на него сон.

Как раз в это время той дорогой ехал уставший от охотничьей потехи и измученный жаждой царь по имени Харивара, и его словно газель заманила мелодия песни, и, сойдя с колесницы, он пошел один. Сначала приметы на дороге предсказали ему счастье, а затем увидел царь Анангапрабху, истинное воплощение красоты бестелесного бога любви, и тогда поразили его и ее красота и ее пение, и Мадана пронзил своими стрелами его незащитное сердце. Да и она при виде такого красавца попала под стрелы бога, вооруженного луком из цветов и цветочными стрелами, и тотчас же подумала: „Кто бы это мог быть? Или это сам бог любви, бросивший свой лук? Или, может быть, Шарва³⁴, обрадовавшийся моей песне, явился передо мною во плоти?“ Вот так размышляя, спросила она, охваченная страстью: „Скажи мне, кто ты и как попал сюда?“

Рассказал ей тогда раджа, как он попал в эту глушь, и спрашивает ее: „А ты, красавица, кто такая? И скажи мне, лотосоликая, кто это здесь спит?“ И ему, спрашивающему, ответила она коротко так: „Я — видьядхари, а это — супруг мой Кхадгасиддха, обладатель волшебного меча. Только увидела я тебя, как тотчас разгорелась в сердце моем страстная любовь к тебе. Пока не проснулся он, поспешим в твой город, а там я тебе все подробно расскажу“.

Услышав это, сказал раджа: „Так тому и быть!“ — и обрадовался, словно стал повелителем трех миров. Только подумала Анангапрабха: „Возьму я этого царя на колени к себе и полечу небесной дорогой!“, как утратила свое волшебство из-за того, что мужа обманула. Вспомнила она тут об отцовском проклятии и погрустнела. Заметил это Харивара и, спросив ее о причине этого, сказал: „Не время горевать — проснется твой супруг. Случилось все так, как судьба того хотела. Не следует горевать, милая! Кто может убежать от своей судьбы или избавиться от тени? Пойдем дальше“. Взял ее на руки и, радостный, словно досталось ему богатство несметное, встал на свою колесницу, летящую быстро, как мысль,

и вместе с милой прибыл к себе в город, и все его подданные смотрели с восхищением на него и на красавицу. И в городе, носившем то же имя, что и он сам, зажил с Анангапрабхой счастливый Харивара-царь. Да и Анангапрабха горячо любила его, только утратила она свою силу, и снова стало тяготеть над ней проклятие.

А пока все это шло, проснулся на том холме Дживадатта и увидел, что нет ни Анангапрабхи, ни меча: „Куда Анангапрабха делась? Куда исчез меч? То ли она, взяв меч, улетела, то ли их обоих кто-то похитил?“ В смятении, мучимый огнем любви, Дживадатта, то так прикидывая, то этак, провел на холме целых три дня, а потом еще десять дней скитался по лесам. Но нигде не увидел он даже следа ее. „О злая судьба! — рыдал он. — Как смогла ты похитить и меч мой и мою дорогую Анангапрабху!“ С такими рыданиями, без питья, без пищи, скитаясь, дошел он до одной деревни и вошел во двор к богатому брахману.

Красивая и хорошо одетая хозяйка, которую звали Приядатта, его приветила, и усадила, и тотчас же велела служанке: „Быстро омой ноги Дживадатте! Вот уже тринадцать дней, как он скитается без еды и без воды, в разлуке с женой!“ Услышав это, удивленный Дживадатта подумал про себя: „То ли пришла сюда сама Анангапрабха, то ли йогини?“ Когда омыли ему ноги и отведал он угощения, то спросил с большим почтением Приядатту: „Скажи мне, откуда ты все знаешь, что со мной случилось? Потом скажи мне, куда делись моя возлюбленная и мой меч?“

Так отвечала верная супругу Приядатта: „Даже и во сне не помыслию я о другом мужчине, кроме мужа, и на всех других мужчин смотрю, как на сыновей и на братьев, и ни один гость не уходит из моего дома непопотчеванным. Благодаря этому обрела я такую силу, что знаю я, что было, что есть и что будет и что Анангапрабха твоя уведена царем Хариварой, которого, пока ты спал, судьба привела к тому месту. Был он увлечен ее пением и увез с собой в город, названный его именем. Для тебя она недостижима, ибо царь этот весьма могуч. Да она, распутница, сама его бросит и уйдет к другому мужчине. А меч, который был тебе ниспослан богиней, чтобы добыть Анангапрабху, после того как ты обрел ее, вернулся к богине. Что же, забыл ты о том, как богиня явилась к тебе во сне и рассказала о проклятии, тяготевав-

шем над Анангапрабхой? Как же ты не понимаешь, что этого не миновать? Разорви эти греховные узы, приносящие тебе чрезмерно много горя! Что тебе, брат, в этой грешнице, путающейся с другими, обреченной на земную жизнь, утратившей свое волшебство из-за того, что тебя предала?“

Когда Приядатта сказала все это, оставил он мысли о покинувшей его Анангапрабхе, и преисполнился Дживадатта отвращения к этой распутнице и так сказал Приядатте: „Истинно, матушка, устранили слова твои нашедшее на меня помрачение. Не страсть, а добродетель — вот клад общения с верными карме. Горе-то случилось со мной из-за грехов в прежнем рождении, так чтобы смыть их, пойду скитаться я, отбросив ревность, по святым местам. Стоит ли гневаться мне на других из-за Анангапрабхи? Ведь тот, кто в себе гнев одолел, одолел всю вселенную“. Пока он все это говорил, вернулся домой супруг Приядатты, благочестивый и приветливый к гостям, устроил Дживадатте угощение и утешил его. Отдохнув же и попрощавшись с ними обоими, отправился Дживадатта по святым местам.

Обошел Дживадатта все на земле святые места, бродя в одиночестве по лесам, терпя всякие лишения и питаясь одними плодами и кореньями, а когда он их все обошел, то начал совершать жестокие подвиги, постясь и проводя ночи на ложе из жестких стеблей травы куши, чтобы снискать милость богини, живущей в горах Виндхья. Была Амбика довольна его подвигами и, явившись ему во сне, сказала так: „Встань любезный. Вы — четверо моих слуг: Панчамула, Чатурвактра, Маходара и ты, четвертый, лучший из всех, которого зовут Викатавадана. Пошли вы однажды на берег Ганги и увидели, что там купается Чапалекха, дочь мудреца Капиладжаты, и одолела вас всех страсть, и стали вы ее домогаться. „Уходите отсюда, я еще девушка“, — сказала она вам, и троим этого было довольно, а ты, четвертый с силой схватил ее за руку. Тогда начала она плакать и закричала: „Батюшка, батюшка, спаси меня!“ Пришел на этот крик бывший там же неподалеку разгневанный мудрец, и при виде его ты ее отпустил, а он всех вас проклял: „Все вы, грешные из грешных, родитесь теперь среди людей!“ Тогда вы все взмолились, и мудрец положил предел проклятию: „Когда вы все будете свататься к царевне Анангарати, а она уйдет в видьядхарское царство, троим из вас настанет избавление. Но ты, Викатава-

дана, получив ее в жены и утратив ее, перенесешь после этого тяжкое испытание и только лишь после того как ты долго будешь поклоняться богине, избавишься от проклятия. Все это потому, что ты коснулся Чапалекхи. Большой лежит на тебе грех — грех соращения чужих жен!”

Так-то вот вы, мои слуги, были прокляты тем мудрецом, и по этой причине родились вы, четверо, в Дакшинапатхе — Панчапхуттика и Бхашаджня да Кхадгадхара — вот уже трое, да ты четвертый — Дживадаттака. После того как Анангарати вернулась в мир видьядхаров, первые трое сюда пришли и по моей милости уже избавились от проклятия. И твоим подвижничеством я довольна, настает и для тебя избавление от проклятия. Пройди теперь через испытание огнем и избавься от своего тела, и тогда разом спалишь ты грех, который мог быть утолен только за восемь рождений“. С этими словами, назначив испытание, исчезла богиня.

И тогда Дживадатта, спалив свое грешное смертное тело, избавился от долгого проклятия и снова стал лучшим среди ганов. Если уж так божественные существа мучаются от греха любви к чужим женам, то что говорить о простых смертных!

А пока все это происходило, Анангапрабха жила в городе Харивара³⁵. Стала она самой главной среди жен царя Харивары, а раджа только о ней одной день и ночь думал и все бремя государственных дел возложил на министра Сумантру. Однажды пришел к царю из Мадхьядеши новый учитель танцев — Лабдхавара, и Харивара, убедившись в его искусстве, велел ему обучать обитательниц гарема искусству музыки и танца. И такого искусства достигла Анангапрабха, что когда она танцевала, то другие жены ей завидовали. А от частых встреч, от занятий танцем влюбилась Анангапрабха в учителя танцев, а учитель танцев, увлеченный ее красотой и грацией, ни с кем больше не танцевал. Однажды в зале для танцев Анангапрабха, когда остались они наедине, охваченная страстью к учителю танцев, сказала ему: „Не могу без тебя оставаться даже на миг. Если раджа узнает про это, не простит он мне. Так уйдем отсюда туда, где царь нас не найдет. Есть у тебя верблюды, кони, золото и прочие сокровища, что царем даны, искусством твоим обрадованным, а у меня — украшения. Так поспешим отсюда туда, где мы смогли бы жить без страха!“ Обрадовался учитель танцев ее словам и согласился. Тогда переделась она в мужское платье и с любимой своей служан-

кой пришла в дом к учителю танцев, а он, навьючив на верблюда все свое богатство и сев вместе с ней на коня, отправился в путь. Так покинула она счастье сначала видьядхарское, а теперь царское — тьфу на изменчивую душу женщин!

Ушла Анангапрабха с учителем танцев далеко, и пришли они наконец в город, который называется Вийогапура³⁶, и стал жить учитель танцев с ней счастливо и считал, что он, добыв Анангапрабху, истинно оправдал свое имя, ибо имя его Лабдхавара означает „обретающий желанное“.

А пока это все происходило, царь Харивара, узнав, что его возлюбленная Анангапрабха куда-то подевалась, так загоревал, что хотел даже расстаться с жизнью. Увещевал его министр Сумантра: „Что ты, божественный, не понимаешь, что ли? Ты бы сам рассудил — видьядхара Кхадгу она бросила, с тобой сошлась. Так что же ты ждешь от нее постоянства? Что легко ей досталось, с тем легко и рассталась. Трава к траве тянется. Увел ее, видно, нынче учитель танцев — вот и его не видно. Слышал я, что утром рано их видели в зале для музыки и танцев. Скажи, божественный, и с чего ты к ней привязался?! Красотка меняет возлюбленных так же, как вечерняя заря меняет свои краски“.

Глубоко задумался царь над тем, что сказал ему министр: „Увы, правду сказал он мне. Увы, подобна красавица самой жизни — и непостоянна она, и изменчива, и полна горестей... Упавшего в реку увлекают бурные водопады, взглянувшего на женщину увлекает ее кокетство — не следует мудрому падать в объятия рек глубоких или женщин страстных. Только те стойкие, кто в несчастьях невозмутимы, в удачах — не заносчивы, а в битвах — не трусливы, побеждают мир!“ Поразмыслив так над тем, что ему сказал министр, Харивара отбросил всякую грусть и нашел утешение среди своих жен.

А пока все это происходило, Анангапрабха успела какое-то время прожить с учителем танцев в Вийогапуре. За это время по воле судьбы, видно, подружился учитель танцев с молодым красавцем игроком по имени Сударшана, и тот на глазах Анангапрабхи с помощью костей обчистил учителя танцев до последней нитки, до последнего грошика. В гневе бросила его, от которого сбежало счастье, Анангапрабха и сделала своим мужем Сударшану, а учитель танцев, и разоренный, и женой покинутый, и бесприютный, завязал волосы узлом, как подвижники завязывают, да и пошел в отчаянии на

берег Ганги совершать аскетические подвиги. Что до Анангапрабхи, то она, меняя одного за другим своих возлюбленных, стала жить с Сударшаной, промышлявшим себе на жизнь игрой в кости.

Случилось однажды, что под покровом ночи забрались воры к ним в дом, похитили все, что было у Сударшаны. Очень горевала Анангапрабха, что все вещи пропали, и Сударшана, видя, как она убивается, сказал так: „Есть у меня друг богатый, и зовут его Хираньягупта. Пойдем к нему, попробуем в долг взять!“

Видно, судьба убила в нем рассудок. Пошел он с ней к Хираньягупте, старшему среди купцов, и попросил в долг денег. А тот как посмотрел на Анангапрабху, а она на него, тут они оба и влюбились друг в друга. Вот и говорит купец почтительно Сударшане: „Завтра утром дам я вам денег, а сегодня отдайте моего угощения!“ Сударшана же, поняв их обоюдный замысел, сказал ему на это: „Не хочется мне что-то есть сегодня!“ Тогда старший среди купцов говорит: „Пусть, друг, супруга твоя отужинает со мной. Ведь первый раз пришла она в наш дом“. Хотя и был Сударшана большим плутом, но оказался одурачен, и на его глазах купец с Анангапрабхой вошли в дом. И там купец с ней и пил, и ел, и предавался с ней, неожиданно-негаданно явившейся, страстным ласкам. А Сударшана все стоит у дома, ожидая, когда жена оттуда выйдет, и купец послал своих слуг к нему, велев им так сказать: „Поела твоя жена и домой пошла, а ты и не заметил, как она выходила. Что ты здесь все торчишь? Ступай отсюда!“ Сударшана возразил им на это: „Она — в доме и никуда не выходила, и я отсюда никуда не пойду!“ Тогда слуги прогнали его пинками да тумаками.

Ушел Сударшана-горемыка и задумался: „Как же это друг мой купец у меня жену отбил? Видно, таково мне наказание за грехи. Что я причинил одному, то другой причинил мне. На кого гневаться мне, кроме моей кармы?! Так я же покончу с этим, чтобы не случилось мне терпеть такое унижение!“ Так-то рассудив и избавившись от гнева, отправился игрок в обитель Бадарику³⁷ и стал там совершать всякие аскетические подвиги.

Анангапрабха же, раздобыв себе красивого и богатого купца в мужья, веселилась, словно пчела, пьющая мед то с одного цветка, то с другого. Со временем стала она полной хо-

зайкой и жизни купца и его богатства. Тамошний царь Вибабаху знал, что в его городе живет такая красавица, но оберегая закон, он на нее смотреть не хотел.

Шли дни, и благодаря Анангапрабхе стал купец беднеть и беднеть, и зачахла его удача, так же как чахнет законная жена, когда в доме появляется любовница. Тогда решил Хираньягупта купец отправиться торговать на остров Суварнабхуми³⁸. Собрал он товары, опасаясь разлуки, взял с собой Анангапрабху, отправился в путь и, долго ли, коротко ли добрались они до города Сагарapura³⁹. А там встретил Хираньягупта на океанском берегу вождя племени рыбаков, которого звали Сагаравира. С ним, добывающим пропитание из океана, пошел купец на берег океана и взошел вместе с женой на корабль, приведенный Сагаравирой. Вот плывут они уже много дней на этом корабле, как однажды явилась черная туча, сверкающая глазами-молниями, устрашающая и грозящая всеобщим разрушением, и под ударами свирепого вихря и потоками ливня стал корабль погружаться в волны. Купец Хираньягупта, в то время как все бывшие на корабле стали рыдать, а корабль тонуть, как и его желания, обвязал своим дхоти бедра и, не видя Анангапрабхи, с криком: „Где ты, милая?“ — кинулся в океан. С помощью рук своих да по воле судьбы добрался он до какого-то купеческого корабля и взобрался на него.

А что до Анангапрабхи, то Сагаравира собрал много досок, связал их, посадил на них красавицу, да и сам быстро на них забрался. Утешал ее, перепуганную, и греб обеими руками. Только погрузился разбитый корабль и сомкнулись над ним воды, как тотчас же очистилось небо от туч и океан успокоился, словно святой, избавившийся от гнева.

Хираньягупта же на чужом корабле на пятый день по воле судьбы сошел с корабля, горько сетуя на утрату возлюбленной, но, зная, что, уж если судьба так решила, ничего не поправить, отправился в свой город, и, поскольку был он человеком мужественным и решительным, снова занялся торговлей, и стал жить припеваючи.

Что касается Анангапрабхи, то Сагаравира на плоту доставил ее до самого берега и, утешив и приласкав, привел ее в свой дом в городе Сагарapura, а она, видя, что спас он ей жизнь, что он герой, равен царю богатством, и молод, и собой пригож, а ей покорен, сделала его своим мужем — ведь жен-

щина, ведущая распутную жизнь, не отличает высокого от низкого. Стала жить она в доме у старшего над рыбаками, растрачивая его богатства.

Однажды вышла она на крышу дома и увидела, что идет по улице сын кшатрия, видный собой, по имени Виджаяварман. Прельстившись его красотой, спустилась она, подошла к нему и говорит: „Возьми меня — от одного только вида твоего сердце мое потянулось к тебе!“ А он обрадовался так, словно свалилась ему с неба красавица, равной которой нет в трех мирах, и, радостный, взял ее к себе домой.

Сагаравира, придя, видит, что нет ее: „Куда милая моя подевалась?“ Все свои пожитки бросает и, готовый расстаться с телом, идет к реке богов, к Ганге, совершать подвиги аскетические. Как такому горю не случиться? И то ведь — что за пара: сын рыбака да дочь видьядхара!

А Анангапрабха живет припеваючи с Виджаяварманом в том же городе. Случилось однажды, что тамошний царь Сагараварман отправился на слонихе прогуляться по городу. Вот едет он по улицам и городом гордится, им построенным да по его имени названным, и пришлось ему проезжать той улицей, где стоит дом Виджаявармана. Анангапрабха, узнав, что сам царь едет, из любопытства выскочила тотчас же на крышу посмотреть на него. Как увидела она раджу, так тут же в него влюбилась, да и говорит корнаку⁴⁰: „Корнак, а корнак! Никогда я на слоне не каталась. Посади-ка меня, посмотрю я, что это за удовольствие“.

Услышав эти слова, посмотрел корнак на царя, словно прося позволения, а раджа-то увидел ее, прекрасную, точно луну наземь с небес свалившуюся, и упивался он ненасытно ее красой, словно чакора лунным светом. Возжелал царь во что бы то ни стало ее добыть и говорит корнаку: „Подведи слониху поближе, выполни желание красавицы, посади быстренько эту луноликую!“ Как велел раджа, так корнак и сделал: поставил слониху прямо под крышу, а Анангапрабха, видя, что она так близко стала, прыгнула прямо в объятия Сагаравармана.

И куда только девалась ненависть ее к мужчинам? И откуда такая ненасытность? Видно, так на нее родительское проклятие подействовало!

Будто бы боясь упасть, обхватила она царя за шею, а тот от наслаждения, вызванного только ее прикосновением, при-

шел в небывалую радость и увел ее, жаждущую ласк и поцелуев, саму собой доставшуюся, к себе во дворец. Там рассказала она Сагараварману про все, что с ней случилось, и он поместил в свой антахпур эту небесную деву и сделал ее своей старшей из своих жен.

Дошло до Виджаявармана, что царь похитил Анангапрабху. Кинулся он ко дворцу и стал биться с царскими слугами, да и расстался со своим телом. Но не показал он противникам спины — не могут герои перенести оскорбления, нанесенного из-за женщины. Увели его тотчас небесные девы в царство небесное и приговаривали: „Что тебе в этой недостойной? Приходи в сад Нандана⁴¹, повеселись с нами!“

Анангапрабха стала верной женой радже Сагараварману и ни о ком больше не помышляла, подобно тому как игривая река, слившись с океаном, умолкает навсегда. Думая о своем будущем, она была благодарна мужу, а он, получив такую жену, считал, что достиг цели своего рождения.

Через какое-то время понесла Анангапрабха от Сагаравармана и родила ему сына, которого нарекли Самудраварманом, и по этому случаю устроил царь большое и пышное торжество. Когда же с течением времени вошел сын в пору юности и проявил ум и добродетели, сделал царь его, могуче-рукого, своим наследником. А чтобы женить сына, высватал ему отец Камалавати, дочь раджи Самаравармана, а когда женил его, то, удовлетворенный достоинствами сына, отдал ему Сагараварман свое царство.

Получив царство и зная закон кшатриев, обратился блистательный Самудраварман к отцу с такой речью: „Дай позволение мне, батюшка, пойти и завоевать все страны света. Если не хочет повелитель завоевать земли, то осмеют его, как женщины осмеивают евнуха. Только то счастье законно, которое царь, завоевав другие страны, добывает своей рукой. Что за власть, батюшка, у тех убогих правителей, которые, жадные как кошки, объедают свой народ?!“

Стал увещевать его Сагараварман: „Только что ты царствовать начал, и нужно тебе свою державу устроить. Никто не попрекнет за то, что будешь народом по закону править. Силы своей не издевав, не следует ссориться с царями. Ты мужествен, и войско у тебя большое, но не доверяйся богине удачи — изменчива она в бою, как ветреная женщина!“

Хоть и увещевал его отец, но Самудраварман добился-таки его согласия и пошел, блистательный, покорять весь мир. Долго ли коротко ли, а все страны света он покорил, царей подчинил своей воле, вернулся в свой город со множеством захваченных слонов, коней, золота и всего прочего и почтил стопы родительские превеликими драгоценностями, добытыми из разных стран. С позволения родителей сделал богатые дары брахманам великославный — слонами да конями, алмазами да жемчугами, осыпал он богатствами слуг да всех нуждающихся, так что только одно слово «бедный» осталось ничем не наделенным. Видя величие сына, посчитал Сагараварман, что все свершил он в жизни, что должен был свершить.

Проведя несколько дней в праздниках да пиршествах, сказал царь сыну своему Самудраварману в присутствии министров: „Что должен я был сделать, сынок, я то сделал, наслаждался счастливым царствованием, видел поражение других, а сам от других не терпел поражения и видел твое торжество. Чего еще мне желать? Удаюсь я теперь в святые места, пока еще тело движется. Слово сама старость шепчет мне на ухо: „Что сидишь ты дома со своим бранным телом?“ Вот это сказал он сыну, и хотя тот и отговаривал его, но поступил Сагараварман так, как хотел, и отправился со своей милой в Праягу, где сливаются Ганга и Ямуна⁴². Проводил отца Самудраварман, вернулся в свой город и стал править царством по закону.

Раджа Сагараварман с Анангапрабхой в Праяге совершали всякие подвиги аскетические и порадовали этим бога, на знамени которого изображен бык. Явился Шива, сокрушитель трех городов, Сагараварману во сне и так ему сказал: „Своими подвигами и ты и супруга твоя меня обрадовали. Так слушай же — и ты и твоя жена Анангапрабха — оба вы видьядхары, и теперь по истечении на заре срока проклятия вы оба вернетесь в свой мир, в царство видьядхарское“. Только кончил он говорить, как проснулись и Сагараварман и Анангапрабха и, удивленные, рассказали друг другу про виденный сон. И сказала тогда радостная Анангапрабха царю: „Вспомнила я теперь, благородный, где родилась я и как. Дочь я царя видьядхаров Самары, и имя мое Анангапрабха, и родилась я в городе Вирапуре. Из-за того, что отец меня проклял, родилась я среди людей и знания утратила. А вот теперь вспомнила я,

что из видьядхарского рода“. Пока она все это рассказывала, спустился с небес отец ее Самара и когда Сагараварман почтительно его приветствовал, а Анангапрабха упала ему в ноги, сказал он ей так: „Кончилось, дочка, проклятие, возьми все свои знания обратно. За одно рождение потерпела ты горести восьми“. С этими словами посадил он ее к себе на колени и вернул все знания, а затем обратился к Сагараварману с такой речью: „Ты, почтенный, не кто иной, как царь видьядхаров Маданапрабха, а меня зовут Самара, и вот дочь моя Анангапрабха. Собирался я ее замуж выдать, и много женихов сваталось, да никого из них она, чрезмерно гордая своей красотой, не захотела выбрать в мужа. Потом ты, во всем ей равный, посватался к ней, но по вине судьбы она и тебя не захотела.

Тогда я и наложил на нее проклятие — отправиться в мир смертных. Ты же обратился к Шиве, исполнителю желаний, супругу дочери повелителя гор, с мольбой: „Пусть в мире смертных станет она моей женой!“ — и с помощью йоги покинул свое тело видьядхар и родился среди людей, а она стала твоей женой. Теперь пожалуйста оба снова в свой мир!“ Только кончил говорить Самара, как вспомнил Сагараварман, кем он был рожден, покинул в водах Праяги свое смертное тело и снова стал Маданапрабхой, а она, обретя вновь свои волшебные знания, снова засверкала красотой.

Переполненные радостью Маданапрабха и Анангапрабха любовались друг другом в новом облике, и еще крепче полюбили друг друга, и вместе с Самарой, повелителем движущихся в поднебесье, взлетели в небо, и направились в город видьядхарский Вирапуру, и там Самара отдал дочь свою Анангапрабху, как полагалось по закону и обычаю, в жены Маданапрабхе, царю над движущимися в поднебесье.

После этого Маданапрабха со своей возлюбленной, избавившейся от проклятия, улетел в свой город и счастливо там жил.

Вот так-то и небесным существам, дурно себя ведущим, приходится из-за проклятия рождаться в мире смертных, и, только вкусив от этого плода, они могут вернуться на свою стезю лишь благодаря прежним добрым деяниям».

Вот такой рассказ выслушал Нараваханадатта с Аланкаравати от министра своего Гомукхи, и очень был доволен, и после этого занялся другими делами дня.

ВОЛНА ТРЕТЬЯ

На другой день Нараваханадатте, сидевшему вместе с Аланкаравати, сказал Марубхути: «Смотри-ка, смотри, божественный, нечестивец-то этот карпатика⁴³, в одну шкуру одет, тощий, пеплом вымазан, волосы спутаны, холод ли, жара ли, а он от царских ворот не уходит. Почему бы тебе не проявить к нему милость? Вовремя оказанная милость дороже, чем богатство не ко времени. Так что, пока он еще не помирает, прояви к нему милость!» Но возразил на это Гомукха: «Хорошо сказал Марубхути. Но нет здесь твоего греха, божественный, ни в какой степени. Ведь пока проситель не очистится от греха, стоящего на пути к его собственному благоденствию, до той поры не может господин устранить его бедность. А вот когда благодаря его усилиям с него будет снят грех, тогда повелитель и явит свою щедрость — ведь это все предопределено кармой. Да вот что было с царем Лакшадаттой и нищим Лабхадаттой. Послушай рассказ

о царе Лакшадатте и нищем Лабхадатте

Стоял на земле, хранительнице богатств, город, называвшийся Лакшапура⁴⁴, и правил в нем царь по имени Лакшадатта. И был он щедрейшим из щедрейших. Неведомо было, чтобы кому-либо из просителей давал он меньше ста тысяч монет, а с кем сам поговорит, тому и все пятьсот тысяч отдаст, а уж кто его порадует, того он и вовсе от нужды избавит.

У царских ворот день и ночь стоял нищий, вся одежда которого состояла из куска кожи. И в холодный дождь и в палящую жару стоял он со спутанными волосами, и терзали его всякие беды, но никуда он не уходил. Хотя царь видел его и был щедр, но никогда и ничего этому нищему не давал. Поехал однажды царь охотиться в дремучие джунгли, и этот нищий, вооружившись дубиной, тоже потащился за ним. Вот царь, сидя на слоне, с дружиной своей из лука сыплет стрел-

лами и где тигра свалит, где кабана сразит, а где газель подстрелит. Только видит царь — идет нищий со своей дубинкой перед ним и где кабана свалит, а где газель уложит. И подумал царь, видя такую его смелость: „Какой герой-то!“, но и при этом ничем его не одарил. Поохотившись, довольный и радостный, вернулся царь в свой город, а нищий, как и до этой охоты, снова стал у царских ворот.

Случилось однажды Лакшадатте пойти войной на соседнего и родственного ему по крови царя, и началась тогда великая сеча, и в том побоище нищий тот на глазах у царя ударами своей дубины, сделанной из крепкого дерева, уложил многих врагов. Одолев врага, возвратился царь из похода в свой город, но опять-таки, хоть и видел он геройство этого нищего, ничего ему не дал. Так-то вот пробежало пять лет такой тяжелой жизни этого нищего, а когда шестой год пошел, то случилось царю однажды его увидеть и родилась у царя к нему жалость, и подумал Лакшадатта: „Давно уже он терзается, а я ему все ничего не даю. Не следует ли каким-нибудь способом да что-нибудь ему дать? Снят ли грех с этого горемыки? Не обратит ли ныне свое лицо к нему Лакшми, богиня счастья?“ С такими мыслями пошел царь в свою сокровищницу и набил драгоценными камнями лимон, словно ларец. После этого он перед залом совета очистил место для схода, и собрались туда горожане, вассалы и министры и при них при всех ласково сказал царь вошедшему нищему: „Подойди сюда поближе!“ Обрадовался Лабхадатта этим словам, подошел ближе и сел перед царем, а тот ему сказал: „Скажи нам что-нибудь изящное!“ Услышав это, прочел тогда нищий такой стих:

Воды уносит река в океан полноводный,
Лакшми улыбчива к тем, кто богат и в достатке живет,
Тот же, кто нищ и наг, не встретит Лакшми вовек.

Царь был очень доволен, услышав этот стих, и отдал нищему лимон, наполненный совершенными драгоценностями.

И все, кто был при этом, говорили с досады между собой: „Избавляет царь от нищеты тех, кто его радует. А вот этому карпатике, хоть и с почтением его зовет, но дал ему всего лишь лимон. Ну, да ведь для неудачливых пожелай-дерево становится часто горе-деревом!“ И говорили они, разочарованные, так, ибо не знали истины.

А нищий взял лимон и пошел к себе, да встретился ему бхикшу, и тот, увидев у него в руке красивый лимон, выменял его на дхоти⁴⁵. Пошел бхикшу к царю и подарил ему лимон, а тот сразу узнал плод и спросил: „Откуда у тебя, почтенный, этот плод?“ А тот отвечает, что, мол, у нищего купил.

Удивился и огорчился царь и подумал: „Видно, не иссяк еще его грех!“ Но лимон принял, поднялся, и тотчас же занялся царь Лакшадатта своими дневными делами. А нищий, продав дхоти, наелся и напился и, как прежде, стоит у царских ворот.

На другой день царь снова всех горожан собирает. Видит он, что и нищий пришел, и снова его учтиво подзывает и усаживает около себя, и просит его, коли на то его милость будет, прочесть стих, и снова дает ему в награду лимон со скрытыми в нем сокровищами. И опять все, не знавшие, что в лимоне скрыто, диву даются: „Второй раз он царя радует, а все напрасно! С чего бы это?“

Вот нищий, удрученный, с тем плодом — царевой милостью — в руке вышел, а навстречу ему попался какой-то местный начальник, спешивший попасть в зал совета, чтобы повидать царя. И увидел он лимон в руке нищего, и показалось ему это доброй приметой, и дал он нищему за лимон две одежды. Вошел он к царю, склонился к его ногам и преподнес царю в дар уже знакомый тому лимон и прочие свои дары. Сразу узнал царь лимон и спросил у того начальника: „Откуда он у тебя?“, а тот ему ответил: „От нищего!“ И огорчился тогда царь: „И сегодня еще Лакшми не хочет обратить к нему свое лицо!“ — и, взяв лимон, удалился из собрания. Нищий же, продав одно дхоти, поел и попил, а из другого два сделал, чтобы прикрывать свою наготу.

Вот на третий день снова собрал царь всех, и снова, увидев, что и нищий пришел, подозвал его царь, попросил стих прочесть и снова подарил ему лимон. Снова все тому дивились, а нищий пошел и плод, начиненный такими драгоценными зернами, отдал возлюбленной царя, а она, словно лиана, вьющаяся вдоль дерева царских почестей, дала ему золотой цветок, словно залог будущего плода. Продал нищий этот цветок и прожил счастливо этот день. А красавица пошла к царю и преподнесла ему этот большой и красивый лимон. Узнал он сразу плод и спросил, откуда он ей достался, и она ответила: „Нищий мне его дал“. При этих словах за-

думался царь: „По-прежнему Лакшми не обратила к нему свое лицо. Ничтожны его добродетели, и не знает злосчастный, что милость моя не бывает бесплодной. Снова и снова эти драгоценности возвращаются ко мне“. С такими мыслями взял царь лимон, хорошенько его спрятал и занялся всякими дневными делами.

На четвертый день снова он всех собирает — и вассалов, и министров, и всех прочих. Снова замечает царь нищего, приветливо подзывает его, и усаживает перед собой, и снова просит: „Прочти, любезный, нам стих“ — и снова в награду дает ему лимон, и когда от быстрого движения руки у нищего в руках осталась половина лимона, а другая наземь упала оттого, что скрепи раскрылись, высыпались из него драгоценности, которым нет цены, и сверканием своим они ослепили всех в зале. И тогда-то, увидев эти несметные сокровища, все поняли, в чем здесь дело: „Три дня мы ошибались. Вот ведь какова милость государева!“ И, слыша эти слова, сказал раджа: „Хотел я этим способом испытать, не смилуется ли над ним богиня счастья. Три дня, видно, грехам его конца не было, а вот сегодня конец им наступил и тотчас же смилостивилась Лакшми!“

При этих словах отдал он нищему те сокровища, деревни подарил, слонов и коней и сделал его своим вассалом. Все славили царя, а он встал и пошел совершать омовение, а нищий довольный-предовольный пошел к себе домой. Вот так-то — пока грех не искупится, не сможет слуга и сотнями усилий заслужить милость повелителя».

Такую историю поведал Гомукха, старший среди министров, и сказал повелителю своему Нараваханадатте: «Видно, божественный, и у этого нищего, что у твоих дверей стоит, не искуплены еще прегрешения. Поэтому и не чувствуешь ты необходимости проявлять к нему милость».

Услышав это из уст Гомукхи, Нараваханадатта воскликнул: «Ах, так?!» Тотчас же призвав нищего, пожаловал ему Нараваханадатта множество деревень, слонов и коней, десять миллионов золотых, дорогие одежды и украшения. И стал тот нищий подобен царю — и то, как бы это служение благородному и благодарному царю осталось бы без награды?!

Живет да веселится Нараваханадатта в Каушамби, но вот пришел однажды к нему из южных стран брахман и попросился на службу. А звали его Праламбабаху, и попросил

брахман Нараваханадатту: «Славой твоей привлеченный, припадаю, божественный, к твоим стопам. Куда бы ни отправился повелитель пешком или на слоне, на коне или на колеснице, всюду за ним буду следовать. Только в поднебесье не могу я за ним поспешать — предстоит повелителю стать властителем всех видьядхаров. На каждый день положи мне по сто золотых». Так говорящему и обладающему несравненной доблестью брахману дал Нараваханадатта столько, сколько тот просил. Как раз по этому случаю сказал Гомукха: «Бывают, божественный, у царей такие слуги. Соболаговоли послушать историю

о Вираваре

Есть здесь, на земле, лучший из городов, превеликий город Викраматура ⁴⁶. В давние времена жил в том городе царь Викраматунга. Меч его был остер, но не строг был царь в наказаниях. В вере царь был крепок, но не проявлял силы в отношении охоты, женщин и других развлечений. При царе Викраматунге единственным отступлением от добродетели было оттягивание тетивы лука и единственным заблуждением — блуждание овец в загонах у скотоводов.

Пришел однажды к тому царю послужить брахман, собой молодец, родом из Малавы ⁴⁷. Имя его было Виравара, и были у него верная жена Дхармавати, дочка Виравати и сын Саттварара — вся его семья. Еще было у него трое слуг: острый меч в руке, кинжал на бедре да блестящий щит. И хоть всех-то немного с ним было, а попросил он у царя на каждый день по пятьсот динаров. Царь видел его мощь и назначил, сколько тот просил, подумав: „Посмотрю я, на что он способен!“ Дать-то дал, а потом, желая разузнать, что тот с ними будет делать, послал за Вираварой соглядатаев.

А Виравара из тех динаров что ни день сто монет дает жене на еду и все прочее, на другую сотню покупает одежды и цветочные гирлянды, еще сотню отдает, омывшись, на поклонение Хари и Харе да две сотни — на милостыню брахманам да нищим. Вот так каждый день он и управлялся со своими пятью сотнями динаров!

Стоял он у царских ворот от зари до полудня, а потом, удалившись, чтобы совершить дневные дела, снова стоял всю

ночь напролет. Что ни день, соглядатаи все одно и то же докладывали царю, и был им царь доволен и соглядатаев отозвал.

Вот так и стоял при оружии у царских ворот Виравара денно и ночью — только умыться да поесть уходил.

Но вот однажды собрались грозные, рычащие тучи, словно для того, чтобы испытать мужество героя — одолеть Виравару. Полил такой сильный дождь, словно он был из стрел и мечей. А Виравара стоит у царевых ворот, точно каменная колонна, не шелохнувшись. Раджа Викраматунга, всегда видя его из дворца, поднялся ночью на крышу и спросил: „Кто стоит у царских ворот?“ А Виравара ему в ответ: „Я здесь стою!“ „Воистину достоин высокого чина этот добродетельный, не покидающий царских ворот даже в такой ужасный ливень“, — подумал царь, услыша ответ Виравары. Но в это время вдруг откуда-то донеслись горькие рыдания какой-то женщины. „Нет в моем царстве несчастных, — подумал царь, — кто бы это мог так горько рыдать?“ И сказал он Вираваре: „Эй, Виравара, послушай, какая-то женщина где-то рыдает. Поспеши, узнай, кто она и что за горе у нее, да мне доложи!“ На эти слова Виравара отвечал: „Как повелишь!“ — и поспешил в путь: в руке сверкающий меч, на боку острый кинжал. Увидав, что отправился Виравара в такую темь, когда только молнии из туч сверкали да все между небом и землей было заполнено потоками дождя, с любопытством и с жалостью к нему спустился царь с крыши дворца и пошел незаметно за ним следом, держа в руке меч.

Вот идет Виравара, разыскивая, откуда слышен плач, а за ним следом, таясь от него, повелитель земли. Вышли они из города, и дошли до пруда, и там-то и увидели женщину, которая, рыдая, так говорила: „О герой! О жалостливый! О покровитель! Зачем ты меня покинул?! Как жить-то я буду?!“

„Кто ты? По какому повелителю ты слезы льешь?“ — спрашивает ее Виравара. А она ему в ответ: „Сыночек, Виравара! Я — Земля! Твой царь Викраматунга — мой законный супруг и покровитель! Непременно на третий день после сегодняшнего умрет он. Да разве будет у меня, сыночек, когда-нибудь такой супруг! Вот я и по нему слезы лью и по себе, горемычная! Благодаря божественному дару прозрения вижу я будущее — и доброе и недоброе, — так же как видит его Супрабха, сын божий, живущий на небе. Послушай, что расскажу я

о Супрабхе

Он, Супрабха, обладавший божественным прозрением, узнал, что иссякнет в нем добродетель и потому через семь дней будет он низвергнут с небес и придется ему родиться свиньей. Поняв, что придется ему расстаться с божественными радостями, да к тому же представив те мучения, которые ему придется перенести, сидя в свином чреве, разрыдался про себя Супрабха. „О небо! — рыдал он. — Ах, апсары! Увы мне, беседки сада Нандана, сплетенные из лиан! Горе мне! Как жить-то я буду в свином чреве, а после этого в грязи да навозе?!“ Вот так и по-всякому прочему причитал он, и, слыша его всхлипывания, подошел к нему повелитель богов и спросил, в чем, мол, дело, а тот и рассказал ему о причине своего горя. Тогда Шакра ему говорит: „Есть средство избавиться от этого. Слушай! Ты иди-ка, повторяя мантру: „Слава Шиве, слава!“ — и попроси у него покровительства. А раз ты под его покровительство попал, ты от греха, значит, избавился и добродетель увеличил — и ни тебе рождения в свином чреве, ни с небес низвержения!“

Сказал тогда Супрабха на слова Индры: „Так тому и быть!“ — и, бормоча „Слава Шиве, слава!“, пошел просить у Шивы покровительства.

Целых шесть дней молился он Шиве и не только избавился от рождения в чреве свиньи, но и попал на более высокое небо. А на седьмой день и Индра, не видя Супрабхи на своем небе, понял, что тот попал на другое, более высокое небо.

Подобно Супрабхе, оплакивавшему будущее свое несчастье, и я оплакиваю грядущую смерть моего повелителя“.

И тогда спросил Землю Виравара: „А что, матушка, ведь было же у Супрабхи средство избавиться от беды, о котором ему рассказывал Шакра, — может, есть средство и царя уберечь? Скажи мне о нем!“ Ответила на это Земля так: „Одноединственное средство есть, да и то зависит только от тебя“. Услыша это, обрадовался Виравара: „Так скажи же, божественная, скорей. Да будет повелителю благо от жизней моих сына, дочери да жены. Не зря я, значит, на свет родился!“ И тогда молвила Земля брахману Вираваре: „Недалеко от дворца стоит храм богини Чандики⁴⁸. Коли принесешь ты ей

в жертву своего сына Саттвавару, то будет жить царь, а кроме этого, никакого другого средства нет!”

Выслушал верный Виравара все, что сказала Земля, богатств хранительница, и отвечал ей: „Иду я, богиня, сделаю тотчас же все, как сказала“. „Да кому ж еще, кроме тебя, так страстно желать повелителю блага?! Ступай!“ — и с этими словами Земля исчезла. А раджа, который безотлучно следовал за Вираварой, все это слышал.

Поспешил Виравара домой, а раджа Викраматунга под покровом ночи по-прежнему за ним следует. Пришел домой Виравара, разбудил верную свою жену Дхармавати и рассказал ей о том, что Земля, мол, велела сына принести в жертву ради процветания царя. А супруга Виравары все выслушала, да и говорит: „Дело нужное — благо повелителя. Сына разбуди-ка да ему скажи“. Разбудил Виравара сына, рассказал ему, как Земля велела его принести в жертву, чтобы спасти жизнь повелителю. Все внимательно выслушал Саттвара и так сказал: „Разве не счастлив я, батюшка, что жизнь моя послужит государю на благо? Оправдаю я этим все, что съел! Отведи меня туда, куда Земля велела, и принеси меня в жертву!“ И на эти сыновьи слова молвил бесстрашно Виравара: „Истинно ты моей крови!“

Царь же Викраматунга стоял у дверей и, все подслушав, подумал: „Какие они все благородные!“ Посадил Виравара сына к себе на плечо, жена себе на плечи посадила дочку Виравати, и пошли они вместе в тот храм Чандики. А раджа Викраматунга так все и крадется за ними.

Добрались они туда, спустил отец с плеча Саттвавару, и мальчик, сокроище мужества, склонившись, взмолился богине: „Да живет наш царь, богиня, а моя голова пусть будет принесена в жертву. Да правит царь Викраматунга землей, лишенной врагов!“ Когда же кончил сын говорить, Виравара, промолвив: „Хорошо, сынок!“ — выхватил меч, отсек голову сыну и принес ее в жертву богине со словами: „Да славится царь!“ Ведь нет для истинно преданных господину — увы! — ни сына, ни себя, ни любимой!

Услыхал после этого Виравара голос с небес: „Славно, Виравара! Жизнью своего сына ты подарил жизнь повелителю!“ Очень удивлен был раджа, все видевший и все слышавший. Виравати подошла к голове убитого брата, обняла ее и поцеловала и, заплакав от разрывающего сердце горя:

„О братец!“ — умерла. При виде мертвой дочери Дхармавати, сраженная горем, молвила, обратившись к Вираваре, сложив молитвенно руки: „Сделано царю благо. Теперь позволь мне с этими двумя мертвыми детьми взойти на погребальный костер. Вот ведь девочка, совсем несмышленная, а от горя при виде убитого брата умерла. А мне что за радость жить, когда и сын и дочь, мною рожденные, умерли?!“ Ей, так решительно говорившей, сказал Виравара: „Что ж, сделай так! Ничего не скажу я тебе в осуждение. Если утрачены дети, что за радость тебе в этом мире?! Подожди, пока я костер соберу!“

Сказав так, собрал он вокруг храма дров да хворосту, соорудил погребальный костер, положил на него тела детей и разжег его. Тогда супруга его Дхармавати упала ему в ноги: „Да будет мне и в следующем рождении мужем благородный. Да будет благо нашему царю!“ — и с этими словами она взошла на костер, мечущий распушенные космы пламени, чтобы найти в нем прохладу, способную утешить палящее сердце горе.

Викраматунга же стоял, укрывшись от их глаз, — все слышал и видел, и одолела его одна мысль: „Как оплатить им мой долг?“ Виравара же, стойкий сердцем, подумал: „Что ж, выполнил я свой долг повелителю, как было на то божественное соизволение. Расплатился я теперь за то, что на царевой службе съедено да получено — все любимое, семью мою милую отдал. Жить только ради самого себя не стоит. Так почему бы мне и себя не принести в жертву богине?“ Вот так подумал Виравара, твердый в добродетели, и обратился к Чандике, исполнительнице желаний, с такой молитвой: „О богиня великая, слава тебе, бесстрашие дающая тебе преданным! Прими меня, погрязшего в трясине мирской, под свое покровительство. Ты — сила жизни, ты движешь мир, ты — самосушая от начала времен, ты старше Шивы, ибо он, появившись, уже увидел тебя! Ты, мир создавшая, всепроницающим блеском своим озаряющая вереницы десятков миллионов созвездий младших солнц! Ты, охватившая небо кольцом рук, держащих меч, палицу, копье, стрелы, трезубец и прочее оружие! Ты, прославленная богом, который держит в руках трезубец! Слава тебе, Чанди! Слава тебе, Чамунда! Слава тебе, Мангала! Слава тебе, Трипура! Слава тебе, Джая! Ты, Сиддхи, Махалакшми, Бхадракали, Сарасвати, Нараяни, супруга Шивы, погубительница Руру! Ты — Гаятри, Махараджни, Ре-

вати, ты, живущая в горах Виндхья! Ты — Ума, Катьяяни, ты, живущая на горе Шарвы! Ты, богиня, которую Хара славил всеми этими именами и вслед за которым восславили тебя Сканда, Васишта, Брахма и все прочие. Славят тебя, великая, боги бессмертные, пророки и люди и достигают благодаря этому бóльших, чем они желали бы, наград! Сделай мне милость, исполнительница желаний, прими тело мое в жертву тебе, и да будет повелителю моему благо⁴⁹! С этими словами готов он был уже отсечь себе голову, как с небес раздался голос: „Не спеши, сынок! Очень довольна я твоей добродетелью и потому проси чего хочешь!“ Выслушав это, молвил Виравара: „Коли ты довольна, богиня, пусть раджа Викраматунга здравствует сто лет и еще того больше и пусть супруга моя и дети оживут!“ И только кончил он говорить, как с неба раздалось: „Да сбудется!“ — и тотчас же все трое — Дхармавати, Саттвавара и Виравати — встали как ни в чем не бывало!

Обрадовался Виравара, уразумев милость богини, отвел их домой, а сам снова стал у царских ворот как ни в чем не бывало! А царь Викраматунга, все это видевший, радостный и изумленный, вернулся незамеченным к себе во дворец, и поднялся на крышу, и спросил: „Кто здесь у ворот стоит?“ Услышал это стоявший внизу Виравара и ответил: „Я, Виравара, стою здесь. Ходил я искать ту женщину, но искал я ее, искал, да нигде не нашел. Видно, подобно божеству, исчезла она!“ Но раджа Викраматунга, зная все необычайно дивное, что случилось во мраке ночи, подумал: „О, какой необычайный муж этот Виравара! Он совершил такое достойное дело и молчит о нем. Велик он, благороден и беспредельно спокоен, и даже океан не сравнится с ним, ибо его может привести в волнение сильный ветер. Ведь на моих глазах этой ночью Виравара и сына, и жену, и жизнь свою ради меня отдал. Чем я его отблагодарю?!“ Так размышлял раджа, спускаясь с крыши дворца. Вошел он затем в свой покой и провел ночь, не переставая восхищаться Вираварой.

Когда же наступило утро, он всем в присутствии Виравары поведал о необычайном происшествии, случившемся в ту ночь. И в то время как все восхваляли Виравару, царь повязал ему и сыну своей рукой патта⁵⁰ и подарил ему многие уделы, коней, слонов, сто миллионов золотых, да еще вдобавок и шестидесятикратное жалованье, и стал тотчас же Вирав-

вара таким же, как раджа, под поднятым белым зонтом, достигший вместе с семьей той цели, ради которой он был рожден».

Поведав эту историю с таким славным концом, сказал Гомукха-министр Нараваханадатте: «Вот, божественный, встречаются у царей такие добродетельные слуги, которые ради государя и тело и все, что у него есть, готовы отдать,— и в том, и в этом мире они рождаются добродетельными. И этот твой недавно появившийся служитель Праламбабаху, видимо, из таких — он и высокодобродетелен, и силен, и пригож собой». Очень доволен был Нараваханадатта этим рассказом высокомудруго своего министра Гомукхи.

ВОЛНА ЧЕТВЕРТАЯ

Живет в родительском доме у отца своего, владыки ватсов, Нараваханадатта, и служат ему верные Гомукха, и другие министры, и Аланкаравати, великая любовь которой превозмогла ревность, не позволяя подавлять себя женской гордостью. Как-то раз взошел он вместе с Гомукхой на колесницу и отправился в лес на охоту. Начал царевич там вместе со всеми своими, и в том числе с Праламбабаху, героем-брахманом, все стремившимся вперед, охотиться. И хотя резво бежали кони, но Праламбабаху, превзойдя их, бежал впереди.

Нараваханадатта с колесницы стрелами валит львов, и тигров, и прочего зверя, а Праламбабаху на бегу разит да разит зверя мечом. Царевич поглядит-поглядит на брахмана, да и восхитится: «О, какой он крепконогий!» Поохотились они, утомились Нараваханадатта с Гомукхой и спешащий перед ними Праламбабаху. Жажда одолела и колесничих, а пока искали они воду, сын повелителя ватсов отправился в другой дремучий лес и увидел вдруг большое озеро, в котором плавали распустившиеся золотые цветы лотоса, и было это озеро словно небо, сошедшее на землю и украшенное множеством солнц. Омылись в этом озере, напились воды Наравахана-

датта и его спутники, и тут вдруг заметил царевич четырех мужей дивного облика, в дивных одеждах и украшениях, собиравших золотые лотосы. Приблизился он к ним из любопытства, а они спросили: «Кто ты?» И царевич назвал им имя свое и род и рассказал про все, что с ним было. Обрадовались они этой встрече и вот что ему рассказали: «Есть посреди великого океана большой и прекрасный остров, который всему миру известен под именем Кокосового. И есть там четыре волшебные горы: Майнака, Вришабха, Чакра и Балахака. Мы четверо на этих горах и живем. Один из нас зовется Рупасиддхи и может принимать разные облики, другому имя Праманасиддхи, и может он видеть самое малое, третий наречен Джнянасиддхи, и ему ведомо прошлое, настоящее и будущее, а четвертого зовут Девасиддхи, и он обладает достоинствами всех богов.

Вот мы соберем здесь эти золотые лотосы и отправимся на Белый остров, чтобы совершить ими жертвоприношение божественному супругу дарительницы счастья⁵¹. Мы преданы ему, и благодаря его милости царствуем на тех горах, и обладаем такими способностями. Иди с нами, покажем мы тебе нашего повелителя Хари, и коли ты согласен, то помчим мы тебя небесным путем». Согласился царевич на предложение этих детей богов, оставил Гомукху и прочих у воды да плодов и улетел в объятиях Девасиддхи. Когда же долетели они до острова и опустились на него с неба, то увидел он вместе с детьми богов Хари, возлежащего на Змее. Перед ним сидел Гаруда, и пели боги, сиддхи и видьядхары славу Вишну, пели о преданности своей гандхарвы, а также Нарада и другие мудрецы. Прислуживали ему Шанкха — раковина, Чакра — метательный диск, Гада — боевая палица и Падма — лотос. В ногах же у него лежала Земля — подательница богатств, а около него стояла Лакшми — дочь океана. Воистину кому не достанется счастье, если сошелся он с достойными.

Восхваляемому богами, Кашьяпой и другими мудрецами поклонился Нараваханадатта и присоединился к славословию: «Слава тебе, повелителю, исполнителю желаний верных тебе, с телом, обвитым Лакшми, лианой, исполняющей надежды, тебе, подателю желанного! Слава тебе, дивному лебедю, живущему на озерах сердец добродетельных, наполняющему клетотом своим весь мир, беспредельное небо охватывающему! Слава тебе, всеобъемлющему и обитающему во

всем; тебе, форма которого превосходит все добродетельное; тебе, совершенному воплощению шести царственных добродетелей! ⁵² Слава тебе, пред которым Брахма лишь мошка в лотосе твоего пупа, гудящем сладостным звуком молений! Земля — стопы твои, небо — голова твоя, зенит и надир — уши твои, солнце и луна — очи твои, вселенная — утроба твоя! Недаром мудрые воспевают тебя, как Пурушу, совершенного человека!

От тебя, повелителя, как от солнца, рождается мир живущих, как от огня, сокровища дома, летят во все стороны искры! И снова все сливаются с тобой, когда грозит им потоп в конце времен, и ты принимаешь всех, как вечером могучее дерево — птиц. Породил ты из сути своей повелителей мира, подобно тому как рождает волны океан. Бесформен ты, но все формы воплотил ты в себе. Все создал, но не приложил ты усилий. Все держится на тебе, но сам ты ни на чем не держишься! Кто может познать твою сущность? Коль милостиво взглянешь ты на богов, возрастает их святость. Так сделай милость, взгляни на меня, взгляни милостивыми очами!»

И тогда, узрев его поклонение и услыша славословие, обратил Хари на Нараваханадатту благосклонное око и молвил Нараде: «Ступай приведи сюда моих апсар, дев небесных, рожденных молочным океаном, порученных мною Индре. Вот мое повеление — бери колесницу и всех их сюда немедленно привези!»

Отвечал Нарада: «Быть посему!» Стал вместе с Матали-колесничим ⁵³ на колесницу и тотчас же всех их привез. Вот он их привез, и все они пали ниц перед Вишну, и сказал он сыну повелителя ватсов так: «Дарю я тебе, Нараваханадатта, будущий властитель видьядхаров, этих апсар. Будешь ты им достойным супругом и они тебе — достойными женами. Ведь ты по воле Шивы стал воплощением Камы, бога любви!» Когда же при этих словах, ошастливленный великой милостью, пал в ноги ему сын повелителя ватсов, Хари повелел колесничему Матали: «Вот Нараваханадатта и апсары с ним. Отвези его домой тем путем, которым он хочет!» — и при этих словах поклонился ему Нараваханадатта и с ним все небесные девы и взошел на колесницу вместе с Матали-колесничим.

И отправился он по приглашению божьих сынов на Кокосовый остров ⁵⁴, провожаемый завистью богов.

Там, приглашенный Рупасиддхи и его тремя братьями, Нараваханадатта вместе с Матали-колесничим и небесными девами отдыхали поочередно на Майнаке, Вришабхе, Чакре и Балахаке⁵⁵, горах, красотой оспаривающих красоту небес, покрытых лесами, полными разными расцветшими, словно при приходе весны, деревьями. Бродил в них Нараваханадатта как зачарованный. «Смотри-ка, вот на деревьях распускаются бутоны, словно открываются глаза, чтобы полюбоваться приближающимся прекрасным Васантой, повелителем весны. Взгляни, не могут лучи солнца, порождающие зной, пробиться сквозь цветы лотосов, покрывшие пруд. Погляди, пчелы покидают лишенные запаха цветы карникары⁵⁶, как добродетельные покидают повелителя, лишившегося высокого сана. Послушай, как киннары⁵⁷ песнями, кукушки кукованием и пчелы жужжанием приветствуют приход царя времен года!» Так показывали Нараваханадатте бесконечную вереницу своих садов дети богов, и радовался сын повелителя ватсов, глядя, как плясали горожанки и пели в честь праздника бога весны, и наслаждался он с девами небесными всякими радостями, и, куда бы он ни шел, радости его уже ждали.

Провел он в гостях у детей богов дня три-четыре, а потом говорит им: «Пойду я в свой город! Хочется мне отца повидать. А вы пожалуйста в наш город, и мы ответим вам таким же гостеприимством!» Отвечали они ему на это: «Видели мы уже тебя, самое совершенное украшение твоего города, почтенный. Вот когда ты достигнешь совершенства в знаниях, не забудь нас тогда». На этом они и расстались, и Нараваханадатта велел Матали, правившему колесницей Индры: «Отвези меня в Каушамби, но только через берег дивного озера, у которого ждут меня Гомукха и прочие».

Ответил ему Матали: «Так и будет!» Взошел царевич вместе с девами небесными на колесницу, домчался до озера, увиделся с Гомукхой и прочими, и, наказав им: «Ступайте своей дорогой домой, там я все расскажу!» — добрался на колеснице Шакры до славного города Каушамби. Спустившись туда с небес, поблагодарил он Матали и отпустил его обратно, а сам вместе с небесными девами вступил в свой дворец. Поместил он их в своих палатах и пошел к повелителю ватсов, обрадованному возвращением сына, низко в ноги поклонился он отцу, и матери своей Васавадатте, и Падмавати, радовавшимся ему и глядевшим на него трепетными глазами. Тем вре-

менем вернулся на колеснице Гомукха с колесничим да с ним еще брахман Праламбабаху.

Спросил царевича отец в присутствии всех министров о том, что и как с ним было, и поведал ему Нараваханадатта свое необычайное приключение. И все, узнав об этой истории, стали говорить: «Кому боги хотят явить свою милость, тому посылают они добрых друзей!», а повелитель ватсов на радостях устроил по случаю такой милости, явленной Вишну его сыну, большой праздник.

И посмотрел раджа на приведенных Гомукхой доставшихся по милости Хари ему в невестки небесных дев Деварупу, Деварати, Девамалу и Деваприю и спросил у служанок имена. И тут город Каушамби воскликнул: «Что я и что красавицы мои? Воистину царевич Нараваханадатта обратит меня, стоящего на земле, в столицу богов, украшающую небо!» И, радуясь этому, украсился он развевающимися стягами, окрашенными шафраном, и казалось, будто бросал он в небо красной краской.

Нараваханадатта, вид которого доставлял истинный праздник родительским глазам, обрадовал и других своих жен, не переставая глядевших на дорогу, пока его не было, и за эти четыре дня похудевших, как за четыре года. И каждая из них рассказывала ему, как она страдала в разлуке, и он был этому рад.

Гомукха же рассказал, как они оставались в лесу, сторожа коней и колесницу, как Праламбабаху истреблял львов и прочих хищных зверей. Слушая разнообразные истории и давая женам любоваться своей красотой, сладостной для их очей, лаская их и вкушая вместе со своими министрами медовое питье, счастливо проводил время Нараваханадатта.

Как-то раз, когда он со своими друзьями был в покоех Аланкаравати, услышал он громкий бой барабанов и спросил у полководца Харишикхи: «Откуда это вдруг и по какому случаю так громко бьют барабаны?» Пошел Харишикха узнать и скоро вернулся, и вот что сказал он повелителю своему, сыну властителя ватсов: «Есть, божественный, в этом городе купец, и зовут его Рудра. Отправился он отсюда на Золотой остров торговать, а когда возвращался со своим и с нажитым, разломило в океане корабль и потонуло все его богатство. И только, царевич, он один спасся — вырвался из объятий океана живым, и сегодня шестой день, как он вернулся домой.

Все дни сидел он горем убитый, а сегодня по воле случая нашел у себя в саду великое сокровище, и от его родичей стало о том ведомо повелителю ватсов, а сегодня и сам купец явился и сказал повелителю: „Нашел я горшок, а в нем сорок миллионов золотых. Как прикажешь, божественный,— тебе их отдать?“

„Был ты морем ограблен, а нынче судьба сжалилась над тобой! Так кто же заберет твоё сокровище? Ступай себе, делай с ними что хочешь. Ведь на своей земле ты деньги нашел!“ Так решил повелитель ватсов дело купца, а тот, радостью переполненный, пал царю в ноги, и вот теперь идет он домой вместе с родней, и все они бьют в бубны и барабаны».

Выслушал Нараваханадатта все, что рассказал Харишикха о справедливости отца, и сказал, восхищенный, своим министрам: «Дивное это дело — то судьба лишает богатства, то вдруг дает его. Судьба словно играет людьми, то вознося их, то низвергая!»

«Уж такова природа судьбы! — сказал ему на это Гомукха. — Вот послушай-ка историю

о купце Самудрашуре

Был во времена царя Харшавармана многолюдный город, называвшийся Харшапура⁵⁸. Хорошо было в нем управление, и людям жилось счастливо и радостно. Жил в этом городе богатый купец Самудрашура, хорошего роду, справедливый, твердый в добродетели, повелевавший несметными богатствами.

Однажды нужно ему было по делам торговым на Золотой остров — добрался он до океанского берега, взошел на корабль. Плывет он, плывет, и вовсе уже мало осталось идти, как вдруг загрела свирепая туча и поднялся буйный ветер и возмутил океан, и от ударов волн стал корабль тонуть, и подвязал тогда купец пояс потуже и кинулся в океан. Какое-то время плыл он в океане, а потом пригнало к нему мертвое тело. Сел купец на него верхом, стал грести руками, и благоприятный ветер донес его до Золотого острова. Слез он с мертвеца на песчаный берег и заметил, что одежда того была

перевязана поясом, завязанным узлом, а когда стал развязывать, то нашел в поясе дивной красоты ожерелье. Ну, а увидев это, обрадовался он, совершивший омовение, и посчитал, что то, что потонуло у него, просто травинка по сравнению с этим ожерельем.

Добрался со временем до города, называвшегося Калашапура, и вошел в какой-то храм, держа ожерелье в руке, и добравшись до тени, утомленный, измученный борьбой с волнами, весь во власти судьбы, крепко уснул. А пока он спал в храме, пришли туда городские стражники и увидели в его руке неспрятанное ожерелье. „Вот оно, ожерелье, похищенное с шеи царской дочери Чакрасены. Держи вора, вот он!“ — закричали они, разбудили купца и привели во дворец. Стал расспрашивать его сам царь, и поведал купец про все, что с ним случилось и как было.

Не поверил ему раджа и сказал сидевшим в совете: „Лжет он. Он и есть вор. Смотрите, вот ожерелье!“ И как раз в это время коршун камнем упал с неба, подхватил ожерелье и улетел так высоко, что его не стало видно. Вот купец горем убитый взывает к Шиве о защите, а разъяренный раджа велит его казнить, как вдруг раздается голос с небес: „Не казни его, раджа! Ведь это купец из Харшапура, добродетельный Самудрашура, пришедший в твое государство торговать. Ожерелье похитил вор — от страха перед стражниками, перепуганный, утонул он ночью в море. Этот же купец с погибшего корабля на его тело верхом сел и сюда приплыл. Развязав пояс, бывший на мертвеце, он нашел в нем ожерелье, а вовсе не похищал его из дома. Он вовсе не вор, а праведный человек — отпусти, раджа, купца и дай ему по-честному уйти“. Тут умолк небесный голос. Царь обрадовался, избавил Самудрашуру от казни, проводил честь по чести, да еще и денег дал, а тот деньги взял, накупил товаров, да и поплыл восвояси на корабле и переплыл ужасный океан. Переправившись через океан, пошел он с караваном купцов и уже в сумерки добрался до дремучего леса. Стали купцы лагерем в том лесу и легли спать, а Самудрашура бодрствовал, как вдруг налетела шайка разбойников. Вот они истребляют купцов, а Самудрашура, побросав свои товары и спасаясь, забрался на фиговое дерево и остался незамеченным. Все разграбив без остатка, удалились разбойники, а злосчастный купец, охваченный страхом, провел всю ночь на том дереве. Когда же

забрезжила заря, то по воле случая заметил он какое-то мерцание света между листьями, словно пламя светильника. Удивился он, полез туда и увидел, что блеск исходит из гнезда коршуна, где лежало множество украшений да бесценных драгоценностей. Забрал он их все, и среди них то самое ожерелье, которое досталось ему на Золотом острове и было похищено коршуном. Со всеми этими бесценными сокровищами слез купец с дерева, и, радостный, пошел, и со временем достиг города Харшапура, стал там жить и наживать еще большие деньги, и жил со своей родней в свое удовольствие, как ему хотелось.

Падение его в воду, гибель всего богатства, затем спасение его самого, находка ожерелья, его исчезновение, безвинное осуждение, и то, что труп попался ему в руки, и награда от обрадованного возвращением ожерелья повелителем острова, и новое странствие через океан, и встреча на дороге с разбойниками, все похитившими, и в конце находка купцом сокровищ на дереве в гнезде коршуна — все это, божественный, хитроумные изощрения судьбы. Добродетельный, испытывав горе, все же достигает счастья».

С интересом выслушал Нараваханадатта рассказ Гомукхи, а затем поднялся, чтобы совершить омовение и заняться дневными делами.

Когда же настал другой день, то пришел к нему на дарбар молодой герой-раджпут Самаратунга и сказал: «Божественный, Санграмаварша, мой родич, разорил мои земли вместе со своими четырьмя сыновьями — Вираджитой и другими. Пойду я, свяжу этих пятерых врагов и приведу сюда, да будет ведомо это повелителю» — и с этими словами ушел. Зная, что мала дружина у Самаратунги, а у недругов его большая, велел сын повелителя ватсов послать ему на помощь подкрепление из своей дружины.

А тот, достойный Самаратунга, не приняв подкрепления, сам пошел, тех пятерых врагов своими руками в бою одолев, привел их связанными к царевичу. Восславил повелитель пришедшего победителя, похвалил Нараваханадатта вассала своего. «Вот как он пятерых врагов, вторгшихся в чужое владение, одолел, так и человек, осуществляя свою цель, одолевает пять чувств», — молвил Нараваханадатта. И сказал на это Гомукха: «Коли не слышал повелитель историю раджи Чамаравалы, расскажу я ее. Послушай

о радже Чамаравале

Был когда-то такой город Хастинапур, а правил в нем раджа Чамаравала, и были у него войско могучее, крепость неодолимая и казна богатая. Были у него и соседи — Самарабака и прочие, его родня.

Вот однажды собрались они и стали рассуждать: „Что это? Чамаравала нас каждого поодиночке давит! А что если нам всем собраться вместе да посрамить его в бою?“ Так решив, собрались пятеро царей, жаждущих победы, призвали тайно к себе звездочета, чтобы назначить день, благоприятный для похода. Смотрел тот, смотрел — никак такого дня не выпадает, все неудачные, и сказал им звездочет: „Нет в этом году такого счастливого дня, и, коли вы все-таки рискнете, победы вам не будет. Что уж гадать, что звезды сулят врагу? Плод счастья — наслаждение, и его у вас с избытком. Коли не слышали вы, послушайте рассказ

о двух купцах

В давние времена был такой город Каутукапура⁵⁹. Правил в нем богатый раджа, по заслугам прозванный Бахусуварнака, и был он обладателем несметного множества золотых монет. Служил у него молодой кшатрий Яшоварман. Был царь щедр, но никогда ничего не давал Яшоварману. Всякий раз, когда кшатрий просил у него что-нибудь, показывал ему Бахусуварнака на солнце и говорил: „Я-то хочу тебе дать, да вот этот повелитель тебе не велит давать. Скажи, что мне делать?“

Так и жил кшатрий в горе и нужде, но в надежде, что и его осенит счастье. И однажды, когда случилось затмение солнца, пошел Яшоварман, верный слуга, к радже, щедрому на подарки, и сказал: „Пока этот владыка, блистательное солнце, не позволяющее тебе быть щедрым ко мне, нынче попал в плен к врагу, пожалуй мне что-нибудь!“ Выслушал это царь, рассмеялся, щедрый, и дал ему в награду одежду, золота и много монет. Но со временем все это было проедено, а царь больше ничего не дает, и, когда умерла у Яшовармана

жена, прибег он к богине, живущей в горах Виндхья: „Что мне пользы от этого никчемного тела — живое ли оно, мертвое ли? Расстанусь я с ним перед богиней вот и достигну желанного!“ Устроил он себе из травы дарбхи⁶⁰ ложе перед изображением богини и стал сильно поститься. Явилась однажды ему во сне богиня и промолвила: „Обрадовал ты меня, сынок. Скажи мне, какого ты хочешь счастья — счастья богатства или счастья наслаждения?“

Выслушав эти слова, так отвечал Яшоварман богине: „Не ведаю я, богиня, какая между ними разница!“ А она ему на это: „Ступай-ка ты домой. Есть в городе, где ты живешь, два купца — Бхогаварман и Артхаварман. Пойди к ним, посмотри. Чье счастье тебе понравится, попросишь, то я тебе и дам“.

Проснулся он при этих словах, кончил свое подвижничество и пошел восвояси, в город Каутукапуру. Направился он прежде всего к Артхаварману, обладателю бесчисленного множества золота, драгоценностей и всяких других сокровищ, и был этот купец счастлив.

Посмотрев на его богатство, пошел к нему Яшоварман, а тот его как гостя принял и пригласил с ним разделить трапезу. Вот сел кшатрий с ним, поел и мяса и масла — угощение для гостя, а сам Артхаварман всего-то съел капельку масла да крошечку мяса. Спросил у него с любóпытством Яшоварман: „Скажи, купец, почему так мало ты ешь?“ И ответил ему на это купец: „Сегодня в твою честь отведал я мяса и масла попробовал, а обычно я и того меньше ем — не то изжога меня мучает“.

Послушал его Яшоварман, удивился, а в душе решил, что безрадостно и бесполезно счастье Артхавармана. Затем наступила ночь, и отведали купец и кшатрий кислого молока. Только и теперь Артхаварман кислого молока выпил самую малость, а Яшоварман поел, сколько ему хотелось. Потом постелили им обоим, и они крепко заснули.

Вот снится Яшоварману, будто все это наяву происходит и входят к ним ужасающего вида парни, а в руках у них палки. „Как это ты смел, — кричат они на Артхавармана, — так обжираться? Масла сожрал ложку, мяса уплеl крупиночку да молока капелькой залился?!“ Начали они его дубинками молотить и выгнали у него из живота все, что тот съел, — и масло, и мясо, и молоко. Проснулся Яшоварман, и, правда,

у Артхавармана, который тоже проснулся, начались колики в животе, и вся родня и слуги с плачем давили ему живот, и он изрыгнул все то малое, что съел. Прошли у купца колики, а Яшоварман подумал: „Сто раз тыфу на такое счастье, какое досталось Артхаварману. Чем так-то тебя опрастывать будут, лучше и вовсе без счастья жить!“ В таких вот мыслях и скоротал он ночь.

Когда же настало утро, распрощался Яшоварман с Артхаварманом и пошел к купцу Бхогаварману. Пришел он к нему и был принят как гость, и пригласил его купец отведать угощения. Не увидел он в доме у купца никаких признаков богатства — ни одежд дорогих, ни украшений драгоценных. В присутствии Яшовармана Бхогаварман начал свое каждодневное дело: у кого-то товар взял, тотчас же другому отдал и только за посредничество, своих денег не потратив, получил динары и через слугу переслал их жене, чтобы та приготовила всякой вкусной еды и питья. В тот момент пришел к купцу друг его, Иччабхарана, и приглашает настойчиво: „Идем прямо сейчас, угощение уже готово, с друзьями встретишься, да и другие тебя там ждут“. „Не могу я сегодня пойти. Видишь, гость ко мне пришел“, — отвечал купец приятелю. А тот настаивает: „Собирайся, почтенный, да идем. Что, твой гость нам не друг, что ли? Подымайся, да пойдем поскорей“. Так настойчивостью тот друг и увел Бхогавармана с Яшоварманом, и насладились они отменной едой и выпили изрядно, да и еще и на вечер им дали и еды и выпивки, и только в сумерки вернулись они оба домой. Спросил купец у слуг: „Что, сегодня на ночь достаточно ли питья припасли?“ И когда они ответили: „Нет, господин!“ — повалился купец на чарпай⁶¹ со словами: „Посмотрим, как в сравнении с прошлой ночью будет с водой?“

Спит около него Яшоварман и видит сон, будто входят в комнату то ли два, то ли три человека, а за ними другие с дубинами в руках и со словами: „Почему же это вы, негодяи, прошлую ночь Бхогаварману питье не поставили? Почему сегодня не позаботились поставить? Где вы шлЯлись?“ — яростно молотят дубинами тех, которые вошли раньше. А те, которых бьют, молят: „Первый раз провинились, да будет нам прощение!“ — и пускаются наутек.

Проснулся Яшоварман и подумал, что, мол, спору нет, счастье Бхогавармана наилучшее. Быть богатым да не наслаж-

даться,— что за счастье у Артхавармана? В таких мыслях и провел он эту ночь.

Когда же утро пришло, поблагодарил Яшоварман лучшего из купцов, да и пошел снова припасть к стопам жительницы Виндхийских гор.

Снова он начал свое подвижничество и когда явилась она ему во сне, то выбрал он счастье наслаждений и она ему это счастье пожаловала.

Вернулся Яшоварман после этого домой с милостью, дарованной ему богиней, и зажил себе припеваючи, и служило ему безотказно счастье наслаждений. Так что хоть и малый дар это, да уж лучше, чем безмерное богатство без наслаждений. Так что вам в пустом великолепии раджи Чамаравалы? Почему вы своего счастья не видите в дарах да наслаждениях? И не годится вам против него идти — там, где нет дня благоприятного, и победы не будет“.

Так увещевал звездочет пятерых царей, но не последовали они его совету и пошли войной на Чамаравалу. Когда же Чамаравала узнал, что подошли они к пределам его царства, совершил он омовение, принес жертву Шиве, шестьюдесятью восемью именами святых мест, приносящих исполнение желаний и уничтожающих грехи⁶², порадовал его и услышал с небес такую весть: „Смело, царь, иди на битву, одолеешь ты недругов в бою!“ Обрадовался он этому, снарядился и во главе войска своего пошел на битву с врагами.

У врагов его было в войске тридцать тысяч слонов, да триста тысяч всадников, да пеших воинов десять миллионов, а у него в пешем строю два миллиона, да десять тысяч слонов, да всего только сто тысяч всадников. И началась тут между обоими войсками сеча великая, а впереди всех кинулся царский страж, герой, по заслугам названный Вира. Сам раджа Чамаравала ринулся в битву, словно Великий Вепрь в океан⁶³. И хоть малое войско было у раджи, множество вражеских солдат оно положило да нагромозило горы коней и слонов.

Кинулся вперед царь, сошелся лицом к лицу с Самарабалой, и свалил его копьем своим, и, арканом опутав, поволок, а потом поразил стрелой Самарашуру и тоже опутал арканом. С третьим великим царем, Самараджитой, управился Вира и к себе привязал. Полководец Девабала поразил четвертого из царей, Пратапачандру, мечом и в плен взял. Тогда пятый

царь, которого звали Пратапасена, при виде всего этого в гневе налетел в бою на самого раджу Чамаравалу, но, отразив поток стрел, мудрый Чамаравала поразил его в лоб тремя стрелами и словно бог смерти, беспощадное время, накинул ему на шею аркан и полонил его, корчащегося от множества ран.

Когда же один за другим были полонены все пятеро царей, спасшиеся от смерти, их воины разбежались по всем странам света. Достались радже Чамаравале от разбитых им царей несметные сокровища — золото, драгоценности и прочее — и все их жены из антахпуров, и среди них лучшая из жен царя Пратапасены — красавица Яшолекха.

Когда же вернулся царь к себе в город с Вирой и Девабалой, то там и хранителю своему Вире и военачальнику Девабале сам повязал почетные тюрбаны и осыпал их драгоценностями, а царицу Яшолекху, жену Пратапасены, доблестью и по закону завоеванной, сделал первой среди своих жен. И хотя Яшолекха была страстной женщиной, сказала она: „Державной рукой я захвачена!“ — и была ему верна, хотя любовью и страстью одолеваемые мало тревожатся о добродетели.

Миновало несколько дней, и по просьбе царицы Яшолекхи раджа Чамаравала Пратапасену и других плененных им царей, повинившихся и покорных, освободил и с честью отпустил каждого в свое царство. После этого долго царь Чамаравала наслаждался богатым своим царством, избавленным от врагов, и жил счастливо с царицей Яшолекхой, которая была прекрасней, чем девы небесные, обладательницы красоты и прелести необычайной. И была она словно символ его победы над врагами!

Так многих врагов, опутанных яростью, одолеваемых завистью, безмерно в собственном величии занесшихся, опьяненных уверенностью, что никто с ними не сравнится, побеждает всего лишь один-единственный человек с трезвой головой!»

Такой достойный восхваления и правдивый рассказ выслушав из уст Гомукхи, Нараваханадатта совершил омовение и занялся другими делами этого дня, а ночь провел вместе со своими женами, распевал песни и играл на разных инструментах, так что шум веселья достигал небес и Сарасвати не могла нахвалиться им и его возлюбленными.

ВОЛНА ПЯТАЯ

Когда на следующий день собрались все в покоях Аланкаравати, то подошел в присутствии всех министров к Нараваханадатте слуга Марубхути — а был этот слуга родным братом Саувидаллы, стража антахпура — и вот что рассказал: «Я, божественный, служу у Марубхути уже два года, и давал он мне с женой и прокорм и одежду, но сговорено было, что каждый год по пятьдесят динаров будет платить. Да только не платит он мне, и я тех динаров в глаза не видывал. Просить я его стал, а он меня, пиная, выгнал. Вот и пришел я спозаранку к тебе. Рассуди, повелитель, а коли нет, то вот что я сделаю — сложу костер и предам себя огню, великому Агни, а говорю я так потому, что Агни — мой покровитель».

Умолк тут слуга, и заговорил тогда сам Марубхути: «Истинно должен я ему динары, но нет их у меня сейчас. Расхохотались все, кто там был, и, пока не смолк хохот, велел Нараваханадатта своему министру: «Что это ты так глупо себя ведешь? Недостойно это твоего ума! Ступай и немедленно отдай слуге сто динаров!» Устыдился Марубхути, тотчас же принес и отдал положенное слуге своему.

Заговорил тогда Гомукха: «Не стоит осуждать за это Марубхути. Уж таковы причудливые пути мира, созданного Брахмой. Не слышали ли вы когда-нибудь любопытную историю

**о радже Чирадатаре, не
любившем отдавать долги,
и его слуге Прасанге**

Жил в стародавние времена раджа Чирадатар, не любивший отдавать долги, и был он повелителем города Чирапура, и, хотя сам он был добрый человек, в его родне да свите все сплошь были злодеи. Был у него слуга по имени Прасанга, пришедший к нему из какой-то другой страны, а у слуги было двое друзей. Вот он служит ему, и уже пять лет истекают, а

царь ему ничего не платит — ни того, что положено, ни того, что на праздники дают. Ничего слуга не получал, и хотя оба приятеля побуждали его сказать об этом божественному, да все злая родня да челядь не давали поговорить с раджей.

Однажды умер у раджи малолетний сын, и его, горюющего, окружили все слуги. Был среди них и Прасанга, преданный царю и в горе, и, хоть и пытались остановить его друзья, обратился он к царю: „Долгое время мы, божественный, тебе служили, но ничего ты нам не дал. Надеялись мы на твоего сына и думали, что хоть ты не дал, так сын твой нам даст чего-нибудь, а нынче судьба его взяла. Что же нам-то осталось? Уйдем мы теперь!“ — и с этими словами пал он к стопам царя и вышел вместе с обоими своими друзьями. „Ох! — подумал царь, — были привязаны к сыну эти мои слуги верные. Не следует мне их отпускать!“ И, подумав так, тотчас же велел раджа немедленно вернуть Прасангу и его приятелей и, когда они пришли, осыпал их богатством, так что бедность теперь не могла уже коснуться их.

Так-то своенравны смертные, божественный. Ничего слугам не давал раджа ни при каком случае, а тут вот в такой беде взял да и одарил!»

Когда же закончил искусный в повествованиях Гомукха эту любопытную историю, то, попросив позволения у сына владыки ватсов, поведал он еще

о царе Канакаварше и красавице Маданасун- дари

«Стоял давным-давно на берегу Ганги лучший из городов, называющийся Канакапура⁶⁴, и жители его радовались хорошему управлению. Все они были омыты водами Ганги — и потому не было у них грехов. В этом городе связывали только слова в стихи, различия были только в портретах, поражения терпели только от женских локонов и соперничали только в уборке урожая. Правил в том городе раджа Канакаварша, родившийся от Приядаршаны, сына повелителя змей Васуки⁶⁵, и царевны Яшодхары. Любил тот раджа славу, а не деньги, страшился он греха, а не врага, не умел оговаривать

других да умел разговаривать с мечом в руках, был он умерен в гневе и расточителен в радости и, тверд сердцем, крепко сжимал кулак, когда натягивал тетиву, но не когда милостыню давал. Чудный обликом своим, охранял он весь мир, одним взглядом обрекая дев на то, что становились они жертвой Мары⁶⁶.

Однажды, после того как прошли дожди и снова наступила жара и слоны стали беситься, а люди радовались, глядя на красных гусей, пошел он в покои, где от картин, там находившихся, веяло прохладой и разносился аромат лотосов. Любуется он этими картинами, как вдруг приходит к нему слуга и докладывает: „Пришел сюда из Видарбхийских краев необычайный художник, господин! Нет никого, кто сравнился бы с ним в мастерстве, а имя его Роладева, и стоит он здесь у входа, и повесил о том объявление“. Услышав такую весть, велел царь с почестями привести художника во дворец, и тотчас же ввели того. Вошел Роладева, увидел Канакаваршу, в уединении наслаждающегося картинами, и с почтением представился ему, с поклоном и почтением предложив ему островерхий кулечек с бетелем, подобный узлу чоли⁶⁷, сдерживающему тяжесть груди совершенной красавицы, и сказал ему: „Не ради гордости искусством своим, а ради того, чтобы узреть твои лотосоподобные стопы, божественный, повесил я объявление. Соблаговоли повелеть, господин, что нарисовать я должен, чтобы доказать, успешен ли я в искусстве“.

Ответил раджа художнику на это: „Что пожелаешь, умудренный, то и нарисуй, а мы будем любоваться. Кто усомнится в твоём искусстве?“ И когда раджа сказал ему это, то бывшие с ним придворные сказали: „Надо бы самого раджу изобразить! Какой смысл рисовать кого-либо другого, лишённого красоты?“ И, слыша эти слова, обрадовался художник и изобразил царя — с гордо поднятым носом, с глазами удлинёнными и налитыми кровью, с широким лбом, с волосами, уложенными в высокую затейливую причёску, с широкой грудью, на которой были видны шрамы от стрел и другого оружия, с руками красивыми, подобными хоботам слонов, охраняющих страны света, с талией, которую можно было ладонью охватить, словно подаренной ему львятами, покорёнными его мощью, с бедрами, подобными столбам, к которым привязывают слона, и со стопами нежными, подобными победам ашоки.

Когда увидели все, насколько похоже изображение красотой и характером на самого царя, то стали все художника хвалить, но сказали еще при этом: „Не довольны мы, что ты царя одного нарисовал на стене — ты, умудренный, избери одну из цариц, равную ему по красоте, и изобрази ее рядом с ним. Да будет полной радостью для наших глаз!“ Выслушал он их, взглянул на картину, да и говорит: „Нет здесь среди самых лучших красавиц царицы, равной ему по красоте, да, пожалуй, и на всей земле такой не сыщешь. Слыхал я, что есть одна царевна — слушайте, расскажу я вам

о царевне Маданасундари

Стоит в Видарбхийских краях⁶⁸ богатый город, называющийся Кундина, а там правит славный и великий царь Девашакти, и есть у него царица Анантавати, которая ему дороже самой жизни. Родилась у него от той царицы дочь, которую называли Маданасундари, описать красоту которой словами никто не сможет, а я и посметь не могу. Сотворив ее, судьба так была восхищена ее красотой, что захотелось ей создать другую такую же, но и за многие калпы не сумела она вылепить красавицу, подобную Маданасундари. Есть на земле только один царь, равный ей красотой и умом, телом и обхождением, родом да племенем. Пока я там жил, послала царевна служанку позвать меня, и немедля явился я в ее антапур. Увидел я ее там, умащенную сандаловым маслом, в ожерелье из нежных лотосов, возлежащую на ложе из лотосовых лепестков, овеваемую подругами опахалами из листьев кадали⁶⁹, побледневшую и несущую все прочие признаки любовных страданий. „О подружки, — стонала она, — не надо натирать меня сандалом, не надо овеать меня кадали. Что толку в бесполезных усилиях? Все равно палит меня жар страданий, хотя и наступила осень“. Так отговаривала она подруг, старавшихся облегчить ее муки. Видя ее в таком состоянии, безутешную, с поклоном предстал я пред ней. „Нарисуй мне, мастер, вот такую картину и дай мне“ — и с этими словами дрожащей рукой изобразила царевна на земле некоего прекрасного юношу. Нарисовал я ей портрет этого юноши и подумал, божественный, что она заставила меня изобразить самого Каму, но потому, что не было в его руке лука, сделан-

ного из цветов, решил я, что не бога любви заставила она меня изобразить, а было это портретом какого-то другого молодого мужа. Верно, она то ли видела его где-то, то ли слышала о нем, и вот поэтому-то и мучила ее безнадежная любовь. Решил я, что следует оттуда уйти, ибо ее отец, царь Девашакти, узнав о моем посещении антахпура, никогда бы не простил и строго бы наказал.

Подумав об этом, поклонился я Маданасундари и, одаренный ею, удалился. Узнал я, махараджа, от ее слуг, что стало ей о тебе известно и влюбилась она в тебя. Тогда я изобразил царевну, а портрет взял с собой и поспешил к стопам твоим, повелитель! Когда же увидел я твой облик, божественный, то исчезли у меня всякие сомнения. Да вот у меня в руках по ее поручению нарисованный мною твой портрет. Невозможно такую красавицу изобразить дважды, и вот потому не могу достойно нарисовать царевну рядом с божественным“.

Кончил говорить Роладева, и сказал ему тогда раджа: „Так покажи мне твой рисунок“. И тогда художник, раскрыв шкатулку, достал портрет и показал царю Маданасундари. И только бросил царь взгляд на небывалую красавицу, как тут же и влюбился. Щедро одарил он золотом художника, взял портрет возлюбленной и удалился в свои покои, а там, одолеваемый единой мыслью о ней, стал смотреть ненасытными очами на красу ее и прелесть и забросил все государственные дела — Манматха ⁷⁰, возревновавший к его красе, ударами стрел своих обратил его в прилежного слугу своего. Канакаварша, красотой своей заставлявший страдать женщин, сам вкусил из-за нее во сто раз горший плод любовных страданий. День ото дня от мучений разлуки стал он бледнеть и сам поведал верным министрам о душевном своем желании. Посоветовали они тогда ему, верные советники, послать к радже Девашакти посла и просить Маданасундари в жены. Избрали они для этого Сангамасвами — брахмана, надежного, из хорошего рода, знающего дело, знатока искусств, велеречивого. Отправился тот брахман со свитой, с богатыми дарами, и добрался до города Кундина, и вступил в него. Явился к радже Девашакти и своего повелителя ради попросил выдать дочь его за Канакаваршу.

„На выданье, конечно, моя дочь — должно ее замуж выдать! Вот просит ее в жены царь Канакаварша. Отдам я ее ему, пожалуй!“ — подумал раджа Девашакти, и согласился на

просьбу Сангамасвами, и показал ему и красу дивную Маданасундари и как она плавно танцует. А потом сказал царь обрадованному виденным Сангамасвмину, что согласен он отдать дочь свою, и, почтив как следует посла, отпустил его. А вместе с ним отправил царь своего посла с наказом, что-де, мол, когда астрологи определяют день для свадьбы дочери достойный, так чтобы его известили.

Прибыл Сангамасвамин вместе с послом от царя Девашакти к царю Канакаварше и тотчас же все доложил. Назначили звездочеты подходящий день, почтил раджа Канакаварша посла царя Девашакти и, уверившись в любви Маданасундари, отправился, неотразимый в геройстве своем и изгнавший из души сомнения, на свадьбу в город Кундина. Сел он на слониху Ашокалату, и, в приграничных лесах живущих львов, тигров и прочих зверей сражая, словно шабаров⁷¹ дикое племя, достиг он краев Видарбхийских, и вступил в город Кундина вместе с вышедшим ему навстречу царем Девашакти, и удалился во дворец, украшенный для предстоящей свадьбы, похитив тем самым радость, которую доставлял он взорам восхищенных горожанок.

Первый день отдохнул он вместе со всей своей свитой и челядью, наслаждаясь приемом и угощением, устроенным в честь гостей раджей Девашакти, а на другой день отдал ему в жены Девашакти дочь свою Маданасундари с таким богатым приданым, что у него самого осталось только царство.

Праздновал там Канакаварша целых семь дней, а потом с новой женой вернулся в свой город, и когда достиг он, дающий радость всему миру, города, то для всех было праздником видеть его с супругой, подобного месяцу с его нежным светом. Стала его больше жизни любимая Маданасундари главной среди его жен, подобно Рукмини⁷² среди жен Кришны. Супруги неотрывно смотрели друг на друга, обмениваясь взглядами обрамленных прелестными ресницами очей, страстными стрелами бога любви.

Наступило время, и ворвался лев весны с развевающейся гривой из цветов шафрана и набросился на слона девичьей застенчивости. Украсила весна тетиву цветострелого бога расцветающими лианами, усыпанными пчелами, и в лесах и в садах зашумел ветер с гор Малая, словно возбуждая страстные желания в душах жен странников, и пение кокилов⁷³ словно бы говорило каждому:

Обмелеют могучие реки,
Но водою наполнятся снова.
Нежность угаснет цветка,
Но цветок вновь зардеет румянцем.
Угаснет сиянье луны,
Но сверкнет вновь она полнолунием,
Но, увы, никогда, да, поверь, никогда
Не вернется ушедшая юность!
Те, кто любит друг друга, пусть любят!
Пусть им шлет наслаждения жизнь ⁷⁴!

И в это время раджа Канакаварша, облаченный в одежды, похитившие красками своими прелесть цветов ашоки, со всеми женами пошел поразвлечься в украшенный весной сад, послушать пение красавиц, щебетанье птиц и гудение пчел.

Стал царь вместе с царицей Маданасундари собирать цветы и играть в различные игры, и, после того как долго они этим развлекались, отправился Канакаварша с женами купаться в реке Годавари. И стали там они плескаться и всячески развлекаться в воде. Лицами, подобными лотосам, глазами, точно лилии, грудями, подобными красным гусям, бедрами, подобными песчаным отмелям, очаровали они царя, и Годавари плескала волнами, словно в гневе вскидывая и ломая брови, осуждала этих женщин из ревности, но душа Канакаварши была в восторге при виде того, как во время этих забав в воде тонкие одежды, облекая их прелести, еще больше оттеняли красоту его жен.

Вот Канакаварша стал плескаться водой в перси одной из цариц, подобные двум золотым чашам. Заметила это Маданасундари и разгневалась, и в сердце ее загорелась ревность, и со словами: „Как река взволнована“ — быстро вышла она из воды и, сменив одежду, сетуя на возлюбленного, со своими служанками поспешила в свои покои. Канакаварша, поняв все, бросил плескаться, и тоже вышел из воды, и пошел к ней в покои, вошел и увидел, что она, исполненная гнева и терзаемая ревностью, стоит у клеток с попугаями, подперла левой ладонью удрученное горем подобное лотосу лицо, и из очей ее катятся настоящие жемчужины слез, и сквозь слезы, прерывающимся голосом, поет она на апабхранше, поблескивая зубами, такое прелестное стихотворение:

Если разлука не в мочь,
Гордость отбрасывай прочь!
Если ж ты терпишь разлуку,

Гордостью сдерживай муку!
Мудрым известно давно,
Выбрать нужно одно!
Хочешь на двух берегах стоять?
В реку тебе суждено упасть!

Но и в гневе своем была она прелестна, и подошел к ней смущенный царь, и, хотя и отворачивала она свое лицо от него, обнял ее, и ласковыми речами покаянными старался утешить ее. Все тут стояли и старались вида не подавать, что замечают это, а он пал к ее ногам, кляня себя, виновника ее горести. И словно слезы ее, порожденные огнем ревности, растопили ее душу, и простила она царя. Тогда он с Маданасундари, сменившей гнев на милость, провел остаток дня, а когда наступила ночь, то провели они ее в любовных радостях и пришел к ним крепкий сон.

И снится царю, что пришла некая безобразная ведьма и у него с шеи сорвала ожерелье, а с головы корону. А потом увидел он ветау, тело которого состояло из членов разных существ, и начал он биться с ветапой, и царь его свалил, уселся ему на спину, и взлетел, словно на птице, в поднебесье, и оттуда ветапа бросил царя в океан. Когда же кое-как сумел царь выплыть, то увидел на шее свое ожерелье и почувствовал, что снова корона сидит у него на голове, как прежде. На этом месте он проснулся, и когда настало утро, стал он расспрашивать кшапанакку⁷⁵, буддийского монаха, к нему явившегося, о том, чтобы все это значило.

Ответил ему монах: „Не следует, божественный, говорить тебе неприятное, но как не скажу я, коли ты спрашиваешь? То, что видел ты, как похищены у тебя были ожерелье и корона, означает, что предстоит тебе разлука с этой царицей и сыном, а то, что обрел ты и ожерелье и корону, когда вынырнул из океана, значит, что, после того как кончатся несчастья, снова встретишься и с супругой и с сыном“. Выслушал Канакаварша слова монаха, подумал и сказал: „Нынче ведь нет у меня сына, и прежде всего должен он родиться“. Слыхал Канакаварша от сказителя „Рамаяны“⁷⁶, какие царь Дашаратха ради рождения сына претерпел мучения. Ушел монах, и провел тот день царь опечаленный в думах о том, как бы ему царица родила сына. Провел он ночь в одиночестве, и не шел к нему сон, и увидел он, как, хотя дверь и была заперта, явилась перед ним женщина, и была она скромная и почтитель-

ная, и благостного обличья, и, когда в удивлении поднялся он и поклонился ей, она его благословила и молвила: „Знай, сынок, что я — дочь повелителя нагов Васуки. Твоему отцу я старшая сестра, а зовут меня Ратнапрабха. Чтобы тебя оберегать, живу я, незримая, около тебя. Сегодня увидела я, что чем-то душа твоя встревожена, и не могу я видеть тебя таким. Расскажи мне, в чем горе твое!“

Когда кончила сестра отца говорить, ответил ей Канакаварша: „Счастлив я, матушка, что ты мне такую милость оказываешь, а беда моя в том, что сына у меня нету. Ведь вот для Дашаратхи и других мудрецы желали небесного блаженства от рождения сына, а почему бы им для меня того же не пожелать?“ Выслушала такую речь Канакаварши нагини⁷⁷ Ратнапрабха и сказала сыну брата: „Есть способ тебе получить сына, и расскажу я тебе о нем, а ты сделай все так, как я скажу. Ступай-ка ты и поклонись повелителю Кумаре⁷⁸ ради этой милости. Но чтобы осложнить дело, Кумара обрушит на тебя ливень, и это ты сумеешь перенести, ибо я войду в твое тело. Преодолев же другие испытания, ты достигнешь желанного“ — и с этими словами исчезла нагини, а царь спокойно и радостно провел эту ночь.

Когда же настало утро, поручил он министрам свое царство, и в жажде получить сына пошел поклониться повелителю Кумаре, и припал к его стопам, и стал совершать жестокие подвиги, чтобы его умиловить, а нагини, как и говорила, вошла в его тело. Вдруг обрушивает на его голову Кумара, подобно молнии, палице Индры, поток воды бесконечный, но выдержал это испытание Канакаварша, поскольку в его теле была нагини. Чтобы еще больше его испытать, послал Картикея Ганешу. Подмешал Ганеша к потоку дождя губительный яд и создал ужасного змея, но и от этого не вздрогнул царь. Тогда Винаяка явился в своем собственном образе и бивнями ударил царя в живот. Такого удара и боги не выдержали бы, а Канакаварша сумел. Но, подумав, что, хоть он и устоял против яда, с этим-то богом ему не справиться, начал Канакаварша умолять его славословиями: „Да будет слава тебе, повелитель препятствий, с толстым животом, подобным горшку, содержащему сокровище достижения всех целей, змеей украшенный. Да будет победа тебе, слоновый, хоботом своим сотрясающий лотосоподобное ложе самого Индры во время любовных игр! Коли ты не умиловит-

лен, ни богам, ни асурам, ни царям, ни пророкам не будет успеха, единственное прибежище человека, любимец Шанкары! О ты, живот которого подобен котлу! О остроухий! О повелитель ганов! О источающий амбру! О петлерукий! О повелитель живущих в поднебесье! О Джамбака! О держащий трезубец! Этими и другими истребляющими грехи шестьюдесятью восемью именами славил тебя лучшие из богов и восхваляли тебя, истребляя страх в битве и в суде, в игре и в грабеже, в жертве Агни и во встрече со зверями⁷⁹! Вот такими и другими молитвами царь Канакаварша умолял Ганешу, устранителя препятствий. Сказал ему слоноликий: „Доволен я тобой и не буду тебе, сынок, чинить новые препятствия“ — и с этими словами исчез.

Тогда молвил Картикея царю, устоявшему перед его испытаниями: „Порадовал ты меня, упорный! Проси, чего ты хочешь!“ Услышав это, обрадовался царь и попросил у того бога: „Пусть, повелитель, благодаря твоей милости родится у меня сын!“ „Да будет так, и будет у тебя сын, в котором воплотится один из моих ганов, и прославится сын твой в мире под именем Хираньяварши!“ — и, оказав такую особую милость царю, восседающий на павлине бог позвал его войти внутрь храма.

Тогда незаметно вышла нагини из тела царя, ибо нельзя из-за страха проклятия входить женщинам в святая святых храма, и вступил царь, лишенный покровительства нагини, в храм Картикеи, пламенем пышущего бога. Заметив это, подумал бог: „Что бы это значило?“ И, догадавшись, что благодаря волшебству нагини сумел царь перенести тяжкие испытания, разъярился Картикея и тут же проклял Канакаваршу: „Ты со мной шутики шутить? За это будет тебе мучительное наказание — разлучишься ты и с сыном и с женой, как только сын родится!“ Словно удар грома поразило это проклятие раджу, и он, великий поэт, стал умолять бога сладкозвучными гимнами сменить гнев на милость. Сладкими словами обрадованный шестиликий бог сказал Канакаварше: „Умилостивил ты меня, царь, своими гимнами, и положу я предел этому проклятию. Весь следующий за рождением сына год будешь ты разлучен с женой и сыном, а потом, после того как ты три раза избежишь смерти, вернешь их себе“. Умолк Картикея, и раджа, поклонившись ему, напившись амриты его милости досыта, отправился к себе в город. Со временем родила ему

царица Маданасундари сына, подобного сладостному дающему прохладу сиянию месяца, и, глядя на личико сына, они не могли ни на миг оторваться и бесконечно наслаждались его красотой. Устроил тогда царь праздник, и щедро рассыпал богатства, и оправдал имя свое Канакаварша, ибо воистину сыпал золотом, как ливень водой.

Прошло пять ночей, а на шестую ночь у покоев, где спала царица с младенцем, после того как поставили стражу, неожиданно-негаданно собралась грозовая туча, и все она росла и росла, пока не закрыла все небо, словно враги окружили царство беззаботного царя. Ветер словно безумный слон помчался, с корнем вырывая деревья и швыряя на землю потоки дождевой воды, подобные потокам пота. Сорвало с запора дверь, и какая-то ужасного вида женщина с кинжалом в руке ворвалась в покой Маданасундари и, оторвав прикинутого к груди матери младенца, околдовала всех слуг и кинулась опротиветь прочь. „Горе мне, горе! — закричала Маданасундари. — Ракшаси украла у меня сына!“ И с этими словами бросилась в погоню за похитительницей. Та мчалась с младенцем в руках все дальше, пока не исчезла в пруду, и туда за ней, словно желая утолить жажду, бросилась и Маданасундари.

Стала туча рассеиваться, а с ней и ночь прошла, и тогда все слышали из покоя плач и стоны служанок. Бросился туда Канакаварша, и не увидел ни жены, ни сына, и упал без памяти, а когда пришел в себя, все причитал: „Сыночек мой! Жenuшка моя!“ И тут-то вспомнил он, что Картикея проклял его и что проклятие кончится только через год!

„Зачем, Сканда, пожаловал ты мне дар, отягченный проклятием, — словно дал мне ты амриту, напоенную ядом! Как проживу я этот год — ведь будет он тянуться тысячи веков! — без любимой моей Маданасундари!“ Так он рыдал, и, хотя министры, узнавшие о том, что случилось, утешали его, ничто не помогало, словно стойкость его исчезла вместе с женой. Ушел царь из города и в тоске стал скитаться в лесах Виндхийских гор, ища в глазах юных газелей взор любимой, в гривах чамари — кудри возлюбленной, в движениях слоних — плавность ее походки, и от этого еще пуще палил его огонь разлуки. Скитаясь, томимый голодом и жаждой, мучимый зноем, добрался он до подножия Виндхийских гор и, утолив из родника жажду, присел на корнях дерева, как вдруг из пещеры раздался рев, словно загрохотали сами Виндхийские

горы, и выскочил оттуда лев с развевающейся гривой, готовый его растерзать. Как раз в это время пролетал там какой-то видьядхар и, спустившись, ударом своего меча рассек льва надвое. Приблизился видьядхар к царю: „Скажи мне, царь Канакаварша, как случилось тебе прийти в эти края?“

При этом вопросе вспомнил царь все, что с ним случилось, и спросил его: „Разве не знаешь ты, что гонит меня огонь разлуки?“ Тогда сказал ему на это видьядхар: „Жил я прежде в твоём городе в человеческом образе и был подвижником, а звали меня Бандхумитра. Попросил я у тебя однажды помощи, и ты оказал мне ее, и с помощью заклятья вета⁸⁰ стал я видьядхаром. Узнал я тебя и, желая отблагодарить, когда увидел этого льва, готового растерзать тебя, убил его. А зовут меня теперь Бандхупрабха“. Ответил ему Канакаварша, исполненный любви и благодарности: „Конечно, помню я тебя и дружбу твою вижу. Но скажи мне, когда же встречаюсь я с женой и сыном?“ Его слова выслушав и с помощью волшебства узнав об этом, сказал видьядхар Бандхупрабха повелителю земли: „Когда поклонись ты богине, обитающей в горах Виндхья, вновь обретешь ты супругу и сына. Поэтому ради достижения своей цели ступай туда, а я отправляюсь в свой мир“. Тут он вознесся в поднебесье, а царь снова обрел решимость и уверенность и отправился поклониться богине, живущей в Виндхийских горах.

То шел, то бежал царь по бесконечной лесной дороге, как вдруг, мотая головой и хлопая ушами, накинута на него безумный слон. Заметил его Канакаварша и бросился в расщелину, а слон кинулся в ярости за ним и пал замертво, не пройдя в нее. Пошел дальше царь, измученный дальней дорогой, жаждой, усталостью, и дошел до большого пруда, над которым качались на высоких стеблях белые лотосы. Омывшись и напившись, утолил он голод нежными стеблями душистых лотосов, уселся под деревом усталый, и тотчас же его одолел сон.

А в ту пору шабары⁸¹ охотились там на газелей и наткнулись на спящего царя, обладающего всеми добрыми признаками. Решили они, что может он быть хорошей жертвой богине, связали его и притащили к своему вождю, повелевавшему их племенами, по имени Муктапхала. Увидев его, наделенного добрыми приметами, велел вождь нести его в храм богини, обитающей в горах и Виндхийских лесах, чтобы принести его, как скота, ей в жертву. Увидел царь грозную бо-

гиню и взмолился к ней, и тотчас же по ее милости и по соизволению Сканды спали с него путы. Увидев это чудо и поняв, что такова воля богини, избавил царя от гибели повелитель шабаров. Так в третий раз избавился Канакаварша от гибели, и как раз кончился на этом год довлевшего над ним проклятия. Тотчас же явилась перед ним нагини, сестра его отца, ведя Маданасундари и сына, и сказала царю: „Знай, Канакаварша, что стало мне ведомо о проклятии, наложенном на тебя Кумарой, и поэтому я обоих твоих любимых увела и спрятала у себя в доме. Возьми их — любимую жену и сына. Будешь ты теперь, избавившись от проклятия, наслаждаться царством!“ При этих словах поклонилась нагини царю и тотчас же исчезла, а царю показалось, будто возвращение жены и сына ему приснилось.

Сладостны были долгие объятия царя и царицы, и лили они, измученные долгой разлукой, счастливые слезы. Муктапхала же, тамошних шабаров вождь, узнав, что пред ним повелитель земли царь Канакаварша, просил у царя, пав ему в ноги, прощения, и, введя его с женой и с сыном в свою хижину, принял его как гостя и всячески угощал. А Канакаварша пока гости у него, послал своих гонцов затем, чтобы позвать тестя Девашакти да из своего города вызвать войско. Потом, усадив любезную свою Маданасундари вместе с сыном, по воле Картикеи названного Хираньяваршей, на слониху, отправился с ними сначала в дом тестя. Через сколько-то дней добрались они до него в славный город, называющийся Кундина, украшающий собой царство Видарбху, и провели там царь с женой, и сыном, и с дружиной несколько дней, и щедро потчевал их Девашакти. А потом отправился царь в город свой Канакапур, точно праздник распространяющий повсюду радость и веселье, и вступил в него, приветствуемый взглядами горожанок, истосковавшихся по его красе, сопровождаемый женой и сыном. Повязал он Маданасундари шарф почетный и сделал ее самой главной женой. С супругой и с сыном, в вечном празднике, словно бы никогда не испытывавший горя разлуки, без врагов, проникательный царь Канакаварша повелевал кругом земным».

Выслушал из уст главного над всеми своими министрами Гомукхи этот замечательный рассказ царевич Нараваханатта вместе с добродетельной Аланкаравати и очень был доволен.

ВОЛНА ШЕСТАЯ

Были довольны историей, рассказанной Гомукхой, Нараванадатта и его любимая, но заметил царевич, что из-за зависти помрачнел Марубхути, и тогда, чтобы отвлечь его от недобрых мыслей, обратился к нему с такими словами: «Не расскажешь ли нам, Марубхути, какую-нибудь историю?» И, обрадовавшись, ответил тот: «Конечно, расскажу!» — и стал рассказывать

о брахмане Чандрасвами- не, о сыне его Махипале и дочери Чандравати

«В стародавние времена, божественный, в городе Камалапуре, где правил раджа Камалаварман, жил лучший из брахманов, имя которому было Чандрасвамин. Была у него, мудрого, жена по имени Девамати, и была она по смирению своему третьей после Лакшми и Сарасвати. Родила она ему сына, обладавшего приметами, предвещавшими счастье, а когда родился он, то так провозгласил голос с небес: „Нужно, Чандрасвамин, наречь твоего сына Махипалой. Станет он царем и долго будет править этой землей“. Услыхав такое с небес, нарек Чандрасвамин сына таким именем и устроил праздник. День ото дня рос Махипала и научился владеть словом и мечом, изучил шастры и веды и познал всякие прочие науки.

Тем временем родила Девамати дочь, прекрасную во всех членах, и нарекли ее Чандравати, и стала она вместе с братом расти в отцовском доме.

Случилось так, что не пришли в ту страну дожди и все, что было посеяно на полях, спалили жестокие лучи солнца. Из-за этой беды стал царь, попирая законы и отступив от пути добродетели, грабить подданных, лишая их последнего достатка. Видя такую напасть, говорит Девамати Чандрасва-

мину: „Давай пойдем к моему отцу в дом. Уйдем из этого города, не то погибнем мы в этой беде!“ Ответил на это жене Чандрасвамин: „Не дело это! Великий грех — бросать свой дом во время голода. Возьму-ка я лучше деток да отведу их в дом к твоему отцу, там их оставляю и быстро вернусь домой“ — и с этими словами поручил он ей дом блюсти, и она с ним согласилась, а он взял обоих детей, сына Махипалу и дочку Чандравати, и пошел из города прочь отвести их в дом тестя.

Через три ли, четыре ли дня дошли они до большого леса, в котором все деревья были высушены и все листья с них опали, а под ногами — раскаленный солнцем песок. Жажда измучила детей, и Чандрасвамин, усадив их, пошел искать воду. Шел он, шел, да повстречался ему повелитель шабаров Синхаданштра с челядью. Увидел его шабара, спросил, кто да откуда, узнал, что тот воду ищет, сделал знак условный слугам, а сам сказал: „Отведите его к воде!“ Услыхав приказ, его слуги вдвоем или втроем, надеющегося на осуществление желания Чандрасвамина схватили, увели и заперли в хижине. Поняв, что заперли-то его, чтобы принести в жертву, загоревал он по детям своим, оставшимся в лесу: „Ах, сынок Махипала! Ах, доченька Чандравати! Горе-то какое! Покинул я вас в лесу на поживу львам да тиграм! Да и сам попал к злодеям в лапы, и нет мне спасения!“ Вот так-то рыдая, посмотрел брахман на небо и увидел солнце. И тут-то его осенило: „Прочь, наваждение! Вот к этому повелителю моему обращаюсь я за защитой!“ И, решив так, начал он славить светило: „Тебе, в высочайшем небе покоящемуся, лучезарному, разгоняющему внутреннюю и внешнюю темноту, слава! Тебе, охватывающему подобно Вишну все три мира! Тебе, сокровищнице счастья, подобному Шиве! Тебе, подобному Праджапати, творящему мир! Незримый огонь палит, и зримая луна льет свет — им обоим дал ты свой свет, потому ты и ночью сверкаешь! Бегут от тебя ракшасы, дасью теряют силы, а добродетельные радуются, когда ты, сверкающий, восходишь! Так спаси меня, ищущего прибежища, ты, светоч всех трех миров! Смилуйся, разгони тьму горя, окутавшую меня!“ Такими и всякими другими молениями славил Чандрасвамин Солнце, и отозвалось оно с небес: „Довольно я тобою, Чандрасвамин, и не грозит тебе гибель, и по милости моей встретишься ты с сыном и дочерью!“ Успокоился от этой небесной

речи Чандрасвамин и принял от шабаров и воду для омовения и еду. Тем временем Махипала вместе с сестрой бродили в лесу и из-за того, что отец не возвращался, отчаянно ревели. Увидел их шедший той дорогой с караваном купец богатый, которого звали Сартхадхара, и спросил у них, что с ними случилось. Утешил он их, заметил у мальчика добрые приметы и взял его вместе с сестрой в свою страну. И хотя был еще ребенком Махипала, но знал все жертвы Агни и другим богам и совершал их в доме купца, и тот смотрел на него с любовью.

Однажды по какому-то делу пришлось проходить той дорогой министру раджи Тарадхармы, жившего в городе Тарапуре⁸². Этот лучший из брахманов, которого звали Анантасвамин, со всей своей свитой, слонами, конями и пешими воинами остановился у своего друга купца Сартхадхары. Отдыхая, увидел он прекрасного обликом Махипалу, читавшего мантры во время жертв Агни и прочих обрядов, и спросил о его истории. Узнав от купца, что мальчик сирота, и признав, что он из брахманской варны, и поскольку сам министр был бездетен, попросил он купца отдать ему мальчика вместе с сестрой. Отдал купец ему их обоих, и уехал Анантасвамин в Тарапур, а там он усыновил мальчика, и Махипала стал жить в его доме, изобилующем богатством и мудростью.

А пока все это происходило, пришел повелитель бхилов⁸³ Синхаданштра в ту хижину, где лежал связанный Чандрасвамин, и сказал ему: „Явилось мне, почтенный, во сне само Солнце и велело, почтив, тебя покормить и не убивать. Вставай и иди куда хочешь!“ С этими словами освободил он брахмана, дал ему жемчужину и мускусу, дал он ему и провожатых, чтобы помочь выбраться из леса. Пошел Чандрасвамин искать Махипалу и его сестру, но не нашел их в лесу, и в поисках дошел до стоящего на берегу океана города Джалапуры, и вошел как гость в дом некоего брахмана, и, когда поведал он, что с ним случилось, сказал хозяин дома Чандрасвамину: „Проходил здесь некоторое время тому назад купец Канакаварман, и были с ним найденные в лесу двое брахманских детей. Эти двое очень красивых детей уплыли с ним отсюда на Кокосовый остров, а как зовут тех детей, не сказал купец“.

Подумал Чандрасвамин: „Должно быть, это были мои дети!“ — и решил отправиться на те острова. Скоротал он ночь, и разыскал наутро купца Вишнувармана, и сговорился

с ним отправиться на Кокосовый остров. Взошел на его корабль, и поплыл с ним, гонимый любовью к детям, Чандрасвамин через океан на тот остров. Расспрашивал он живущих там купцов, и говорили они ему: „Верно, был здесь купец Канакаварман и были с ним двое красивых брахманских детей, которых он нашел в лесу, но недавно отплыл он отсюда с ними на Черепаховы острова“. Узнав об этом, условился брахман с купцом Данаварманом и поплыл на его ладье на те острова. И там узнал он, что уплыл Канакаварман с тех островов на Камфарные острова. Пришлось ему плыть с купцами сначала на Камфарные острова, а потом на Золотые острова, а после этого на Львиный остров⁸⁴, но нигде не мог он найти того купца Канакавармана. От жителей Львиного острова разузнал он, что купец тот уплыл к себе на родину в город, называющийся Читракута.

Вместе с купцом Котишварой на его корабле поплыл он через океан, и, пересекши его, добрался до города Читракута, и разыскал в нем купца Канакавармана, и, жаждущий встретиться со своими детьми, поведал ему все, что с ним было. Купец, понимая его чувства, показал ему тех детей, которых нашел в лесу. Посмотрел на них Чандрасвамин и увидел, что это вовсе не его дети, а какие-то другие, и, убитый горем и потерявший надежду, разрыдался: „Столько скитался я и ни сына, ни дочери не нашел. Словно дурной хозяин, судьба посулила мне надежду, но не выполнила ее. Напрасно мыкался я, злосчастный, по дальним далям!“ Утешал его, горемыку, Канакаварман, и, постепенно успокоившись, сказал Чандрасвамин: „Коли не разыщу я детей через год, то пойду на берег Ганги и расстанусь со своим телом, занимаясь подвижничеством“. Сказал тогда ему на это один мудрый человек, находившийся там: „Ступай, найдешь ты своих детей по воле Нараяни⁸⁵!“. Обрадовался он таким словам, вспомнил, что ему Солнце обещало, и, простившись с почтившими его купцами, пошел Чандрасвамин из того города.

Вот идет он в поисках своих через аграхары⁸⁶, деревни и города и дошел в странствиях однажды, когда уже смеркалось, до леса, в котором были большие и густые деревья. Решил он провести там ночь, поел плодов лесных, попил воды и, чтобы лев, тигр или какой другой зверь не потревожил, забрался на дерево. А сон не шел к нему, и ночью увидел он, что под деревом под началом великой Нараяни собрались Великие Ма-

тери⁸⁷ и каждая из них принесла с собой угощение и стали ждать они прихода Бхайравы.

„Почему это Бхайрава долго не идет?“ — спросили Матери у Нараяни, а та только рассмеялась и ничего им не ответила. Стали они просить Нараяни, чтобы та рассказала им, в чем дело, и она молвила: „Хоть стыдное это дело, но расскажу я вам, подруги! Есть здесь в городе Сурапуре⁸⁸ раджа, которого зовут Сурасена, а у него есть очень красивая дочь, и зовут ее Видьядхари. Хотел отец выдать ее замуж, и довелось ему услышать, что у раджи Вималы есть равный ей по красоте сын, которого нарекли Прабхакарой. А раджа Вимала хотел сына женить и слышал, что у Сурасены есть дочь и равна она по красоте его сыну. Вот и послал Вимала посла к Сурапуре просить дочь того в жены своему сыну. Так и выдал Сурасена Видьядхари за сына Вималы Прабхакару и дал за ней небывало богатое приданое.

Вот прибыла Видьядхари в город к свекру и вошла в спальный покой к мужу, но провела она ту ночь без радости и ласки и увидела, что достался ей в супруги немощный мужчина. „О, горе мне! Убили меня! Достался мне в мужья евнух!“ — причитала она и в таких сетованиях провела ту ночь, а когда рассвело, написала письмо отцу и послала, а было там сказано вот что: „Как это ты, не разузнав как следует, отдал меня в жены евнуху!“ Прочел ее письмо отец и закричал: „Обманул меня Вимала!“ Распалился оттого гневом и послал ему собственноручное послание: „Как смел ты сына своего немощного в мужья моей дочери прочить! Берегись, пожнешь ты плод своего злодейства! Я сам приду и тебя убью!“ Стал Вимала с министрами над этим письмом размышлять, и знали они, что Сурасену им не одолеть, и никакого выхода найти не могли. И сказал тогда Вимале его министр Пингаладатта: „Есть, божественный, одно-единственное средство, и его нужно ради благополучия применить. Знаю я якшу, которого зовут Стхулаширас, и знаю, как вызвать его и какой мантрой от него можно получить желаемое. С помощью этой мантры нужно тебе его вызвать и ублажить, и попросить для сына мужскую силу. Вот и уладится дело!“ Так посоветовал министр, и царь, узнав от него мантру, вызвал якшу и попросил у него для сына что нужно. Согласился якша и тотчас наградил Прабхакару мужской силой, и стал тот настоящим мужем, а якша стал евнухом.

Убедилась Видьядхари, что стал Прабхакара настоящим мужчиной, и вкусила с ним супружеского счастья, и подумала: „Ошиблась я в гневе, поспешила зря. Вовсе не евнух мой муж! Настоящий он мужчина, и нечего тут переделывать!“ Устыдилась она своей ошибки, и, чтобы успокоить отца, написала она ему другое письмо и послала его.

Узнал про эту историю Бхайрава и разгневался, велел привести Стхулашираса и проклял его: „Отдал ты свою мужскую силу и навсегда будешь евнухом, а Прабхакара всегда будет мужчиной“. Поэтому якша теперь в горе, а Прабхакара счастлив, раз стал он настоящим мужчиной. Из-за этого-то дела Бхайрава и задержался, но теперь, верно, уже скоро пожалует“. И пока кончала Нараяни рассказывать это Великим Матерям, тут и сам Бхайрава явился в образе Вишну. Угостили его Матери, отведал он их угощения и стал с ними плясать танец тандава⁸⁹. Вот что видел Чандрасвамин, сидя на дереве. Смотрел он, смотрел и заметил одну служанку Нараяни, а та тоже его заметила, и оба они друг другу понравились. Нараяни поведала об их чувствах, и, когда Бхайрава и Матери унеслись, велела она Чандрасвамину, все сидевшему на дереве, спуститься. Когда же сошел он вниз, спросила она его и свою служанку: „Вы что, действительно друг другу понравились?“ „Истинно, божественная!“ — ответили они, и тогда оставила свой гнев богиня и сказала Чандрасвамину: „По правде сказали, и я вами довольна и не прокляну вас. Отдаю я тебе эту служанку, и да будете вы оба счастливы!“ Услышав эти слова, ответил ей брахман: „Хотя и нестойко сердце мое, но никогда не трону я чужой жены. Хоть нестойкость — природа сердца, но должно избегать телесного греха!“ Когда кончил он говорить, молвила богиня стойкому брахману: „Довольна я тобой, и вот тебе награда — скоро найдешь ты и сына и дочь. Вот тебе неувядающий лотос, исцеляющий от яда и прочих бед“. Дала она ему цветок и исчезла вместе со своими служанками. Он же, получив лотос, коротал ночь, и отправился утром в путь, и после скитаний дошел до города Тарапура.

А как раз там его сын Махипала и его дочь жили в доме министра брахмана Анантасвамина. Когда достиг Чандрасвамин этого города, пошел он еды попросить в дом Анантасвамина, сел у порога и, зная, что тот гостеприимен, стал читать нараспев веды. А министр послал слуг разузнать кто да что

да в дом ввести, и, увидав, что это ученый человек, пригласил его к своей трапезе, а когда получил Чандрасвамин приглашение, пошел он омыться в пруду, грехи уносящему, имя которому Анантахрада. Когда же, омывшись, возвращается Чандрасвамин, то слышит, как в городе раздаются крики: „Хай! Хай! Горе!“

Спросил он, что случилось, и так сказали ему какие-то люди: „Живет здесь брахманский сын Махипала, найденный в лесу купцом Сартхадхарой, ходящим в дальние страны с караваном; заметил у них добрые приметы министр Анантасвамин, долго просил купца отдать детей и, наконец упросив, привез их сюда. Был он бездетен и детей усыновил, и они полюбили его. И царю Тараварману полюбился добродетельный мальчик, да вот сегодня укусила его черная змея, и поэтому-то в городе такой плач и стон“. Выслушав это, подумал брахман про себя: „Да ведь это мой сын!“ — и тотчас же поспешил в дом министра. Там увидел он окруженного всеми мальчишка, и узнал своего сына, и обрадовался, взял лотос увядающий, подаренный ему богиней, и поднес к носу Махипалы, и от благоухания цветка вышел весь яд и очнулся Махипала, словно бы от сна, и для всех в том городе — от раджи до последнего человека — был большой праздник. Посчитав Чандрасвамина за воплощение божества, и Анантасвамин, и горожане, и сам царь одарили его всякими сокровищами.

Остался он жить в доме министра и был счастлив, любясь сыном Махипалой и дочкой Чандравати, и они, хоть узнали друг друга все трое, радовались молча — мудрые не предаются без надобности внешним проявлениям чувств. А потом царь Тараварман, очень довольный добродетелями Махипалы, отдал ему в жены дочь свою Бандхумати и еще половину своего царства и полностью поручил ему все дела правления, так как других детей у него не было. Махипала же, получив царство, объявил, что настоящий его отец Чандрасвамин, сестру выдал замуж и счастливо зажил.

Однажды сказал ему Чандрасвамин: „Давай поедem на родину, привезем твою мать. Верно, думает она, узнав, что ты царем стал: „Как же он меня позабыл?!“ И — чего доброго! — может она, истосковавшаяся по сыну, проклясть тебя. А уж кого отец и мать проклянут, тому счастья не видать. Послушай-ка, расскажу я тебе

О купеческих сыновьях Чакре и Кхадге

В городе Дхавала⁹⁰ жил купеческий сын Чакра, и однажды отправился он вопреки желанию отца и матери торговать на Золотые острова. Вот торгует он уже пять лет и денег множество нажил, и отправился он через океан на корабле, груженном драгоценными камнями, и уже совсем мало оставалось плыть, как вдруг взревел буйный ветер, обрушился ливень и заходили яростные волны, словно бы хотел океан разбить этот корабль при мысли: „Вот тот, кто пренебрег родительским советом!“ Кого волны унесли, кого морские чудища сожрали, а Чакру еле живого вынесло на берег. Беспомощный и беззащитный, заснул он, и увидел во сне купеческий сын некоего мужа ужасного вида, держащего в руке веревку с петлей. Накинул он Чакре на шею веревку и привел его во дворец, где на троне сидел некто, и тот повелел человеку с веревкой посадить купеческого сына в клетку, сделанную из железа. Сидя в этой клетке, увидел Чакра другого несчастного, всю ночь мучившегося от раскаленного железного обруча, надетого ему на голову.

Спросил он его: „Кто ты и из-за какого несчастья и каким образом ты живешь в таких муках?“ И отвечал тот ему: „Имя мое Кхадга, и я купеческий сын. Не сделал я так, как родители мне велели, и, гневные, проклинали они меня: „Словно железным обручем раскаленным мучает наши головы твое непослушание. Так пусть же, злосчастный, на тебя падет такая же мука!“ После этих слов увидели они, что я заплакал, и сказали: „Не плачь! Только месяц будет тебе такая мука!“

Провел я, горемычный, тот день лежа, как убитый, а когда пришла ночь, увидел я, словно бы сквозь сон, что пришел страшный человек, и взял он меня, и посадил в железную клетку, и надел мне на голову пылающий железный обруч. Вот что случилось со мной, проклятым родителями. Терзает меня страшная мука, но жизнь не покидает меня. Хоть и кончился сегодня месяц, назначенный проклятием, но не оставляет меня эта мука“.

И с состраданием Чакра сказал Кхадге: „И я не послушался родительского слова, и проклинали они меня: „Все погибнет, что ты добудешь!“ — и поэтому все, что нажил я на Зо-

лотом острове, поглотил океан. Вот что со мной случилось. Что мне теперь в жизни? Надень мне на голову, Кхадга, обруч, и да кончится проклятие, тяготевшее над тобой“. Только промолвил это Чакра, как с небес голос раздался: „Свободен ты, Кхадга! Возложи этот обруч на голову Чакре!“ И Кхадга, избавившись от обруча и возложив его на голову Чакре, какой-то незримой силой был перенесен в отцовский дом и стал там жить, не преступая родительских наставлений.

Чакра же, приняв на голову обруч, молвил: „Пусть крутится этот обруч на моей голове, пока не истощатся грехи всех грешников на земле!“ Когда сказал это твердый в добродетели Чакра, то боги, на небесах живущие, осыпали его цветами и сказали: „Хорошо, хорошо, добродетельный! Твоим состраданием к другим искуплен твой грех. Ступай теперь, и да не истощится никогда твое богатство“. Так боги сказали свое слово, и тотчас же слетел с головы Чакры железный обруч, словно его и не было, а потом спустился с небес юный видьядхар и отдал ему посланную обрадованным Индрой кучу камней самоцветных цены несметной, посадил Чакру к себе на колени и прямехонько доставил его в город Дхавалу, а сам ушел как пришел. Чакра, вернувшись к родителям, радостно встретился с родичами, и все, что случилось с ним, рассказал, и стал там жить, твердый в своей вере.

Кончил Чандрасвамин рассказывать эту историю, а потом и говорит Махипале: „Таков, сынок, плод послушания родительского совета. Вот послушай о том, как послушание помогает исполняться желаниям! Слушай же

о заносчивом мудреце, о верной жене и о скромном мяснике

Когда-то давно жил мудрец, скитавшийся по лесам и совершивший множество подвигов. Вот сидит он однажды под деревом, а ворона возьми да и облегчись ему на голову. Разъярился он и кинул на нее гневный взгляд, и тут же она обратилась в пепел. Возгордился мудрец силой своего взгляда, мощью своего подвижничества. Пошел он раз в город за милостыней в дом какого-то брахмана. Вошел к нему во двор и

попросил хозяйку вынести ему подаяние. „Подожди, почтенный, пока я мужу помогу“, — ответила ему хозяйка, мужу верная жена. Когда же он, рассердившись, глянул на нее гневным взором, рассмеялась она: „Ошибся ты, мудрец. Ведь я тебе не ворона!“ Услыхал это мудрец, да и остолбенел от удивления: „Как это ей известно?!“ Она же помогла мужу закончить жертву Агни, взяла милостыню и вышла к мудрецу. Принял он подаяние, благодарно руки сложил, да и спрашивает: „Каким чудом знаешь ты, что у меня с вороной случилось? Скажи мне, тогда подаяние приму!“ Она ему в ответ: „Нет у меня другого закона и иной веры, чем преданность мужу. Поэтому такова сила моего прозрения. Сходил бы ты к мяснику Дхармавьядхе — живет он продажей мяса, посмотрел бы на него да скромности бы поучился“. Получив такой совет от всезнающей жены, мудрец принял подаяние, поклонился, да и пошел к себе.

На другой день разыскал он на базаре мясника, торговавшего мясом, и подошел к нему, а Дхармавьядха увидел его, да и спрашивает: „Что, брахман, тебя, верно, верная жена ко мне послала?“ Услыхал это мудрец, очень удивился и спросил Дхармавьядху: „Откуда у тебя, мясника, такое знание?“ Сказал ему на это мясник: „Люблю и почитаю я отца и мать. Они мое единственное прибежище. Сначала их омою, потом сам омоюсь. Сначала они поедят, потом сам поем. Сначала их спать уложу, потом сам ложусь. Вот потому-то я много и знаю. Мясо да потроха газелей да прочей живности продаю, тем и живу. А торговля эта — мое людям служение, а не к деньгам жадность. Ни я, ни та жена, мужу верная, никогда не чванимся, потому что чванство — враг знания. Поэтому-то, мудрец, и наделены мы безграничным знанием. Да и тебе, мудрец, от заносчивости освободиться надо, и тогда, свой долг исполняя, достигнешь ты успеха и будешь светочем среди мудрецов!“ Так наставлял его мясник Дхармавьядха. Побывал мудрец у него дома, посмотрел, как мясник живет, и, довольный, пошел к себе в лес. Стал он жить по совету и преуспел в подвижничестве, а мужу верная жена и мясник, выполняя свой долг, преуспели в делах.

Вот какой силы достигают люди, преданные отцу-матери. Ступай поэтому к матери, жаждущей тебя увидеть“.

Так Чандрасвамин наставлял Махипалу, и согласился тот пойти на родину, чтобы выполнить желание матери. Расска-

зал он все Анантасвамину, приемному отцу, и, все дела ему поручив, ночью вместе с отцом настоящим отправился к себе на родину. Долго ли коротко ли, а дошли они до родной деревни, и обрадовал он своим приходом родительницу свою Девамати, так же как приход весны радует коиля. Прожил Махипала на родине какое-то время с матерью и отцом, рассказывавшим всю историю про их приключения, и все родичи его сердечно принимали.

А тем временем в Тарапуре его жена царевна Бандхумати на исходе ночи проснулась, а проснувшись, увидела, что муж ее куда-то исчез, и почувствовала разлуку, и не могла больше она спать и бродила по дворцу да по садам, и в два ручья лила она слезы, подобные жемчужинам, и единственное счастье видела в смерти и звала ее. Утешал ее министр Анантасвамин: „Сказал тебе, наверно, Махипала на ухо: „По делу я ухожу и скоро вернусь!“ а ты не слышала. Не горюй, доченька!“ И она хоть с трудом, но все-таки успокоилась. Желая узнать что-либо о супруге своем, всех приходивших из дальних стран брахманов одаривала и расспрашивала.

Однажды пришел туда за подаванием бедный брахман по имени Сангаматта, предрекающий встречу, и она спросила у него о муже, и рассказала все как было, и описала наружность его, и имя назвала, а он ей сказал: „Не приводилось мне встречать такого человека, но тебе, божественная, не следует огорчаться. Бывает, долго тянется время до встречи с желанным. Послушай-ка, какое мне диво довелось видеть. Слушай

о коварном подвижнике

Странствовал я по святым местам, и дошел однажды до озера Манаса⁹¹ в горах Гималайских, и увидел там дивный, словно из жемчугов сложенный, дом. Вдруг из того дома вышел муж с мечом в руке, сопровождаемый множеством божественных дев, и пошел на берег озера, и стал вместе с ними предаваться веселью и пьянству. А я издали наблюдал все это, незамеченный, с любопытством. Вдруг откуда ни возьмись является туда другой человек. Встретил я его, и рассказал все, что видел, и показал того мужа с мечом, веселившегося с божественными девами. Посмотрел он на того с любопытством и стал рассказывать мне свою историю:

„Правлю я городом Трибхувана, и меня зовут Трибхувана⁹², и долгое время жил при мне один подвижник, поклонявшийся Шиве. Спросил я его однажды, чего ради он мне служит, и тогда попросил он у меня помощи, чтобы добыть скрытый в какой-то пещере меч. Пошел я тогда с ним темной ночью в лес, совершили мы разные жертвы, а потом около пещеры тот пашупата⁹³ и говорит мне: „Войди, герой, в пещеру, возьми меч и обещай, что, когда выйдешь, отдашь его мне!“ Обещал я ему сделать так, как он просил. Вошел я в пещеру и дошел до дома, сделанного из камней самоцветных и драгоценных. Вышла дивная дева из рода асуров, ввела меня в дом, с любовью вручила мне меч и промолвила при этом: „Храни этот меч — дает он над всеми победу и дарует способность летать в поднебесье“. И я остался с ней в том доме. Но вспомнил я, что пообещал пашупате, вышел из пещеры, держа меч в руке, и привел подвижника в дом девы из рода асуров. Там остался я с той же девой, а он — с другой.

Однажды пашупата, когда я захмелел, вырвал с силой из моей руки меч, захватил его и стал обладать силой все свершить, а меня взял и вышвырнул из пещеры.

С тех пор уже двенадцать лет, как брожу я по пещерам и ищу ту, из которой меня когда-то выкинули. Но вот здесь сегодня увидел я этого злодея, который развлекается с моей девушкой из рода асуров“.

А пока, божественная, раджа Трибхувана мне все это рассказывал, тот пашупата крепко захмелел и заснул глубоким сном. Тогда раджа Трибхувана подошел к нему, схватил висевший у того на боку меч и благодаря этому стал обладать божественной силой. Потом разбудил он пьяного пашупату ударом ноги, обругал его, но не убил, раз тот был беззащитен. Вошел раджа после этого в жилище асуров со всей свитой и обрел наконец свою любимую из рода асуров. А пашупата, утратив силу, загоревал — как бы долго злодеи ни процветали, неизбежно утратят они благополучие. И я все это видел, а потом после долгих странствий сюда пришел. Так что, божественная, пройдет долгое время, но непременно ты встретишь возлюбленного, как встретил Трибхувана свою милую“. Выслушала это Бандхумати и успокоилась. Поблагодарила она брахмана и щедро одарила деньгами.

На другой день еще один брахман пришел из какой-то очень дальней страны, и его спросила Бандхумати, описав

признаки супруга и сказав, как зовут, но ответил ей брахман так: „Нет, божественная, нигде не пришлось мне повидать твоего супруга, куда бы я ни ходил. Но скоро ты успокоишься — так мне говорит мое сердце. Как бы долго ни длилась разлука, а встречи не миновать. А как это бывает, послушай, расскажу тебе, божественная,

о Нале и Дамаянти⁹⁴

Жил в давние времена повелитель нишадов⁹⁵ раджа Нала, превзошедший красотой самого Каму — именно поэтому, кажется нам, тот от отчаяния и сжег себя в пламени ока разгневанного врага Трипуры⁹⁶.

Был Нала не женат и мечтал найти жену, достойную его по красоте. Услышал он, что у Бхимы, царя Видарбхи, есть дочь по имени Дамаянти, а Бхима по всей земле разыскивает среди царей женихов для дочери и не может сыскать ей в мужья никого, кто был бы ей равен, кроме Налы.

И вот случилось однажды так, что, живя в своем городе, Дамаянти, дочь Бхимы, спустилась к пруду искупаться и увидела там красного гуся, склеывающего стебли лотоса. Забавы ради изловчилась она и накинула на него свое верхнее платье. Попался гусь, и заговорил он тогда человеческим голосом: „Отпусти меня, царевна, я тебе службу сослужу. Есть в стране нишадов раджа Нала, и всеми-то он добродетелями обладает, и даже небожительницы хранят его облик в своем сердце наравне с самим Харой. Была бы ты ему достойной женой, а он тебе достойным супругом, и, чтобы помочь вам встретиться, готов я быть у вас послом любви“. Выслушала Дамаянти то, что сказал ей гусь, подумала, что правду он говорит, и со словами: „Пусть так и будет!“ — отпустила его. А затем добавила еще: „Никого, кроме Налы, не выберу я в мужья — наслышалась я о нем, и то, что слышала я, покорило мое сердце!“

А гусь, освободившись, поспешил в страну нишадов и прилетел как раз на то озеро, где раджа Нала купался, а тот, заметив гуся красивой окраски, играя, кинул на него свое верхнее платье и поймал его забавы ради. Молвил ему гусь: „Отпустил бы ты меня, царь, потому что прилетел я сюда, чтобы сослужить тебе службу, а какую — слушай, все тебе расскажу.

Живет в стране Видарбхской дочь раджи Бхимы, истинное украшение земли, а зовут ее Дамаянти, и даже сами боги заглядываются на нее. Поведал я ей о твоей красоте и добродетелях, и, воспылав к тебе страстью, решила она выбрать тебя в мужа, и об этом-то я и прилетел рассказать тебе". Слова лучшего из гусей, предвещающие успех и счастье, пронзили сердце раджи Нала, словно сплетенные из цветов стрелы, и молвил он: „Счастлив я, о лучший среди пернатых, что выбрала меня в супруги та, в которой воплотилась надежда моей души!“ Отпустил Нала гуся, и поспешил тот к Дамаянти. Рассказал он ей обо всем, что было, и та в жажде соединиться с любимым упросила мать, чтобы уговорила та отца согласиться на ее выбор и устроить сваямвару⁹⁷. Согласился отец ее, Бхима, с таким выбором и разослал гонцов ко всем царям, а те, получив приглашение пожаловать на сваямвару, поспешили в Видарбху. И был среди них сам раджа Нала.

Передал мудрый Нарада пятерым мир охраняющим богам весть о том, что собирается Дамаянти на сваямваре избрать себе в супруги Налу. Посовещались сокрушитель твердынь Индра, повелитель ветров Ваю, пламенный Агни, грозовой Варуна и Яма, властвующий над смертью, возжелали они Дамаянти и нагнали Налу по дороге в Видарбху, а когда приблизились к нему, так ему наказали: „Когда доберешься ты, царь, до Видарбхи, передай Дамаянти такие слова: „Избери кого-нибудь одного из нас пятерых. Что за счастье тебе со смертным Налом? Ведь смертному удел — смерть, а мы из тех тридцати трех, кто никогда не умирает"⁹⁸. По нашей воле ты войдешь к ней никем не замеченный“.

Когда прибыл в Видарбху раджа Нала и вошел незамеченный в антапур, то все, что ему было наказано богами, слово в слово передал Дамаянти. А она все выслушала и, добродетельная, молвила: „Боги они есть, богами и останутся, а супругом мне будет Нала. Нет мне никакого дела до тридцати трех богов!“ Вернулся Нала к богам и передал Индре и тем, кто был с ним, все, что сказала ему Дамаянти. Обрадовались боги его правдивости и так ему посулили: „Теперь мы в твоей воле, правдиво говорящий. Теперь коли в нужде вспомнишь ты о нас, тотчас же мы к тебе явимся!“ — и скрылись.

Продолжил радостный Нала свой путь в Видарбху, а Индра и другие боги, желая обмануть Дамаянти, приняли облик Нала. Вошли они в зал совета царя Бхимы как обычные

смертные, ничем от них в поведении не отличаясь, и, перед тем как начаться сваямваре, сели они подле Налы.

Вот обходит Дамаянти в сопровождении брата круг царей, и каждого он ей называет, и она ласково приветствует каждого. Но вот доходит царевна наконец до сидящих рядом шести Налов. Смугился ее брат, а она, увидев, что каждый из них моргает, отбрасывает тени и обладает всеми другими человеческими качествами, подумала: „Ясно, что пятеро охранителей мира учинили этот обман, но нужно мне увидеть, который из них и есть настоящий Нала. Нет у меня иного выхода!“ Рассудив так, добродетельная Дамаянти, всем сердцем верная Налу, повернув лицо свое к солнцу, воскликнула: „О защитники мира, ведь даже во сне никому, кроме Налы, не принадлежит мое сердце! Поэтому явитесь мне в подлинном своем виде. Для девушки всякий мужчина, кроме ее избранника, чужой, и она для каждого, кроме избранного ею, чужая. Зачем затеяли вы этот обман?“ Услышали это защитники мира, и каждый принял присущий ему облик, а шестой Нала остался в своем собственном виде — это-то и был настоящий Нала. И тогда Дамаянти, исполненная радости, надела ему на шею гирлянду избрания и окинула его взглядом, подобным сплетенному из синих лотосов венку, упавшим на Налу словно вторая гирлянда. И тогда с небес пролился цветочный дождь на голову раджи Налы, и Бхима совершил свадебный обряд, обедая Налу и Дамаянти вокруг алтаря.

А после того как царь страны Видарбха угостил каждого и воздал каждому почет, разъехались цари по домам, и боги во главе с Индрой тоже пошли восвояси. Идут они своей дорогой, и видит Шакра и прочие боги, что навстречу им идут Кали и Двапара⁹⁹. Узнали, что идут те на свадьбу Дамаянти, да и говорят им: „Не ходите в края Видарбхские, вот мы сами оттуда возвращаемся — и сваямвара там прошла, и избрала Дамаянти в мужья раджу Налу“.

Такое услышав, разъярились оба грешника — Кали да Двапара: „Это что же она — избрала в мужья смертного, а вами, богами такими великими, пренебрегла? Ну, мы их обоих разлучим!“ Посулив такое, вернулись они туда, откуда шли.

Провел раджа Нала семь дней в доме тестя, а потом с молодой женой Дамаянти, счастливый, вернулся в страну нишадов. Стали они там жить, и любовь их была сильнее, чем у Шарвы и Гаури, потому что Гаури была всего лишь телесной

половиной Шарвы, а Дамаянти с Налой были единой душой, а известно, что душа выше тела. Со временем родила Дамаянти мужу сына, которого нарекли Чандрасеной, а потом дочь, которой дали имя Индрасена.

Все это время старался Кали, решивший отомстить Налу, выискать у него какой-нибудь промах, хотя и жил тот строго по шастрам. Но вот однажды вечером напился Нала хмельного и заснул, не оmyв ног и не прочитав молитву. Воспользовался Кали этим — ведь ждал он такого и днем и ночью. Забрался Кали в тело Налы, а тот, не зная об этом, забыл и о праведной вере и о добром поведении и стал жить как заблагорассудится — в кости играть, с девицами развлекаться, врать, спать днем, а ночи проводить в разгуле, предаваться гневу без причины, не по закону добывать богатства, воздавать по чести недостойным, а достойных унижать да поносить.

Двапара тоже улучил момент — подкараулил, когда брат Налы, Пушкар, отступил от стези добродетели, — вселился в его тело. Увидел однажды Нала в доме своего младшего брата Пушкары красивого белого быка Данту и попросил у младшего брата отдать его ему, но, обуянный Двапарой и одолеваемый жадностью, не отдал Пушкар быка старшему брату и сказал ему так: „Коли хочешь ты его заполучить, не медли, бросай кости, и, коли выиграешь, будет он твой!“ Завладел азарт Налой, и, ослепленный, сказал раджа: „Идет“. И начали братья метать кости. Поставил Пушкар быка, а Нала слонов и коней. Младший выиграл, а старший проиграл! Вот уже два дня играют они, и третий день пошел, и Нала проиграл свое войско, сокровищницу, но ничто не могло удержать его, и он, обуянный Кали, все продолжал игру. Решила Дамаянти, что погибло царство, и двух детей своих, усадив на надежную колесницу, отправила в дом своего отца. Проиграл Нала царство свое и весь достаток. И молвил тогда ему Пушкар: „Все ты проиграл! Теперь ставлю я на кон своего быка белого, а ты ставь Дамаянти, супругу верную!“ Словно пламенем вспыхнул Нала, заслыша такие слова, и ответил: „Нечего мне больше ставить на кон!“

Тогда насмешливо бросил Пушкар: „Коль не хочешь ты на кон ставить Дамаянти, то убирайся с нею вместе прочь из моей страны!“ После таких слов Нала с Дамаянти пошел прочь из родной страны, а слуги царские проводили его до пределов царства.

Вот до чего Кали довел самого раджу Налу! Уж что говорить о других смертных, подобных червям. Тьфу! Тьфу на тех, кто без любви, без веры обрекает на беды и страдания подобных Нале царственных мудрецов! Тьфу на игру в кости, прибежище злосчастья, забаву Кали и Двапары!

Вот Нала, лишенный братом царства, скитается вместе с Дамаянти на чужбине, и дошли они, голодные и измученные, до леса. Царь с супругой, нежные ноги которой были изрезаны острыми стеблями дарбхи¹⁰⁰, сел на берегу озера и увидел, как прилетели туда два гуся.

Пропитания ради решил поймать их Нала и накинул на них свою верхнюю одежду, но они схватили ее и исчезли. Услыхал Нала голос с небес: „В образе гусей-то две стороны костей: Кали — одно очко; Двапара — два очка. Как кости похитили твое счастье, так эти гуси лишили тебя одежды“.

Остался Нала в одной набедренной повязке и был удручен, и показал он Дамаянти дорогу, ведущую в дом ее отца: „Вот эта дорога приведет тебя, милая, в дом твоего батюшки. А эта дорога ведет в страну ангов¹⁰¹, а эта — к кошалам¹⁰²“. Испугалась таких слов Дамаянти и подумала: „Ты, благородный, дорогу показываешь мне, словно избавиться хочешь от меня!“

Тем временем опустились сумерки, и муж с женой, поев плодов и корней и испив воды, устроили себе ложе из травы куши и, усталые, заснули. Глубокий сон одолел Дамаянти, но никак не шел сон к хотевшему уйти Налу, которого обуял Кали. Поднялся раджа, забрал ее платье, оставив ей лишь половину, и ушел оттуда. На исходе ночи проснулась Дамаянти и, нигде не видя мужа, решила, что он ее бросил, и стала рыдать: „О благородный! О добродетельный! О милостивый даже к врагам! О любимый мой! Зачем ты меня безжалостно покинул? И как это ты в одиночестве скитаешься в лесу? И кто тебя, усталого, приласкает? Прежде цветы из венцов царей пыльцу свою роняли на твои ноги, а теперь как ты перенесешь пыль дорожную, что садится на них? Не мог ты прежде снести прохладных сандаловых притираний, а нынче как твое тело снесет нестерпимый полуденный жар? Что мне сын? Что мне дочь? Что мне судьба моя? Коли чиста я, то пусть боги будут к тебе благосклонны!“

И так, вспоминая каждую мелкую подробность и горюя о Нале, пошла Дамаянти по той дороге, которую муж ей накануне показал. Шла она и одолевала реки и холмы, леса и

горы, но никак не могла она преодолеть любви к супругу. Верность мужу хранила ее в дороге, и сияние верности спасало ее от змей и обращало в пепел ее отчаяние. Повстречался ей по воле судьбы караван купцов, и, пристав к нему, дошла она до столицы царя Субаху. Дочь царя, сидя на крыше дворца, издали приметил красота Дамаянти, велела привести ее к себе и подарила своей матери в услужение. Стала Дамаянти прислуживать царице и, когда та спросила ее, кто она, ответила: „Покинул меня муж, а сам куда-то ушел“.

Тем временем Бхима, отец Дамаянти, узнав, что случилось с Налой, послал во все страны света послов, чтобы узнать о нем и о Дамаянти. Среди этих послов был его министр Сушена, который, странствуя под видом брахмана, дошел до столицы царя Субаху. Среди собравшихся посмотреть на него увидел он Дамаянти, и она его, отцова министра, горемычная, увидела и, узнав друг друга, бросились они друг к другу навстречу и залились слезами. Удивилась этому супруга Субаху, велела их обоих к себе привести да попросила, чтобы рассказали ей все доподлинно. Признала она в Дамаянти дочь своей сестры, а потом обо всем поведала мужу, и тот, с почестями посадив Дамаянти на колесницу, отправил в отцовский дом вместе с Сушеной и дал в провожатые воинов. Приехала Дамаянти в дом к своему батюшке, встретилась с детьми своими и стала жить в мыслях о своем муже да выглядывать, не идет ли он. А ее отец повсюду разослал соглядатаев, чтобы поведывали они, где Нала и что с ним, и сказал им, что особенно искусен тот в поварском деле и мастерски правит колесницей, и еще наказывал им, что коли подозрение у них будет насчет того Нала, если им встретится, то чтобы прочли такой стих:

Куда ты скрылся, Месяц, от очей
Своей возлюбленной? Зачем, жестокий,
Ее ты бросил, спящую в лесу,
Лишив одежды?

Так наставлял соглядатаев царь Бхима.

А пока все это происходило, Нала далеко ушел той ночью в том лесу, прикрытый половиной одежды Дамаянти. Но вдруг увидел он лесной пожар. И услышал он: „О великодушный, пока не сожрал меня, бессильного, огонь, унеси меня отсюда!“ — и увидел недалеко от того места, где уже бушевал огонь, змея, корчившегося от нестерпимого жара, и в драго-

ценных камнях, венчавших змея, сверкало отражение лесного пожара, словно его голова уже схвачена была яростной рукой неистового пламени. Подошел Нала к нему, и, движимый жалостью, отнес змея подальше, и хотел уже оставить его, как змей обратился к нему: „Отсчитай еще десять шагов и отнеси меня туда!“ Пошел Нала, отсчитывая шаги: „Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь,— слышишь? — восемь, девять!“ Как только Нала сказал: „Даша“, что значит „десять“ — и в то же время „кусай“, — змей, свисавший у него с плеча, укусил его в лоб, и тотчас же от этого стал раджа карликом, с короткими руками, черным и безобразным. Скинул змея с плеча Нала и спросил его: „Так, почтенный, отблагодарил ты меня за помощь?“ Возразил ему змей на это: „Знай, раджа, что я царь змеинового рода и зовут меня Каркота¹⁰³, а что ужалил я тебя в лоб, так это к добру. Коли великому приходится тайно жить, то лучше изменить ему внешность. Возьми вот эту одежду, называемую „Очищение огнем“. Как только наденешь ты ее, сразу же вернешь себе прежний облик“. Отдав Налу одежды, исчез змей Каркота, а раджа вышел из лесу и пришел в царство кошалов.

Пошел Нала к царю кошалов Ритупарне и под именем Храсвабаху Короткорукого попросился к нему в повара. По всему царству кошальскому прославился он и отменно вкусными яствами и тем, как умело правил колесницей. Так и живет там Нала под именем Храсвабаху Короткорукого, да однажды забрел туда один из соглядатаев царя Видарбхи, и услышал он, что новый-то повар Храсвабаху и по поварскому делу своему и по умению колесницей править равен Налу, и подумал тогда, что и впрямь это может быть Нала, и, когда тот был в собрании у царя, прочел стих:

Куда ты скрылся, Месяц, от очей
Своей возлюбленной? Зачем, жестокий,
Ее ты бросил, спящую в лесу,
Лишив одежды?

Те, кто был в собрании, подумали, что это слова какого-то безумца, но Нала, скрытый под обликом повара, ответил ему:

Но почему жесток я, почему?
Лишь потому, что лилии не виден?
Ведь мой удел — из края в край
По небу проходить, всю землю озирая!

Понял соглядатай, что воистину это и есть сам Нала, из-за несчастий ставший безобразным. Поспешил он к своему повелителю и, достигнув краев Видарбхских, самому радже Бхиме, и супруге его, и Дамаянти поведал о всем виденном и слышанном. И воскликнула тогда Дамаянти, обращаясь к отцу: „Несомненно, под видом повара скрывается Нала. Нужно воспользоваться этим и привести его сюда. Надобно, батюшка, послать к царю Ритупарне гонца — как только прибудет к Ритупарне он, пусть скажет ему так: „Куда-то пропал раджа Нала, и нет о нем никаких известий. Поэтому завтра поутру снова Дамаянти устраивает сваямвару. Поспешив в Видарбху, чтобы участвовать в этом празднике“. Услышав такую весть, поспешит Ритупарна прибыть сюда с возлюбленным моим, мастером править колесницей“.

Так рассудив вместе с отцом да поразмыслив, послала Дамаянти посла в страну кошалов, как говорила. Примчался посол к Ритупарне и все сказал, как было велено, а тот объявил о согласии и, возгоревшись желанием, позвал к себе Нала, скрывающегося под видом повара, и сказал ему: „Ты, Храсвабаху Короткорукий, говорил, что можешь править колесницей. Коли так, не постарайся ли сегодня же доставить меня в Видарбху?“ Ответил Нала: „Конечно же, сегодня ты будешь в Видарбхе!“ Тотчас же пошел он, и отобрал лучших коней, и заложил самую быструю колесницу. И думал при этом: „Сваямвара только повод, чтобы меня залучить! Даже и во сне не помыслит Дамаянти, чтобы действительно новую сваямвару устроить и нового мужа избрать. Поеду я и посмотрю сам!“ Подвел он царю Ритупарне запряженную колесницу, и только лишь вступил на нее царь, как пустил Нала коней и понеслись они с такой скоростью, что даже Гаруда не мог бы угнаться за ними.

Так быстро мчалась колесница, что встречный ветер сорвал с Ритупарны плащ, и, когда велел царь возничему остановить колесницу, возразил ему Нала: „Где ж найти теперь твой плащ, повелитель? Ведь с того мига, как сорвало его, умчалась твоя колесница за многие-многие йоджаны“. Молвил тогда Ритупарна: „Научи меня править колесницей, а я тебя научу искусству счета, и кости будут повиноваться тебе. Смотри, докажу я тебе это сейчас. Видишь дерево там впереди? Сочту я сейчас, сколько листьев на нем и плодов, а уж ты сам потом число проверь“. Сказав так, назвал он число

листьев и плодов, и Нала сам сосчитал и листья и плоды ветвистого дерева, и было их столько, сколько Ритупарна сказал. Тогда научил Нала царя Ритупарна править колесницей, а царь научил его искусству счета, столь важному при игре в кости. Чтобы испытать себя в новом искусстве, выбрал Нала другое дерево и сосчитал на нем листья и плоды. И пока он этому радовался, вышел из его тела черный человек, и спросил его Нала: „Ты кто?“ А тот ответил: „Кали я, из зависти вошел я в тебя, после того как избрала тебя Дамаянти. Из-за меня проиграл ты в кости все свое достояние. Когда же ужалил тебя Каркота в лесу, ты остался невредим, а я обгорел. Разве кому-нибудь приносит благо причинять другому вред? Ухожу я теперь — нет мне у тебя удачи! Попробую я вселяться в других!“ И только он это молвил, как сразу же исчез, а Нала вновь обрел и характер свой, и веру, и доброе поведение, и ум.

В тот же день примчал Нала царя Ритупарну в царство Видарбха. А там стали над Ритупарной смеяться и спрашивать, ради чего он приехал, и поселили его около царского дворца.

Дамаянти, услышав удивительный рокот колесницы, обрадовалась, подумав, что, может, это Нала приехал, и, посчитав его возвращенным себе, послала служанку разузнать, что там случилось. Та поспешила и сказала Дамаянти, жаждущей встречи с любимым: „Сходила я и вот что узнала, божественная. Это повелитель Кошалы пожаловал, до которого дошел слух, будто ты устраиваешь сваямвару. Вот он и поспешил сюда! А с ним его повар Храсвабаху Короткорукий, приехавший в качестве колесничего. Великий он мастер править колесницей — за один день всего домчал сюда из Кошалы. Потом сходила я на кухню и посмотрела, как он стряпает. Черен он и безобразен, но велико его мастерство! Вот дивото дивное — и воды он в рис не нальет, а рис сварится, и поленья не поджигает, а они разгораются, и тотчас же вкусные-превкусные яства готовы. Дивилась я на все это, дивилась, да и пришла сюда!“

Выслушала служанку Дамаянти и подумала: „Повар, повелевающий Агни и Варуной, огнем и водой, возникший, повелевающий колесницей, — непременно это должен быть Нала! Но причем же тут безобразие? Может быть, случилось это из-за разлуки со мной? Вот что мне нужно узнать от него!“

Подумав так и найдя способ, послала она со служанкой сына и дочь показать ему. Он же увидел своих детей, посадил их к себе на колени. Хлынули у него слезы из глаз, словно поток, прорвавший плотину, и молвил он служанке: „Таких же двоих оставил я в доме отца их матери. Вспомнил я о них, и от этого горе поразило меня“. Уведя детей, служанка обо всем рассказала госпоже, и та еще больше уверилась, что это-то и есть Нала.

На другой день рано утром позвала она служанку и так ей наказала: „Ступай найди повара Ритупарны и передай ему такое мое слово: „Дошло до меня, что ты такой мастер варить супы, что никто с тобой не сравнится. Приходи сегодня и покажи, каково твое мастерство!“ Передала служанка эти слова Нале и он, сказав: „Так тому и быть!“ — и испросив у Ритупарны позволения, пошел к Дамаянти. Взмолилась она: „Скажи мне, ты, принявший облик повара, не ты ли супруг мой, раджа Нала? Спаси меня из пучины сомнений, помоги доплыть до спасительного берега уверенности!“ Стало Нале при этих словах и радостно и горестно, почувствовал он и счастье любви и позор стыда и, понурив голову, сквозь рыдания проговорил: „Да, истинно это я — Нала, грешник, безжалостный, как палица Индры, который измучил тебя тоской, палящей без огня“. После этих слов стала Дамаянти его расспрашивать: „Коли истинно это так и ты действительно Нала, то откуда этот безобразный облик?“ Поведал ей Нала о своих хождениях и о том, как он спас из огня Каркоту, и о том, как избавился он от Кали. Потом взял он одежды „Очищение огнем“, подаренные ему Каркотой, надел их и обрел прежний облик. При виде того, как Нала избавился от ужасного обличья и обрел свой действительный вид, раскрылся нежный лотос лица Дамаянти, и успокоила она пожар своего горя слезами, как вода — лесной пожар. Быстро узнал от радостных слуг раджа Бхима об этой новости, поспешил сам туда, обнял Нала, устроил приличествующую случаю жертву и праздник на весь город.

Смеясь про себя, раджа Бхима чествовал и церемониями и угощениями царя Ритупарну, а тот в свою очередь почтил Налу и отправился к своим кошалийцам.

Потом рассказал Нала, царь нишадов, тестю своему о том, как овладела им из-за Кали черная злоба, а после стал счастливо жить со своей любимой. После же того как прошло

несколько дней, отправился он в нишадские края, сопровождаемый войском, данным ему тестем, применил свое знание счета и костей игральных и обыграл своего младшего брата Пушкару, но был справедлив он к Пушкаре, избавившемуся от Двапары, так же как он сам избавился от Кали, пожаловал ему часть удела и радостный тем, что вновь обрел Дамаянти, счастливо правил своим царством“.

Вот такую историю поведал в городе Тарапуре брахман Суманас царевне Бандхумати, тосковавшей по мужу, и сказал ей еще вот что: „Именно так, божественная, великие одолевают горе и в конце концов наслаждаются счастьем. Вслед за заходом неизбежно наступит восход блистательного Солнца, повелителя дня. Поэтому и ты обретешь своего супруга, безупречная, и пройдет немного времени, как расстанешься ты со своей тоской. Крепись, Бандхумати, отбрось уныние — дождешься ты супруга!“ Щедро отблагодарила она добродетельного брахмана, произносившего столь уместные речи, набралась терпения и стала ждать, а когда немного дней прошло, вернулся ее супруг Махипала со своим отцом, и привезли они с собой матушку Махипалы из той далекой страны. А когда вернулся он, радость для всех глаз, обрадовал этим Бандхумати, так же как восходящий в полнолуние месяц проливает амриту радости на лик Лакшми, рожденную из вод океанских. Стал Махипала жить с Бандхумати в царстве, еще прежде отданном ему ее отцом, нес бремя дел государственных и наслаждался всеми желанными радостями».

Такую увлекательную повесть услышал Нараваханадатта из уст министра Марубхути — была она и интересной и полна любви и страсти. Очень были довольны ею сын повелителя ватсов, божественный Нараваханадатта, и все его жены.

КНИГА О ШАКТИЯШЕ

Те, кто без промедления вкусят сладость океана рассказов, возникших из уст Хары, взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор — а сладость их воистину подобна животворной амрите, извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов!

ВОЛНА ПЕРВАЯ

Слава хоботу Херамбы¹, неотразимо разящему врагов словно меч кроваво-красный от пылы шафрана, устраняющий все препятствия!

Да защитит вас третий глаз Шивы², посылающий, когда все три яростных глаза открыты, взгляд вперед словно стрелу, готовую сразить повелителя Трех городов³.

Пусть сокрушают все ваши трудности взор и когти Нарасимхи⁴, божественного человека-льва, загнувшиеся и покрывшиеся кровью после того, как сразил он ненавистного Хираньякашипу⁵.

Счастливо живет в Каушамби окруженный министрами сын повелителя ватсов Нараваханадатта со своими женами.

Однажды, когда отец его сидел в зале совета, пришел туда, испросив позволения, некий купец, живший в том городе.

Слуга объявил, что зовут купца Ратнадаттой, и тот вступил в зал, поклонился царю Удаяне и начал рассказывать

о носильщике и царском браслете

«Живет в твоём городе, божественный, жалкий носильщик по имени Васудхара. Вдруг стал он есть и пить досыта, деньги давать без счета. Стало мне любопытно, и залучил я его к себе. Накормил и напоил я его, а когда он крепко захмелел, начал я у него все выспрашивать, и вот что он сказал: „Нашел я у ворот дворца браслет, украшенный драго-

ценными камнями. Выковырял я один камушек и продал купцу Хираньягупте за сто тысяч динаров. Поэтому-то я теперь счастливо живу“. Показал он мне браслет, а на том браслете, божественный, начертано твое имя. Потому и решил я тебя, повелитель, о том уведомить!»

Выслушав купца, приказал повелитель ватсов привести к нему того носильщика с браслетом, украшенным драгоценными камнями, да и купца, торгующего драгоценными камнями тоже. Когда же показали радже браслет, воскликнул он: «Вспомнил я! Ведь это тот браслет, что соскользнул у меня с запястья, когда я выезжал в город!» И тогда все в совете сидевшие спросили носильщика: «Как ты смел присвоить браслет, на котором начертано святое имя раджи?» А он на это: «Носильщик я! Откуда мне знать буквы царского имени? А взял я его потому, что нужда да горе меня замучили!»

Потом купец, повинный в покупке камня из браслета, держал ответ: «Оценил я камень и сразу цену назвал, а на камне имени царского не стояло и о том, что из царского браслета этот камень, мне ведомо не было. Из денег же, назначенных за браслет, взял носильщик только пять тысяч динаров, а остальные у меня лежат».

Кончил купец говорить, и тогда Яугандхараяна так рассудил: «Нет в том деле чьей-либо вины. Что осуждать нищего и безграмотного носильщика? Нищета толкает людей на воровство, а он нашел — разве кто-нибудь отдает найденное? Да и купца, камень купившего, тоже не следует осуждать!» Согласился властитель ватсов с тем, как рассудил дело Яугандхараяна, главный среди министров. Возвратил раджа Хираньягупте пять тысяч, заплаченные носильщику, забрал у купца камень, отпустил носильщика, отобрав у него браслет, и тот, проживший пять тысяч динаров, пошел к себе домой.

«Вот человек, нарушивший доверие», — подумал Удайна о Ратнадатте, но тем не менее поблагодарил его за все сделанное.

Когда же все они ушли, обратился Васантака к Удайне с такими словами: «Да, бежит богатство от тех, кто проклят судьбою, даже если оно им достанется. Примерно то же, что случилось с носильщиком, произошло в давние времена в городе Паталипутре, а рассказано о том в истории

о дровосеке Шубхадатте и добром горшке

Жил там дровосек Шубхадатта. Каждый день приносил он [из леса] ношу дров, продавал их и тем кормил семью. Вот однажды зашел он далеко в лес и по воле судьбы встретился с четырьмя жившими там якшами, одетыми в богатые одежды. Заметив, что он испугался, они ласково расспросили его как да что и, узнав, что Шубхадатта беден, прониклись к нему жалостью и сказали: „Оставайся, любезный, с нами, будешь нам слугой, а уж мы постараемся, чтобы семейство твое жило без тревог и забот“. Согласился на это дровосек, молвив: „Так тому и быть!“ Остался жить у них и стал помогать им в омовениях и во всех прочих делах.

Когда же наступило время еды, сказали ему якши: „Дай-ка нам поесть из „добрého горшка!“ Заглянул он в горшок, а горшок-то пуст! Сказали тогда гухьяки, улыбнувшись: „Не знаешь ты, Шубхадатта, что, если сунешь в горшок руку и пожелаешь чего-нибудь, тотчас же горшок выполнит твое желание“.

Послушал он их, да и сунул руку в горшок. И только он это сделал, как увидел в горшке и еду, и питье, и приправы, и все прочее, что полагается к еде. Подал Шубхадатта хозяевам угощение, да и сам потом поел. Вот так что ни день прислуживал им дровосек и со страхом, и с преданностью, но жил он в тревоге о своих близких. Но гухьяки и его семью, пока там все спали, не оставляли вниманием, и Шубхадатта был рад их благоволению.

Вот миновал месяц, и говорят якши дровосеку: „Рады мы твоему усердию! Скажи, чем наградить?“ А он им отвечает: „Коли правда вы мною довольны, отдали бы вы мне „добрый горшок!“ Якши ему возразили: „Да не сможешь ты уберечь его, а если уронишь, так он сразу исчезнет! Выбери какую-нибудь другую награду!“ Но никак не соглашался Шубхадатта ни на что другое, и пришлось якшам отдать ему горшок. Поклонился он им, взял горшок, да и пришел домой, и вся родня его этому радовалась. Скрыл Шубхадатта „добрый горшок“ среди других горшков да плошек и стал вместе со всеми свойственниками жить да наслаждаться тем, что доставлял „добрый горшок“. Бросил он свое ремесло, и что

ни день был Шубхадатта и сыт досыта и пьян допьяна. Спрашивали его родные, откуда, мол, такое счастье привалило? А он, заносчивый глупец, не мог им попросту сказать о горшке, исполняющем желания! Взял он горшок на плечо и стал — вот досада! — плясать. Пляшет он, пляшет, да хмельные ноги не слушаются — поскользнулся Шубхадатта, и упал с его плеча „добрый горшок“ на землю и разбился на куски. Как только горшок разбился, сразу же ушел туда, откуда явился.

И снова Шубхадатта обратился в несчастного дровосека. Так-то вот — не способны сберечь богатство те, чей ум омрачен пьянством и прочими подобными грехами, даже когда оно само к ним приходит. Не знают они, как его сберечь!»

Прослушал повелитель ватсов забавный рассказ Васантаки о «добром горшке», поднялся и пошел совершить омовение и заняться прочими дневными делами. А царевич Нараваханадатта вместе с отцом совершил и омовение и трапезу, а когда день склонился к закату, вернулся со своими друзьями к себе во дворец. Там опустился он на ложе, но сон не шел к нему, и тогда обратился к нему в присутствии других министров Марубхути: «Не пошел ты, божественный, в антапур, видно, потому, что хочется тебе взять гетеру, но не позвал ты ее — и не идет к тебе сон. Но почему тебя, все знающего, по-прежнему влекут гетеры! Ведь нет в их сердцах истинного чувства. Послушай историю

о купеческом сыне Ишваравармане, жадной красавице и обезьяне Ала

Есть на земле большой и богатый город Читракута, и жил в нем когда-то богатый-пребогатый купец по имени Ратнаварман. По милости Ишвары⁶, внявшего его молениям, родился у него сын богоданный, и назвали его Ишвараварман. Видя, что сын его вступил в пору юности и овладел науками, подумал Ратнаварман, главный над купцами, отец единственного сына: „Создал творец прелестный ад, расхищающий жизнь и богатство богатых юношей, опьяненных юностью, и имя этому аду — гетера. Поручу-ка я своего сына какой-нибудь сводне, чтобы он от нее узнал о хитростях гетер и благодаря

этому они не смогли бы его обманывать“. Рассудив так, пошел он с Ишвараварманом в дом к сводне, которую звали Ямаджихва. Там и увидели они ее, с тяжелым подбородком, длинными зубами, кривым носом, наставляющую дочь: „Деньги, доченька, гетер отличают: которая же влюбится, так той богатства не дожидаться. Поэтому гетере следует о любви забыть! Любовь для гетеры и закат дня сумерек — вестники гибели. Потому и должна гетера уметь подобно хорошо обученной танцовщице проявлять притворную страсть. С ее помощью надобно сначала выдоить из влюбленного кровь, а потом и деньги, и коли он уже выдоен, то надобно его бросить. Но если сумеет он вновь разбогатеть, следует его снова приблизить. Те шлюхи мудрые, которые одинаково относятся к мальчишке и старцу, уроду и красавцу, достигают великого богатства“.

К сводне, так наставлявшей свою дочь, обратился Ратнаварман, и она приняла его как гостя и пригласила сесть. Попросил ее старший над купцами: „Вот сын мой, любезная. Соболаговоли наставить его, чтобы знал он все уловки распутниц, а на расходы дам я тебе тысячу динаров“. Послушала она, и согласилась с его желанием, и сказала: „Так и быть посему!“ Тогда отсчитал купец ей тысячу динаров и поручил ей сына, а сам пошел домой.

Вот Ишвараварман прожил в доме Ямаджихвы целый год, изучая хитроумные уловки гетер, а как миновал год, вернулся он в дом отца. Когда же исполнилось ему шестнадцать лет, сказал он отцу: „Дает нам богатство и веру, и любовь, дает оно нам и почет и славу!“ При этих словах уверовал Ратнаварман в совершенство знаний сына, согласился с ним и на радостях дал ему товаров на пятьдесят миллионов динаров. Взял эти товары Ишвараварман и в день благоприятный отправился с караваном на Золотой остров.

Шел он, шел и добрался со временем до города Канчанapura, и остановился в роще около города. Совершил Ишвараварман омовение, закусил, умастился — нарядился и пошел в город, а туда придя, вошел в храм посмотреть представление. Увидел он там танцующую красавицу ласковую по имени Сундари, подобную волне океана красоты, поднятой ветром юности. Когда увидел ее сын купеческий, устремилось к ней его сердце, и вся наука, преподанная сводней, словно в гнев его покинула. Когда кончился танец, послал он своего

приятеля попросить ее о свидании, и она согласилась, сказав: „Счастлива я!“

Поставил Ишвараварман у каравана зорких стражников, а сам пошел в дом к той красавице, а там ее мать, Макаракати острозадая, его, гостя дорогого, всячески ублажала да потчевала, а когда спустилась ночь, ввела его в спальные покои, украшенные драгоценными камнями, где было приготовлено ложе. Весело провел он ту ночь с красавицей, искусной во всех тонкостях танца и страсти. Видя, что обнаружила она глубокую любовь и не отходит от него, он и второй день не мог выйти из ее покоев. А за эти-то два дня отдал сын купеческий той красавице два с половиной миллиона золотых и много драгоценных камней и прочих сокровищ.

„Много денег мне доставалось, но не было у меня любимого, а коли теперь милый мне достался — на что мне деньги?“ — притворялась она, отказываясь принимать деньги. Возразила ей матушка Макаракати, у которой Сундари была единственной дочерью: „Нынче что наше, то и его. Что за беда, доченька, коли возьмешь ты это богатство и к нашему присоединишь?“ И после этих слов матери словно нехотя согласилась красавица принять сокровища, а Ишвараварман-то, глупец, подумал, что она и впрямь страстно любит его. Так он был очарован ее красотой, пением и танцами, что пробыл он у нее целых два месяца и за то время отдал Сундари двадцать миллионов золотых.

Пришел к нему его приятель Артхадатта и говорит: „Что же, друг, учился ты, учился у сводни, да, видно, все эти знания не принесли тебе пользы — так же как трусу владение оружием. Верить в истинность любви этой шлюхи все равно что в пустыне пить призрачную воду миража! Вся ее любовь исчезнет, как только кончатся твои деньги. Уйдем отсюда! Ведь не простит тебе этого отец!“ Ответил ему Ишвараварман: „Истинно не достойны гетеры доверия, но эта красавица не такая! Ведь если хоть миг не видит она меня, то уже готова с жизнью расстаться. Но раз считаешь ты, что надобно нам идти, пойдй к ней и уговори ее“.

После таких слов Ишваравармана пошел Артхадатта к красавице и сказал ей в присутствии матушки Макаракати: „Истинно необычна твоя любовь к Ишвараварману, но надо ему нынче же отправиться торговать на Золотой остров. А добыв богатство, снова вернется он к тебе и будет жить с тобой

счастливо. Согласись на это, любезная!“ Выслушала она это, взглянула очами, полными слез, в лицо Ишвараварману, изобразила великую печаль и ответила Артхадатте: „Вам лучше знать, что делать! Что я могу сказать? Да и кто скажет, не видя, чем это кончится? Но что судьба велит, пусть то и будет со мной“. Тут ее мать промолвила: „Нечего тебе горевать, дочка! Поедет твой милый, вернется с богатством, тебя не покинет!“

Так, притворяясь, горячо убеждала ее мать, и та, тоже притворяясь, согласилась. А Макаракати тогда велела тайно натянуть сеть в колодце, находящемся на дороге, по которой нужно было идти Ишвараварману.

Закралось тогда в душу Ишвараварману сомнение насчет путешествия, а красавица, словно от горя, почти ничего не пила, почти ничего не ела, и страсть ее не изливалась больше ни в танцах, ни в музыке, ни в песне. Всяческими ласками старался Ишвараварман ее утешить.

В назначенный другой день отправился Ишвараварман из дома красавицы, получив ее благословение, а она вместе с матерью пошла его проводить и все заливалась слезами. Когда же дошли они до того колодца, где под водой была натянута сеть, и Ишвараварман, распрощавшись с Сундари, устремился в путь, она бросилась в колодец. Возопила тогда ее мать: „О доченька!“ И слуги заголосили: „Ах, хозяйюшка!“ Тотчас же бросился назад купеческий сын со своим другом и, узнав, что возлюбленная его кинулась в колодец, обмер и упал. С рыданиями, горюя по дочери, Макаракати тем временем послала верных, заранее подученных слуг с веревками к колодцу — доченьку вытащить.

Вот они с криками, как велено было: „Жива, жива!“ — вытаскивают красавицу из колодца. А та, как только ее вытащили, прикинулась мертвой, и только когда подошел к ней купеческий сын, что-то она ему прошептала. А он-то обрадовался, утешил ее и, сопровождаемый всеми, вместе с ней вернулся к ней же в дом.

Решив, что завоеванная им любовь красавицы и есть плод его жизни, отказался он и думать о путешествии на Золотой остров и остался жить в Канчанапуре. Только говорит ему однажды его приятель Артхадатта: „Губишь ты себя, друг, этой страстью. То, что упала твоя красавица в колодец, любви ее не доказывает, и не из любви она это сделала. Ведь

в хитростях и уловках распутниц самому творцу не разобратся! Что скажет тебе отец, когда узнает, как растрчено богатство? Куда ты сам пойдешь? Коль хочешь ты себе добра, так сегодня же надо отсюда уйти!”

Пренебрег купеческий сын советом друга — еще месяц там прожил и истратил еще тридцать миллионов золотых. А как только деньгам пришел конец, сводня Макаракати вытолкала взашей из красавицыных палат Ишваравармана. Поспешил Артхадатта и все прочие, кто с ним был, к себе в город и рассказал Ратнаварману все, как было, ничего не утаивая.

Очень огорчился от этих вестей Ратнаварман, старший над купцами, пошел к сводне Ямаджихве и попрекнул ее: „Такие деньги большие взяла ты, чтоб сына моего обучить, а вот сводня Макаракати запросто отобрала у него все достояние“ — и передал ей все, что ему рассказали о сыне. Ямаджихва, сводня старая, ответила ему на это: „Да приведи ты его сюда, сыночка-то своего. Я его уж так обучу, что он все богатство у Макаракати отберет!”

Когда посулила так Ямаджихва, тотчас же Ратнаварман послал Артхадатту, верного друга, преданного сыну, дал ему и на прокорм, и на подарки, с тем чтобы тот сына обратно привел.

Отправился Артхадатта снова в Канчанапур, и передал Ишвараварману отцово наставление, и сказал при этом: „Не послушал ты меня, и убедился сам, какова истинная любовь распутницы. Получил ты по шее, да еще отдал за это пятьдесят миллионов. Как может мудрый поверить, что шлюха может любить? Это то же, что пытаться выжать масло из песка! Да разве такова суть вещей? До той поры мудрый и доблестный муж наслаждается счастьем, пока не падает жертвой женских прелестей да чар. Ступай к отцу, умерь его гнев!” Сказал ему все это Артхадатта, и обнадеженный Ишвараварман поспешил с ним к отцу и, придя, во всем повинился. Поскольку у Ратнавармана был только один сын, простил его отец и отвел снова к сводне Ямаджихве. Спросила она обо всем Ишваравармана, а он от смущения слова вымолвить не мог, и все рассказал Артхадатта вплоть до падения красавицы в колодезь и про то, как деньги были растрчены. Тогда Ямаджихва и говорит: „Да ведь и я виновата — позабыла рассказать ему о такой уловке, к которой и прибегла Макаракати, растянув в колодезь сеть. На нее упав, красавица и не уби-

лась и не расшиблась. Но есть этому свое противоядие!“ При этих словах велела Ямаджихва служанкам привести ее обезьяну, которой было дано имя Ала. Выложила Ямаджихва перед обезьяной тысячу динаров и сказала ей: „А ну, проглоти!“ И та, обученная этому, сделала, как ей велели. Затем говорила сводня обезьяне: „Ну-ка, сынок, дай-ка тому двадцать!“; „А тому двадцать пять!“; „Дай тому шестьдесят!“; „Дай нам сто!“ И, сколько бы динаров Ямаджихва ни назначала, ровно столько обезьяна выплевывала и отдавала. Показав такие способности своей обезьяны, снова заговорила Ямаджихва: „Ты, Ишвараварман, возьми эту обезьянку, снова отправляйся к своей красавице и каждый день вот таким же образом требуй деньги от обезьяны на расходы, и она будет отдавать тебе деньги, которые ты дашь ей тайно проглотить. Заметив это, решит красавица, что обезьяна-то эта волшебная, подлинная „исполнительница желаний“! Захочет она забрать у тебя одну эту обезьяну за все ее богатство. Возьми ее деньги, дай обезьяне проглотить столько, чтобы хватило на два дня расходов, и без промедления уходи оттуда!“

Так наставляла Ямаджихва Ишваравармана и отдала ему обезьяну, а отец дал ему товаров на двадцать миллионов золотых. Взял все это Ишвараварман и снова отправился в Канчанапур, послал вперед себя гонца, чтобы Сундари уведомить, а там и сам пожаловал. А красавица при виде его, этого истинного совершенства и постоянства в любви и богатстве, радостно приветствовала его и его друга, кинулась Ишвараварману на шею и всяческими ласками старалась показать ему свою любовь. А он, ответив ей своими заверениями, сказал при ней другу своему Артхадатте: „Пойди приведи сюда Алу!“ А тот, молвив: „Так тому и быть“ — поспешил за обезьяной и привел ее. Обратился к ней, проглотившей прежде тысячу динаров, Ишвараварман и сказал: „Сынок, Ала, дай-ка нам триста динаров — сотню на угощение, на хмельное да на бетель, сотню матушке Макаракати на пожертвования брахманам, а третью сотню — чтобы красавице подарить!“ И только он это сказал, начала обезьяна один за другим динары выплевывать, что раньше-то проглотила. Вот таким-то образом Ала целую пакшу⁸ — четырнадцать дней — выдавал динары на расходы по велению Ишваравармана.

А Макаракати и красавица все это время думали: „Вот истинно-то „пожелай-дерево“ приняло вид обезьяны — что

ни день тысячу динаров выплевывает. Да если бы нам ее отдали, все наши желания были бы выполнены!" Так поговорив тайком со своей матушкой, попросила Сундари Ишваравармана, когда вкусил он высшего блаженства: „Уж если вправду ты добр ко мне, подарил бы ты мне обезьяну свою Алу!" Усмехнувшись, ответил ей на это Ишвараварман: „Это ведь батюшкино достояние. Не гоже его дарить!" А красавица его на это снова: „Отдай ты мне ее, а я тебе пятьдесят миллионов золотых за нее отдам!" Но решительно отвечал ей на это Ишвараварман: „Коли все богатство ты отдашь или весь этот город, все равно не годится ее отдавать. Что мне в этих миллионах-то?" Красавица же снова ему: „Отдам я тебе все мое богатство, а ты мне обезьяну. Не то разгневается на меня матушка!" При этих словах упала Сундари ему в ноги, и тогда сказали Артхадатта и другие спутники: „Отдай, будь что будет!" Согласился Ишвараварман отдать красавице обезьяну. Провел он этот день с радостной и счастливой красавицей, а когда пришло следующее утро, отдал он ей обезьяну, тайно скормив той две тысячи динаров, а красавица в уплату тотчас же отдала все свое богатство. Пospешил Ишвараварман отправиться в путь и поплыл на Золотой остров вести торговлю.

А обезьяна за два дня отдала радостной красавице те две тысячи золотых — на каждый день по тысяче, а на третий день, когда ласково попросила красавица обезьяну, та ничегошеньки ей не дала. Поколотила красавица обезьяну своим кулачком, а та разозлилась, пустила в ход зубы и когти и раскровянила лицо и красавице и ее мамаше. Разъярилась Макаракати — кровь у нее по щекам течет, схватила палку и заколотила обезьяну до смерти. Увидела красавица, что обезьяна подохла, поняла, что пропало ее богатство, и вместе с матерью готова была расстаться с жизнью.

Узнали горожане про эту историю, смеялись и говорили: „Сетью уловила денежки у молодца Макаракати, да сама, в сети запутавшись, и ум и деньги потеряла" или: „Другому сеть расстилала, да сама в нее и попала!" С большим трудом удержали родные и красавицу, у которой и богатство пропало и лицо было покалечено, и ее мать от самоубийства. А что до Ишваравармана, так он вскоре после того, как нажил на Золотом острове большие деньги и несметно увеличил свой капитал, вернулся в отцовский дом в городе Читра-

куте. Отец же его, Ратнаварман, видя, что сын вернулся с несметным богатством, щедро наградил сводню Ямаджихву и устроил пребольшой праздник. Ишвараварман же, убедившись в хитростях и кознях шлюх, перестал с ними водиться, женился и зажил счастливо.

Так что, повелитель, нет в сердцах распутниц даже крупицы истины, за которой не крылось бы коварство! Как не следует купцу вступать в пустынный лес, где могут его ограбить, так и мужу достойному не следует искать любви у гетер».

Расхохотались Нараваханадатта, Гомукха и все другие, выслушав этот правдивый рассказ о том, как в сети попадают те, кто их расставляет.

ВОЛНА ВТОРАЯ

После того как Марубхути закончил свой рассказ о том, что не может быть у гетер истинного чувства любви, многоумный Гомукха поведал историю

о царе Викрамасинхе, красавице Кумудике и ее возлюбленном Шридхаре

«Жил в Пратиштхане великий царь, и имя ему было Викрамасинха, а звали его так потому, что был он смел, как лев. Была у него и жена по имени Шашилекха. Единственным украшением ее было прекрасное тело, и принадлежала она высокому роду, и царь горячо ее любил.

Однажды, когда находился Викрамасинха в своей столице, окружили дворец его родичи со своими войсками. А было их пятеро: Махабхата, Вирабаху, Субаху с Субхатой да еще Пратападитья — и были они доблестны и смелы. Остановил царь

Викрамасинха своего министра, хотевшего замирииться, — решил он биться с ними. Началось тогда сражение, и сам царь на слоне, являя мужество и доблесть, вступил в бой.

Заметив, что Викрамасинха вооружен одним лишь луком и так разит вражью силу, Махабхата и прочие недруги ринулись на него. Была у них большая сила, и, не устояв, войско Викрамасинхи бежало с поля битвы. Бывший в бою рядом с раджей его министр Анантагупта сказал ему: „Сломлена наша сила, и, видно, не будет нам здесь победы! Пренебрег ты моим советом и ввязался в бой с более могучими противниками. Так ради своего же блага последуй хоть сейчас моему совету. Слезь со слона, садись на коня и уезжай в другую страну — останешься жив, снова сумеешь разбить своих врагов!“ Нехотя слез со слона раджа, вскочил на коня и, сопутствуемый министром, покинул войско.

Переодевшись в чужую одежду, долго они странствовали. Наконец прибыл Викрамасинха со своим министром в город Удджайини, а там вошел он вместе с министром в дом богатой и прославленной гетеры Кумудики. Она же, увидев, как вошел он, тотчас же подумала: „Кто бы это был такой величественный, вступивший в мой дом? По величию и прочим признакам это несомненно великий царь! Так исполнится то, что я задумала, коли согласится он мне помочь“. А подумав так, пошла ему навстречу и поздравила с прибытием, а немного погодя, когда он отдохнул, сказала ему: „Сегодня наконец пришло ко мне счастье, сказался плод добрых дел в прежних рождениях, ибо божественный соблаговолил освятить мой дом своим присутствием. Этой милостью обратил меня божественный в его рабу. Есть у меня сто слонов, двадцать тысяч коней, дворец, полный драгоценностей, — все это в твоей власти“. После этих слов устроила Кумудика для раджи и его министра и омовение и угощение богатое, а потом в своих покоях отдалась радже, и он, разбитый страстью, стал жить счастливо. Когда отдавал он что-нибудь из ее имущества просящим, не показывала она никакого неудовольствия — только радовалась. Думал царь: „О, как она меня любит!“ А ему, радовавшемуся этому, сказал однажды, когда они остались наедине, министр Анантагупта: „Нет, божественный, у гетер искренности и быть не может! А вот почему Кумудика тебе такую привязанность показывает, того не знаю!“ Ответил ему на это Викрамасинха: „Неверно это! Кумудика ради меня

даже с жизнью расстанется. Коли не веришь ты, я тебе докажу“. И предложил раджа министру своему способ, как это проверить. Стал раджа пить немного, есть и вовсе мало и исхудал, и стали у него трястись руки и ноги, и вот уже он и вовсе мертв. Понес его со слугами на кладбище Анантагупта, прикинувшийся, будто убит он горем, а Кумудика, хоть и отговаривали ее родные, горестная, взошла на костер вместе с телом царя. Пока еще не зажжен был костер, потянулся раджа, словно бы очнувшись, встал и узнал Кумудiku, и все обрадовались и стали кричать: „Счастье! Счастье! Он жив!“ — и отвели его с Кумудикой домой. Устроили по этому случаю праздник, а раджа постепенно поправился и однажды сказал министру: „Видишь, как она меня любит!“ Снова возразил ему министр: „Нет, даже и теперь не верю я этому! Есть здесь причина какая-то, а что за причина, увидим, конечно. Откройся ей, возьми предложенное ею войско да возьми войско союзника, и разобьем в бою врагов!“ А пока министр все это говорил, явился тайно подученный и подосланный им самим соглядатай, и, когда спросили его, с какой вестью он пришел, вот что он сказал: „Враги захватили твою страну, раджа, а царица Шашилекха, узнав от людей, будто ты, божественный, убит, от горя взошла на костер“. Выслушал от соглядатая эти вести Викрамасинха и разрыдался, восклицая: „О божественная! О супруга моя добродетельная!“

Через некоторое время дошла эта весть и до Кумудики, и она пришла к Викрамасинхе, стала его утешать и сказала: „Прежде ничего ты не повелел мне, божественный. Что ж, и теперь мне ничего не велишь? Возьми деньги мои, возьми войско мое и порази своих недругов!“ Сказала она ему так, и он согласился, и на ее деньги большую силу поднял, и пошел к другу своему тоже радже, у которого еще больше войско было, а потом пошел со своим и его войском и, сокрушив в бою враждебных ему пятерых царей, вернул свое царство.

Обратился он тогда к Кумудике, стоявшей вместе с ним: „Доволен я, и что попросишь, то выполняю!“ И попросила его тогда Кумудика: „Коли истинно, повелитель, ты доволен мною, вырви из сердца моего занозу, издавна мучающую меня. Возлюбленный мой, Шридхар, сын брахмана, из-за ничтожного проступка был в Удджайини брошен царем в тюрьму. Вызволь его! Приметила я сразу знаки твоего будущего

торжества и поняла, что сможешь ты это выполнить, и преданно служила тебе, божественный! Из-за того, что рушились мои надежды, взошла я на твой погребальный костер, ибо считала, что без того сына брахмана, возлюбленного моего, жизнь моя бесцельна!" Тогда сказал раджа ей, страстно привязанной, в ответ на это: „Будь тверда, прекраснотелая, выполняю я все, что ты просишь!" Сказал он так и подумал, вспомнив слова своего министра: „Верно сказал Анантагупта — нет у гетер искренности!" А подумав так, взял он свое войско и пошел на Удджайини, освободил Шридхара, отдал его Кумудике, и счастливо устроил встречу влюбленных, и щедро одарил ее. Вернулся он после этого к себе в столицу, правил, никогда не пренебрегая советами своих министров, а со временем стал Викрамасинха править всей землею.

Воистину неведомо и бездонно сердце гетеры!»

Закончив рассказ, умолк Гомукха, и тогда вот что молвил Тапантак, обращаясь к Нараваханадатте: «Никогда не следует, божественный, верить распутным женщинам — ни замужним, ни гетерам. Вот послушай-ка про чудо, которое мне самому довелось видеть. Расскажу я

о неверной жене, взошедшей на костер мужа

Жил некогда в этом городе купец по имени Балаварман, и была у него жена Чандрашри. И вот случилось ей однажды, выглянув из окна, увидеть привлекательного молодца, купеческого сына Шилахару. Тотчас же послала она приятельницу, чтобы та зазвала его в свой дом. Там, обуреваемая страстью, сошлась она с ним, никем не замеченная, и стала каждый день с ним веселиться, пока не узнали про это все слуги да родичи. И только один Балаварман, муж ее, ничего не знал о бесчестии и, ослепленный любовью к ней, ничего не желал знать о таком скверном ее поведении.

Но однажды одолела Балавармана лихорадка. И что ни день, то ему хуже, и вот уже перешел он последний предел жизни. Пока он болел, жена его изо дня в день сходилась со своим любовником, заменившим ей мужа, в доме у приятельницы. Когда же настал день и умер ее супруг, она, узнав об

этом, тотчас же любовника покинула и взошла на всеочищенный костер, хотя и отговаривали ее родные, знатоки высокой морали.

Трудно, конечно, понять женское сердце: сходятся с другими, а без мужей — им жизнь не в жизнь!»

Как только Тапантака кончил свой рассказ, Харишикха заговорил: «А не слышали ли вы, как нечто подобное случилось с Девадасой? Тогда слушайте

о злодейке Духшиле, убившей мужа

Давным-давно жил в одной деревне семейный человек по имени Девадаса, и была у него жена, по заслугам названная Духшилой Злонравной. Все соседи знали, что она с другими мужчинами знается. Пошел однажды Девадаса в царский дворец по какому-то делу. А она в это время, желавшая его убить, привела к себе любовника и спрятала его на крыше дома.

Когда же вернулся домой ее муж Девадаса, насытился и заснул, то ночью она вместе с любовником убила его. Отпустила она любовника и спокойно провела остаток ночи, а когда настало утро, выскочила из дома с криком и ревом: „Разбойники мужа моего убили!“

Собрались все родичи, увидели, что случилось, и стали говорить, что, мол, коли мужа твоего разбойники убили, так что же из дома-то ничего не украдено? Спросили они мальчика, ее сына: „Кем отец твой убит?“ И он всю правду рассказал: „Днем кто-то на крышу забрался, а ночью оттуда слез и при мне батюшку убил, и сразу же матушка забрала меня от батюшки“. Поняв из слов мальчика, что Девадаса убит женой и ее любовником, разыскали родичи того любовника и убили его, а Духшилу выгнали. Мальчика же взяли к себе.

Так-то вот жены-злодейки, змеи подколодные, в других мужчин влюбляясь, непременно своих мужей убивают».

Досказал Харишикха свою историю, и заговорил тогда Гомукха: «Что о ком-то неизвестном рассказывать? Вот послушайте-ка, какая смешная история приключилась с Ваджрасарой, слугой повелителя ватсов. Расскажу я

как Ваджрасара утратил мужское достоинство

Была у этого героя жена красавица родом из Малавы, и была она хороша станом и статью. Однажды пришел к нему тесть вместе с сыном своим из Малавы и стал настойчиво приглашать к себе. Принял его Ваджрасара, как полагается принимать гостя, радже доложил и, испросив его позволения, отправился с женой да с тестем в Малаву. Провел он в гостях у тестя месяц, отдохнул и вернулся сюда, чтобы продолжить службу радже, а жену оставил там в Малаве.

Сколько-то дней прошло, как вдруг приходит к нему приятель, которого звали Кродхана-подстрекатель, и говорит ему: „Что же это ты семью свою губишь — жену в доме у тестя оставил! Она там, грешница, с другими знает. Пришел сегодня оттуда верный человек и мне рассказал. Не почти это за ложь — разведись с ней и женись на другой“. Сказал это Кродхана и ушел, а Ваджрасара стоит дурак-дураком и размышляет: „Видно, это правда. Посылал ведь я человека с наказом вернуться домой — почему она не вернулась? Пойду-ка я сам приведу ее, посмотрю, что будет!“ Рассудив этак, отправился он в Малаву, забрал жену, распрощался с тестем да тещей и отправился в обратный путь.

Много уже они прошли, и он, обманув слуг, свернул с женой на боковую дорогу и зашел в глухой лес. Там в безлюдье он ей сказал: „Стало мне ведомо от верных друзей, что ты с другими путаешься. Вот и когда позвал я тебя обратно, ты не пришла! Скажи мне правду, не то накажу я тебя“. Услыхала она это, да и говорит: „Коли ты так решил, так чего же меня спрашиваешь? Что тебе хочется, то и делай!“ Разгневался Ваджрасара от таких ее заносчивых речей, привязал к дереву и высек лианами. А когда срывал он с нее сари, то увидел ее нагой и разгорелось в нем желание овладеть ею. Когда же он подошел к ней, привязанной, и обнял, чтобы сойтись, сказала она ему: „Не хочу!“ — и, когда стал он ее упрашивать, сказала: „Захочу я с тобой сойтись, если точно так, как ты меня к дереву привязал и лианами отлупил, я тебя к дереву привяжу и отлуплю!“ И согласился на это Ваджрасара, похотью охваченный, и сказал: „Ладно!“ Забавно, как бог любви обрлил мужа в солому!

Привязала она ему крепко-накрепко руки и ноги к дереву и его же ножом отрезала ему уши да нос, а потом забрала, грешница, его меч и одежду, оделась мужчиной, да и пошла, куда ей хотелось. А Ваджрасара так там, повесив голову, и остался с отрезанным носом и отсеченными ушами — и честь потеряв и кровью истекая. Пришел в тот лес в поисках целебных трав какой-то лекарь, увидел его и сжалился над ним. Разрезал он путы Ваджрасары, привел к себе домой, вылечил, и лишь после этого вернулся Ваджрасара домой. Сколько ни искал он ту злодейку, а найти не сумел. Рассказал он всю историю Кродхане, а уж Кродхана рассказал ее повелителю ватсов. Все во дворце смеялись над ним: „Утратил Ваджрасара и честь мужскую и достоинство, стал бабой настоящей, раз жена смогла его раздеть да так наказать!“ По-прежнему живет здесь Ваджрасара, и сердце его ожесточено против женщин. Так как же, божественный, можно доверять женщинам?» — спросил, закончив историю, Гомукха. И тогда заговорил Марубахутика: «Соблаговолите выслушать еще один рассказ о женском непостоянстве. Слушайте

о влюбчивой царице и трусливом любовнике

Давно уже это было — когда еще царь Синхабала правил в Дакшинапатхе. И была у него изо всех обитательниц антахпура самой любимой дочь его вассала из Малавы, а звали ее Кальяनावати. Вместе с нею правил он царством, но однажды сильные родичи изгнали его из его же страны. Царь с царицей с небольшой свитой тайно бежал и направился к своему тестю — повелителю Малавы. А когда они шли через лес, кинулся на них лев, но герой одним небрежным ударом меча рассек его надвое. Ринулся на них, затрубив, лесной слон, но отсек ему герой мечом хобот и ноги, и рухнул тот, как растоптанный лотос. Один он истребил полчища разбойников, словно дикий слон заросли лотосов. Когда же одолели они все препятствия и добрались до Малавы, сказал герой, истинный океан мужества, супруге своей, видевшей его необычайные подвиги: „Не рассказывай, божественная, в доме баюшки твоего о том, что случилось с нами в дороге. Стыдно

воину доблестью похвалиться!“ И после этих слов он с царицей вступил во дворец своего тестя. И когда тот стал расспрашивать о дороге, то Синхабала сам скромно поведал о своем путешествии. Тепло принял его тесть, а потом дал ему слонов и коней, и с ними присоединился Синхабала к могучему радже Гаджанике. Собирающийся одержать победу над врагами, оставил он супругу свою Кальяनावати во дворце тестя.

Сколько-то дней миновало с тех пор, как ушел он в поход, и вот однажды царица, стоя у окна, увидела какого-то молодца, и сразу же покорила он своей красотой ее сердце. Одурманенная страстью, так подумала она: „Нет никого красивее моего мужа, нет никого доблестнее, да вот устремилось сердце мое к этому красавцу! Будь что будет, а я сегодня же его приласкаю!“ А подумав так, поделилась она со служанкой, хранительницей ее тайн, своим желанием, и та ночью через окно на крыше, спустив веревку, ввела того в антахпур. А он, когда вошел, так был ошеломлен сиянием, что не посмел сесть на ложе царицы, а сел поодаль. „Ох! — подумала царица, заметив это,— видно, это низкого звания человек!“

И пока она горевала по этому поводу, ползавшая по потолку змея свалилась на пол. Увидав ее, перепугался молодец, схватил лук и стрелой поразил змею, а потом уже убитую вышвырнул ненавистную из окошка на улицу, и, избавившись от испуга, на радостях стал этот трус плясать. При виде того, как он пляшет, того пуще огорчилась Кальяनावати: „Тьфу! Тьфу! Да как подумать могла я сойтись с таким недостойным и низким!“

Ее служанка, умевшая угадывать настроение своей госпожи, видя, что та преисполнилась отвращения к нему, вскочила из покоев, а затем быстро вернулась и заговорила с деланным испугом: „Твой батюшка, божественная, пожаловал сюда и сейчас сюда войдет — пусть этот немедленно отсюда уходит тем путем, которым сюда явился“. Только она успела это сказать и выйти, как он из окна по веревке, страхом охваченный, не слез, а свалился, и только судьба уберегла его от того, чтобы не распасться ему на изначальные элементы.

Когда же ушел он, сказала Кальяनावати: „Хорошо ты сделала, милая, что спровадила прочь этого недостойного.

Ведомо тебе мое сердце. Совесть меня тревожит. Ведь мой-то муж львов, тигров и прочих зверей сражает, но из скромности об этом молчит. А этот негодный, змеюку убив, уже плясать начал! Как это страсть заставила меня отвернуться от столь достойного и обратиться к столь низкому?!" Предаваясь таким угрызениям совести, провела она ту ночь в отцовском доме, ожидая возвращения супруга.

А в это время Синхабала вместе с могучим войском раджи Гаджаники разбил наголову пятерых враждебных ему родичей, отбил свое царство и из дома тестя вернул жену, отблагодарил тестя несметными сокровищами и долго правил землей, не опасаясь врагов.

Вот как, повелитель, у женщин, даже живущих с добродетельными, мужественными и удачливыми мужьями, сердце кидается то туда, то сюда. Редки действительно добродетельные женщины».

После того как достойный Марубхути рассказал эту историю, сын повелителя ватсов, Нараваханадатта, провел ночь в глубоком сне.

ВОЛНА ТРЕТЬЯ

На следующее утро, сделав все, что надлежит сделать утром, пошел Нараваханадатта вместе со своими министрами в сад погулять и, пока он там развлекался, сначала заметил, будто стало исходить из неба какое-то сияние, а потом увидел, как спускалось множество жен видьядхаров, и среди них, сверкающих красой, особенно выделялась одна дева, подобно тому как среди звезд — сверкающая прохладными лучами, милыми для глаз, полная луна. Лицо девы было подобно раскрывшемуся лотосу, над которым трепетали пчелы глаз, и двигалась она плавно, подобно лебеди, и исходил от нее аромат голубого лотоса, а талию ее украшала волнистая лиана тривали, и вся она словно была богиней — покровительницей пруда в саду Смари, бога любви.

И взволновался Нараваханадатта при виде ее, прелестной, способной оживить самого бога любви, словно океан при

восходе луны. «Кто она? Это совершенная красота, созданная Творцом!» — восклицали и царевич и министры. Приблизившись к ней, спросил царевич ее, бросавшую на него взгляды, полные любви и неги: «Кто ты, счастливица, и зачем ты сюда пришла?»

«Расскажу я об этом! — ответила ему видьядхари. — Слушай же

рассказ Шактияши

Есть в Гималаях, обители льда и снегов, золотой город. Называется он Канчанаширинга, и правит в нем царь видьядхаров Спхатикаяша, благочестивый и милостивый, прибежище беззащитных и обездоленных. По милости Гаури родилась у его жены Хемапрабхи дочь Шактияша — знай, что это я и есть. Очень дорога я отцу, младшее его дитя, — а у него еще пятеро сыновей — и по его совету радовала я молитвами да обетами Парвати. Была богиня довольна мною, и наградила меня великой мудростью, и так сказала мне: „Сила твоих знаний, доченька, будет в десять раз больше, чем у твоего отца, а мужем твоим станет Нараваханадатта, сын повелителя ватсов и будущий повелитель видьядхаров, летящих в небесных просторах“. Сказала мне это супруга Шарвы и, оказав великую милость тем, что пожаловала мне такую силу знаний, исчезла, а я со временем достигла поры девичества. Сегодня ночью снова явилась ко мне богиня и сказала: „Завтра утром, доченька, должна ты увидеть своего супруга. Потом сегодня же тебе следует вернуться, ибо твой отец, как он давно уже это решил, через месяц устроит твою свадьбу“. Поэтому-то, благородный, пришла я сюда посмотреть на тебя. Теперь же я удаляюсь!» — и с этими словами Шактияша вместе со своими подругами взвилась в небо и полетела обратно в родной город.

А Нараваханадатта, жаждущий сделать ее своей женой и удрученный тем, что нужно ждать месяц, казавшийся теперь ему равным целой юге, вернулся во дворец. Заметив, что царевич огорчен, сказал ему Гомукха: «Послушай, божественный, забавную историю

о царе Суманасе и о Мукталате, девушке из племени нишадов⁹

Был в давние времена город, называвшийся Канчананпури, и правил в нем великий земли повелитель по имени Суманас. Ему, преодолевшему страны, труднопроходимые из-за иссохших лесов, захватившему неприступные вражеские крепости, обратившему врагов в бледный рисунок, возвестил пратихара: „Дочь вождя нишадов, которую зовут Мукталата, стоит у дверей, держа клетку с попугаем. Хочет она вместе с братом Вирапрабхой лицезреть божественного!“

„Да войдет она!“ — повелел царь, и по знаку пратихары¹⁰ вышла девушка из племени нишадов на середину залы совета. Тотчас же все, увидев, как она красива, подумали: „Должно быть, это небесная дева, а не дитя человеческое!“ Она же, поклонившись царю, повела речь: „Вот, божественный, попугай, которого зовут Шастраганджа, истинная сокровищница мудрости. Знает он все четыре веды, сочиняет стихи и весьма сведущ во всех науках и искусствах. Надеюсь я, что этот попугай будет, повелитель, достойным тебе подарком. Сблаговолит ли принять его!“ Велел царь пратихаре принять дар, и, когда поднес слуга попугая повелителю, любопытствовавшему рассмотреть его, тот прочел следующий стих:

Враги повержены. И вздохи
Их безутешных вдов
Вздувают черный дым
Твоей, властитель, бранной славы.
Но почему ж, скажи,
Из вдовьих глаз, исторгнутые горем,
Потоки слез повсюду пуще разжигают
Неистовое пламя доблести твоей?

Прочел он эту шлоку и, объяснив ее, обратился к царю: „Что хочешь знать? Из какой шастры прочесть тебе? Повели!“ Был царь необычайно изумлен, и тогда шепнул ему министр: „Уж не мудрец ли это древних времен, проклятием обращенный в попугая? По воле судьбы помнит он прошлое рождение и вспоминает теперь прежде заученное!“ Выслушал царь сказанное министром и спросил попугая: „Вот что ин-

тересно мне, любезный. Расскажи о себе — где ты родился и почему, будучи попугаем, искушен ты в мудрости?“

И тогда, залившись слезами, ответил попугай: „Хотя и не следовало бы об этом говорить, но, повинаясь твоему желанию, государь, я поведаю тебе, что со мною было. Слушай же

рассказ попугая

Растет на склоне Гималаев раскидистое дерево рохини¹¹, в ветвях и сучьях которого, простирающихся во все страны света, устроили себе гнезда множества птиц, подобно тому как во многочисленных отраслях мудрости, скрытой в ведах, обитают брахманы, рождающиеся, подобно птицам, дважды¹². Устроили себе на нем гнездо и попугай с попугаихой. А от них из-за моих дурных дел в прежнем рождении родился я. И как только я родился, матушка моя умерла, а отец хоть был стар, но, укрывая меня своими крыльями, растил меня. Подал он остатки плодов, приносимых другими попугаями, и скармливал мне.

Однажды нагрянули в те места, охотясь, ужасные полчища бхил¹³. Все они трубили в рога и трубы. И начали пулинды¹⁴ истреблять разных существ, живых, и летающих, и бегущих, и тогда лес, полный мечущихся глаз черных антилоп, бегущих отчаянно кабари¹⁵, напуганных оленей, обратился в бегущую армию, поднимающую пыль, словно знамена. Проведя весь день в кровавой потехе, ушла оттуда орда, сгибающаяся под своей зловещей добычей. Но один старый бхил, которому не досталось мяса, заметил дерево и, голодный, подошел к нему. Забрался он на него и стал вытаскивать из гнезд попугаев и других птиц, сворачивать им головы и бросать на землю. Увидел я, как он, подобный прислужнику бога смерти, приближается к нам, и от страха забился глубже в отцовы перья. Добрался этот грешник и до нашего гнезда, схватил за горло моего батюшку, да и швырнул на землю, и там я, упав вместе с ним, выбрался из его перьев и в страхе тотчас же забился под траву и листья. Слез бхил с дерева, зажарил моего отца на костре, и сожрал, и, собрав попугаев и других загубленных им птиц, пошел в свою хижину. Когда же наступила ночь и страх оставил меня, кое-как скоротал я

ее, долгую от несчастья, а утром, как только глаз мира поднялся высоко, поплелся я, мучимый жаждой, волоча крылья по земле, к находившемуся невдалеке озерцу, заросшему лотосом, и увидел на его берегу совершавшего омовение мудреца Маричи¹⁶, в котором словно воплотились добрые дела моих прежних рождений. Увидел он меня и подбодрил, обрызгав меня водой, а потом, положив в сумку из листьев, принес в обитель. Там увидел меня глава обители, мудрый Пуластья¹⁷, и улыбнулся, а когда спросили его, обладающего даром провидения, почему он так сделал, ответил он: „Улыбнулся я из сострадания при виде этого, проклятием обращенного в попугая, а обо всем прочем, что его касается, расскажу я после того, как завершу все дневные обряды. Как услышит он этот рассказ, сразу вспомнит историю своего прежнего рождения“. С этими словами занялся мудрый Пуластья дневными обрядами, а когда завершил их и другие мудрецы почтительно напомнили ему об обещанном, последовал

рассказ мудрого Пуластыи

Правил в городе Ратнакаре¹⁸, изобилующем драгоценными камнями, царь Джьотишпрабха, и власть его распространялась на всю землю вплоть до самого океана — этой сокровищницы камней самоцветных и драгоценных. Пожаловал ему супруг Гаури, обрадованный жестокими подвигами царя, награду, и благодаря той награде царица Харшавати, жена Джьотишпрабхи, родила сына. Видела царица во сне, как Сома, бог луны, вошел в ее рот, и потому царь назвал своего сына Сомапрабха. Стал сын его расти, радующий сладостными добродетелями очи людские, истинный праздник для них. Джьотишпрабха же, видя, что сын его герой, молод, способен нести бремя царских дел и что подданные его любят, объявил его наследником престола и дал ему в министры Приянкару, обладателя добрых качеств, сына своего министра Прабхакары.

А в это же время Матали, взяв небесного коня, спустился с небес и, приблизившись к царевичу, сказал: „Ты видьядхар, друг Индры, родившийся на земле, и в знак прежней дружбы он посылает тебе лучшего из коней Ашушраву¹⁹, сына Уччай-

шраваса. Пока ты будешь сидеть на нем, не одолеют тебя враги“. С этими словами, отдав Сомапребхе это сокровище среди коней и отдавав угощения, взвился в небо возница Индры.

Никак не мог дожидаться царевич, когда кончится праздничный день, а как только забрезжило новое утро, попросил он отца: „Негоже кшатрию, батюшка, не выполнять своего долга — не хотеть завоевать мир! Повели, и начну я поход ради покорения мира!“ Выслушал отец его благосклонно и молвил: „Так тому и быть!“ И только лишь согласился он отпустить сына, как, поклонившись отцу, вскочил Сомапребха на боевого коня, подаренного Шакрой, и отправился в благоприятный день завоевывать весь свет. С помощью чудесного коня покорил он великих царей во всех странах света, и унес он, полный неодолимого мужества, их несметные сокровища. Сгибает он лук свой, и склоняются вражьи головы, но лук распрямится, а вражьи шеи — никогда!

Совершив свое дело, возвращается он домой, и приводит его дорога к Гималайским горам. Здесь поставил он свое войско лагерем, а сам отправился в лес на охоту. По воле судьбы заметил он киннару²⁰, украшенного необычайными драгоценными камнями, и погнался за ним на своем волшебном коне, желая захватить того. Но тот влетел в какую-то пещеру и исчез из вида, а царевич на своем коне пролетел далеко мимо. Тем временем солнце, разбросав яростные лучи по всем странам света, достигло Западного пика и там встретилось с сумерками, а царевич, усталый, повернул назад и на пути увидел большое озеро. Слез он с коня, пожелав провести ночь на его берегу. Дал он коню травы и воды, сам поел лесных плодов, и утолил жажду, и лег отдохнуть, но вдруг услышал доносившееся откуда-то пение. Отправился он на дивные звуки и вскоре увидел молящуюся перед лингамом Шивы небесную деву. „Кто бы она могла быть, эта необычайная красавица?“ — подумал он. А она, заметив его благородство, поклонилась ему, как гостю, и спросила: „Кто ты и как попал в эту глушь?“

Рассказал он ей свою историю и ее попросил: „Поведай мне, кто ты и как ты оказалась в этом лесу?“ Отвечала ему на это божественная дева, а слезы непрерывно катились из ее прекрасных глаз: „Коли интересно это тебе, многосчастливый, слушай

рассказ Манопрабхи

Стоит на склонах Гималаев город под названием Канчанабха²¹, сверкающий золотыми крышами, и правит в нем князь видьядхаров Падмакута. Знай, что я — его дочь и имя мое Манопрабха. Родилась я от его жены Хемапрабхи, и любил он меня больше, чем сына. С помощью моих могущественных знаний странствовала я с подругами по разным островам и странам, по горным хребтам, лесам и рощам и, развлекаясь так каждый день, обычно возвращалась к тому времени, когда отец должен был совершать трапезу.

Но вот однажды, попав на берег этого озера, увидела я прекрасного юношу с приятелем. Привлеченная его дивной красотой, словно позванная к нему служанкой, приблизилась я к нему, и он встретил меня взглядом, полным страсти. Когда же я села, моя подруга, понимающая наши чувства и надежды, спросила его приятеля: „Скажи, многосчастливый, кто ты?“ И тогда ответил ей его друг: „Есть, любезная, недалеко отсюда обитель отшельников, где живет мудрый Дидхитиман. Однажды он, давший обет безбрачия, пришел сюда, на берег этого озера купаться, и увидела его пролетавшая в то время над озером богиня счастья Шри. И поскольку не могла она слить тело свое с его телом по причине его обета, она с такой силой воспылала страстью к нему, что от этого и от вида его зачала и родила сына. А как родила, пошла к Дидхитиману и, отдав сына, сказала при этом: „Вот сын, рожденный от твоего вида. Прими его!“ — и тут же исчезла. Мудрец же обрадовался и принял сына, полученного без каких-либо усилий с его стороны. Назвали малыша Рашмиман, и стал он расти день за днем. В должное время был он посвящен в брахманы, и мудрый, из любви к нему, передал Рашмиману все свои знания. Вот друг мой и есть тот самый Рашмиман, сын мудреца и Шри, рожденный ею таким образом. Пришли же мы сюда просто поразвлечься“. Кончил он рассказывать и спросил о том же мою подругу, а она с моего позволения сказала ему и об имени моем и о роде моем. И тогда между сыном мудрого и мной, узнавших друг о друге и о том, какого каждый из нас рода, вспыхнула страсть, и трудно нам было расстаться, но приблизилась другая подруга и напомнила: „Встань, глупая, отец тебя ждет к трапезе“. Лишь услышала я эти слова, как,

оставив сына мудреца, поднялась и, обнадежив его: „Я скоро вернусь!“ — в страхе поспешила к отцу.

Кое-как я поела и уже выходила, когда приблизилась ко мне та же подруга и прошептала: „Пришел, подружка, сюда друг того сына мудреца и стоит у дверей, и поспешил он сказать мне вот что: „Передав мне свое умение летать в поднебесье, доставшееся ему от отца, послал меня сюда Рашмиман, и велел он вот что передать: „В отсутствие повелительницы его жизни Мадана, бог страсти любовной, в такое жалкое положение низвел его, что даже мгновение не может он без нее провести“.

Услыхала я это, вышла, и кинулась к возлюбленному, и прилетела сюда вместе с моей подругой и другом сына мудреца. А здесь увидала я, что умер он без меня — как ушла луна моего лица, так исчез и нектар его жизни. Я же, убитая горем разлуки с ним, проклиная себя, взяла тело любимого и хотела взойти на погребальный костер, но как раз в это мгновение окруженный сияньем, подобным солнечному, сошел с небес на землю некий муж и, взяв тело моего возлюбленного, вознесся на небо. Хотела я одна броситься в огонь, как вдруг раздалось с небес: „Не делай этого, Манопрабха! Непременно через положенное время снова встретишься ты с сыном мудреца“. И решила я тогда, выслушав это, не умирать — осталась я здесь, ожидая возлюбленного и поклоняясь Шиве. Ушел и друг сына мудреца — не вижу я его!“

Тогда спросил Сомапрабха у рассказавшей это видьядхари: „Как же случилось, что ты одна? Где же твоя подруга?“

Ответила ему на это видьядхари: „Есть на свете Синхавикрама, царь видьядхаров, и есть у него дочь, девушка несравненной красоты по имени Макарандика. Она — моя подруга, горюющая моим горем, и она милее мне, чем сама жизнь. Сегодня послала она сюда свою подругу, чтобы узнать, как мне живется, а я, чтоб передать Макарандике весть о своей жизни, с ее подругой послала свою. Потому-то я сегодня и осталась здесь одна“. И при этих словах показала она Сомапрабхе на подругу свою, спускавшуюся с небес. Когда же та рассказала Манопрабхе о Макарандике, велела видьядхари своей подруге дать Сомапрабхе травы для лоша и его коню корм.

Прошла ночь, и, пробудившись на заре, увидели они спустившегося с небес видьядхара.

Видьядхар этот по имени Деваджая приблизился к Манопрабхе и сказал ей: „Велел раджа Синхавикрама передать тебе, Манопрабха, что дочь его, Макарандика, из любви к тебе не хочет соглашаться на свадьбу до тех пор, пока ты не изберешь себе мужа. Просит он, чтобы ты пришла и уговорила ее выйти замуж“. Когда же Манопрабха согласилась из любви к подруге отправиться туда, обратился Сомпрабха к ней: „Хочется мне повидать несравненный мир вадьядхаров. Возьми и меня туда. А коню я дам сена, и пусть он здесь меня ждет“. Согласилась она и сказала: „Так тому и быть!“ И вместе с подругой и Сомпрабхой, сев к Деваджая на колени, небесной дорогой прилетела к Макарандике, и были все они встречены, как полагается встречать гостей. Увидав Сомпрабху, спросила Макарандика: „Кто это?“ И рассказала ей Манопрабха о нем. А пока говорила, похитил Сомпрабха сердце у Макарандики. Он же, похитив сердце этой девы, подобной самой Лакшми, богине счастья, подумал про себя: „Кто эта прекрасная и кого она изберет в мужья?“

И вот беседуя, спросила Манопрабха Макарандику: „Почему ты, солнышко мое, замуж не хочешь?“ А та ей так отвечала: „Ведь ты половина меня самой — как же могу я без твоего согласия лишить тебя другой половины, выйдя замуж?“ Ответила так ей ласково Макарандика, а Манопрабха молвила в ответ на это: „Глупенькая, сделан мой выбор, и теперь жду я встречи с моим избранником!“ Молвила тогда ей Макарандика: „Как скажешь, подружка, так и сделаю!“ Тогда Манопрабха, понимая, чего той хочется, так ей посоветовала: „Гостит у тебя, подружка, Сомпрабха, всю землю покоривший, и ты его, красавица, как следует, как гостя, попотчуй!“ Возразила ей на это Макарандика: „Все уже ему отдано, кроме тела, и коли хочет, то пусть примет любовь мою, как жертвенную чашу!“

Сказала так Макарандика о своей любви, а Манопрабха поведала об этом в удобное время ее отцу и подготовила так их свадьбу.

Сомпрабха же обрадовался и, вполне отдохнувший, сказал тогда Манопрабхе: „Теперь вернусь я туда, где встретил тебя, прекрасная, — надобно мне там побывать, ибо пешее войско мое, оставленное на министра, отыскивая мои следы и не найдя их, может пойти в другую сторону. Узнаю я, что с моим войском, и снова сюда приду, и в назначенный благо-

приятный день обеда я Макарандику вокруг алтаря и женюсь на ней“. Выслушала она и согласилась: „Пусть так и будет!“ И отправились они, снова сев на колени Деваджаи.

А тем временем Приянкара, министр Сомабрахми, разыскивая следы своего владыки, пришел туда с воинами, и, когда встретился с ним Сомабрахма, поведал он, радостный, своему министру обо всем, что произошло. Пока же рассказывал про все это Сомабрахма, явился к ним гонец с повелением царя Джьотишпрабхи: „Без промедления возвращайся!“ Взяв и прочитав отцовский приказ, Сомабрахма, по совету министра не противиться желанию отца, поспешил с войском в свой город. Но, уходя, наказал он Манопрахме и Деваджае, чтобы пошли они к Макарандике и передали ей от него: „Отца поведу и быстро вернусь!“ Отправились те и передали все. Согласилась она, удрученная разлукой, но не было ей радости ни в саду, ни дома, ни в пении, ни в музыке, ни в болтовне с подружками не находила она отрады. Не слушала она забавной болтовни попугаев, ничего не ела, не радовалась ни украшениям, ни нарядам. И как ни уговаривали, ни утешали ее отец с матерью, не вернулось к ней спокойствие.

Бросила она свое ложе, сделанное из нежных стеблей лотоса, и стала, словно безумная, бродить повсюду, доставляя боль и тревогу родительскому сердцу. Когда же не вняла она утешениям и уговорам отца с матерью, в гневе проклинали они ее: „Будешь ты жить среди горемычных нишадов — хотя и сохранишь ты свой нынешний облик, не будешь ты помнить ни рода своего, ни прежнего рождения“. Так, проклятая родителями, пришла она в семью какого-то нишада, и обратилась Макарандика в юную нишадку. Отец же ее, Синхавикрама, долго мучился от этого и умер вместе с супругой. А поскольку в давнем рождении был он мудрецом, знавшим все шастры, то из-за какого-то не полностью искупленного греха родился попугаем, а жена его родилась дикой свиньей.

Вот этот попугай и выбалтывает теперь прежде заученное. Поэтому-то я, видя, как иной раз затейлива бывает карма, и рассмеялся. Теперь же, поведав в присутствии царя свою историю, избавится он от действия кармы. Сомабрахма же получит в жены Макарандику, дочь этого попугая в ее ипостаси видьядхари, обращенную ныне в нишадку. Манопрахма получит в мужа Рашмимана, сына мудреца, который стал раджей. Сомабрахма же теперь, после того как он повидался с отцом,

вернулся к Манопрабхе и ради соединения с возлюбленной поклоняется там Шарве.

Когда же, рассказав эту историю, мудрый Пуластья умолк, я, переполненный и радостью и горем, вспомнил прежнее свое рождение. После того отдал он меня мудрому Маричи, и тот, взяв меня, стал и кормить и поить. Выросли у меня крылья, и стал я с легкостью, присущей птице, летать туда и сюда и повсюду удивлять своей мудростью, пока не попал в руки нишада и не попал наконец к тебе. Теперь же, после того как был рожден я птицей, искуплен мой грех“.

На этом кончил свою повесть мудрый и красноречивый попугай, и тотчас же великий царь Суманас почувствовал, как душа его взволновалась необычайной радостью.

Тем временем Шива, обрадованный усердием Сомапратхи в подвижничестве, явился ему во сне и так повелел: „Встань и ступай к царю Суманасу — там обретешь ты свою возлюбленную Макарандику, обращенную проклятием в девушку-нишадку по имени Мукталата. Увидев тебя, вспомнит она прежнее свое рождение среди видьядхаров и избавится от тягостного над ней проклятия. Необычайной радостью будет озарена ваша встреча, когда вы узнаете друг друга!“

Сказал это Сомапратхе Повелитель гор, милостивый к тем, кто ему предан, и явился затем Манопрабхе: „Тот сын мудреца Рашмиман, к которому ты стремишься, родился нынче на земле в облике царя Суманаса. Поэтому ступай к нему — когда он тебя увидит, сразу же вспомнит свое прежнее рождение!“ Вот так Шива, явившись каждому во сне, побудил их всех своим словом собраться при дворе царя Суманаса.

И тогда Макарандика увидела Сомапратху, и вспомнила бывшее рождение видьядхарской царевны, и снова, став видьядхари и освобожденная от тягостного проклятия, обняла возлюбленного, а Сомапратха, по милости Повелителя гор получивший в жены видьядхарскую царевну, обняв ее, испытал поистине божественное наслаждение. Царь Суманас, бросив взгляд на Манопратху, тоже вспомнил прежнее бытие и снова вошел в сброшенное с небес его прежнее тело Рашмимана, сына мудреца, и, встретив свою долгожданную возлюбленную, ушел к себе в обитель, а царь Сомапратха со своей милой вернулся к себе в город. Попугай же, избавившись от птичьего облика и обретя собственное тело, вернулся в свой дом, возвращенный ценой тяжких испытаний. Вот так даже

надолго разлученные и по свету разбросанные снова встречаются».

Вот какую повесть, чудесную, занимательную и вполне уместную по ее содержанию, выслушал из уст своего министра Гомукхи Нараваханадатта, тоскующий по Шактияше.

ВОЛНА ЧЕТВЕРТАЯ

Поведав историю о двух видьядхари, обратился Гомукха, старший над министрами, к Нараваханадатте с такими словами: «Бывают иногда, божественный, и в этом и в том мире добрые люди, которые, хотя и являются простыми смертными, решительно сопротивляются соблазнам любви, богатства, власти и прочим. Вот послушай

о муже, жене и любовнике

Так вот, некогда служил прославившийся мужеством человек по имени Шураварман у царя Куладхары, а сам Шураварман был из доброго рода. Вернулся он однажды из деревни, вошел, ничего не подозревая, в свой дом и увидел жену в объятиях приятеля. А увидев это, сдержал свой гнев и спокойно подумал: „Что за смысл убивать этого скота, предавшего друга? Что толку, если я и накажу эту распутницу? Зачем мне душу мою делать соучастницей греха?“ И, рассудив так, оставил их со словами: „Убью любого из вас, если снова увижу. Чтобы не было здесь вашей ноги! Прочь с моих глаз!“ Выгнал он их, напутствовав так, и ушли они куда-то далеко, а он сам женился на другой — добродетельной женщине.

Так что, царевич, от тех, кто покорил свой гнев, бежит горе. Тому, кто разумен, несчастье не помеха, божественный. Даже у зверей разум ценится больше, чем доблесть. А в подтверждение того, что это так, послушай повесть

Жил где-то в каком-то городе богатый купеческий сын, и случилось ему однажды отправиться в город Матхуру торговать. По дороге туда бык Сандживака, тащивший его повозку, поскользнулся в грязи, образовавшейся от воды, текшей с горы, упал, и поломал себе ноги, и сломал ярмо. И что ни делал купеческий сын, чтобы поднять быка, ничего сделать не мог, и, отчаявшись, после долгих усилий бросил его, и пошел дальше.

А Сандживака по воле судьбы пришел постепенно в себя, пощипал молодой травки, стал на ноги, пошел на берег Ямуны, пасся, сколько ему хотелось, на зеленых лугах, поправился и набрал силы. Подобный Нанди, быку Шивы, пасся он, круторогий, с красивым горбом, время от времени сбивая постройки термитов и издавая могучий рев.

Неподалеку оттуда в лесу жил лев Пингалака, покоривший дебри силой своего мужества, и были у царя зверей два министра-шакала, и звали одного из них Даманака, а другого — Каратака. Случилось Пингалаке пойти однажды на берег Ямуны попить воды. Когда услышал лев рев Сандживаки горбатого, никогда прежде не слышанный им и оглушивший все страны света, он подумал: „Чей же это такой рев? Видно, живет здесь какое-то могучее и благородное существо. Если увидит оно меня, так чего доброго убьет или из леса выгонит!“ Так и не напившись, поспешил, таясь от своей свиты, перепуганный Пингалака вернуться в лес.

Тогда его мудрый министр шакал Даманака сказал Каратаке, другому министру: „Пошел наш господин воды попить, да поспешно вернулся, вряд ли губы омочив. Следовало бы, милый, спросить о причине этого“. Возразил на это Каратака: „Да нам-то что за дело? Разве не слышал, что случилось с обезьяной, вытащившей клин? Послушай и

не берись за чужое дело

Где-то в каком-то городе некий купец собрался строить храм и привез много бревен. Стали рабочие распиливать одно бревно, да не допилили, а загнали в распил клин и ушли до-

мой. Прискакала туда проказливая обезьяна и села она в распил, словно в разверстую пасть смерти, и безо всякого смысла-умысла вытащила клин, а как только она это сделала, обе части бревна так сдавили ее тело, что она подохла.

Кто не за свое дело берется, тот погибает. Так зачем нам знать, что за тревога у царя зверей?"

Выслушал Каратаку мудрый Даманака и возразил: „Разумным всегда следует знать обо всех изменениях настроения повелителя. Кто же думает только о том, чтобы брюхо набить?" Как сказал это Даманака, ответил ему добродетельный Каратака: „По своему желанию вмешиваться в дела царские — не дело слуги". Отвечал Даманака Каратаке на такие слова: „Не в этом дело! Всяк хочет то, что ему нравится, — собака и кости рада, льву и слона мало!" Выслушав это, молвил Каратака: „Даже если это и так, но, коли владыка сердится, что за особую награду ты получишь? Горы круты, недоступны, населены хищными зверями, а цари высокомерны и заносчивы и окружены коварными придворными". Ответил на это Даманака: „Это верно, но кто умен, проникает в душу повелителя и вскоре подчиняет его себе". И когда сказал Каратака: „Попробуй так сделать!" — Даманака пошел к своему повелителю.

С поклоном вошел Даманака к Пингалаке, встретившему его по-доброму, и тотчас же заговорил: „Предки мои, божественный, тебе служили, и я тебе верный слуга. Тот, кто верен тебе, пусть и чужой, годится в слуги, кто не верен тебе, хотя бы и свой, должен быть отвергнут. За деньги покупают kota у других людей и выращивают в доме, ибо полезен он, но мышь, хоть она и родилась в доме, должна быть истреблена, ибо приносит вред. Следует тем властителям, которые желают себе добра, слушать верных слуг, а слугам надлежит делать благо повелителю, хотя бы их и не просили. Коли доверяешь мне, повелитель, то не гневайся и не таись и, если спрошу я о чем-нибудь, не приходи в волнение". Ответил ему на это Пингалака: „Ты верен мне и достоин доверия — говори, что хочешь, ничего не опасаясь!" И когда кончил лев, спросил его шакал Даманака: „Мучила тебя жажда, божественный, и ходил ты на водопой, но почему же вернулся расстроенный, даже и не глотнув воды?"

Выслушал его повелитель зверей и подумал: „Видел он меня, видно! Что же я от него, верного, буду скрывать?"

И, подумав так, рассказал ему: „Слушай, нет ничего, что бы я скрыл от тебя! Спустившись к воде, услышал я необычайный рев и подумал тогда, что, видно, ревет это зверь больше и сильнее меня, а потому и власть его больше моей. Ведь по голосу и сила зверя определяется — Праджapati-то сотворил разных зверей, и один род их больше другого. И уж раз такой зверь вторгся в мой лес, то ни тело мое, ни лес мне не принадлежат. Следует мне уйти в другой лес!“ Так говорил лев, а Даманака молвил ему на это: „Ты, божественный, герой! Зачем хочешь ты покинуть лес? Вода ломает мосты, сплетня губит дружбу, несдержанность — политику, и только трусы пугаются звука. А звуки издаются и механизмами и прочими приспособлениями, и часто это звуки ужасные. Не следует пугаться, повелитель, не зная их подлинной цели. Сблагости выслушать рассказ

о шакале и литаврах

Давным-давно где-то в каком-то лесу в глуши жил шакал. В поисках пищи забрел он однажды на поле, где когда-то гремела битва, и, услышав глухой звук, сначала испугался, а потом, взглядевшись, увидел брошенные кем-то литавры. „Верно, это какое-то живое существо“, — подумал он и приблизился к умолкшим литаврам, а когда рассмотрел, убедился, что это неживое существо. А потом понял он, что звук возникает, если по коже бьет куст тростника, колеблемый порывами ветра, и исчез у него страх. „Может, внутри найдется что-нибудь съедобное!“ — решил он и, прорвав кожу, забрался внутрь, но не увидел там ничего, кроме кожи и дерева. Что ж так-то, божественный, бояться одного лишь звука? Если бы позволил ты, сходил бы я туда да разузнал, что да как“.

Так говорил Даманака, и лев прорычал: „Что же, коли можешь, ступай!“ И Даманака затрусил на берег Ямуны. Пришел он туда, пошел на рев и увидел того быка, щиплющего траву. Приблизился к нему Даманака и учтиво побеседовал с ним, а потом вернулся ко льву и все точно рассказал. „Коли видел ты этого быка-богатыря, уговори его прийти сюда. Посмотрю я, каков он!“ — с этими словами обрадованный Пингалака-лев послал Даманаку снова к быку. „Зовет тебя радостный повелитель зверей, наш господин. Посети его!“ — ска-

зал шакал быку, но тот из страха не согласился, и тогда шакал снова вернулся в лес, и, получив от Пингалаки заверения, что быку ничего не грозит, пошел к Сандживаке снова, и, заверив того в безопасности, привел его к Пингалаке.

Увидев, как склонился перед ним Сандживака, оказал ему лев уважение и молвил: „Оставайся здесь со мной и ничего теперь не бойся!“ Ответил на это бык: „Так тому и быть!“ — стал жить вместе со львом и так со временем привлек к себе льва, что тот ото всех других отвернулся и слушался только его.

Вот однажды обратился Даманака к Каратаке, когда они были только вдвоем: „Смотри-ка, так увлечен Сандживакой наш повелитель, что нас не замечает. Свою добычу сжирает сам, а нам и кусочка не уделяет. Нынче слабоумного властителя нашего бык наставляет! Это я ошибку сделал, когда привел сюда Сандживаку. Теперь же я устрою так, что бык этот погибнет, а повелитель избавится от неуместного порока“.

„Теперь-то, друг, даже твоя милость не сможет этого сделать“, — ответил ему на это Каратака. Но Даманака настаивал: „Непременно достигну я этого с помощью хитрости! Кто в беде не теряет разума, чего тот не сможет сделать?! Расскажу я про то, как краб погубил журавля. Послушай

о журавле-обманщике и проницательном крабе

Давно-предавно где-то на каком-то озере, изобиловавшем рыбой, жил некий журавль. Рыбы в этом озере жили в страхе и старались не попадаться ему на глаза. Никак не мог добыть себе пищи журавль и обратился к рыбам с такой речью: „Пришел сюда с сетью человек, истребляющий рыбу. Скоро переловит он сетью всех вас и истребит. Поэтому поверьте мне и послушайтесь. Знаю я уединенное озеро со сладкой водой, рыбакам неведомое, перетаскаю я вас туда по одной, и станете вы там жить“. Послушали его рыбы, да и говорят слабоумные: „Все мы тебе верим. Сделай так!“

Стал журавль их по одной на скалу таскать, и многих он там сожрал, долговязый обманщик! Видя, что рыбы не возвращаются, поселившийся в том озере краб спросил однажды

журавля: „Куда ты их уносишь?“ И сказал журавль ему то же, что рыбам говорил, и краб испугался, что и его изловит сетью рыбаки, и тоже попросил журавля: „Отнеси и меня!“ Журавль, одолеваемый жадностью отведать крабьего мяса, подхватил его клювом, взлетел и сел на ту же скалу, где обычно он расправлялся с рыбами. Заметил краб оставшиеся от сожранных рыб кости и понял, что журавль обманщик и обжора, сожравший доверие. Только когда тот опустился на скалу, сжал бесстрашный краб его горло клешней и срезал ему голову. Вернулся краб в озеро и рассказал про все уцелевшим рыбам, и все они, обрадованные, благодарили его, жизни подателя.

Разум — это сила, а кто разума лишен, что за сила у того? Послушай-ка рассказ

о разумном зайце и глупом льве

Где-то в каком-то лесу жил лев, и был он непобедимым героем, и, кого бы он ни увидал в том лесу, каждого убивал, обрушивая на него лапу своей власти. Собрались однажды газели и прочие лесные звери и попросили льва: „Каждый день будем мы посылать тебе на прокорм кого-либо из нас. Зачем, истребляя всех нас подряд, вредишь ты самому себе?“ Согласился с их словами лев. С тех пор каждый день пожирает он кого-либо одного из жителей лесных.

Вот однажды выпал жребий зайчишке быть съеденным. Посланный всеми идет хитрый заяц и думает: „Тот смел, кто и в беде не растеряется. Смерти мне не миновать, так попробую я одну штуку учинить!“ Так пораздумав и не спеша, явился он наконец ко льву. А тот зарычал на него, пришедшего: „Как смел ты, подлый, нарушить время моего обеда?! Какую еще тебе казнь, кроме убийства, злосчастный, придумать?!“ Пролетел зайчишка в ответ грозно рычащему льву: „Не мой грех, божественный, не в своей я воле! По дороге сюда надолго задержал меня другой лев“. Услышав это, забил лев хвостом, от ярости глаза у него налились кровью, и прорычал он: „А ну, покажи мне этого второго льва!“ И зайчишка промолвил: „Пойдем, божественный, пойдем. Я покажу его тебе!“ Согласился лев и пошел за ним. Завел его зайчишка далеко и привел к колодцу: „Здесь он и сидит. Посмотри на

него!“ — посоветовал он льву. Гневно рычащий лев заглянул в колодезь, увидел там в воде свое собственное отражение, услышал эхо собственного голоса, и, еще пуще зарывав, глупец, кинулся царь зверей в колодезь. А зайчишка, с помощью разума спасшись от смерти, да и всех зверей от нее избавив, пошел к ним и обрадовал их, рассказав про все, что случилось.

В разуме главная сила, не в храбрости! Той же силой, с помощью которой заяц погубил льва, я достигну того, чего мне хочется“. Кончил говорить Даманака, а Каратака промолчал.

А потом пошел Даманака к своему повелителю льву Пингалаке, и когда он пришел, то лев, заметив, будто шакал чем-то удручен, спросил его о причине этого. „Негоже молчать, коли знаешь, и потому, божественный, расскажу я. Даже если и не велено, должно сказать, коли желаешь повелителю блага. Выслушай, что мне известно, и не сочти слова мои недостойными. Этот бык Сандживака возжелал, тебя убив, сам царствовать и, пользуясь своим положением министра, всем про тебя говорит, что ты, мол, трус! В жажде расправиться с тобой потрясает он своим оружием — двумя рогами и по всем лесам да рощам зверей подучает: „Убьем царя зверей, пожирателя мяса, и живите себе счастливо под моим, травы истребителя, правлением“. Подумай, счастливец, что делать с этим быком, ибо, пока он жив, не будет тебе блага!“ Кончил свою речь Даманака, и ответил ему на это Пингалака: „Да что может сделать мне этот убогий пожиратель травы? Да и как я убью его, коли обещал ему безопасность и пришел он под наше покровительство?“

Услыхал это Даманака и заскулил: „Не говори так! Представь, если раджа делает кого-нибудь равным себе, то Шри, богиня счастья, не может поступать так же. Даже если и коснется она своей стопой обоих гонящихся за счастьем, долго стоять между ними она не сможет и непременно покинет кого-то из них. Властитель, который ненавидит доброжелателя и всегда благоволит к недругу, должен быть отвергнут мудрыми, так же, как лекарем — непослушной больной. Где следуют советам, неприятным, когда их произносят, но сладостным в их плодах, там богиня счастья возводит свой трон. Царь, не слушающий советов добродетельных людей, а внимающий наветам злых, вскоре навлечет на себя несчастье и претерпит жестокие муки. Что за любовь у тебя, божествен-

ный, к этому быку и что за смысл в ней? И что значит, что ты ему, тебя ненавидящему, обещал безопасность? Что он, этот бык, пришел к тебе, как к повелителю, в поисках справедливости?

А в его, божественный, моче заводятся черви, и как бы не проникли они в твое тело через раны, нанесенные клыками безумных слонов! Почему бы не избрать быку такой способ тебя известить? Если злодей довольно умен, чтобы не повредить себе, то от общения с ним может и такое случиться. А если хочешь узнать, как это бывает, соизволь послушать рассказа

о том, как вошь Мандависарпини погибла из-за клопа Титибхи

В спальном покое у некоего раджи долгое время жила незамеченной вошь, неведомо откуда заползшая, и звали ее Мандависарпини. Неожиданно явился туда неизвестно откуда занесенный ветром постельный клоп по имени Титибха. Заметила его медленно ползущая Мандависарпини и молвила: „Откуда это ты явился в моем жилье? Убирайся отсюда!“ „Сделай милость! — упрасивает ее клоп. — Никогда не пил я царской крови и хотел бы попробовать. Потеснись, дай мне местечко“. Ответила на эту просьбу Мандависарпини: „Коли только для этого, так оставайся. Смотри не кусай ты царя в неподходящее время, приятель, а кусай его деликатно, когда он спит или охвачен порывом любовной страсти“.

Наступила ночь, и лег царь спать, и только он лег, как тотчас же куснул его клоп. Вскочил раджа и закричал: „Ой, меня укусили!“ Сразу же удрал злодей клоп, а слуги царские кинулись искать и изловили вошь, и погибла несчастная Мандависарпини из-за своего знакомства с клопом Титибхой.

И тебе не будет блага из-за твоей дружбы с Сандживакой. Нет у тебя веры моим словам, но скоро ты и сам увидишь, как он явится к тебе и будет от гордости мотать своей башкой и двумя острыми, как копыя, рогами“.

И был введен лев Пингалака словами Даманаки в заблуждение, и решил лев в сердце своем, что Сандживаке быть убитым.

Уверившись в этом, Даманака немедленно кинулся к быку Сандживаке и, прикинувшись, будто убит горем, пришел к нему. Спросил его Сандживака: „Что это ты на себя не похож, друг? Здоров ли ты телом?“ И тогда Даманака забормотал: „Уж и что за здоровье у слуги? И кто царю-то мил? И какой проситель не терпит поношений? И кто времени не подвластен?“ И снова бык спросил: „Что это ты так опечален, друг мой? Поведай мне, что за горе у тебя?“ Тогда и говорит ему Даманака: „Слушай, друг, из любви к тебе я говорю. Разгневался сегодня на тебя повелитель зверей Пингалака. Безразличен он и в любви непостоянен, и хочет он тебя убить и сожрать, и все слежу я, как его хищная челядь постоянно подстрекает его на это“. Считая Даманак по-прежнему честным, Сандживака счел его слова правдой, огорчился и молвил ему: „Тьфу на ничтожного владыку, окруженного свитой из ничтожеств, платящего только враждой тем, кто верно ему служит. Послушай-ка

о простодушном верблюде

В каком-то лесу в глуши жил чванливый лев Мадотката, и было у него трое прихлебателей — леопард, ворон и шакал. Встретился однажды лев в лесу с не виданным прежде и смешным на вид животным, а был это верблюд, отставший от каравана. „Что это за животное?“ — с удивлением спросил властитель зверей, и ответил на это ворон, выдавший разные страны: „Это верблюд!“ Из любопытства обещал лев верблюду безопасность, сделал его своим слугой и держал при себе.

Случилось однажды, что в схватке со слоном был лев жестоко изранен и занемог, и, хоть и был он окружен множеством слуг, вполне здоровых и сильных, он, исхудавший, ничего не мог добыть себе в пищу. „Что мне делать?“ — спросил он слуг, предварительно отпустив верблюда, и они ему ответили: „Следует нам, повелитель, сказать тебе в тяжелую минуту. Что за дружба с верблюдом? Почему бы его не съесть? Ведь он — травоядный и нам, питающимся мясом, может послужить хорошей пищей. И почему бы нам не пожертвовать одним из многих? А коли спросишь ты, владыка: „Как я убью

его, коли обещал безопасность?“, то ты только повели, а уж мы сделаем так, чтобы тело его тебе досталось с его собственного согласия“.

Сказали они все это льву, и с его согласия ворон, учинив сговор убить верблюда, пошел к тому и сказал: „Одолеl нашего повелителя голод, но ничего он нам не говорит; так решили мы сделать ему приятное и пожертвовать собой. Так вот и тебе следовало бы сделать, и стал бы он доволен тобой“. Согласился верблюд-простак на сказанное вороном, пошел он с ним ко льву, и, когда пришли, обратился ворон к царю зверей: „Съешь, божественный, меня! Я сам себе хозяин!“ „Так ведь уж очень невелико твое тело“, — молвил лев. Тогда молвил шакал: „Съешь меня!“ Но и на это не согласился лев. И когда леопард проговорил: „Съешь меня!“ — не стал лев есть его, желтогривый. И сказал верблюд: „Съешь меня!“ Тогда, поймав его на слове, они под предводительством льва убили верблюда, разделили на части и сожрали. Видно, и против меня какой-то клеветник подстрекает Пингалаку безо всякой причины. Нынче только судьба может решить. Уж куда лучше служить коршуну со свитой из лебедей, чем лебедю, у которого в свите одни коршуны“.

Дослушал бесчестный Даманака Сандживаку, да и говорит ему: „Все улаживается с помощью твердости. Послушай, расскажу я тебе историю

о заносчивой птице титибхе

Давным-давно жил титибха с женой на самом берегу океана.

Однажды, когда она должна была снести яйцо, сказала она мужу: „Пришло время мне потомство произвести, так что уйдем куда-нибудь отсюда, а не то похитит океан своими волнами наших деток“. Ответил муж на это жене: „Ничего не сможет океан повредить, пока я здесь!“ Услыхала это жена и усмехнулась: „Что ты говоришь? Чтó ты и чтó океан? Следует слушаться добрых советов, иначе гибель грозит неминуемая — такая же, какая настигла черепаху Камбугриву, жившую на берегу какого-то озера. Вот послушай-ка

о черепахе, не вовремя заговорившей

Было у нее двое друзей-лебедей, и звали одного из них Виката, а другого Санката. Случилось однажды так, что во время засухи иссякла вода в озере, и собрались лебеди лететь на другое.

Попросила их черепаха: „Возьмите и меня туда, куда вы собрались лететь!“ Ответили на это лебеди своей приятельнице черепахе: „Далеко отсюда то озеро, на которое собрались мы. Если хочешь ты отправиться туда с нами, готовы мы выполнить твою просьбу. Держись зубами за палку, которую мы, летя в небе, будем держать, и молчи, иначе упадешь“.

Согласилась Камбугрива, вцепилась зубами в палку, и полетели лебеди с черепахой, держа палку за концы. Вот уже приближаются они с черепахой к озеру, и увидели их люди, жившие в городе, над которым пролетали лебеди с черепахой, и услышала она, любопытная, как люди кричали: „Интересно, что это лебеди несут?“ „Что это за шум внизу?“ — спросила она и, пока спрашивала лебедей, выпустила палку, упала на землю и была убита людьми.

Так вот и всякий, кого разум оставит, гибнет, подобно черепахе, выпустившей палку!“

Ответил титибха жене, окончившей говорить, так: „Истинно, милая, все, что ты рассказала. Но послушай-ка вот эту историю

о трех рыбах

Где-то на какой-то реке была заводь с холодной водой, и жили там давным-давно три рыбы, и звали одну из них Анагатавидхата, другую Пратьютпаннамати, а третью Ядбхавишья, и они дружили между собой и плавали вместе. Услыхали они однажды, как проходившие мимо рыбаки говорили между собой: „Есть в этой прохладной заводи рыбка!“ Решив, что гибели не миновать, мудрая Анагатавидхата вышла на стрежень реки и уплыла прочь. Но невозмутимая Пратьютпаннамати осталась там, говоря: „Уж коли беда настанет, посмот-

рим, что делать!“, а Ядбхавишья тоже никуда не уплыла, подумав: „Чему быть, того не миновать!“

Пришли рыбаки на то озеро, и закинули сеть, и изловили сразу же мудрую Пратьютпаннамати, а она прикинулась мертвой и лежала недвижимой. „Сама подохла“, — решили эти истребители рыб и кинули ее в речной поток, и она сразу же уплыла в другое место. Глупая Ядбхавишья, попавшись в сеть, начала биться да прыгать, и рыбаки схватили ее и прикончили.

Поэтому и я никуда отсюда не пойду из-за страха перед океаном, а когда надо будет, то сделаю, что нужно“.

Так-то вот сказав супруге, остался титибха с нею на своем гнезде. А великий океан слышал эти заносчивые речи мужа и, когда жена отложила яйца, чтобы высидеть потомство, из любопытства взял да унес их все волной: „Посмотрю я, что теперь со мной титибха сделает!“ Заливаясь слезами от горя, укоряла жена мужа: „Вот и случилось горе, о котором я тебе говорила!“ Отвечал ей муж, исполненный решимости: „Смотри теперь, что я сделаю с этим грешником, наполненным одной водой!“ С этими словами собрал он всех птиц, поведал им о своем горе и пошел с ними к царю всех птиц Гаруде. Возрыдали перед ним птицы, ища защиты: „Ты покровитель наш, а живем мы словно без покровителя — похитил океан яйца у титибхи!“

Разгневался тогда Таркшья и про все козни океана поведал Хари. А тот огненной палицей высушил океан и заставил его, неразумного, вернуть титибхе украденные яйца.

Поэтому-то умным и в несчастье не следует терять рассудка. Тебе же теперь предстоит сразиться с Пингалакой. Когда он подымет хвост и станет на все четыре лапы, то знай, что готов он убить тебя. Ты же, склонив голову, норовись ударить его, нападающего, рогами в брюхо, да так, чтобы у недруга твоего кишки вывалились“. Так сказав все это быку Сандживаке, поспешил Даманака к Каратаке и рассказал о том, как преуспел он, натравив льва на быка и быка на льва.

А Сандживака пошел, тяжело ступая, к Пингалаке, желая узнать по жестам и приметам, что скрыто в душе царя зверей. Увидел бык, что лев поднял хвост и яростен, а лев увидел, что бык из предосторожности наклонил голову. Кинулся Пингалака на Сандживаку и ударил быка когтями,

а тот ударил Пингалаку рогами, и началась тут между ними битва.

При виде этого обратился к Даманаке добрый Каратака с такими словами: „Зачем вовлек ты ради своей корысти нашего повелителя в это испытание? Богатство, выжатое из подданных, и дружба лживая равно подлы. Недолговечна дружба, завоеванная насилием. Хватит, однако. С тем, кто долго увещевает пренебрегающего добрым советом, беда случится, так же как с Сучимукхой из-за обезьяны. Ведь

от светляка огня не будет

Некогда в одном лесу жила стая обезьян, и случилось так, что в холодное время года увидели они светляка и решили, что это настоящий огонь. Захотелось им согреться и, навалив на него травы и листьев, одна из них стала на него дуть. Увидела это птица Сучимукха да и говорит той обезьяне: „Не трудись понапрасну. Ведь это не огонь, а светляк!“ Обезьяна хоть и слышала совет, да не поверила. Тогда птица слетела с дерева и стала уговаривать, а обезьяна на нее рассердилась, схватила камень и убила Сучимукху. Поэтому не стоит говорить с тем, кто не следует доброму слову. Да что я говорю? Назло ты посеял раздор между ними, а что со злым умыслом делается, от того добра не будет. Вот послушай

о Дхармабуддхи и Душтабуддхи, купеческих сыновьях

Также не было когда-то добра между двумя братьями, купеческими сыновьями — Дхармабуддхи и Душтабуддхи, живших в каком-то городе. Покинули они ради богатства отцовский дом, пошли на чужбину, и каким-то образом достались им две тысячи золотых динаров. Вернулись они с этим богатством в свой город и закопали динары в корнях дерева, а сто динаров взяли и, разделив их поровну между собой, стали жить в отцовском доме.

Вот однажды пошел Душтабуддхи в одиночку к тому дереву, выкопал динары и нечестно их истратил. Когда же прошел месяц, он и говорит Дхармабуддхи: „Пойдем, благородный, поделим динары. Нужно мне на расходы“. Согласился Дхармабуддхи, сказал: „Так тому и быть!“ — и пошел туда, и стали они копать, да только динаров не нашли там, где положили, и тогда подлый Душтабуддхи накинулся на Дхармабуддхи: „Ты, видно, их отсюда забрал. Отдавай мне мою половину!“, а тот ему в ответ: „Ничего я отсюда не брал! Это ты их забрал!“ Началась у них ссора, и Душтабуддхи разбил брату голову камнем, и притащил его на царский суд. Изложил каждый свое дело, и оставались они там до захода солнца, но не могли царские судьи прийти к какому-нибудь решению.

Говорит тогда им Душтабуддхи: „Само то дерево, в корнях которого мы положили динары, беру в свидетели — оно скажет, что Дхармабуддхи унес динары“. Удивились все тому и решили: „Завтра на заре пойдем и спросим дерево!“ Взяли от Дхармабуддхи и Душтабуддхи залог, и пошел каждый к себе домой.

Душтабуддхи же, по секрету рассказав отцу про такое дело, дал ему денег и попросил: „Спрячься в дерево и будь моим свидетелем“. „Ладно!“ — согласился отец, и Душтабуддхи отвел его к тому дереву, помог забраться в дупло, где нужно было провести ночь, а сам поспешил домой.

Вот рано утром приходят оба брата вместе с судьями к дереву. Спрашивают судьи: „Кто те динары унес?“ И тотчас же из дупла раздался голос отца: „Это Дхармабуддхи унес динары!“ Но, услышав невероятное, решили судьи царские: „Непременно Душтабуддхи кого-нибудь внутрь дерева спрятал!“ — и стали внутрь дерева пускать дым, и вывалился оттуда на землю замертво отец Душтабуддхи.

Увидев это, поняли все дело царские судьи, заставили Душтабуддхи отдать брату динары, отрубили злодею руки да язык и выгнали Душтабуддхи из города, а Дхармабуддхи, по закону жившему и по заслугам так названному, воздали честь.

Так что недобрый умысел всегда приносит недобрый плод, а потому следует поступать по справедливости, как ворон поступил со змеем. Вот послушай

о змее и вороне

Когда-то давно змея сожрала только что вылупившихся на свет воронят, и ворон из-за этого очень горевал. По совету краба разбросал ворон от гнезда мангусты прямо до змеиной норы куски рыбьего мяса. Вышла мангуста, стала съедать кусок за куском и, увидав змеиную нору, забралась в нее и убила и змея и все его потомство. Так с помощью хитрости решают дело. И вот еще послушай

о весах, съеденных мышами

Жил некогда купеческий сын, у которого от отцовского имущества остались только железные весы, и была в тех весах тысяча лотов железа. Вот, поручив их какому-то купцу, отправился купеческий сын в дальние страны торговать. Когда же вернулся, то спросил он у купца свои весы, а тот ему ответил: „Мыши съели твои весы!“

„А что? И верно, железо в них уж очень сладкое было. Как мышам не съесть весы!“ — сказал ему на это купеческий сын, смеясь в душе. А потом попросил он у купца чего-нибудь поесть, и тот с радостью согласился. Пошел сын купеческий с мальчиком, сыном того купца, совершать омовение и дал мальчику плод манго. Когда же совершил он омовение, то тайно отвел мальчика в дом к какому-то своему приятелю. Возвращается он один, а купец его и спрашивает: „Сын-то мой где?“ Отвечает он купцу: „Да сокол с неба упал, да и утащил!“

Потащил разозлившийся купец того на царский суд и там кричит: „Спрятал ты моего сына!“ А тот и в суде все то же повторяет, что-де сокол мальчика унес.

Стали судейские говорить: „Несбыточное это дело, чтобы сокол мальчика унес!“ Тогда сын купеческий им возразил: „В стране, где мыши могут съесть большие, сделанные из железа весы, сокол не то что мальчика, а целого слона может утащить!“ Услыша это, любопытствовали судьи узнать, в чем дело, и рассказал он им все. Тогда решили они, чтобы

купец вернул ему весы, а он сам привел мальчика и отдал отцу.

Вот такими способами добиваются разумные исполнения желаемого, а ты грубо ввел нашего властителя в заблуждение“.

Выслушал Даманака Каратаку, да и говорит ему со смехом: „Что за сомнение может быть в том, что лев одолеет быка в бою? С одной стороны, лев, украшенный глубокими шрамами от ударов бивней бешеных слонов, а с другой — бык, покорная жертва клыков да бича погонщика?!“

И пока спорили друг с другом шакалы, убил Пингалака быка в бою и тогда Даманака вместе с Каратакой вернули себе свой чин у царя зверей и не имели никаких соперников».

Выслушал из уст Гомукхи, лучшего из министров, этот рассказ, полный дивных проявлений ума, царевич Нараваха-надатта, умудренный в политике, и был очень доволен.

ВОЛНА ПЯТАЯ

А потом снова обратился к Нараваханадатте, жаждущему встречи с Шактияшей, министр Гомукха, желая развлечь повелителя: «Слушал ты, божественный, рассказы о мудрости, а теперь послушай рассказы о глупости! Вот хотя бы

как сандаловым деревом торговать

Был у одного богатейшего купца сын, и имя его слабоумного сына было Мугдхабуддхи. Отправился он однажды на Черепаховы острова торговать, и среди товаров у него был изрядный груз сандалового дерева. Распродав все товары, а на сандаловое дерево покупателя нет, а никто его не брал, потому что никто из тамошних жителей знать не знал про такое

дерево. Увидел Мугдхабуддхи, как жители города этого острова покупают у дровосеков уголь. Вот и он, болван, пережег весь сандал и, обратив его в уголь, по цене угля и распродал. А потом вернулся домой, и повсюду своей смекалкой да умом похвалялся, и стал для всех земляков посмешищем.

Рассказал я о том, как сандал в уголь пережигают, а теперь послушай про то,

как кунжут сеять

Жил когда-то деревенщина, землепашеством занимался. Довелось ему как-то раз жареных кунжутных семян отведать, и очень они ему понравились. Решил он, что коли жареным посеешь, то жареным и урожай соберешь. Изжарил, посеял, да ничего не возшло. То-то над ним, свое добро погубившим, народ потешался.

Рассказал я тебе о том, как кунжут сеяли, а теперь послушай про то,

как воду с огнем в одном месте хранить

Жил один тугодум, и звали его Мандабуддхи, и подумал он однажды ночью: „Утром нужно будет богам жертву принести, и понадобится мне и воду для омовения принести и огня для жертвы. Помещу-ка я их в одно место, и легко мне будет получить и то и другое“. Так-то рассудив, налил он в горшок воды, да туда же и жарких углей положил. Поутру встал, заглянул в горшок, а там и угли погасли и вода испорчена — пеплом покрыта. А умываться стал, так и все лицо себе вымазал — у людей лица от смеха все были в морщинах.

Рассказал я тебе о том, как воду вместе с огнем держать, а теперь слушай,

как носы приращивать

В давние времена жил глупец, и звали его Мудхамати. У его жены нос был приплюснутый, лепешкой, а у его наставника — горбатый, как у орла. Вот он однажды, когда спал на-

ставник, взял да и отрезал ему нос. А потом взял и жене нос отрезал тоже и вместо ее носа ей приставил наставников нос. Но только ни ее нос к наставникову лицу, ни к ее лицу наставников нос не приросли. Так и оставил он и жену и наставника без носов.

А теперь послушай

о скотоводе — лесном жителе

Жил в стародавние времена в каком-то лесу скотовод, и был он отчаянно глуп и безмерно богат, и много мошенников, прикинувшись друзьями, прилепилось к нему. Вот они ему однажды и говорят: „Есть у купца, в городе живущего, дочь, и мы ее высватали для тебя, и отец согласился“. Услышал он такую весть и дал им на радостях денег, да и еще прибавил. Сколько-то дней прошло, и говорят они ему: „Все для свадьбы твоей готово!“ Еще пуще он обрадовался и отвалил им изрядно денег. Проходит еще сколько-то дней, и снова они ему весть принесли: „Сын у тебя родился!“ Он уж от радости из себя выходит и все свое состояние, глупец, плутам раздает. А на другой день взгрустнулось ему: „Сыночка бы повидать!“ А над ним, слезами заливающимся и мошенниками обобраным, народ потешался: „От скотины, видно, своей ума поднабрался!“

Послушал ты, божественный, о скотоводе, а теперь о кувшине с драгоценностями я тебе расскажу. Слушай,

как сокровища находить

Пахал крестьянин однажды свое поле и наткнулся на клад, состоявший из великих сокровищ, а закопали их туда ночью воры, похитившие эти сокровища из царского дворца. Взял крестьянин украшения и сразу там же нарядил в них свою жену. На голову — венец, на бедра — опоясок из драгоценных камней, на руки — браслеты, в уши — серьги. Стали люди смеяться да разносить по свету. От людей и царь обо всем

узнал, да все свое и забрал. Ну, а глупца отпустил — ведь как скотина мужик глуп!

Рассказал я тебе о сокровищах, а теперь, божественный, послушай,

как хлопок очищать

Пошел однажды глупец продавать хлопок, да никто хлоп-ка-то нисколечко не купил — говорили: грязный, мол, хлопок-то. Увидел он на базаре, как золотых дел мастер, расплавив золото в огне и очистив, продал покупателю. Вот и он сам, дурачина, желая хлопок свой очистить, взял да и кинул весь в огонь. Все спалил, и люди над ним смеялись!

Слышал ты, божественный, как хлопок очищать, а теперь послушай,

как финики собирать

Собрали однажды царские советники по указу цареву со всей деревни глупцов, чтобы фиников собрать. Видят много-мудрые, свалилась финиковая пальма — с лежачей-то легче обирать финики! Вот они по всей деревне одну пальму за другой свалили и обобрали все финики до последнего. Стали они поднимать да ставить деревья, да ни одно расти не захотело. Тогда царь, узнав о том, что финиковые пальмы все повалены, по заслугам наказал глупцов — и за финики, принесенные ими, и за то, что старались деревья поставить.

Поведал я тебе о потешных сборщиках фиников, а теперь расскажу о том,

как клады искать

Какой-то царь взял себе на службу искателя кладов. А был у царя дурной министр, который подумал: „Как бы куда не убежал этот искатель сокровищ!“ — и велел вырвать у того оба глаза. Теперь уж было все равно — уходил он или не уходил, примет на земле не различая. Видя слепого, насмеялись люди над дураком-министром.

Послушал ты о поиске кладов, теперь же послушай о том,

как соль едят

Жил в какой-то деревне темный мужик, и звали его Гах-вара. Однажды пригласил его к себе в гости приятель, живший в городе, и попотчевал его всякими яствами — и солеными и сладкими. „Почему это кушанья такие вкусные?“ — спрашивает деревенский житель, а друг ему отвечает: „Больше всего от соли!“

„Ну, так я уж ее и поем!“ — произносит деревенщина, хватает целую горсть мелкой соли, сыплет себе в рот, обсыпая себе и губы и бороду, дурачина. Посмеялись над ним люди, увидав, как его лицо побелело.

Ты, божественный, послушал о пожирателе соли, а теперь послушай о том,

как корову доить

Жил один крестьянин, и была у него корова, которая каждый день давала ему сто пал молока. И так случилось однажды, что приближался праздник. „Сразу возьму я от нее много молока“, — решил глупец и весь месяц, что оставался до праздника, не доил корову. Когда же наступил праздник и пошел он ее доить, то увидел, что молоко иссякло, но долго не иссякал смех его односельчан.

Ведомо теперь тебе, божественный, о глупом доильщике, а теперь послушай,

как яблоки есть

Когда-то жил человек, у которого голова так оплешивела, что стала похожа на медный горшок. Проходил однажды мимо него, под деревом сидящего, какой-то молодец, набравший лесных яблок, чтобы утолить голод. Вот этот молодец забавы ради взял одно яблочко, да и кинул в плешивую голову. Стерпел плешивый и ничего ему не сказал. Потом тот одно за другим все жесткие лесные яблоки пошвырял в плешивую голову, и у плешивого стала обильно течь кровь. А потом этот молодец, так забавляясь, без толку перекидал все

свои яблоки и остался голодным, а плешивый с окровавленной головой отправился домой, рассуждая сам с собой: „Почему бы мне не стерпеть ударов таких вкусных яблок?“

И кто только не смеялся над ним из-за этого случая, глядя на его окровавленную голову, подобную гербу царства глупцов!

Так-то, божественный, лишённые ума не достигают своих целей и становятся для людей посмешищем, а умных все уважают».

Кончив слушать смешные истории про глупцов, рассказанные Гомукхой, поднялся Нараваханадатта и занялся делами, предназначенными для дня.

Когда же наступила ночь, то по велению Нараваханадатты, тоскующего по возлюбленной, начал он рассказывать истории о мудрости. И первой была история

о вороне, мыши, черепахе и олене и об их дружбе

«На раскидистом дереве шалмали²³, стоявшем где-то в каком-то лесу, свил себе гнездо ворон, звали которого Лагхупати. Однажды, сидя в своем гнезде, увидел он, что подошел к дереву страшный человек с силком в руке и с палкой, а пока смотрел на него ворон, человек раскинул на земле сеть и рассыпал по сети рис. Как раз в это время спустился с неба пролетающий мимо повелитель голубей пестроголовый Читрагрива, окруженный сотней голубей. Увидев рассыпанный по сети рис и, будучи голоден, сел он на сеть и вместе со всей своей свитой запутался в ней. Тогда сказал Читрагрива всем, кто был с ним: „Все дружно возьмитесь клювами за сеть и быстро разом взлетайте в небо!“ Все голуби согласились: „Так тому и быть!“ — взялись клювами за сеть и, испуганные, быстро взлетели, а птицелов встал, посмотрел им вслед, да и пошел ни с чем восвояси.

Бесстрашный Читрагрива сказал своим спутникам: „Теперь полетим поскорее к моему другу Хиранье — он перегрызет петли сети и освободит нас!“ С этими словами полетел он со всеми голубями, сетью опутанными, к норе, и опустились они с неба прямо к ее входу. „Выйди, выйди, Хиранья!

Я это, Читрагрива, пришел!“ — воззвал к мыши повелитель голубей.

Услыхала мышь этот зов, выглянула из норы и увидела, что это действительно он, друг ее, пришел, и вышла из той норы, имевшей сто входов и выходов. Подошла она к голубям, расспросила, что и как случилось, и движимая состраданием, принялась перегрызать петли сети, опутывавшей царя голубей и всю его свиту, а когда кончила она это дело, освобожденный Читрагрива вместе со всеми своими спутниками взлетел, прощавшись с мышью и горячо ее поблагодарив.

А ворон Лагхупати следовал за голубями, запутавшимися в сети, и все это видел и, опустившись у входа в нору, обратился к скрывшейся в ней мыши: „Я — ворон Лагхупати. Видел я, как ты предана в дружбе, и хочу я с тобой, избавляющей друзей от несчастья, дружить!“ При этих словах выглянула мышь из норы и ответила: „Ступай отсюда! Что за дружба может быть между тем, кто ест, и тем, кого едят?“ Возразил Хиранье ворон: „Не говори так! Коли съел бы я тебя, то лишь на мгновение утолил бы голод, но если станешь ты мне другом, то всегда будешь защищать мою жизнь!“ Сказал он и поклялся, что истинно говорит, и мышь уверилась в этом и подружилась с ним. Принесла мышь кусочки мяса и рисовые зерна, и они поели вместе и стали дружно и счастливо жить.

Говорит однажды ворон приятелю своему Хиранье: „Есть, друг, неподалеку отсюда река, текущая по лесу, и живет там приятель мой, черепаха Мантхарака. Пойду я туда — в тех краях легко добывать пищу. А здесь с трудом достается пропитание и постоянно боюсь я, как бы не попасть в сети птицелова“. Ответил на это ворону Хиранья: „Возьми и меня с собой, поселимся там вместе. Ведь и мне здесь тошно“. Взял Лагхупати в свой клюв Хиранью, полетел на берег лесной реки и встретился с черепахой Мантхаракой. Угостила гостей черепаха, и стали ворон с мышью жить у нее, и ворон поведал Мантхараке, почему они к ней прилетели, и про то, как он, ворон, подружился с мышью.

Подружилась с Хираньей, восхваляемой вороном, и Мантхарака, и спросила она однажды у Хираньи, почему та покинула свою нору, и тогда Хиранья поведала им обоим — ворону и черепахе — такую историю о своих злоключениях: „Жила я в просторной норе неподалеку от города. Однажды

ночью унесла я из царского дворца ожерелье и спрятала у себя. От одного вида этого ожерелья родилась у меня великая сила и собралось вокруг меня много других мышей, считавших, что я могу добывать для них пищу. В то самое время неподалеку от нашей норы поставил свою хижину отшельник, который питался тем, что получал как милостыню. То, что оставалось у него, он на ночь оставлял в плошке, в которую собирал милостыню, а плошку подвешивал на посохе. Пока он спал, забиралась я каждую ночь через дыру в его хижину, карабкалась на шест и без остатка уносила всю еду, что он оставлял себе на утро.

Пришел как-то раз к нему приятель-странник, угостил он гостя, и всю ночь они проговорили. Пришла я за едой, а отшельник, слушая странника, часто постукивал по плошке тростниковой палочкой. „Зачем ты прерываешь нашу беседу, так дела?“ — спросил пришелец хозяина, а отшельник ему и говорит: „Есть здесь у меня недруг, мышь завелась, и, как бы высоко ни повесил я плошку, забирается она туда и уносит всю еду. Вот я эту мышь и отпугиваю, стуча тростинкой по плошке с едой“.

Тогда гость ему и говорит: „Жадность — так называется этот грех всех живых существ, о котором хочу я тебе рассказать. Послушай-ка!

Скитаясь по святым местам, однажды случилось мне дойти до одного города, а там остановился я в доме у некоего брахмана. Живу я там и слышу как-то раз, как брахман говорит своей хозяйке: „Сегодня луна снова сменит свой облик. Сварила бы ты для брахмана рис с кунжутом и молоком“. „С чего это, когда у тебя и гроша нет?“ — возразила она ему. „Милая, — молвил он, — бережливость хороша, но худо, когда превращается она в скарედность. Послушай насчет этого историю

о скаредном шакале

Где-то в лесу однажды поставил охотник лук-самострел и, положив для приманки мяса, сам погнался за диким вепрем и сразил его копьем, но и тот успел распороть ему самому живот. А все это видел издали шакал, и хотя и мучил его голод, но решил он не трогать бережливости ради мяса вепря и охот-

ника, а съесть то, что охотник оставил как приманку. Но как только коснулся того мяса, сорвалась стрела самострела и пронзила его насмерть. Так что не следует бережливость обращать в скарედность”, — заключил брахман, и жена согласилась с ним.

Насыпала она кунжутных зерен на просушку, но забежала на двор собака, попробовала тех зерен и осквернила их, да так, что никто их ни за какую цену не взял бы. Так что жадность не приносит удовольствия, а только одни неприятности“.

Рассказав про это, обратился странник к хозяину: „А нет ли у тебя лопаты? Дал бы ты мне ее, и с ее помощью предотвращу я набеги мыши“. Тот достал гостю лопату, а я, все это увидев и услышав, забилась поглубже в нору. Вот гость, вооружаясь лопатой, разыскал вход в мою нору и стал, негодный, копать. Копают он, копают, а я все дальше ухожу. Но вот докопался он до места, где лежало ожерелье и другие мои сокровища. И услышала я, как гость снова сказал хозяину: „От блеска этого ожерелья и была у мыши такая сила!“ Вытащив ожерелье и все прочее, положил он это под изголовье, и оба — и подвижник и гость — на радостях крепко уснули.

Когда же они заснули, пришла я снова за пищей, а хозяин, проснувшись, так ударил меня палкой по голове, что я чуть было не умерла и, раненая, кинулась в нору. После этого случая уже не было у меня силы приносить пищу.

Богатство — молодость людей, а отсутствие его — их дряхлость, и коли нет его у человека, то гибнет его красота, энергия, сила, достоинство. Видя, что я теперь, сколько бы ни старалась, могу только самое себя поддерживать, все мыши покинули меня. Покидают слуги повелителя, лишившегося средств к жизни, пчелы — дерево, лишенное цветов, гуси — пересохшее озеро, на котором жили они испокон веку.

Вот так, прожив долгое время в горе, обрела я друга верного Лагхупати, а теперь пришла к тебе, достойнейшая из черепак“.

Сказала Хиранье на это Мантихарака: „Считай мой дом своим и будь верной в дружбе. Нет чужбины для добродетельного, нет несчастья для счастливого, нет беды для твердого и верного, нет несовершенного для предприимчивого“.

Как раз когда она это говорила, издалека гонимый охотником примчался в тот лес олень Читранга, шкура которого

словно была испещрена солнечными бликами. Увидев его и убедившись, что охотник от него отстал, а он успокоился, и черепаха и все другие подружились с ним. Стали жить вместе черепаха, ворон, мышь и олень, и были они внимательны друг к другу, счастливы и искренни в дружбе.

Как-то раз долго не возвращался Читранга, и Лагхупати, взлетев на вершину дерева, чтобы посмотреть, не идет ли он, окинул взором лес и увидел, что Читранга на берегу реки попал в силоч. Слетев с дерева, рассказал он об этом Хиранье и Мантхараке. Посоветовались они, и Лагхупати, взяв Хиранью в клюв, полетел с ней к Читранге. Тотчас же Хиранья перегрызла петли силка и освободив, успокоила оленя, напуганного пленением. Тем временем приплыла по реке заботящаяся о друзьях Мантхарака и вышла на берег.

Вдруг пришел туда охотник, расставивший силки, и олень, мышь и ворон поспешили убежать от него, и он смог поймать только черепаху. Раздосадованный тем, что олень сбежал, бросил охотник черепаху в сеть и пошел восвояси. А мышь прозорливая, увидев, что он уходит, говорит своим друзьям: „Ты, Читранга, пойдя отсюда подальше и упав, будто мертвый. А ты, Лагхупати, сядь ему на голову, словно ты выклевываешь глаза“. Так они и сделали, как советовала им мышь мудрая Хиранья.

Заметил охотник лежащего оленя и, посчитав его мертвым, пошел забрать его, а черепаху, опутанную сетью, бросил на берегу реки. Как только увидела это мышь, кинулась она к черепахе, перегрызла ячейки сети, и Мантхарака, освобожденная из плена, кинулась в реку. Олень, видя, что охотник приближается без черепахи, вскочил и помчался прочь, а ворон взлетел и сел на дерево. Вернулся охотник к тому месту, где оставил черепаху, и обнаружил, что и она бежала, и, раздосадованный утратой и оленя и черепахи, пошел домой, сетуя на судьбу.

После этого встретились четверо друзей, и Читранга сказал черепахе и другим друзьям: „Счастлив я, что подружился с вами, теми, кто, жизнью пренебрегая, спас меня сегодня от смерти“. Стали жить они, так прославленные оленем, вместе, черепаха, ворон и мышь, счастливые взаимной дружбой и любовью.

Видишь, даже звери преуспевают, если руководствуются разумом и ради друзей, попавших в несчастье, не жалеют

даже собственной жизни. Но не приносит блага привязанность к женщинам, ибо вызывают они ревность. Послушай расскажу я тебе

о муже-ревнивце и предавшей его жене

В каком-то городе, божественный, жил некий ревнивый муж, и была у него красавица жена, которую он горячо любил. Никогда муж не оставлял ее одну, ибо не верил ей, опасаясь, что даже перед нарисованным мужчиной не устоит ее добродетель. Случилось ему однажды отправляться по какому-то неотложному делу в другие края — собрался он, взял с собой жену и поехал. Увидав по дороге лес, населенный бхилами, и опасаясь их, оставил он ее в деревне у дряхлого деревенского брахмана. Жила она у того старика, да как-то увидела бхилы, проходивших мимо, увлеклась одним из них, да и ушла к нему в деревню — так любовь ее повела, что нарушила она запрет ревнивого мужа, точно река, ломающая плотину.

А тем временем ее муж закончил свои дела, и пришел к тому деревенскому брахману, и спросил его о жене, а тот ответил на это так: „Неведомо мне, куда она ушла, а ведомо только то, что проходили как-то раз здесь бхилы и, верно, они ее и увели. Неподалеку здесь есть их деревня. Ты поспеши туда, и там ее найдешь, а коли нет, так не посетуй на меня!”

Когда сказал ему все это брахман, поспешил он, рыдая и осуждая свою непредусмотрительность, в деревню бхилы и увидел там свою жену. И она его увидела и, грешница, в испуге сказала ему: „Не виновата я, не мой грех — силой меня бхил сюда привел”. „Так идем же к брахману в деревню, пока никто не видит!” — говорил ей ослепленный страстью супруг, но она возразила на это: „Сейчас время, когда бхил возвращается с охоты, — придет он, погонится за нами и тебя и меня убьет сразу. Войди в пещеру и спрячься хорошенько, а когда наступит ночь, убьем его и уйдем отсюда, ничего не опасаясь“.

Так наставляла его подлая баба, и скрылся он в той пещере. Да разве найдется место для здравого смысла в душе человека, ослепленного любовью?

Когда же вернулся на исходе дня бхил, эта злодейка повела его под каким-то предлогом в пещеру и показала ему спрятавшегося там мужа. А бхил был силен и жесток, и выволок он ее мужа из пещеры и крепко-накрепко привязал к стволу дерева, чтобы потом принести в жертву богине. Поев, бхил на глазах у мужа улегся с его женой и, после того как насладились они друг другом, сладко заснул.

Видя, что бхил заснул, этот ревнивец, привязанный к дереву, обратился с горячими молитвами к Чанди, ища у нее покровительства и защиты. Явилась она ему и, показав милость свою, освободила его от уз. Взял он меч самого бхила и отсек тому голову. Разбудил он жену, да и говорит ей: „Идем немедленно отсюда, убил я этого грешника!“ И она хоть пошла, но печалилась о бхиле и незаметно забрала с собой его голову.

Когда же наутро достигли они города, эта злодейка показывает всем голову и кричит: „Убит мой супруг этим злодеем!“ — и на настоящего мужа показывает.

Привели его вместе с женой городские стражники к царю, и когда тот стал спрашивать, ревнивец рассказал ему всю историю. Царь же, дело рассудив, велел отсечь ей уши да нос, а ее мужа отпустил. Пошел он домой, избавившись от крокодила в образе жены-злодейки.

Вот что, божественный, получается, если из-за ревности строго следят за женщиной. Этим сами ревнивцы учат жен, как сходиться с другими мужчинами. Разумному следует оберегать жену, не выказывая ревности, и тот муж, который хочет себе блага, не должен разглашать женщинам то, что нужно хранить в тайне. Послушай рассказ

о наге, преданном сводней

Однажды нага, спасаясь от Вайнатеи²⁴, обернулся мужчиной и вбежал в дом гетеры. А она брала за каждый день пятьсот монет, украшенных сломом, и нага, пользуясь своим волшебством, каждый день платил ей эти пятьсот монет. „Открой мне, почтенный, — настойчиво спросила его прелестница, — откуда ты добываешь эти монеты, украшенные сломом?“ „Ты только не говори никому. Я — нага и скрываюсь здесь из

страха перед Гарудой“, — ответил он, ослепленный любовью. Ну, а гетера по секрету рассказала сводне.

Гаруда весь мир обшарил в поисках нага и нигде не мог его найти — ведь тот принял человеческий облик. Пришел Вайнатая к сводне и говорит: „Проведу я, достойная, этот день в доме у твоей дочери. Возьми сколько положено“. А та ему и скажи: „Да здесь у нас нага постоянно живет да каждый день по пятьсот слонов выкладывает. Что нам-то в твоей плате за один день?“ Так и проведаль Гаруда, что нага там живет. Вошел в дом лучшей из женщин, приняв облик гостя, и увидел нагу, стоящего на крыше ее дома. Принял тогда Гаруда свой настоящий облик, взлетел и убил нагу, и сожрал его. Не следует разумному безрассудно открывать тайны женщинам».

Закончив рассказ, поведал Гомукха еще историю

о зелье для ращения волос

«Жил некогда один лысый, и голова его была похожа на начищенный медный котел. Стыдно ему было людей потому, что хоть и был он богат, да не было у него на голове ни единого волосочка.

Приходит однажды к нему некий плут, живший за счет других, да и говорит: „Есть тут один лекарь, который знает средство для выращивания волос“. А тот-то лысый, как только услышал, сразу стал упрашивать: „Приведи ты его ко мне. И тебе денег дам и его награжу!“

Плут, конечно, у него денежки взял, быстренько их спустил и приводит после этого к лысому дурню другого плута-лекаря. Долго этот лекарь жил за счет лысого, да как-то раз, со своей лысой головы тюрбан сняв, ему ее показывает. А дурень, ничего не поняв, снова просит у него снадобье для ращения волос. „Да коли я сам лысый, — говорит лекарь, — откуда мне такое-то снадобье знать? Ведь показал же я тебе, болван, свою башку безволосую, а ты все одно ничего не понимаешь! Тьфу на тебя!“ И ушел от него.

Вот так, божественный, мошенники всегда забавляются над глупцами. Прослушал ты историю насчет дурня и его волос, а теперь послушай

о дурне и масле

Был у одного человека в услужении дурак. Послал его однажды хозяин к купцу купить масла. Раз послал — пошел, и налил ему купец масла в плошку. Взял он плошку и идет, да повстречал приятеля, а тот ему и говорит: „Осторожней, смотри, масло-то снизу плошки течет“. Услыхав такие слова, чтобы посмотреть, взял, да и перевернул плошку, и все-то масло у этого глупца вылилось на землю.

Когда про это узнали, стал он для всех людей посмешищем, а хозяин выгнал его из дома.

Поэтому лучше уж глупцу своим умом жить, чем следовать советам.

Послушал ты про глупца и масло, послушай теперь

о дурне и костях

Жил когда-то глупец, и была у него уж очень распутная жена. Как-то раз отправился муж по делам в дальние края, а она в это время поручила все домашние дела и обязанности своей верной служанке, и подучив ее, как и что говорить, сама пошла к любовнику, желая без помех предаться счастью.

Возвращается через некоторое время ее супруг, и служанка, хозяйкой подговоренная, сообщает ему со слезами на глазах, что умерла, дескать, супруга и сожжено ее тело. Рассказав же эту басню, повела она глупца на кладбище и показала ему кучу чьих-то костей, а он, рыдая, стал их к себе прижимать.

Пошел он на святые места и омыл те кости в святой воде, а потом решил дурачина приносить поминальную жертву, а эту жертву совершал любовник его жены, которого привела к нему та служанка со словами: „Истинный он брахман!“ А брахман с собой-то и мнимую покойницу что ни месяц всякий раз приводил, и она, богато наряженная, наслаждалась вкусной едой. „Смотри-ка, почтенный, — говаривала служанка хозяину, — благодаря добродетельной жизни супруга твоя с того света приходит и угощается вместе с брахманом“, — и тот, это сокровище среди дураков, истинное средоточие глупости, соглашался с ней.

Так распутные женщины обкручивают вокруг пальца легковых простаков.

Послушал ты, божественный, о глупце и костях, а теперь расскажу я тебе,

как чандала мужа искала

Жила когда-то красивая, но глупенькая девушка из чандалов, и зародилась в ее душе мечта о том, что мужем должен ей стать сам повелитель всех властителей земли. Как-то раз выехал раджа прогуляться по городу, и она, его увидев, пошла за ним, самым совершенным, чтобы сделать его своим мужем. Встретился радже на пути мудрец, спустился раджа со слона, поклонился мудрецу в ноги, а потом снова сел на слона и вернулся к себе во дворец.

Видела это девушка и решила, что мудрец выше раджи, позабыла раджу и пошла за мудрецом. Вот идет мудрец и видит пустой храм Шивы, зашел туда и поклонился богу, став на колени, а потом дальше пошел. Решила девушка, что Шива выше мудреца, забыла о мудреце и стала поклоняться Шиве, надеясь сделать его своим супругом. Как-то раз забежал туда пес и, задрав ногу, на самого бога совершил то, что надлежит совершать его собачьему племени. Подумала девушка, что этот пес выше Шивы, и пошла следом за ним, решив, что не достоин бог быть ее мужем.

А пес прибежал к хижине знакомого ему молодого чандалы и стал преданно крутиться у его ног. И заключила девушка, что чандала выше собаки, и избрала она его себе в мужья, радуясь, что он одной с ней касты.

Даже когда возносятся в мечтах глупцы, все равно падают на свое же место.

А теперь расскажу я коротко о глупом царё. Слушай же о том,

когда даяния совершать

Жил когда-то царь, и был он богат и скуп. Однажды говорят ему министры, желавшие радже добра: „Даяние в этом мире, божественный, избавит от несчастий в другом. Поэтому

соверши даяние — ведь и жизнь и богатство не вечны!“ И, выслушав их совет, согласился царь: „Совершу я даяние, но лишь когда умру и увижу, достанется ли мне счастье!“ Промолчали министры, посмеявшись про себя.

До той поры не оставит глупец богатства, пока богатство не оставит его!

Послушал ты о глупом царе, божественный, а теперь слушай

о двух друзьях

Жил в стране Каньякубдже²⁵ великий царь по имени Чандрапида. Был у него слуга Дхаваламукха, и всегда он возвращался домой и наевшись и напившись.

Спросила однажды у него жена: „Как это что ни день приходишь ты и наевшись и напившись?“

И ответил ей на это Дхаваламукха так: „У приятелей я, красавица, и наедаюсь и напиваюсь. Есть у меня двое друзей, и у одного из них, Кальянавармана, всегда готовы для меня еда и питье, а другой, Вирабаху, готов для меня хоть жизнь свою отдать!“

Послушала жена Дхаваламукху, да и говорит ему: „Показал бы ты мне, почтенный, своих приятелей!“ Пошел он с ней сначала к Кальянаварману, и тот всяческими отменными и дорогими яствами попотчевал их.

А на другой день пошел Дхаваламукха с женой к Вирабаху, а тот в кости играл и только сказал, что „Здравствуйте!“ да „Прощайте!“

Усмехнулась жена: „Великое угощение устроил тебе Кальянаварман, а Вирабаху только и сказал, что „Здравствуйте!“ Скажи же мне, благородный, кого из них ты считаешь себе большим другом?“

Послушал он ее и сказал: „Ступай к каждому из них и передай, что будто разгневался на нас государь. Тогда сама увидишь!“ Согласилась она на это и пошла сначала к Кальянаварману и сообщила ему, и он ей ответил: „Что я могу сделать, почитаемая, скажи мне? Он царь, а я всего лишь купеческий сын!“ Пошла она тогда после этого к Вирабаху и ему поведала о том, что-де раджа на мужа ее разгневался, и

он, еще не дослушав, схватил меч и щит и кинулся к Дхаваламукке, а тот успокоил его, сказав, что, мол, министры сумели развеять гнев царя, так что он, Вирабаху, может возвращаться, и с тем отправил его домой.

„Вот видишь, какова разница между обоими моими друзьями!“ — сказал тогда Дхаваламукха жене, и она была удовлетворена этим.

Одно дело друга угостить, другое дело — другу послужить. И масло вкусно, и простокваша вкусна, да только масло — это масло, а простокваша — простокваша».

Закончил Гомукха эту историю о глупце и стал рассказывать Нараваханадатте

как жажду утолить

Какого-то глупого путника сильно мучила жажда, и наконец достиг он леса, где текла река, но и там пить не стал, а только все смотрел и смотрел на реку. Спросил тогда его кто-то: „Ведь томит тебя жажда. Почему ж ты не напьешься?“

„Да как же я столько воды выпью?“ — отвечает тому тугодум.

Засмеялся спрашивавший: „Что же ты думаешь, раджа тебя накажет, что ли, коли ты всей воды не выпьешь?“ Но глупец так и не попил воды!

Неразумные не способны сделать даже части дела, коли всего не могут выполнить.

Послушал ты, божественный, о дураке, воды боявшемся, а теперь послушай

о глупце, убившем сына

Жил когда-то бедняк, было у него много сыновей, и был он глуп. Умер у него однажды сын, а другого он сам убил: „Что же первому-то одному, без попутчика, в дальний путь отправляться?“

А люди и осудили его, и осмеяли его, и выгнали из страны. Дурак, как и скот, безрассуден.

Послушал ты о глупце, убившем своего сына, а теперь слушай

о наследстве от брата, который не брат

Как-то раз слабоумный при народе разговоры вел. Увидел он издали богатого человека, да и говорит: „Тот человек мне брат, и я получу его наследство. Только у меня с ним никакого родства нет, так что долгов его я не приму“. Когда он это брякнул, так даже камни и те расхохотались.

Забавна глупость глупца, ослепленного алчностью!

Выслушал ты побасенку про дурака и его брата, а теперь, божественный, поведаю я тебе о сыне человека, не знавшего женщины. Слушай же

о сыне духа его отца

Какой-то дурачина среди своих приятелей, похваливавшихся добродетелями своих отцов, стал превозносить своего отца и сказал: „Никто с моим отцом не сравнится — с самого младенчества оставался он девственником!“ „Да ты-то как родился?“ — спрашивает его приятель. „А я — сын его духа!“ — ответил глупец. Все его приятели всласть посмеялись над ним, этим венцом невежества.

Одолеваемые глупостью высоко возносят даже самое ничтожное.

Рассказано, божественный, тебе о сыне девственника, а теперь соблаговоли послушать

о звездочете и его сыне

Был некогда звездочет, отвергнутый знанием, и, поскольку не на что ему было существовать, покинул он свою страну и с женой и сыном ушел на чужбину. А там, чтобы снискать и богатство и почет, он, обладатель ложного знания, стал хвастать своими способностями.

Как-то раз перед толпой крепко обнял он своего сына и заплакал, и, когда стали спрашивать люди о причине его слез, этот грешник сказал: „Знаю я прошедшее, настоящее и

будущее, и потому я плачу, что на седьмой день этот мальчик покинет меня!”

Удивил он своими словами всех людей, но вот наступает седьмой день и, лишь забрезжило утро, задушил он сына, пока тот спал.

Увидели люди мертвого мальчика, и убедились в способностях звездочета, и воздали ему хвалу, и деньгами одарили, и он вернулся в свою страну.

Умному не следует общаться с такими глупцами, которые обуреваемы алчностью и похваляются ложным знанием, — не остановятся они перед тем, чтобы ради денег убить сына.

Послушай теперь, повелитель,

о дураке во гневе

Однажды кто-то рассказывал своим приятелям о добродетелях какого-то человека, стоявшего снаружи дома. А тот слушал. Вот один кто-то сказал: „Истинно, друг, хороший он человек, только есть у него два недостатка — жестокий он и подвержен гневу!” Услыхал это стоявший снаружи, загорелся гневом, тотчас же бросился в дом, накинул говорившему на горло одежду свою петлей и, стянув ее, крикнул: „Ну, негодяй, говори — я насильник, да? Я злюка, да?” Так бранился он, объятый пламенем злобы.

Тогда все, кто там был, рассмеялись и остановили его: „Ну что ты говоришь?! Ты, почтенный, нам сразу и жестокость свою показал и подверженность твою гневу!”

Не чувствуют, божественный, беды своей дурни, даже когда всем ее показывают!

А теперь соблаговоли послушать историю

о глупом царе и его дочери

Жил-был раджа, и была у него дочка единственная да красавица. И он очень ее любил и от этой любви хотел, чтобы выросла она поскорее.

Вот созвал он вайдьев-лекарей, да и говорит им ласково: „Изготовьте-ка вы снадобье, да такое, от которого дочка наша выросла бы поскорей и чтобы могли мы выдать ее за доброго мужа!“

Услыхали такой наказ вайдьи-лекари да, чтобы пожить у царя, так ответили глупцу: „Есть такое снадобье, да только отсюда-то далеко, в дальней-дальней стране. Пошлем мы за ним, да только пока не принесем, дочь твою от глаз твоих укроем — уж таково лечение в таких случаях“.

Укрыли эти мошенники-лекари прекрасную царевну и что ни год радже все говорили, что уж вот-вот снадобье нужное добудут.

Когда же вступила она в пору юности, показали они ее владыке земли и сказали, что вот-де она благодаря лекарству выросла, а он на радостях осыпал этих лекарей-шельмецов несметными богатствами.

Вот так, божественный, мошенники всегда живут за счет слабоумных повелителей.

А теперь для усаждения твоего слуха, повелитель, расскажу

о скупце, нажившем пол-золотого

Был когда-то городской житель, чванившийся своими знаниями, и был у него в услужении целый год деревенщина, который, заработком своим недовольный, отпросился к себе в деревню.

Ушел он к себе домой, а хозяин, когда слуга ушел, спросил у жены: „Он-то, красавица, ушел, да не взял ли он от тебя чего-нибудь?“

А она и говорит: „Дала я ему ползолотого!“

Покупает тогда хозяин на десять золотых еду на дорогу, догнал на берегу реки слугу, отобрал у него ползолотого и пошел, похвалясь своим умением деньги беречь. Стал он для всех посмешищем!

Слепые от жадности к деньгам глупцы готовы богатство расточить ради ломаного гроша.

А теперь, повелитель, слушай историю

о глупце, рисовавшем приметы на воде

Какой-то дурачина плыл на корабле через океан и выронил из рук своих серебряную чашу как раз посередине вместилища вод. Стал дурачина примечать волн завитки да водовороты и сказал: „Приплыву я сюда снова и вытащу чашу из океана!“

Достиг он берега и снова отправился через океан, увидел волн завитки да водовороты и принялся нырять в надежде вытащить чашу. Стали люди спрашивать, и объяснил он им, ради чего нырять начал, и с презрением они его осмеяли.

А теперь послушай

о царе, который отсеченное мясо обратно при- ставлял

Некий глупый царь, сидючи во дворце, заметил двух людей, один из которых украл на кухне пять палов мяса. Велел раджа у укравшего вырезать из тела пять палов мяса. Сделали по царскому приказу, и заметил владыка, что тот, у кого вырезали мясо, со стонами и плачем валяется по земле. Исполнился раджа к нему сочувствием и велел слуге отдать ему отрезанное мясо, а коли не успокоится он от этого, то дать ему еще больше мяса. „Дам я ему мяса, божественный! Да только ведь, если голову срубить, хоть сто голов давай — не помогут“, — промолвил слуга, вышел прочь и засмеялся. Успокоил он потом парня, у которого мясо было срезано, и передал его лекарям. Так-то вот! Знает царь, как казнить, да не знает, как миловать!

А теперь обрати свой слух к рассказу

о том, как еще одного сына родить

Некая женщина, у которой был только один сын, очень захотела еще одного и обратилась к мнимой подвижнице, у которой был злой характер. И та ей посоветовала: „При-

неси своего сына в жертву божеству, и наградит оно тебя, и родишь ты еще одного сына". Хотела она поступить так, как эта злодейка ей советовала, да хорошо, что, узнав об этом, одна добрая старушка сказала ей по секрету: „Да ты что, грешница, хочешь убить рожденного сына, чтоб нерожденного добыть? А коли не родится, что ты будешь делать?“ Так и отговорила эта добрая старушка от греха.

Так вот гибнут женщины, попадая в путы ведьмы, но оберегают их советы старших.

А теперь, божественный, надобно тебе послушать,

как манго пробовать

Служил у некоего хозяина работник, и был он слабоумен. Любил хозяин манго и велел однажды работнику: „Ступай принеси мне из сада сочных манго!“ Пошел дурачина, каждое манго надкусил, принес хозяину и сказал: „Взгляни, повелитель, каждое манго сочное, проверил я!“ А тот, увидев надкушенные манго, разъярился и плоды выкинул и работника неразумного.

Неразумный и дело хозяйское губит и себя самого.

Теперь же соблаговоли послушать историю

о двух братьях и их женах

Давным-давно жили в Паталипутре два брата-брахмана. Старшего звали Яджнясома, младшего Киртисома. Достались им от отца в наследство большие деньги. Пустил Киртисома свою долю в оборот и нажил много, а Яджнясома жил в свое удовольствие да деньги раздавал и все истратил. Остался он без гроша и говорит жене: „Был богат я, милая, а теперь ни гроша нет. Как жить теперь среди родичей? Пойдем-ка мы лучше отсюда в другие края!“ „Как пойдем без запаса на дорогу?“ — говорит она ему. Но он упорствовал, и сказала ему жена: „Коль уж надобно идти, так сходи к младшему брату своему, Киртисоме, попроси сколько-нибудь денег на дорогу!“

Пошел он к младшему брату и стал просить денег на дорогу, а жена того и говорит: „Свои-то денежки он спустил? С чего это и сколько мы ему должны давать? Ведь этак всякий, кто обнищает, станет у нас денежки выпрашивать!“ Выслушал Киртисома свою жену, и хоть и любил он брата, да ничего ему не дал. Ох уж беда, коли мужья подвластны злым женам!

Ничего не сказал Яджнясома, вернулся домой и рассказал обо всем жене. Отправился он вместе с ней в путь, и был им единственной защитой бог. Шли они, шли и дошли до леса, а там случилось так по воле судьбы, что Яджнясому проглотил громадный змей. При виде этого зарыдала жена Яджнясома и упала на землю.

Заговорил тут змей человеческим голосом: „О чем ты, милая, горюешь?“ А жена брахмана на это отвечает: „Да как же не плакать мне, великодушный, коли ты у меня, на чужбину заброшенной, похитил чашу подаяния, кормильца единственного?“

При этих словах изрыгнул змей из пасти своей и ей поднес большую золотую чашу, говоря при этом: „Возьми эту золотую чашу для сбора подаяния!“ „Да кто же даст, великодушный, мне милостыню — ведь женщина я!“ — промолвила брахманка. Но возразил ей змей: „Если попросишь ты кого, а он не даст тотчас же, то немедля голова его разлетится на сто частей. Истинно я тебе говорю!“

Выслушала она его, добродетельная, да и попросила: „Коли истинно это так, то подай мне в милостыню мужа!“ И только промолвила она это, как изрыгнул змей Яджнясому живым и невредимым, а после этого и сам змей обратился в дивного мужа и, радостный, сказал мужу и жене: „Я — великий повелитель видьядхаров, и зовут меня Канчанавега. Из-за проклятия, наложенного на меня мудрецом Гаутамой, пришлось жить мне в облике змея. А благодаря встрече с добродетельной женой спало с меня проклятие!“ И, проговорив так, наполнил он золотую чашу драгоценными камнями, а потом взвился в небо и улетел. Муж и жена взяли чашу, полную драгоценностей, и вернулись домой, и стали жить счастливо, и никогда не истощалось доставшееся им богатство.

Творец по достоинству вознаграждает всякого!
А теперь послушай

о глупце, желавшем стать брадобреем

Некий житель Карнаты²⁶ обрадовал своего повелителя, показав доблесть в битве. Обрадовался царь и обещал тому выполнить все, что тот пожелает. И пожелал тот трус — попросил сделать его брадобреем!

Всяк выбирает доброе или недоброе в меру своего разума. А теперь послушай

о дурне, просившем дать ему „ничего“

Шел по дороге дурачина. Кто-то ехал на телеге и попросил его: „Выверни мне телегу!“

„Вывернуть-то я выверню, а что ты мне дашь за это?“ — спрашивает дурачина. „Да ничего не дам!“ — ответил ехавший на телеге. Выправил дурачина телегу и говорит: „Ну, давай мне ничего!“, а сидевший на телеге в ответ ему только расхохотался.

Так всегда, божественный, глупцы оказываются для народа посмешищем, предметом поругания и осуждения и становятся жертвами несчастий. Мудрых же все и всюду почитают».

Когда повелитель с министрами кончил слушать забавные истории, рассказанные Гомукхой, уснул божественный Нараваханадатта сладостным сном, доставляющим отдохновение всем трем мирам.

ВОЛНА ШЕСТАЯ

Когда же заблистало утро, поднялся Нараваханадатта и пошел повидаться с отцом своим, повелителем ватсов. Там провел Нараваханадатта весь день, который начался со встречи и взаимных приветствий с Синхаварманом, сыном повели-

теля Магадхи и братом царицы Падмавати, и продолжался во всяких рассказах и разговорах, а потом, отужинав, вернулся царевич домой.

Наступила ночь и, для того чтобы развлечь царевича, тоскующего по Шактияше, рассказал мудрый Гомукха такую историю

о войне сов и ворон

«Росло неведомо где раскидистое тенистое дерево ньягродха²⁷, и звеневшие вокруг него призывные крики павлинов, гнездившихся на нем, казались голосом самого дерева, словно звавшего путников отдохнуть в его тени. Устроил себе на этом дереве гнездо царь ворон, черный, как туча грозовая, Мегхаварна. Был у него враг — повелитель сов Авамарда. Однажды ночью Авамарда, царь сов, налетел на царя ворон, истребил многих из его рати и, посрамив его таким образом, улетел.

На заре собрал царь ворон своих министров Уддивина, Адивина, Сандивина, Прадивина и Чирадживина, приветствовал их и прокаркал: „Снова может напасть на нас могущественный недруг, поразивший нас и достигший своей цели. Потому следует нам подумать, как его отразить“. Заговорил тогда министр Уддивин, высоко взлетающий: „Коли враг силен, то, повелитель, следует либо искать убежища в другой стране, либо замириться с ним!“ Возразил ему плавно-летающий Адивин: „Сейчас ничего нам не грозит и надобно рассчитать, на что надеется враг и какова наша сила, и сделать то, что возможно“. А после Адивина повел речь взмывающий круто Сандивин: „Славна смерть в бою, а не сдача врагу и не жизнь на чужбине! Надобно нам сразиться с врагом, опозорившим нас. Доблестный и предприимчивый царь, собравший союзников, одолевает недруга!“ Промолвил Прадивин, высокопарящий: „Коль нельзя победить врага в бою, то следует замириться и при удобном случае уничтожить врага“. И тогда спросил долговечный Чирадживин: „Что за примирение? Да и кто будет послом? От начала веков враждуют с воронами совы — кто ж к ним пойдет? Это дело нужно уладить с помощью политики, ибо она — корень дел государственных“.

Выслушал повелитель ворон старейшего среди министров Чирадживина и обратился к нему: „Ты самый старший из нас. Не скажешь ли, по какой причине извечно враждуют совы и вороны? Потом же скажи, как с помощью политики закончить это дело“.

„Все пошло от неразумных речей,— ответил повелителю долговечный Чирадживин.— Не слыхал ли ты историю

об осле в леопардовой шкуре

Некто, занимавшийся стиркой белья, пустил своего отощавшего осла попасть на травке, чтобы нагулял он жирку, а на спину ему накинуд леопардовую шкуру. Стал осел щипать траву и поверг всех людей в ужас, ибо при виде шкуры думали, что это леопард.

Заметил его один крестьянин, у которого был лук, и тоже при мысли, что это леопард, от страха сгорбился, прикрылся одеялом и стал уходить от него. А осел, увидав его, подумал: „Вот еще один осел сюда идет!“ — и, наевшись травы вдоволь, призывно заорал. Крестьянин, услыша рев, смекнул, что это всего лишь осел, подкрался и сразил стрелой его, сделавшего свой голос своим врагом.

Вот и мы из-за неразумных речей от века враждуем. Послушай,

как птицы царя выбирали

Давно, во времена незапамятные и стародавние, жили птицы без царя. Собрались они однажды, чтобы установить над собой царя, и все согласились вручить зонт и опахало, знаки царской власти, сове. И тогда слетел с небес ворон и каркнул: „Глупцы вы, глупцы! Нет, что ли, лебедей, коилов и прочих птиц, что вы ставите царем над собой этого грешника со свирепым взором и безобразного видом? Тьфу на совиное счастье! Должен быть доблестным царь, и одно лишь имя его должно быть залогом успеха. Послушайте, расскажу я вам сейчас,

как зайцы от слонов спас- лись

Есть на земле большое и многоводное озеро Чандрасара, и жил на его берегу царь всех зайцев, и звали его Шилимукха. Как-то раз из-за того, что пересохли другие водоемы, пришел на это озеро, чтобы утолить жажду, предводитель слоновьего стада по имени Чатурданта. Его стадо многих из подданных Шилимукхи кого растоптало, а кого задавило. Когда же увел Чатурданта все свое стадо, повергнутый в горе Шилимукха остромордый в присутствии всех зайцев велел зайцу Виджае: „Узнав, как вкусна здесь вода, будет теперь этот повелитель слонов приходить сюда снова и снова и истребит нас всех без остатка. Надобно найти способ избежать этого. Ступай к нему, посмотри, нет ли какого способа. Ведь ведомо тебе дело, и умение есть у тебя, и в красноречии ты искусен, и, куда бы ты ни пошел, всюду и всегда успех тебе сопутствует“.

Виджая, посланный Шилимукхой с таким поручением, был этому рад, тотчас поспешил в путь, догнал по следам слоновье стадо и увидел того повелителя слонов. „Как-то нужно мне переговорить с этим могучим“, — подумал он. И, забравшись на вершину скалы, обратился к слону с такой речью: „Я посол божественного Чандры, и вот что он говорит: „Мое обиталище — прохладное озеро Чандрасара, и царствую я над моими любезными зайцами, обитающими там. Зовут меня Шаши, отмеченный зайцем, или Шитаншу прохладнолучистый. Пошел ты на озеро Чандрасару, замутил его и погубил множество зайцев. Если снова туда пойдешь, то, безумный, пожнешь ты плоды своего неразумия!“

Выслушал повелитель слонов слово Чандры, переданное зайцем, и в страхе отвечал. „Хвала божественному Шаши! Никогда больше я туда не пойду. Но, друг, нам, молящимся, хотелось бы лицезреть божественного“.

Тогда повел Виджая повелителя слонов, говорившего так, к озеру и показал ему отражение месяца в воде, божественного Чандры, отмеченного зайцем и прохладнолучистого. При виде божественного, трепеща от страха, поклонился ему издали повелитель слонов, удалился в лес и больше уже на озеро не приходил.

Убедился в этом воочию повелитель зайцев Шилимукка, и вознаградил зайца Виджаю, ходившего послом, и стал жить, избавившись от страха и опасений“.

Рассказав эту историю, прокаркал ворон прочим птицам: „Тот должен быть царем, от чьего имени никому страха не будет“. Почему же нужно ставить на царство подлую сову, слепую от дневного света? Никогда нельзя верить подлому, а почему — послушайте историю,

как кот рассудил спор зайца и сойки

Когда-то и где-то жил я на одном дереве, а под ним устроила гнездо птица сойка Капинджала. Однажды улетел Капинджала на много дней, а пробежавший мимо заяц увидел, что гнездо пустое, и поселился в нем. Когда же много дней спустя вернулся он, начался у него с зайцем спор, и один кричал: „Мое гнездо“, а другой твердил: „Не твое!“

Пошли они тогда вдвоем искать, кто бы их по-честному рассудил, а я незаметно полетел из любопытства за ними. Немного они прошли и на берегу озера увидели кота, притворившегося, что принял он обет ненасилия, с полуприкрытыми от глубокого погружения в мысли глазами. „Почему бы не попросить справедливости у этого благочестивого?“ — подумали они, подошли к коту и сказали: „Выслушай нас, почтенный! Ты и подвижник, ты и благочестив!“ А он отвечает им на это слабым голосом: „Ослабел я от подвигов аскетических и издали ничего не слышу. Подойдите ко мне поближе — ведь дело, не равно справедливо решенное, губит и тот и этот мир“.

Так увещевая их, уговорил подойти ближе подлый котюга и тотчас же придушил и зайца и Капинджалу.

Нет веры злодеям, подлым в делах, и не следует поэтому сову, неизмеримо коварную и искушенную в злодействах, ставить на царство“. Когда закончил ворон свою речь, согласились с ним все пернатые и сказали: „Гак тому и быть!“ И, предотвратив помазание совы на царство, разлетелись каждый по своим делам. Сказала тогда ворону сова: „Отныне мой род твоему вечный враг. Запомни!“ — и с этими словами в гнев и ярости улетела. Ворон, хоть и подумал: „Что ска-

зано, то сказано!“, но встревожился. Да и то, кого ж не успокоит нестерпимая вражда, вспыхнувшая всего лишь из-за слова? Вот с тех пор и тянется наша вражда с совами“.

Закончив на этом свой рассказ, обратился Чирадживин и к царю ворон с такими словами: „Сов много, и сильны они, и нам их не одолеть! Но и многочисленного врага одолеть можно. Послушай

О козе или псе

Однажды какой-то брахман купил в деревне козу и, взяв ее на плечи, возвращался к себе домой, но по дороге увидел несколько озорников, и хотели те отнять у него козу. Вот один из них приблизился к нему и удивленно воскликнул: „Что это, брахман, взвалил ты на свои плечи пса? Скинь его!“ Не обратил внимания на его слова брахман и пошел дальше. Тогда двое других подошли к нему и сказали то же самое. Засомневался брахман, пошел дальше, но посмотрел с сомнением на козу, а тем временем еще трое негодяев попались ему на дороге, спросившие его: „Как это умудряешься ты, брахман, и шнурок брахманский, упавиту, нести и пса на плечах тащить? Видно, ты не брахман, а охотник, и с помощью пса ты расправляешься с дичью!“ Послушал все это брахман, да и подумал: „Морочит меня, верно, какой-то бес. Все смотрят, и что же, неверно, что ли, все видят?“ Кинул брахман козу, совершил омовение, да и пошел домой. Озорники ту козу унесли и вдоволь наелись“.

А Чирадживин сказал повелителю ворон: „Так что, божественный, трудно одолеть многих да сильных. Потому, чтобы противостоять нашему могущественному врагу, поступи так, как я тебе скажу. Повыщипайте у меня несколько перьев, да и оставьте меня под этим деревом, а сами улетайте на гору, пока я не вернусь, выполнив задуманное“.

Царь ворон согласился, выслушав его, и, будто бы придя в гнев, повыдергал у него несколько перьев, сбросил Чирадживина с дерева, а сам со всей свитой улетел на гору. Чирадживин же так и остался лежать под деревом.

Когда же опустилась ночь и повелитель сов Авамарда прилетел на то дерево, не увидел он там ни одного ворона. Только Чирадживин из-под дерева попытался слабо-слабо

прокаркать. Услышав его, слетел Авамарда вниз и увидел Чирадживина, распростертого на земле. „Кто ты и что случилось с тобой?“ — с удивлением спросил его Авамарда. И тогда Чирадживин голосом слабым, будто от нестерпимой боли, проговорил: „Имя мое Чирадживин. Советник я у повелителя всех ворон. Хочет он по совету министров учинить на тебя нападение. Я же, хоть и осуждали и бранили меня другие министры, так ему сказал: „Коли спрашиваешь ты моего совета и уважаешь ты меня, не следует ссориться с могучим повелителем сов, а нужно примириться с ним, если уж хочешь ты считаться с наукой политики“. Как услышал он такие мои слова, крикнул: „Он к врагу перекинулся!“ — и в гневе вместе со всеми своими министрами накинулся на меня, избил и сбросил с дерева, а после этого улетел куда-то со своей свитой!“ И тяжело вздохнув, Чирадживин повесил голову.

Спрашивает тогда повелитель своих министров: „Что нам с Чирадживином надлежит сделать?“ В ответ на это прошипел ему министр Диптанаяна, вращая глубоко посаженными глазами: „Даже вора, не подлежащего защите, следует защищать, если он полезен, — так говорят добрые люди“. Вот послушай

о дряхлом купце, его молодой жене и воре

Вот было где-то и когда-то, что жил один купец и хоть был дряхл, но благодаря богатству взял себе в жены юную дочь другого купца. Когда наступала ночь и они ложились спать, то отвращала она лицо свое от его дряхлости, словно пчелка в лесу от отцветшего дерева.

Однажды ночью, когда были они на ложе, забрался к ним вор. Увидав его, от страха отвернулась она и обняла своего мужа. Удивившись такому нежданному счастью, стал купец по всем сторонам осматриваться и заметил вора, стоявшего, притаясь в углу. „Помог ты мне, — говорит вору купец, — и потому не велю я слугам моим отколотить тебя“. И с этими словами отпустил купец вора на все четыре стороны.

Так и нам надлежит помочь Чирадживину, ибо и он нам помог“. И, окончив, умолк министр Диптанаяна.

Спросил тогда повелитель сов другого министра, кривоносого Вакранасу: „Как же поступить, почтенный?“ И ответил ему Вакранаса: „Следует оказать ему покровительство, ибо знает он высшие тайны наших недругов, а вражда между царем и министром всегда к нашей выгоде.

А чтобы доказать, что это так, расскажу я тебе, божественный, историю,

как вор и ракшас спорили

Получил некий лучший из дваждырожденных двух коров в вознаграждение. Узнав об этом, задумал вор увести тех двух коров у него со двора. Как раз в это время решил один ракшас того брахмана сожрать. Вот оба они, вор и ракшас, каждый ради своей цели пошли ночью и по воле случая встретились, поведали друг другу, кто чего хочет, да и пошли вместе. Вот вошли они на двор к брахману, и начался у них спор. Сказал вор: „Сначала я заберу коров, а потом ты заберешь брахмана спящим. Не то проснется он и как я заберу обеих коров?“ Возразил ему ракшас: „Нет уж! Сначала я заберу брахмана, не то проснется он от чваканья коровьих копыт и пропадут мои старания!“ А пока они так спорили, проснулся брахман, схватился за меч и стал громко читать мантры, защищающие от ракшасов, и поспешили убежать с его двора и вор и ракшас. Как спор вора и ракшаса послужил на благо дваждырожденному, так и нам полезен раздор между царем ворон и Чирадживином“.

Когда кончил Вакранаса, спросил совета повелитель сов другого своего министра, Пракаракарну круглоухого, и тот ему так сказал: „Заслуживает сочувствия Чирадживин, прибегший к твоей защите. В давние-то времена царь Шиби пожертвовал даже своим телом ради прибегшего к его защите“. Выслушал повелитель сов Пракаракарну и спросил совета у другого министра, свирепо глядящего Круралочаны, и тот посоветовал то же самое. Затем спросил совета повелитель у министра Рактакши кровавоглазого, и тот мудрый вот что ответил: „В пагубное заблуждение ввели тебя, повелитель, эти министры. Нет, не кажутся мне знатоками политики те, кто верит исконному врагу. Глуп тот, кто видя обман, верит притворным заверениям. Вот послушай

о блудливой и хитрой жене плотника

Случилось однажды так, что жил плотник и была у него любимая жена. Узнал он от чужих людей, что будто путается она с другими мужчинами, и, желая узнать истину, сказал однажды жене: „Милая, по царскому приказу далеко мне надобно уйти по плотницкому делу, и вот ухожу я. Дай-ка мне на дорогу ячменной каши да еще чего-нибудь“. Послушалась жена и снабдила его едой на дорогу, и отправился он вместе с подмастерьем из дому, а потом тайно вернулся и вошел в дом. Глядит — жены нет. Спрятался он вместе с подмастерьем под кроватью. А жена-то привела себе другого мужчину, и вот, с ним-то развлекаясь на чарпае²⁸, почувствовала грешница, коснувшись мужа ногой, что кто-то там спрятался.

Спросил ее усердный любовник: „Скажи мне, милая, кто тебе больше мил — я или твой муж?“ Ответила ему на это хитрая да смекалистая баба: „Конечно, муж. Я за него, милый, жизнь готова отдать. А то, что я с тобой балуюсь, — так что с того? Этим все бабы балуются. Если нет у них носа, так они даже дерьмо жрать готовы“.

Услышав эти притворные речи дрянной бабы, ее муженек вылез из-под чарпая и говорит подмастерью: „Ты нынче сам видел и потому будь мне свидетелем, что она мне так предана, так предана! Хоть и увлеклась она этим парнем, да все равно надо мне ее на голове носить!“ И с этими словами в восторге поднял он с помощью подмастерья обоих любовников на чарпае, взгромоздил себе на голову и понес, дурачина, на себе торжествующих любовников.

Вот так, видя воочию преступление и поддаваясь хитрым уговорам, радуется глупец и идет, не тревожась о том, что стал посмешищем. Не следует поэтому оказывать покровительства Чирадживину, вражескому лазутчику, а, напротив, божественный, следует его немедленно извести, как злой недуг“.

Выслушал Рактакшу повелитель сов и не согласился с ним: „Этот добродетельный действовал нам на пользу и потому оказался в таком состоянии. Так почему же не взять нам его под покровительство? И что может он один сделать?“ Отверг

совет министра Рактакши повелитель сов и успокоил тем ворона Чирадживина. Попросил Авамарду ворон: „Что за радость жить мне в таком состоянии? Вели, чтоб костер сложили, и когда взойду я на костер, то единственной наградой мне да будет рождение в утробе совы, чтобы мог я противодействовать вражде царя ворон!“ Рассмеялся Рактакша при этих словах Чирадживина и сказал ему: „По милости нашего повелителя ты вполне здоров. Зачем тебе костер? И как это тебе стать совой, когда рожден ты вороном? Ведь кого кем творец сотворил, тем тому и быть! Вот послушай,

**как мудрец искал жениха
для мыши, обращенной в
девушку**

В стародавние времена случилось как-то, что спас мудрец от когтей сокола маленькую мышку и, сжалившись над ней, благодаря силе своего подвижничества обратил ее в девочку. Стала она у него в обители подрастать и достигла поры юности. Захотел мудрец отдать ее в жены какому-нибудь могучему мужу и воззвал к Солнцу: „Хочу я отдать ее в жены могучему мужу. Женись на ней!“ Отвечало на это мудрецу Солнце: „Облако сильнее меня. В один миг оно меня закрывает“. Отпустил Солнце мудрец, воззвал к Облаку и то же самое ему сказал, и оно отвечало так: „Ветер сильнее меня. Гоняет он меня по разным странам света“. Воззвал тогда мудрец к Ветру и все то же повторил, и на это сказал ему Ветер: „Сильнее меня Повелитель гор — никак не сдвинуть мне его!“

И тогда обратился лучший из мудрецов к Гималаю, повелителю гор, и все сказал, что другим говорил, и прогремел Гималай: „Мышь сильнее меня — точит она в моем теле себе норы“.

Так вот одного за другим все божества опросив, позвал наконец великий мудрец молодца из мышиною племени, родившегося в лесу, и сказал: „Женись на этой девушке“ — и получил ответ: „Нужно посмотреть, войдет ли она ко мне в нору?“ И тогда молвил невесте мудрец: „Стань, как и прежде, мышью!“ И, вернув девушке облик мыши, отдал ее мужу

из ее племени. Куда ни пойдешь, а все будет только так, и не быть тебе, Чирадживин, совою“.

Прослушал Чирадживин все, что сказал ему Рактакша, и подумал: „Не послушал повелитель сов этого испытанного политика, а все прочие — глупцы, и потому дело мое будет успешным!“ Повелитель же сов взял с собой думавшего так Чирадживина, и, опьяненный своей мощью, пренебрег словами Рактакши, и отправился домой. Стал Чирадживин жить бок о бок с ним и поправился от мяса и других яств, которыми делился с ним Авамарда, и оперение у него стало почти таким ярким, как у павлина.

Обратился однажды Чирадживин к повелителю сов с такими словами: „Пойду я, божественный, теперь к царю ворон, успокою его и уговорю вернуться на старое место, и благодаря этому, когда спустится ночь, вы на них нападете и всех истребите. Хочется мне отблагодарить тебя за твои милости! Вы же все заложите травой и прочим входы в ваши гнезда и в течение дня будьте все у себя, чтобы не смогли они захватить вас врасплох“. Сказав это, посмотрел он, как совы кинулись забивать входы в свои гнезда травой, сеном и всем, что только в лапы ни попадет, и полетел к повелителю своему настоящему, Мегхаварне. Вернулся он вместе с Мегхаварной, неся в клюве пылающую ветвь, и каждый ворон с ними нес такую же ветвь в клюве, и запалили они входы в дупла сов, и без того неспособных видеть днем, а здесь и вовсе закрытых травой да соломой. Когда же все запылало, то стал каждый ворон подбрасывать в огонь хворост да поленья, и спалили дотла всех сов во главе с их повелителем.

Истребив врага, царь ворон вместе с Чирадживиним обрадовался и со всем своим вороньим племенем стал жить на раскидистом и могучем дереве нягродха, и уже там поведал Чирадживин царю ворон Мегхаварне историю о том, как жил он среди врагов, и сказал тогда старейший из министров: „Был у твоего врага, повелитель, только один настоящий министр — Рактакша, да и то, чванством ослепленный, не поступил Авамарда по его совету и меня оставил в покое. Раз посчитал злодей беспричинным совет министра, смог я войти в доверие и обмануть его.

Ведь только изобразив мнимую покорность и заверив в этом лягушку, сумел змей проглотить ее. Послушай,

как царь лягушек на змее катался

Один старый змей, будучи не в состоянии добыть себе пропитание в человеческом жилье, удивил лягушек тем, что стоял совершенно недвижно на берегу озера, где они жили. Спросили они его издали: „Скажи нам, почтенный, почему ты не пожираешь нас, как ты делал это прежде?“ Спросили его лягушки, и ответил им ходящий без ног: „Так вот случилось, что гнался я за лягушкой да случайно укусил сына брахмана в большой палец. Умер мальчик-то, а его отец проклял меня и обрек служить лягушкам носильщиком! Как же я могу вас пожирать, коли возить должен?!“

Захотелось при этих словах царю лягушек проехаться на змее, и вылез он из воды, и, радостный, смело прыгнул тому на спину.

После этого потешил всякой ездой и царя и всех его министров змей, а потом и говорит хитрец: „Не могу я больше, божественный, двигаться без пищи. Дай мне чего-нибудь поесть. Как жить слуге без еды?“ Царю лягушек очень понравилась езда на змее, и ответил он ему: „Съешь нескольких моих приближенных!“ Ну, и змей, конечно, проглотил столько лягушек, сколько хотел, а лягушачий царь все это стерпел — уж больно нравилось ему на змее кататься!

Так что умный, коли окажется среди дураков, одолеет их всех. Вот и я проник, божественный, в стан твоих врагов, и теперь они сражены.

Должен царь быть изощренным в политике. Глупца же и слуги, как им угодно обманывают и враги поражают. Удача изменчива, божественный, как игра в кости, словно морская волна игрива, точно хмель пьяняща, и только к тому царю словно веревкой привязана она, кто тверд, добродетелен, имеет надежных советчиков и знает различия характеров. Так и царствуй теперь, опираясь на совет знающего, счастливый истреблением врагов, наслаждайся царством, которому ничто не угрожает“. Так сказал Мегхаварне министр Чирадживин, и повелитель ворон правил своим царством так, как советовал ему министр».

Закончив историю о войне ворон с совами, сказал Гомукха сыну властителя ватсов: «Видишь, царевич, даже у зверей и

птиц благодаря разуму наслаждаются царствованием, а неразумные всегда терпят урон и становятся посмешищем для людей. Послушай,

как глупый слуга хозяина растирал

Да вот был у одного какого-то купца глупый слуга, и хотя не знал он, как тело растирать, но все чванно твердил: „Знаю я!“ И так ретиво хозяина растирал, что натер ему пузырь. Выгнал хозяин этого глупца, и закручинился слуга. От невежества усердие — верная погибель.

И еще стоит послушать,

как братья-брахманы на- следство делили

Жили в Малаве два брата-брахмана, и оставил отец им в наследство состояние. Стали они наследство делить да изрядно повздорили. Рассудил их наставник, в ведах начитанный, посоветовал им так: „Всякую вещь, что у вас есть, возьмите да пополам разделите!“ И стали эти глупцы по его совету все надвое рубить — дом пополам, кровать — пополам, горшок — пополам, все прочее — пополам. Была у них на двоих одна рабыня, так и ту — пополам! Узнал про это раджа и в наказание забрал у них все.

И тот мир и этот губят дураки по совету дурака. Поэтому не следует служить глупцам, а нужно служить мудрому.

От недовольства тоже вреда немало — послушай

о жадности и недоволь- стве

Жили странники, разжиревшие на щедрых подаяниях. Увидали их несколько друзей, и один из них воскликнул: „Ого, как странники-то раздобрели с милостыни!“ Тогда дру-

гой молвил: „Я вам чудо покажу! Сделаю я этих обжор худыми, как прежде!“ Стал он приглашать странников к себе домой и однажды угостил их таким кушаньем, в котором совместились все шесть вкусов: горький, кислый, сладкий, соленый, терпкий и благоухающий. А те глупцы, отведав такого кушанья, стали гнушаться того, что им в милостыню подавали, и от этого похудели.

Встретил хлебосол своих приятелей, да и показал им отошавших странников, и сказал: „Пока были они милостыней довольны, были они жирными, а теперь не нравится им она, и вот отошавали. Пусть мудрый утвердит свой дух в довольстве и будет счастлив,— ведь недовольство в обоих мирах порождает нестерпимую тревогу“. И, последовав его совету, друзья бросили навсегда недовольство, источник греха. Кому удачи не принесет дружба с добродетельным?!”

Теперь соблаговоли, божественный, послушать

о золоте и дураке

Пошел какой-то молодёц к пруду воды испить, и увидел глупец в воде отражение золотистой птицы с золотым хохолком, сидевшей на дереве. „Золото!“ — подумал он и бросился в воду, чтоб схватить его, да воду взбаламутил, и никакого золота ему не досталось. То нырнет он, то вынырнет, посмотрит да снова нырнет, снова и снова окунается в пруд, да ничего ему не досталось. Увидал его отец, что сын вытворяет, спросил о том, показав на птицу, золотой хохолок которой отражался в воде, и, поняв все, послал сына домой.

Неразумные безрассудно дают себя обманывать ложными представлениями и становятся посмешищем для других и источником горя для самих себя.

А вот еще послушай,

как слуги сберегли товары от дождя

У какого-то купца в дороге под тяжестью груза упал верблюд. Вот и говорит купец слугам: „Пойду-ка я куплю другого верблюда и половину груза с этого на того переложу.

А вы, коли туча нагрянет, смотрите, чтобы вода не испортила кожи, набитые одеждой да тканями“. Оставил он слуг около верблюда, а сам ушел, и тут туча налетела, и дождь пошел.

Подумали эти мудрецы: „Наказывал нам хозяин: „Чтоб вода кожи и не коснулась!“ — вытащили из мешков ткани и одежды и завернули в них мешки, и от того все ткани и одежды от воды испортились.

„Глупцы! — в ярости закричал на них купец, вернувшись. — Что же вы мне все ткани да одежды водой испортили!“ „Да ведь ты сам, почтенный, наказывал кожи-то от воды уберечь! В чем наша-то вина?“ — отвечали слуги. „Погибнут ткани, если кожи промокнут, — вот что я сказал! Велел я вам одежды беречь, не кожи!“ — закричал купец, погрузил на другого верблюда свое добро, а когда домой вернулся, то наказал слуг.

Глупцы, ничего не желая дурного, все делают наоборот и себе зло причиняют, а другим и того больше.

Вот послушай теперь историю о том,

с которого пирожка сыт будешь?

Какой-то путник купил на одну пану восемь пирожков. Съел он шесть из них и все не чувствовал себя сытым, а как седьмой съел, так тут и наелся. Заревел простофиля: „Обманули меня! Что бы мне этот пирожок первым съесть? Сразу бы я наелся. Зачем я понапрасну остальные загубил?! Лучше б я их сберег!“

Потешались над ним люди, над не знающим, что голод постепенно проходит.

А вот и другая история о том,

как дверь стеречь

Говорил, рассказывают, один купец своему глупому слуге: „Постереги-ка дверь в лавку. Ненадолго домой сходить мне надо!“ Сказал он так и пошел, а раб, снявши дверь с пе-

тель, пошел посмотреть на скомороха. Возвращается он к лавке, увидел его тут хозяин, да и начал бранить, а дурачина знай твердит: „Ты же мне велел дверь стеречь!“ Так вот дурни, смысла слов не ведающие, за слово цепляются.

А сейчас послушай необычайную историю о том, что

не бывает в деревне нашей восьмого дня!

Чьего-то буйвола изловили деревенские мужички, да под баньян за деревней привели, прирезали и съели. Хозяин буйвола на то пожаловался царю, а потом привел их всех, нажавшихся, пред царицыны очи и так сказал: „На берегу пруда под баньяном, божественный, прирезали моего буйвола болваны у меня на глазах!“ Послушали они его, и говорит старший из них: „Нету в деревне нашей пруда, да и баньян нигде не растет. Все он брешет! Где этот буйвол, которого мы будто убили да съели?!“ Разъярился хозяин буйвола: „Что, баньян не растет, что ли, на восток от деревни? И пруда нет под тем баньяном? И не слопали вы на восьмой день светлой половины месяца моего буйвола?!“ „Да нет в нашей деревне востока,— возражает ему старший из дураков,— да и восьмого дня тоже не водится!“

Улыбнулся царь и обратился к этому дурню словно бы с одобрением: „Ты человек правильный, всегда только правду говоришь. Скажи мне по правде — съели вы буйвола или нет?“

Отвечал ему глупец на это: „Как батюшка помер, так я три года спустя на свет явился. Им обучен я умению говорить, и с тех пор, махараджа, никогда неправды я не говорю. Что буйвола мы слопали, то правда, а все прочее, что вон тот говорит, все лжа!“

Выслушали такой ответ раджа и свита его и насмеялись досыта. Хозяину буйвола за него было заплачено, а мужиков глупых царь наказал.

Так глупцы скрывают, что скрывать не надобно, а тайное выбалтывают из-за своей глупой заносчивости, желая уверить в своей правоте.

Послушай же

о дураке, прикинувшемся гусем

У одного бедного дурака была жена, грозная, как сама Чанди. Говорит она однажды: „Ухожу я на заре в дом батюшкин, позвал он меня на праздник. Ежели ты, любезный, не добудешь мне откуда хочешь венок из лотосов, так ты мне не муж и я тебе не жена!“ Пошел он, когда ночь опустилась, на царский пруд, и, когда пришел туда, стражник его окликнул: „Кто идет?“ И он отозвался: „Гусь я, гусь!“ Схватили его стражники, такими словами отозвавшегося, связали и ранехонько утром привели к царю, и, когда стали спрашивать его, загоготал он по-гусиному. Стал сам раджа его расспрашивать, и тогда глупец все сам о себе рассказал, и отпустил его царь из жалости к этому убогому.

А еще послушай,

как от горба лечить

Случилось так, что один тупоумный лекарь позван был каким-то брахманом: „Загони ты моему горбтому сыну горб внутрь“. Выслушал просьбу брахмана лекарь, да и говорит: „Дай мне десять пана. Если не справлюсь, отдам тебе в десять раз больше!“ Пообещал такое, забрал у брахмана десять пана и приступил к лечению. Заставил лекарь горбуна потеть и еще многое другое делать, да ничем не сумел помочь ему, и пришлось тому лекарю отдавать в десять раз больше.

Да разве сможет кто-нибудь на этом свете горбуна прямым сделать? Заставляют людей смеяться над собой все те, кто сулит совершить невозможное, и не подобает разумному подражать таким».

Так царевич Нараваханадатта слушал ночью вместе со своими министрами из мудрых уст благовестных министра Гомукхи разные истории о глупцах, и был очень доволен, и радовался этому, и хотя по-прежнему томился он страстью к Шактияше, но благодаря удовольствию, доставленному рассказами Гомукхи, лег он вместе со своими сверстниками и одногодками, его министрами, и спокойно уснул.

ВОЛНА СЕДЬМАЯ

Когда же проснулся на заре Нараваханадатта, почувствовал он еще большее томление и тоску по своей возлюбленной Шактияше, и то, что осталось от месяца, назначенного до свадьбы, казалось ему целой вечностью. Ничто не радовало его, ибо сердце царевича было устремлено к будущей его жене. Узнав об этом из уст Гомукхи, повелитель ватсов послал к сыну своих министров в сопровождении Васантаки, и, когда из почтения к ним сын повелителя ватсов несколько пришел в себя, попросил министр Гомукха Васантаку: «Благородный Васантака, расскажи, пожалуйста, какую-нибудь новую и занимательную историю, чтобы развлечь царевича!» Тогда мудрый Васантака начал рассказывать

о братьях-близнецах, о верной и о блудливой женах

«Жил в стране Малава лучший из брахманов, и звали его Шридхара, и родились у него близнецы, и старшего называли Яшодхара, а младшего — Лакшмидхара. Когда достигли они юности, то с ведома отца отправились в дальние страны ума-разума набираться. Шли они, шли и зашли в дикую глушь, в выжженный зноем и засыпанный раскаленным песком иссохший лес, где не было ни воды, ни тени, и, пробираясь через него, изнемогающие от нестерпимой жары и измученные жаждой, добрались они вечером до тенистого дерева, у подножия которого был пруд, полный холодной и вкусной воды, источающей аромат лотосов. Искупались они в пруду, утолили голод и избавились от жажды, напившись той прохладной воды, сели на камни отдохнуть. Когда же солнце зашло, то, опасаясь хищных зверей, забрались оба брата на ночь на дерево. Наступила ночь, и увидели братья, что из воды

пруда вышли люди, и кто из них стал подметать на берегу, кто подметенное место поливать благовониями, кто — усыпать цветами пяти сортов, кто-то принес туда золотое ложе и поставил его там, кто-то положил на ложе матрац, покрытый покрывалом, кто-то принес и положил под деревом дивные яства и напитки, венки из цветков и разные притирания. После этого поднялся из пруда некий муж, красотой своею превзошедший бога любви Манматху, с мечом в руке, украшенный несравненными украшениями, и сел на ложе, и слуги, надев на него венки и гирлянды и умастив его благовонными притираниями, снова исчезли в пруде.

Тогда извлек он изо рта возлюбленную, и была она совершенной красоты и скромного вида, и были на ней надеты гирлянды и украшения, предвещающие счастье, и другую, еще более блистательной красоты. И обе они были ему женами, причем вторая была у него в особой милости. Старшая, добродетельная, поставила перед ними усыпанные жемчугами да самоцветами чаши с яствами и напитками, и после того как супруг и ее соперница попили и поели, отведала и она тех яств и питья. А муж, изведав с соперницей счастье любовной забавы, крепко уснул, и она стала растирать ему ноги, а соперница ее сидела, бодрствуя, на ложе.

Видели все это два брахманских сына, сидя на дереве, и сказали друг другу: „Кто бы это был? Давай спустимся и спросим у этой, которая ноги растирает. Должно быть, они из рода тех, кто не знает перерождений“. Вот спускаются они, и, пока подходили к старшей, увидела вторая жена Яшодхару, поднялась и беспрдельно блудливая, подошла к красавцу Яшодхаре и страстно шепнула ему: „Возьми меня!“ „Грешница — воскликнул он. — Что ты говоришь! Ведь ты другому жена, а я для тебя чужой мужчина!“ Но она ему возразила: „Сходилась я с сотней таких, как ты. Чего ты боишься? Коль не веришь, то посмотри, вот сотня колец — от каждого я взяла по перстню“. С этими словами показала вшитые в кайму сари сто колец.

„Сходись с сотней или хоть со ста тысячами, — промолвил в ответ Яшодхара. — Ты для меня мать, и не поступлю я так недостойно, как они!“ Отвергнутая им, разъярилась она и разбудила мужа. Указывая ему на юношу, заливаясь слезами, говорила негодница: „Пока ты спал, этот греховодник силой меня взял.“ Услыхал это ее муж, вскочил и схватил меч, да тут

добродетельная жена кинулась ему в ноги со словами: „Не совершай напрасного греха! Эта грешница увидела этого юношу, соскочила с твоего ложа и стала настойчиво его умолять. Он же, добродетельный, не поддался ее уговорам, а сказал ей: „Ты мне мать!“ И вот тогда, отвергнутая им, разбудила она тебя и в злобе стала тебя на него натравливать. Она здесь на моих глазах сходилась с путниками, повелитель, которые на ночь останавливались под этим деревом, а число их — сто. Тебе же я не говорила об этом из боязни, что еще больше она меня возненавидит, а сегодня, опасаясь, что совершишь ты грех непоправимый, выговорила я то, что и выговорить-то невозможно. Коли не веришь, посмотри на кайму ее сари, увидешь сто перстней. Не моя это добродетель, чтобы при муже лгать! А коли нужно тебе доказательство моей чести, то смотри!“ — и тут она устремила грозный взор свой на дерево и обратила его в пепел, а затем глянула милостиво, и снова оно стало как ни в чем не бывало.

При виде этого стал муж ее долго обнимать да целовать и, утратив любовь ко второй жене, злодейке, отрубил той нос, забрав перстни с каймы ее сари.

Успокоившись, обратил он взор на жаждущего знаний Яшодхару и его брата и с досадой и горечью молвил: „Из-за ревности держу я обеих жен постоянно в своем сердце, но все-таки не смог я уберечь эту грешницу. Кто преградит путь молнии? Кто остережет распутницу? Добродетельной ее собственная добродетель служит защитой, и, ею защищенная, она защищает мужа в обоих мирах, так же как сегодня уберегла меня она, чья терпеливость превосходит мощь силы ее проклятия. Благодаря ее милости избавился я от недостойной жены и, послушавшись ее, избавился от страшного греха убийства брахмана“. Кончив говорить, полюбопытствовал он у Яшодхары: „Откуда пришли вы оба и зачем и куда путь держите, не соблаговолите ли сказать?“ Тогда поведал Яшодхара ему свою историю, и, войдя в доверие к нему, сам спросил его, желая удовлетворить свое любопытство: „Если нет в том тайны, то поведай нам, высокодостойный, кто ты и почему, наслаждаясь так, ты живешь в воде?“

Выслушал его дивный муж и молвил: „Соблаговоли слушать, расскажу я тебе про это!“ — и начал живущий под водой рассказывать

историю Бхавашармана

„Лежит на юг от Гималаев страна по имени Кашмира²⁹, которую судьба создала словно для того, чтобы заставить смертных забыть о небе, где, не вспоминая о счастливой жизни на Кайласе и Шветадвипе, в сотнях мест живут ныне Хари и Ачьюта³⁰, страна, которую освящают воды Витасты, страна, где живут герои и мудрецы, которых не могут одолеть ни гнусные грехи, ни враги, как бы сильны они ни были. Там, в той стране, жил я в прежнем рождении, и был я сыном мудрого брахмана, и звали меня Бхавашарман, и было у меня две жены, грешная и добродетельная.

Встретился я однажды с буддийскими нищенствующими монахами и принял на себя предписанный их шастрами обет поститься, называемый упошана³¹. И уже почти завершен был мой обет, когда грешная моя жена легла ко мне и уснула. В четвертой страже ночи, лишенный сна, забыл я об обете и предался с нею страсти. По той причине, что не полностью обет я выполнил, родился ныне я водяным и родились со мною обе жены — одна грешница и распутница, а другая — супружескому долгу верная.

Хоть и не выдержал я полностью обета, но сила его такова, что помню я прежнее рождение и по ночам радуюсь я всем этим наслаждениям. Ах, не нарушил бы я обета, так и не родился бы я таким образом!“

Кончив свой рассказ, водяной попотчевал гостей наилучшими яствами и одарил их божественными одеяниями. После этого добродетельная жена, узнавшая о том, что было с нею прежде, преклонив колена и глядя на луну, взмолилась: „О хранители мира! Коль воистину честна я и добродетельна, то да избавится мой супруг от жизни под водой и да будет его уделом небо!“ Только успела она промолвить эти слова, как спустился с небес воздушный корабль и муж с женой взошли на него и унеслись на небо. Чего не могут свершить добродетельные жены во всех трех мирах? Очень удивились виденному оба брахмана.

Провели они там остаток ночи, а когда забрезжило утро, отправились братья в путь, и в сумерки в безлюдном лесу остановились они у подножия дерева. Только захотелось им пить, как раздался из дерева голос: „Оставайтесь здесь, брахманы, ко мне в дом вы пришли, и как гостям устрою я вам

омовение, накормлю и напою“. Умолкло дерево, и явился тотчас под деревом пруд, полный прохладной воды, а на берегу этого пруда появились разнообразные яства и напитки. „Откуда все это взялось?“ — подумали братья брахманы, омылись в пруду и досыта напились и наелись. Потом прочли они вечерние молитвы, и, пока стояли под деревом, вышел из дерева красивый муж и приветствовал их. Ответили они ему на привет, сел он, и спросили они его: „Кто ты, почтенный?“ И ответил им муж: „Был прежде я нищим брахманом, и случилось мне однажды по воле судьбы встретиться со странствующими буддийскими монахами, и научили они меня, как совершить обет упошана, но, пока я выполнял этот обет, какой-то негодяй насильно заставил меня вкушать пищу, и из-за того, что был обет мой нарушен, родился я гухьякой. Если бы выполнил я обет как положено, был бы я богом на небесах. Вот рассказал я вам о себе, а теперь вы поведайте мне, почему и зачем забрели вы в эту глушь“. Услышав его просьбу, обо всем рассказал ему Яшодхара, и тогда сказал братьям брахманам якша: „Коли только ради этого вы отправились странствовать, то силой своей я передам вам все знания, и вы ступайте домой. Что вам скитаться по чужбине?“ С этими словами одарил он их силой своего волшебства всеми знаниями, и они их восприняли. Тогда сказал он им: „Теперь прошу я, чтобы уплатили вы мне то, что учителю положено, а для этого выполните ради меня обряд упошана — одну ночь нужно вам говорить истину, обходить богов слева, пищу принимать, когда принимают ее буддийские странники, сдержать сердце свое и быть терпеливыми, и тогда благодаря этому достанется мне совершенный плод этого обета и стану я богом“. Когда же услышал он на свои слова согласие склонившихся перед ним брахманов и достиг таким образом своей цели, снова скрылся в дереве.

Обрадовались братья тому, что достигли цели своей без усилий, провели ночь и отправились восвояси, а вернувшись домой, поведали родителям о том, что с ними было, и ради блага якши исполнили обет упошана, и тотчас же их учитель-якша явился на воздушном корабле и сказал: „Благодаря вам перестал я быть якшей и стал богом. Теперь исполните тот же обет для самих себя, и, когда умрете, избавитесь вы от своих тел и достигнете положения богов, а пока дарю я вам неисто-

шимую казну!“ И с этими словами он, движущийся по своей воле, полетел на воздушном корабле и исчез в небе.

Оба брата — Яшодхара и Лакшмидхара — выполнили обет упошана, достигли знаний и богатства и стали жить счастливо.

Кто следует вере и даже в несчастье не оставляет добродетели, тот достигает желанной цели, и даже боги ему помогают».

На этом кончил свою повесть Васантака, и хоть позабавила она сына властителя ватсов, но еще пуще затосковал он о возлюбленной своей Шактияше. Настало время трапезы, и позвал отец к себе Нараваханадатту, и царевич пошел со своими и его министрами и советниками, а потом, отведав вкусных яств, вернулся к себе во дворец. Желая заставить царевича развеселиться, обратился к нему Гомукха с такими словами: «Соблаговоли, божественный, еще послушать. Расскажу я тебе

о дружбе обезьяны с морским жителем

Случилось так, что Валимукха, предводитель обезьян, отстал от своей стаи и заблудился в лесу из деревьев удумбара³², тянувшемся вдоль океана. Сидит Валимукха на ветке, грызет удумбару, да вдруг выронил ее, и съел удумбару Шишумара, обитатель вод океанских. Понравился Шишумаре вкус удумбары, и издал он сладостный звук, а Валимукхе этот звук понравился, и он покидал Шишумаре много плодов. Так всякий раз Шишумара пел, а Валимукха кидал ему удумбары, и со временем возникла между ними дружба, и так каждый день это морское чудище проводило день у обезьяны, жившей около воды, а когда наступали сумерки, уплывало к себе домой. Узнала об этом жена Шишумары, и не желая, чтобы дружба с обезьяной каждый день вызывала разлуку, сказалась больной.

„Скажи мне, милая, — попросил ее Шишумара, встревоженный ее болезнью, — что за немочь у тебя и чем она лечится?“ Сколько ни спрашивал он ее, не отвечала ему жена, и только ее подруга, которая знала все ее тайны, открыла ему причину: „Хотя ты этого не станешь делать, да и она не хочет, чтобы ты так поступал, но скажу я тебе. Как разумному скрывать от

других такую беду? У твоей жены такая тяжкая болезнь об-
явилась, которую не излечить ничем, кроме отвара из обез-
ьяньего сердца!“ Задумался Шишумара: „Вот беда! Как до-
быть мне обезьянье сердце? Разве достойно мне предавать
друга моего обезьяну? Но ведь жена мне милее самой жизни!
Что друг в сравнении с ней?“ Поразмыслив так, сказал Ши-
шумара жене: „Что печалишься, милая! Приведу я тебе це-
лую обезьяну!“

С этими словами отправился он к своему приятелю, и
начался у них разговор. Сказал Шишумара обезьяне: „Ведь
не видел ты, друг, до сих пор ни дома моего, ни жены. Пойдем
ко мне, отдохнешь денек. Коли друг у друга не бывать, да не
потчевать друг друга, да жен своих друг другу не показать,
что за дружба? Один обман!“

Так обманув обезьяну, зазвал его Шишумара в воду, поса-
дил к себе на спину, да и отправился в путь. Заметил Вали-
мукха, что приятель Шишумара чем-то озабочен, и обратился
к нему: „Что-то смотрю я, друг, по-другому ты выглядишь се-
годня!“

И ответил ему, настойчиво спрашивавшему, на это кла-
дезь глупости Шишумара, полагая, что обезьяна теперь в
его власти и деться ей некуда: „Занеможилось моей жене, и,
желая вылечиться, попросила она меня, чтоб добыл я ей обез-
ьянье сердце. Вот и огорчен я этим!“

Выслушав слова приятеля, смекнул догадливый Валимукха:
„Ага! Вот чего ради этот грешник меня к себе домой тащит!
Одолеваемый слепой покорностью жене, готов он друга пре-
дать! Да что уж! Разве одолеваемый демоном не начинает
рвать зубами даже свое собственное мясо?“ Сообразив, в чем
дело, говорит он Шишумаре: „Коли в этом дело, что ж ты,
друг, раньше-то мне не сказал, что нужно к твоей жене пойти,
сердце взяв с собою?! Оставил я лотос сердца сегодня на том
дереве удумбара, на котором живу“. Ответил на это глупец
Шишумара, встревожившись: „Так возьми же его с удумба-
ры!“ — и снова привез приятеля к удумбаре, росшей на берегу
океана. Спрыгнул Валимукха на берег, и, избавившись так от
погубителя, подобного самой смерти, взлетел на верхушку де-
рева, и кричит оттуда Шишумаре: „Убирайся ты, болван!
Разве слышал ты когда-нибудь, что сердце отдельно от тела
живет? Отпустил ты меня, и сам я к тебе больше не пойду! Не
слыхивал ли ты, глупец,

про осла, который так и был без ушей и без сердца

Жил где-то в каком-то там лесу лев, и был у него советником шакал. Случилось однажды так, что некий правитель, пожаловавший в тот лес на охоту, так изранил льва стрелами да дротиками, что лев еле-еле заполз в свое логово. Когда же царь убрался, то советник, живущий объедками от трапезы льва, сказал ему, обессилевшему без пищи: „Почему бы, владыка, не выйти тебе да не поискать добычи по своим силам? Ведь и твое тело отощало, да и твои слуги тоже!“

Отвечал ему на это лев: „Не в силах я, приятель, ранами истерзанный, идти куда-нибудь! Вот если б добыть мне да съесть уши и сердце осла, поправился бы я, и зажили бы мои раны, и снова стал бы я здоров. Ступай поскорее приведи мне откуда-нибудь осла!“ И шакал молвил в ответ: „Так тому и быть!“ — и поспешил в дорогу. Бегал он, бегал, и увидел пасущегося у воды осла постиральщика, и, приблизясь, любезно спросил осла: „Что это, почтенный, ты так исхудал?“ А осел ему: „Ведь что ни день таскаю я узлы с одеждами, да и самого постиральщика!“ И посоветовал ему шакал: „Зачем тебе здесь мучиться? Идем, отведу я тебя в лес, истинное преддверие неба, где будешь ты тучнеть вместе с ослицами“.

Выслушал его осел, алчущий наслаждений, и, молвив: „Так тому и быть!“ — пришел вместе с шакалом в лес ко льву, а там, заметив, что он явился, лев, еще слабый и немощный, зайдя со спины, нанес ему лапой удар, но от того удара осел, тотчас же испугавшись, удрал, только его и видели, а повелитель зверей упал, не в силах гнаться за ним. Поспешил лев, не преуспев в делах своих, забраться снова в пещеру.

Забежал к нему шакал, его министр, и попрекнул: „Что ж, владыка, осла и того не смог ты уложить! Что уж говорить об оленях да другой дичи!“ Прорычал на это лев: „Коль знаешь как, приведи осла снова, буду я готов и прикончу его!“

Снова пошел шакал по повелению цареву, разыскал осла и говорит ему: „Что ж ты, почтенный, сбежал?“ А когда тот отвечал: „Кто-то меня чем-то ударил!“ — рассмеялся шакал: „Пустое! Все это тебе почудилось! Ведь даже такой слабый зверь, как я, живет здесь счастливо. Ну идем же вместе со мной в этот лес, полный безграничного счастья“.

И глупый осел, поддавшись на его уговоры, снова пошел туда, и, когда увидел его лев, выскочил царь зверей из пещеры, кинулся ему на спину и, разодрав своими когтями, лишил жизни.

Расправившись с ослом, оставил лев при нем шакала сторожем, а сам, уставший, пошел совершить омовение, а хитрый и жадный шакал поспешил, чтобы утолить свой голод, сожрать уши и сердце осла. Вот вернулся лев после омовения и видит, что лишен осел и ушей и сердца, и спрашивает шакала: „Где оба уха и сердце ослиные?“

„Да как же, владыка, — отвечает ему шакал, — он ведь так и был, без ушей и без сердца. Иначе как же он смог бы снова вернуться туда, где его чуть не убили!“ Выслушал лев шакала, подумал, что, видно, так это и было, и насытился ослиным мясом, а что осталось после его трапезы, доел шакал“.

Валимукха, кончив рассказывать эту историю, сказал Шишумаре: „Не пойду я больше к тебе. С чего бы повторять мне такую ослиную глупость?!“ И уплыл Шишумара к себе домой, горюя, что из-за глупости и для жены ничего не сделал и друга потерял. Жена его выздоровела, узнав, что дружба Шишумары с обезьяной кончилась, а обезьяна жила припеваючи на берегу океана.

Не следует разумному верить злодею. Разве можно ожидать блага, поверив злодею или кобре?»

И, завершив этот рассказ, министр Гомукха опять начал новый, желая развлечь Нараваханадатту: «Послушай, царевич, теперь целую связку историй о глупцах, достойных осмеяния, а прежде послушай рассказ —

чем заслужено, тем и заплачено

Некий богач, насладившийся музыкой и пением, призвал казначея и велел: „Дай этому певцу две тысячи пана³³“. Сказал казначей: „Будет сделано!“ — и ушел. Вот пошел певец к казначею и просит отдать то, что обещано, а тот ему из обещанных ни одной паны не дает. Идет певец к богачу, жалуется, что казначей ничего не дал, а богач на это ему и отвечает: „Что ты мне дал, тем тебе я заплатил. Усладил ты

слух мой мимолетным звучанием вины, а я уладил твой слух мимолетным обещанием награды.

Выслушал это певец, и была надежда его убита. Посмеялся он над скупцом и пошел дальше.

Разве не заставит такая речь скупца расхохотаться даже камни?

Теперь, божественный, поведаю я тебе историю

об учениках, завидовавших друг другу

Было у одного наставника двое учеников, завидовавших друг другу, — один из них обмывал и умащал каждый день правую ногу наставника, а другой то же делал с левой. Пришлось однажды наставнику послать растирателя правой ноги в деревню, и сказал он ученику, растиравшему левую ногу: „Разотри и омой сегодня мою правую ногу”. Услышал это ученичок-дурачок, да и отвечает наставнику: „Не буду я растирать да омыwać ногу, сопернику моему принадлежащую!” Но, хоть и говорил он так, настаивал учитель, чтобы и правую ногу омыл да умастил растиратель левой ноги.

Тогда исполненный гнева на своего соперника ученичок с силой схватил за правую ногу, да и сломал ее о камень. Закричал наставник от боли, и другие ученики накинудись на злодея и побили его, да учитель сжалился над ним и велел прогнать.

На другой день возвратился другой ученик и увидел, как больна у учителя нога, спросил его о причине и, узнав обо всем, вспылал гневом: „Я не я буду, если не поломаю ногу соперника!” Схватив левую ногу учителя, сломал ее тоже. Тогда и на него накинудись другие ученики и поколотили его, но наставник, которому негодники обе ноги сломали, сжалился над ним и велел и его прогнать. Всеми ненавидимые, ставшие для всех посмешищем, ушли оба дурных ученика, а учитель, всяческих похвал достойный за то, что их простил, со временем выздоровел — как будто ничего с ним и не было!

Вот так, владыка, неразумные слуги, враждуя между собой, и дело государево губят и себе вредят.

А вот еще история. Сблаговоли выслушать

о споре двух голов одной змеи

У какой-то змеи было и спереди и сзади по голове. Задняя голова была слепа, а у передней были глаза. И шел меж головами спор. Одна говорила: „Я — главная!“ А другая возражала ей: „Главная — я!“ Но сама змея двигалась зрячей головой вперед.

Случилось однажды так, что задняя голова крепко зацепилась за какую-то деревяшку и задержала ход змеи. Посчитала тогда змея заднюю голову по-настоящему сильной и одолевшей переднюю голову и стала с тех пор двигаться слепой головой вперед, а получилось из этого то, что не заметила змея дыры, свалилась, да в огонь попала, да там и сгорела.

Много есть таких, кто, сути не зная, малой добродетелью обладая, связывается с теми, кто просто добродетелей лишен, и идет к своей гибели.

А теперь послушай про

опухоль из риса

Пошел один глупец первый раз в дом тестя и там увидел белые рисовые зерна, приготовленные для варки, а как увидел, взял пригоршню да бросил в рот, чтоб съесть. В это время пришла теща, и глупец от стыда не мог ни проглотить их, ни выплюнуть, а она, видя, что безмолвен он, и опасаясь, что горло у него опухло и он заболел, позвала мужа. Пришел тесть, увидал, что с зятьком приключилось, и немедленно привел лекаря, а тот, опасаясь, что в горле опухоль, схватил за подбородок, и... и под смех всех видевших это высыпался оттуда рис. Так вот невежда недолжное делает, да как скрыть — не знает.

Или послушай

как осла доили

Несколько глупых мальчишек видели, как доят коров, буйволиц и прочих, раздобыли осла, окружили его и начали отчаянно его доить. Кто-то доил, кто-то кувшин для молока

держал, а кто-то кричал: „Я первый, я первый молока напьюсь!“ Да не смогли они ни капельки молока добыть, хоть и потрудились отчаянно. Дурака, не к месту прилагающего усилию, всегда осмеют.

А вот еще рассказ о том, как один

пошел, да без толку

Жил, божественный, однажды брахманский сын, и был он глуп.

Велел ему как-то вечером отец: „Нужно тебе, сынок, поутру отправиться в деревню!“

Выслушал глупый сын, что сказал отец, да и не спросил, зачем идти-то.

А когда утро наступило, пошел в деревню, впустую время провел и только вечером, усталый от выполненного дела, пришел и сказал отцу: „Вернулся я, побывав в деревне!“

„Сходить-то ты сходил, да что толку?“ — ответил на это отец.

Старается-то дурень отчаянно, да дела не сделает!»

Выслушав из уст Гомукхи, старшего над министрами, этот поучительный рассказ, молвил царевич, что ничто его не тревожит, как только то, как бы добыть ему прекрасную Шакти-яшу, а ночь тем временем почти прошла, и сон смежил очи сына повелителя ватсов, и он разделил ложе со своими сверстниками.

ВОЛНА ВОСЬМАЯ

Когда же миновал следующий день, вечером снова все собрались в собственных покоях царевича Нараваханадатты, жаждущего соединиться с возлюбленной, и по его повелению министр Гомукха снова начал рассказывать одну за другой забавные истории. И первая называлась

не суди впопыхах

Где-то в каком-то городе жил брахман по имени Девашарман, и была у него хозяйка, звавшаяся Девадатта, такого же доброго роду-племени, как и он сам. Понесла его жена и в благовремении родила от него сына. Был брахман беден и обрадовался сыну, словно несметному богатству. Пошла однажды после родов его жена на реку совершить омовение, а Девашарман остался дома беречь дите малое, как прибегает из царицыных палат служанка, за брахманом посланная, живущим оплатой за махурат³⁴. Вот он из желания получить вознаграждение спешит во дворец, а ребенка поручает стеречь мангусте, возвращенной им с детства. Ушел он, а к нему на двор, к ребенку подползла змея. Заметила ее мангуста и из любви к хозяину убила змею. Увидала мангуста издали Девашармана, домой возвращающегося, кинулась радостная, змеиной кровью орошенная, из дома ему навстречу. Видя мангусту в таком виде и подумав: „Убила она сына моего!“ — схватил Девашарман камень и убил мангусту. Входит он затем в дом, видит змею, мангустой загрызенную, ребенка своего живым-живехонького, и загоревал брахман. „Как же ты, недоумок, мангусту погубил, верного своего помощника?“ — заругала его жена, с реки вернувшись и узнав, что случилось.

Поэтому не совершает разумный ничего впопыхах, божественный, чтоб не погибнуть, как это с неразумным бывает в обоих мирах.

Те, кто не по правилам действуют, достигают плодов иных, чем те, которых юни желали. Вот послушай историю

что дано внутрь, не годится снаружи

Жил один человек, и страдал он от водянки. Дал ему лекарь снадобье и велел ему: „Ступай домой да разотри как следует, а потом я приду!“ Ушел лекарь, сказав это, а

тот дурень, покуда ждал, растер снадобье в порошок, да и выпил с водой. Крепко занеможилось ему, да так, что когда к нему лекарь пришел, то дал уже ему рвотное и тем спас от смерти. Сказал он тому с упреком: „Снадобье я тебе дал для клистира, не для питья. Что ж ты меня не дождал?“

Так-то желанное, если не по правилам делается, нежеланные приносит плоды. Потому разумный никогда не пренебрегает правилами. Тот же, кто поступает без рассуждения, не подумав о последствиях, тотчас же становится предметом осуждения и осмеяния. Вот послушай еще рассказ —

косматые обезьяны или волосатые отшельники?

Где-то да когда-то жил один отменно глупый человек. Случилось ему пойти в другую страну, и сын с ним пошел. Когда караван, к которому они пристали, остановился в лесу, сын пошел погулять по лесу да заблудился. Напали на него обезьяны, поколотили да расцарапали, с трудом от них спасся, и когда спросил его отец, то этот глупец, не знавший, как выглядят лангуры³⁵, так рассказал о том, что случилось: „Напали на меня в лесу какие-то мохнатые, плодами питающиеся!“ Услыхав такое, разъярился его отец, схватил меч и кинулся в лес. Попались ему там косматые отшельники, плодами да кореньями промышляющие, и кинулся на них с криком: „Вот они, сына моего исцарапавшие!“ Но, на счастье, остановил его какой-то путник словами: „Не убивай мудрых. Видел я, что обезьяны твоего сына колотили!“

Так волей судьбы убережен он был от греха и вернулся к каравану.

Не поступит мудрый никогда без рассуждения. А как иначе?

Так всегда и поступает всякий человек, обладающий умом. Тот же, у кого его нет, немедля становится посмешищем для людей.

Послушай историю о том, что нужно

подумать, прежде чем де- лать

Так и случилось с одним бедняком, который, идучи путем-дорогой, наткнулся на кожаный мешок, полный золотых, оброненный хозяином каравана. Взял глупец мешок и там же, никуда не уходя, начал считать монеты, а в это время, схватившись пропавшего мешка, примчался верхом на коне хозяин каравана и вырвал у радовавшегося мешок с золотом, а глупец, видя, как погибло доставшееся ему богатство, пошел, горюя и повесив голову своей дорогой.

Так слабоумный хоть и обретет богатство, да сразу его и упустит. Послушай еще,

как луну увидеть

Какой-то глупец хотел увидеть молодую луну, и кто-то, уже увидевший ее, сказал ему: „Смотри, куда палец показывает!“ И стал глупец смотреть не на небо, а на палец того человека и не увидел луны, а увидел людей, смеющихся над ним.

Благодаря же разуму даже невозможное можно сделать возможным. Сблаговоли выслушать историю

о ловкой крестьянке и глу- пом абхире

Пошла какая-то крестьянка в другую деревню, и шла она одна-одинешенька. Случилось по дороге так, что накинута на нее обезьяна, да крестьянка от нее увернулась, спрятавшись за дерево. Обезьяна тогда, желая ее поймать, то дерево охватила лапами с обеих сторон. А крестьянка схватила руками обезьяньи лапы, да и прижала ее к дереву. Не может обезьяна двигаться, злиться, а в это время крестьянка увидела проходившего мимо абхира³⁶ и говорит ему: „Подержи, почтенный, за лапы эту обезьяну, пока я одежду да волосы поправлю“. „Сделаю так, если ты мне отдашься!“ — ответил

ей абхир, и она сказала, что согласна. Когда же тот схватил обезьяньи лапы, выхватила нож и прикончила обезьяну. „Теперь идем куда-нибудь, где поспокойней!“ — предложила она абхиру и далеко его увела, а пока шли, повстречали путников, и, бросив абхира, дошла она до той деревни, куда хотела прийти, избавившись так благодаря своему уму от насилия.

Разум — главная опора живущих. И без богатства бедняк проживет, а без разума как прожить?

Послушай, божественный, теперь вот этот интересный и удивительный рассказ

о Гхате и Карпаре

Жили в каком-то городе два вора, и звали одного из них Гхата, а другого Карпара. Однажды ночью Карпара, оставив Гхату снаружи, сделал подкоп и проник в покои царской дочери, а она, царевна-то, не спала, и заметила его, стоявшего в углу, и тотчас же, только увидев, вспыхнула к нему любовью, и подозвала его. Насладившись с ним и наградив его щедро, сказала она ему: „И еще я дам тебе, если ты снова придешь!“

Выбрался он оттуда, рассказал Гхате про все, что было, передал ему богатство доставшееся и послал его домой, а сам снова пошел в антахпур. Любовью да алчностью обуянный, кто думает о гибели?

Вот он, утомленный страстью и охмелевший от вина, уснул вместе с царевной и не проснулся даже тогда, когда ночь прошла. Когда же настало утро, пришли стражники, к антахпуру приставленные, схватили, и связали его, и царю о том доложили, и тот разгневался и повелел казнить вора. Повели его, осужденного на смерть, и Гхата, встревоженный тем, что друг ночью не вернулся, пошел его разыскивать. Увидел Карпара Гхата и одним им понятным знаком показал: „Похити царевну и защити ее!“ Ответил Гхата Карпаре таким же знаком, что ладно, мол, все сделаю, как ты сказал.

Привели вора на место казни, вздернули палачи его на дереве. Ушел домой Гхата, горюя, а когда ночь наступила, пробил он в стене дворцовой лаз и проник в покои царевны. Увидел он, что лежит она там одна-одинешенька и в оковах, подошел к ней и обратился с такими словами: „Я — друг Кар-

пары, которого казнили сегодня из-за любви к тебе. Пришел я сюда из-за любви к нему, чтобы тебя отсюда увести, пока не учинил над тобой чего-нибудь нежеланного отец“. Обрадовалась царица его словам, и согласилась, и сказала: „Так тому и быть!“ Тогда освободил он ее от оков, и с ней, отдавшейся телом на его волю, выбрался через подземный ход, и ушел к себе домой.

Когда же на следующее утро узнал раджа, что дочь его кем-то похищена через выкопанный и труднозамечный подкоп, подумал он: „Наверное, есть у того грешника пойманного приятель и он, предприимчивый, похитил мою дочь“. А подумав, велел царь слугам своим охранять труп Карпары и наказал им: „Кто бы ни пришел сюда оплакать его и совершить сожжение и прочие обряды, того схватить, и через него доберусь я до злодейки, опозорившей мой род!“ Ответили на это стражники: „Быть по сему!“ Стали сторожить они тело Карпары и днем и ночью.

Разузнал об этом Гхата и говорит царевне: „Был мне Карпара, милая, большим другом, и благодаря его милости достались мне и ты и множество сокровищ. Но нет покоя в моей душе, не выполнил я перед ним долга дружбы. Так пойду я и оплачу его, и посмотрю на него, и потом каким-нибудь способом предам я его тело огню, а косточки его брошу я в реку в святом месте. Не бойся! Я не неразумный Карпара!“ И при этих словах нарядился он великим подвижником, взял в горшок риса с молоком и пошел к Карпаре. А по дороге он словно бы споткнулся, да поскользнулся, и выронил из рук горшок с молоком да рисом, и разбил его, и стал над ним причитать: „Ах, горшок ты мой, Карпара^{36а}, полный сладости да радости!“ — и по всякому другому. Подумали сторожа, что причитает он воистину над разбитым горшком, а он тотчас же после этого поспешил домой, да и рассказал обо всем царевне.

На другой день нарядил он одного слугу в женскую одежду и послал перед собой, а другому велел идти за своей персоной и нести горшок со сваренными в меду да в масле дикими яблоками, а сам прикинулся захмелевшим деревенским мужиком и заплетающимися ногами подошел, когда уже день был на исходе, к сторожившим Карпару, а те его спрашивают: „Кто ты? Кто эта красотка? Куда ты, брат, идешь?“ А он им на это заплетающимся языком отвечал:

„Деревенщина я, а это вот жена моя, и идем мы с ней к тестю в дом. Несем мы с собой угощение ему в подношение — сам сварил! Вот поговорили вы со мной и стали мне друзьями! Ему я т-только п-половину от-тнесу, а д-другая п-пусть вам ост-танется!“ И стал он всех стражей оделять, а те смеялись и все брали и ели.

Когда же стражники от сонных яблок все уснули, набрал ночью Гхата поленьев и предал тело Карпары сожжению. Узнал наутро раджа о случившемся, одураченных стражников отстранил, а других поставил и так им наказал: „Стерегите эти обгорелые кости — теперь непременно кто-нибудь за ними придет. Вы того хватайте, но чтоб ни от кого никакой еды не брать!“ Так повелел раджа, и стали стражники бдительно сторожить и день и ночь.

Узнал об этом Гхата. И тогда он, знавший заклятие, пожалованное Чанди³⁷, с помощью которого можно зачаровать человека и ввести в заблуждение, подружился, чтобы скрыть свой замысел, со странником и пошел вместе с ним, бормоча мантру. Околдовали они стражей, собрал он косточки Карпары и, бросив их в волны Ганги, вернулся к царевне. Рассказал он ей про все и стал счастливо жить с ней. А странник остался с ними.

Узнал раджа, что кости унесены и стражники околдованы, подумал, что все это, начиная с похищения дочери, дело йога, и велел возвестить по городу: „Когда тот йог³⁸, который похитил мою дочь и совершил все прочее, объявится, тому я полцарства отдам!“

Слышал Гхата, как это провозглашали, и захотел объявиться, но царевна отговорила его: „Не надо, не делай этого, обманет тебя царь!“ И тогда из-за опасения быть обнаруженным ушел Гхата с царевной и со странником в другую страну.

Обратилась царевна по дороге к подвижнику и говорит ему по секрету: „Один вор меня соблазнил, а другой столкнул с высокого положения. Первый умер, а Гхату я не люблю, только ты мне мил пуще жизни!“ Сказав ему так, сошлась она с ним и, злодейка, убила Гхату.

Идет она, грешница, дальше путем-дорогой с этим странником, и повстречался им по дороге купец по имени Дханадева. „Что мне этот, увешанный черепами? Ты мне мил!“ — приласкалась она к купцу и пошла с ним дальше, оставив спящего странника. А тот проснулся на заре и подумал: „Ни

любви нет, ни праведности в женщинах! Эта распутница и грешница, обманом заверив меня, похитила богатство, да и сбежала. Хорошо еще, что не убила она меня, как Гхату". И, подумав так, пошел странник к себе на родину.

Царевна же вместе с купцом пришла в его страну. И там, когда это случилось, подумал Дханадева: „Как это я вдруг введу эту распутницу в свой дом?" И тогда на исходе дня вошел он вместе с царевной в дом какой-то старой женщины. Когда же настала ночь, спросил он у не узнавшей его старухи: „Не знаешь ли чего, матушка, о доме купца Дханадевы?" Выслушала это старуха и говорит ему: „Да что уж говорить-то? Что ни день жена его с новым мужем развлекается. Спускает она из слухового окна корзину, обшитую кожей, и кто ночью входит этим путем, тот проходит к ней, а потом так же ночью уходит. Она же, вином одурманенная, ничего не понимает, и о таком ее поведении по всему городу слух идет. А муж ее давно на чужбину ушел и все еще не возвращается".

Выслушал Дханадева все, что рассказала старуха, под каким-то предлогом вышел от старухи и пошел туда, к жене, полный горести и сомнений. А там увидел он корзину, рабынями поднимаемую, влез в нее, и они его подняли и провели к жене. Когда же вошел он, обняла его супруга, хмелем одурманенная, страстью опьяненная, силой увлекла с собой на ложе, так и не узнав его, и сошелся он с ней, не видя в том греха, а она от сильного хмеля крепко уснула. Когда же кончилась ночь, быстро выпроводила его служанка тем же самым путем, через слуховое окно, в корзине, кожей обшитой, на веревке спускаемой. И подумал огорченный купец: „Хватит мечтать о семейной жизни! Что женщина в доме? Жернов на шее! И уж если все они таковы, так лучше дикий лес!" Поразмыслив так, покинул он царевну и отправился в глухой и далекий лес. Повстречался ему по дороге брахман Рудрасома, возвращавшийся после долгого отсутствия домой. Подружился с ним купец, а когда рассказал брахману свою историю, встревожился и Рудрасома о своей жене. Пришли они вечером в родную деревню брахмана.

Встретив неподалеку от своего дома на берегу реки пастуха, певшего словно был он под хмельком, спросил Рудрасома его шутливо: „Кто та красотка, пастух, в тебя влюбленная, из-за которой ты поешь так лихо, будто весь мир для тебя — травинка?" Ухмыльнулся на эти слова пастух и отве-

тил: „Что мне скрывать? Живу я с красоткой, женой старосты деревенского — брахмана Рудрасомы, давно ушедшего невесть когда да неведомо куда. А приводит меня в женскую одежду одетого к ней в дом служанка“. Услыхав такое от пастуха, сдержал Рудрасома свой гнев и, желая узнать истину, попросил его: „Коли я тебе гость, так дай мне свою одежду, и, прикинувшись тобой, пойду я туда. Уж больно мне любопытно!“ „Сделай милость, — отвечает ему пастух, — возьми мой черный плащ, да и палку тоже да побудь здесь, пока служанка придет. За меня она тебя примет, и, переодетый в женскую одежду, ты ступай туда ночью, а уж я эту ночку отдохну“.

Взял Рудрасома от пастуха накидку да палку, накрылся накидкой и стал ждать. Когда же пастух с купцом Дханадевой отошли подальше в сторону, явилась туда служанка. Она в ночной тьме молча переодела Рудрасому в женскую одежду, приняв его за пастуха, сказала: „Ступай!“ — и увела его. Привела она брахмана к его жене вместо пастуха. Увидала его жена, поднялась и обняла, а Рудрасома подумал: „Вот ведь горе! Лепятся злодейки к недостойным — грешника полюбят, как моя жена этого пастуха, лишь бы только близко был!“ И в таких мыслях, надтреснутым голосом какой-то предлог сочинив, вышел он и, полный отвращения, пошел к Дханадеве. Поведал он купцу про все, что с ним дома случилось, и так решил: „Пойду и я с тобой в лес скитаться. Пусть гибнет дом!“ Вот и отправился Рудрасома с Дханадевой в лес. И повстречался им по дороге Шашин, приятель Дханадевы.

Слово за слово, пошел у них разговор, и рассказали они ему, что с ними случилось. А он, все это выслушав и будучи ревнив и долго отсутствуя, засомневался насчет жены своей, которую оставил запертой в подвале. Шел он с ними вместе, и вечером дошли они до его дома. Собрался было Шашин попотчевать приятелей своим гостеприимством, да увидел стоящего у своего дома человека, руки и ноги которого были изъедены проказой и смердящего, но который распевал песни с любовным воодушевлением.

С изумлением посмотрел на него Шашин и спросил: „Кто таков ты, почтенный?“ Ответил ему прокаженный: „Я — Камадева, бог любви!“ „Воистину! — воскликнул Шашин. — Да и то сказать, кто ж усомнится в том, что ты — Камадева, видя такую блистательную красоту!“ А тот возражает ему: „А ты

послушай, что я тебе скажу! Живет здесь один негодник, которого зовут Шашин. Он, ревнивец, отправился в дальние страны, а жену запер в подвале. По воле судьбы случилось его жене меня увидеть, и сердце ее наполнилось страстью ко мне, и сама она мне отдалась. Что ни ночь наслаждаюсь в ее объятиях. Служанка ее сажает меня к себе на спину и доставляет к ней. Так скажи, что я — не Кама? Кому нужна иная красавица, если он мил самой жене Шашина, красавице, каких свет не видал?”

Послушал Шашин прокаженного, закручинился, но горя не показал и, желая узнать что да как попросил его: „Истинно ты Камадева! Поэтому вот что хотел я тебя попросить — из того, что рассказал ты мне, любопытство у меня разгорелось к этой женщине. И хочу я в эту ночь пойти к ней, одевшись в твою одежду. Сделай милость, согласись — будет ли тебе с этого какая убыль?” Ответил ему на это прокаженный: „Изволь, возьми мою одежду, а мне дай свою. Сиди здесь, обернув, подобно мне, в тряпки руки и ноги, пока с наступлением темноты не придет служанка. Примет она тебя за меня, возьмет тебя на спину, и ты отправляйся так с ней — из-за того, что ноги меня не слушаются, попадаю я к ней всякий раз таким образом“. Когда же прокаженный все это ему рассказал, Шашин оделся в его тряпье и уселся там, а оба его спутника и прокаженный сели поодаль.

Вот пришла служанка и, приняв его, одетого в одежду прокаженного, за самого прокаженного, сказала Шашину: „Пошли!“ И, взвалив его себе на спину, притащила ночью в подвал к его собственной жене, жаждавшей встречи с прокаженным. Ощупал он ее в темноте, убедился в том, что это его жена, и овладело им отвращение, и, когда она заснула, Шашин незаметно вышел и разыскал Дханадеву и Рудрасому. Поведал он им свою историю и, сокрушенный, произнес: „О, будь прокляты прелестницы, стремящиеся к низким! Только издали кажутся они прекрасными, но они словно реки, устремляющиеся в ущелье, — невозможно из них пить. Коли моя жена, в подвале запертая, сошлась с прокаженным, то лучше стать мне отшельником! Будь проклят мой дом!“

В таких сетованиях провел он ночь с купцом и брахманом, так же как и он, пострадавших от жен.

Когда же наступило утро, пошли они все трое в лес и к концу дня дошли до дерева, у подножия которого был пруд.

Поели они и попили, а когда пришла ночь, забрались спать на дерево и увидели, что пришел какой-то путник и лег спать под деревом. Тотчас же другой муж явился из середины пруда и изрыгнул изо рта своего ложе и на нем красавицу. Сошелся он с ней и уснул на ложе, а красавица пошла после этого к путнику, что спал под деревом, и сошлась с ним, и, когда они, завершив дело страсти, поднялись, спросил ее путник: „Кто вы оба?“ Ответила она: „Это — нага, а я его жена — дочь нага. А ты не бойся — насладилась я уже с девяносто и еще с девятью путниками, а тобой — сотня заполнена“. Пока же она говорила все это путнику, проснулся по воле случая нага, увидел их и, изрыгнув изо рта пламя, обратил их в пепел. Когда же нага исчез в пруду, те трое проговорили всю ночь!“ „Уж там, где сберечь невозможно жену, внутри тела содержащую, где уж сберечь жену в доме! Вот горе-то горькое!“ А утром отправились они дальше в лес.

В лесу же они размышляли над четырьмя великими истинами, и не давали ни дружбе, ни каким-либо иным чувствам нарушать их раздумья, и стали умом рассудительны, ко всему живущему благосклонны, полностью испытали наивысшую радость самадхи, и, освободившись от мрака невежества, навсегда избавились от перерождений. Жены же их впали в жалкое состояние, порожденное их собственными грехами, и вскоре злодейки погибли, утратив и тот и этот мир.

Кому не приносит горя страсть к женщинам, порожденная заблуждением! Но пренебрегающий ими обретет освобождение от перерождений!»

Долго слушал этот увлекательный рассказ министра Гомукхи сын повелителя ватсов, жаждущий встречи с Шактишей, а потом крепко и быстро заснул.

ВОЛНА ДЕВЯТАЯ

Когда же прошел следующий день и наступила ночь, стал Гомукха, как прежде, рассказывать Нараваханадатте, чтобы развлечь его, историю

о добродетельном сыне купца, о калеке и о невер- ной жене

«Жил где-то в каком-то городе сын какого-то богатого купца, происшедший от частицы бодхисаттвы. Мать его умерла, и отец, подчинившись воле новой жены, послал сына с его женой жить в лес. И младшего сына отец тоже изгнал, и пошел он за старшим братом, но тот, зная, что у младшего брата нечистое сердце, прогнал его и пошел другой дорогой. Шел он, шел и дошел до бескрайнего леса, высохшего и занесенного песком. И не было в нем ни листочка на дереве, ни травинки, и не было ничего, что бы могло путнику служить пищей, — все живое было там выжжено беспощадными лучами солнца, и, пробираясь через тот лес целых семь дней, поддерживал он жизнь жены, кормя ее мясом своего тела и поил своей кровью, а она, грешница, и ела и пила. На восьмой же день достиг он леса, раскинувшегося на холмах, звенящего от перезвона речных струй, полного деревьев, отягощенных вкусными плодами, и нежной травы. В этом лесу он усталую свою жену подкрепил кореньями, плодами, водой, а сам спустился омыться к горной реке, весело плещущей волнами, и увидел, что ее поток уносит человека, у которого отрублены и руки и ноги. Исполнившись сострадания, захотел он того спасти, и, хоть и был истощен долгим постом, все-таки вытащил, великодушный и сострадательный, того человека на берег, и спросил его: „Кто это, брат, с тобой сделал такое?“ И тот искалеченный рассказал: „Враги отсекали мне руки и ноги и бросили меня в реку, желая причинить мучительную смерть, но ты меня спас!“ И когда он рассказал это, сын купца перевязал ему раны, и накормил его, и только после этого совершил омовение и сам поел кореньев и плодов. А потом вместе с женой стал этот купеческий сын, происшедший от частицы бодхисаттвы, совершать отшельнические подвиги.

Пошел он однажды собрать плодов да кореньев, а его жена, одолеваемая страстью, вместе с тем калекой, раны которого зажили, сошлась. Увлеченная им, захотела она мужа убить, и, сговорившись с безногим, на другой день она, подлая, прикинулась больной и, показав, грешница, мужу на рас-

тение какое-то в глубине ущелья на берегу бурной реки, через которую и переправиться-то почти невозможно было, молвила: „Буду я жить, коли ты добудешь мне это целебное растение. Знай, что сказано мне об этом божеством, явившемся здесь во сне!“ Выслушал он ее и сказал: „Так тому и быть!“ Сплел он из травы веревку, привязал ее к дереву, но, пока спускался, она веревку перерезала, и он упал в реку, и поток унес его далеко, и лишь благодаря тому, что совершал он в прежних рождениях добрые дела, не погиб он, а был вынесен на берег около какого-то города. Выбрался он на землю и, утомленный борьбой с бурным потоком, лег отдохнуть под деревом, размышляя о недостойном поведении жены.

А в том городе в то время умер царь, и был там такой обычай, что когда умрет царь, то пускали по городу бродить слона, обладающего счастливыми признаками, и кого тот слон хоботом подымет и посадит к себе на спину, того они и сажали на царство. Вот тот слон посадил сына купеческого себе на спину, привез его в город, а там этот купеческий сын, несущий в себе долю бодхисаттвы, тотчас же подданными был помазан на царство. Достигнув царства, он наслаждался общением с состраданием, радостью и терпением, а не с женщинами, погрязшими в распутстве.

А его жена, нисколько не сомневаясь в том, что поток его навсегда унес, посадила калеку себе на спину, стала скитаться из деревни в деревню, из города в город, побираться: „Вот супруг мой, которого враги лишили рук и ног, а я — его верная жена. Живу я милостыней. Подайте сколько можете!“ И дошла она однажды до города, где царем был ее муж. Дошло со временем до ушей царя, что идет среди горожан слава, будто объявилась, мол, супругу верная жена. Велел царь привести ее, несущую на спине калеку, к себе во дворец, и сразу он ее узнал и спросил: „Это ты супругу верная жена?“ А она отвечала: „Я, божественный, супругу верная жена!“ — не узнав мужа, сверкающего в царском величии.

Тогда он, несущий в себе долю бодхисаттвы, сказал: „И я видел твою преданность супругу, и вот плод этого. Не мог я тебя привлечь даже ценой своей плоти и крови, хоть и целы мои руки и ноги. Ты воистину ведьма в человеческом образе, питающаяся постоянно мясом да кровью, стала носильщиком этому калеке и уроду? Уж не он ли, этот безногий, твой законный и ни в чем не повинный перед тобой муж, которого

ты сбросила в реку и теперь по воле судьбы таскаешь на себе?”

И когда он рассказал так про все случившееся, узнала она своего супруга и от страха обмерев, стала словно мертвая или нарисованная. Спросили тогда с любопытством министры: „Скажи, божественный, что все это значит?“ Тогда поведал он им обо всем, что было, и они, узнав, как предала она своего мужа, повелели, отрубив нос да уши, изгнать ее и калеку из царства. Вот так судьба по заслугам определила, объединив безносую с безногим, а носителя доли бодхисаттвы — с царским достоинством. Непостижимы движения женского сердца, так же как и непонятны причуды судьбы, благоволящей к низкому. К тем же, кто не отклоняется от добродетели, честно живет, одолевает гнев, благополучия приходят сами, когда их уже и не ожидают».

Завершив этот рассказ, начал министр Гомукха рассказывать Нараваханадатте историю

о добродетельном и о четверых, попавших в яму

«Жил некто, воплощение бодхисаттвы³⁹, в лесу, и построил он себе хижину. Сердце его было преисполнено лишь чувством сострадания, и совершал он, добродетельный, разные подвиги. Он благодаря своему могуществу спасал зверей, попавших в беду, наставлял пищачей⁴⁰, помогал кому водой, а кому едой.

Однажды шел он по лесу, ища, кому бы помочь, и наткнулся в глухом лесу на глубокий колодезь, и, когда заглянул в него, закричала ему находившаяся в колодезе женщина: „О благородный, сделай милость, вытащи нас четверых отсюда — меня, льва, птицу-золотоголовку и змею. Упали мы в колодезь в ночной тьме“. Кричит он ей в ответ: „Что трое из вас попали в колодезь — понятно: не видите вы во тьме, но как туда попала птица?“ „Да запуталась она в силках охотника!“ — отвечает благородному та женщина.

Захотел он с помощью магической силы, подвижничеством достигнутой, всех их наружу из колодца извлечь, да не смог — вдруг исчезла у него сила. „Видно, грешна эта жен-

щина, — подумал добродетельный, — ведь только от разговора с ней погибла моя сила. Но найду я другой способ их вытащить“. Подумав так, сплел он из травы веревку и с ее помощью вытащил всех из колодца, и они вознесли ему, добродетельному, хвалу.

В изумлении спросил он льва, птицу и змею: „Как это случилось, что человеческая речь вам понятна? И что произошло с вами?“ И тогда заговорил лев: „Говорим мы по-человечески и помним, что было с нами в прежних рождениях. Мы все друг другу враги. Слушай историю!“ И начал лев свое повествование.

„Есть среди снегом покрытых Гималайских гор лучший из городов — Вайдурьяшринга, и правит там князь видьядхаров по имени Падмавега. Родился у него сын, которого нарекли Ваджравега. Чванился Ваджравега, пока жил среди видьядхаров, своей силой и, с кем бы ни затевал ссору, доказывал свое геройство. Запрещал ему отец драться, но не уважил сын отцовского слова, и тогда проклял его родитель: „Живи среди смертных!“ Вмиг слетело хмельное зазнайство с Ваджравеги, утратил он присущую видьядхарам силу и, рыдая, просил отца положить предел проклятию.

Погрузился в размышления Падмавега, а затем сказал сыну: „Родишься ты на земле сыном брахмана, но снова одолеет тебя безумие зазнайства и будешь проклят отцом, родишься львом и попадешь в колодец. Какой-то добродетельный по доброте своей вытащит тебя из колодца, и благодаря его помощи освободишься ты от несчастья“. Вот тот Ваджравега и родился в стране Малава у брахмана Харагхоши, и нарекли его Девагхоша. И там он, заносчивый от силы своей, со многими затевал драки и ссоры, и, хотя много раз говорил ему отец: „Не ссорься!“ — не слушал сын отца. И тогда Харагхоша разгневался и проклял его: „Да станешь ты, неразумный, львом, чванящимся силой своей!“ И немедленно сын брахмана, воплощение видьядхара, стал львом, блуждающим в этом лесу, и по воле судьбы попал в колодец и был, благородный, тобою из него вытащен. Ухожу я теперь. Если случится где-нибудь с тобой беда, вспомни обо мне — помогу я тебе и тем избавлюсь от тяготеющего надо мной проклятия“. Договорил лев и ушел, а бодхисаттва спросил золотоголовку, что с ней было.

И она рассказала.

„Живет среди покрытых снегом гор повелитель видьядхаров Ваджраданштра. Родила ему жена подряд пятерых дочерей, и тогда взмолился он Харе, и благодаря подвигам во славу могучего бога родился у него сын, который был Ваджраданштре дороже самой жизни. И был наречен он Раджатаданштрой. Из любви к нему отец, пока еще Раджатаданштра был мальчиком, передал ему все свои знания, и царевич рос, радуя очи всех близких.

Однажды увидел он, как его старшая сестра Сомапребха играла перед Гаури на пинджараке⁴¹, и крикнул: „Дай мне, я поиграю!“ А она не дала ему, потому что был он еще мал. Тогда он из озорства выхватил у нее пинджараку и словно птица взлетел ввысь. Сестра прокляла его: „Раз ты силой забрал у меня пинджараку и как птица взлетел, будешь ты птицей-золотоголовкой!“ Когда услышал он такое, упал в ноги сестре и попросил, чтобы положила она предел проклятию, и она сказала на это: „Когда ты, дурачок, станешь птицей и попадешь в темный колодец и какой-то сострадательный вытащит тебя оттуда, а ты ему за это окажешь помощь, тогда и кончится проклятие“. Так и родился ее брат птицей-золотоголовкой, а сегодня ты, почтенный, меня, эту птицу, вытащи, и я улетаю. Если будешь в беде, вспомни обо мне — я тебе помогу и избавлюсь от проклятия“. С этими словами золотоголовка улетела.

Тогда спросил бодхисаттва змея, как он в колодец попал, и поведал ему, благородному, змей о том, что с ним случилось.

„Был я в прежнем рождении сыном мудреца в обители Кашьяпы, и был у меня друг, мне ровесник и тоже сын мудреца. Пошел я однажды вместе с ним на озеро совершить омовение и, оставшись на берегу, увидел змея с тремя головами. Решил я напугать своего приятеля и на том месте, где ему на берег выходить, силой заклятия заставил змея стоять с поднятой головой.

Вот выходит мой друг на берег и тотчас же при виде змея пугается и обмирает. Долго я его в чувство приводил, а он после долгого раздумья пришел в гнев из-за того, как я его напугал, и проклял меня: „Сам, почитаемый, станешь трехглавым змеем!“ А когда я упросил положить предел проклятию, сказал он мне: „Когда будешь ты змеей и попадешь в колодец, и кто-то вытащит тебя, спадет с тебя проклятие в том случае, если ты ему поможешь“. С этими словами он ушел, а я обра-

тился в змея, а теперь, после того как ты меня вытащил из колодца, я ухожу. Коли будешь в беде, вспомни обо мне — я тебе помогу и избавлюсь от проклятия“.

После того как, проговорив эти слова, уполз змей, женщина поведала о своей истории.

„Я — жена сына кшатрия, а муж мой на царевой службе, герой, самоотверженный, молодой, красивый и гордый. А я, грешница, сошлась с другим, и муж, об этом узнав, решил меня убить. Узнала я от подружки об этом и тотчас же сбежала, а ночью попала в лес, свалилась в колодец, а теперь ты меня из него вызволил. По твоей милости теперь я жива и проживу где-нибудь да как-нибудь, а день придет, так и тебе я помогу“. После того как она это сказала, пошла она от бодхисаттвы ко дворцу царя Говардханы, встретила там с его слугами и стала у главной царицы служанкой.

А бодхисаттва оттого, что поговорил с ней, утратил свою силу, и в лесу этом перестали рождаться плоды и корни. Измученный голодом и жаждой, он прежде всего вспомнил про льва, и тот тотчас же явился, и, какое-то время охотясь на газелей, подкрепил бодхисаттву их мясом, и, приведя его в здоровое состояние, сказал ему: „Кончился срок моего проклятия, и теперь я ухожу!“ Тут избавился он от облика льва и, став снова видьядхаром, вернулся к себе, спросив позволения у бодхисаттвы и распрощавшись с ним.

А потом, когда снова воплощение бодхисаттвы исхудал из-за недостатка пищи, вспомнил он о птице-золотоголовке, и та, узнав о его нужде, тотчас же явилась и принесла ящичек, сделанный из бамбука, полный камней драгоценных и украшений, и отдала ему, сказав: „Благодаря этому ящичку всегда будет у тебя пища в достатке! Кончилось проклятие мое, и я улетаю, а ты будь счастлив!“ И обратилась золотоголовка при этих словах в юношу видьядхара и умчалась той небесной дорогой в царство своего отца.

Бодхисаттва же в поисках, кому бы продать камни драгоценные да украшения, пришел в тот город, где жила женщина, вытщенная им из колодца. Оставил он все эти алмазы да жемчуга в доме старой брахманки, стоявшем на безлюдье, а сам пошел на базар. Вот замечает он ту самую женщину, которую в лесу из колодца вытащил, прямо ему навстречу идущую, и она его увидела, и начался тут у них разговор, и она ему сказала, что близка к самой главной царице. Спросила

она его, а он ей рассказал обо всем и о том, как достался ему от птицы-золотоголовки ящичек, полный камней драгоценных и украшений. Провел он ее в дом к старухе брахманке и показал все, что от птицы досталось, а та негодница обо всем этом сообщила своей госпоже. А как раз у этой-то царицы птица-золотоголовка похитила на ее глазах этот ящичек, и, узнав от вытащенной бодхисаттвой из колодца женщины, что прибыл ящичек в ее город, рассказала она про все про это царю. А тот велел слугам указанного злодейкой бодхисаттву связать и к нему доставить, допросил его и, хотя и нашел, что все им сказанное верно, камни драгоценные да украшения, отобрал, а его, связанного, велел бросить в тюрьму. Лежит бодхисаттва связанный в тюрьме, но вспомнил вдруг о змее, и тотчас же воплощение сына мудреца явился перед ним и, увидев его и спросив, в чем нужда его, сказал: „Поползу я во дворец, и обовью царя с ног до головы, и до той поры не отпущу его, пока ты не придешь и не скажешь мне. Тебе же следует сказать здесь в тюрьме: „Могу я избавить царя от змея!“ Когда ты явишься, я освобожу царя, и поэтому он, мной освобожденный, отдаст тебе половину царства“. И, выполнив это, пополз змей во дворец, и сжал царя в своих кольцах, и поднял над его головой три свои головы. „Ай! Ай! Укусил змей царя!“ — зарыдали все кругом. Бодхисаттва же сказал: „Могу я оберечь царя от змея!“ Те, кто это слышал, сообщили о том царю, и тот послал слуг привести бодхисаттву, и обратился к нему царь, оплетенный змеем: „Коли ты меня избавишь от змея, отдам я тебе половину царства, и порукой тебе мои министры“. Услышали это министры и заговорили согласно: „Истинно, истинно так!“ И сказал тогда воплощение бодхисаттвы змею: „Немедленно освободи царя!“ И отпустил змей царя, и отдал тот бодхисаттве половину своего царства и сам ожил. А змей, избавившийся от проклятия, снова стал сыном мудреца и, рассказав свою историю всему собранию, ушел к себе в обитель.

Обязательно благо достается достойным, но и великим, если преступают они закон, достаются мучения. Однако на женское сердце нельзя полагаться, ибо не получишь от них помощи, даже если все отдашь! Что уж еще тут говорить?!

Закончив эту повесть, сказал Гомукха Нараваханадатте: «А теперь послушай еще, как глупец

все разом рассказал

Жил где-то в одном монастыре слабоумный шрамана. Шел он однажды по большой дороге, и покусала собака ему колено. Идет он обратно в монастырь и думает: „Всякий будет меня здесь спрашивать, что, мол, с коленом твоим случилось? И сколько раз буду я об этом рассказывать и как много времени это займет? Ну, найду я способ всем разом рассказать!“ Подумал он так и быстро забрался на верх монастырской стены, схватил палку, которой в гонг бьют, и, глупец, созвал монахов. Собрались они все и стали спрашивать его: „Ты что без причины и не ко времени в гонг бьешь?“ А он им на это: „Да собака мне колено покусала, и если вам всем по одиночке объяснять, так сколько времени это взяло бы? Вот я и собрал всех, чтоб всем вам показать колено!“ И показывает при этом монахам покусанное собакой колено. Стали тогда монахи хотеть, пока у них в боках не закололо: „Из-за такой пустяковины какую суматоху поднял!“

После того как рассказано о глупом шрамане, соблаговоли послушать

о купце из страны Такка ⁴²

Жил где-то богатый купец из страны Такка, и был он скуп, и всегда-то он с женой питался одной ячменной кашей без соли — никогда они не знали вкуса какой-либо другой пищи. Творец его, что ли, надоумил, но как-то раз сказал жене: „Захотелось мне каши на молоке — свари ты мне ее сегодня“. И жена в ответ ему молвила: „Так тому и быть!“ И стала варить ему такую кашу, какую он просил, а сам он лег в постель и наказал ей: „Коли какого гостя увидишь, так скажи, что меня дома нет!“

В это время пришел к нему приятель, и был он большой озорник. „Где твой муж?“ — спрашивает хозяйку. А она, не ответив, бежит к мужу и рассказывает, что, мол, друг пришел. Говорит он: „Садись здесь, охвати мои ноги, и оставаясь так, реви во всю мочь: „Помер мой муженек!“ А когда он уберется, уж мы наедемся каши“. Только она реветь начала, как входит приятель и спрашивает, что, мол, случилось. А она на

это: „Смотри, помер мой муженек!“ Подумал тот тогда: „Чего ж она кашу-то молочную варила и была радехонька? Ведь я сам видел! И с чего нынче ее мужу без хвори, без боли помереть? Верно, увидали, что я в гости иду, и устроили это представление. Ну, так я отсюда не уйду!“ Сел на пол и тоже стал слезами заливаться: „О друг! Ах, приятель!“

Услыхали эти плачи да стоны соседи да родичи и приготовились нести на кладбище упрямого жителя Такки. Припала к его уху жена и шепчет: „Вставай, пока родня тебя не утащила на кладбище да не спалила!“ А он ей, дурачина, шепчет в ответ: „Не будет этого! Не встану! Хочет этот упрямый такка нажраться моей молочной каши. Не могу я встать, если был я мертв, когда он пришел. Для таких, как я, пригоршня каши дороже многих жизней!“

Даже когда вместе с родней этот недобрый друг потащил его на кладбище, молчал упрямый такка, и даже когда сжигали его, не шевельнулся и слова не вымолвил, пока взаправду не умер.

Вот так дурень скорее с жизнью расстанется, чем с кашей, а другие его богатство, с трудом нажитое, забавы ради растранжирят.

Рассказал я про скупца, а теперь расскажу,

как простаки кота искали

Жил в одном храме в Удджайини глупый наставник. По ночам мыши поднимали там такую возню, что сон к нему не шел, и совсем разбитый бессонницей пожаловался он на это какому-то своему приятелю, а тот ему посоветовал: „Нужно тебе кота завести — он здесь всех мышей сожрет“. Спрашивает наставник: „Что это за зверь и где водится? Не видел я его никогда!“ Отвечает ему приятель: „Блестящие у него глаза, цвета он коричневатого-серого, а на спине шерсть, и бродит он здесь по дорогам. По этим приметам разыщи его, друг, и тащи скорей домой!“

Тогда созвал глупец своих учеников и велел им: „Ступайте и по этим признакам, которые вы, здесь стоящие, слышали, разыщите его где-нибудь на дорогах“. И они ответили: „Так тому и быть!“ Пошли они и стали рыскать туда и сюда. Но

раз они никогда не видели кота, то, когда увидели, что на дороге вышел мальчишка, и глаза блеснули, и был от пыли коричнево-серый, и спина его была прикрыта газельей шкурой, закричали: „Это кот! Наконец-то поймали!“ Схватили они его, связали и притащили к наставнику. А тот, видя, что все признаки кота, про которые ему приятель говорил, у этого мальчишки есть, оставил его на ночь в храме. Глупый мальчишка, слыша, как те неразумные называют его котом, и сам в это уверовал: „Кот и есть!“

А мальчишка-простачок был учеником того самого брахмана, который дружил с наставником, и рассказал ему про кота. Пришел утром брахман и, увидев внутри храма мальчишку, спрашивает: „Это кто его сюда посадил?“ А ученики и сам наставник ему и говорят: „Это мы кота сюда посадили, которого нашли по признакам, от тебя услышанным!“ Засмеялся брахман, да и говорит: „Что за глупый народ! Да ведь кот-то — это зверь на четырех лапах и с хвостом!“ И, услышав это, отпустили мальчишку слабоумные и сказали: „Так мы такого-то кота поищем!“ И когда они сказали это, потешались над ними люди. Да и то — кого не насмешит глупость?

Рассказано о коте и простачке, а теперь вот еще послушайте-ка,

как монахи на небо летали

Был где-то в одном храме среди множества дураков настоящим самым большим дурак. Когда-то и от кого-то слышал он, что выкопавший пруд заслуживает в том мире великую награду! Тогда он, обладая большими деньгами, велел неподалеку от его храма выкопать обширный пруд и наполнить его водой. Пошел он однажды, этот старший над дураками, посмотреть на пруд и увидел, что кем-то разрушен берег пруда. Приходит он на другой день и видит, что берег пруда разрушен в другом месте, а увидев это, подумал в тревоге: „Останусь я здесь завтра на весь день и посмотрю, кто это творит!“

Приходит он на другой день и видит, что сойдя с небес, бык взрывает рогами берега. „Бык-то, видно, небесный! Почему бы не побывать мне с ним на небе?“ И, подойдя к быку,

ухватился обеими руками за хвост, и тогда божественный бык с небывалой быстротой, в мгновение ока, вознес его к себе домой на гору Кайласа. Сколько-то дней прожил там простак, объедаясь что ни день модаками⁴³ да прочими небесными кушаньями. Заметив, что тот бык что ни день уходит на землю и возвращается с нее, подумал старший над дураками, опьяненный удачей: „Пойду-ка я снова на землю, ухватившись за бычий хвост, приятелей повидаю, расскажу им о здешних чудесах, а потом снова таким же образом возвращусь сюда“. И, рассудив так, подошел он однажды к быку, уцепился за его хвост и перелетел на земную твердь. Прибыл он в храм, и другие дураки, там обитавшие, окружили его: „Куда ты уходил?“ А он им рассказал про то, что с ним было.

И тогда стали простаки его упрашивать: „Сделай милость, отведи нас туда, угости нас пышками“. Согласился он и сказав: „Так тому и быть!“ — объяснил им, каким способом перебирался на небо. Привел он их на другой день на берег пруда, и бык туда тоже пришел. Ухватился старший за его хвост обеими руками, а за ноги старшего уцепился один монах, а за ноги того — другой. Так все простаки друг за друга уцепились, и тогда взлетел бык в небеса.

Вот летит бык в поднебесье, а за ним, уцепившись за его хвост, монахи летят, и случилось одному из них спросить главного над ними: „Сделай милость, скажи нам, на небе „получи-все-что-хочешь“, велики ли пышки ел?“ Тогда главный над дураками, позабыв про то, что держаться надо, отпустил бычий хвост и сложил обе руки лотосом, и, пока говорил он им: „Вот такие большие!“ И тут он сам и все прочие с небес на землю попадали, а бык ушел себе на Кайласу. Потешались над монахами люди, узнав, как неразумно простаки друг друга спрашивали да отвечали.

Послушал ты о простаках, на небо слетавших, а теперь послушай историю

**хорошо поешь, да куда
упадешь?**

Какой-то простак позабыл верную дорогу, пошел по другой и заблудился. А когда стал спрашивать верную дорогу, говорили ему люди: „Ты ступай по берегу реки до дерева, а

дальше все вверх“. Дошел глупец до того дерева, забрался слабоумный на него: „Люди-то мне через него дорогу указывали“. Забирался он, забирался с одного сука на другой, пока до того не добрался, который под тяжестью его согнулся. Повис простак и еле-еле удержался, чтобы не свалиться. Так и висит глупец на ветке, покуда не пришел туда слон с корнаком на водопой. Обращается к тому простак, висящий на суку, с жалобными словами: „Сними меня с дерева!“ Тот бросает анк и хватает обеими руками простака за ноги, чтобы с дерева стащить, а слон тем временем напился и ушел, а корнак повис на ногах глупца, которого надо было снять с дерева.

Тогда говорит глупец корнаку: „Коли ты знаешь песню какую-нибудь, запевай скорее — услышит кто-нибудь и придет нас снять, а не то упадем мы в реку и унесет она нас!“ Тогда корнак так отлично запел, что простаку очень понравилось, и уж в такой восторг он пришел, что захотелось ему от восхищения пальцами обеих рук пощелкать, и отпустил он дерево, и тотчас же оба в реку свалились. Кому от общения с дураками добро бывает?» Закончив эту историю, Гомукха рассказал Нараваханадатте,

как Хираньякша женился на Мриганкалекхе

«Лежит на лоне Гималаев страна, украшение чела Шивы, обитель наук и справедливости, Кашмир⁴⁴. И было там место, называвшееся Хираньяпура. И прославился правивший в нем раджа Канакакша кареглазый. А у того раджи благодаря поклонению Шанкаре родился от царицы Ратнапрабхи сын Хираньякша. Играл Хираньякша однажды в мяч и из озорства бросил им в проходившую мимо подвижницу. Она же, укротившая гнев, изощренная в таинствах йоги, усмехнулась и сказала царевичу: „Коли ты в своей юности и положении такой заносчивый, то какой же ты будешь, когда получишь в жены Мриганкалекху?“

Услыхал царевич это, прощения попросил и спросил у подвижницы: „Расскажи, почтенная, кто эта Мриганкалекха?“ И рассказала она ему: „Правит над царственными Гималаями многославный повелитель видьядхаров Шашитеджа,

на челе которого сверкает серп месяца. А у Шашитеджи есть дочь по имени Мриганкалекха, и красота ее лишает по ночам сна видьядхарских князей. Будет она тебе достойной женой, а ты ей достойным мужем“. Тогда спросил Хираньякша у нее, преуспевшей в подвижничестве: „Соблаговоли, почтенная, сказать, как добыть мне ее?“ И она ответила на это: „Пойду я к ней, и о тебе расскажу, и узнаю, на что она надеется, а потом, вернувшись, тебя, сынок, туда отведу. Есть здесь обитель богов храм Амареша⁴⁵, и ты на заре приходи туда — постоянно я в нем поклоняюсь“.

Сказала она это и с помощью своей волшебной силы улетела дорогой небесной к Мриганкалекхе на ледяные вершины Гималаев, а там уж она так расхвалила-разблаговестила добродетели Хираньякши, что увлеченная ими Мриганкалекха сказала ей: „Коль не добуду, почтенная, я столь достойного мужа, что делать мне с бесплодной жизнью?“ И охваченная неодолимым чувством, проговорила она с подвижницей о нем весь день и пробыла с ней ночь. Здесь же Хираньякша думал о Мриганкалекхе целый день и уснул с трудом. А на исходе ночи явилась ему во сне Гаури и молвила: „Ты — видьядхар, проклятием пророка обреченный жить среди смертных. Но избавишься ты от этого проклятия благодаря прикосновению руки подвижницы — поспеши жениться на Мриганкалекхе! Не надо тревожиться о ней, ибо была она тебе супругой и в прежнем рождении“. С этими словами исчезла Гаури, а он проснулся и на заре, совершив омовение и прочие обряды, пошел в храм Амареша и стал поклоняться ему там, где условлено было встретиться с подвижницей.

А тем временем и Мриганкалекхе кое-как удалось заснуть. И ей во сне явилась Гаури и сказала так: „Благодаря прикосновению руки подвижницы избавится Хираньякша от проклятия и снова станет видьядхаром и твоим мужем!“ И когда утром проснулась Мриганкалекха, поведала она обо всем этом подвижнице. А та выслушала и, вернувшись в мир людей, сказала Хираньякше, ждавшему ее у храма Амареша, и обратилась к нему, коснувшись его рукой: „Ступай в мир видьядхаров, сынок!“ — и подняла его, склонившегося, взяла к себе на руки и взвилась в небо.

И стал тогда Хираньякша князем видьядхаров, и благодаря тому, что спало с него проклятие, вспомнил он прежнее

свое рождение, и сказал подвижнице: „Узнай, что я — князь видьядхаров Амритатеджаса, правящий в стольном городе Ваджракуте, стоящем среди снежных гор. Было когда-то, проклял меня мудрец, рассердившийся на меня из-за моего к нему пренебрежения и обрекший на рождение среди смертных, а ныне кончилось это проклятие благодаря прикосновению твоей руки.

Видя, что проклят я, рассталась моя жена со своим телом, а потом она родилась в образе Мриганкалекхи, и сегодня с тобой я лечу и добуду ее, ибо покончила твоя рука с тяготившим надо мной проклятием!“ Полетела подвижница с видьядхаром Амритатеджаса, повелителем движущихся в поднебесье, на гору Снега.

Увидел он там Мриганкалекху, гуляющую в саду, и она заметила, что он приближается, и узнала его, так как описала его ей подвижница.

И дивное это дело — сначала каждый из них проник в сердце другого через уши, а теперь глаза послужили им дорогой, по которой нет возврата.

Посоветовала ей подвижница: „Теперь, доченька, ступай к отцу и скажи ему обо всем и чтобы свадьба была устроена!“

Немедля пошла та к отцу, стыдливо опустив голову, и сразу же через свою служанку все изъяснила. Ее же отцу, повелителю странствующих в поднебесье, тоже являлась Амбика и про все рассказала, и отец привел Амритатеджаса в свой дворец и отдал ему Мриганкалекху в жены, как полагалось по закону и обычаю.

После этого возвратился Амритатеджаса в свою столицу Ваджракуту, вернув таким образом царство, и стал там жить с женой. А подвижница привела туда из мира смертных Канакакшу, отца Амритатеджаса, и сын, всякими радостями да благами попотчевав его, отпустил на землю и долго и счастливо жил с Мриганкалекхой.

Что какому существу предназначено в его прежней жизни, то безо всяких усилий с его стороны выпадет ему, хотя и кажется недостижимым».

Прослушал Нараваханадатта, жаждущий встречи с Шактияшей, историю, рассказанную Гомукхой, и уснул ночью на своем ложе.

ВОЛНА ДЕСЯТАЯ

Когда же миновал следующий день и снова спустилась ночь, Гомукха ради забавы поведал вот какую историю.

«Было в давние времена в стране сиддхов посвященное Шиве место, называвшееся Дхарешвара, и жил в нем окруженный множеством учеников великий мудрец. Говаривал он своим ученикам: „Если случится вам что-то дивное увидеть или услышать, так непременно мне расскажите!“ Вот и говорит ему однажды после такого наставления один из учеников: „Слыхал я небывалое и расскажу почтенному, а он да соблаговолит выслушать

**о страннике и праведнике,
о якше и его жене, о царе
Синхакше и о том, как
странник из Кашмира
одолеет в споре мудрецов
из Паталипутры⁴⁶**

Есть в кашмирских краях святое место, Шиве посвященное, называвшееся Виджая, и жил там некий странник, гордившийся своей ученостью. Поклоняясь Шамбху⁴⁷, просил он только об одном: „Пусть всегда буду я победителем в спорах!“ Вот отправился он на диспут в город Паталипутру и, по дороге идучи, через леса проходит, через реки переправляется, через горы переваливает. Дошел он до роши, и, утомленный, сел отдохнуть под деревом в прохладе у пруда, и тут вдруг заметил, что пришел туда покрытый пылью дальних странствий с посохом и с плоской для подаяний человек праведный. И когда тот присел, спросил его: „Куда и по какой причине ты идешь?“ Отвечает тот ему так: „Пришел я из Паталипутры, обители мудрости, а направляюсь в Кашмир, чтобы одолеть в споре тамошних мудрецов“. Услыхав

это от праведного, подумал странник: „А не попробовать ли мне прямо здесь одолеть в споре этого жителя Паталипутры? Иначе, добравшись до этого города, как одолею я многих?“ Подумав так, спрашивает странник праведника: „Скажи мне, праведный, не противоречивы ли слова и дела твои? Раз ты праведник, то должен стремиться к избавлению от страданий мирских, а тебя одолевает страсть к победе в спорах. Уж не хочешь ли ты прийти к избавлению через чванство успешного спорщика? Хочешь загасить ты огонь зноем, холод убить хочешь льдом! Хочешь ты, глупец, пересечь океан в лодке из камня, загасить пламя, раздувая его! Достоинство брахмана — невозмутимость, кшатрия — защита незащищенных, тех, кто стремится к избавлению, — покой, а сварливость, помнится, достоинство ракшасов. Поэтому тем, кто хочет достичь избавления, следует быть спокойными и сдержанными, избегать горести споров, остерегаться мирских тревог, а потому подруби дерево страстей топором спокойствия, не поливай это дерево водой гордости от поисков причины“.

Выслушал праведник все это от странника, поклонился ему и, обрадованный, молвил: „Ты, почтенный, мне наставник!“ И как пришел, так и ушел.

Стоял странник, улыбаясь, под деревом, как вдруг изнутри дерева послышалось, как якша перешучивался с женой, и тогда прислушался странник. Вот шуточно хлестнул якша свою жену цветочной гирляндой, а она, озорница, прикинулась, будто умерла, и вся ее родня горько зарыдала. Немного погодя приоткрывает она глаза, будто вернулась к ней жизнь, а муж ее и спрашивает: „Что ты там видела?“ А она, выдумщица, отвечает: „Когда ты меня гирляндой цветочной ударила, обмерла я и увидела, как пришел черный человек с удавкой в руке, с пылающими глазами, ужасный, с торчащими дыбом волосами, и был он столь черен, что тень его окутывала тьмой все четыре стороны света до самого края земли. Он, злодей, привел меня, бесчувственную, во дворец Ямы, бога смерти, а тамошние слуги меня от него избавили, а его самого вытолкали“.

А когда она все это рассказала, засмеялся якша и сказал: „Ни в чем-то женщины обойтись не могут без обмана да выдумок! Кто помирал от удара венком из цветов? Кто возвращался из обители Ямы? Ты, глупая, поступаешь так, как, говорят, поступают женщины из Паталипутры.

Было там такое, что жена тамошнего царя Синхакши вместе с женами главного министра, военачальника, пурохиты и лекаря однажды, в тринадцатый день светлой половины месяца, пошли поклониться Сарасвати, покровительнице той страны. Пришлось им по дороге встретиться с тремя калеками — горбуном, слепцом и хромоногим, и стали калеки у них кланяться: „Нам, убогим, нам, нищим, подайте на лекарство, чтоб избавились мы от хвори. Явите сострадание к страждущим! Мир живых нестойек, как колебание океанской волны, мгновенен, как молний сверкание, мимолетные радости паломничества. В этом мире нестойком стойка только милостыня нищенствующему! И где не наслаждается счастьем тот добродетельный, кто щедр к убогому? Что за радость даяние богатому? Что за радость в пище для сытого? Что за радость от лунных лучей зябнущему? Что за счастье зимой от тучи? Избавьте нас, страждущих, от хворей и горестей!“

Царева жена и все прочие женщины заговорили друг с другом, услыша такое моление страждущих: „Ведь все верно, что эти убогие говорили, и должны мы вылечить их, хотя бы и стоило это нам всего состояния!“ Между собой они так договорились, помолились богине, и, разобрав этих убогих, кто кому пришелся, увели их к себе во дворцы, и заставили своих мужей этих высокодобродетельных убогих лечить дорогими лекарствами, а сами от них не отходили.

Оттого, что все время были они с этими новоявленными богами любви, сошлись они с ними, словно в этих убогих заключался для них весь мир. И что были для них царь и его сановники в сравнении с этими убогими калеками — ослепленный страстью их дух уже ничего не замечал! Но только мужья заметили на телах своих жен царапины от ногтей да следы от зубов, ставшие возможными от невозможных для них объятий любовных с убогими. Стали тогда царь, его военачальник, главный министр и прочие высказывать друг другу свои сомнения, и молвил тогда царь: „Вы подождите, пока я как-нибудь уж дознаюсь от своей жены, в чем дело“. С этими словами отпустил он всех прочих, пошел к себе в покои, и с любовью и опасением спросил раджу у жены: „Кто это тебя укусил в нижнюю губу? Чьи ногти поцарапали тебе грудь? Говори правду, не то не будет тебе ни добра, ни веры!“

Спросил ее раджа так, а она ему в ответ на это ложь: „Ох, несчастная я, хоть и не должно бы говорить, да говорить об

этом чуде придется. Каждую ночь нарисованный на стене муж, держащий в руках чакру и палицу⁴⁸, сходит со стены, ласкает меня, а утром снова на стену возвращается. И это при тебе-то, супруг мой, телу моему, которого ни солнце, ни месяц не видели, такое поношение терпеть приходится!“ Выслушав слова жены, будто преисполненные горечи, поверил ей и решил, глупец, что, верно, это выходка Вишну. Рассказал он об этом главному министру и всем прочим, и те дураки тоже решили, что их жен всемогущий и несокрушимый ласкает, и промолчали.

Вот так озорные распутницы, искушенные в плетении лжи, обманывали своих глупых мужей. Но я-то не такой дурак!“

Смутил якша такими словами свою жену, а странник, стоявший у дерева, все это слышал. Сложил он почтительно руки и обратился к якше: „Пришел я, почтенный, в твоё жильё и теперь ишу твоей защиты. Прости мне, что слышал я все, что ты сказал“. Такой правдивой речью обрадовал он якшу, и тот молвил: „Я — якша, и зовут меня Сарвастханагата Повсюдупобывавший. Доволен я тобой. Говори, чем тебя наградить“. Ответил странник на это гухьяке: „В награду мне не гневайся ни на меня, ни на жену“. Снова заговорил якша: „Уж очень ты меня порадовал. Считай, что я тебе эту награду дал, а теперь говори, чем ещё тебя наградить?!“ И тогда говорит ему странник: „Вот и другой мой выбор — пусть буду я вам обоим с этого дня сыном“. Услыхали это якша и якшини и тотчас же согласились, и якша промолвил: „Хорошо, сынок, будь нам сыном! И по нашей милости да не случится с тобой никогда никакого несчастья, и всегда в споре, в ссоре, в игре будешь ты одерживать верх“. С этими словами якша исчез, а странник поклонился ему, провел там под деревом ночь и пошел в Паталипутру.

Когда же добрался он туда, велел стражнику, чтоб тот возвестил радже Синхакше, что, мол, прибыл из Кашмира мудрец, искушенный в споре, и когда приглашен он был раджей, то вошел и в споре одержал верх над всеми тамошними пандитами.

Разбив их всех благодаря великодушному дару якши, задал он им в присутствии раджи вопрос неразрешимый: „Что бы это значило: „Муж, нарисованный на стене, держащий в руках чакру и палицу, каждую ночь сходит со стены, ласкает

меня, нижнюю губу мне кусает, ногтями царапает мне грудь и снова возвращается на стену?" Вас спрашиваю я! Соболаговолите дать немедленный ответ!" Но никто из мудрецов на этот вопрос ответа не дал, не зная подлинного смысла, и только смотрели друг на друга.

Тогда обратился к нему сам раджа Синхакша: „Разъясни, почтенный, что ты нам сказал!“ И тогда странник разъяснил царю свой вопрос и рассказал о лживой жизни царицы все, что слышал от якши, и посоветовал царю: „Никогда не следует человеку увлекаться женщинами, ибо единственно, что станет ему известно,— как достичь греха!“ Обрадованный царь захотел отдать страннику свое царство, но странник не взял, ибо любил он только свою родную страну, и тогда почтил его раджа, щедро одарив драгоценными камнями. Взял их странник, и вернулся к себе на родину в кашмирские края, и там зажил благодаря награде, полученной от якши, безбедно и счастливо.

И, кончив эту историю, сказал мудрецу ученик: „Слышал я эту историю от самого странника!“ И долго еще удивлялся мудрец вместе с другими учениками этой любопытной истории».

Остановился на этом Гомукха и обратился к сыну повелителя ватсов с такими словами: «Столь причудливы проделки злодеек и деяния творца и жизнь людская! Соизволь послушать теперь

про жену, из-за которой погибло одиннадцать му- жей

Жил где-то в деревне в стране Малава один семейный человек, и родилась у него после двух или трех сыновей дочь. Случилось так, что родив дочь, умерла ее мать, а через некоторое время умер один из его сыновей, а еще немного спустя забодал бык еще одного сына — тоже он умер. Вот и назвал тогда отец свою дочку Тримарика, что значит „погубившая троих“.

Со временем достигла она расцвета юности, и сын богатого купца из их же деревни попросил отца отдать ее ему в жены. Согласился отец, и как положено устроил он праздник.

Сколько-то времени повеселилась она с мужем — только вскоре обратился он в прах. Немного дней прошло, и распутница другого мужа взяла, да и с ним недолго пожила, как беда приключилась. Берет она, от юности хмельная, третьего мужа, да и с этим у ней горе приключается, и теряет она его. Так одного за другим десять мужей она сменила, и смеха ради стали люди ее звать Дашамарика, что означало „сгубившая десятерых“. Хотела было она нового мужа себе выбрать, так и отец и люди ее отговорили, и осталась она в отцовском доме.

Однажды входит в дом красивый юный странник, и с разрешения ее отца остался он на одну ночь гостем. Увидала его Дашамарика, и потянулось ее сердце к нему, да и он при виде ее к ней устремился. Тогда она, устыдившись охватившей ее страсти, сказала отцу: „Я, батюшка, только его мужем выберу! А если и этому суждено умереть, то приму я на себя тяжкий обет“. И когда она это сказала, а странник выслушал, то молвил отец: „Не надо, доченька, стыдное это дело! И так-то десять мужей у тебя умерло. Если и этот помрет, подымут тебя люди на смех!“ Слыша это, отбросил странник стыд и заговорил: „Не помру я. Десять жен померло у меня, так что я с Дашамарикой наравне. Клянусь в этом, касаясь стоп Шивы, увенчанного уложенной косой“. Кого не удивили такие слова странника!

Узнав об этом, собрались старейшины деревни и дали согласие на то, чтобы Дашамарика взяла странника в мужа. Пожила она с ним сколько-то, да забрала его лихорадка, стало его из жары в холод да из холода в жар бросать, и умер он. И стала она Экадашамарика, одиннадцати мужей истребительница, даже для камней посмешищем, и в отчаянии пошла на берег Ганга, и обратилась в подвижницу».

Улыбнувшемуся от этой истории сыну властителя ватсов сказал Гомукха: «А теперь прослушай историю

о трусливом бедняке

Жил где-то в какой-то деревне бедняк, и была у него большая семья, а всего-то богатства на его дворе был один-единственный бык. Был этот человек настолько лишен мужества,

что, даже когда и сам и вся семья из-за отсутствия пищи голодала, от жадности не продал быка, а, отправившись на поклонение богине, живущей в горах Виндхья, устроил перед ней ложе из жесткой и острой травы дарбхи и стал предаваться на нем жестоким подвигам ради ниспослания ему богатства. Вот спит он, и явилась ему во сне богиня и так сказала: „Встань, всегда будет у тебя богатство в виде одного быка. Будешь ты его продавать и всегда будешь жить счастливо!“ На заре он проснулся, поднялся, завершил свой обет, поел и пошел домой. Вернулся он, но все равно не мог этот трусишка продать быка, думая: „Вот продам я его, и ничего у меня не будет, и жить будет не на что!“

Исхудающий от голода, рассказал он о наставлении богини, данном ему во сне, одному умному другу. „Всегда у тебя будет один бык, и, продавая его, ты будешь жить — вот что тебе сказала богиня, а ты, глупец, не понял. Продай этого быка, накорми семью, и будет у тебя другой бык, а после того — новый, а после того — еще!“ Как посоветовал ему друг, так деревенщина и сделал и всегда счастливо жил, продавая одного быка за другим.

Всех судьба награждает по заслугам — так стремись быть решительным, нерешительного не изберет богиня счастья.

Послушай теперь историю

о плуте, выдававшем себя за министра⁴⁹

Был в каком-то городе в южных краях царь Притхвипати, а в его царстве был один плут, живший тем, что выдавал себя за других. Из-за жадных и неумеренных расчетов, недовольный собой, подумал он: „Что я занимаюсь мелким плутовством, которое только пропитание мне добывает?! Почему бы мне не попытаться настоящей, большой удачи?“ Вот так пораскинув мыслями, оделся он богатым купцом, подкупил привратника у царских ворот и был введен им к царю. Преподнес он радже подарок и попросил его: „Должен я кое-что сказать тебе по секрету!“ А тот, введенный в заблуждение одеждой и соблазненный подарком, сказал: „Ладно!“ И велел он всем уйти, и тогда сказал ему плут: „Соблаговоли, повелитель,

каждый день в присутствии всех на мгновение уединяться со мной для разговора, а я за это каждый день буду тебе дарить пятьсот динаров. Больше ни о чем не прошу“.

Выслушал просьбу раджа и подумал: „Что за грех в этом? Ничего от меня он брать не будет, а каждый день пять сотен динаров — мои. И что за беда поговорить с богатым купцом?“ И согласился раджа на просьбу плута и сказал: „Так тому и быть!“ Как плут обещал, так и выплачивал радже динары, сколько было уговорено, а люди думали, что стал он главным министром.

Как-то раз плут, беседуя с царем, все время многозначительно поглядывал в сторону одного придворного, а когда выходил и тот, заглядывая ему в лицо, спросил о причине, тотчас же плут ему придумал такое: „Разгневался царь на тебя: „Вот кто страну мою грабит!“ Поэтому я на тебя и поглядывал. Но я успокою царя“. Сказал так мнимый министр, а тот явился к нему домой и дал тысячу золотых.

На другой день, переговорив с раджей, вошел плут и обратился к подошедшему к нему придворному: „Уместными речами умиловил я раджу. Будь спокоен, все твои грехи я прикрою!“ Так он этого человека подчинил себе и избавил от тревог, и тот его ублажал всяческими подарками. Так же одного за другим подчинил себе вассальных князей, царских сыновей, слуг и чиновников сообразительный плут многими и разнообразными способами и получил от них пятьдесят миллионов золотых. И все благодаря разговору с царем.

Вот однажды с глазу на глаз этот плут-министр и говорит царю: „Давал я тебе, божественный, каждый день по пятьсот динаров и по твоей милости нажил пятьдесят миллионов золотых. Так сделай милость, заberi от меня всю эту кучу золота!“ И с этими словами выложил он перед царем все золото и объяснил ему, как оно досталось. Но раджа с трудом согласился взять у него только половину и назначил его министром. Так-то вот богатство плут скопил на подарках да взятках. Без особого греха сообразительный плут нажил богатство, а достигнув цели, он, подобен тому, кто, выкапывая колодезь, смывает свой грех⁵⁰».

Окончив рассказывать про плута, ставшего министром, сказал Гомукха сыну властителя ватсов: «Ждешь ты теперь соединения своего с возлюбленной, но послушай еще рассказ

о Хемапрабхе и Лакшмисене

Жил в городе Ратнакара, подобном камню драгоценному, царь Буддхипрабха, светоч разума, и был он для врагов яростных, подобных слонам, разъярившимся от течки, грозным львом. Родила ему царица Ратнарекха дочь Хемапрабху, и была Хемапрабха такой красавицей, что во всем мире другой такой не сыщешь. А была она видьядхари, обреченная проклятием родиться на земле. Когда она еще жила на небе, очень любила качаться на качелях. А земной отец боялся, как бы она не упала, и запретил ей качаться, да она не послушалась. Случилось тогда, что отец взял да и отшлепал ее. Из-за такого поношения захотелось царевне уйти в лес. Под предлогом прогулки пошла она в сад, что был за городом, и в то время, как слуги напились пьяными, вошла в лесную чащу и исчезла из виду. Далеко-далеко зашла она в лес, выстроила себе хижину, стала питаться одними плодами да корнями лесными и поклоняться Харе.

А отец ее, раджа, как только узнал, что куда-то она ушла, послал ее разыскивать, да не нашли ее, и горько горевал он. Много времени прошло, и, смирив горе сердечное, отправился царь Буддхипрабха поразвлечься охотой и во время гоньбы по воле случая так далеко забрался в лес, что добрался до того места, где дочь его Хемапрабха подвижничеством занималась. Увидел он хижину, подошел к ней, заглянул внутрь и неожиданно увидел свою дочь, истощенную подвижничеством. Она же, его заметив, поднялась и кинулась ему в ноги, и отец ее обнял и со слезами усадил себе на колени. Долго не видели они друг друга и так рыдали, что даже газели в лесу прослезились. А после этого, успокоившись, сказал раджа дочери: „Зачем, доченька, покинула ты царственное счастье? Откажись от лесного житья, вернись к своей матушке!“ Но Хемапрабха так возразила на это родителю: „Это, батюшка, мне судьбой предназначено. Что я могу поделать? Не вернусь я домой наслаждаться довольством, не откажусь я от счастья подвижничества“. И, говоря так, нисколько не отступила она от своего решения. Тогда велел раджа выстроить для нее храм прямо в лесу. Вернулся он в столицу свою и велел посылать дочери каждый день пищу вареную и деньги, чтобы было на

что гостей принимать, и Хемапрабха всегда гостей едой потчевала и деньгами одаривала, а сама, как и прежде, питалась одними плодами да кореньями.

Однажды пришла в обитель к этой царевне странница, соблюдавшая обет девственности. Почтила ее Хемапрабха, приветила и спросила, по какой причине стала она странницей. И вот что та рассказала: „Однажды еще девочкой растирала я ноги отцу обеими руками и замешкалась — глаза мои сон смежил. Тогда отец ударил меня ногой: „Ты что, спишь. что ли!“ В гневе ушла я из дома и стала странствовать“. По рассказу странницы увидела Хемапрабха, что одинаковы их судьбы, и это ей понравилось, и сделала она странницу своей подругой.

Однажды утром рассказывает она подруге: „Знаешь. милая, приснилось мне сегодня, будто переправилась я через широкую реку, а потом взобралась на белого слона, а после этого взошла на гору и увидела там в обители повелителя нашего, супруга Амбики⁵¹. Взяв вину, стала я перед ним петь и играть и увидела, что явился тогда муж дивного облика. Когда же я его увидела, то вместе с тобой вознеслась на небо. Как раз на этом месте я и проснулась, да тут и ночь кончилась“. Выслушала Хемапрабху подруга и молвила ей: „Видно, ты, счастливица, дева небесная, проклятием обреченная жить на земле, а сон этот говорит, что приближается конец твоему проклятию“. Обрадовалась царевна этим словам подруги.

А потом, когда взошло солнце, светильник мира, прискакал туда верхом на коне какой-то царевич, и, только увидел он Хемапрабху, одетую в лубяные одежды, как родилась в его сердце любовь, и соскочил он с коня и, приблизившись, поклонился ей. Она же устроила ему, как гостю, угощение и предложила сесть, и зародилось у нее влечение к нему, и спросила она: „Кто ты, достойный господин?“ Отвечал ей на это царевич: „Есть, достойная, могучий царь Пратапасена, по заслугам носящий это славное имя. Совершил он однажды ради достижения сына тяжкие подвиги перед Харой, и тот, милостивый, так ему сказал: „Будет у тебя сын, воплощение видьядхара, и по истечении срока проклятия, тяготеющего над ним, вернется он в мир видьядхаров. Будет у тебя еще один сын, и тот продолжит твой род и унаследует царство“.

После такого наставления Шамбху кончил царь свое подвижничество, и со временем родился у него сын, нареченный Лакшмисеной, а затем другой, которому дали имя Шурасена.

Узнай, прекрасная, что я и есть тот самый Лакшмисена, и выехал я сегодня на охоту, и мой конь, быстрый как ветер, принес меня сюда“. После того как рассказал он ей все это, спросил и он ее, и она рассказала ему о себе, и тогда вдруг вспомнила Хемапрабха, кем прежде была, и, обрадованная сказала: „Как только тебя увидела, вспомнила я про прежнее рождение свое и все знания ко мне вернулись. Я — видьядхари, проклятая вместе с этой подругой, ты же, видьядхар, проклятый вместе со своим советником, и ты мне муж, а твой советник — муж моей подруги. Кончается проклятие, тяготевшее над мной и над подругой моей, и все мы встретимся в видьядхарском царстве“. При этих словах вернулся к ней и к подруге дивный облик видьядхари, и вознеслись они на небо.

Лакшмисена с удивлением смотрел на все это, а тем временем прискакал туда разыскивавший его советник, и, пока царевич рассказывал другу о том, что здесь случилось, прибыл туда раджа Буддхипрабха, соскучившийся по своей дочери. Дочери он не увидел, но увидел Лакшмисену и спросил о ней. Рассказал ему царевич обо всем, чему был свидетелем, и Буддхипрабха огорчился, а Лакшмисена с советником вспомнили, так как кончилось тяготевшее и над ними проклятие, свое прежнее рождение и небесным путем унеслись в мир видьядхаров. Обретя там жену свою Хемапрабху, вернулся Лакшмисена к Буддхипрабхе и, попрощавшись, отпустил его к себе домой. С супругой и с советником Лакшмисена поспешил к отцу своему Пратапасене и рассказал, что с ним было, и тот отдал ему по праву наследования царство, но Лакшмисена передал его младшему брату Шурасене, а сам вернулся в свою видьядхарскую столицу и там долго наслаждался вместе с Хемапрабхой и со своим другом счастьем и властью над видьядхарами».

Так слушал рассказываемые Гомукхой один за другим рассказы божественный Нарахаванадатта, хоть и ждал с нетерпением приближающегося мига свадьбы с Шактияшей. Провел он и эту ночь, сотканную из множества мгновений, словно один миг. Так развлекаясь, проводил дни царевич, пока не пришел день свадьбы, когда он, стоя около отца своего, владителя ватсов, внезапно увидел спустившееся с небес нестерпимо сверкающее полчище видьядхаров, а среди них князя видьядхаров Спхатикаяшаса, желавшего отдать ему в жены свою дочь. Приблизившись, поклонился ему Нарахаванадатта

как будущему тестю. Тогда властитель всех движущихся в поднебесье, тотчас же показав подобающую ему божественную щедрость, осыпал Нараваханадатту благодаря силе своей волшебной драгоценными камнями и отдал, как полагалось по обычаю, царевичу в жены дочь свою Шактияшу, обещанную тому прежде.

Нараваханадатта же, обрета дочь повелителя видьяхаров Шактияшу, истинную славу, порождаемую мощью, расцвел, словно лотос, впитавший сияние солнца. Когда же вернулся в свое царство Спхатикаяшас, стал жить сын повелителя ватсов в славном городе Каушамби, уподобившись шмелю, вьющемуся над лотосом уст Шактияши.

«ОКЕАН СКАЗАНИЙ»

Карта всемирной литературы все еще изобилует белыми пятнами даже в тех областях, которые усиленно изучаются, как, например, древнеиндийская литература, уже почти двести лет. Как в истории географических открытий случалось забывать исследователям об однажды уже открытых островах или горных хребтах, а затем снова обращаться к, казалось бы, уже пройденному пути и снова изумляться открывающемуся перед ними величественному пейзажу, так и здесь случалось забывать и затем вновь открывать некоторые замечательные памятники всемирной литературы. Так произошло и с уникальным по художественному и историческому значению произведением — сказочным эпосом «Катхасаритсагара», или «Океан сказаний», созданным кашмирским поэтом Сомадевой в XI в. (между 1063 и 1082 гг.).

Впервые в Европе о нем стало известно в 1824 г. — видный английский индолог Х. Х. Вильсон изложил его содержание и выступил с восторженной оценкой этого произведения. Он пересказал содержание первых пяти книг.

Затем в 1839 г. германский индолог Г. Брокгауз перевел на немецкий язык первые пять книг. После этого лишь в 1880—1884 гг. Ч. Тони опубликовал первый полный перевод на английский язык. В 1889 г. был издан санскритский текст памятника, до сегодняшнего дня остающийся лучшим его изданием. Вслед за этими публикациями появился ряд исследовательских работ, и в том числе замечательное исследование Ф. Лакота «Очерк о Гунадхье и „Брихаткатха“, изданное в 1908 г.

Затем снова наступает время некоторого забвения, и только после завоевания Индией независимости, когда культурное возрождение становится неотъемлемой составной частью происходящих в стране глубоких исторических преобразований, к «Океану сказаний» снова пробуждается интерес.

Время создания «Океана сказаний» для Кашмира было порой тяжелой. Не только историки Кашмира, но и поэты и писатели запечатали

картину жизни страны, переживавшей кровавые потрясения. Народ, обремененный налогами и податями, нещадно эксплуатировался феодальной бюрократией. И тем не менее из его среды в конце I — начале II тысячелетия вышла блистательная плеяда великопепных поэтов, писателей и ученых. Кашмир стал важным центром культуры и науки, а такие деятели культуры и литературы, как Бхамаха, Абхинавагупта, Кшемендра, Сомадева, Маммата, Руйяка и другие, приобрели общендийское значение.

Литературным памятникам, созданным в Кашмире на санскрите, присуще четко выявленное свойство — любовь их авторов к своей родине, стремление возвысить ее, запечатлеть не только красоту ее природы, но и великопепное многообразие народных типов. Все это можно определить как отражение в литературе первых ростков национального чувства, патриотического начала. Особенно ярко проявилось оно в творчестве таких классиков древнеиндийской литературы, как Кшемендра, Сомадева и Калхана, — как раз в силу выявления этого начала их можно рассматривать и в качестве предвестников национальной кашмирской литературы.

Сведения о личности создателя «Океана сказаний» — поэта Сомадевы крайне скудны. Как он говорит в заключительных строках своего произведения, написано оно было для развлечения Сурьямати, матери Калаши, царя Кашмира, и бабушки царя Харши. Это может свидетельствовать о том, что Сомадева принадлежал к непосредственному окружению царя. Но каков бы ни был повод, побудивший поэта написать «Океан сказаний», он создал памятник, исключительный по художественной ценности и идейной значимости. В этом произведении запечатлелось сюжетное, художественное и композиционное богатство литературной традиции народов Индии, и, что не менее важно, в нем сохранилось до нашего времени множество фольклорных произведений. Считается, что в «Океане сказаний» свыше 350 сюжетов. Практически же их намного больше, поскольку чуть ли не каждое имя, встречающееся в «Океане», влечет за собой вереницу связанных с ним сказаний.

Что же представляет собой «Океан сказаний»?

Это весьма своеобразное произведение — его трудно отнести к какому-либо определенному жанру. Прежде всего потому, что в берега этого «Океана» влито все богатство жанров повествовательной литературы и лирической поэзии (от самого незамысловатого анекдота до эпопеи или романа) и все разнообразие жизненных ситуаций (от забавного случая с глупцом до самых напряженно-трагических событий, затрагивающих целые народы и страны).

Сомадева опирался в своем сочинении на длительную литературную традицию, связанную с именем поэта Гунадхьи и его произведением «Брихаткатха» («Великий сказ»), не сохранившимся до наших дней, а может быть, просто еще не найденным. Сказания о царе Удаяне были известны уже Калидасе (V в.). Такие авторы VII в., как знаменитые романисты Бана и Дандин, с восхищением упоминают об этом поэте и о его произведении как образцовом. И тот и другой испытали на себе его влияние. Теоретик литературы Бхамаха, живший, видимо, в конце VI — начале VII в., упоминает о царе Удаяне и о его сыне Нараваханадатте — двух главных действующих лицах «Великого сказа». В X в. Дхананджая в своем трактате о драматургии «Дашарупа» рекомендует авторам пьес обращаться за сюжетами к «Великому сказу» наравне с «Рамаяной».

Сомадева в I книге «Океана сказаний» рассказывает трагическую историю Гунадхьи и его творения¹, как бы вводя этим читателя в свое собственное произведение. Первая книга так и называется — «Вступление к рассказу» — и открывается строфой о том, что «те, кто без промедления вкусят сладость океана рассказов, возникших из уст Хары, взволнованного страстью к дочери великого Повелителя гор, — а сладость их воистину подобна животворной амрите, извлеченной богами и асурами из глубин Молочного океана, — те беспрепятственно обретут богатства и еще на земле достигнут сана богов». Далее автор называет составляющие «Океан сказаний» книги и, определяя свою творческую позицию, пишет: «Все, что содержится в „Великом сказе“, сохранил я в своей книге. Все, о чем поведал Гунадхья, пересказано мною точно, без отступлений — только слишком обширные рассказы сделал я короче, да и к тому же писал на другом языке: средоточие добродетелей, Гунадхья, писал на пайшачи, а мое сказание — на санскрите. Как тот, следовал я принципу уместности, воплощенному в „Великом сказе“, и если вставлял в повествование рассказы, то лишь так, чтобы не нарушать его стиля. Не в погоне за славой ученого, но только ради того, чтобы легче было постичь хитросплетения различных рассказов и повестей, взялся я писать эту книгу»². Отсюда можно заключить, что он воспроизвел сюжетную канву полностью, хотя и сократил некоторые, по его мнению слишком пространные, рассказы. При этом он изменил язык, т. е. сделал то, что мы теперь называем «переводом».

Основной творческий принцип Сомадевы — *лучитъя* — уместность, т. е. соответствие художественных средств предмету художественного

¹ Сомадева, Повесть о царе Удаяне, М., 1967, стр. 21—65.

² Там же, стр. 21.

воспроизведения. Аучитья теоретически обоснована Кшемендрой. Из слов Сомадевы следует, что принцип этот был воплощен еще в самом «Великом сказе». То обстоятельство, что Кшемендра сам предпринял обработку «Великого сказа»³, видимо, сыграло известную роль в теоретической разработке самого принципа аучитья, которому этот предшественник Сомадевы посвятил специальный трактат.

«Океан сказаний» распадается по содержанию на три неравные части — первая, уже упоминавшаяся история Гунадхьи и его произведений, изложенная в I книге, вторая — история царя Удаяны, занимающая II—V книги, и, наконец, основная часть — грандиозный роман о сыне Удаяны, царевиче Нараваханадатте, которому сам Шива предрек стать верховным повелителем видьядхаров, гениев индийской мифологии, воплощения беспредельных возможностей человеческой мысли. Сомадева мотивирует свое обращение к этим мифическим существам словами бога Шивы: «Всегда счастливо живут боги, люди же всегда несчастны. Из-за трудностей людская жизнь не может быть интересной, а потому расскажу я тебе о жизни видьядхаров, в которых слилась и человеческая и божественная природа». Поэт, однако, не вполне точен в этом отношении — наиболее интересны для него именно люди, а что касается богов, то он их настолько приземляет, настолько очеловечивает, что они начинают мало отличаться от людей. Лишь когда Сомадева обращается к жанрам, требующим особого подчеркивания божественной природы, например к молитвам, или когда он пользуется — причем именно пользуется — традиционно-каноническими описаниями богов, уже сложившимися в религиозной традиции, тогда, естественно, боги суть боги. Несмотря на широкий мифологический фон, нельзя не отметить в целом рационалистический тон повествования. Более того, допустимо предположить сознательно поставленную автором перед собой задачу прославления человеческого разума. Об этом в большой степени свидетельствует занимающий центральное положение во всем «Океане сказаний» эпос об асурах, этом своеобразном племени Прометеев, вместе с людьми противостоящих богам.

«Океан сказаний» в известной мере подражает «Махабхарате» — как и она, творение Сомадевы состоит из восемнадцати книг. Здесь достаточно много схождений, которые не так уж сложно проследить, но не в этих схождениях — сюжетных, композиционных, художественных — суть; гораздо важнее различие. Оно же состоит не в утверждении божественного, или имманентного, начала в качестве движущей силы жизни, а в ощущении того, что такой силой являются челове-

---

³ K s e m e n d r a, Brhatkathamajari, Bombay, 1901.

ские интересы. Это сказывается на судьбах героев Сомадэвы и на их характерах.

Если вычленить сюжет, касающийся основных героев повествования — Удаяны и Нараваханадатты, то он не столь уже сложен.

«Океан сказаний» открывается рассказом об истории поэта Гунадхьи и созданного им «Великого сказа». Вот что там рассказано.

Захотела Парвати, супруга могучего Шивы, послушать сказку, прежде не слышанную ею, и обещал ей супруг поведать историю о видьядхарах. Чтоб никто не мог услышать эту историю, велел Шива быку Нанди никого не пускать в его покои. Стоило Шиве приступить к повествованию, как его любимый слуга Пушпаданта, несмотря на старания Нанди, пробрался в покои Шивы и подслушал, как тот рассказывал Парвати историю о семи видьядхарах. Вернувшись к себе, он все пересказал своей жене Джае, а та была подлинной женщиной и не могла сохранить услышанное в тайне — взяла она и передала тот самый рассказ Парвати.

Разгневалась Парвати и упрекнула Шиву: «Что же это за новая история, если даже Джая ее знает!» Сразу же догадался всемогущий бог, что то проделки Пушпаданты. Прокляла Пушпаданту Парвати и обрекла его на жизнь среди людей. Когда же Мальяван, другой их слуга, вступился за него, то и того постигла та же кара. Все трое — Пушпаданта, Мальяван и Джая — стали умолять богиню о прощении, и смягчилась Парвати, но не могла уже отменить проклятие, а только уменьшила его срок: когда, родившись человеком, Пушпаданта встретится в горах Виндхья с пищачем Канабхути и расскажет ему о всех своих злоключениях, освободится он от проклятия. Потом с Канабхути встретится Мальяван, расскажет ему свою историю и также освободится от проклятия.

Минуло несколько дней, и спросила у Шивы Парвати, где и кем родятся проклятые ею слуги. Молвил в ответ Шива, что Пушпаданта родится в Каушамби под именем Вараручи и будет великим ученым, а Мальяван родится в городе Супратиштхита, будет зваться Гунадхьей и станет поэтом.

После этого повествования Сомадэва переносит нас на землю, и мы узнаем о встрече Канабхути и Вараручи, бывшего Пушпадантой, во время которой последний рассказывает Канабхути о своей прошлой жизни и об основании города Паталипутры. В повествование вводятся новые действующие лица, в том числе знаменитый грамматист Панини, рассказывается о том, как Вараручи стал министром царя Нанды, повествуется о борьбе за власть между придворными и о смерти царя Нанды в результате заговора брахмана Чанакьи (Каутильи).

Встречается с Канабхути и Мальяван, родившийся под именем Гунадхьи. Он обращается к Канабхути на языке пайшачи и просит Канабхути передать ему все, что тот слышал от Пушпаданты-Вараручи, но Канабхути просит его самого поведать, что с ним случилось за время земной жизни. Гунадхья-Мальяван рассказывает обо всем пережитом, о том, как попал он ко двору царя Сатаваханы, заслужил благоволение министров, а потом и сам стал министром, женился и счастливо зажил.

В ответ Канабхути пересказал ему на том же пайшачи все услышанное им от Пушпаданты-Вараручи и благодаря этому также избавился от проклятия. Гунадхья же решил, что если он все это повествование поведает миру, то тоже избавится от проклятия. Целых семь лет писал он на языке пайшачи, и составило написанное им семьсот тысяч двойных стихов. Послал Гунадхья с учениками все записанное им царю Сатавахане. Но высокомерный Сатавахана, считавший, что кроме как на санскрите ни на каком другом языке не должно писать, отправил все обратно Гунадхье. Убитый горем поэт пошел в лес и стал жечь свое сочинение лист за листом, но, прежде чем бросить лист в огонь, он прочитывал его зверям и птицам. Так он и сжег почти всю рукопись. Лишь роман о царевице Нараваханадатте, уступив просьбам учеников, оставил он несожженным.

Как раз в это время заболел царь Сатавахана, и лекари сказали, что причина этой болезни — сухое мясо, которое царь употреблял в пищу. Царские слуги потребовали к ответу поваров и охотников, а те ответили, что в лесу какой-то брахман рассказывает зверям и птицам всевозможные истории. Эти истории так интересны, что звери и птицы пить и есть перестали и день ото дня их мясо становится все суше и суше. Узнав это, царь сам отправился в лес и услышал, как Гунадхья читает свои рассказы, и увидел, как поэт сжигает их. Захотел царь послушать эти рассказы, и благодаря этому сохранилась история царевицы Нараваханадатты в ста тысячах шлок.

Так изложена в «Океане сказаний» история создания «Великого сказа».

Но что же собой представляет история царевицы Нараваханадатты, составляющая основное содержание «Океана сказаний»? Она несложна, если мы вычленим тот стержень, на который нанизано повествование: у царя Удаяны, правящего в Каушамби, и его супруги Васавадатты рождается сын — царевиц Нараваханадатта. Ему предназначено самим Шивой стать верховным повелителем видьядхаров. В компании сверстников — сыновей министров его отца — Нараваханадатта переживает многочисленные приключения, в ходе которых (или отдыхая от которых) он выслушивает множество историй, а иногда и сам оказывается

их непосредственным участником. Он влюбляется в Маданаманчуку, дочь Калингасены, оказавшейся некогда соперницей Васавадатты. Против воли Удаяны он женится на Маданаманчуке, но ее похищает повелитель видьядхаров.

Царевич Нараваханадатта в своих похождениях покоряет все новые и новые царства видьядхаров и людей. Всякий раз, во исполнение пророчества Шивы, правитель очередного покоренного царства отдает ему в жены свою дочь. После длительных странствий Нараваханадатта сам становится повелителем всех видьядхаров и соединяется с Маданаманчукой.

Однако этот сюжет лишь только форма организации всего исключительно богатого повествовательного материала, использованного автором. Мировая литература знает немало произведений, в которых такая форма применена, — «Тысяча и одна ночь», «Декамерон». Но в «Океане сказаний», как, пожалуй, нигде больше, мы встречаемся с героями, легко переселяющимися из рассказа обрамления во вставные рассказы или проходящими через серию вставных рассказов и образующих таким образом относительно самостоятельные циклы. На основе циклов, сложившихся в фольклоре, возникают так называемые «народные повести», родственные «народным книгам» европейских литератур. Тематические циклы, возможно, дали в дальнейшем основу для их выделения в самостоятельные книги и т. д. Словом, жанровое разнообразие этого памятника буквально беспредельно.

Основная композиционная схема такова: некто рассказывает собеседнику для поучения или развлечения некую историю, герои которой в свою очередь могут обмениваться подобными же поучительными и развлекательными историями; сами рассказываемые истории могут быть нейтральны по отношению к собеседникам: решение конфликта, заключенного в них, может быть вложено в уста участников разговора («Двадцать пять рассказов Веталы»); в них могут приводиться дополнительные аргументы, необходимые для решения конфликта или предлагаться условия для развития действия рассказа обрамления. Наряду с отдельными рассказами, легендами, повестями, сказками, анекдотами «Океан сказаний» содержит и целые самостоятельные книги, возникшие задолго до его написания. Так, в «Океане» мы находим, например, «Панчатантру»⁴, перевод которой был сделан на среднеперсидский еще в 567 году н. э., или «Двадцать пять рассказов Веталы»⁵, или уже

---

⁴ «Панчатантра», пер. с санскр. и прим. А. Я. Сыркина, М., 1958.

⁵ «Двадцать пять рассказов Веталы», пер. Р. О. Шор, Л., 1939. «Двадцать пять рассказов Веталы», пер. И. Серебрякова, М., 1958.

упоминавшийся ранее эпос об асурах, нигде в такой полноте не сохранившийся. Они могут быть включены целиком, как, например, «Двадцать пять рассказов Веталы», или «Панчатантра», могут быть расчленены на более или менее самостоятельные циклы (Сандживака и Пингалака, война сов и ворон) или даже на отдельные рассказы.

Впитывая опыт предшествующего фольклорно-литературного развития, «Великий сказ» и его позднейшие варианты служили в свою очередь источником, из которого черпали сюжеты и образы поэты и писатели народов Индии. Одним из ярких примеров обращения к «Великому сказу» явился роман Баны «Кадамбари» (VII в.). Для него прототипом послужила «Повесть о царе Суманасе», видимо, входившая в состав «Великого сказа». Судя по «Океану сказаний», повесть представляет довольно точную сюжетную параллель роману Баны.

Главная черта «Океана сказаний» — отражение в нем действительной жизни той эпохи. Возьмем небольшую повесть «О плуте, выдававшем себя за министра». Ведь здесь мы имеем дело с ситуацией реальной, зарегистрированной не только народной памятью, но и исторической хроникой Калханы и другими литературными произведениями, в том числе предшествовавшими «Океану» сатирами Кшемендры. Схождение со многими позднейшими сатирическими произведениями на ту же тему, например с «Ревизором» Н. В. Гоголя, не случайно. Но в известном смысле Сомадева оказывается более язвительным и беспощадным сатириком и исключает разоблачение плута со стороны властей или самого царя. Для Кашмира, где феодальная бюрократия особенно ярко продемонстрировала свой паразитический характер, появление произведения на такого рода сюжет было вполне актуальным, прямым откликом литературы на жизненные явления.

Но ведь не одни цари и бюрократы жили в Кашмире. Калхана среди многочисленных портретов исторических личностей нарисовал интереснейший образ чандалы Суйи. В кастовой иерархии чандалы, согласно традиции, — потомки браков между мужьями-брахманами и женами из сословия шудр — занимали одно из самых низших и презираемых мест.

В конце IX в. в Кашмире занял престол царь Авантиварман, сумевший упрочить экономическое и политическое положение страны. Во время его царствования Кашмиру пришлось пережить подряд несколько лет катастрофических наводнений и вызванного ими постоянного голода. Положение народа было крайне тяжелым. Ни сам Авантиварман, ни кто-либо из его приближенных не могли найти выхода. Калхана рассказывает, что единственным человеком, сумевшим это сделать, оказался чандала Суйя. Длительное время он повсюду говорил, что у

него есть план, как спасти страну от несчастий, но для этого ему нужны средства.

Несмотря на сопротивление придворных, Авантиварман не только выслушал Суйю, но и предоставил в его распоряжение необходимые деньги. И Суйя создал грандиозные по тем временам гидротехнические сооружения, построил плотины и отводные каналы, осушил большую территорию и обратил ее в пахотные земли, расселил на ней крестьян, основал новые деревни. Там, где прежде, по словам Калханы, даже в самые урожайные годы цена меры риса не спускалась ниже 236 динаров, теперь благодаря Суйе она была равна всего лишь 35 динарам. Авантиварман сделал Суйю своим министром, а народ прозвал его воплощением «бога пищи».

Не порождены ли замечательным трудовым подвигом Суйи многочисленные у Сомадевы образы ремесленников? Обратитесь к «Повести об искусных плотниках Пранадхаре и Раджьядхаре». Чего не могут эти мастера? Да они могут все — был бы только инструмент! Не случайно одного из них Сомадева назвал Пранадхара, т. е. «опора жизни», а другого — Раджьядхара, т. е. «опора царства». И справедливо — без мастеровых никуда не денешься!

Случись плотнику оказаться одному на необитаемом острове — он населяет его механическими людьми. Грозит опасность — и он спасается от нее на построенном им самим воздушном корабле. И, как правило, торжествуют у Сомадевы герои, обладающие действенным, активным умом.

Но наряду с этим мы сталкиваемся и с немалым количеством рассказов, повестей, сказок, где действуют рок, судьба, которым подвержены все — и даже сами боги, за исключением, правда, Шивы. Судьба оказывается сильнее богов, и от нее спасения нет. Карма, учение о перерождениях души, о том, что судьба человека в данном рождении предопределена добрыми или дурными поступками, совершенными в прошлых рождениях, и что его нынешнее поведение воздействует на его грядущие рождения, весьма искусно используется Сомадевой в интересах построения сюжета. Именно это позволяет ему свободно передвигать своих героев во времени, из касты в касту, отца и сына в настоящем делать в прошлом братьями и т. д. И все же судьба судьбой, а человек у Сомадевы настойчиво хочет оказаться сильнее судьбы, сильнее предопределения — он хочет стать хозяином своей судьбы. Правда, на пути его желаний громоздятся традиционные верования, предрассудки, темные, не понятые еще им силы. Мудрый Нагарджуна, желавший сделать жизнь человека вечной, оказывается не в состоянии одолеть именно эти силы, обрекающие его на гибель. Особенно интересно и весьма нежи-

данно для произведения, созданного в XI в., что эти силы не витают где-то в потустороннем мире, а действуют, как правило, внутри человеческого общества.

Но при всей жизненности ситуаций, при том, что в «Океане сказаний» нашла высокохудожественное отражение действительная жизнь, нет оснований ожидать от этого произведения сколько-нибудь точного воспроизведения исторических фактов. Это прежде всего произведение художественное, и в нем, как реальные факты современной автору жизни, так и достоверные факты прошлого (например, свержение династии Нандов основателем династии Маурья Чандрагуптой) служили только лишь материалом для искусного построения сюжета или образа.

Через сто лет после Сомадевы создает свою хронику Калхана. Сомадева выступает в первую очередь как художник, Калхана — как историк, но вместе с тем первому присущ историзм в той же мере, в какой Калхане присуща художественность. Сомадеве необходима жизненная достоверность, поскольку он следует принципу аучитья (уместность), Калхана обращается к этому же принципу для того, чтобы его художественность не нарушила историческую достоверность.

«Океан сказаний» написан на санскрите. Не раз писалось во множестве исследований, что санскрит — язык мертвый, и обращение автора к нему обрекало произведение на существование в своих собственных рамках или в лучшем случае в несколько более широких рамках того слоя, для которого санскрит был профессионально необходим, т. е. для брахманского, жреческого сословия. Конечно же, такой круг поневоле узок, и вряд ли можно было бы говорить о всенародном значении произведения. Однако для Кашмира XI—XII вв. круг читателей произведений на санскрите был много шире. Официальное положение санскрита как языка не только храма, но и делопроизводства выводило санскрит за рамки культа. Это во-первых. Отсюда же следовало и во-вторых — разбухшая бюрократическая прослойка размывала традиционные границы применения санскрита. К сожалению, вопрос о языковой ситуации в Кашмире в те достаточно отдаленные времена остается все еще плохо изученным, и мы не можем сказать, конкурировал ли там с санскритом в качестве делового языка какой-либо другой язык. Тем не менее, судя по литературным данным, санскрит в Кашмире использовался широко.

Сомадева опирался на всю предшествующую литературную традицию кашмирцев и других народов Индии, он был подлинным мастером художественного слова. Санскрит «Океана сказаний» прозрачен, и разве только там, где Сомадева хотел блеснуть особенно замысловатой метафорой, эта прозрачность мутнеет, язык оказывается не менее усложненным, чем у некоторых из его предшественников, потрясавших читателей

и слушателей необычной виртуозностью в построении стиха. Но для Сомадевы это в общем редкое исключение. Для него характерно иное — редкостное стилистическое многообразие, определявшееся характером его произведения. И действительно, мы встречаемся в «Океане сказаний» с самыми примитивными анекдотами, где сюжет сведен чуть ли не к абсолютно оголенным, лишенным какого бы то ни было собственно художественного оформления сцеплениям двух-трех мотивов. Но здесь же перед нами предстают и образцы других жанров, в каждом из которых Сомадева пользуется стилем, объективно необходимым и для избираемого им жанра и для разрабатываемого в этом жанре сюжета.

Сомадева писал на санскрите. Сколь бы ни была широка сфера этого языка в Кашмире, он все же не мог заменить общенародного языка; исторические же условия той поры еще не создавали возможности для подъема языка или языков и диалектов, на которых говорили кашмирцы того времени, на уровень литературного языка. Кашмирская литература на санскрите после блистательной кульминации в XI—XII вв. оказалась обреченной на угасание.

Судьба творения Сомадевы, однако, оказалась не затронутой этим процессом. «Океан сказаний» начинает двигаться по стране. История этого движения мало изучена. Полагают, что послуживший образцом для «Океана сказаний» «Великий сказ» Гунадхьи еще в VI в. был переведен на санскрит царем Дурвинитой из династии Ганга, правившей в Андхре. Один из индийских филологов выступил с утверждением, что «Великий сказ» был переведен на древнетамильский язык еще во II в. до н. э. и назывался «Удаянанкадаи» (т. е. «Повесть об Удаяне») или «Перунгадаи» (т. е. «Большой рассказ»). Видный знаток тамильской литературы проф. Вайяпури Пиллаи считал, однако, что «Перунгадаи» не мог быть написан ранее VIII в. Но это — предположения, которые пока еще доказаны быть не могут, поскольку нет достаточно надежных представлений о датировке самого «Великого сказа».

Довольно давно — еще в конце прошлого века — было обнаружено написанное на языке махараштри, предшественнике современного маратхского языка, пространное повествовательное сочинение в прозе «Васудевхинди», т. е. «Странствование Васудевы», относящееся к V—VI вв. Автор его — джайн Сангхадасагани. Индийские исследователи В. Агравал⁶ и С. Н. Дасгупта⁷ полагают, что это есть не что иное, как джайнская

---

⁶ Mahakavi Somadeva, Bhatta-viracita Kathasaritsagara, Patna, 1960, стр. 8—12.

⁷ S. N. Dasgupta, S. K. De, A history of Sanskrit literature Classical period, vol. I, Calcutta, 1962.

версия романа о Нараваханадатте, с той разницей, что Сангхадасагани вместо Нараваханадатты сделал своим героем Васудева из рода Андхакавришни, отца Кришны. Композиция и основной сюжет, множество совпадений во вставных рассказах убеждают в том, что на этом произведении сильнейшим образом сказалось влияние «Великого сказа». Оно, однако, еще сильнее сказывается в продолжении этого сочинения, созданном примерно лет на сто позднее другим джайном — Дхармадасагани. Во всяком случае, это еще одно важное звено в истории «Великого сказа», предшествующее кашмирским переработкам, и, что особенно важно, написано это произведение на пракрите махараштри. Возможно, что эти произведения на махараштри оказались вехами на пути «Великого сказа» на юг. Имеются упоминания о переводе «Васудевхинди» на тамильский язык. Произведением, составляющим весьма важное звено в истории «Великого сказа», явилось «Брихаткатхашлокасамграха» («Избранные шлоки Великого сказа») поэта Буддхасвамины, жившего предположительно в VIII—IX вв. «Брихаткатхашлокасамграха» близко стоит к «Васудевхинди» и сосредоточивает внимание на похождениях сына царя Удаяны царевича Нараваханадатты.

С гораздо большей определенностью можно говорить о том, как переводился «Океан сказаний». Некий Ахмад Кашмири переводит «Океан сказаний» для султана Зейнул Абидина (1420—1470) с санскрита на фарси, а в XVI в. по велению Акбара Абдул Кабир Бадаюни (ум. в 1595 г.) создает новый перевод «Океана» и называет его «Афсанхахинди» («Индийские сказания») ⁸. «Океан сказаний» воздействует на творчество многих авторов — поэтов и прозаиков позднейшего времени. Он отражается в многогранном творчестве пенджабского поэта гуру Говинда, десятого гуру сикхов. «Океан сказаний» в своих определенных частях оказывается источником самостоятельных разработок сюжетов или переработок отдельных книг из его состава. Здесь, однако, встает немаловажный вопрос — не сталкиваются ли иногда такие произведения, отпочковавшиеся от «Великого сказа» еще до возникновения «Океана сказаний», с теми, которые были порождены им самим или возникали самостоятельно? Таковы, например, «Двадцать пять рассказов Веталы», целиком входящие в состав «Океана сказаний». Анализ их прозаической версии, созданной Джамбхаладаттой (XVI в.), показывает, что они непосредственно основываются на «Океане сказаний» — об этом свидетельствуют и язык, и стиль, и даже наличие пассажей, представляющих собой прозаизацию стихотворного текста Сомадевы.

---

⁸ Г. Ю. Алиев, Персоязычная литература Индии, М., 1958, стр. 15, 99.

Совершенно иную проблему ставят перед исследователем произведения, подобные «Тридцати двум новеллам о монахах». В составе «Океана сказаний» нет такого произведения, но зато есть циклы анекдотов о глупцах. Многие из этих анекдотов вошли в состав «Тридцати двух новелл о монахах». Это обстоятельство породило у некоторых авторов предположение о существовании в древнеиндийской литературе особой «Книги о глупцах», оригинал которой предшествовал кашмирским версиям и дошел до нас в китайском переводе⁹. Не исключена и другая возможность — циклы подобных анекдотов бытовали самостоятельно и впервые они были включены в состав переложения «Великого сказа» Кшемендрой, вообще пристрастным к подобному материалу. Впоследствии создатель «Тридцати двух новелл о монахах» Мунисундара воспользовался этими циклами для создания острого антиклерикального произведения. Стоит отметить еще одно обстоятельство — значительное приближение санскрита Мунисундары к его родному языку гуджарати.

Демонстрируя многообразие воздействия «Океана сказаний» на развитие повествовательных жанров в национальных литературах народов Индии наряду с переводами самой эпосеи на языки этих народов, обеспечивающими ему самостоятельное бытование и по сей день, мы привели лишь два примера, но они могли бы быть умножены без особых усилий. Интерес к «Океану сказаний» усилился за последние десятилетия. Вместе с новыми переводами появляются и исследования, в которых авторы предпринимают попытки осмыслить непреходящее значение этого памятника. Когда читатель сегодня раскрывает «Океан сказаний», ему уже с первых глав становится ясно, что перед ним одно из величайших произведений мировой литературы, драгоценный свод фольклорно-повествовательных сюжетов, бытовавших до XI в. среди народов Северо-Западной Индии.

* * *

Отдельные истории из «Океана сказаний» неоднократно переводились на русский язык начиная с перевода «Сказания о Видьядгаре Джимутавагане», опубликованного в 1848 г. К. А. Коссовичем. Принимали участие в таких переводах акад. А. П. Баранников, О. Ф. Волкова и др. В 1967 г. под названием «Повесть о царе Удайне» были опубликованы первые пять книг «Океана сказаний» в переводе П. А. Гринцера и

---

⁹ Р. О. Шор, Новые труды по санскритологии, — «Избранные труды русских индологов-филологов», М., 1962, стр. 319—322.

И. Д. Серебрякова. «Роман о Нараваханадатте», содержащий следующие пять книг «Океана сказаний», расширит представление советского читателя об этом замечательном произведении.

Несмотря на весьма обширную практику перевода с древних и современных индийских языков, до сих пор вопросы теории такого перевода не рассматривались специально и не обобщались, за исключением отдельных замечаний и мыслей, высказывавшихся некоторыми переводчиками. Большой интерес представляет, например, специальная статья Т. Я. Елизаренковой¹⁰, трактующая вопрос о принципах перевода гимнов «Ригведы», а также статья Э. Н. Темкина¹¹ «К вопросу о форме поэтического перевода эпоса древней Индии».

Следует надеяться, что подобные обобщения со временем появятся. Тем не менее хотелось бы определить некоторые позиции, которых придерживался переводчик в данной работе, как и в «Повести о царе Удайне», переведенной им в содружестве с П. А. Гринцером. Прежде всего переводчик стремился воспроизвести средствами русского языка самобытность этого произведения как памятника эпохи, достаточно отдаленной от нас, причем сделать это так, чтобы специфика не скрывала общечеловеческого содержания.

Сомадева, как было отмечено выше, использовал все стилистическое, жанровое и формальное богатство древнеиндийской повествовательной литературы на санскрите, пракритах и других языках, бывших в литературном употреблении. Характер повествования позволил переводчику обратиться к опыту переводной и русской фольклорно-повествовательной литературы и воспроизвести некоторые из стилистических особенностей памятника. Отсюда некоторая доля лексики, характерной для русского фольклора. Поскольку, как это обычно для фольклора, имена героев часто несут образную нагрузку, уяснение которой существенно для понимания сюжета, мы во многих случаях раскрываем семантику таких имен непосредственно в тексте перевода, не вынося соответствующих объяснений в примечания. В некоторых местах Сомадева прибегает к игре слов, подчас непередаваемой, или использует такие приемы санскритской поэтики, при которых один и тот же стих может иметь двойной смысл или приобретать такую окраску, которая требует более широкой, чем обычно, переводческой интерпретации текста.

---

¹⁰ Т. Я. Елизаренкова, К вопросу о лингвистическом аспекте переводов «Ригведы», — сб. «История и культура древней Индии», М., 1963, стр. 101—117.

¹¹ Э. Н. Темкин, К вопросу о форме поэтического перевода эпоса древней Индии, — сб. «Взаимосвязи литератур Востока и Запада», М., 1961, стр. 235—250.

Почти весь текст оригинала «Океана сказаний» написан обычным эпическим стихом — шлокой, являющимся основным для произведений эпической поэзии вообще, начиная с «Махабхараты» и «Рамаяны». Как в зарубежной, так и в отечественной индологии установилась традиция перевода таких произведений прозой. Этой традиции мы здесь и следуем, тем более что проза дает больше простора для воспроизведения богатства идейного и художественного содержания произведения.

Книги (*ламбаки*) и волны (*таранги*) оригинала написаны без подразделения на отдельные сюжеты. Мы посчитали допустимым дать каждому из этих сюжетов соответствующее название. В примечания, имеющие пояснительный характер, вынесены имена и реалии, разъяснение которых необходимо для понимания сюжета.

И. Д. Серебряков

ПРИМЕЧАНИЯ

КНИГА О МАДАНАМАНЧУКЕ

1. Хара — «схватывающий», один из 1008 эпитетов Шивы.

2. к дочери великого Повелителя гор — т. е. Уме, супруге Шивы, дочери Гималая, царя гор; поэтому ее зовут также Гаури и Парвати — оба эти имени образованы от слов, означающих «гора».

3. Амрита — напиток, дарующий бессмертие. Он был утрачен во время потопа, а это угрожало существованию мира и ослаблению власти богов. Тогда боги решили извлечь из океана золотой сосуд с драгоценным напитком и другие сокровища, также утраченные во время потопа, и призвали на помощь асуров, своих противников. Те согласились при условии справедливого раздела всего добытого. Согласно индуистским легендам, чтобы извлечь со дна океана сосуд с амритой и другие сокровища, нужно было вспахать океан. Бог Вишну принял облик черепахи и опустился на дно океана. Тогда гора Мандара, которую использовали в качестве мутовки, оперлась на нее и перестала уходить в океанское дно. Вместо веревки, которой приводили в движение эту гигантскую мутовку, взяли великого змея Васуки. За один конец этой «веревки» ухватились боги, за другой — асуры. После их долгих усилий океан сначала отдал яд халахала, угрожавший всему живому. Но бог Шива проглотил большую часть яда, от чего горло его посинело (поэтому его часто называют Нилакантха, т. е. синегорлый). Остальной яд выпил змей Васуки. Затем океан отдал четырнадцать сокровищ: Чандру, т. е. месяц; Париджату, волшебное дерево, которое забрал себе Индра и посадил у себя на небе; Айравату, слона с четырьмя бивнями, также забранного Индрой; Камадхену, корову, дающую изобилие тому, кто ею владеет; Маду, богиню вина, доставшуюся богу Варуне в жены; Кальпаврикшу, дерево, исполняющее желания (пожелай-дерево); апсару Рамбху;

коня Уччайшраваса, обладавшего способностью оживлять убитых в бою, забранного себе Индрой; богиню счастья Лакшми, взятую себе в жены богом Вишну; раковину Шанкха, звук которой возвещает победу и которая также досталась Вишну; палицу Гада, символизирующую власть, и волшебный лук Дхануш, забранные Вишну; драгоценные камни, врача богов Дханвантари, державшего в руках сосуд с амритой.

Здесь амрите уподоблено само повествование Сомадевы, которое как бы является изложением рассказа Шивы — Хары.

4. Молочный океан — см. прим. 3.

5. Слоноликий — эпитет Ганеши, сына Шивы и Парвати, изображаемого со слоновьей головой. По легенде, Шива, разгневавшись на сына за то, что он помешал ему войти в покои Парвати, когда она совершала омовение, оторвал тому голову. Чтобы утешить Парвати, Шиве пришлось посадить на плечи сына первую же попавшуюся ему под руки голову — голову слона. Ганеша — один из наиболее популярных у народов Индии богов. Он — бог мудрости, учености, знания, устранитель препятствий, предводитель ганов, составляющих свиту Шивы. Герои первой книги «Повести о царе Удайне», т. е. первой книги «Океана сказаний», Мальван, Пушпаданта и другие как раз и являются ганами.

6. Кама — бог любви. О его происхождении и проделках рассказывается множество легенд. Он вооружен луком из стеблей сахарного тростника, стрелами, сплетенными из цветов; тетива его лука — жужжание пчелы. Его сопровождает супруга Рати (страсть). На знамени Камы изображено морское чудовище макара. Здесь имеется в виду конец одной из наиболее распространенных легенд о Каме. Пока бог Шива предавался аскетическим подвигам и был погружен в размышления, демон Тарака завладел всей вселенной. Встревоженные боги упростили Каму нарушить подвижничество Шивы и пробудить в нем любовь к Парвати, так как только сын Шивы мог справиться с Таракой. Кама смог только заставить Шиву прервать размышления, но и за это разгневанный Шива испепелил его взглядом.

7. Шива — один из богов индусской троицы; бог разрушения и созидания.

8. Ума — супруга Шивы.

9. река Витаста — в настоящее время р. Джелам, один из притоков Инда.

10. Такшашила — древний город Таксила, важный политический и культурный центр древней Индии. Находился в районе Равалпинди (Пакистан). Здесь в результате длительных археологических работ обнаружены кроме Таксилы еще несколько городищ.

11. Патала — последний из семи миров, населенный нагами, по-

чему он называется также Нагалока. Патала, согласно мифологическим представлениям индусов, — красивейший и самый радостный из миров, а столица его — город Бхогавати («полный наслаждений») — неизмеримо богата, дворцы ее построены из драгоценных камней.

12. Будда — основатель вероучения, названного по его имени буддизмом. Царевич Сиддхартха из рода Шакьев.

13. Победитель — «джина», эпитет, прилагаемый к имени Будды или основателя джайнизма Махавиры.

14. чайтья — буддийский или джайнский храм.

15. тройственная вера — траивидья — имеется в виду либо брахманизм как учение, основанное на трех священных книгах древних индийцев — «Ригведе», «Яджурведе» и «Самаведе», либо ранний индуизм, основывавшийся на трех началах (прастханаграя) — упанишадах, Брахмасутрах и Бхагавадгите.

16. ...бритоголовых из низких каст — буддизм, отрицательно относившийся к кастовому делению, привлекал много последователей из низких, наиболее угнетенных каст. Для буддийского монаха бритые головы было обязательным.

17. не следует тебе осуждать веру отца твоего — в истории купца Витастадатты и его сына отразилась сложная и напряженная духовная жизнь Кашмира и Индии в целом последних веков I тысячелетия нашей эры. Множество религий, культов и верований приходило в столкновение между собой и претерпевало сложный процесс синтеза, в ходе которого выкристаллизовывается совокупность религиозных, философских, правовых и этических представлений, называемая ныне индуизмом.

Сомадева рисует столкновение брахманизма с буддизмом и другими верованиями не только в этом рассказе, но и во многих других на протяжении всего «Океана сказаний». Отдавая несомненное и решительное предпочтение шиваизму, он тем не менее озабочен тем, чтобы не только Шива, но и Брахма и Вишну были благосклонны к его главному герою — Нараваханадатте.

В «Океане сказаний» мы, таким образом, получаем наиболее широкую и подробную картину индуизма на его раннем этапе, когда он существовал со многими племенными и местными верованиями и с той довольно многочисленной группой религиозно-этических учений, несших в себе зерна общественного протеста против феодальных порядков, как, например, учения и культ натхов и сиддхов. Вот эта-то сложная многосторонняя идейная борьба и отражена художественно Сомადевоу в его произведении.

18. карма — предопределение судьбы человека, выражающееся в том,

что нынешнее положение его определяется добрыми или дурными поступками, совершенными им в предшествующих рождениях. Учение о карме присуще различным индийским религиям.

19. **И н д р а** — главный бог ведического пантеона, сокрушитель враждебных сил, родитель солнца, дневного света и зари. Своим оружием ваджрой (молнией) он разгоняет тучи и возвращает дневной свет. Персонаж многочисленных легенд, сказаний и фольклорных произведений.

20. **в а д ж р а** — «молния», оружие Индры, шар, усеянный остриями, на короткой рукояти; иногда изображается как два трезубца, направленных в противоположные стороны и насаженные на одну рукоять.

21. **Ш а ч и** — одно из имен супруги Индры, богини речи.

22. **С о в е р ш и т е л ь с т а ж е р т в** — эпитет бога Индры. Предполагается, что совершить сто жертв (имеется в виду ашвамедха — жертвоприношение коня, символизирующее покорение всех царств мира) никакой человек не может, ибо такой акт ставит его на один уровень с богами. Именно поэтому Индра вступает в конфликт с каждым, кто пытается совершить сто жертв.

23. **н а т р е т ь е м н е б е** — по индусской мифологии третье небо — небо Шивы.

24. **а п с а р ы** — небесные девы; их повелитель — Кама, бог любви. Апсары обитают на небе Индры. Им не соответствует какая-либо категория мужских полубожеств. Они появились на свет во время добывания богами и асурами амриты из молочного океана. Несмотря на их красоту, ни боги, ни асуры, не захотели взять их в жены, поэтому было решено, что они могут быть женами для всех. Часто их партнерами в любовных интригах являются гандхарвы. Апсары — своеобразная мифологизация института гетеризма.

25. **Ш а к р а** — эпитет Индры (см. прим. 19).

26. **В р а г В р и т р ы** — эпитет Индры; Вритра — предводитель даятьев, враждебных Индре божественных существ, персонифицируемых в ведах в грозные тучи.

27. **Ш а р в а** — «разрушитель», эпитет Шивы.

28. **Т и л о т т а м а** — апсара, красота которой была использована Брахмой для того, чтобы посеять распрю между братьями-дайтьями (см. прим. 96) Сундом и Упасундом. В разгоревшейся ссоре братья убили друг друга.

29. **В и ш в а м и т р а** — древний царь, один из авторов ведических гимнов, сосредоточенных главным образом в III мандале «Риг-веды».

30. **М е н а к а** — апсара, которую Индра послал, чтобы нарушить

подвижничество мудреца Вишвамित्रы. От Вишвамित्रы у Менаки родилась дочь Шакунтала, героиня нескольких эпических сказаний.

31. Я т и — царь Пратиштханы.

32. Ш а р м и ш т х а — дочь дайти Вришапарвана, бывшая рабыней Деваяни, жены царя Яти, а затем и сама ставшая его любимой женой.

33. Т р и м и р а — небо, земля и подземный мир. Имеется и другое деление, в соответствии с которым насчитывается 14 миров — семь верхних, считая первым землю, и семь нижних, находящихся под землей.

34. А х а л ь я — супруга мудреца Гаутамы. Прельстившись ее красотой и будучи не в состоянии заставить ее нарушить верность супругу, Индра принял облик самого Гаутамы и сошелся с ней, за что и был проклят Гаутамой.

35. ...будто огонь небесный вошел в ее чрево — весьма распространенный в древнеиндийской литературе мотив, с помощью которого часто объясняется божественное происхождение героя.

36. К о ш а л а — страна, простиравшаяся вдоль реки Сараю (Гогра). Делилась на Уттара Кошала (Северную Кошалу) и Дакшина Кошалу (Южную Кошалу). Примерно соответствует Айодхье, царству Рамы.

37. А р у н д х а т и — супруга мудреца Васишты; образец супружеской верности и добродетельной жизни.

38. ...когда взошла я на него, спало с меня бремя несчастий — погребальный костер, согласно древним поверьям, очищал жену умершего от прегрешений.

39. К у н т и — супруга Панду, отца героев древнего индийского эпоса «Махабхараты».

40. Д у р в а с а с — мудрец, давший Кунти заклинание, благодаря которому она могла зачать сына от любого бога, поскольку ее муж Панду был бесплоден.

41. К у н д и н — название сказочного города, не идентифицируемого ни с каким реальным населенным пунктом.

42. ч а н д а л а — рожденный от отца из варны шудр и матери из варны брахманов; принадлежал к числу наиболее низких каст.

43. д в а ж д ы р о ж д е н н ы й — эпитет брахмана, представителя высшей варны. Связан с тем, что помимо обычного рождения всякий брахман должен был пройти после соответствующей подготовки обряд инициации, считавшийся вторым рождением.

44. Брахмана сожрали собаки, а чандала унесли волны Ганги — согласно индуским верованиям, воды Ганга очищают от всех прегрешений и уносят к вечному блаженству. Поэтому

то часто встречается в произведениях индийской литературы стремление окончить жизнь именно на Ганге, чтобы после сожжения тела останки могли быть брошены в реку. Здесь же представитель высшего сословия брахман кончает свой жизненный путь самым жалким образом, так, как, согласно индусским представлениям, должен был бы окончить его чандала.

45. У д д ж а й и н и — один из наиболее важных и прославленных политических и культурных центров древней и особенно средневековой Индии; существует и в настоящее время.

46. ж и л и щ е М а х а к а л ы — в Удджайини находился храм Шивы в ипостаси Махакалы, Великого Времени, где во время храмовых празднеств и связанных с ними ярмарок устраивались театральные представления.

47. Великому богу — т. е. Махешваре, Шиве.

48. Истинный повелитель — здесь имеется в виду Шива как бог, эманацией которого является все сущее.

49. Б а н а — имя одного из асуров, сына Кашьяпы, одного из прародителей мира.

50. В и ш н у — один из основных богов индуистского пантеона. Здесь он упомянут в положении подчиненном, поскольку Сомадева, будучи шиваитом, считает верховным богом только Шиву. См. также прим. 17.

51. ...страсть к охоте погубила Панду и других царей — имеется, в частности, предание о том, что отец Пандавов — Панду был проклят отшельником, принявшим облик антилопы, у которого Панду убил во время охоты подругу.

52. Спрятался я за его висячий ствол — баньян пускает воздушные корни, которые со временем, достигнув земли, укореняются там и превращаются в самостоятельные стволы.

53. Л о х а н а г а р а — современный Лахор.

54. ...пошел в вихару — вихара — храм, часто пещерный.

55. стал он истинным Буддой — человек, исповедующий буддизм, может, как об этом говорится в буддийском каноне, достичь состояния будды, пройдя через несколько предварительных стадий, ведя при этом добродетельную жизнь.

56. ...покинул родительский кров ради подвижничества... — подвижничество представляло собой важный институт в древнеиндийских религиозных системах. Оно рассматривалось как важное средство для достижения какой-либо цели. По представлениям древних индийцев, смертный с помощью подвижничества мог проникнуть даже в круг богов.

57. ...чтобы могли им питаться пожиратели мяса — здесь дочери раджи выступают как последовательные до фанатизма сторонницы ахимсы, принципа неубиения чужой жизни, и джайнизма. Последний довел этот принцип до наиболее крайних выражений — так, некоторые секты запрещают пахать землю, так как при этом можно убить червя или насекомое; другие предписывают закрывать рот белой тряпицей, чтобы случайно не вдохнуть и тем самым не погубить какое-либо насекомое. Запрещается убивать и какое-либо существо, когда оно кусает тело верующего.

58. Дж а х н а в и — эпитет Ганги. По преданию, спускаясь с небес на землю, Ганга залила место, где царь Джажну совершал свои жертвоприношения. В гневе царь выпил всю реку, но по настоянию богов согласился отпустить ее и выпустил ее воды из своих ушей. Поэтому она и стала зваться Джажнави, т. е. дочь Джажну.

59. ...они, как пауки, готовы пожрать своего родителя... — т. е. совершить самое тяжелое преступление.

60. К у н т и б х о д ж а — легендарный царь, дочери которого мудрец Дурвас дал мантру, обеспечивающую благоволение всех богов.

61. Д у р в а с а с — см. прим. 40.

62. Ч и т р а к у т а — гора в районе совр. Аллахабада.

63. Ка ма де ва — одно из имен Камы, бога любви (см. прим. 6).

64. Т р е х г л а з ы й Ш и в а — как гласит одна из легенд, третий глаз у Шивы появился для того, чтобы спасти мир от мрака, когда его жена Парвати закрыла, играя, его оба глаза ладонями.

65. Н а н д а н а — сад Вишну; функционально — рай, райские куши.

66. Л а к ш м и — супруга Вишну, богиня счастья, долголетия, здоровья, зажиточности, избавительница от бесплодия. Она сопровождает Вишну в каждом из его перерождений — аватар.

67. Р а м б х а — первая из апсар (см. прим. 24), рожденная океаном во время пахтанья его богами и асурами, желавшими получить амриту. Была послана Индрой, чтобы нарушить подвижничество Вишвамित्रы (см. прим. 29), но тот, разгадав интригу Индры, проклял Рамбху и обратил сроком на тысячу лет в камень.

68. Д ж а м б х а — имя асура, погибшего в схватке с Индрой.

69. М а д х у — имя одного из асуров; также сокращение эпитета бога любви Камы — Мадхуди́па, т. е. светильник, наполненный медом.

70. Ч а н д р а — месяц; рожден из глаза мудреца Атри. По другой легенде, месяц родился во время добывания богами и асурами амриты из океана.

71. Р а т и — страсть, супруга бога любви Камы (см. прим. 6).

72. М е р у — сказочная гора, состоящая из золота и драгоценно-

стей; своеобразная ось мира, вокруг которой вращаются все континенты и планеты. На ее вершине расположено «небо Брахмы», омываемое рекой Гангой и окруженное городами Индры и других богов. Подножие Меру населено добрыми духами (гандхарвами), а долины — демонами.

73. Вишвамитра — см. прим. 29.

74. Шакунтала — дочь Вишвамित्रы и апсары Менаки (см. прим. 30), героиня ряда легенд и сказаний, на которые опирался Калидаса, создавая свою драму «Узнание Шакунталы».

75. в саду Ватса — термин «ватса» означает «дети», «потомство», таким образом, «сад Ватса» можно перевести как «сад юности».

76. Кашьяпа — легендарный мудрец, прародитель богов и асуров. Согласно легенде из «Махабхараты», он взял в жены тринадцать дочерей прародителя Дакши, от первой из которых родились двенадцать, адитьев, а от других двенадцати родились змеи, ящеры, птицы, демоны, небесные девы. Поэтому он носит имя Праджапати, т. е. «прародитель живых существ».

77. Манматха — «возбуждающий», одно из имен Камы, бога любви.

78. Рुरु — имя одного из легендарных мудрецов.

79. Прамадвара — апсара, дочь Менаки, выращенная мудрецом Стхулакшей и выданная им замуж за мудреца Руру.

80. Тришанку — легендарный мудрец, отождествлявшийся с Брахмой и в качестве такового считавшийся создателем вед, воплощением святости. Согласно легенде, рассказанной в древнеиндийской эпосе «Рамаяна», силой своего подвижничества мудрец Вишвамитра отправил Тришанку живым на небо. Однако Индра столкнул его обратно. Вишвамитра не дал ему упасть на землю, и с тех пор Тришанку повис между небом и землей.

81. Шакра — см. прим. 25.

82. Соматрабха — «лунное сияние»; здесь имя дочери асура Мая (см. прим. 83).

83. Май — наставник асуров, замечательно искусный мастер, сын мудреца Кашьяпы (см. прим. 76) и прародительницы Дану. Строитель трех городов — Золотого, Серебряного и Железного, плававших в поднебесье подобно облакам. Шива, желая погубить асуров, уничтожил все три города, почему он и носит эпитет Трипурадаха, т. е. «истребитель трех городов». Тогда Май создал водоем, наполненный амритой, благодаря которой асуры ожили. Но Брахма и Вишну, обратившиеся соответственно в корову и телка, выпили из водоема всю амриту и тем самым окончательно погубили асуров.

84. Пушкаравати — легендарный город, столица Гандхары. Возможно, что Пушкаравати то же самое, что Чарсадда, раскопанная недалеко от Пешавара.

85. Ахичхатра — столица Северной Панчалы; отождествляется с городом Рамнагар округа Барейли штата Уттар Прадеш.

86. Икшумати — река, приток Ганги, ныне называется Калинади. Более вероятно, однако, что под этим названием у Сомадэвы фигурирует одна из рек Кашмира. Так же называется и город, стоящий на реке.

87. корнак — слоновожатый, погонщик слонов.

88. вета́лы — 1) спутники Рудры-Шивы, вампиры, упыри, которые во время битвы питаются кровью и плотью павших. Обладают способностью вселяться в тела умерших и тем самым оживлять их; 2) в ед. ч. — имя приближенного Шивы.

89. Повелитель дня — т. е. солнце.

90. Гора Заката — мифическая гора, за которую заходит солнце.

91. сиддхи — мифические существа, населяющие пространство между небом и землей. Они обладают волшебными знаниями и способностями. Их насчитывается 88 000.

92. Притху — легендарный царь, которому приписывается введение земледелия.

93. Арундхати — одна из жен пророка Васишты, олицетворение супружеской верности.

94. Сурабхи — корова богов, обладание которой обеспечивает исполнение желаний.

95. искал покровительства Вишну — традиционно асуры тяготеют к Шиве, в «Океане сказаний» они выступают на стороне Сурьяпрабхи, параллели Нараваханадатты, которому покровительствует Шива. Асур Май нарушает эту традицию, обращаясь к покровительству Вишну.

96. да́йтьи — титаны индийской мифологии, дети мудреца Кашьяпы (см. прим. 76) от прародительницы Дити; другая группа титанов родилась от мудреца Кашьяпы и прародительницы Дану и называется данавы. Иногда да́йтьи, данавы и асуры употребляются синонимически. Все они противостоят ведическим богам (см. прим. 3).

97. Кубера — бог богатства, повелитель сил тьмы и зла — якшей, гухьяков и т. д., с помощью которых он охраняет сокровища, скрытые в Гималаях, где стоит его город Алака, царство богатства. Налакубара — сын Куберы.

98. ...полную забавно двигающихся кукол — Сом-

прабха показывает подруге кукольный театр. Это одно из наиболее подробных ранних упоминаний кукольного театра.

99. р а н и — царица, супруга раджи.

100. ...мир, созданный из пяти элементов... — т. е. из воды, огня, земли, ветра и «эфира».

101. ...устройство «Защитник амриты» — описание устройств кукольного театра свидетельствует о его сложном реквизите, механизмах и осветительном устройстве, уже существовавших к XI в.

102. словно Парвати, предпринявшая ради торжества любви жестокий подвиг, убивающий любовь (см. прим. 6) — после того как Кама не смог возбудить у Шивы любовную страсть к Парвати и был испелен Шивой, она, чтобы все-таки завоевать любовь Шивы, решила начать жестокие аскетические подвиги.

103. С и т а — супруга Рамы, героиня прославленной классической эпопеи «Рамаяна».

104. С в а я м п р а б х у — «всемогущий», эпитет; может быть отнесен ко всякому верховному божеству, в том числе к Шиве.

105. ...умчала ее на хитроумно устроенном воздушном корабле... — в отличие от обычных сказочных ковров-самолетов и летающих колесниц у СомADEВЫ рассказывается о воздушных кораблях, движущихся с помощью механических двигателей и покрывающих большие расстояния с большой скоростью. Интересно также разнообразие целей, для которых в повествовании СомADEВЫ используются воздушные корабли, вплоть до переброски слонов, когда у одного из его персонажей обнаруживается недостаток этой древнеиндийской военной силы.

106. П а т а л и п у т р а — столица древнего царства Магадха, ныне соответствует городу Патна, столице штата Бихар. Легенду о происхождении Паталипутры см. в кн.: С о м а д е в а, Повесть о царе Удаяне (М., 1967, стр. 29—34).

107. М а г а д х и й с к а я с т р а н а — царство Магадха.

108. В а л а б х и — порт и столица царства Саураштра. В VII в. н. э. в этом городе находился буддийский университет.

109. ...г л а с в е с т н и к а б о г а с м е р т и... — бог смерти Яма ведет Книгу Судеб, в которой записано, кому сколько положено прожить. Когда назначенный срок истекает, Яма посылает своих вестников привести душу в его мрачный дворец Каличи, где он выносит ей приговор в соответствии с добрыми делами и прегрешениями покойника, зарегистрированными в другой книге. Он может обречь душу на мучения в одном из его адов, послать к предкам, т. е. избавить от перерождений, или же обречь на новый срок земной жизни.

110. **р а к ш а с и** — ведьма, дьяволица.
111. **Б х а й р а в а** — ипостась Шивы; иногда приближенный Шивы, брат Веталы (см. прим. 88).
112. **К х а р а** — ракшас, брат Раваны, правителя Ланки, враг Рамы, героя древней индийской эпопеи «Рамаяна».
113. **Д у ш а н а** — ракшас, военачальник Раваны (см. прим. 112).
114. **В а с у д а т т а п у р а** — название города; не отождествляется с каким-либо городом.
115. **...п р е в з о ш л а С и т у...** — намек на «Рамаяну», героиня которой была похищена ракшасом Раваной.
116. **...п о в я з а л е м у п о ч е т н ы й т ю р б а н** — пример довольно частого упоминания юридического оформления даров и пожалований.
117. **в и д ь я П р а д ж н я п т и** — божество познания. Видья — персонафицированные науки.
118. **Ш а м б х у** — «могучий», один из эпитетов Шивы.
119. **Р и ш а б х а** — имя отца **Б х а р а т ы**, пращура Пандавов.
120. **А м б и к а** — одно из имен супруги Шивы.
121. **г о р а К а м а к у т а** — не отождествляется с каким-либо географическим объектом.
122. **Ш р а в а с т и** — столица царства Кошала; отождествляется с современным городом Сет Махет на границе округов Бахраич и Гонда штата Уттар Прадеш.
123. **А м б а** — одно из имен супруги Шивы; мать (как обращение); здесь — имя тетки Панду, отца Пандавов.
124. **А м б а л и к а** — мать (как обращение); здесь — имя матери Панду.
125. **К а у р а в ы** — потомки Куру, персонажи древнеиндийской эпопеи «Махабхараты», боровшиеся за власть со своими родичами Пандавами (см. прим. 126).
126. **П а н д а в ы** — пятеро сыновей Панду, герои древнеиндийской эпопеи «Махабхарата», лишенные законного наследства их родичами Кауравами. Конфликт Пандавов с Кауравами — сюжетное ядро «Махабхараты».
127. **...ц а р ь в а т с о в У д а я н а...** — герой многочисленных сказаний, легенд и литературных произведений.
128. **К а у ш а м б и** — столица страны ватсов; отождествляется с современным городом Косам в 50 км к юго-западу от Аллахабада.
129. **А м а р а в а т и** — легендарная столица Индры.
130. **А р д ж у н а** — один из пяти братьев-Пандавов, героев великой индийской эпопеи «Махабхарата».

131. А б х и м а н ъ ю — сын Арджуны, одного из героев «Махабхараты», во время битвы сразил многих Кауравов и погиб в бою, так как ему вовремя не помогли.

132. П а р и к ш и т — внук Арджуны (см. прим. 130).

133. Д ж а н а м е д ж а я — правнук Арджуны (см. прим. 130), устроивший жертвоприношение, во время которого была рассказана «Махабхарата».

134. Ш а т а н и к а — сын Джанамеджайи (см. прим. 133), один из персонажей «Махабхараты».

135. С а х а с р а н и к а — сын Шатаники (см. прим. 134).

136. Л у н н ы й р о д — одна из древних, полупоэтических индийских династий.

137. г о р а У д а я — гора Восхода.

138. Я у г а н д х а р а я н а — министр царя Удайаны (см. прим. 127), персонаж многочисленных произведений, связанных с этим царем, в частности драм Харши (VII в.).

139. К а н д а р п а — имя Камы, бога любви (см. прим. 6).

140. В а с а в а д а т т а — дочь царя Аванти, героиня произведений, связанных с царем Удайнай.

141. У ш а — дочь царя асуров Баны, полюбившая Анирудху вопреки воле своего отца.

142. Ш а к у н т а л а — см. прим. 74.

143. ...в п р и т ч е о в о р о н е и п а л ь м е — имеется в виду фольклорный сюжет о том, что ворона садится на падающую пальму и воображает, будто пальма упала потому, что не выдержала ее тяжести.

144. ш а с т р ы — под этим термином имеется в виду вся совокупность ученой литературы древней Индии.

145. Ч и т р а л е к х а — подруга Ушы (см. прим. 141).

146. А н и р у д х а — внук Кришны, влюбившийся в Ушу, дочь асура Баны (см. прим. 141).

147. Г а у р и — одно из имен супруги Шивы.

148. ...п о т о м к а с л а в н о г о р о д а Я д а в о в — имеется в виду Кришна, воплощение Вишну.

149. с а н д а л — дерево, выделяющее ароматическое масло, используемое в обрядовых, лечебных и косметических целях.

150. К р и ш н а — воплощение Вишну, принадлежал к роду Яду.

151. Ш а н к а р а — «благотельный», один из эпитетов Шивы.

152. ...с в о е г о в р а г а В р и т р у — Вритра, предводитель асуров, враждовавший с Индрой.

153. Н а х у ш а — отец царя Яяти из рода Яду проклятием мудреца Агасти был обращен в змея. Избавлен от проклятия только когда он

охватил своими кольцами Бхишму, одного из Пандавов, и держал его до тех пор, пока Юдхиштхира не освободил Бхишму из его объятий.

154. Б р и х а с п а т и — наставник богов, супруга которого, Тара, была похищена Чандрой. Брихаспати почитается основателем локаяты — древнеиндийской материалистической философии.

155. б р а х м а н с р е д и р а к ш а с о в, т. е. брахмаракшас — дух брахмана, который за время своей жизни вел себя недостойно — уводил чужих жен, похищал имущество брахманов; йогешвара — повелитель йогов, первая аватара Шивы.

156. ш а б а р ы — варварское племя, обитавшее на территории нынешних Раджпутаны и Химачал Прадеша и к югу от гор Виндхья. Некоторые исследователи отождествляют шабаров с племенем саора, обитающим в районе Ганджам — Визагапатам (штат Андхра).

157. ч а р п а й — обычно деревянная рама на четырех коротких ножках, переплетенная веревками и используемая как кровать или скамья.

158. М а н к а н а к а — легендарный мудрец.

159. М е н а к а — см. прим. 30.

160. д е р е в о к а д а л и — плодовый банан.

161. К р и п и — мать одного из персонажей «Махабхараты», Ашваттхамана, который за совершенные им злодеяния был обречен скитаться по свету, порождая зло.

162. Г а у т а м а — глава одного из древних родов, один из авторов ведических гимнов.

163. Д р о н а — один из персонажей «Махабхараты», обучавший Кауравов и Пандавов воинскому искусству; муж Крипи (см. прим. 161).

164. М а д х ь я д е ш а — страна между Курукшетрой на западе (примерно район г. Амбала) и Праягом (совр. г. Аллахабад) на востоке; на севере она ограничивается Гималаями, а на юге — хребтом Виндхья.

165. Г о к а р н а — город назван в честь аватары Шивы; само слово означает «обладающий коровьими ушами».

166. Н а р а я н а — одно из имен Кришны.

167. п у р о х и т а — букв. «стоящий впереди»; жрец, выполняющий обряды для семьи. Пурохиты при царях выполняли также роль советчиков, принимали непосредственное участие в государственных делах.

168. В и р а т а — царь страны Матсья, у которого жили братья Пандавы, герои «Махабхараты», во время их изгнания.

169. В и д и ш а — столица страны Дашарна; отождествляется с современным городом Бхильса в 45—50 км к северо-западу от Бхопала.

170. Ш р а в а с т и — столица царства Утгара Кошала (см. прим. 36).

171. т и р т х а — букв. «спуск к воде», «брод»; место священных

омовений; отсюда — всякое место паломничества или объект поклонения, в том числе и какая-либо особо почитаемая личность.

172. ...досталась третьему мужчине — первый мужчина Прасенаджит, за которого Калингасену просватал отец, второй — Уда-яна, которого она сама себе выбрала в мужа, третий — Маданавега, с которым она сочеталась браком по обычаю гандхарвов.

173. че ди — название древней народности, населявшей район нынешнего Бундельканда.

174. Канва — мудрец, глава одного из древних родов; в его обители выросла Шакунтала.

175. Бестелесный — эпитет бога любви Камы.

176. Праджапати — это имя в ведах использовалось для обозначения разных божеств, в пуранах — для обозначения верховного божества. Часто этим эпитетом называются сыновья Брахмы, древние мудрецы и прародители человеческого рода. Число их различно, но чаще всего называют десятерых: Маричи, Атри, Ангирас, Пуластья, Пулаха, Крату, Дакша, Васиштха, Бхригу, Нарада.

177. творец — т. е. праджапати (см. прим. 176).

178. Ишвара — бог, господь; здесь — Шива.

179. Вайшравана — имя Куберы (см. прим. 97) по отцу. Кубера вообще уродлив и в красоте не нуждается, так как деньги могут купить ему любую красоту.

180. анджали — жест, молитвенно сложенные руки (ладони, приложенные друг к другу, подняты примерно на уровень лица).

181. калпа — мера времени, равная 432 000 000 лет.

182. Вишвакарман — божественный мастер, «мастер на все руки»: оружейник, архитектор, строитель богов; другое его имя — Тваштар.

183. Нагван — заповедный лес нагов; наги — древняя народность, тотемом которого была змея.

184. ганы — божества, составляющие свиту Шивы. В них входят адитьи (персонифицированные двенадцать фаз солнца), вишваदेви (божества, связанные с погребальными обрядами), васу (олицетворение сил природы), садхьи (персонифицированные ведические обряды и гимны) и сорок девять рудр (грозовые божества).

185. Нарада — легендарный мудрец, один из десяти сыновей Брахмы. Он изображается посланцем от богов к людям и от людей к богам. Любит сеять раздоры среди богов и людей.

186. Рама — герой древнеиндийской эпопеи «Рамаяна».

187. Джанаки — эпитет Ситы, дочери царя Джанаки. Здесь имеется в виду тот эпизод «Рамаяны», когда Раме, мужу Ситы, становится

известным распространившееся в народе сомнение в ее непорочности.

188. Б х и ш м а — «ужасный»; сын царя Шантану, поклявшийся не жениться и не иметь детей. Он похитил для своего брата Вичитравирьи трех дочерей царя, правившего в Каши (Бенаресе): Амбу, Амбику и Амбалику.

189. А м б а — старшая из дочерей царя, правившего в Каши, похищенная Бхишмой (см. прим. 188). Поскольку она до похищения была сговорена с царем Шальва, то отказалась стать женой Вичитравирьи, Бхишма отправил ее Шальве. Но тот, поскольку она уже была под крышей у другого мужчины, отказался ее принять.

190. созвездие К а р т т и к а — созвездие Плеяд.

191. дочь горы — Гаури, супруга Шивы, воплощение женских добродетелей, в том числе и совершенства красоты.

КНИГА О РАТНАПРАБХЕ

1. Г а н а п а т и — «повелитель ганов», эпитет Ганеши (см. прим. 5 к Книге о Маданаманчуке).

2. Г о р ы М а л а я — горный хребет на юге Индии, изобилующий зарослями сандала.

3. И н д р а ш р и н г а — одна из горных вершин западных Гималаев.

4. Р о х и н и — имя любимой супруги бога Луны, одна из дочерей прародителя Дакши (см. прим. 76 к Книге о Маданаманчуке). Также название созвездия.

5. П а т а л и п у т р ѝ — современная Патна, столица штата Бихар. Легенду о происхождении Паталипутры см.: С о м а д е в а, Повесть о царе Удаяне (М., 1967, стр. 29—34).

6. б и л ь в а — дерево дикой яблони и ее плод, посвященные Шиве. Никто, кроме брахманов-шиваитов, не должен использовать это дерево на топливо. Плод употребляют при жертвоприношениях.

7. я к ш а — мифическое существо; якши входят в свиту Куберы, бога богатства (см. прим. 97 к Книге о Маданаманчуке), они являются охранителями кладов и вообще богатств.

8. ...п о д а р и в ш е м у У п а м а н ь ю м о л о ч н ы й о к е а н — У п а м а н ь ю — один из ведических мудрецов. Согласно легенде, содержащейся в «Лингапуране» и «Шивапуране», однажды в детстве он попросил у матери молока. Дома молока не было, и мать смогла дать ему только воду, забеленную мукой. На вопрос, почему у них нет молока, она сказала Упаманью, что это оттого, что в прежнем рождении он не поклонялся Шанкаре (Шиве). Расспросив мать, как следует покло-

няться этому богу, Упаманью начал совершать во славу Шивы различные аскетические подвиги. Шива, явившись Упаманью в образе Индры, ради испытания потребовал, чтобы тот поклонялся Индре. Однако Упаманью настаивал на своей преданности Шиве и, поскольку тот не являлся, решил покончить собой. Тогда Шива предстал перед ним в своем подлинном облике и подарил Упаманью молочный океан.

9. в о с ь м и о б р а з н о й о п о р е м и р о з д а н и я — имеется в виду воззрение, широко распространенное среди шиваитов, что Шива, как верховное божество и вседержитель мира, обладает восемью формами. Эти формы суть земля, вода, свет, ветер, пространство, жертвователь, солнце и луна. Каждая из этих форм обладает особым покровительствующим божеством, ипостасью Шивы. Шарва является покровителем земли, Пашупати — огня, Угра — жертвователя, Рудра — солнца, Бхава — воды, Ишана — ветра, Махадева — луны и Бхима — пространства.

10. К а н д а р п а — «любовное побуждение», «похотливость»; одно из имен Камы, бога любви.

11. В данном месте в существующих рукописях пропущено полшлоки.

12. Р а т н а к у т а — остров, возможно отождествляемый с Цейлоном, славившимся своими драгоценностями. Название острова переводится «Гора драгоценных камней».

13. в а х а н а — «носитель». Характерная особенность индуистского пантеона — соответствие каждому из главных богов птицы или животного, на котором данное божество передвигается или с которым находится в постоянном общении. Так, Брахме соответствует гусь, Дурге — тигр, Ганеше — крыса, Вишну — коршун Гаруда, Картикее, богу войны, — павлин, Шиве — бык Нанди и т. д.

14. А й р а в а т а — слон, на котором ездит Индра.

15. Т а м р а л и п т и — важный политический, экономический и культурный центр древней Ориссы. Идентифицируется с современным городом Тамлук в округе Миднапор штата Западная Бенгалия.

16. М а т х у р а — древний политический, экономический и культурный центр Джамна-Гангского доаба, родина Кришны.

17. М а р а — «разрушитель», одно из имен бога любви Камы.

18. х а л а х а л а — название яда, извлеченного перед амритой во время пахтания океана богами и асурами.

19. г а н д х а р в ы — род мифических существ с телом, верхняя часть которого человеческая, а нижняя — птичья. Они сведущи во врачевании и музыке.

20. с и д д х а — «совершенный», овладевший при помощи тайных ме-

тодов сверхчеловеческими способностями, например передвигаться в воздухе, видеть даже то, что происходит на звездах, обращать любой металл в золото, читать чужие мысли, господствовать над смертными в прошлом, настоящем и будущем, по своей воле отделять свою душу от тела и возвращать ее в него или какое-либо нужное тело и т. д.

21. Махакала — ипостась Шивы (см. прим. 46 к Книге о Маданаманчуке).

22. Пушкарвати — древняя столица Гандхары.

23. млечча — варвары.

24. ...поймали их на дороге таджики... — здесь, насколько известно, упоминается в индийской литературе впервые о таджиках.

25. капалики — подвижники-шиваиты, атрибутом которых является ожерелье из черепов.

26. гора Заката — см. прим. 90 к Книге о Маданаманчуке.

27. якшини — см. прим. 7.

28. мантра — жертвенная формула; заклинание.

29. вйна — музыкальный струнный инструмент.

30. гухьяки — мифические существа, населяющие леса, пещеры, всякие темные места.

31. Варанаси — древнее название Бенареса.

32. ...повязала мне Сукхаша на шею ладанку с сутрой... — священное изречение закладывалось или зашивалось в ладанку, которую носили на шее или обвязанной у пояса против дурного глаза, для предотвращения несчастий и т. д.

23. йогини — ведьма, колдунья.

34. Прагитхана — древний город, столица царства Каньякубджа; отождествляется с Тханесаром. Его также идентифицируют иногда с Пайтханом, столицей царя Сатаваханы, расположенном в округе Аурангабад штата Махараштра.

35. мриданга — род барабана.

36. монах-бхикшу — институт монашества в буддизме был связан с нищенством; термин «бхикшу» стал прилагаться с течением времени не только к буддийским, но и к джайнским монахам.

37. ...ночь, следующая за четырнадцатым днем темной половины месяца... — каждый месяц у индусов делится на темную и светлую половину; светлая половина охватывает дни от новолуния до полнолуния, темная — от полнолуния до смены фаз. Здесь имеется в виду ночь, когда луна вовсе не выходит на небосвод.

38. шрамана — странствующий монах, как правило буддийский.

39. Гаруда — легендарный коршун; царь птиц.

40. Кубера — см. прим. 97 к Книге о Маданаманчуке.

41. п у р у ш и — статуи, истуканы.

42. д х а р м а — вера, закон, все, что предписано верой, понимаемое как жизненный долг.

43. Ш р и н г а б х у д ж а — букв. «питающийся рогом».

44. Б х и м а с е н а, Б х и м а — один из пяти братьев-пандавов, героев «Махабхараты», отличавшийся силой и доблестью и особенно искусный в бою на палицах.

45. О т п р а в л я й с я в К а ш м и р...— здесь, как и во многих других местах «Океана сказаний», Сомадева демонстрирует свой кашмирский патриотизм.

46. с е р — мера веса, различающаяся у разных народов Индии, примерно от 0,6 кг до 1,0 кг.

47. В и н а я к а — «предводитель», «вождь», имеется в виду вождь ганов, составляющих свиту Шивы; одно из имен Ганеши.

48. Б х а м а — одна из жен Кришны.

49. ...в о п л о щ е н и е ю н о г о К р и ш н ы, с ы н а Я ш о д ы, п о д н я в ш е г о г о р у Г о в а р д х а н а, д л я т о г о ч т о б ы с п а с т и о т п р о л и в н о г о д о ж д я, н а с л а н н о г о И н д р о й, ж и т е л е й и в с е ж и в ы е с у щ е с т в а в с т р а н е Б р а д ж. И н д р а б ы л р а з ы ж е н т е м, ч т о ж и т е л и э т о й с т р а н ы п е р е с т а л и с о в е р ш а т ь е м у ж е р т в о п р и н о ш е н и я.

50. д в а р а п а л а — младшие божества индуистского пантеона, охраняющие основные и дополнительные страны света (юг, юго-запад, юго-восток, север, северо-запад, северо-восток, запад, восток).

51. д е р е в о в а т а — род смоковницы. Считается, что если его посадить с восточной стороны дома, то все желания домохозяина исполнятся.

52. Н а г а р д ж у н а — знаменитый индийский ученый и философ-буддист, основатель нигилистического учения шуньявада.

53. Ч и р а ю с — букв. «долгий век»; легендарный город долголетия.

54. ...с т а л о н р а в н ы м Б у д д е! — см. прим. 55 к Книге о Маданаманчуке.

55. ...ч т о б ы е е п о р а д о в а т ь, г о л о в у с е б е о т с е ч ь...— форма жертвоприношений, о реальности которой свидетельствуют не только многочисленные на юге скульптурные произведения портретно-мемориального характера, так называемые «хиростоунс», изображающие акт жертвоприношения, но и вполне современный инцидент, происходивший в 1967 г. в Джамшедпуре. В этом промышленном городе два брата-рабочие в надежде, что Шива избавит их от безнадежной задолженности ростовщику, решили отсечь себе головы, будучи уверены, что Шива не только избавит их от долга, но и вернет головы на надлежащее место.

56 ...и там тебе достанется от обеих жен — в «Океане сказаний» заметна тенденция к осуждению многоженства.

57. Канчи — столица древнего царства Паллава, современный город Канчипурам.

58. ...муж, восседающий на павлине... — т. е. Сканда или Картикея, бог войны; на юге его называют Субрахманья.

59. тилак — пятнышко на лбу, наносимое специальной пастой, приготовленной из мела, сандалового масла и какого-либо красителя. Ставится в знак пожелания счастья.

60. Смара — «помнящий», одно из имен Камы, бога любви.

КНИГА О СУРЬЯПРАБХЕ

1. Ваджракута — легендарный город; название его буквально означает «гора из молний».

2. кальпа — см. прим. 181 к Книге о Маданаманчуке.

3. страна мадров — мадры представляли собой одну из наиболее важных народностей древнего Пенджаба; их страна соответствовала примерно территории округа Сиалкот в Западном Пенджабе (Пакистан).

4. Шакала — древний город, столица страны мадров (см. прим. 3); отождествляется с современным городом Сиалкот.

5. Носящий трезубец — один из эпитетов Шивы.

6. дочь царя конканского... — Конкан, страна, охватывавшая территорию нынешнего штата Гоа (Индия) и примыкающие к нему части штата Махараштра вдоль Западных Гхатов.

7. Канчипурам — см. прим. 57 к Книге второй.

8. Лаванака — название страны, возможно район Соляных гор.

9. Чин — древнее индийское название Китая.

10. Шрикантха — мифическая страна.

11. Тамралипти — см. прим. 15 к Книге о Ратнапрабхе.

12. ашва медха — жертвоприношение коня; для его свершения царь отпускал коня свободно пастись и снаряжал войско сопровождать коня. Когда конь вступал на территорию другого царя, тот должен был либо признать над собой суверенитет царя, отправившего коня, либо вступить с ним в войну. По истечении года конь, как предусматривалось ритуалом, должен был быть принесен в жертву. Совершивший сто таких жертвоприношений становился равным Индре. См. также прим. 22 к Книге о Маданаманчуке.

13. Аша дха — имя древнего мудреца.

14. **д а н а в ы** — потомки прародительницы Дану, дочери Дакши. См. прим. 96 к Книге о Маданаманчуке.

15. **б о г**, **в о о р у ж е н н ы й л у к о м** — один из эпитетов Шивы.

16. **Н а р а д а** — древний мудрец, автор ряда ведических гимнов, ученик Брихаспати (см. прим. 154 к Книге о Маданаманчуке); высшее знание он получил от Санаткумары, одного из асуров.

17. **Н а х у ш а** — древний царь, обращенный мудрецом Агастьей в змея (см. прим. 153 к Книге о Маданаманчуке).

18. **Х и р а н ь я к ш а** — «золотоглазый», один из могучих царей дайтьев (см. прим. 96 к Книге о Маданаманчуке), непреклонный враг богов, собиравшийся завоевать небеса и занять трон Индры. Перепуганные боги обратились к Вишну, и тот, приняв облик вепря, боролся с Хираньякшей целую тысячу лет, пока наконец не убил его.

19. **Н а н д и**, **п о в е л и т е л ь б х у т о в и г а н о в** — бык Шивы, повелевающий сопутствующими Шиве мифическими существами.

20. **...в е р н и с ь в с в о е т е л о** — см. прим. 18 и 43 к Книге о Маданаманчуке.

21. **Ч а н д р а б х а г а и И р а в а т и** — реки Ченаб и Рави в Пенджабе.

22. **С а н к х ь я и Й о г а** — две системы древнеиндийской философии, тесно связанные между собой. Санкхья — дуалистическая система, утверждающая существование двух извечных начал — духовного (пуруша) и материального (пракрити), взаимодействие которых и порождает все сущее, являющееся лишь эманацией этих начал. Важная сторона санкхьи — учение о причинности.

Йога, принимая теоретические положения санкхьи, является учением о методах соединения, т. е. йоги, человеческой души (дживатма) с мировой душой (параматма), проявлением которой та выступает.

23. **с и д д х и** — «достижение», имеется в виду достижение индивидуумом сверхчеловеческих способностей (см. прим. 20 к Книге о Ратнапрабхе).

24. **П у ш к а р а** — озеро около г. Аджира (штат Раджастан); на его берегу стоит ныне единственный в Индии храм, посвященный Брахме; в пуранах — один из семи океанов, омывающих землю.

25. **Б о г С м е р т н о г о Ч а с а** — Яма, бог смерти; вместо руки у него удавка.

26. **ц а р ь И к ш в а к у** — один из предков эпического героя Рамы, легендарный царь, сын прародителя Вайвасвата Ману.

27. **м и р б о г о в С а ш и в а** — небо, где главенствует Шива; рай.

28. **Л и л а в а т и** — супруга асура Мая, мать Сунитхи; по ее имени назван древний математический трактат.

29. В и б х и ш а н а — младший брат ракшаса Раваны, перешедший на сторону Рамы.

30. Б а л и — царь из рода асуров; в его стране все люди были счастливы. По этой причине боги стали опасаться, что никто не будет в них верить, и решили погубить Бали. Этот замысел выполнил Вишну, который, зная щедрость и великодушие Бали, обратился в карлика-брахмана и попросил у царя столько земли, сколько он сможет покрыть за три шага. Бали согласился, и тогда Вишну, перешагнув за два шага всю землю, на третьем шагу опустил ногу на голову Бали и низверг его в подземный мир.

31. ...благодаря жертвоприношению Ч а н д р а п р а б х и у зы, на которые обрекли меня боги, ослабли... — Бали возлагает надежды на свое полное освобождение после победы Сурьяпрабхи, которая должна помочь асурам снова возвыситься.

32. второй мир подземный — см. прим. 33 к Книге о Маданаманчуке.

33. г о т р а — род, древняя кровнородственная община.

34. п а н д а л — шатер, устраиваемый из больших кусков ткани, предназначенный для каких-либо общественных целей. Ныне пандалы используются, например, для больших митингов, съездов, конференций.

35. м а д х а в и — лиана с белыми душистыми цветами.

36. г а н д х а р в ы Х а х а и Х у х у — спутники Куберы, бога богатств.

37. Д и т и и Д а н у — прародительницы асуров и богов.

38. С у н д а и У п а с у н д а — братья-асуры, сыновья асура Никумбхи, горячо любившие друг друга. Они были наделены необычайной силой, могли принимать по желанию любой облик. Никто не мог их убить, и только брат мог убить брата. И тогда по воле Брахмы для спасения богов искусный мастер Вишвакарман (см. прим. 182 к Книге о Маданаманчуке) создал совершеннейшую красавицу Тилоттаму. Оба брата вспыхнули к ней страстью, меж ними разгорелась ссора, во время которой они начали драться, пустили в ход палицы и убили друг друга.

39. д о ч е р и Д а к ш и — их имена символизируют некоторые категории, существенные для раннего брахманизма: Шраддха (жертва), Майтри (дружба), Дая (сострадание), Шанти (спокойствие), Тушти (удовлетворенность), Пушти (довольство), Крия (деяние), Уннати (развитие), Буддхи (разумность), Медха (памятливость), Титикша (проницательность), Мурти (воплощение), Сваха (жертва всем богам), Свадха (пища, приносимая в жертву предкам), Сати (даяние).

40. А д и т и — прародительница, давшая жизнь богам, людям и другим живым существам.

41. л о к а п а л ы — божества, охраняющие страны света.

42. М а г х а в а н — «щедрый», одно из имен Индры.

43. ...д о с л и я н и я Ч а н д р а б х а г и и А й р а в а т и — т. е. до слияния Ченаба и Рави.

44. п х а л г у н — месяц индусского календаря, соответствующий периоду с середины февраля до середины марта.

45. Здесь Сомашева обыгрывает имя Брахмагупты, которое означает «находящийся под покровительством Брахмы», но может быть понято и «утаенный от Брахмы».

46. ...с т а л м у д р ы м с и д д х о м — см. прим. 91 к Книге о Маданаманчуке.

47. Я д ж н я в а л к ь я — древний мудрец, автор юридического трактата.

48. ... д а т ь д е й с т в о в а т ь с л о в у и р а з у м у — один из важных принципов, предложенных Каутилей, автором трактата «Артхашастра»; означает стремление достичь целей государственной политики в отношениях с другими государствами прежде всего с помощью дипломатии и только при невозможности достичь желаемого мирными средствами обратиться к войне как к решающему средству.

49. Сны, которые приходят в конце ночи, приносят быстрые плоды — учение о снах было довольно обстоятельно развито у медиков древней Индии. Сны интерпретировались ими как состояние человека, при котором он наиболее близок к его подлинной природе, избавлен от воздействий майи — иллюзии. Предвестие, виденное во сне в конце ночи, считалось наиболее надежным и быстро осуществляющимся.

50. Т р и к у т а — гора, возможно та же, что и современный Тришуль — мифическая гора, в которой запрятано золото и которая населена ракшасами.

51. Д о л г о к о с ы й — один из эпитетов Шивы.

52. к у м б х а н д ы — мифические существа из свиты Куберы (см. прим. 97 к Книге о Маданаманчуке).

53. Л у ч ш е в о с х в а л и м Ш и в у ...т ы с ь я ч ь ю и в о с е м ь ю е г о и м е н а м и — одним из жанров религиозной литературы древней Индии были восхваления того или иного бога при помощи перечисления его эпитетов, число которых могло достигать не только нескольких десятков или сотен, но и тысяч.

54. Н а м у ч и — один из предводителей асуров. Поскольку он не мог быть сражен никаким оружием, Индра смог убить его, только облекши свою ваджру морской пеной.

55. ...каждому из которых на колеснице нужен помощник — без возничего на колесницах вели бой только наиболее искусные воины.

56. бхуты — мифические существа, вселяющиеся в мертвые тела и пожирающие человеческую плоть.

57. восемь праматерей — восемь прародительниц человеческого рода, считающихся аватарами Деви, супруги Шивы: Диргханакха, Диргхаданта, Диргхатунда, Нирмансачатри, Кришнамехганибха, Диргхакеша, Ламбакарна, Ламбапайодхара.

58. плоды приянгу — приянгу, род лианы, цветы которой раскрываются, по поверью, только при прикосновении женщины. Плоды ее отличаются очень нежной кожей.

59. наги — см. прим. 183 к Книге о Маданаманчуке.

60. «метательный диск», «боевая палица» — разновидности боевых порядков для ведения сражения.

61. ...метнув светоносную палицу в небо... — описание различных боевых средств в «Океане сказаний» представляет особый интерес; здесь, например, имеется в виду «осветительное средство», специально предназначавшееся, видимо, для боевых действий ночью.

62. четверо бойцов — названные здесь воины все ведут свое происхождение от планет — Буда — Меркурий, Брихаспати — Юпитер, Шанайшчар — Сатурн, Картикея — Марс.

63. шакха — редакция, вариант; здесь имеются в виду варианты вед, священных книг древних индийцев «Ригведы», «Яджурведы», «Самаведы» и «Атхарваведы». Всего различных вариантов вед насчитывалось некогда 1131: 21 вариант «Ригведы», 1000 — «Самаведы», 9 — «Атхарваведы» и 101 — «Яджурведы».

64. прадьюмна — род метательного оружия.

65. сударшана — род метательного диска с острыми краями и четным количеством шипов на его внешней стороне. Волшебное оружие Вишну.

66. пашупата — неотразимое оружие Шивы.

67. брахмастра — оружие с острыми шипами, окруженными языками пламени.

68. ваджра — см. прим. 20 к Книге о Маданаманчуке.

69. Анашвари — «неувядающая», название гирлянды, надеваемой на невесту при свадьбе.

70. Здесь описан свадебный обряд, совершенный согласно ведическому ритуалу.

71. Ришабха — легендарная гора.

72. джьотпаса — «излучающий свет», название камня.

КНИГА ОБ АЛАНКАРАВАТИ

1. в и д ь я д х а р и — жен. род от «видьядхара»; фея.
2. В ь я с а — легендарный создатель «Махабхараты», древней героической эпопеи индийцев.
3. в а й р а г ь я — отказ от обычной мирской жизни, уход в подвижничество, отвержение мира, понимаемое как одна из добродетелей.
4. ...х о д и л а п о м н о г и м х р а м а м... — паломничество по храмам и святыням составляло существенную часть системы индуизма.
5. ...к а ш м и р с к и е о б и т е л и С в а я м б х у — Кашмир славится храмами и ашрамами (обителями), посвященными Шиве самосущему (С в а я м б х у).
6. ...с л о в н о у ч а к о р... глаза были полны слез — по поверью, чакоры (куропатки), проведя день вместе, на ночь разлучаются; здесь влюбленные уподоблены чакорам, скорбящим перед неминуемой разлукой.
7. П о в е с т ь о Р а м е и С и т е — изложение сюжета древней индийской эпопеи «Рамаяна» у Сомадевы несколько отличается от того, что рассказано у Вальмики, особенно по тональности.
8. Д ж а т а ю — божественный коршун, персонаж «Рамаяны». Именно он сообщает Раме, герою «Рамаяны», о том, что Сита, супруга Рамы, похищена повелителем ракшасов Раваной.
9. ...н е м о ж е т в ы н е с т и б р е м я п о з о р а — душевное состояние Рамы трактуется Сомадевой гораздо ближе по духу к Бхавабхути, драматургу VIII в., который в своей драме «Дальнейшая жизнь Рамы» сосредоточил внимание на противоречии между человеческими чувствами супруга, отца и государственным долгом, когда Рама под влиянием общественного мнения вынужден отправить Ситу в лес.
10. В а л ь м и к и — легендарный автор древней индийской эпопеи «Рамаяна»; он в позднейших произведениях на сюжеты эпопеи принимает и непосредственное участие в описываемых в ней событиях.
11. т и т и б х а — род птицы.
12. п е р е й т и э т о о з е р о д о д р у г о г о б е р е г а — здесь дано изображение примитивной юридической процедуры — так называемого божьего суда.
13. т р а в а к у ш а — трава с жестким стеблем, используемая при устройстве жертвоприношений, при изготовлении примитивной одежды; символ самоотверженности, пренебрежения мирской жизнью.
14. л и н г а м — фаллос Шивы, служащий объектом поклонения.
15. м а н д а р а — коралловое дерево, одно из пяти деревьев рая.
16. С т о и т в ю ж н ы х к р а я х г о р о д , з о в у щ и й с я П р а -

тиштхана... — южные края, т. е. Дакшинапатха, у Сомадэвы определяется главным образом по отношению к Кашмиру. Здесь имеется в виду г. Тханесар, бывший в VII в. столицей государства императора Харши, а не Пайтхан, столица государства Сатаваханы, с которой иногда пытаются отождествить Пратиштхану.

17. Муктипура — мифический остров.

18. Патрапура — мифический город.

19. чакора — см. прим. 6.

20. раджпут — здесь воин; вообще под этим термином имеются в виду представители народностей, переселившиеся в Северо-Западную Индию в середине I тысячелетия н. э. и легшие в основу современного народа раджастхани.

21. ...войско бхилов... — бхилы — народность, населяющая смежные районы Гуджарата, Раджастхана, Мадхья Прадеша и Махараштры.

22. ...полчища кауравов — одна из враждующих сторон в битве, описанной в древнеиндийской эпосе «Махабхарата».

23. десять стран света — четыре основных румба, четыре промежуточных, зенит и надир.

24. Смара — одно из имен бога любви Камы. Против его стрел могут устоять только богиня мудрости Сарасвати, бог войны Сканд и Будда, сумевший одолеть все человеческие страсти.

25. семистрелый бог — Кама, бог любви.

26. ...со свадебным шнуром через плечо — для предотвращения несчастий жених надевает во время свадьбы специальный шнур.

27. Когда же зерно было брошено в огонь... — во время свадебного обряда в огонь сыплют зерна риса или пшеницы.

28. Маданапура — мифический город.

29. Шурапура — мифический город.

30. пратихара — церемониймейстер, один из наиболее высоких придворных чинов.

31. антахпур — женская часть дворца, гарем.

32. Чамунда — одна из ипостасей Девы, супруги Шивы.

33. Кхадгасиддха — обладающий мечом; здесь — другое имя Дживадатты, полученное им в другом перерождении.

34. Шарва — «убивающий стрелой», «разрушитель», одно из имен Шивы.

35. Харивара — мифический город.

36. Виёгапура — мифический город, название которого означает «город разлуки».

37. обитель Бадарика — Бадринатх, одна из наиболее священных тиртх, мест паломничества, посвященных Шиве.

38. Суварнабхуми — древнее название Бирмы.

39. Сагарапура — букв. «морской город».

40. корнак — слоновожатый, погонщик слона.

41. сад Нандана — небо Индры (см. прим. 19 к Книге о Маданаманчуке).

42. ...в Праягу, где сливаются Ганга и Ямуна... — Праяга (ныне Аллахабад) стоит у слияния Ганга и Джамны. Само слияние почитается как особо святое место, и там регулярно устраиваются грандиозные празднества кумбхмела и ардхакумбхмела, привлекающие миллионы паломников.

43. карпатика — оборванец, нищий; также странствующий монах.

44. Лакшапура — мифический город, «город богатств».

45. дхоти — род мужской одежды; состоит из длинного куска ткани, обматываемой вокруг бедер на манер штанов и закрепляемой у пояса.

46. Викарапура — мифический город, «город мужества».

47. Малава — страна, лежащая между Гуджаратом и Джамна-Гангским доабом.

48. Чандика — одно из имен Чамунды, ипостаси супруги Шивы.

49. В молитве Виравары перечислены наиболее распространенные имена и эпитеты Чандики, в том числе и те, в соответствии с которыми именно она — создательница мира, превосходящая старшинством самого Шиву.

50. патта — почетный тюрбан, повязываемый при каком-либо пожаловании; жалованная грамота.

51. божественному супругу дарительницы счастья — т. е. Вишну, супругу богини счастья Лакшми.

52. совершенному воплощению шести царственных добродетелей — автор древнего политического трактата «Артхашастра» Каутилья считал, что «мир и труд являются основами благополучия» и что «основами для мира и труда являются шесть методов политики», которые здесь и имеются в виду, т. е. «мир, война, выжидательное положение, наступление, искание защиты и двойственная политика».

53. Матали — колесничий Индры.

54. Кокосовый остров — мифический остров; возможна идентификация с Никобарскими островами.

55. Майнака, Вришабха — мифические горы.

56. карникара — дерево, цветы которого не имеют запаха.

57. киннара — мифическое существо с человеческой головой и телом лошади, кентавр.

58. Харшапура — мифический город, «город радости».

59. Каутукапура — мифический город, «город любопытства».

60. дарбха — жесткая, с острыми листьями трава.

61. чарпай — см. прим. 157 к Книге о Маданаманчуке.

62. принес жертву Шиве шестьюдесятью восемью именами святых мест, приносящих исполнение желаний и уничтожающих грехи — имеются в виду места тела Шивы, почитание которых доставляет верующему особую заслугу.

63. словно Великий Вепрь в океан — после того как Вишну в ипостаси вепря убил Хираньякшу, он на своих клыках поднял землю со дна океана и держал ее над водой (см. также прим. 18 к Книге о Сурьяпрабхе).

64. Канакапура — мифический город, «золотой город».

65. Васуки — царь змей, который во время пахтания молочного океана богами и асурами служил веревкой, с помощью которой они двигали мутовку — гору Мандара. См. прим. 3 к Книге о Маданаманчуке.

66. Мара — одно из имен бога любви Камы.

67. чоли — род блузки, завязывающейся или застегивающейся спереди.

68. в Видарбхийских краях — т. е. в стране Видарбха к югу от р. Тапти.

69. кадали — см. прим. 160 к Книге о Маданаманчуке.

70. Манматха — см. прим. 77 к Книге о Маданаманчуке.

71. шабары — варварское племя, часто отождествляемое с бхилами.

72. Рукмини — возлюбленная Кришны, аватара Лакшми, богини счастья (см. прим. 66 к Книге о Маданаманчуке).

73. кокил — род индийской кукушки; в индийской поэзии — певец любви.

74. В тексте «Океана сказаний» это стихотворение приведено на средневековом языке апабхрانشа, а не на санскрите.

75. кшапанака — буддийский или джайнский монах.

76. сказитель «Рамаяны» — рецитация эпоса была особой профессией, причем по каждой из великих эпопей были свои собственные гильдии — касты сказителей.

77. нагини — наги — народ, тотемом которого был нага, змей. В памятниках древней индийской литературы наги изображаются как высокоразвитый, умный народ, владеющий волшебными знаниями.

78. повелитель Кумара — т. е. бог войны Сканда.

79. Ганеша — один из популярнейших богов индуизма, устранитель препятствий, бог мудрости, сын Шивы и Парвати. В молитве Ганеше содержится и портрет Ганеши и наиболее характерные из его эпитетов и имен.

80. обряд «вираветала» — магический обряд, доставлявший совершавшему его сверхчеловеческие способности передвигаться по воздуху, становиться невидимым и т. п.

81. шабара — см. прим. 71.

82. Тарапур — мифический город.

83. бхилы — см. прим. 71.

84. Все приводимые здесь географические названия имеют главным образом литературный смысл, хотя и могут быть идентифицированы с известной степенью достоверности.

85. Нараяни — одно из имен Деви, супруги Шивы.

86. аграхара — деревня или группа деревень, даваемые брахману в кормление.

87. Великие Матери — см. прим. 57 к Книге о Сурьяпрабхе.

88. Сурапура — мифический город.

89. танец тандава — собственно космическая пляска Шивы, сокрушающая мир; здесь — в переносном смысле.

90. Дхавала — «белокаменный».

91. озеро Манаса — озеро Манасаровар в Тибете, из которого берет свое начало р. Инд. Близ него находится также исток другой великой реки Азии — Брахмапутры.

92. Трибхувана — букв. «три мира».

93. пашупата — подвижник-шиваит.

94. Сказание о Нале и Дамаянти — сюжет, хорошо известный по «Махабхарате». Это сказание неоднократно переводилось на европейские языки, в том числе В. А. Жуковским на русский язык. В «Океане сказаний» этот сюжет обострен за счет усиления некоторых комических черт ситуации и большей приземленности стиля.

95. нишады — один из народов древней Индии, населявший район гор Виндхья.

96. враг Трипуры — т. е. Шива. С разрешения Брахмы асур Май построил три города — Железный, Серебряный и Золотой, передвигавшиеся в поднебесье, и отдал их во власть трем сыновьям асура Тараки — Таракше, Камалакше, Видьютмале, которые и известны под именем Трипура. Май предупреждал их при этом, чтобы они не ссорились с богами. Они, однако, не послушались его совета, и к тому же боги, продолжавшие ненавидеть асуров, искали повода для ссоры. Но пока

жители этих трех городов руководствовались добродетелью, они оставались неуязвимы. Поэтому, как рассказывается в «Матсьяпуране», Вишну, приняв облик Будды, сначала распространил там неверие, а затем боги начали войну против этих трех городов, во время которой Шива уничтожил города и властвовавших в них трех асуров.

97. сваямвара — избрание девушкой жениха, нечто вроде помолвки. Обряд сваямвара состоял в том, что девушка надевала на шею избраннику гирлянду цветов.

98. ...из тех тридцати двух, кто никогда не умирает... — имеются в виду ведические боги, которые ко времени создания этого сюжета явно утратили свое прежнее значение.

99. Кали и Двапара — олицетворение двух мировых эпох, в которые, согласно индусским поверьям, наступает всеобщий упадок. Здесь это олицетворение использовано для создания образов двух мощенников, воплотивших в себе наихудшие пороки.

100. стебли дарбхи — см. прим. 60.

101. страна ангов — примерно соответствует восточной части нынешнего штата Бихар.

102. страна кошалов — см. прим. 36 к Книге о Маданаманчуке.

103. Каркота — царь змей. Он был обречен проклятием мудреца Нарады на гибель в огне, но был спасен Налем.

КНИГА О ШАКТИЯШЕ

1. Херамба — «обжора», один из эпитетов Ганеши (см. прим. 5 к Книге о Маданаманчуке).

2. третий глаз Шивы — см. прим. 64 к Книге о Маданаманчуке.

3. Повелителя трех городов — см. прим. 96 к Книге об Аланкаравати.

4. Нарасинха — человеколев, ипостась Вишну, которую он принял для того, чтобы сразить дайтью Хираньякашипу, которого не могли убить ни люди, ни звери. Сын Хираньякашипу — Прахлада стал поклоняться Вишну. Отец, разгневанный непослушанием сына, спросил его, почему он стал поклоняться Вишну, который и не всемогущ, поскольку не может убить его, Хираньякашипу, и не вездесущ, поскольку нет его, например, в колонне. С этими словами Хираньякашипу ударил по колонне ногой, и тотчас же из нее явился в образе Нарасинхи, человекольва, сам Вишну и растерзал Хираньякашипу, поскольку в этом случае он не был ни человеком, ни зверем.

5. Хираньякашипу — см. прим. 4.

6. Ишвара — одно из имен Шивы.

7. Подлинная исполнительница желаний — обезьяна уподоблена здесь божественной корове Сурабхи, носившей прозвище исполнительницы желаний.

8. пакша — половина лунного месяца, четырнадцать дней.

9. «Повесть о царе Суманасе и о Мукталате, девушке из племени нишадов» была использована классиком древнеиндийской прозы Баной для его романа «Кадамбари».

10. пратихара — см прим. 30 к Книге об Аланкаравати.

11. дерево рохини — под этим именем могут подразумеваться разные деревья с большой, раскидистой кроной — манго, баньян, платан и др.

12. ...брахманы, рождающиеся, подобно птицам, дважды — проведенная здесь параллель состоит в том, что подобно тому как птица сначала откладывает яйцо, а уже затем из яйца вылупляется птенец, так и брахман — сначала рождается как все люди, а затем, во время церемонии упанаяна, во время которой на него надевается брахманский шнур, он рождается вторично.

13. бхилы — см. прим. 21 к Книге об Аланкаравати.

14. пулинды — одно из центрально-индийских племен раннего средневековья; в литературе часто этот термин употребляется синонимически шабарам, бхиллам и некоторым другим.

15. кабары — порода антилопы.

16. Маричи — один из праджапати, прародителей человеческого рода (см. прим. 176 к Книге о Маданаманчуге).

17. Пуластья — один из праджапати, прародителей человеческого рода (см. прим. 176 к Книге о Маданаманчуге).

18. Ратнакара — возможно, город Ратнагири на территории нынешнего штата Махараштра.

19. Ашущрава — легендарный конь, сын Уччайшраваса, добытого во время пахтания океана богами и асурами (см. прим. 3 к Книге о Маданаманчуге).

20. киннара — птицелюди, мифические существа с человеческим телом и птичьими лапами и крыльями; входят в свиту бога богатств Куберы.

21. Канчанабха — букв. «блеск золота».

22. «Повесть о льве и быке» начинается собой включенный в состав «Океана сказаний» текст «Панчатантры», расчлененный внутри данной книги на отдельные циклы. Текст Сомадевы весьма близок к тому, который послужил для Ибн аль-Мукаффы оригиналом для перевода на арабский язык, известного под именем «Калила и Димна».

23. дерево шалмали — род тутового дерева.

24. В а й н а т е я — одно из имен Гаруды, ваханы Вишну (см. прим. 13 и 39 к Книге о Ратнапрабхе).
25. К а н ь я к у б д ж а — название города и древнего царства; ныне г. Канаудж на Ганге несколько севернее Канпура.
26. К а р н а т а — древнее название Карнатака, страны, заселенной народом каннара; совпадает с большей частью штата Майсор и юго-западной частью штата Андхра.
27. д е р е в о н ь я г р о д х а — священный баньян, иногда — фиговая пальма.
28. ч а р п а й — см. прим. 157 к Книге об Аланкаравати.
29. Сомадева не упускает возможности снова и снова прославить свою родину, подчеркнуть свои патриотические чувства.
30. А ч ь ю т а — «неколебимый», эпитет Вишну.
31. о б р я д у п о ш а н а — пост, одна из важных составных частей индуистского ритуала.
32. у д у м б а р а — фиговая пальма.
33. п а н а — денежная единица, стоимость которой в разные времена менялась, как менялся и ее размер — есть золотые пана величиной с зерно чечевицы.
34. м а х у р а т — церемония, предвещающая какое-либо действие, например открытие предприятия, вселение в новый дом, спектакль и т. п.
35. л а н г у р ы — порода обезьян, распространенная в Индии, особенно в северных районах.
36. а б х и р ы — народ в древней Индии. К концу I тысячелетия н. э. утратил свое значение, и в рассказе о ловкой крестьянке и глупом абхире, как и в ряде других мест «Океана сказаний», отразилось падение значения абхиров в политической и культурной жизни. Ныне абхиры-ахиры — каста этнического происхождения, распространенная по всей Северо-Западной Индии вплоть до Бихара и поставляющая пастухов, огородников и т. п.
- 36а. К а р п а р а — слово «карпара» в санскрите означает «горшок». Таким образом, здесь имя друга Гхаты просто обыгрывается.
37. Ч а н д и — «гневная», одно из имен супруги Шивы.
38. й о г — подвижник, аскет, придерживающийся философии йоги; см. прим. 22 к Книге о Сурьяпрабхе.
39. в о п л о щ е н и е б о д х и с а т т в ы — см. прим. 55 к Книге о Маданаманчуге.
40. п и ш а ч и — мифологический и этнический термин, обозначавший автохтонные племена Северо-Западной Индии.
41. п и н д ж а р а к а — род лютни.

42. страна Такка — древнее название равнинной части Пенджаба.

43. модака — сладости вообще, сладкие пирожки.

44. обитель наук и справедливости Кашмир — в VII—XII вв. Кашмир славился как центр культуры и учености, куда стремились попасть учиться молодые люди из всех других частей Индии.

45. Амареша — «повелитель богов», эпитет Индры, иногда также Шивы и Вишну. В данном случае — эпитет Шивы..

46. Паталипутра — см. прим. 106 к Книге о Маданаманчуке.

47. Шамбху — «милостивый», эпитет Шивы.

48. муж, держащий в руках чакру и палицу — т. е. Вишну, обязательными атрибутами которого являются эти два предмета (см. также прим. 3 к Книге о Маданаманчуке).

49. о плуте, выдававшем себя за министра — история плута, ставшего министром, имеет аналогии у таких авторов, как Кшемендра (в его сатирах) и Калхана (в его знаменитой хронике «Река царей», отличающейся документальной достоверностью).

50. подобно тому, кто, выкапывая колодец, смывает свой грех — устройство колодца рассматривалось и рассматривается в Индии как добродетельный поступок, являющийся и религиозной заслугой, избавляющей от грехов.

51. супруг Амбик — т. е. Шива.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИТАТЕЛЮ — ПЕРЕВОДЧИК	5
КНИГА О МАДАНАМАНЧУКЕ	6
КНИГА О РАТНАПРАБХЕ	92
КНИГА О СУРЬЯПРАБХЕ	180
КНИГА ОБ АЛАНКАРАВАТИ	266
КНИГА О ШАКТИЯШЕ	360
«ОКЕАН СКАЗАНИЙ» (И. Д. Серебряков)	493
ПРИМЕЧАНИЯ	508

СОМАДЕВА

Необычайные похождения
царевича Нараваханадатты

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Н. Н. Тихонравова

Младший редактор Н. И. Иванова

Художественный редактор Э. Л. Эрман

Технический редактор С. В. Цветкова

Корректоры В. В. Воловик
и Л. И. Письман

Сдано в набор 20/IX 1971 г.

Подписано к печати 3/VII 1972 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага № 2.

Печ. л. 34,0. Усл. печ. л. 31,62.

Уч.-изд. л. 30,02. Тираж 15 000 экз.

Изд. № 2796. Зак. № 801.

Цена 1 р. 71 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

- С61** **Сомадева** Необычайные похождения царевича Нараваханатты. Перевод с санскр., послесловие и примечания И. Д. Серебрякова. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972.

540 с.

Роман Сомадевы, кашмирского поэта XI в., представляет собой часть (VI—X книги) созданного им замечательного сказочного эпоса «Океан сказаний». Используя все богатство повествовательной литературы древней Индии, Сомадева создал произведение, прославляющее возможности человеческого разума. I—V книги «Океана сказаний» были опубликованы в 1967 г. под названием «Повесть о царе Удаяне» в переводе П. А. Гринцера и И. Д. Серебрякова.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Вышли в 1972 году

МАСШТАКОВА Е. И. *Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе (XV—XVII вв.)*. 13 л.

РЯУЗОВА Е. А. *Португалоязычные литературы Африки*. 16 л.

ЧЕРКАССКИЙ Л. Е. *Новая китайская поэзия (20-е — 30-е годы)* 26 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117463, Москва В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига»

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут в 1972 году

ДАВИДСОН А. Б. *Южная Африка. Становление сил протеста.* 35 л.

МАРТЫШИН О. В. *Социализм и национализм в Африке (очерки развития общественно-политической мысли).* 20 л.

РУМЯНЦЕВ М. А. *Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна».* 19 л.

Современный Китай. Социально-экономические проблемы. 18 л.

Экономика независимых стран Африки. 25 л.

Экономическая политика и государственный капитализм в странах Востока. 30 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117463, Москва В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига»

Сома
дева

НЕ
ОБЫ
ЧАЙ
НЫЕ
ПО
ХОЖ
ДЕ
НИЯ
царе
вича
НАРА
ВА
ХАНА
ДАТ
ТЫ